

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 5/15/75 d. 153

ФЕВРАЛЬ

1879

ДѢЛО

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

№ 2.

ИЗДАНИЕ
И. ГИМНА
ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. БЕРЕГЪ МОРЯ. Романъ изъ крымской жизни, въ двухъ частяхъ. (Часть I. Гл. VI—X) В. Л. МАРКОВА.
2. СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА (Окончаніе). С. С. ШАШКОВА.
3. ПРЕКРАСНАЯ МОГИЛА. Стихотвореніе И. Я.
4. ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ. Романъ. (Часть I. Гл. III—V.) И. СЕВЕРИНА.
5. КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДЕМОНИЗМА. (Ст. вторая). Л. И. МЕЧНИКОВА.
6. ПЛАУКЪ. Стихотвореніе И. Я.
7. ТАЙНА БАЛЬДЫ. Романъ. (Глава XIII—XXIII) А. МАТТЕН.
8. КЛОДЪ БЕРНАРЪ С. ПОДОЛИНСКАГО.

(См. на оборотѣ.)

9. ГОСПОЖА АНДРЕ. Романъ. (Гл. I—VII). ЖАНА РИШПЭА.
10. ОСЕННИЙ СОНЕТЪ. Стихотвореніе. С. А. АДРЕВСКАГО.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

11. ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НОВАГО ВРЕМЕНИ Н. БАСАРДИНА.
12. НОВЫЯ КНИГИ

Очерки Цейлона и Индіи. Н. П. Минаева. Изъ путевыхъ замѣтокъ русскаго. Въ 2-хъ частяхъ. Спб., 1878.—Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ воспитанія. С. П. Кривенко. Спб., 1879.—Жизнь Робинзона. Составилъ Н. Блиновъ. Спб., 1879. — Гроза. Романъ изъ послѣдней войны. В. И. Немировича-Данченко. Спб., 1879.

13. ЧУМА Д-РА А. Г. ПОЛОТЕБЬОВА.
14. АНГЛІЯ И АВГАНІСТАНЪ В. Н. ИСПОЛТОВА.
15. ПЕРМСКОЕ ЗЕМСТВО. (Ст. вторая). Ч. II.
16. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. И. Ш.

Какъ Боккачіо описываетъ чуму.—И черезъ 500 лѣтъ все то-же.—Разногласіе мнѣній.—Карантинная система.—Идеальный проектъ д-ра Чудновскаго и его увеселительный лагерь.—Медицина, врачующая идеальнаго больного.—Что-же дѣлать?—Практическое мнѣніе московскихъ врачей.—Что знаетъ народъ о чумѣ, и чѣмъ онъ можетъ полатиться за незнаніе.—Просвѣщающая роль священниковъ, и могутъ-ли они при разногласіи мнѣній быть полезными?—Необходимость изданія правительствомъ общаго, одинаковаго и обязательнаго руководства.—Общественное значеніе петербургскаго идеализма и общественный урокъ, который намъ даетъ чума.—Нѣсколько словъ изъ аристократизма банка взаимнаго поземельнаго кредита.

17. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ОТБРОВЕННАГО ПИСАТЕЛЯ.

Новая внутренняя „Плевна“. — Почему мы такъ вдругъ испугались и стали чиститься. — Суета въ городахъ. — Рѣчь одесскаго градоначальника. — Кореспонденціи послѣднихъ дней. — Знакомство съ „вататой“, „тузлукомъ“ и „золотой ротой“. — Ликование корреспондентовъ объ арестахъ гнилой рыбы. — Какъ думаетъ объ этомъ предметъ некультурный чело-вѣкъ. — Суета городовъ и безмолвіе деревни. — Телеграма въ защиту каспійской рыбы. — Остроумная выходка желѣзнодорожной комисіи. — Новая „плевна“, открытая „Моск. Вѣдомостями“. — Процессъ въ Рязскѣ. — Дѣло Юханцева.

18. ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“ ВЪ 1879 ГОДУ.

О ПОДПИСКѢ
НА
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1879 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ издаваться въ 1879 году, при постоянномъ участіи прежнихъ его сотрудниковъ, въ томъ-же направленіи и по той-же программѣ, какъ и въ прошлыя двѣнадцать лѣтъ.

Годовое изданіе журнала „Дѣло“ состоитъ изъ *двенадцати* книгъ, отъ 30—32 листовъ каждая, большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки 14 р. 50 к.
съ дост. въ Петербургъ 15 р. 50 к.
съ пересылкой многогороднимъ . . . 16 р. „

ЗА-ГРАНИЦУ ВО ВСѢ ГОСУДАРСТВА. . 19 р.

Въ Петербургѣ просить адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „Дѣло“, по Надеждинской ул., д. № 39.

Еженедѣльное „Новое Время“.

Еженедѣльное „Новое Время“, еженедѣльный литературно-научный журнал, издаваніе А. С. Суворина. Цѣна 4 р. за годъ и 2 р. за полгода для всѣхъ; для подписчиковъ ежедневнаго „Новаго Времени“ 3 р. за годъ и 1 р. за треть года, съ перес. и дост.

Еженедѣльное „Новое Время“, ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ литературно-научный журнал, издаваемый А. С. Суворинимъ; съ марта настоящаго года по январь будущаго выйдеть 52 номера, каждый въ два печатныхъ листа, равняющихся по объему почти четыремъ листамъ еженедѣльныхъ журналовъ, въ форматѣ „Вѣстника Европы“, въ два столбца. Въ журналѣ будутъ помѣщаться романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, мемуары, историческіе очерки и рассказы, біографіи, путешествія, научныя статьи, замѣчательныя иностранныя процессы и проч. Подписчики адресуются въ С.-Петербургъ, въ книжный магазинъ „Новаго Времени“, Невскій. № 60: для подписчиковъ **ЕЖЕДНЕВНАГО „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ ТРИ** рубля въ годъ, **ОДИНЪ** рубль за треть года, **ДВА** рубля за двѣ трети; для неподписчиковъ **ЧЕТЫРЕ** рубля въ годъ и **ДВА** рубля за полгода, съ перес. и дост. На другіе сроки подписка не принимается.

Съ первыхъ номеровъ мы начнемъ печатать **ЦАРЬ** и **ГЕТМАНЪ** (Петръ и Мазепа), историческій романъ въ 2 част. Д. Л. Мордовцева; **НАКАЗАНІЕ**, романъ Э. Зола; **БѢЖЕНКА**, рассказъ В. И. Немировича-Данченко; **ЖЕНСКІЕ ОБРАЗЫ** и **ТѢНИ**, рядъ рассказовъ Отжившаго; **НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ** И. Ф. Горбунова; **КУПЕЧЕСКАЯ КАРЬЕРА**, рассказъ Н. Максимова; **ПО БОСНИИ**, очерки П. Ровинскаго; **ГАЛЛЮЦИНАТЪ**, рассказъ Бѣженина; **КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЖСКАЯ** и **КНЯЗЬ РЕПНИНЪ** (изъ записокъ герцога Лозена); **ИСТОРИЯ** и **ФАНТАЗІЯ**, рядъ рассказовъ К. К. Случевского и проч. и проч.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.
1879.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные годовые экземпляры „ДѢЛА“ за послѣдніе три года можно приобрести въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1876 годъ съ пересылкою	7 р.
За 1877 годъ	” 10 р.
За 1878 годъ	” 12 р.

Отдѣльные номера журнала съ пересыл.
по 2 р.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 февраля 1879 года.

БЕРЕГЪ МОРЯ.

РОМАНЪ ИЗЪ КРЫМСКОЙ ЖИЗНИ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VI.

С в и т ь С у у к ъ - С у .

Раннимъ-рано въѣхалъ Сергѣй съ Свириденкой въ тѣнистую, зеленую область бѣжъ-ташскихъ лѣсовъ. Необыкновенною бодростью и какою-то дѣтскою, беззаботною радостью былъ полонъ Сергѣй, очутившись въ таинственныхъ сѣняхъ горнаго лѣса, верхомъ на своемъ Магометѣ; Магометъ даже въ гору шель спокойнымъ и скорымъ „аяномъ“, нигдѣ съ него не сбиваясь, покачивая всадника мягко и равномерно, будто ребенка въ колыбели. Только крымская лошадь ходитъ этою чудной „ходомъ“, и только крымскій всадникъ, имѣющій дѣло съ тропинками скалъ, съ постоянными горными спусками и подъемами, способенъ оцѣнить эту ни съ чѣмъ несравнимую „ходу“.

Давно уже оставили наши всадники область послѣднихъ горныхъ деревень, табачныхъ плантацій, орѣховыхъ садовъ; теперь они взобрались въ страну альпійскихъ пастбищъ Крыма, на темнѣхъ вѣчно сочныхъ и вѣчно свѣжихъ плоскогорій, которыя крымскій татаринъ называетъ яйлоу, и на заоблачныхъ пустыняхъ которыхъ проводятъ лѣто его полуодичавшія стада и его полудикіе чабаны въ острогонечныхъ шапкахъ, съ ножами у пояса, съ самодѣльными копыями въ рукѣ...

Когда равнина ялы, понижаясь мягкими, круглыми чашами, наливаетъ лѣсомъ эти обширныя котловины свои,—очарованію путника нѣтъ предѣла... Древніе, сѣдые лѣса, замшившіеся, какъ столѣтніе старцы, лѣса сѣраго бука, граба и дуба, разстилаютъ свои сплошныя безмолвныя своды далеко и широко кругомъ. Священный ужасъ и торжественная тишина алтаря почіютъ подъ этими сводами, среди неисчислимыхъ полчищъ столбовъ, среди безконечныхъ колонадъ и галерей этого великаго горняго храма... Безшумно ступаетъ по глубокимъ коврамъ опадшаго листа лошадь очарованнаго путника... Безшумно появляется въ живописной прогалинѣ чуткая головка дикой козы и глядитъ въ изумленіи на нарушителя лѣсной тишины встревоженнымъ и недоумѣвающимъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ... Даже солнечный лучъ не смѣетъ провикнуть въ пустынное святилище... Тисячью шатающихся и мигающихъ глазковъ перепалзываетъ онъ по стволамъ и листьямъ, окрашенный въ зеленое золото, измельченный въ кружево, точно сквозь разноцвѣтныя, стрѣльчатые своды готическаго храма... И птицы не поютъ подъ строгими, величественными арками заоблачнаго святилища... Только журчанье горнаго ручья, какъ шопотъ радостной дѣтской молитвы, тихо звенитъ въ его сводахъ.

Человѣку не говорится въ такомъ лѣсу. Человѣкъ созерцаетъ и наполняется нѣмымъ благоговѣніемъ. Онъ чувствуетъ таинственное присутствіе высшей силы, той самой вѣчной, зиждущей силы, которая даетъ жизнь морской безднѣ и вѣтрамъ поднебеснымъ, которая ростиетъ и плодотворитъ скота и человѣка. Даже Свириденко, съ его равнодушіемъ малороссійскаго чумака, и тотъ охваченъ несовѣмъ обычнымъ настроеніемъ духа, и тотъ смутно чувствуетъ, что кругомъ что-то слишкомъ торжественное и слишкомъ прекрасное. И хотя онъ тутъ, какъ вездѣ, покуриваетъ свою черешневую трубочку и сплевываетъ на сторону, однако, дѣлаетъ это не съ обычной увѣренностью, а словно тайкомъ и немного стыдась, словно боится, чтобы кто не увидалъ его, словно самъ понимаетъ, какъ непристойны подъ сводами этого великаго святилища его плевки и его махорка.

А Сергѣй ѣдетъ, широко впивая въ себя всю дѣвственную красоту, все пустынное величіе вѣковаго лѣса.

Это наполненіе сердца красотой и радостью природы есть

вышая молитва, хотя она не нуждается ни въ благочестивыхъ словахъ, ни въ благочестивыхъ движеніяхъ.

Лучше и чище дѣлается самъ человекъ въ области горныхъ лѣсовъ. Словно, вмѣсто вялой и душной атмосферы своего давно насижаннаго жилья, онъ купается въ освѣжающей влагѣ ключевыхъ водъ. Легче дышется, задумчивѣе чувствуется, свѣтлѣе думается ему подъ вѣянемъ зеленыхъ шатровъ бука, высоко надъ землею, далеко отъ земли, въ царствѣ облаковъ и орловъ.

Иногда прерывались на нѣсколько минутъ сѣни лѣсовъ, разступались неожиданно вѣковые кряжистые великаны, и поляны зеленой травы, затѣянныя яркими цвѣтами крымскихъ орхидей, руты, розоваго горошка, такія-же пустынные, такія-же безмолвныя, радовали глазъ путника послѣ суровой полутыни лѣса.

Это были „чаиры“, лѣсные сѣнокосы татаръ.

Область лѣсовъ кончалась у плоскаго темени яйлы, и необходимо было перевалить черезъ голую заоблачную равнину, когдѣ усталую ползучими можжевельными кустами и мелкою порослю дикаго миндаля, которую швейцарцы прозываютъ Альпійскою розой.

Караванъ легкихъ какъ дымки, клубящихся, какъ паръ, облаковъ проносился въ эту минуту вдоль гребня яйлы, задѣвая по дорогѣ за изгладанные утесы и оставляя на нихъ свои бѣлыя волнующіяся клочья, какъ улику ихъ разбойническаго набѣга.

— Эй, москаль, не отставай! крикнулъ встревоженно Свириденко, подгоняя нагайкою коня.—Заразъ сгубишь и себя, и коня... Ишь, какая бисова хмара наскочила... Да и гонить-же швидко...

— Вы сами-то подъ ноги глядите, панъ Сагайдачный, отвѣчалъ Сергѣй не менѣе озабоченнымъ голосомъ,—теперь бѣда: живо въ пропасти будемъ... Застилаетъ глаза—словно въ кубанѣ молока сидишь... Ужь не остановиться-ли лучше? ихъ живо пронесетъ...

— Ни-ни!.. Я тутъ каждый камушекъ знаю... Держись за мною... Нешто перегодишь такую бисову хмару? То бись съ вѣдьмой свадьбу справляетъ! Вона, вона!

— Эй, панъ, не уничайте!.. Татаринъ на что горы знаетъ, а никогда въ облака не поѣдетъ... Заведете вы насъ къ чорту на кулички!..

— А що-жь? туда и дорога! не улыбнувшись, отвѣчалъ Свириденко, еще больше согнувшись на своемъ высокомъ татарскомъ сѣдлѣ и пристально шурясь на дорогу опытными, маленькими глазами.

Однако, черезъ полчаса пришлось остановиться, потому что лошадь Свириденки вдругъ разомъ уперлась передними ногами и испуганно попыталась назадъ... Сквозь прорву быстро пробѣгавшаго облака зѣвнула на мгновенье черная часть какого-то провала...

— Отто бисова хмара! Сказаль, що бисова... сердито бормоталь про себя Свириденко. — Теперь шабашъ—ни туды, ни сюды!..

Онъ досталь изъ кармана свою неразлучную трубочку съ ксетою и, тотчасъ-же успокоившись, сталъ ее набивать махоркою, глубоко вдавливая табакъ своимъ огромнымъ пальцемъ...

— А что, панъ?.. Далеко уѣхали? дразнилъ его подѣхавшій Сергѣй.

— Хйба-жь не у самое пекло! отвѣчалъ по-прежнему, не улыбаясь, Свириденко, весь погруженный теперь въ раскуриванье своей трубочки.

— А я-было тоже хорошо попался, чуточку лѣвѣе вашего взялъ, — показалось, тропинка — хлопъ! лошадь, какъ въ воду, провалилась... въ можжевельный кустъ; застлаль яму — ничего не видно, а яма аршина два глубиной... Всѣ ноги Магометъ изрѣзалъ...

— Сказаль вамъ, за мной держите... тономъ наставника зашѣтилъ Свириденко. — А, бисова филя!.. задуваетъ... Огню выкрошить не даетъ... никакъ люльки не запалишь!..

Облака прошли черезъ добрыхъ 1½ часа, такъ-что Свириденко успѣлъ выкурить не менѣе трехъ лозекъ и наругался впередъ за три дня.

Но только-что наши путники стали осторожно спускаться по каменнымъ, известковымъ порогамъ по ту сторону яйлы, чтобы опять вступить въ темнѣвшее внизу сплошное море лѣсовъ, которыми обросли, какъ волосами, гребни и пирамиды горъ, подлиравшія яйлу, какъ они попали опять въ облако своего рода... Отара бѣлыхъ овецъ, тысячъ въ пять головъ, вдругъ стала стекать вокругъ нихъ съ вершины яйлы. Овцы лились, какъ вода,

однообразною, сплошною скатертью, мерцавъ въ глазахъ своими безъ конца смѣняющимися бѣлыми волнами по бѣлому известняку, такъ-что у Сергѣя стала слегка кружиться голова, какъ среди настоящаго водопада...

А спускъ и безъ того былъ такъ крутъ, обрѣвистъ и опасенъ, что привычная лошадь Свириденки ежеминутно садилась назадъ и скользила, какъ на салазкахъ, на своихъ плоскихъ подковахъ, будучи уже не въ силахъ переступать ногами...

Молодые чобанята, загорѣлые, черноглазые, всѣ зашитые въ шкуры, съ талисманами черезъ плечо, съ ножами за поясомъ, проворно и смѣло, какъ козы, бѣжали съ этой кручи, среди своего стада, неистово крича на овецъ, перепрыгивая черезъ камни своими крѣпкими, какъ камень, ножонками, обутыми въ буйволовыя сандалии, и на-лету подпираясь длинными посохами съ желѣзными остріемъ...

— Господи! куда это вы завели насъ? въ недоумѣніи спрашивалъ Сергѣй. — Сколько разъ я ѣздилъ въ Сарыташъ и никогда не попадалъ въ такія труппы...

— Ого!.. Асе-жь я повелъ на простѣцъ!.. хладнокровно отвѣчалъ Свириденко, — тутъ ближе версты на три... Али недужо ладно?..

— Ну его, пропади онъ совсѣмъ и „простѣцъ“ вашъ... сердитымъ голосомъ ворчалъ Сергѣй:—коли не сломилъ шею, такъ ужъ не вы будете виноваты... Просто въ печь лѣземъ... въ эту проклятую пропасть...

— Отто еще паничъ московскій!.. Смерть не люблю паничей!.. ругался впереди его Свириденко, не зѣвая, однако, ни на минуту и весь впившійся глазами въ переднія копыта лошади.

Опасность, дѣйствительно, была на каждомъ шагу. Свириденко ошибся въ облакахъ тропинкою и забралъ нѣсколько правѣе; по скату, по которому они теперь спускались, никогда не спускался верхомъ ни одинъ татаринъ, и только овцы да дикія козы пробили себѣ тропы. Крѣпкія, подкованныя ноги лошадей ихъ ежеминутно срывались съ камней, выбивая искры, какъ огнемъ изъ кремня, и въ эти опасныя мгновенія, когда лошадь колебалась въ воздухѣ, не зная, удержится она или полетитъ головою внизъ, даже равнодушное лицо Свириденки тревожно хмурилось и нѣсколько блѣднѣло...

Сергѣй вздохнулъ свободнѣе, когда окончился голый каменный скатъ и опять начались лѣса. Хотя круча, попрежнему, была страшная, но все-таки тонкій слой перегнойа и травы облегчалъ шаги лошади, и, въ случаѣ паденья, котораго вужно было ждать съ минуты на минуту, можно было удержаться за деревья лѣса... Темносивяя глубина лѣсной пропасти, однако, казалась совершенно бездонной, и когда путники наши спускались къ подножьямъ тѣхъ деревьевъ, которыхъ верхушки недавно видѣлись имъ сверху далеко на днѣ пропасти, то въ ногахъ ихъ опять разверзались новыя бездны, съ новыми полчищами лѣсныхъ великановъ... Сергѣю стало, наконецъ, казаться, что они никогда не доберутся до Суукъ-Су; онъ былъ увѣренъ, что они совершенно сблизись съ дороги, потому что никакъ не могъ представить себѣ, какимъ образомъ возможно было спускаться такъ долго и такъ глубоко къ монастырю, который самъ онъ всегда видѣлъ высоко на горахъ въ подоблачномъ царствѣ...

А видѣть съ тѣмъ въ этомъ жуткомъ, духъ захватывающемъ чувствѣ, съ которымъ Сергѣй сидѣлъ теперь на конѣ, было для него наслажденье своего рода, свѣжее и оригинальное; его духъ словно испытывалъ здѣсь самого себя, свое хладнокровіе, свою твердость, и невольное сознаніе своего собственного безстрашія, смѣлаго вызова судьбѣ разливалось по сердцу Сергѣя какою то мужественною радостью.

Сонная тишина пустыни покоилась на безмолвныхъ горныхъ площадкахъ, по которымъ были разсыпаны среди едва раздвинутой чащи лѣсовъ скудныя постройки сарыташскаго скита.. Былъ уже третій часъ, и лѣтнее солнце безоблачнаго крымскаго дня почти неподвижно стояло на высотѣ раскаленнаго синяго свода. Даже здѣсь, въ заоблачной полосѣ горъ, среди моря лѣсовъ и въ сосѣдствѣ настоящаго моря, несмотря на освѣжающее дыханіе этихъ громадныхъ холодильниковъ, было нестерпимо жарко. Вязу, на голышахъ морского берега, на шиферныхъ угловатыхъ утесахъ, было горячо, какъ на раскаленномъ утюгѣ... Вся жизнь казалась теперь заснувшей, замершею... Звѣри и люди попрятались въ норы, выжидая, когда схлынуть хоть не-

иногда эти расслабляющія волны жгучаго воздуха, которыми лужное солнце затопило каменную землю...

Скитъ съ своими яркими домиками, съ своими золотыми крестами на бѣлыхъ башняхъ храма, веселю и крошечною игрушечкою выдѣлялся среди сочной зелени сплошныхъ горныхъ лѣсовъ, подъ грозною тѣнью осѣнившихъ его тяжелыхъ скалистыхъ громадь, сверкавшихъ на солнцѣ почти кроваво-красными тонами...

Маленькій, какъ блюдечко, прудокъ, налитый въ укромномъ мѣстѣ, въ затиши лѣсовъ, холодными, какъ ледъ, горными ручьями, непобѣдимо манилъ путниковъ, которымъ, какъ нарочно, приходилось пробираться мимо него лѣсною тропинкою.

— А що, панъ Свыриденко, не купаемъ-ли мы съ вами и коней? Кажется, они не очень разгорячены? спросилъ Сергѣй, съ наслажденьемъ слѣзая съ сѣдла и уже заранѣе испытывая всю безконечную отраду, съ которою онъ швырнетъ сейчасъ свое разгорѣвшееся, потное и усталое тѣло въ ключевую прохладу пруда.

— Ни-ни, не можете!.. махнулъ головой Свыриденко: — монахи нагъ бока намнутъ... Тутъ такая строгость... То съ святыхъ ключей вода... И кони къ тому-жъ дюже потны, сгубимъ ни за галушку!..

Они привязали лошадей къ деревьямъ, ослабили подпруги и стали проворно раздѣваться...

Ни одной души не было видно кругомъ, ни одного звука не слышно. Даже въ небѣ не чернѣлъ ни одинъ орелъ. Все живое словно провалилось куда-то. Только пара ручныхъ лебедей съ гордыми и прекрасными шеями неподвижно дремала въ чащѣ ивъ, на сонной поверхности пустынного прудка...

Они шумно встрепенулись при плескѣ воды отъ бросившихся въ воду путниковъ, но не поднялись съ мѣстъ, а съ гнѣвною тревогою замахали своими сильными крыльями и, съ царственнымъ величьемъ согнувъ свои граціозныя шеи, долго рокотали никому, кромѣ нихъ, непонятный протестъ противъ нарушителей священной тишины...

А Сергѣй, между тѣмъ, съ радостнымъ дѣтскимъ чувствомъ, замирая отъ наслажденія, ныралъ, окунался и фыркалъ, какъ дельфинъ, въ холодной, какъ слеза чистой, влагѣ, сразу ожившей въ немъ и духъ, и тѣло...

— Ай-да Софроній, молодець-хозяинъ, даромъ-что монахъ... Какой прудъ смастерилъ, хоть-бы въ Алушкѣ или въ Оріандѣ... говорилъ Сергѣй своему спутнику, одѣваясь на берегу.

— Э, що и балакать! махнулъ рукою Свириденко. — Бисовъ искусникъ! На все гораздъ! Какой карась здѣсь! — и Боже ты мой, Господи!

Часть лѣса была уже обращена въ плантаціи и сады; къ старымъ лѣснымъ грушамъ, которыя татары называютъ „буздурханъ“, было привито, по бахчисарайскому способу, прямо къ корню, множество прививовъ. Цѣлыя куртины вишенника и сливняка грубыхъ сортовъ стелились по сторонамъ дорожки, отлично насаженныя, отлично выхоленныя... Подъ деревьями вездѣ были прокопаны поливныя каналы съ заставками въ разныхъ мѣстахъ; въ промежуткахъ деревьевъ шли гряды овощей и ягодъ, удивительно хорошо разросшихся.

Хозяйственное сердце Сергѣя радовалось, глядя на эту картину порядка, искусства и обилія...

Къ своему изумленію наши путники вдругъ наткнулись среди сада не только на человѣка, но еще и на работавшаго человѣка.

Русскій мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ простымъ, но энергичнымъ лицомъ сметливаго русскаго мужика, немножко рябоватый, сильно красный и потный, одѣтый въ длинный бѣлый балахонъ и широкую самодѣльную шляпу, плетеную изъ пшеничной соломы, давно запыленную и засиженную, стоялъ около молодыхъ деревъ съ кривымъ ножомъ и пучкомъ мочалы, прививая наглазоеъ дикія яблони.

Онъ уже нѣсколько минутъ, какъ оглянулся въ сторону подходившихъ и, прекративъ работу, ожидалъ ихъ съ добродушною, спокойною улыбкою человѣка, въ дѣйствіяхъ котораго не бываетъ никакой тайны и никакого сомнѣнія.

— А, други мои! посѣтили-таки пустыньку нашу... заговорилъ онъ еще издали. — Ну, привѣтъ вамъ отъ меня, раба божьяго, а преподобныхъ Козьмы и Демьяна благословенье... Не забываете обители божіей... Добро пожаловать!

— Вотъ не узнали-то васъ, о. Софроній! отвѣчалъ Сергѣй,

объявляясь привѣтствіемъ съ игуменомъ. — Мы думали, вы отдыхаете теперь... Можно-ли работать въ такой невыносимый жаръ? Вѣхали въ вашу скитъ, думаемъ, вымеръ весь... Такъ все тихо...

. — Обитель божія! Тихъ да благодать—только тѣмъ и держится! ласково объяснялъ игумень.—Шуму не подобаешь... И тебя, панъ, радъ видѣть, давно не навѣщаль. Я тебя вѣдь люблю за то, что ты хоть ругатель великій, а душа прямая... пономю...

— Ну, що брехать, батька! отшучивался, улыбаясь, Свириденко, — какой-же ругатель? не по-собачьи брешу, а по-людски!

— Ну, и хозяйство у васъ, о. Софроній! замѣтилъ Сергѣй, — мы любовались просто... хвала вамъ!

— Божье хозяйство, не мое! съ напускною скромностью отвѣтилъ игумень, потупивъ глаза.—Мы только трудолюбцы божьи, божьи работники. И то надо сказать: не я одинъ, други, тружусь, вся братья по мѣрѣ силъ трудятся... Нельзя-же...

— Братья-то братьей, а вотъ васъ одного за работой виднись... замѣтилъ Сергѣй,—братья, пожалуй, спить себѣ теперь, горя мало! А вы вотъ съ ножомъ... На что ужъ жара!

— Зачѣмъ спить? возражалъ, словно изъ приличія, игумень, котораго нѣсколько смущали похвалы Сергѣя.—Инокъ подобаешь сну предаваться вмаѣ... Ну, конечно, тоже плоть человѣчская, безъ сна нельзя... И не хочешь, да одолѣешь... Къ утру ни-то встанешь кое рано! Козы еще въ лѣсу спать, съ улыбкой прибавилъ Софроній.

— Вы, я вижу, все прививаете, о. Софроній? сказалъ Сергѣй.—Весь лѣсъ хотите въ садъ обратить...

— А что-жъ! Все на славу божью! На то Господь и повелѣлъ человѣку трудиться въ потѣ лица...

— Ой, чуешь, батька, поздно взялся! замѣтилъ Свириденко. — Посохнуть твои прививки... попомнишь меня! Ишь какое шкло!

— У насъ, други, особое отъ васъ дѣло, не мірское, а божье... улыбнулся игумень.—Если преподобные Козьма и Демьянъ пошлютъ благословеніе свое, всякое древо произрастетъ, и всякое зелье прозябаетъ... Инокъ, други, не волою токмо насажденья свои поливаетъ, но и молитвою...

Игуменъ старался говорить съ своими гостями языкомъ, подобающимъ его сану, но, очевидно, самъ стѣснялся такою формою бесѣды, чувствуя собственную неискренность.

— А вотъ что, благодѣтели, вдругъ сказалъ онъ, — инокъ-трудолюбецъ мірскому празднословію прилѣпляться не долженъ... Радъ васъ, благодѣтелей, въ своемъ домѣ убогомъ и въ обители божьей принять, только вы на мои труды не посягайте... Присядьте вздохнуть на травку, побалакаете, а я тѣмъ часомъ дѣло свое покончу... Берись-ка и ты, панъ, за ножъ, помогай своему батькѣ... Я знаю, ты ловецъ на это...

— А, ни-ни! Пропади оно совсѣмъ! Изморился хуже волка травленнаго... сказалъ Свириденко, опускался на траву вмѣстѣ съ Сергѣемъ и съ наслажденіемъ вытягиваясь во весь ростъ. — Отто важно!.. Только-бъ свитчу подѣ башку, да и спи себѣ!..

— А что-жь? Въ томъ нѣтъ грѣха, — поспать, наморившись... особливо мірскому человѣку. Спи-себѣ на здоровье... ласково приглашалъ игуменъ, уже весь погруженный въ свою прививку.

— Ни-ни! Не можно... мы къ тебѣ по дѣлу, батька...

— Вотъ какъ! И за то спасибо, благодѣтели!.. съ равнодушной любезностью говорилъ Софроній, разсѣянно слушавшій своего гостя. — Какое-жь это такое дѣло вы нашла?..

— А такое!.. Неладную ты штуку затѣялъ!.. почти съ такимъ-же наружнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ ему Свириденко, лежавшій теперь въ самой любимой своей позѣ, съ руками подъ головой, носомъ и колѣнками кверху.

— Никакой я штуки, родимецъ, не знаю... Несообразное ты говоришь, прежнимъ разсѣяннымъ тономъ замѣтилъ Софроній, старательно срѣзавшій въ это время свѣжій глазокъ съ заготовленнаго черенка. — Это не подобаетъ иноку...

— Чего ты на біюкташскій лѣсъ зарышься?.. Чего къ татарвѣ лѣзешь? спрашивалъ уже сердитѣе Свириденко.

— Это ты неправильно говоришь, другъ любезный! отвѣчалъ Софроній тономъ болѣе серьезнымъ. — Мнѣ нечего къ татарвѣ лѣзть. Біюкташскій лѣсъ — монастырскій, а не татарскій. А я монастырское добро сохранять долженъ: на то а надъ нимъ стадомъ пастырь отъ Бога поставленъ...

— Що-жь, що пастырь! Ты свое хорони, а чужого не замай.

Самъ бачишь, что лѣсъ былъ всегда татарскій; князь Тулубей великии неправдами оттягалъ... Хоть судомъ и отсудилъ, иначе, самъ того лѣса не посмѣлъ трогать, монахамъ подарилъ!.. Хорошъ тоже гусь: краденое подарилъ!..

— Намъ этого съ тобой не знать, панъ; про то судъ знаетъ... довольно сухо замѣтилъ Софроній.— Монастырю подаренъ, монастырь долженъ своимъ имуществомъ пользоваться!.. Не на людское дѣло, а на божью службу пожертвованъ...

— Да вѣдь у татаръ на него всё сенеты дѣлы, отецъ Софроній; вы сами ихъ смотрѣли, виѣшался Сергѣй. — А суды вы знаете, особенно старыя... Вамъ нечего рассказывать, какъ прежде грабили татаръ. Чего, чего не поотнимали у нихъ!.. Гдѣ-жь было имъ тягаться съ русскимъ начальствомъ, когда всё за-одно... Если говорить по-божьему, отецъ игумень, лѣсъ-бы слѣдовало имъ возвратить... по всей справедливости, слѣдовало-бы...

Отецъ Софроній, по-прежнему, продолжалъ свою работу, но рука его дрожала отъ внутренняго волненія.

— Вотъ что, други, сказалъ онъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, чтобы овладѣть своимъ раздраженіемъ и не выйти изъ обычнаго спокойствія. — Ваше дѣло тутъ сторона; вы вотъ скажете, да и пойдете-себѣ. А на мнѣ отвѣтъ великій лежитъ. Я свей обители долженъ рачителемъ быть и собирателемъ; о благослѣніи дома божьяго радѣть... Мнѣ какое дѣло до сенатъ!.. Да я плюю на нихъ, прости Господи!.. Я одно знаю: пожертвовалъ христіюбецъ дѣлу Христову отъ своего усердія; а я и обязанъ жертву принять... А тамъ не наше дѣло разбирать, откуда, да какъ, да вправѣ ли онъ былъ... То Богъ одинъ видитъ... и судъ на то есть...

— Судъ-то судомъ, отецъ игумень, а будетъ-ли Богу угодна жертва неправая?.. Вы сами это лучше моего знаете... Вѣдь Кашовой жертвы не принялъ Богъ...

— Не знаю, ничего не знаю, отцы мои... ничего этого не знаю... съ возрастающимъ нетерпѣніемъ и трудно сдерживаемою досадою отговаривался игумень.— Хороша или дурна жертва— не мнѣ судить... Наше сердце одинъ Судія судить, иже вся вѣдаетъ...

— Ой, гляди, батька, не было-бъ тебѣ худа!.. сказалъ Свириденко.

— Мнѣ худа? Отъ кого мнѣ худо будетъ?

— Свернетъ тебѣ шею татарва... отъ тогда и побачишь отъ кого!..

— Татарва! вдругъ вскрикнулъ игумень, бросая свою работу и забывая тотъ искусственный, сдержанный языкъ, которымъ онъ для приличія прикрывалъ свой энергическій и властительный характеръ.— Да я эту татарву со всѣмъ ея сѣменемъ, какъ слезня, раздавлю! Я передъ вами, други, таиться не стану. Человѣкъ всегда простой былъ, чинъ вотъ теперь монашескій ношу: мнѣ кривить душою не подѣстать. Поганую эту нечистъ смерть не люблю... Ну, что имъ, нехристямъ, тутъ дѣлать? Убирались-бы въ свою Турцію къ султану своему, и отличное-бы дѣло было... Я, признаться, не разъ объ этомъ съ губерніи начальникомъ говорилъ и съ преосвященнымъ нашимъ: ну, что, говорю, ваше преосвященство, смотрѣть на всю эту мордву некрещенную, дать имъ разъ хорошенько по шеѣ, и мулламъ ихнимъ, и мурзакамъ, живо чисто станеть въ Крыму. Ей-богу, говорилъ... смѣется, преосвященный-то... А мнѣ что? Я по истинѣ говорю!.. Я Магометъ ихнему другомъ не буду; я Христовъ иноевъ...

— Тамъ пока до нихъ доберетесь, а они что-то не на шутку противъ васъ задумали, отецъ-игумень, серьезно сказала Сергѣй.— Конечно, мы не смѣемъ мѣшаться въ ваши дѣла, вы ихъ лучше нашего знаете... Только мы со Свириденкой рѣшились предупредить васъ... Ходятъ самыя настойчивыя слухи, что противъ васъ, отецъ-игумень, составился заговоръ... Хотятъ гдѣ-нибудь подстеречь васъ... Не было-бы, въ самомъ дѣлѣ, худо...

— Подстеречь!.. насмѣшливо вскрикнулъ Софроній, въ которомъ теперь почти совсѣмъ не оставалось монаха, а видѣлся строгій и упрямый хозяинъ, гнѣвавшійся на непослушаніе своихъ подвластныхъ.— Нешто я съ почтой по дорогамъ бѣгаю, что меня подстерегать? Я вотъ ихъ, бритыхъ, скорѣе подстерегу... Изъ моихъ лапъ не выкарабкаются!.. Тоже войны завелись, подумаешь тараканы усатые: подстеречь!..

— Больно часто до Бюль-Таша гулаешь, батька, отъ тебя подсидать, бисовы дѣти... хладнокровно замѣтилъ Свириденка посасывая свою трубочку и громко сплевывая вверхъ.

Софроній видимо смутился, но сейчасъ-же оправился и спокойно возразилъ:

— Одни навѣты, другъ; ты думаешь, вдова эта, гречанка? Слышалъ, братъ, я про все это... всѣ эти обиды слыжалъ; только клевета, по совѣсти скажу. А, конечно, я и къ дѣвицѣ, и къ замужней женщинѣ, ко всѣмъ обязанъ входить, по священству своему, ибо отецъ есмь духовный... А только пустое, врутъ.

— Тамъ брешутъ — не брешутъ, дѣло не наше, батька. А только ты ухо остро держи. Мы попусту не станемъ челоуѣка слушать. Бачишь, що сказываю: худо будетъ...

— Царевъ ты служивый, продолжалъ, между прочимъ, Софроній, очевидно, задѣтый за-живое прежнимъ намекомъ своего пріятеля и неслухавшій его послѣдняго предостереженія, — а подо-бишься бабѣ глупой: сплетни подбираешь... Мало-ли на кого плетутъ, другъ? И на святыхъ отцовъ клеветали, не на насъ грѣшникъ. А, ты, коли слышишь, плюнь на это, да и только... вотъ и хорошо будетъ.

Эти слова словно успокоили и развеселили игумена. Онъ вдругъ прибавилъ съ веселой, житейской усмѣшкой:

— Да и то возьмите, други, вѣдь вотъ только не скажешь всего—по монашеству не подобаетъ—а то-бы я тебѣ, панъ, отгнѣлъ;—и то, говорю, возьмите: блудъ — скверное дѣло, Богу ненавистное и челоуѣку ненавистное; потому блудъ — грѣхъ одинъ, кромѣ разжиганіе. Челоуѣку подобаетъ страсти свои содержать, Бога помнить. А честная любовь Богу пріятна. Али такъ-то лучше, чтобъ мечты грѣховныя денно и ночью тревожили челоуѣка? Ты-бы поработалъ, али помолился, а тебѣ всякая дрянъ въ голову лѣзетъ. Ничего нѣтъ въ томъ хорошаго!.. Ни покою челоуѣку, ни Богу пріятности. А коли честно да тихо, да душой челоуѣкъ любить, да обиды никому — въ томъ какой грѣхъ? А ту любовь Господь не разгнѣвается... Извѣстно, челоуѣки не ангелы... Ему вѣдь лучше нашего видать. Онъ скорѣе челоуѣка проститъ. А челоуѣкъ челоуѣка поѣдомъ будетъ ѣсть. Ты вотъ дрянь нѣ, кунакъ, а врешь на меня, ничего не выдавши. А Господь и видить, да молчить. Вотъ что, другъ любезный!.. Оно-то и нарицается Онъ Милосерднымъ Создателемъ.

— Да ну, отвязись, батька, хоба-жь я сказалъ що плохое про тебя!.. оправдывался Свириденко. — Моя хата съ краю... Ты самъ по себѣ, я самъ по себѣ.

тельно сказалъ игумень, трогаясь далѣе. — Звѣрь дикій дыну порохового не любитъ. Ружья-то съ вами?..

— Безъ ружей какъ возможно, отче? самъ знаешь... говорилъ Пафнугій, медленно слѣдя безъ шапки за игуменомъ.

— Ну то-то-жь... блюдите хорошенько... тѣмъ-же голосомъ продолжалъ Софроній. — Инокъ долженъ быть добрымъ стражемъ... Овчаровъ не видали?

— Куды-жь видать, отче!.. Теперь забились, страсть какъ высоко. О полночи слышать было лай съ Карадача, даже собаки брехали... и стрѣляли раза четыре; должно, и тамъ волки подходили... пропада на нихъ нѣтъ...

— Ну, иди, иди къ своему дѣлу... Господь васъ благословитъ, отпустилъ его на-ходу игумень, не оглядываясь на его поклонъ. — Загони, да и къ мѣсту опять...

Онъ вздохнулъ и сказалъ словно самому себѣ:

— Охъ, Господи, Господи! грѣхи наши тяжкіе... Вотъ и монашеское пустынножитіе, а отъ мірской суеты не спасешься!..

Свириденко шелъ за нимъ, заложивъ за спину обѣ свои огромныя ладони, и ничего не отвѣчалъ на это размышленіе.

— Ну, они теперь у меня запищать! вдругъ съ неожиданнмъ одушевленіемъ вскрикнулъ Софроній, оборачиваясь къ Свириденгѣ, и засмѣялся откровеннымъ, русскимъ смѣхомъ. — Вотъ ты повидишь, пань!.. Пока они цвѣточки отъ меня видѣли, а теперь ягодки увидятъ...

— А ну, плюнь ты на нихъ, батька! посовѣтовалъ Свириденко. — Отцѣпись отъ нихъ, и они отъ тебя отцѣпятся!.. Сказываю, худо-бъ не было!..

— Ну, вижу, пань, не знаешь ты моего норова, улыбнулся Софроній, покачавъ головой.

— Чего не бачу? Да я и бачить не хочу!.. съ сердцемъ отвѣтилъ Свириденко, который шагаль, понуривъ голову, и внимательно разсматривалъ пылъ подъ своими ногами. — Тебѣ-таки пристало дурачиться, старій?.. Отто человекъ, ей-богу! А еще монахъ называется!

— Ну, тамъ, другя, монахъ не монахъ, а противъ норова своего ничего не подѣлаешь. Я тихъ, тихъ, а раздражишь меня — бѣда! Я тутъ-то, братъ, и орель! Что съ этимъ сотворишь? Естество у меня такое отъ роду. Что вотъ въ хозяйствѣ, что въ

дѣлахъ... Другой любитъ, какъ-бы полегче, да потише, гдѣ нельзя прямо, стороной обойдетъ... А у меня свой законъ: пришла гора — гору срываю, а чтобъ по-моему... У меня монахъ не скажетъ: *нельзя*... Знаютъ игумена своего... У меня, други, что нужно, то и можно — одна пѣсня.

— Хйба-жь я тебя не знаю? Ты что бугай на гарманѣ: уперся разъ — не сволочешь! еще сердитѣ замѣтилъ лѣсничій.

Игуменъ добродушно расхохотался.

— Ну, вотъ видишь! Таеъ меня татарва не напугаетъ. Игуменъ Софроній по татарской дудочкѣ плясать, други мои, никогда не согласится, это я вамъ вѣрно скажу. А что татары по Софроновой дудочкѣ запляшутъ — это вотъ дѣло, должно, скорѣе будетъ.

Они вошли въ это время въ маленький дворъ, заплетенный, по-валороссійски, густымъ новымъ плетнемъ, съ колючею настилкой, вмѣсто крышки, и очутились среди цѣлаго полчища разной птицы. Огромныя кохинхинскія куры на высокихъ дохматыхъ ногахъ, шептуны, пестрыя цесарки, павы и павлины пищали и тѣснились другъ на друга, тщетно отыскивая на голой землѣ дворика какого-нибудь зернышка.

Прекрасный бѣлый павлинъ, распустивъ пышнымъ вѣеромъ свой великолѣпный хвостъ съ золотыми глазами, прямо и увѣренно подходилъ къ игумену.

— Павлинъ, павлинъ! ласково подзывалъ его игуменъ, отыскивая въ глубокомъ карманѣ своего балахона горсточку пшена и осторожно разсыпая его передъ своимъ любимцемъ. — Какова птица, отцы? Видали когда такую? спрашивалъ онъ, то посматривая съ наслажденіемъ на павлина, то съ любопытствомъ глядясь въ глаза своихъ пріателей. — Давайте мнѣ сейчасъ тройку хорошихъ коней, не отдамъ павлина. Вотъ онъ у меня какой!

— Птица чудесная... никогда не приходилось такой видѣть, вывалилъ Сергѣй. — Гдѣ это вы его достали, отецъ Софроній?

— Ну, други, по-истинѣ со дна моря откопалъ, съ увлеченіемъ рассказывалъ игуменъ. — Три года добывалъ. Насилу попался. И что-жь вы думаете, отцы? Трехъ молодыхъ у полтавскаго владки выпросилъ, изъ трехъ одного насилу выходилъ... Птица кволая, къ нашему климату непривычная. Горе мнѣ съ

ней было. Ну, одначе, благодарить Создателя, отстоялъ-таки я павлика. А ужь потомъ парочку ему добылъ. Теперь песется — куда-тебѣ!

— Богато-жь, батька, квочекъ да качекъ себѣ понапасъ. Дивись-ка, кумъ! улыбнулся Свириденко, опять уже принявшись за свою люльку и толкая локтемъ Сергѣя. — За пять годовъ не порѣжешь всѣхъ. Съ того-то, видно, монахи и жирны, съ тѣхъ самыхъ квочекъ. А они кажутъ: съ молитвы... съ воды, да съ хлѣба.

Игуменъ разсмѣялся громче всѣхъ.

— Эхъ, да и брехать ты, панъ, гораздъ! сказалъ онъ весело. — Вѣрь слову, больше для охоты держимъ. Мѣсто глухое, тишина... все будто живое шевелится. Опять-же ходить за нею занятно.

Софроній вдругъ словно вспомнилъ что-то и сталъ безпокойно озираться кругомъ.

— Ахъ, онъ оглашенный, оглашенный! ворчалъ онъ самъ себѣ, бесполезно отыскивая кого-то глазами. — Да что-жь это онъ съ ними дѣлаетъ? Загналъ въ такую жару на голый дворъ, хоть-бы для смѣху подсыпалъ что! И воды ни въ одной колодчкѣ! — Эй, отецъ Зиновій! крикнулъ онъ вдругъ. — А, отецъ Зиновій!

Отецъ Зиновій не откликнулся.

— Что за притча? Ужь не схватила-ли его хвороба? Человѣкъ старій... Да и послушника нѣтъ. Пойдемте-ка дальше, отцы; нужно въ квасню заглянуть: старичекъ, признаться, до этого слабъ; чуть что — сейчасъ въ квасню. Я его завсегда тамъ розыскиваю.

Они прошли еще по разнымъ хозяйственнымъ закоулочкамъ вплоть до монастырскихъ келій; въ скалѣ, тѣсно охватывавшей дворъ монастыря, былъ вырубленъ глубокой подвалъ, изъ полуотворенной дверочки котораго сильно тянуло кислымъ запахомъ кваса.

— Отто-бы холоденькаго кваску испить! Смерть упарился! сказалъ Свириденко, обдувая себя своею измятою фуражкой.

Они спустились вслѣдъ за игуменомъ въ темный и холодный подвалъ и при первой-же квасной бочкѣ наткнулись на старика-монаха въ высокому черному колпаку на ватѣ и въ черному за-

саменомъ подрясникѣ, поверхъ котораго былъ повязанъ кожаный фартукъ. Старикъ спалъ крѣпкимъ сномъ, мирно сложивъ на коленяхъ свои морщинистыя руки, аккуратно усѣвшись къ стѣночкѣ на кучкѣ сѣна, и былъ несказанно смущенъ своимъ внезапнымъ пробужденіемъ.

— Видишь, отецъ Зиновій, строго говорилъ ему игумень въ то время, какъ растерявшійся старикъ съ раскисшею, виновною улыбкою стоялъ передъ нимъ, снявъ черныя колпакъ съ своихъ до-желта сѣдыхъ кудрей.—Сказывалъ я впередъ, что не по тебѣ скитское житіе. Виновія, братъ, не то, что ваши штатные монастыри по губернскимъ городамъ. Знаю я всё эти ваши городскіе обычаи. Проспалъ, стоя во всеошной, али надремался, сидя за кошелькомъ, и правъ себѣ. Нѣтъ, братъ, въ нашемъ мѣстѣ инокъ самъ себя кормитъ, самъ себя поитъ, самъ себя грѣетъ... Тутъ на тебя нѣтъ барщины... Тутъ мнѣ честные трудолюбцы Христовы нужны, а не лукавые и не лѣнныя... Инокъ сну предавайся вмалѣ, паче-жь того въ трудѣ обрѣтайся...

— Виноватъ, владыка игумень, жара одолѣла... нервѣнительно оправдывался старикъ.—Сопелъ всего на одну минуточку кваску испить, думаю, присяду трошки, остыну... Ахъ лукавый и пошутить... Я-таки Гришку-послушника при птицѣ оставилъ... Прости, отче, не поставь въ вину! низко кланялся онъ.

— Богъ тебя проститъ! небольшая какая вина, говорилъ недовольный игумень, подымаясь назадъ по ступенямъ погребя.—А только не по насъ ты, отецъ Зиновій, давно я это вижу, и мы не по тебѣ... Не въ скиту тебѣ жить... Ты намъ всю птицу переведешь... Бросаешь безъ корму, безъ поила... Ей-бы въ лѣсу отъ жары прятаться, ты на камень ее гонишь... Не по-моему это, отецъ Зиновій, самъ знаешь, что не по-моему!

— Прости, отче, впредь соблюду себя... твердилъ ему вслѣдъ старикъ, не переставая кланяться.—Приказы твои завсегда читаю... Что-жь, не усмотрѣлъ...

— То-то не усмотрѣлъ... Я, братъ, самъ на трудѣ божьемъ стою, и у меня всё на трудѣ стоять должно!.. Не поладимъ мы съ тобою, старче, ужъ вижу, что не поладимъ...

Игумень оставилъ погребъ и повелъ своихъ гостей на чистенькое, пескомъ усыпанное крылечко крошечнаго бѣленькаго домика, сплошь заросшаго кустами и цвѣтами.

— Вотъ и хатка моя... милости просимъ, благодѣтели!.. говорилъ онъ, усаживая ихъ на простыя лавочки подъ глубокимъ навѣсомъ крылечка.— Тутъ у меня прохлада, рай тотъ-же... И столѣики завсегда здѣсь становлю... Чайкомъ здѣсь балуюсь... Эй, Зосимушка, самоварчикъ у тебя готовъ?..

Молодой, одутловатый послушникъ, очевидно, ожидалъ прихода игумена, потому что сейчасъ-же внесъ вычищенный, какъ огонь, и только-что закипѣвшій самоварчикъ съ простымъ чайнымъ приборомъ.

Сергѣй со Свириденкою охотно усѣлись въ прохладной тѣни балкончика, обвѣиваемаго деревьями и осѣненнаго тяжелою громадою нависшей надъ нимъ скалы.

Домикъ игумена былъ поставленъ на такомъ красивомъ и высокомъ мѣстѣ, что съ крылечка открывался обширный видъ на цѣлую далекую окрестность лѣса Біюкъ-Таша, и множество сосѣднихъ лѣсныхъ горъ, спускавшихся курчавыми уступами и волнами къ берегу моря, лежало у его ногъ. Самъ скитъ съ своими крестами, садиками и домиками былъ виденъ чуть не въ темя...

Необыкновенная чистота, домовитость и порядокъ этого монашескаго хозяйства еще замѣтнѣе бросались отсюда въ глаза. Все, повидимому, находило здѣсь свое мѣсто и свое дѣло; ничто не оставалось празднымъ и безплоднымъ. А такъ-какъ всѣ эти новенькія и акуратныя усадьбы скита тонули въ свѣжей зелени горныхъ лѣсовъ, и надъ ними ярко сіяло безоблачное синее небо, то Сергѣй, безмолвно любовавшійся на эту пустынную красоту съ игуменскаго балкончика, чувствовалъ на сердцѣ какую-то глубокую и тихую отраду.

Когда игумень возвратился изъ своей кельи, онъ сейчасъ замѣтилъ, что Сергѣй наслаждался панорамомъ, лежавшею у ихъ ногъ.

— Вѣдь сказывалъ я вамъ, благодѣтели, что у меня здѣсь рай... Правда, что-ли?.. говорилъ Софроній, самъ съ чувствомъ внутренней гордости оглядывая монастырь и лѣсныя горы.— Вотъ житье-то наше!.. Сравнить-таки наши мѣста съ вашими вонючими городами... Владыко небесный, да я-бъ въ городѣ, кажется, въ одну педѣлю исчахъ! Бываетъ, вызоветъ преосвященный въ Симферополь, не знаешь, какъ день скоротать!.. То-то шумъ, суета

мирская... и жида это, и татары... Ахъ, провались они... Ужь я завсегда къ преосвященному съ повинной: отпусти, говорю, меня, владыко, въ мою пустыньку; не въ могути мнѣ здѣсь, одичалъ совѣмъ! Сижется владыко—ну, что-жь, скажетъ, ступай-себѣ съ Богомъ, я и самъ вижу, что сколько волеа ни корми, все въ лѣсъ смотреть... Онъ вѣдь тоже пошутитъ когда любить... Ну, благословить, отпустить... А здѣсь-то, други, вдѣсь-то! съ восторженной улыбкой прибавилъ Софроній, показывая рукою кругомъ.—Царство небесное!.. Благолѣпіе какое, чистота!.. Птица вольная летаетъ, съ моря прохлада, красота эта лѣсная—человѣку здорovie, и къ Богу ближе...

— Хорошо, говорить нечего, отецъ игуменъ, сочувственно улыбнулся ему Сергѣй;—тутъ-бы жить, и умирать не надо...

Свриденко, повидимому, не раздѣлялъ увлеченій Софронія и Сергѣя, потому что сидѣлъ, отвернувшись бокомъ къ лѣсу, уставившись въ самоваръ и съ безволвнымъ равнодушіемъ посасывая свою трубочку...

— Да ну, батька, лѣсу мы твою что-ли не видали? насмѣшливо замѣтилъ онъ,—все-жь въ лѣсу живешь, не хуже ведмѣдей. Сливай чайку швыдче, а то до хаты пора...

— Сейчасъ, сейчасъ, архангелы мои, у меня чаекъ-то не простой, я васъ хорошенькимъ угощу! говорилъ Софроній, принимая рукой за чайникъ, но въ то-же время весь погруженный въ начатую бесѣду съ Сергѣемъ.

— А вѣдь то сказать, по правдѣ, по божьей, обратился онъ къ Сергѣю,—дичь была непроглядная... овцы не рожались... Шалаша негдѣ было поставить. Все мои труды неусынные... Потомъ своимъ камни смочилъ. Своими руками ту вонъ площадку въ скалѣ вырубилъ, гдѣ преподобныхъ обитель стоятъ. Такъ-то, братцы!.. Себя не жалѣлъ, что таятъ!..

— Знаемъ мы, отче, твои труды, отвѣчалъ Сергѣй.—Отъ мѣхъ людей о нихъ слышимъ. Кто только ни былъ въ Сарыташѣ, всѣ поминаютъ Софронія.

— Охъ, охъ! вздохнулъ Софроній, обращаясь опять къ чайнику и наливая чашки.—Не изъ гордости говорю, изъ суеты. А точно, что понесъ трудовъ... Горбъ мой это чувствуетъ и моли мои!..

Онъ показавъ гостямъ свои крѣпкія руки, носившія на себѣ многочисленныя слѣды работы.

— Вотъ онъ у меня какія! Небось у городскихъ архимандритовъ, что съ академіи присылаютъ, такихъ не увидите! улыбался Софроній, самъ со всѣхъ сторонъ осматривая свои ладони.— Мы бархатныхъ рясъ не носили, а, по заповѣди божьей, ѣдимъ хлѣбъ въ потъ лица своего. Ты думаешь, Богу молитва твоя нужна?.. Молитва, конечно, молитвой... Да молитва что — слова!.. Богу трудъ твой угоденъ! Вотъ была гора дикая, человѣку бесполезная, а теперь тутъ рай божій... и плодъ сладкій, и живность всякая, и народъ православный приходитъ Богу помолиться...

Неожиданный рѣзкій ударъ въ колоколъ раздался въ это время съ небольшой колокольни скитской церкви.

Софроній снялъ шляпу и перекрестился.

— Ну, вотъ и въ вечернѣ ударили! сказалъ онъ спокойно.— Теперь солнышко на закатъ пойдетъ, прохладнѣе станетъ.

Двѣ-три черныя фигуры монаховъ, неспѣшно пробиравшихся въ церковь, мелькнули въ разныхъ мѣстахъ.

— Пора вамъ, отче... мы вамъ не будемъ мѣшать! сказалъ, вставая, Сергѣй.

— Ни-ни! и не можете! какъ это можно?.. укоризненно возразилъ Софроній.— Это не порядокъ... Напьемся чайку полегоньку, время не уйдетъ.

Онъ подавъ своимъ гостямъ чашки горячаго чаю съ густыми желтыми сливками.

— Откушайте-ка этого чайку! Это охотницкій, въ лавкѣ такого не продаютъ... Это шѣ благодѣтель одинъ, купецъ московскій, въ гостинчикъ привезъ, прямо, говорить, съ Кяхты... Вотъ чѣмъ другимъ—ничего, а чайкомъ,—что-жъ грѣшны!—балуюсь... Охочь-таки до него!..

— Смотри, батька, безъ тебя твои чернецы вечерню отпоютъ! шуточно грозилъ Свириденко, подставляя еще разъ свою чашку.— А чай богатый!..

— Ничего, ничего, отцы... спокойно уговаривалъ игуменъ, неспѣша прихлебывая свой чай.— Какъ можно? Безъ начальника нельзя... Пока позвонятъ, пока что... Не отъ француза бѣжимъ... Мы нешто нончѣ только молимся? Мы каждый день, отцы, молимся... Дастъ Богъ, и Богу помолимся, и чайку напьемся... Не

уйдетъ... А начальника своего завсегда должно подождать; почтенъ ему показать... Иноку послушанье первое дѣло...

Заспанный послушникъ въ черномъ колпакѣ вышелъ изъ церкви и торопливо приблизился къ балкону.

— Отче игумень, ладону пожалуйста... Отецъ Мисаилъ прислалъ...

— Ну, ну, зайди къ Зосимушкѣ, спроси у него; тамъ на окнѣ за горшочкомъ въ бумажкѣ завернуть... Ты всего-то не бери, отсыпь чуточку... Не Богъ вѣсть какой праздникъ. Свѣчи-то зажигать?

— Стали зажигать, отче... Отецъ Мисаилъ спросить приказалъ: дожидаться прикажете?..

— Пусть пождутъ маленько. Сейчасъ соберусь... Ты Варсонофію-то скажи, чтобы свѣчу попусту не палилъ. Онъ, дурень, радъ ливинаціи зажигать! Теперь не ночь, и безъ свѣчей свѣтло... Пусть передъ мѣстными зажжетъ по троечкѣ, а тамъ не трогаешь... Слышишь?..

— Слушаю, отче, скажу, какъ приказалъ.

Послушникъ осторожно поднялся на крылечко и пошелъ въ залю.

— Вѣдь тоже народы! разсуждалъ самъ съ собою игумень. — Онъ думаетъ, свѣча, такъ и трави ее. А того не смыслить, что дѣло наше глухое, пустынное... Въ губернію-то не напосылаешься...

Софроній, опорожнивъ свою третью чашку, сложилъ руки на животъ и, глубоко вздохнувъ, сталъ опять глядѣть на окрестность.

— Вотъ вы сказывали — татары!.. вдругъ заговорилъ онъ. — И этакія-то мѣста божьи, этакую-то красоту небесную нечести поганой отдать? Нѣтъ, ужь пушай подавятся!.. За благолѣшіе обители своей всякія тягости понесу... Я преподобнымъ Козьмѣ и Демьяну работникъ, а не Магометъ!..

Онъ всталъ и перекрестился на церковь.

— Вотъ теперь потрапезовали, и на молитву можно!..

Изъ полуотворенной двери церкви, съ осторожнымъ любопытствомъ, выглянула сѣдая голова монаха, соскучившагося издали.

VII.

ПРІВЗДЪ БРАТА.

Цѣлая трудовая недѣля прошла; въ субботу на закатѣ солнца, когда Головины сидѣли, тихо разговаривая, на каменноѣ мысѣ, дальше другихъ выходившемъ въ море, они увидѣли всадника, торопливо спускавшагося въ ихъ пустынное ущелье.

Они давно уже ждали этого всадника, и сердце ихъ узнало его раньше, чѣмъ разглядѣлъ глазъ. Это былъ Евгеній, братъ Анны. Уже двѣ недѣли назадъ получено было отъ него письмо изъ Петербурга, въ которомъ онъ извѣщалъ объ окончаніи курса и обѣщалъ пріѣхать въ Адамъ-Чокраевъ, какъ-только развѣжится съ своими дѣлами.

Евгеній былъ для Анны больше, чѣмъ братъ, почти сынъ. Она была старше его лѣтъ на десять. Когда умерла ихъ мать, оставя Евгенія трех-лѣтнимъ ребенкомъ, Анна сдѣлалась его матерью: Анна его учила, Анна ходила за нимъ. Уѣхавъ въ Петербургъ и поступивъ въ учебное заведеніе, онъ унесъ туда изъ своей крымской жизни наивность души и благородную порывистость, которую воспитала въ немъ Анна и которая была въ ихъ общей крови.

Сергѣй сдалъ его на руки холостому товарищу, профессору того техническаго заведенія, въ которомъ учился Евгеній. Молодой ученый былъ тоже въ своемъ родѣ человѣкъ наивнаго и восторженнаго настроенія: онъ жилъ среди житейскихъ условій столицы, почти не касаясь ихъ, весь увлеченный интересами своей науки, полный великодушныхъ, человѣчныхъ помысловъ, ради которыхъ онъ посвящалъ себя наукѣ.

Евгеній сдружился съ нимъ и весь поддался его настроенію; это спасло его отъ заразы праздныхъ товарищескихъ кружковъ, отъ ранняго знакомства съ опасными соблазнами столицы, отъ мелочности и пошлости.

Въ восемнадцать лѣтъ окончивъ курсъ высшаго учебнаго заведенія, проживъ въ Петербургѣ чуть не десять лѣтъ, онъ оставался почти тѣмъ-же наивнымъ и восторженнымъ дикаремъ въ вопросахъ практической жизни, какимъ пріѣхалъ изъ своихъ крымскихъ горъ.

Онъ бредилъ наукою, онъ сталъ отличнымъ спеціалистомъ, но душа его была душою ребенка.

Въ тѣсномъ и темномъ уголкѣ своей ученой пустыньки на Петербургской сторонѣ, въ мирѣ смѣлыхъ, научныхъ гипотезъ и непобѣдимыхъ математическихъ законовъ, Евгенийъ съ своимъ учителемъ проплывалъ, будто въ спасительномъ ковчегѣ, севозъ омути столичной жизни, радостно вѣруя въ разумъ и сердце чело-вѣчества, въ его счастье, въ его безпредѣльныя силы.

Онъ не зналъ множества готовыхъ ходячихъ выводовъ изъ науки жизни, которыми такъ часто и такъ исключительно бывають наполнены головы современнаго юношества; но у него были за то запасены самыя солидныя фактическія матеріалы знанія, которыми долго могъ-бы ворочать въ свое время его умъ, когда для него пришла-бы пора самобытной дѣятельности.

Это отсутствіе всякой свороспѣлости, всякаго неестественнаго и безвременнаго предвкусенія жизни сообщало нравственному облику Евгенія чарующую свѣжесть.

Правда, его непрактическія иллюзіи, его ребяческія великодушныя мечтанія, его чуждость того либеральнаго или консервативнаго катихизиса, которымъ щеголяетъ теперь всякій кадетъ, робость передъ женщиной, щекотливость въ холостой компаніи, — все это заставляло смотрѣть на Евгенія, какъ на сантиментальнаго провинціальнаго дурачка, тѣхъ блѣднолицыхъ и истощенныхъ юношъ, которые уже въ семнадцать лѣтъ гордились своею оитностью въ дѣлѣ познанія добра и зла.

Но за то всякій безпристрастный наблюдатель съ горячей симпатіей привѣтствовалъ этого рослаго и сильнаго, какъ молодой англійскій лордъ, хотя немножко грубоватаго и застѣнчиваго юношу съ дѣвственнымъ пухомъ на верхней губѣ, съ огнемъ непочатыхъ силъ въ честныхъ глазахъ.

Пріѣздъ брата, котораго Сергѣй привыкъ считать за сына, исполнилъ новымъ приливомъ жизни тихій бытъ стрижинаго пѣзда...

— Знаешь, Анна, сказалъ онъ женѣ, когда они уложили поздно вечеромъ Евгенія на татарскомъ топчакѣ своего рабочаго кабинета, и удалились въ свою комнату, — Евгеній нашъ — чистая весна!..

Чувствуешь, будто молодѣешь съ нимъ. Когда онъ со мной, во мнѣ начинается бродить и бушевать больше смѣлости, больше охоты жить: словно онъ бѣжитъ впередъ отважнымъ застрѣльщикомъ, а я двигаюсь за нимъ. А ты какъ?

— Ты отлично высказалъ мое чувство, Сергѣй, тепло улыбнулась ему Анна.— Да, это правда: онъ наша весна, онъ кипитъ и сверкаетъ жизнью, какъ весеннія воды.

Въ глубинѣ своей молодой души Евгенію казалось, что рука объ руку съ своимъ братомъ и сестрой онъ былъ теперь невѣсть какой силой! Онъ искренно вѣрилъ, что вмѣстѣ они сдѣлаютъ рѣшительно все; внутреннее ощущеніе своей собственной кипучей крови онъ, не раздумывая, принималъ за практическую возможность, за зрѣлое обсужденіе дѣла, а ему, какъ нарочно, хотѣлось самаго невозможнаго, самаго труднаго, самаго необыкновеннаго! Въ немъ страннымъ образомъ соединялась разнообразная практическая ловкость, усвоенная школою, съ безумно-ребяческою, съ страстно-юношескою фантазією. Анна и Сергѣй съ раннихъ лѣтъ замѣчали въ братѣ эту наклонность къ пылкой мечтательности, серьезно опасались ея, серьезно работали противъ нея. Оттого Головины пытались сдѣлать изъ него трезваго практика, посвятивъ его суровому техническому дѣлу; но техническую практичность имъ удалось вложить въ него не вмѣсто фантазіи, а только рядомъ съ нею; фантазія росла сама по себѣ, безъ всякаго пособія воспитанія, даже несмотря на воспитаніе, и все-таки выросла широко и роскошно на-ряду съ туго выведенными продуктами воспитательнаго искусства, какъ разрастается широко и роскошно крѣпко укорененный въ почвѣ кустъ какого-нибудь дикаго растенія рядомъ съ выхолонными растеніями цвѣтника.

И какъ хорошо дѣлаетъ въ большинствѣ случаевъ природа, что не даетъ надъ собою мудрить человѣческой ограниченности, что она всеильно побѣждаетъ своими почвенными силами самую настойчивыя усилія искусства! Иначе въ какое-бы жалкое собраніе идіотовъ, трусовъ и негодяевъ обратилось-бы давно человѣчество, испытывавшее втеченіи цѣлаго ряда вѣковъ грубые педагогиче-

скіе опыты надъ своею психіею со стороны всякихъ непропешныхъ просвѣтителей и руководителей; какое счастье, что ребенокъ, забываемый 10, 12 лѣтъ пьянымъ невѣждою отцомъ, все-таки сохраняетъ въ себѣ человѣческое чувство и человѣческія понятія, что изъ дѣтей, систематически разслабляемыхъ баловствомъ невѣждъ другого закала, образуются иногда мужи твердой воли и твердаго разума.

Исторія человѣческаго развитія есть послѣдовательный разсвязъ о непрерывныхъ ошибкахъ и заблужденіяхъ. И если человѣчество, въ концѣ такой исторіи, все-таки двинулось впередъ, а не назадъ, то прежде всего потому, что внутреннее упорство природы спасало его отъ слишкомъ полнаго вліянія заблужденій и обращало ихъ, напротивъ того, въ полезныя уроки будущаго.

Надо сказать и другую правду: Головины были очень довольны, что видѣли плодъ отъ трудовъ своихъ, что ихъ Евгеній былъ, наконецъ, дѣйствительно снабженъ многими свойствами, съ которыми удобнѣе переносится физическая борьба.

Но, еслибы спросить глубину ихъ сердца, они бы должны были признаться, что несравненно болѣе радовало ихъ теперь въ ихъ Евгениѣ та самая пылкость и страстность жизни, та самая безумная вѣра въ совершенство міра, въ свои силы, въ возможность всего достигнуть, противъ источника которыхъ они такъ настойчиво боролись въ свое время.

— Нѣтъ, говорилъ Сергѣй Аннѣ въ интимномъ разговорѣ на вторую ночь пріѣзда брата, — противъ рожна нельзя прать! Вотъ мы и бились съ тобою, а ничего не сдѣлали — природа беретъ свое. И, знаешь, должно быть, это лучше: врядъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, природа глупѣе насъ. Конечно, я не осуждаю нашей системы; мы положительно были обязаны сопротивляться этой фантастичности; мы были обязаны доложить то, чего не было въ его натурѣ; но ужь когда это оказалась силой, — ничего не подѣлаешь! Сила вездѣ пробьется. Пожалуй, даже наши хлопоты пошли ей въ пользу: она еще тутъ-же напряглась и собралась втихомолку. Помнишь, какъ хорошо говорится у апостола Павла: если это отъ людей, то само погибнетъ, если-же отъ Бога, то долж-

но жить. А только, признаюсь тебѣ, я всегда подозрѣвалъ, что фантазія, поэтическое настроеніе — это, можетъ быть, самая практическая изъ всѣхъ силъ, какъ это ни кажется странно. Въ самомъ дѣлѣ, она одна заставляетъ человѣка чувствовать себя счастливымъ при обстоятельствахъ, которыя со всѣхъ другихъ точекъ зрѣнія далеко не способствуютъ счастью. Она создаетъ свой міръ. Она все окрашиваетъ въ розовый цвѣтъ. Однимъ словомъ, я считаю, что человѣкъ безъ этого чувства — земля безъ солнца: ни свѣта, ни тепла, ни радости.

— Немудрено-же, что наши усилія оказались напрасными, утонула Анна. — Я гораздо прозаичнѣе тебя въ этомъ отношеніи, но должна также признаться, что всегда наслаждалась въ тебѣ и цѣнила въ тебѣ больше всего твою поэтическую струю.

Евгенію не сидѣлось на мѣстѣ. Очутившись послѣ петербургскихъ тумановъ, послѣ петербургской тусклости и плоскости, среди яркой, оригинальной и величественной природы, Евгенийъ просто съума сходилъ. Ему хотѣлось перекатиться на какомъ-нибудь колесѣ черезъ цѣлое море, хотѣлось побывать на вершинахъ всѣхъ утесовъ, которые ему были видны съ берега, и больше всего на тѣхъ, которые были дальше всѣхъ, выше всѣхъ, обрывистѣе всѣхъ. Видъ татарина верхомъ, особенно въ чалмѣ, восхищалъ его, какъ живописная и романтическая невидаль, хотя ему было очень досадно, что татары ѣздятъ совсѣмъ невооруженные. Евгенийъ всюду отыскивалъ опасности и необыкновенныя происшествія; въ немъ неутомимо говорила потребность на кого-нибудь напасть, кого-нибудь защитить, испугаться самому или напугать другого. Первые дни пріѣзда онъ носился по всѣмъ норкамъ и закоулкамъ, какъ восхищенная птица, возвратившаяся въ свое родное гнѣздо. Онъ словно спѣшилъ сдѣлать все это своимъ, дорогимъ и близкимъ сердцу и боялся потерять одну минуту. Ненависть къ городу, къ столицѣ, всегда въ немъ сильная, заговорила теперь съ особенной страстностью. Заведеніе, въ которомъ онъ учился, казалось теперь Евгению смрадною тюрьмою. Пустынная красота горъ и моря сіяла кругомъ него живымъ, уничтожающимъ протестомъ противъ искусственнаго затворничества далекой столицы, въ которомъ, какъ казалось ему, онъ

такъ долго мучился. Сергѣй не покидалъ его первые дни. Вмѣстѣ они купались въ морѣ, вмѣстѣ лазали по горамъ.

Анна тоже проводила съ братомъ свой досугъ. Но досуга было недостаточно: хотѣлось получше покормить, поудобнѣе устроить своего птенца, — поневолѣ приходилось предаваться хозяйству не меньше, а больше обыкновеннаго. Кромѣ того, Аннѣ не вездѣ было удобно сопровождать брата. Сергѣй рубилъ дрова въ лѣсу вмѣстѣ съ нимъ, когда Анна должна была возить-ся дома; Сергѣй бралъ его на рыбную ловлю, гдѣ имъ приходилось раздѣваться безъ всякихъ церемоній. Мало-по-малу, Анна начинала чувствовать, что ея Евгенийъ ровнымъ образомъ будетъ больше связанъ съ братомъ — товарищемъ и вождемъ всѣхъ его мужскихъ предпріятій — чѣмъ съ сестрою; она съ первыхъ-же дней замѣтила, насколько Сергѣй нужнѣе и интереснѣе Евгению, чѣмъ она. Онъ оглядывался на него, разспрашивалъ его, слушалъ его. Для сестры у него было готово нѣжное слово, ласковое объятіе, откровенный разговоръ, но ему словно уже нечего было болѣе спрашивать у сестры и научиться отъ сестры. Онъ какъ-будто уже былъ проникнутъ, пока еще безмолвнымъ, сознаніемъ, что онъ долженъ быть, что онъ можетъ быть покровителемъ своей сестры.

Эти мысли стали тонкою отравою проникать въ сердце Анны и возмущать ея счастливое настроеніе.

Въ ней было много готовности на жертву, но она не могла сразу помириться съ неизбѣжнымъ жребіемъ. Духъ ея громко вопіялъ противъ такой несправедливости природы. Она еще слишкомъ живо помнила всѣ тягости своихъ ухаживаній за братомъ-ребенкомъ, дни безъ отдыха, ночи безъ сна, горькія слезы и смертельные страхи, которыми она отстаивала его жизнь, которые она страстно отдавала ему тогда, когда онъ не могъ еще ничего дать ей. Этотъ прекрасный, увлекательный юноша, которымъ теперь всѣ свѣтъ любоваться, всѣ считаютъ себя вправѣ любоваться, — кто, въ сущности, ея собственность. Кто былъ около нея, когда она лечила его болѣзни, оберегала его сонъ и его игры, забывъ себя, свои вкусы и привычки?

Даже и Сергѣй, — развѣ онъ сдѣлалъ для Евгения десятую долю того, что сдѣлала для него она? Развѣ онъ страдалъ такъ, трудился такъ, отдавался ему такъ всецѣло? За что-же теперь

онъ сталъ всёмъ для ея Евгенія? Это казалось ей возмутительною несправедливостью. Еслибы Евгенію вдругъ открыли настроеніе духа сестры, онъ изумился-бы ему въ высшей степени. Ничего подобнаго не подозрѣвалъ онъ въ своемъ поведеніи. Напротивъ того, онъ постоянно былъ пронизанъ мыслью о томъ, что имъ всюду и вездѣ нужно быть вмѣстѣ, постоянно ссорился съ сестрою за то, что она оставляетъ ихъ.

Онъ много разъ упрашивалъ сестру брать его съ собою при развѣздахъ по больнымъ, и, когда она соглашалась на это, онъ былъ веселъ и счастливъ всю дорогу, гарцуя сбоку Анны въ качествѣ надежнаго оруженосца. То, что предчувствовала Анна, чего боялась она, что возмущало ее, то двигалось незамѣтно и безсознательно, въ такихъ формахъ, которыя не давали себя оцупать, опредѣлить. Послѣ нѣсколькихъ дней горькой борьбы съ своимъ сердцемъ, Анна начинала приспособляться къ новымъ условіямъ, въ которыхъ очутилась она относительно брата. Новыя положенія, даже самыя удобныя, всегда требуютъ нѣсколько горя и нѣсколько борьбы. Мечта человѣка заранѣе создаетъ для каждаго положенія свои собственныя требованія, и эти требованія даже у самаго практическаго человѣка никогда не могутъ вполне совпасть съ дѣйствительностью. Та доля неизбѣжныхъ уступокъ, которую вынуждена сдѣлать мечта въ пользу дѣйствительности, непремѣнно ощущается сердцемъ, сжившимся съ обаяніемъ своей мечты, какъ посягательство на его права, какъ разочарованіе, болѣе или менѣе горькое, въ своихъ тайныхъ ожиданіяхъ.

Я думаю, не было и не будетъ на свѣтѣ ни одной такой счастливой пары, кто-бы они ни были, влюбленные, мать и сынъ, братъ и сестра, или два друга, которые-бы могли сказать съ полною искренностью, что ихъ сближеніе произошло безъ извѣстной доли этого невольнаго разочарованія и этого вынужденнаго поступленія своимъ въ пользу чужого.

Не въ порядкѣ вещей, чтобы міръ обрѣлъ въ себѣ психическое чудо, въ которомъ всякая складка фантазіи, всё ея капризные углубленія и выступы пришлись непремѣнно точь-въ-точь къ неподвижнымъ формамъ дѣйствительности.

VIII.

Джелалъ-эфенди.

Стояло ясное и прохладное утро при полномъ безвѣтріи. Море казалось прозрачнымъ, какъ воздухъ. Кипарисы и сосны таяли въ голубомъ свѣтѣ.

Анна была одна въ домѣ. Она сейчасъ только плавала далеко въ море, въ сосредоточенномъ молчаніи, полная созерцанія, думы, сладкаго ощущенія жизни. Ей было радостно плыть безъ страха по пучинамъ моря, надѣясь только на свои силы. Ей хотѣлось бы уплыть, Богъ знаетъ куда, вмѣстѣ съ удалыми дельфинами, которые весело гарцовали по необъятному простору водъ.

Когда она вышла на берегъ къ высокому утесу, замѣнявшему бухальню и укрывавшему ее отъ взгляда рѣдкихъ прохожихъ, кое-когда пробиравшихся по береговой тропинкѣ, Анна чувствовала какую-то особенную бодрость бытія.

Не успѣла она одѣться и сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ къ дому, какъ увидѣла татарина, стоявшаго подъ старымъ теребинтою надъ берегомъ рѣки, какъ-разъ противъ дверей ея дома.

Онъ не двигался при ея приближеніи и, прислонившись, словно усталый, къ стволу дерева, задумчиво понурясь, стегалъ плеткою по камнямъ берега.

Это былъ высокій юноша, сухой и статный, какъ арабскій конь. Онъ былъ въ бѣлой чалмѣ софты *), которая рѣзко отбѣивала его южную матовую блѣдность и молодую, черную бороду. Черный огонь сверкалъ въ пристальномъ, горячемъ взглядѣ... Блескомъ непочатой молодости, похожимъ на весенній блескъ только что распутившагося дубоваго листа, проступала вся строгая, смуглая фигура юноши-татарина.

— Что ты, Джелалъ-эфенди? Развѣ мать опять больна? спросила его Анна, у которой что-то вздрогнуло внутри при видѣ софты.

Юноша отрицательно покачалъ головою и молчалъ, не глядя на Анну.

*) Студентъ-богословъ.

— Тебѣ, вѣрно, нужно къ Сергѣй-ага?

— Нѣтъ, нѣтъ, Сергѣй-ага не нужно, заторопился, хмурясь, Джелаль. — Такъ пришелъ... посмотрѣть пришелъ... Здорова ты?

— Я здорова, спасибо тебѣ. Не хочешь-ли напиться или съѣсть чего? Ты вѣдь изъ дому?

— Зачѣмъ? Не надо, проговорилъ софта, продолжая хлестать по камнямъ.

— Если тебѣ ничего не надо, я пойду работать въ виноградникъ, сказала Анна, стараясь быть спокойною, но охваченная внутреннимъ волненіемъ.

Она встрѣтила Джелала мѣсяць тому назадъ въ домѣ Улагъ-бея, гдѣ она лечила хозяйку.

При видѣ Анны, Джелаль остановился, какъ дикій олень, застигнутый врасплохъ въ чащѣ лѣса, и долго молча всматривался въ нее и вслушивался въ ея рѣчи. Потому она часто встрѣчала его; каждый разъ, какъ только приходилось быть въ Ала-Сараѣ, Джелаль ждалъ ее у воротъ дома, принималъ и подавалъ ей коня. Два раза онъ провожалъ ее домой въ темный вечеръ. Джелаль ни разу не говорилъ съ Анной, кромѣ здравствуй, прощай, возьми лошадь, или держи направо, но онъ смотрѣлъ на Анну и былъ возлѣ нея, когда она говорила.

Уже третій разъ, какъ Анна видѣла его передъ дверью своего дома, на обрывѣ берега, подъ старымъ теребинтомъ; онъ приходилъ, не говоря ни слова, не имѣя ни къ кому дѣла, и представлялъ нѣсколько часовъ, постегивая плеткою камни, не сводя глазъ съ дома Анны. Онъ всегда приходилъ безъ Сергѣя.

Анна чувствовала, что Джелаль смотритъ на нее особенно жаркимъ и пристальнымъ взглядомъ. Ее стали тревожить его странныя безпричинныя посѣщенія; но гордость ея возмущалась необходимостью осторожности. Она говорила мимоходомъ Сергѣю, что безъ него приходилъ Джелаль, подшучивала надъ его ухаживаніемъ. Сергѣй, конечно, не придавалъ никакого значенія ея шутокъ.

Теперь дѣло выходило серьезнѣе, чѣмъ она сначала думала, а Аннѣ все-таки казалось постыднымъ прибѣгать къ чужой помощи, къ помощи мужчины, хотя-бы и мужа, чтобы защитить себя отъ преслѣдованій полудикаго ребенка. Развѣ она сама не можетъ встрѣтить опасность и отразить ее, еслибы она была? Она, жен-

щина, такой-же цѣльный человѣкъ, какъ и мужчина; она давно рѣшилась отказаться на свой собственный рискъ отъ жалкой роли „половины“ человѣка, хотя бы и „прекрасной“ его половины. Пить смѣло и самобытно по морю жизни, какъ она плыла нынче угрозою по настоящему морю, какія-бы бури ни встрѣтили тамъ ее, — вотъ ея коренной принципъ. Она не спуститъ добровольно флага передъ судьбою: пусть она сама изорветъ его въ клочки и поломаетъ ея мачты, если ужъ этому быть.

Анна понимала, что странныя выходки софты могутъ нарушить внутренней міръ ея и Сергѣя. Но оттого-то ей и хотѣлось встрѣтить опасность лицомъ къ лицу; хотѣлось испытать и доказать самой себѣ свою внутреннюю силу безъ всякой посторонней помощи.

Боятся юноши татарченка, бояться чужихъ намѣреній, чужой воли? Ея собственная воля вскипала негодованіемъ, сознаниемъ своей независимости, вызовомъ на бой.

Но вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ негодующей гордости, глубже его, незамѣтнѣе его, въ сердцѣ Анны жило и другое чувство.

Анна родилась съ возвышеннымъ и властительнымъ духомъ, котораго не могла удовлетворять ни среда пошлыхъ дѣлъ, ни страдательная роль въ жизни. Она вся была проникнута потребностью широкаго, неизсякаемаго творчества.

Геній и героизмъ восхищали ее въ дѣтствѣ, воодушевляли ее, когда она стала зрѣлымъ человѣкомъ.

По ея убѣжденію жить — для нея значило дѣлать непрерывно что-нибудь высокое и самобытное. Безъ борьбы за серьезную цѣль Анна не мыслила жизни; самоотверженіе не пугало ее, а казалось ей неизбѣжнымъ условіемъ дѣла, достойнаго человѣка. Житейская-же пошлость, которая мирится со всякой случайностью, придавившею человѣка, которая боится борьбы, измѣненія и старается стихнуть и спрятаться отъ судьбы, прижавъ уши, забившись за первую кочку, подъ которою пришлось очутиться, для Анны казалась хуже смерти.

Анна оттого и покинула родину своего мужа, промѣнявъ спокойную обстановку его дворянскаго быта на неудобства и труды своей теперешней полуднякой жизни, чтобы спастись отъ пошлости давно насыженныхъ людскихъ гнѣздъ, отъ этихъ клоповниковъ, въ которыхъ ничѣмъ нельзя перевести вишеня разныхъ

вонючихъ и досадныхъ тварей. Она искала свѣжей почвы, крупныхъ дѣлъ, широкой обстановки. Природа соблазняла ее своею абсолютною простотою, правдою, силою и неисчерпаемою свѣжестью. Берегъ крымскаго моря казался ей идеальною сферою для истинно-человѣческой жизни. Наивный татаринъ, нуждавшійся чуть не въ азбукѣ цивилизаціи, представлялъ ее фантазіи безконечное поле для плодотворныхъ работъ.

Анна съ наслажденіемъ оставила міръ безсодержательной суеты и безпринципнаго эгоизма, міръ словъ и масокъ, чтобы добыть возможность искренней жизни по своему вкусу. Своими внутренними идеалами она невольно довела простоту своей житейской обстановки до тѣхъ предѣловъ, гдѣ она переставала служить предметствіемъ ея главнымъ задачамъ.

Но какъ ни удовлетворяла новая среда творческимъ влеченіямъ Анны, сколько полезнаго дѣла ни отыскивала она здѣсь себѣ, все-таки ея вѣчно жаждущій духъ просилъ еще большаго. Въ тайныхъ глубинахъ его шевелилось сознаніе, что есть подвиги и цѣли, передъ которыми настоящія цѣли Анны такъ-же мелки и жалки, какъ та себялюбивая суета, отъ которой бѣжала она.

Еслибы Колумбъ поѣхалъ при ней открывать новый свѣтъ или Гарибальди собирался съ горстью восторженныхъ юношей освобождать народы и сокрушать царства, Анна была-бы съ ними, не колеблясь ни одной минуты.

Еслибы она жила во времена Спасителя, она лежала-бы у Его ногъ вмѣстѣ съ Магдалиною и разносила бы Его ученіе, радуясь страданію и гоненіямъ за Него.

Это ненасытимое стремленіе Анны къ высокому и необыкновенному временами глубоко смущало Сергѣя, котораго мягкая, артистическая натура гораздо болѣе искала спокойнаго и безобиднаго наслажденія, чѣмъ подвига.

Какъ человѣкъ безпристрастнаго анализа, Сергѣй хорошо видѣлъ, какъ мало воплощалъ онъ въ себѣ тотъ беззавѣтный героизмъ, которому поклонялась Анна. Съ другой стороны, онъ зналъ также, что герои и гении слишкомъ рѣдко являются въ міръ, и мало вѣрилъ, чтобы судьба послала навстрѣчу Аннѣ одного изъ нихъ, однако, чувствовалъ, что міръ ихъ сердца можетъ быть потрясенъ самымъ роковымъ образомъ, еслибы Анна случайно

столкнулась съ человѣкомъ, въ которомъ-бы она вообразила чело-
вѣка своихъ идеаловъ.

Люди цѣльнаго призванія, сильнаго духа, какъ-бы ни были
односторонни они, производили на Анну глубокое впечатлѣнiе,
котораго она не скрывала отъ Сергѣя и не могла-бы скрыть.

Въ нихъ она видѣла, если не людей подвига, то людей, спо-
собныхъ на подвигъ.

— Ты разлюбишь меня, если встрѣтишь какого-нибудь фана-
тика, одушевленнаго своею упрямою идеей, говорилъ иногда Аннѣ
Сергѣй, не то шутя, не то серьезно. — По-твоему необходимо
всего себя отдать одному дѣлу, для него жить, для него уме-
реть. Люди широкихъ и разнообразныхъ влеченій, люди-артисты
не по твоей душѣ. А я вѣдь, по вкусамъ своимъ, тоже чело-вѣкъ-
артистъ въ нѣкоторомъ родѣ.

Анну глубоко поразили эти слова Сергѣя, когда она услышала
ихъ въ первый разъ. Она не допускала неискренности и думала,
что всегда была искренна съ своимъ мужемъ. Теперь ей вдругъ
стало стыдно до боли, какъ-будто неожиданно обличилась тайна,
которую она тщательно скрывала въ своемъ сердцѣ. Сергѣй могъ
думать, что она обманывала его. Но она и тутъ была искренна.
Она сама тревожно подозрѣвала въ себѣ возможность чего-то
такого, что противорѣчило всему ея настоящему, что уничтожало
все ея прошлое. Но она такъ боялась этого недо-вѣрiя къ самой
себѣ, что никогда не позволяла своей мысли останавливаться на
немъ. Она рѣшительно гнала отъ себя прочь малѣйшее сомнѣнiе
въ неизблестности своихъ сердечныхъ связей съ мужемъ и застав-
ляла себя смотрѣть на нихъ, какъ на неизмѣнную почву всѣхъ
ея другихъ цѣлей и дѣлъ.

Анна отвѣтила на слова мужа смѣхомъ и отрицанiями.

— Это правда, что меня увлекаетъ сосредоточенность силы,
говорила она.—Я какъ-то съ дѣтства воспитала въ себѣ культъ
героизма, и для меня это теперь религiя своего рода. Но вѣдь
религiя — идеальность, которая даетъ только общее направлѣнiе
вашимъ стремленiямъ; она не мѣшаетъ жить на землѣ житейскими
интересами. Конечно, въ теорiи я не могу оспаривать, чтобы я
не могла полюбить кого-нибудь другаго, — мы всѣ — люди, — но
да дѣлъ я, конечно, не промѣняю тебя ни на кого, никогда.

— Пока ни встрѣтишь чело-вѣка, передъ которымъ я покажусь

тебѣ жалкимъ ребенкомъ. Вѣдь я не человѣкъ твоихъ идеаловъ, признайся искренне.

— Можетъ быть, въ тебѣ и есть черты, которыя не входятъ въ мой идеалъ человѣка, но что изъ этого? съ горечью въ сердцѣ защищалась Анна, не столько отъ словъ Сергѣя, сколько отъ своихъ собственныхъ внутреннихъ думъ.—Развѣ то чувство, которымъ исполняютъ меня люди-избранники, имѣетъ что-нибудь общее съ моею любовью къ тебѣ? Неужели достаточно увидѣть Гарибальди или Ливингстона, чтобы бросить мужа и повѣситься имъ на шею? Нѣтъ, Сергѣй, мнѣ кажется, любовь есть цѣлый живой организмъ, который растетъ, дѣйствуетъ въ мѣрѣ, какъ всякій другой организмъ. Нужно много условій, чтобы онъ выросъ и укоренился, и много, чтобы онъ исчезъ. Развѣ наша любовь родилась изъ ничего, безъ всякихъ причинъ? Она — жизнь, и потому должна имѣть всѣ условія живучести, даже вынести всякую борьбу. Можетъ быть, ты и артистъ, какъ ты говоришь, только въ тебѣ я всегда видѣла больше духовной силы, чѣмъ во всѣхъ тѣхъ, кого встрѣчала я. Ты — воплощенная честность, гуманность. Ты такъ любилъ меня, какъ никто и никогда не можетъ полюбить меня.

Сергѣй смолкалъ передъ горячимъ протестомъ жены и молча цѣловалъ ее. Но Анна никогда не забывала этого разговора. Онъ отворилъ ей тотъ тайникъ ея сердца, отъ котораго она прежде отворачивалась въ инстинктивномъ страхѣ, какъ ребенокъ отъ темнаго угла.

Не одинъ и не два дня послѣ того Анна продолжала сама съ собою этотъ досадный разговоръ.

Она не смѣла признаться себѣ открыто, но смутно сознавала, что не договорила всего Сергѣю. Теперь опредѣленнѣе, чѣмъ когда нибудь, передъ нею встали давно одолевавшія ее сомнѣнія. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда они жили въ своемъ прозаическомъ крапивинскомъ уѣздѣ, ей вдругъ пришла мысль, что замужество—это остановка человѣческаго развитія, окаменѣніе жизненныхъ силъ въ предѣлахъ разъ достигнутыхъ. Исканіе пути прекращается; перспективы не смѣняются больше; станція достигнута. Человѣкъ знаетъ все, что онъ можетъ, что онъ сдѣлалъ и сдѣлаетъ. Онъ опредѣлился весь; онъ весь становится прошедшимъ и будущаго въ немъ не остается ничего. Вопросъ

этотъ осадилъ тогда сердце и голову Анны такою черною тучею, что она и Сергѣй въ нѣсколько мѣсяцевъ съ трудомъ передумали и пережили его. Онъ разрѣшился твердымъ намѣреніемъ ихъ доказать противное и болѣе всего побудилъ Головинныхъ развязаться съ пошлою обстановкой мелкаго уѣзднаго быта. Анна бѣжала отъ своихъ сомнѣній изъ крапивинскихъ коноплянниковъ въ виноградники Крыма. И вотъ среди этихъ виноградниковъ, при плескѣ моря, подъ вѣчною сѣнью горныхъ громадъ, передъ Анною опять стоитъ тотъ-же неотвязчивый, мучительный вопросъ. „Отказаться отъ права любить, отъ наслажденія жертвовать собою, отдавать себя, отъ жажды овладѣть сердцемъ и мыслию другаго существа, познать ихъ, слиться съ ними. Какъ-бы привлекателенъ ни былъ этотъ неизвѣданный тобою, къ тебѣ стремящійся, тебя манящій духъ твоего брата—человѣка, на какую-бы высоту ни подняло тебя его прикосновеніе, — отвернись отъ него и бѣги! Ты не смѣешь идти ему навстрѣчу; онъ не смѣетъ стремиться къ тебѣ. Ты принадлежишь другому, ты закрѣплена на вѣки, твоя пѣсня спѣта. Плодись и размножайся...“

Гордость Анны, ея потребность свободы, ея жажда широкой и глубокой жизни, все стонало внутреннимъ стономъ отъ этихъ тяжелыхъ сомнѣній.

Ей казалось, что она еще слишкомъ молода, чтобы сказать миру своего сердца: не существуй, умри!

Она любить Сергѣя—въ этомъ нѣтъ сомнѣнья. Никто другой не возбуждаетъ ея страсти. Но она *обязана* любить Сергѣя, она *не смѣетъ* имѣть страсти къ другому. Прекратить право любви, значить прекратить способность любви; любовь къ мужу уже не страсть,—это ровное, вѣчно одинаковое отношеніе двухъ союзниковъ, связанныхъ дружбою и общими цѣлями, отношеніе, полное ласковости, уваженія, привязанности; въ жизни человѣка—это стадія неподвижности. Она перевариваетъ только то, что добыто прежде.

Человѣку нужно постоянно обновленіе, нужны дальнѣйшіе факты жизни, непохожіе на прежніе, нуженъ творческій огонь, одушевленіе борьбы, жажда исканья... Его сердце не можетъ быть въ сѣвахъ, если оно должно жить... Превращается страстность *порывовъ*, останавливается развитіе жизни... Наступаетъ старость!..

— Да, бракъ есть старость, неизбѣжная старость! болѣзненно повелѣлось въ душѣ Анны...

Но какъ ни требовательны были ея идеалы, какъ ни безпощадна была въ нѣкоторыхъ случаяхъ ея логика, Анна все-таки не была фантазеркою и не допускала овладѣвать собою головными соображеніемъ, непровѣреннымъ житейской правдою...

Она не могла, конечно, желать свободной любви, какъ ее понимаютъ героини Бальзака и Флобера. Опытъ жизни научилъ ее, что внѣ формъ брака, выработанныхъ исторіею человечества, для любви еще не отыскано достойнаго и прочнаго положенія...

Вопросъ, мучившій Анну, стоялъ передъ нею во всѣхъ своихъ неразрѣшимыхъ противорѣчійхъ, не указывая никакого выхода, потому что онъ былъ пока только вопросомъ теоріи и не нѣлъ за собою никакого практическаго союзника... Только живая страсть могла-бы указать ему рѣшительный исходъ...

Оттого-то неожиданное появленіе на ея пути молодого Джелала взволновало Анну.

Джелалъ не плѣнялъ Анны; но она сознавала въ себѣ такой горячій запросъ на жизнь, такой смѣлый внутренній протестъ противъ неволи своего духа, которые пугали ее.

Джелалъ стоялъ передъ нею воплощенною страстью юга, все забывшею, на все готовую. Джелалъ былъ сама молодость, во всемъ очарованъ невѣденіемъ и свѣжести.

Окунуться въ этотъ кипящій ключъ жизни — соблазнительнѣе, чѣмъ броситься вплавь въ волны моря, когда его колыхаетъ буря.

Въ смѣлой натурѣ Анны, возмущенной пошлостью и робостью обыденной жизни, эти соблазны могли найти больше отголоска, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ.

Но она любила Сергѣя и не хотѣла оскорбить своей любви иѣрами осторожности. Самая смѣлость и гордость ея не позволяли ей уклоняться отъ встрѣчъ Джелала и нечувствительно увлекали ее полюбоваться, хотя со стороны, на страсть полудикаго юноши, такъ мало ей знакомую, такъ сочувственную ея вѣсамъ... Она вѣрила въ себя и не сомнѣвалась устоять противъ напора чужой воли, которая, казалось ей, интересовала ее только какъ наблюдателя.

Джелалъ просидѣлъ на корточкахъ подъ теребинтомъ все время, пока Анна работала въ виноградникѣ. Когда Сергѣй съ Бе-

кромѣ показались на тропинкѣ, спускавшейся съ горъ, Джелалъ сказалъ громко: „прощай, ханымъ!“.. и, тяжело вздохнувъ, медленно побрелъ домой по камнямъ отдели...

Анна не слыхала его прощальнаго привѣта и не видѣла, какъ онъ ушелъ. Работа рукъ освободила голову отъ тяжелыхъ мыслей, и она забыла о молодомъ софтѣ.

— Джелалъ опять былъ безъ тебя! сказала она, смѣясь, за обѣдомъ Сергѣю, боясь сдѣлать какое-либо подобіе тайны изъ его посѣщеній. — Право, онъ ухаживаетъ за мной!..

— Славный мальчикъ, мнѣ онъ очень нравится... разсѣянно отвѣчалъ Сергѣй, — ни разу не слыхалъ, чтобы онъ сказалъ неправду. Вся его душа въ его глазахъ...

Они замолчали и потомъ заговорили о другомъ, позабывъ Джелала.

На другой день Джелалъ опять былъ у теребинта, когда Анна окончила свое купанье; онъ показался ей смущеннѣе прежняго и глядѣлъ ей въ глаза еще меньше.

— Здравствуй, Джелалъ-эфенди, сказала ему Анна, подходя прямо къ нему. — Ты опять здѣсь? Развѣ во дворѣ Темиръ-Кая нѣтъ никакихъ работъ, что онъ позволяетъ тебѣ проводить цѣлый день въ прогулкахъ?.. Кажется, я видѣла, у васъ расчищаютъ старый садъ... Что твоя мать?..

— Она здорова, отвѣчалъ Джелалъ и, посмотрѣвъ вдругъ гнѣвно на Анну, прибавилъ:

— Софта не работникъ... софта коранъ читалъ, мечеть ходилъ, землю не копалъ.

— Тебѣ что-нибудь нужно здѣсь? спросила Анна, желая перемѣнить раздражившій его разговоръ.

Софта не отвѣчалъ, и только черные глаза его все больше разгорались гнѣвомъ не то ребенка, не то звѣря.

— Джелалъ пошолъ на берегъ; берегъ Аллаха и море Аллаха... сказалъ, наконецъ, онъ дерзко. — Джелалъ не пошолъ въ къ Сергѣй-ага...

Но онъ сейчасъ-же перешолъ въ другой, мягкій тонъ и прибавилъ тихо, потупивъ глаза:

— Ханымъ скажетъ, Джелалъ не надо, — Джелалъ прочъ пошолъ...

Анна неволью любовалась его статною юношескою фігурой,

полной огня и смущенья, какъ любятъся на молодого звѣря во всей его непечатой дикости.

— Ханымъ не гонить прочь Джелала, отвѣчала она, улыбувшись, — ханымъ всегда рада видѣть Джелала, только напрасно Джелаль приходитъ всегда безъ Сергѣй-ага. Развѣ Сергѣй-ага ему не другъ? Сергѣй-ага можетъ подумать, что у Джелала не-хорошее на умѣ...

Анна поддѣлывалась подъ тонъ татарина: съ дѣтьми всегда приходится говорить такъ.

Гнѣвныя молніи свернули въ глазахъ юноши, когда Анна произнесла имя своего мужа. Онъ презрительно махнулъ рукой и уставился въ домъ Головиныхъ, сердито оскаливъ свои бѣлые стиснутые зубы.

Но отвѣта Анна не дождалась.

— Софта не работаетъ, а ханымъ работаетъ, сказала она, постоявъ минуту въ задумчивости и улыбувшись ему ласково, — я пойду въ виноградникъ. Если захочешь напиться или съѣсть что-нибудь, позови меня... Ты-бы вошелъ лучше въ домъ, Джелаль-эфенди, тамъ тѣнь, а здѣсь жара...

Джелаль отрицательно и недовольно покачалъ головою.

Анна своимъ спокойнымъ шагомъ стала подниматься въ виноградникъ.

Никогда руки Анны не трудились такъ много, какъ теперь. Джелаль не приходилъ цѣлыхъ три дня, и она почти совсѣмъ забыла его. Когда онъ приходилъ ей на память, онъ представлялся ей такимъ безопаснымъ и милымъ ребенкомъ, о которомъ нельзя было и говорить серьезно. Что было, что могло быть общаго между нимъ и ею? Они — два отдѣльныхъ міра, которые никогда-бы не поняли другъ друга, никогда-бы не были нужны другъ другу... Но ребяческая исторія Джелала не проскользнула, однако, безслѣдно по Аннѣ; она незамѣтно наполняла ея духъ какимъ-то новымъ напоромъ молодости и жизни... О Джелалѣ она не думала, но сердце ея было самою собою настроено радостнѣе и возвышеннѣе обыкновеннаго...

Ее еще можно любить... на свѣтѣ еще возможна страсть, безумство увлеченья, — значитъ, еще не старость, еще не совсѣмъ

остановка пути, еще впереди стелются неизвѣстные горизонты... Они всегда кажутся свѣтлыми издали, и чѣмъ дальше, тѣмъ свѣтлѣе...

Безотчетное ощущеніе своей собственной жизненной энергіи, инстинктивное предвѣщеніе невѣдомыхъ возможностей жизни даютъ радостныя крылья духу человѣка... Быть можетъ, въ этомъ могучемъ весеннемъ сокоотеченіи жизни и состоитъ молодость... За что-бы ни бралась теперь Анна, въ тайныхъ глубинахъ ея сердца стояло какое-то радостное, хотя и неясное чувство, оправдывавшее всякое дѣло, ободрявшее на него... Оно давало общій фонъ всему, что дѣлала она.

Анна знала, что это чувство новое; она уже давно не испытывала его при своихъ спокойныхъ и честныхъ отношеніяхъ къ Сергѣю. Убыль этого чувства черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея замужества принесла ей въ свое время много терзаній и послужила безконечною темою мыслей, споровъ и рѣшеній. Теперь эта досадовавшая ее вялость желаній вдругъ снова исчезла; она чувствовала себя смѣлѣе и лучше; ей казалось, что она теперь способна сдѣлать то, чего не сдѣлала-бы прежде. Вѣра въ жизнь и любовь къ жизни заговорили въ ней съ свѣжею силою.

Сергѣй замѣчалъ этотъ внезапный подъемъ душевной энергіи Анны и, хотя вообще радовался ему, однако, временами и задумывался. Иногда ему смутно чужалось, что одушевленіе Анны зарождается внѣ его, что она включаетъ его въ свою сферу дѣйствій не какъ главный и единственный предметъ стремленія, а какъ одну изъ подробностей ея собственнаго болѣе широкаго міра. Влюбленное чувство болѣе лично, болѣе исключительно, — онъ зналъ это по недавнему опыту.

Сознанье это щемило сердце Сергѣя, но онъ относился къ нему философски, какъ старался относиться ко всему. Онъ не обманывалъ себя на счетъ возможности вѣчной любви на стадіи страсти, какъ не обманывался на счетъ вѣчной молодости или вѣчной жизни. Сознанье недолговѣчности всего земного — тяжкое осознанье; однако, практическій человѣкъ не дастъ себѣ погружаться въ него съ головою, какъ трагистъ или сирійскій отшельникъ.

Сергѣй страдалъ, какъ мужъ, провожая свою за горизонтъ заходившую юность; онъ не изнемогалъ въ страданіи, а очищалъ

себѣ со вздохомъ путь къ болѣе скромнымъ радостямъ иного возраста.

Протеста въ немъ было мало, гораздо меньше, чѣмъ въ Аннѣ, и эта черта характера болѣе всего отдаляла ихъ другъ отъ друга. Мятежный духъ Анны не покорялся сразу судьбѣ и находилъ свое воскресеніе въ вызовѣ и борьбѣ. Сергѣй, напротивъ того, съ своей складкой житейскаго философа и артиста, спокойно устраивался въ тѣхъ условіяхъ, какія давались жизнью, извлекая изъ нихъ, что было можно.

Точно также и переиъну, замѣченную имъ въ Аннѣ, Сергѣй объяснилъ себѣ ея порывистостью, ея неугомнившимся чувствомъ юности, которое ищетъ творческой работы и пересоздаетъ окружающій міръ по своей фантази.

Какъ ни хорошо зналъ онъ Анну, но и ему казалось невозможнымъ уловить всѣ оригинальные капризы ея внутренней міра, особенно на той грани, гдѣ одинъ возрастъ долженъ былъ отступать съ отчаянною борьбою передъ натискомъ другого.

Евгеній былъ въ этомъ отношеніи ближе къ Аннѣ. Въ немъ кипѣла самая зеленая, едва оперившаяся юность, и Анна хватывалась за нее, какъ за якорь спасенія. Она словно инстинктивно стремилась защищать свою уходившую молодость тѣснымъ братствомъ съ нарождавшеюся молодостью Евгенія. Онъ всегда былъ ея любимецъ, и она въ тайнѣ своей души ждала многого отъ ихъ постоянного братскаго общенія; то, чего ея порывы не находили въ Сергѣѣ, они должны были найти въ Евгеніѣ. Онъ еще полонъ неблагоразумной вѣры въ себя и міръ, онъ еще способенъ на удалое безумство, на великодушныя иллюзи, на навныя жертвы... Онъ будетъ молдить ее и наполнять вѣяніи дѣтской поэзи. Сергѣй тоже поэтъ; но его поэзія — поэзія примиренія и преклоненія предъ настоящимъ. Его поэзія не увлекаетъ никуда, не волнуетъ, а успокаиваетъ, не рождаетъ жадныхъ желаній... Аннѣ еще нужны были бури и битвы. Она рассчитывала, что Евгеній будетъ горячо сочувствовать ей, сроднится съ нею еще ближе и будетъ неизмѣннымъ спутникомъ своей сестры въ самыхъ дорогихъ ея мечтаніяхъ; вмѣстѣ они окончатально увлекутъ Сергѣя и заставятъ его понять всю предельность тѣхъ смѣ-

ныхъ идеаловъ, противъ которыхъ онъ теперь возстаетъ своимъ изысканнѣмъ житейскимъ благоразуміемъ. Сергѣй и теперь далеко не всегда выдерживаетъ бой, и Анна часто трепещетъ отъ радости, сбивая его съ его философскихъ позицій и соблазняя за собою на свой рискованный путь.

Хотя первые дни пребыванія Евгенія въ Адамъ-Чокракѣ, какъ мы видѣли, разочаровали Анну, Евгенийъ словно отвыкъ отъ сестры за время своего долгаго ученія; привычка мужского товарищества и мужскихъ занятій сразу сблизила его съ Сергѣемъ, къ которому онъ прильнулъ, какъ къ твердому руководителю, у котораго сталъ восторженно учиться всему тому, что составляло его юношескіе интересы.

Однако, подъ вліяніемъ новаго настроенія, порожденнаго странными выходками Джелала, Анна страхнула съ себя чувство отчужденія къ брату, которое уже начало закрадываться въ нее.

Теперь она видѣла въ немъ для себя только новую, трудную задачу. Необходимо было узнать брата короче и ближе, познакомиться его съ собственнымъ своимъ внутреннимъ міромъ. Онъ долженъ былъ служить высокимъ цѣлямъ, какія наполняли ее, и она твердо рѣшилась этого достигнуть.

IX.

Конакъ Уланъ-бей.

Быль сентябрь въ концѣ, и наступило время „оленьяго рева“. Этого наслажденія пропустить было невозможно. Оно ново и рѣдко даже для записнаго охотника, оно начинаетъ исчезать даже въ крымскихъ горахъ.

Сергѣй уговорилъ и Анну отправиться вмѣстѣ на охоту. Ему хотѣлось отпраздновать пріѣздъ брата недѣльнымъ странствованіемъ по дебрямъ горъ, чтобы сразу окунуть Евгенія въ настоящую крымскую жизнь и чтобы послѣ того надолго уже отдаться тревнымъ работамъ виноградной уборки, тарпану, бочкамъ и погребу. Нужно было воспользоваться яркою, сухою, очаровательною осенью, которую знаетъ только Крымъ.

Свириденко и Бекиръ были въ компаніи, а на виноградникѣ Головинныхъ остался караулить молодой сынъ Бекира Алимъ, ко-

торый всегда приходилъ изъ деревни Дерской замѣнить отца, когда тому приходилось куда-нибудь выѣхать.

Первый ночлегъ пришлось сдѣлать довольно рано, потому что Аннѣ хотѣлось провѣдать больную мать Фатымы, которую она лечила. Уланъ-бей уже съ мѣсяцъ, какъ переѣхалъ изъ своего берегового гнѣзда Алма-Сарай въ другое свое имѣнье Чурукъ-су, гдѣ были большіе виноградники и которое было въ близкомъ соседствѣ съ богачемъ Темиръ-Кая-Ханомъ, женихомъ Фатымы.

Еще солнце не совсѣмъ скрылось за горы, когда Бекиръ повелъ нашихъ всадниковъ изъ тѣснаго ущелья, по изсохшему ручью котораго они ѣхали уже нѣсколько часовъ, въ широкую долину Чурукъ-су.

Татарская деревня лѣпилась сейчасъ-же при впадѣніи ручья. Плоскія земляныя кровли ея саклей, съ глиняными трубами въ видѣ огромныхъ кубановъ, словно уступы лѣстницы, одѣвали скаты горы; оригинальныя фигуры татарскихъ дѣвушекъ и дѣтей въ ихъ пестрыхъ нарядахъ, стоявшія на крышахъ неподвижно, какъ статуи, при видѣ вѣхавшей толпы всадниковъ, особенно живописно вырѣзались на тихомъ огнѣ заката и вмѣстѣ съ острыми конусами кипарисовъ и тополей, вмѣстѣ съ легкою граціозною башенкой минарета сообщали всей картинѣ самый южный, самый настоящій крымскій характеръ. Подковы лошадей звонко стучали о плитнякъ скалистой дороги, которая змѣєю вилась между татарскихъ земляновъ, открывая глазамъ путниковъ, какъ будто съ высоты птичьяго полета, всѣ жалкія подробности скучнаго татарскаго хозяйства.

Дорога шла въ гору до самаго двора Уланъ-бея, который стоялъ будто отдѣльною крѣпостцой, обнесенный довольно высокою стѣною изъ дикаго камня, сложенаго на-сухо, и въ которомъ весело бѣлѣлись среди зелени три или четыре дома съ свѣжими черепичными крышами, ярко краснѣвшими на лучахъ заката. Сады и виноградники широкою скатертью разливались отъ двора внизъ къ Чурукъ-Су, по скатамъ горы и далеко по руслу долины, также обнесенные оградами изъ сухого камня, между которыми пробирались узенькія и глубокія тропинки.

Заходъ солнца въ глубинѣ горныхъ долинъ наступаетъ гораздо быстрее и рѣзче, чѣмъ на нашихъ открытыхъ поляхъ. Поэтому, когда путники наши подѣхали къ открытымъ воротамъ Уланъ-бея, стало уже совсѣмъ темно. Тѣни отвѣсныхъ горъ, стѣною обступавшихъ долину, сразу легли на нее мракомъ ночи, словно солнце, только-что весело освѣщавшее долину своимъ послѣднимъ лучомъ, вдругъ провалилось въ бездны преисподней.

Бекиръ съ самоувѣреннымъ, почти повелительнымъ, видомъ быстро вѣхалъ на дворъ мурзака и закричалъ что-то по-татарски, пока наши всадники молча толпились у воротъ.

Имъ было видно, какъ толстый, широкомордый татаринъ въ синей курткѣ и необыкновенно вздутыхъ синихъ шароварахъ, съ связкою ключей у пояса, поспѣшно подошелъ къ Бекиру и, пощепавшись съ нимъ, торопливо направился къ одному изъ бѣлыхъ домовъ, окруженныхъ тополями. Однако, и выйдя оттуда, онъ не сразу подошелъ къ путешественникамъ. Они простояли еще порядочно у воротъ, пока толстякъ звалъ другихъ людей и шуршалъ ключами и дверями въ другомъ лежавшемъ напротивъ домикѣ, что-то внося и вынося изъ него.

Наконецъ-то онъ приблизился къ Сергѣю, стоявшему впереди всей компаніи и, приложивъ руку къ сердцу, въ самой почтительной позѣ просилъ по-татарски вѣхать во дворъ.

Это былъ „чайя“ Уланъ-бей, — Девлетъ, главный управитель его дома. Онъ показывалъ рукою на кунацкую, противъ которой стоялъ бокомъ гаремъ Уланъ-бея, неизмѣвшій ни одного окна въ эту сторону и весь спрятанный въ саду.

Нѣсколько слугъ вышли навстрѣчу вѣхавшимъ всадникамъ; съ почтительнымъ привѣтствіемъ принимали они отъ нихъ лошадей и вводили въ гостинные покои.

Въ кунацкой было три комнаты большихъ, но очень низенькихъ, сплошь обставленныхъ диванами, сплошь укрытыхъ войлочными и коврами. Низенькіе, какъ скамеечки, восьмиугольные столы арабскаго рисунка стояли въ углахъ дивановъ вмѣстѣ съ плоскими жаровнями для углей, песочницами и пепельницами. Группы подушекъ и вальцовъ въ пестрыхъ ситцевыхъ наволочкахъ лежали на диванахъ.

Пока слуги зажигали сальные свѣчи, приносили трубки и кофе, а всадники съ наслажденіемъ потягивались на диванахъ,

расправляя усталые члены, Каракозь-ханымъ прислала чайю просить Анну прїдти къ ней въ гаремъ.

Около гарема со стороны сада была цѣлая толпа женщинъ и дѣтей. Они забрались на крытую галерею второго этажа и любовались въ открытыя настежь окна на веселое празднество, совершавшееся внутри гарема. Три старика музыканта тоже стояли подъ навѣсомъ галереи, одинъ — съ зурною, другой — съ жалейкой, а третій, повидимому, цыганъ, низенькій, черный, полуголый, обросшій, какъ звѣрь, косматыми волосами, неистово колотилъ въ турецкій барабанъ, оскаливая иногда на толпу свои сверкающіе бѣлые зубы.

Комнаты гарема были въ полномъ убранствѣ. Здѣсь на диванахъ были уже не простыя ситцевыя подушки и не простые войлоки на полу, а персидскіе ковры, цареградскія мови и банаусы. Диваны были гораздо ниже, столики и табуреточки гораздо изящнѣе: повидимому, это были старинныя драгоценности дома, остатки счастливаго для татарина времени, когда сношенія Крыма съ роднымъ Востокомъ были постоянныя, когда арабская цивилизація еще пронизала собою, хотя внѣшнимъ образомъ, бытъ татарина. Фигурныя табуретки, выложенныя перламутровою мозаикой, лакированныя китайскимъ лакомъ низенькіе столики пальмового дерева, сверкавшія множествомъ огней оригинальныя зеркала, сдѣланныя въ видѣ звѣзды изъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ, стекляруса, украшенныя красными фольговыми полумѣсяцами, зелеными фольговыми листьями, желтыми фольговыми ягодами, веселили собою парадную комнату гарема. На столикахъ эти стояли съ угощеніями рѣдкія старинныя блюда тонкаго серебрянаго филиграна, длинногорлые кувшинчики отличной мѣдной чашки, а на разныхъ полкахъ, обходящихся подъ самымъ потолкомъ кругомъ всей комнаты, красовалась разнородная посуда характерныхъ восточныхъ формъ и самыхъ пестрыхъ красокъ.

На другихъ полкахъ помѣщалась выставка шелковыхъ шальковъ, одѣялъ, бешметовъ, поясовъ, парчевыхъ и бархатныхъ шапочекъ съ червонцами, позументами и камнями, а такъ-какъ самый потолокъ комнаты былъ сплошь изукрашенъ хитрою деревянною рѣзьбою, раскрашеною подъ цвѣтъ персидскаго ковра, и такъ-какъ

толпа женщинъ, сидѣвшихъ на коврахъ посреди пола, на диванахъ и табуретахъ, была одѣта съ еще болѣе яркой пестротой, то вся эта картина вмѣстѣ произвела на вошедшую Анну впечатлѣніе необыкновенной оригинальности и пестроты.

Каракозъ-ханымъ, повидимому, не считала своихъ гостей вполнѣ себя равными, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ, особенно въ числѣ сидѣвшихъ на полу, были одѣты довольно бѣдно и грязно, вовсе не подѣ стать роскошному помѣщенію гарема.

Каракозъ-ханымъ сидѣла въ безмолвномъ величіи на отдѣльномъ табуретѣ въ парадномъ углу комнаты и, повидимому, вовсе не считала бесѣду необходимымъ удовольствіемъ своего вечера.

Напротивъ того, ее, повидимому, больше всего утѣшало то обстоятельство, что она сидитъ на своемъ важномъ мѣстѣ, среди богатыхъ ковровъ и подушекъ, неподвижная, въ своемъ новомъ штофномъ бешметѣ, съ крупными золотыми букетами по малиновому полю, въ дорогой кисейной фатѣ, расшитой шелками и золотомъ, и падающей съ ея головы на самый полъ, вся густо-набѣленная, нарумяненная, насурмленная, вся въ червонцахъ и монистахъ, — сидитъ на глазахъ у завидующей ей, предъ ней заискивающей публики, окруженная выставкою всѣхъ своихъ домашнихъ сокровищъ.

Гости ея танцуютъ и поютъ, увеселяютъ ее, важную г-жу Каракозъ-ханымъ, а она сидитъ, пальцемъ не шевельнетъ, выпучивъ въ публику свои большіе, черные, круглые, какъ у птицы, глаза въ нарисованными дугою бровями; Каракозъ-ханымъ еще не очень стара; ей только года четыре перевалило за тридцать, и сегодня она такъ нарумянилась, что за молодую сойдетъ; однако, важное племя взяло свое: уже носъ ея согнулся крючкомъ, какъ у ястреба, и какое-то сердитое и вмѣстѣ тупоумное выраженіе проступило безъ того грубня, крупныя черты ея лица.

Каракозъ-ханымъ едва удостоила обмѣняться словомъ съ Анной, хотя и посадила ее рядомъ съ собою. Ей казалось крайне неприличнымъ, крайне нарушающимъ ея достоинство знатной багачки говорить лишнее слово въ публикѣ. Но за то она съ любопытствомъ дивяря и съ злорадствомъ уѣздной сплетницы впи-
 лась глазами въ каждую подробность наряда Анны, не умѣя даже скрыть своихъ внутреннихъ ощущеній. Въ ея глазахъ намъ составлялъ приговоръ всему человѣку, и все, чего она ни-

когда не видала, по ея понятію, было верхомъ непристойности. Поэтому немудрено, что осмотръ Анны въ ея дорожномъ костюмѣ доставилъ ей величайшее внутреннее торжество и рѣдкій запасъ для домашнихъ сплетень.

Однако, она все-таки поблагодарила Анну за лекарство и объявила, что „сюдьма“ у нея прошла отъ перваго приѣма. На этомъ и окончилась ея бесѣда съ гостею.

Фатъма была среди танцовщицъ, сидѣвшихъ на полу посреди комнаты.

Она порывисто подбѣжала къ Аннѣ и долго цѣловала ее, обнявъ за шею, съ дѣтской умильностью глядя ей въ глаза. Суровые взгляды матери не давали ей высказаться по душѣ передъ Анной и, очевидно, стѣсняли каждый ея шагъ.

Нѣжнымъ шопотомъ, съ ласковою улыбкою тащила Фатъма Анну въ кругъ своихъ подругъ и безъ умолку болтала по-татарски, показывая то имъ Анну, то Аннѣ ихъ, воображая, что Анна все такъ-же хорошо понимаетъ, какъ и она сама. Татарки, какъ стая галокъ, обсѣли Анну, съ изумленіемъ разсматривая ея странную прическу, ея ненаруженное лицо, ея непонятный для нихъ нарядъ. Онѣ безцеремонно брали ее за пальцы, ощупывали ея косу, свернутую по-европейски на затылкѣ, трогали добротность ея платья; онѣ такъ искренно и такъ громко смѣялись надъ отертыми ими новостями и такъ острили надъ глупостью русской госпожи, незнающей самыхъ обыкновенныхъ дамскихъ приличій, что Фатъма начинала не на шутку сердиться и обрывала самыхъ завзятыхъ. Анну, напротивъ того, очень утѣшала эта наивность дикарокъ, и она, улыбаясь, просила по-русски Фатъму не мѣшать ихъ остроумничанью...

Теперь только разглядѣла Анна, что среди этой толпы въ золотыхъ шапочкахъ и шелковыхъ бешметахъ, среди этихъ черныхъ и огненно-красныхъ косичекъ, змѣйками падавшихъ на плечи, сидѣла, поджавъ подъ себя коротенькія ножки, вся покрытая бѣлою простыней, крошечная горбатая старуха, морщинистая и желтая, какъ восковая свѣча; ея длинный влюбъ крючкомъ торчалъ надъ изношенными злыми губами, подъ которыми уже не было зубовъ и надъ заостреннымъ худымъ подбородкомъ, загнутымъ вверху, а нѣсколько темныхъ бородавокъ съ сѣдыми волосами, словно семья черныхъ таракановъ, пряталось въ ея морщинахъ.

Аннѣ еще никогда не удавалось встрѣчать такое полное олицетвореніе вѣдьмы, какъ эта отвратительная, злая старуха.

Это была Уркушъ, татарская сваха, безъ которой не обходилось ни одно семейное дѣло въ цѣлой окрестности, и которая находилась теперь въ домѣ Уланъ-бея по случаю предстоящей свадьбы Фатымы съ Темиръ-Бая-Ханомъ.

Уркушъ уже больше не румянилась и не бѣлилась, и вся разрушенность татарской старухи выступала у ней наружу съ гадкимъ цинизмомъ. Она не подходила къ Аннѣ и смотрѣла на нее понурившись изъ-подъ своей простыни, съ безмолвною ненавистью и невыраженнымъ презрѣніемъ, какъ на что-то безконечно-гадкое. Она видѣла въ ней русскую и христіанку.

Даже Фатыма, повидимому, поняла взгляды злой старухи, потому что не рѣшилась подвести къ ней Анну.

Она усадила Анну опять около матери, и сама пошла плясать съ подругами... Пляска доставляла Фатымѣ, повидимому, сердечное удовольствіе; она оставалась на ногахъ нѣсколько очередей сряду, и, вмѣсто плавныхъ, почти неподвижныхъ выгибаній ставъ, въ которыхъ состоялъ скучный танецъ ея подругъ, она вносила въ свой танецъ столько одушевленія и ловкости, что онъ казался Аннѣ совсѣмъ другимъ, уже не татарскимъ танцемъ...

Змѣєю изгибалось ея статное тѣло, змѣями выпрямлялись ея длинныя граціозныя руки, и столько удалого огня сверкало во время этихъ движеній въ ея разгорѣвшихся глазахъ, въ ослѣпительномъ блескѣ ея бѣлыхъ зубовъ, раскрытыхъ улыбкою! Мелкія змѣйки ея косъ какъ-то вызывающе взмахивали при всякомъ смѣломъ поворотѣ головы, и все, ея руки, ея станъ, ея ножки, обути въ маленькія мягкія мешты *) изъ бахчисарайскаго сафьяна, такъ ладно и ловко попадали своими колебаніями въ тактъ музыки, что сама музыка казалась слушателямъ складнѣе, удалѣе и увлекательнѣе отъ этого живого ритма ея движеній.

Впечатлѣніе хорошенькой граціозной змѣйки, которое произвела Фатыма на Анну въ первое ихъ свиданіе у Камышъ-Бурука, со всею силою воскресло теперь.

Съ веселымъ хохотомъ закончила Фатыма какую-то фантастическую, никому другому невѣдомую, фигуру танца, и шумно упала

*) Башмаки.

на коверъ, въ кучу своихъ подругъ, обнимая ихъ шею и пряча на ихъ груди свое разгорѣвшееся и смѣющееся лицо. И подружки, и даже злая Уркушъ, съ сочувственнымъ восторгомъ глядѣли на любимую всѣми красавицу.

Вдругъ Фатъма вспрыгнула опять, налила себѣ въ серебряную чару бузы изъ длиннорлаго кувшинчика и, залпомъ выпивъ ее, подбѣжала къ Аннѣ.

— Хочешь въ садъ съ Фатъмой? Фатъмѣ жарко! сказала она съ наивной дѣтской улыбкой и, лукаво подмигнувъ Аннѣ, потащила ее за собою...

Мать недовѣрчиво смотрѣла ей въ слѣдъ, бормоча что-то по-татарски.

— Тебѣ скучно у насъ? Да, тебѣ скучно! съ торопливой искренностью говорила она, вѣрнѣе охвативъ Анну за шею и увлекая ее въ густую тѣнь старыхъ шелковицъ и орѣховъ. — Тебѣ нехорошъ татарскій праздникъ? Скажи правду, нехорошъ? Вашъ лучше? допытывалась она, не давая Аннѣ времени отвѣтить и, по своей привычкѣ, умильно засматривая ей въ глаза. — А хорошо пляшетъ Фатъма? Ты видѣла, что лучше пляшетъ? Ты сама умѣешь плясать? И по-татарски умѣешь? звенѣла она своими добрымъ, пѣвучимъ голосомъ.

— Нѣтъ, ты отлично плясешь, ты лучше всѣхъ плясешь, ты сама прелестъ какая! съ ласковой улыбкой отвѣтила ей Анна.

— Ты знаешь, у насъ свадьба! неожиданно взгрустнувшими голосомъ перебила ее Фатъма, которая, повидимому, не могла пробыть минуты въ молчаньи. — Видѣла Уркушъ? Уркушъ нехорошій человекъ, яманъ! Фатъма не любитъ Уркушъ. Зачѣмъ любить? Старый, злой... Молодой марушка обманетъ, старому мурзаву отдастъ.. Нончѣ Темиръ-Бая будетъ... будетъ Фатъму просить... Оттого и праздникъ, зурна играетъ... Старикъ-хасанъ барабанъ бьетъ... Фатъма танцуетъ... а тамъ свадьба... Ахъ, нехорошо... У васъ не такъ, у русскихъ? У васъ лучше?

— А ты брось Темиръ-Бая, не выходи за него. Вѣдь онъ старъ, нехорошъ?

— О, много, много старъ, много нехорошъ! съ сокрушеннымъ вздохомъ отвѣчала Фатъма. — Нельзя, Уркушъ велитъ, онаѣ велитъ... Бабанъ жалко, бабанъ не смѣетъ... Уркушъ говоритъ, Темиръ-Бая деньга много, Темиръ-Бая табунъ много, земля мно-

го... Мнѣ зачѣмъ табуиъ, зачѣмъ земля? О, Фатьма надо молодой женихъ! Молодой на лошадь украль, старый не догналъ... Куда старому? вдругъ весело разсмѣялась Фатьма своей собственной фантазіи...

— А ты-бы ушла съ молодымъ, Фатьма, не побоялась? улыбнулась Анна.

— Съ молодымъ не боялась, съ старымъ боялась... серьезно отвѣчала Фатьма и сейчас-же прибавила, вдругъ вся оживившись:—а твой мужъ здѣсь? Ахъ, хорошъ! Молодой, высокой... Гдѣ мужъ! въ конакъ? Можно въ окно посмотрѣть? Темно, Уркушъ не видитъ, онай не видитъ.

— Со мною и братъ здѣсь, сказала Анна.—Ты еще не знаешь моего брата, Фатьма, я покажу его тебѣ.

— Ахъ, покажи! съ радостью вскрикнула Фатьма.—Иди скорее, какъ птица. Надо скоро назадъ.

Только-что тронулись онѣ съ мѣста, чтобы подойти къ тяжелой калиткѣ сада, еще не запертой на замокъ, какъ на высокой галерейѣ заблѣлась простыня Уркушъ, и ея неприятный, скрипучій голосъ, гораздо болѣе похожій своею грубостью на голосъ стараго мужчины, раздался по саду, словно зловѣщій крикъ совы:

— Что-же ты прячешься въ саду, Фатьма, хороша хозяйка! бранливо кричала она по-татарски.—Гости твои танцуютъ, увлекаютъ твою мать, а ты прячешься въ темнотѣ, какъ лисица, что крадется подъ виноградъ. Или у тебя нѣтъ дороже родныхъ и знакомыхъ, какъ проѣзжая русская госпожа?

— Сейчасъ, бабушка Уркушъ, сейчасъ! Эта русская госпожа должна мнѣ рассказать очень хорошую исторію, которую и тебѣ нужно будетъ знать, со смѣхомъ отвѣчала Фатьма. — Не зови меня минутъ десять, я сама прибѣгу и расскажу тебѣ очень забавную штуку. Ты будешь цѣловать за нее Фатьму.

Только-что Уркушъ съ сердитымъ ворчаніемъ ушла съ галереи, какъ Фатьма, задыхаясь отъ волненія и страха, порывисто стѣясь, побѣжала къ калиткѣ, увлекая за собою Анну.

— Бѣги птицей... скоро, скоро!.. торопливо шептала она набѣгу.

На ея счастье около конака не было никого, такъ-что онѣ совершенно свободно подошли къ освѣщенному окну.

— Вонъ мой мужъ, сказала Анна.—видишь, онъ сидитъ задохъ сюда; а вонъ тотъ мальчикъ, то мой братъ.

— Ахъ, красавчикъ! Поцѣловать хорошо... такой молоденькій, молоденькій барунчукъ ¹⁾! У него есть жена?

— Какая жена,—ему всего семнадцать лѣтъ! разсѣялась Анна. — Онъ совсѣмъ ребенокъ... Онъ еще учится въ нашей медресе ²⁾.

— А, въ медресе! Онъ софта! съ серьезнымъ уваженіемъ произнесла Фатъма. — Ему хорошая надо жена, молодая, красавица, гузель, гузель ³⁾! Чего кричить, чего не сидить? вдругъ расхоталась она, смотря на одушевленную мижику Евгенія, который что-то рассказывалъ, сильно махая руками и поминутно вскакивая съ мѣста, но словъ котораго имъ не было слышно. — Вотъ смѣшной, вотъ глупенькій барунчукъ!

— Что-жь, нравится тебѣ мой братъ? спрашивала ее, шопотомъ и улыбаясь, Анна, тоже не менѣе Фатъмы любовавшая своимъ красавцемъ-братомъ.

— Слушай, зови его! еще тише прошептала Фатъма. — Тихо, Фатъма не выдать... Можно близко смотрѣть?

Анна осторожно вызвала Евгенія, который выбѣжалъ стрѣгавъ, словно ему нужно было защитить сестру отъ какой-нибудь мгновенной опасности.

— Что ты, Анна? Что съ тобой? кричалъ онъ, ничего не видя со свѣту въ темнотѣ ночи и едва не наткнувшись на стоявшихъ у окна женщинъ.

— Сумасшедшій, тише, — какъ буря налетѣлъ! съ ласковымъ укоромъ останавливала его Анна. — Тутъ тайна, говори шопотомъ.

— А? что? какая тайна? еще болѣе взволнованно спрашивалъ Евгеній, усиливаясь взглянуть въ фигуру, стоявшую около сестры.

— Ахъ, какой смѣшной, какой смѣшной барунчукъ! отъ души смѣялась Фатъма, которую необыкновенно забавляли порывистыя движенія и безпоясая рѣчь Евгенія.

— Тутъ Фатъма со мной... Ты хочешь познакомиться? улыбаясь, сказала Анна, подводя Фатъму подъ свѣтъ окна. — Подай ей руку, она не дикая, какъ другія татарки.

1) Барчукъ, молодой человекъ.

2) Высшая татарская школа.

3) Хорошенькая.

Евгеній совершенно осовѣлъ, узнавъ, что передъ нимъ Фатъма, рассказы о которой такъ интриговали его.

— Фатъма... шепталъ онъ, вглядываясь еще пристальнѣе. — Ахъ, такъ вы Фатъма, — вотъ никакъ не думалъ. Здравствуйте, я — Евгеній, ея братъ... говорилъ онъ, подавая Фатъмѣ свою сильную и горячую юношескую руку, въ которой маленькая рука Фатъмы спряталась, какъ въ футлярѣ.

Онъ смущенно и вмѣстѣ съ восхищеніемъ разсматривалъ ея прекрасное, выразительное личико, которое казалось фантастически-блѣднымъ среди ночной темноты, и которое такъ странно смотрѣло на него изъ этой темноты своими широкооткрытыми, большими черными глазами. Евгеній не выпускалъ изъ своей руки ея маленькую дѣтскую ручку, и она не дѣлала никакой попытки освободить ее.

— Какъ-же вы рѣшились выйти сюда? спрашивалъ онъ ее, ласково улыбаясь. — Вѣдь вы говорите по-русски? Мнѣ сестра много рассказывала про васъ... Вы поете отлично...

— Теперь нельзя пѣть, теперь надо къ Уркушѣ, отвѣчала Фатъма своимъ мягкимъ, серебристымъ голосомъ, въ которомъ звучала безконечная доброта и простота. — Приду въ Адамъ-Чокракъ, буду пѣть... Послѣ, послѣ... Ты не уѣдешь?

— Нѣтъ, я не уѣду. А вы не бойтесь своей матери? Развѣ васъ пускаютъ одну? Вѣдь у васъ дѣвушка на замокъ запираетъ? говорилъ Евгеній, въ совершенномъ упоеніи отъ этого невиннаго взгляда хорошенькой птички, который съ безмолвной ласкою былъ устремленъ прямо въ его глаза.

— О, Фатъма знаетъ! Фатъма не боится! Фатъма скоро придетъ къ твоей кардашъ ¹⁾! отвѣчала самоувѣренно татарка. — Уркушъ уѣхалъ, Фатъма пришла... Ты не уѣзжай... Смотри...

— О, я ни за что не уѣду. Смотрите только, вы придите... мы будемъ ждать. Только до насъ далеко, не дойдете.

— Бабанъ ѣхалъ Алма-Сарай, Фатъма ѣхала Алма-Сарай, лукаво засмѣялась Фатъма. — Алма-Сарай близко Адамъ-Чокракъ. Умелъ Кастель-Дагъ, Адамъ-Чокракъ пришелъ... два часа, одинъ часъ, вотъ и пришелъ. Ты ходишь Камышъ-Бурунъ? Хорошо?..

¹⁾ Сестра.

Суукъ-су ¹⁾! Якши! Пить хорошо. Денгизъ видно, гора видно, небо видно. Дома сидишь, что видно?

— Дома скверно; надо по горахъ бѣгать, весело отвѣчалъ Евгений, — вотъ-бы мы съ вами много бѣгали по горахъ, если-бъ вамъ было можно.

— Ахъ, ты хорошій барунчукъ, миленькій, гузель! съ радостнымъ смѣхомъ перебила его Фатъма, у которой глазки одушевленно сверкали при свѣтѣ окна. — Бѣгать хорошо, сидѣть ямалъ. Только Фатъма бѣгать нельзя. Ну, прощай, прибавила она вдругъ съ омрачившимся разомъ лицомъ. — Уркушь будетъ кричать... Уркушь сердита, онай сердита. Много марушка дома... Ахъ, плышутъ! Вотъ хорошо! Тебѣ нельзя смотрѣть... Барунчукъ нельзя... ханымъ можно...

— Прощайте, Фатъма, приходите-же, не обманите, съ искренней жалостью произнесъ Евгений, насилу выпуская ее маленькую ручку.

— Приду потомъ, съ Алма-Сарай приду, дружелюбнымъ шопотомъ отвѣчала уже изъ темноты Фатъма, уходящая вмѣстѣ съ Анною. Она вдругъ остановилась на мѣстѣ, обернулась еще разъ къ Евгению и послала ему ручкою воздушный поцѣлуй. Это означало у нея особенное расположеіе.

— Прощай, молоденькій барунчукъ, миленькій, добренькій! ласковымъ, дрожащимъ голосомъ прощентала она.

X.

Темиръ-Кая-Ханъ.

Наши путники только-что усѣлись по-татарски, на войлокахъ кругомъ низенькаго столика, за дымившимся блюдомъ съ баранною и приготовлялись хорошенько приняться за это татарское рагу. Чайя и слуги почтительно удалились отъ столика къ дверной стѣнѣ и вытянулись вдоль нея въ безмолвномъ ожиданіи приказаній. Кто неподвижно держалъ въ рукахъ трубку, на случай, если ее потребуютъ, кто щипцы, которыми онъ по-вре-

¹⁾ Холодная вода.

намъ снималъ съ нагоравшей сальной свѣчи, кто подносъ, кто уголекъ, кто кувшинъ съ бузою.

Толстый чайя, чувствуя свою важность, присѣлъ, однако, на корточки, и въ этой комической позѣ, съ раскраснѣвшимися отъ напряженія лицомъ, внимательно слѣдилъ за потребностями гостей.

Вдругъ шумъ отворявшихся воротъ и звукъ многочисленныхъ топотъ во дворъ заставилъ толстяка-чайю вскочить, какъ ужаленнаго. Всѣ слуги выбѣжали вслѣдъ за нимъ; на дворъ задвигался огонь фонаря, поднялась бѣготня, раздались торопливые голоса.

Въ распахнувшуюся настежь дверь конака прежде всѣхъ вошла слегка согнутая, высокая, костлявая фигура Уланъ-бея. Едва онъ успѣлъ привѣтствовать своихъ гостей, какъ вслѣдъ за нимъ грузно ввалилась въ комнату другая татарская фигура, жирная и пугатая, съ краснымъ лицомъ, съ толстымъ, осунувшимся носомъ, съ такими-же толстыми, крупными губами, надъ которыми висѣли черными пивками два круглыхъ уса, и съ отвислымъ, какъ у вола, подбородкомъ. Онъ былъ перетануть очень высоко, чуть не подъ мышки, богато-чеканеннымъ серебрянымъ поясомъ, въ которомъ воздымалось огромное брюхо, и черезъ это коротенькія, жирныя руки его расходились слегка въ стороны, такъ что, несмотря на свои усы, онъ производилъ скорѣе впечатлѣніе какой-нибудь старой ожирѣвшей бабы, чѣмъ воинственной мужчины.

Это Темиръ-Кая-Ханъ, женихъ Фатьмы. Хотя на немъ была татарская одежда, какъ и на другихъ съ нимъ пріѣхавшихъ, но очевидно, что чистота настоящихъ татарскихъ обычаевъ уже была нарушена въ немъ влияніемъ бульварной цивилизаціи губернскаго города. Шаравары его, хотя все еще широкія, какъ море, уже были собраны внизу, не какъ у настоящихъ татаръ, а наметаны на фасонъ русскихъ панталонъ; изъ-за борта его кафтана, нѣсколько похожаго на сюртукъ, болталась массивная золотая цѣпочка, а на плечахъ его, поверхъ кафтана, была даже наброшена настоящая городская люстриновая накидка, которую носить каждый симферопольскій канцеляристъ.

Жирные пальцы Темиръ-Кая такъ и сверкали перстнями, а отъ него самого несло такимъ крѣпкимъ запахомъ муската и раз-

ныхъ душистыхъ пряностей, что нервному человѣку, пожалуй, могло-бы сдѣлаться дурно.

Аби-Була съ своимъ желтымъ, безбородымъ лицомъ евуза и еще незнакомый Сергѣю мурзакъ вошли вслѣдъ за Темиръ-Каямъ, вѣжливо привѣтствуя сидѣвшую въ конакѣ компанію обычныхъ: „ахшамъ-хайресь!“

Чайя поставилъ для вновь прибывшихъ особый столъкъ и немедленно сталъ подносить имъ еще горячія кушанья, которыми онъ угощалъ компанію Сергѣя, — баранье рагу, пшеничную кашу, пирожки на бараньемъ салѣ и разныя другія яства.

Татары, повидимому, проголодались не меньше охотниковъ, потому что, ни слова не говоря, принялись разбирать руками сочные куски баранины, съ которой текла подливка, и живо стали уплетать одно блюдо за другимъ.

— А, знакомъ Сергѣй-ага, г-нъ Свириденко знакомъ... покровительственно говорилъ Темиръ-Кая, сидѣвшій какъ-разъ противъ Сергѣя. — Всѣ знакомъ. Темиръ-Кая увесь свѣтъ знакомъ! захоталъ онъ своимъ сильнымъ басомъ, хвастливо поглядывая на собесѣдниковъ. — Увесь Симферополь, увесь Ялта, увесь Бахчисарай... Увесь Крымъ знакомъ...

— Мы съ вами на земскомъ собраніи встрѣчались въ Ялтѣ, помните? сказалъ Сергѣй.

— Какъ не помнить!.. Темиръ-Кая увездъ! земско собраніе — Темиръ-Кая, губернаторъ на балъ — Темиръ-Кая, генералъ-губернаторъ вѣхаль — Темиръ-Кая, царь вѣхаль и то Темиръ-Кая, те Темиръ-Кая! захоталъ онъ опять, нагло оглядывая своихъ и чужихъ, гостей и слугъ. — Первый мурзакъ у Крыму — Темиръ-Кая... Что, не правда, что ли? грубо обратился онъ въ улыбающагося Сергѣю.

— Правда, правда, ханъ, съ тою-же улыбкою отвѣчалъ Сергѣй. — Кому-жъ быть крошъ васъ? Сами знаете...

— Увотъ то-то-жъ! Ты думалъ, бѣлый царь не зналъ Темиръ-Кая? Бѣлый царь самый хорошо зналъ Темиръ-Кая. Увсегда зналъ. Большой медалъ мене давалъ съ лентомъ... На большой листъ писалъ... О, гляди!

Темиръ-Кая съ озабоченностью разстегнулъ верхній брючокъ сюртука и вытащилъ оттуда большую золотую медаль на красной лентѣ, которую онъ тотчасъ-же расправилъ на своей груди.

— Видалъ такой-то? съ торжествомъ показывалъ онъ ее Сергѣю и его спутникамъ, пытаясь и самъ полюбоваться на сіявшую медаль и красную ленту, что, однако, для его оплывшихъ глазъ было сдѣлать не совсѣмъ легко, особенно въ виду нависшихъ усовъ и обрызгаго подбородка.

— Славная медаль, ханъ, добродушно шутилъ съ нимъ Сергѣй, — это не такая, какъ у другихъ, большая и портретъ царскій...

— Увсѣхъ болше, болше нигдѣ нема! съ полною серьезностью отвѣчалъ Темиръ-Кая, все еще бесплодно пяля свои глаза на дорогу для него вещь и тыкая въ нее своими коротенькими ожирѣвшими пальцами въ перстняхъ.

— Настоящій царска патреть, старый царь, Микола! прибавилъ онъ, многозначительно поднимая свои щетинистыя брови, а вслѣдъ затѣмъ приподнимая верхъ и палець въ перстняхъ.

Уланъ-бей съ нѣсколько суровою задумчивостью глядѣлъ то на медаль, то на палець Темиръ-Кая и не говорилъ ни слова; по выраженію его лица можно было замѣтить, что онъ не совсѣмъ доволенъ болтливостью гостя, какъ-будто-бы онъ понималъ ея смѣшную сторону и боялся насмѣшекъ русскихъ гостей надъ ребячествомъ такого важнаго мурзака.

Но Аби-Була былъ въ другомъ настроеніи. Онъ, очевидно, уваживалъ за ханомъ и считалъ нужнымъ поддакивать ему изумленными покачиваніями головы и разными выразительными причюкиваньями, которыми восточный человѣкъ такъ мастерски умѣетъ высказывать свои чувства.

— Еще князь Воронцовъ хану давалъ! прибавилъ онъ въ объясненіе. — О, вотъ былъ премудрый человѣкъ! Аллахъ пошля ему свое благословеніе, — вѣдь правда, Темиръ-Кая-Ханъ?

— Ты про князь Воронцовъ? стара Воронцовъ? знакомъ? тѣмъ-же наглымъ тономъ отвѣчалъ Темиръ-Кая, махая рукою. — Алука къ его приполъ, его насъ на диванъ сажалъ, кальянь давалъ, кофе давалъ... Стара князь Воронцовъ татаръ родна братъ былъ... Урусъ не любилъ, татаръ любилъ... Татаръ усе давалъ... Урусъ у его домъ нема былъ, у его домъ усе татаръ былъ... Чайя татаръ, слуга татаръ, работникъ татаръ... Усе, усе татаръ... Его татаръ лучше, урусъ хуже!.. засмѣялся онъ, пріятельски подмигивая Сергѣю.

Сергѣй не успѣлъ отвѣтить ему, какъ уже ханъ опять пере-

иѣнили тему разговора. Онъ, очевидно, былъ въ самомъ пріятномъ настроеніи духа, совершенно противорѣчившемъ настроенію хозяйна дома.

— Чего твой Симферополь не бывалъ? обратился онъ къ Сергѣю. — Эхъ, карошъ городъ. Одестъ еще лучше городъ, Москва лучше Одестъ, Пытенбургъ тотъ увсѣхъ лучше! Темиръ-Кая увездѣ ѣхалъ, Москва ѣхалъ, Пытенбургъ ѣхалъ! Ты знала татарскій эскадронъ?.. Мы тамъ была... Мы у корпусъ учила, кадетъ была!.. Русскій попъ-батъка насъ у корпусъ катыкызисъ училъ, мы сказала, мы магометанъ, не надо катыкызисъ училъ, она сказала: мене усе равно, зачѣмъ классъ сидѣлъ! По башка больно была, мы катыкызисъ училъ! расхотался онъ въ заключеніе.

— Це-це-це! съ видомъ неодобрительнаго сожалѣнія произнесъ Аби-Була, качая своею широко-окутанною головою, и сейчасъ же прибавилъ по-татарски:

— Аллахъ не поставитъ въ вину глупость младенца... младенецъ совершаетъ въ невинной слѣпотѣ то, что ему предписываетъ мужъ.

Но Темиръ-Кая нисколько, повидимому, не трогало ни преступленіе его дѣтства, ни утѣшенія Аби-Булы, потому что онъ продолжалъ тѣмъ-же веселымъ и хвастливымъ тономъ:

— Видалъ наша мундырь, татарска эскадронъ? Увсемъ свѣтъ нема! Гвардейска мундырь видалъ? Татарска мундырь удесать разовъ лучше... Усѣхъ лучше... Османъ-бей знакомъ? У губернска правленіе служить у Симферополь. Нашъ съ нимъ вмѣстѣ татарска эскадронъ былъ. Виць-губернаторъ знаешь? Совѣтникъ знаешь? Увсѣхъ знаешь? Добрый человекъ виць-губернаторъ, мене большой пріятель. Совѣтникъ пріятель. Чего Симферополь не ѣзжалъ? Эхъ, весело! Марушка любишь? Русска марушка карошъ! Жирная, толстая!

И Темиръ-Кая съ сладострастной улыбкою опять подмигнулъ Сергѣю.

Уланъ-бей, который самъ почти не умѣлъ говорить по-русски, строго поморщившись, затушевалъ трубкой и отвернулся въ сторону, а Аби-Була, смущенно опустивъ глаза, сдѣлалъ видъ, что не слышитъ разсужденій своего благопріятеля.

— Каковъ ханъ! вдругъ горячо вмѣшался Евгений, который

даже съ ненавистью смотрѣлъ на скотское выраженіе лица Темиръ-Кая и давно искалъ случая чѣмъ-нибудь зацѣпить его.— Тутъ всё говорятъ, что онъ женится на дочери Уланъ-бея, а онъ облизывается на русскіхъ женщинъ... Хорошо, что Фатъма этого не знаетъ...

Евгеній жестоко смутился отъ своихъ словъ, когда увидѣлъ, какой переполохъ подняли они между татарами...

— Ти молчи... Ти не знаешь... Зачѣмъ сказалъ? вдругъ захрипѣлъ на него Темиръ-Кая, бѣшенными глазами оборачиваясь къ нему и багровѣя отъ гнѣва.

— Ярамай, ярамай ¹⁾!.. сердито замоталъ головой Уланъ-бей и тоже обратился къ Евгенію, оскаливъ свои бѣлые зубы.— Не надо сказалъ Фатъма... Зачѣмъ знаешь Фатъма? Ти дураекъ, дели бала ²⁾... ти нужно молчалъ... горячился онъ, сверкая глазами и даже выпустивъ изъ рта свою неизмѣнную трубку.

— Твоего законъ можно сказалъ, нашего законъ не можно сказать! необычнымъ, гнѣвнымъ голосомъ поддержалъ товарищъ Аби-Була, тоже пожирившій Евгенія взглядомъ, полнымъ вражды и презрѣнія, но сейчасъ-же спокойно прибавилъ по-татарски, обратившись къ своимъ:— глупый мужъ, незнающій, что хорошо и что дурно, не лучше молодого осла, который еще не научился понимать, гдѣ право и гдѣ лѣво, по выраженію арабскаго мудреца...

— Дели ишекъ ³⁾, угрюмо промычалъ Уланъ-бей, опять набрасываясь на свою трубку.

— Довольно ужъ, бей, успокойтесь! вмѣшался Сергѣй, тоже немало смущенный неожиданной выходкой брата и послѣдовавшей сценой.— Вы старые мужи и вамъ не слѣдуетъ обижаться на ребенка; мы, русскіе, свободно говоримъ о своихъ женахъ и не вѣстахъ и не знаемъ вашихъ обычаевъ...

— Отъ тоже, кнуры ⁴⁾ татарскіе, разобидѣлись! почти вслухъ пробормоталъ Свириденко съ глубокимъ презрѣніемъ, сплевывая на сторону.

Но Евгеній, послѣ минутнаго смущенія, вызваннаго совершен-

¹⁾ Нехорошо.

²⁾ Глупый ребенокъ.

³⁾ Глупый оселъ.

⁴⁾ По-малороссійски: кабанъ.

ною неожиданностью ссоры, теперь уже не хотѣлъ уступать. Онъ понялъ нѣкоторыя оскорбительныя для него татарскія выраженія и хотѣлъ отплатить тѣмъ-же.

— Неужели вы, татары, такъ глупы, что обижаетесь, когда говорятъ о вашихъ женщинахъ? У насъ самый необразованный пастухъ не обидится на это, дерзко сказалъ онъ, смотря прямо въ глаза Темиръ-Каѣ. — Если при васъ нельзя говорить о вашихъ дочеряхъ и невѣстахъ, то и вы не смѣйте говорить о нашихъ русскихъ женщинахъ!

Въ глазахъ Евгенія было столько молодого задора, столько готовности перейти отъ ссоры на словахъ къ самому рѣшительному дѣйствию, что Темиръ-Каа, какъ ни былъ взбѣшенъ, тотчасъ-же замѣтилъ это.

— Оставь, оставь, зачѣмъ?.. бормоталъ онъ успокоительно, стараясь перейти въ прежній миролюбивый тонъ. — Нехорошо бранилъ, ярамай.

Уланъ-бей былъ, однако, другого мнѣнія: онъ очень угрожающе косился черезъ свою трубку на подошедшаго къ нему Евгенія, и его сухое желчное лицо было по-прежнему проникнуто сосредоточенной злобой.

— Зачѣмъ всталъ? лучше сидѣлъ! закричалъ онъ. — Молодой не нужно говорить, а нужно молчать. Старый нужно говорить. Ты тутъ хозяинъ? Тутъ Уланъ-бей хозяинъ!

При этихъ словахъ Уланъ-бей быстро поднялся своей высокой костлявой фигурой и угрожающе подвинулся къ Евгенію, который ждалъ его, не трогаясь съ мѣста, сверкая разгорѣвшимися глазами.

— Теме, темѣ ¹⁾! Оставь, Уланъ бей, зачѣмъ? удерживали его съ двухъ сторонъ Темиръ-Каа и Аби-Була, одинаково встревоженные ссорой, которая готовилась вспыхнуть. — То мусафиръ ²⁾, мусафиръ такъ не надо.

— Полно, Уланъ-бей, какъ тебѣ не стыдно? подошелъ къ нему Сергѣй. — Развѣ онъ сказалъ тебѣ что-нибудь обидное?

— Зачѣмъ его вставалъ? горячился Уланъ-бей, оправдываясь передъ окружившими его. — Онъ — балла, барунчукъ! Ми — старый бей, цару служилъ. Зачѣмъ татаръ бранилъ? Ми русский не бра-

¹⁾ Не трогай!

²⁾ Гости.

нилъ, его не надо татаръ бранилъ. Тутъ Уланъ-бей конакъ, Уланъ-бей хозантъ!

— Зачѣмъ ссорилъ? не надо ссорилъ, приставадь къ нему Абг-Була.—Ты большой мурзакъ, Уланъ-бей, не надо такъ...

Насилу усадили непреклоннаго Уланъ-бея. Онъ даже пожалъ руку Сергѣю, но на Евгенія совсѣмъ пересталъ смотрѣть и мрачно насасывалъ трубку, отвернувшись въ сторону.

За то Темиръ-Кая простылъ совершенно и чувствовалъ теперь себя очень неловко; ему было досадно, что онъ показалъ себя передъ русскими господами такимъ неучемъ-азіятцемъ, онъ, который такъ тщеславился своею цивилизаціею, своимъ образованіемъ, своими знакомствами губернскаго города и даже чуть не выдавалъ себя за природнаго русскаго.

Поэтому онъ спѣшилъ загладить дурное впечатлѣніе окончившейся сцены и старался особенно любезничать съ Евгеніемъ.

— Твой горячь, мой горячь, Уланъ-бей усѣхъ болше горячь обратился онъ къ Евгенію, ослабившись своей грубой улыбкой и сядя около него на диванѣ уже не по-татарски, съ поджатыми ногами, а спустивъ ноги на полъ и упершись въ колѣнки своими коротенькими толстыми руками.

— Хочешь папироска? карошъ папироска! Зафиропуло купилъ у Сиферополь, настояща турецка тютюнъ. Мы трубка не куримъ, мы папироска куримъ... прибавилъ онъ, очевидно, рисуясь своимъ европеизмомъ и протягивая Евгенію свой массивный серебряный портсигаръ. — Бери, бери, ничего!

Евгеній не курилъ вовсе потому отказался отъ папироски.

— Ну, не хочешь, какъ хочешь! нѣсколько обиженно сказала Темиръ-Кая, запрятывая огромную папиросницу въ глубокой карманъ своихъ шараваръ.

Евгеній совершенно не умѣлъ руководствоваться соображеніями благоразумія и осторожности и викакъ не хотѣлъ отступить отъ того предмета, который занималъ всѣ его мысли съ минуты его перваго знакомства съ Фатьмою. Ему казалось невыносимо-возмутительнымъ, что этотъ потный и красный старый сатиръ свѣтъ заигрываетъ на красавицѣ-ребенкѣ, болѣе похожемъ на пери, чѣмъ на дѣвушку; поэтому онъ, недолго думая, сказалъ своему собесѣднику:

— Вотъ вы, Темиръ-Кая-Ханъ, разсердились на меня, что я

заговорилъ о томъ, о чемъ у васъ не принято говорить съ чужими. Ну, а, скажите по правдѣ, у васъ не считается дурнымъ, когда старикъ женится на молодой?

— Зачѣмъ женилъ старый, надо женилъ молодой! засмѣялся Темиръ-Кая съ своею обычною сальною усмѣшкой. — Мать старый карошъ, жена молодой карошъ... Жена сталъ старый, старый жена прочь, гайда! Надо взялъ молодой жена! хохоталъ онъ, весьма довольный своимъ остроуміемъ, и увѣренный, что возбуждаетъ всеобщее сочувствіе.

— Да, вы рассказываете! недовольно говорилъ Евгений, — вамъ-то хорошо, а каково молодой васъ любить?

— Чего не любить? еще веселѣе и циничнѣе отвѣчалъ Темиръ-Кая. — Мене молодой марушка увсегда любилъ... больше усѣхъ любилъ. Ты думалъ, Темиръ-Кая денъга жалко! Темиръ-Кая марушка усе купилъ, много купилъ... Самый карошій купилъ... Темиръ-Кая усѣ русска барышня любилъ, усѣ барышня знакомъ Симферополь... хвастался онъ по-прежнему, побѣдоносно оглядывая присутствующихъ, но болѣе всего обращаясь къ Сергѣю. — Вѣра Петровна барышня, знаешь? Карошъ барышня, богатъ, денъга много, земля много, генеральска дочка! Твой знакомъ? Умный барышня! Мы съ нимъ на балу сидѣлъ; онъ говорилъ: иди танцовалъ, Темиръ-Кая-Ханъ; мы говорилъ: нашъ нельзя танцовалъ. Вѣра Петровна барышня смѣялся, и мы смѣялся, и усѣ смѣялся, и губернаторъ смѣялся.

Въ эту минуту въ кунацую вошла Анна. Вечеръ у Каракозъ-ханымъ кончился, и пора было думать о ночлегѣ.

Сергѣй замѣтилъ по неискуснымъ переглядываніямъ Уланъ-бей съ Аби-Булою, по ихъ татарскимъ перешептываніямъ, что имъ нужно было поговорить между собою. Кромѣ того, ссора Уланъ-бей съ Евгениемъ стѣснила общій разговоръ и легла тяжело на всѣхъ присутствующихъ. Благоразуміе требовало разойтись пораньше, чтобы пораньше-же отправиться въ путь.

— Ну, бей, прощайте! сказалъ Сергѣй, вставая, — кому нужно рано подвигаться, тому надо рано и лечь. Прощай, Уланъ-бей, не сердись на насъ. Забудь...

— А, зачѣмъ сердилъ! не надо! сконфуженно произнесъ Уланъ-бей, махая съ неудовольствіемъ рукою. — То было, теперь нема!

Будетъ всегда кунакъ. Ахшамъ-хайресь... Твой рано ѣхалъ? *Яманъ юль* ¹⁾ теперь, не карошъ.

— Ахшамъ-хайресь! вѣжливо провожали гостей другіе татары.

Русскимъ гостямъ были отведены двѣ заднія комнаты конака, и они расположились тамъ на безконечныхъ диванахъ, оставивъ главную комнату конака въ полное распоряженіи татаръ.

Евгеній Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

¹⁾ Дорога дурна.

ПРЕКРАСНАЯ МОГИЛА.

(Съ нѣмецкаго.)

Угрюмыя тучи сгустились надъ моремъ,
И буря сердито завыла.
Душѣ молодой, неподавленной горемъ,
Страшна роковая могила...

Взлетаетъ корабль къ небесамъ, какъ игрушка,
То падаетъ въ ярыя волны...
Бѣда и погибель! Вотъ грянула пушка,
Другая—и вновь все безмолвно.

На палубѣ шумъ, и возня работа:
Гротъ-мачта трещить все, качаясь...
Вдругъ течь оказалась. Спускаютъ два бота,
Кричитъ капитанъ, не теряясь.

Рыданья и стоны... мольбы и проклятья...
Не время теперь пустословью!
Ужь заняты боты... Два юноши-братья
Глядятъ другъ на друга съ любовью.

— „Одно только мѣсто пустое осталось —
Пусть сядетъ одинъ поскорѣе!
Земля недалеко... Любовь тутъ и жалость
Не къ мѣсту! Живѣе, живѣе!“

Кричитъ капитанъ — и грозить, и бранится:
— „Спасайтесь—одно только мѣсто!“—
— „О, братъ! Я такъ молодъ... Куда мнѣ стремиться?
Иди-же—тебя ждетъ невѣста...“

Колелется старшій, томимый борьбою,
Раздумья и жалости полный, —
И юноша, жертвуя брату собою,
Отважно бросается въ волны...

А небо грозить все угрюмою тучей,
А море все ноетъ уныло...
Душѣ молодой, но любовью могучей,
Страшна-ли такая могила?

И. Я.

СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ НАЧАЛѢ XIX В.

(Окончаніе.)

Во все управленіе Сибирью Трескина и Пестеля, казнокрадство и взяточничество доходили до такой степени, до какой они, кажется, уже болѣе не поднимались никогда въ настоящемъ столѣтіи: самъ Трескинъ бралъ и лично, и черезъ жену, и черезъ чиновниковъ; кромѣ взятокъ, ему то-и-дѣло приносились „подарки разнаго рода отъ разныхъ мірскихъ и иновѣрческихъ обществъ и частныхъ лицъ“ (Ваг., I, 635). Онъ ежегодно отправлялъ обозы всякаго добра въ Москву на сохраненіе къ своему брату; все присланное имъ до 1812 г. сгорѣло при нашествіи французовъ, но и послѣ этого Трескинъ продолжалъ присылку обозовъ (Штейнгель, 79). Послѣ своей смѣны, Трескинъ, поселившись въ Москвѣ, притворился бѣднякомъ, водилъ дочерей въ зачухныхъ солопахъ и, по бѣдности, просилъ даже у государя пособія, но всѣ были убѣждены, что онъ миліонеръ („Рус. Стар.“ XXIII, 530). Что-же касается Пестеля, то его безкорыстіе не подлежитъ сомнѣнію: даже враждебные ему современники свидѣтельствуютъ, что Пестель не бралъ, хотя и имѣлъ много случаевъ брать, и притомъ сотнями тысячъ („Рус. Арх.“ 1875, 414. Штейнгель, 80). Это опять вполне подтверждаетъ искренность автобіографіи Пестеля, который говоритъ въ ней: „когда-бы я не былъ христіаниномъ, то былъ-бы миліонеромъ, приобрѣлъ-бы значительныхъ покровителей, имѣлъ-бы во всѣхъ канцеляріяхъ помощниковъ и соучастниковъ, а ежели-бы подпалъ подъ отвѣтственность, то сильные мои защитники меня выручили-бы: я былъ-“

„Дѣло“ № 2, 1879 г.

бы осыпанъ почестями и богатствомъ и плутомъ жилъ-бы беззаботно“. Между тѣмъ, послѣ своего увольненія въ отставку, Пестель постоянно нуждался и вплоть до своей смерти выплачивалъ долги, нажитые имъ до генераль-губернаторства („Рус. Арх.“ 1875, 387, 407). Но если не брать самъ Пестель, то брали всѣ остальные, начиная съ Трескина и кончая послѣднимъ казакомъ или бурятскимъ тайшей. Таковъ былъ, напр., молодой тайша харинцевъ, Дымбыль Голсоновъ, котораго Трескинъ такъ рекомендовалъ въ одной изъ своихъ записокъ: „не оставляя совершенно своихъ обычаевъ, но соблюдая благоразумную осторожность и умѣренность, онъ домашній кочевой и неопрятный образъ жизни свой перемѣнилъ на русскій: построилъ себѣ прекрасный домъ, ввелъ весь порядокъ, благоустроенному дому приличный, началъ учиться русской граматѣ, носить нѣмецкое платье и проч.; однимъ словомъ, онъ захотѣлъ быть преобразователемъ своего рода.“ Голсоновъ нашелъ подражателей. Въ то-же время онъ былъ отличный правитель, въ трескинскомъ смыслѣ, — у него все было исправно: подати и повинности платились своевременно, почтовые дома, дороги содержались въ порядкѣ. Въ 1815 г. онъ оказалъ значительную услугу экстренною перевозкою хлѣба въ голодавшій Нерчинскій край, въ 1817 г. выстроилъ больницу и гостиницу при Туркинскихъ минеральныхъ водахъ (Вагинъ, I, 263 — 264). Но нуждаясь въ большихъ средствахъ для роскошной жизни по русскимъ обычаямъ, Голсоновъ былъ страшнымъ грабителемъ: въ 1818 г. растратилъ 54,000 р. общественныхъ денегъ и довелъ бурятъ почти до возмущенія (ibid.) Не довольствуясь всевозможными взятками, чиновничество по всей Сибири смѣло наживалось, захватывая въ свои руки торговлю, особенно съ инородцами: вся почти внутренняя торговля была въ зависимости отъ чиновниковъ. Въ 1817 г. комитетъ министровъ нашелъ необходимымъ разъяснить, что высшее правительство никогда не имѣло въ виду стѣснять торговлю съ инородцами, за исключеніемъ вредныхъ для нихъ вещей (вина, табаку). Торговля эта, тѣмъ не менѣе, осталась въ прежнемъ положеніи. Земскіе чиновники или вовсе не допускали къ ней частныхъ торговцевъ подъ разными предлогами (напр., что ясакъ еще не собранъ или не наступило время ярмарки), или допускали только по собственному выбору, на условіяхъ выгодныхъ для себя, но обременительныхъ для

торговли и для инородцевъ. Сперанскій вполсѣдствіи яркими чертами описалъ тогдашнее положеніе сибирской торговли съ инородцами: „Въ Сибири, относительно торговли съ инородцами, существовало до 1819 г. двѣ системы: одну изъ нихъ можно назвать запретительною, другую—свободною. Запретительную систему вводили и, при удобныхъ случаяхъ, старались укоренить разные чиновники полицейскаго управленія. Системы свободной всегда просили, и иногда въ своемъ домогательствѣ успѣвали, купечество, вообще промышленники, и сами инородцы. Полиція представляла, что торговцы и промышленники обманываютъ инородцевъ, пользуясь ихъ незнаеміемъ цѣнъ при покупкѣ или обмѣнѣ вещей, что инородцы не умѣютъ защищаться противъ притѣсненій частныхъ людей, что при свободѣ торговли нельзя усмотрѣть, соблюдается ли определенное въ законѣ запрещеніе ввозить къ инородцамъ горячіе напитки, нельзя ожидать, чтобы инородцы платили въ казну якакъ исправно, звѣрями окладными и лучшей доброты, и, наконецъ, нельзя продавать инородцамъ хлѣбъ съ выгодой для казны изъ запасныхъ ея магазиновъ и взимывать съ удобностью долги за сей хлѣбъ, проданный имъ во время неулловъ звѣря или рыбы и подобныхъ обстоятельствъ, въ законѣ определенныхъ. Противъ сихъ предлоговъ мѣстной полиціи торговцы и промышленники представили, что ограниченія въ торговлѣ съ инородцами могли быть допускаемы прежде, но не нынѣ, когда число торгующихъ уже немалое, и, слѣдовательно, есть соревнованіе, что причины, побуждающія чиновниковъ полицейскихъ настаивать на запрещеніи, суть выгоды не казенныя, но ихъ собственныя, — ихъ собственная торговля съ инородцами, — и что, наконецъ, установленная сими чиновниками выдача билетовъ частнымъ лицамъ на проѣздъ въ кочевья инородческія для торговли есть ни что иное, какъ собственный ихъ корыстолюбивый разсчетъ“ (Взг., I, 321—322). И купцы, и чиновники говорили правду другъ о другѣ, — одни другихъ стоили!

Но не среди однихъ инородцевъ соперничали купцы и чиновники: они перебивали также другъ у друга и торговлю въ русскія селахъ и городахъ, стараясь захватить въ свои руки монополию и закабалить массу населенія. Мы уже говорили, какъ боролся Леццано съ иркутскими монополистами, скупавшими у крестьянъ для перепродажи мясо и хлѣбъ. Эта борьба продолжа-

лась и при Трескинѣ, который обязывалъ нѣкоторыхъ купцовъ продавать мясо по опредѣленной таксѣ, но за то предоставлялъ имъ монополію мясной торговли. Въ 1810 г. онъ отдалъ на три года по контракту продажу мяса купцамъ Лавину, Попову и Кузнецову, которые обязались соблюдать таксу, но за то кромя ихъ никому не позволялось „торговать мясомъ въ городѣ ни въ мясномъ ряду, ни въ домахъ и нигдѣ, ни гуртомъ, ни въ розницу“. По просьбѣ этихъ монополистовъ, Трескинъ поднялъ на слѣдующій годъ таксу, но, даже послѣ этого повышенія, мясо все-таки было сравнительно дешево, и на слѣдующее трехлѣтіе всѣ купцы отказались продавать его по установленной таксѣ. Губернаторъ передалъ мясную и рыбную продажу въ вѣденіе думы, которая надзирала за нею посредствомъ особенныхъ „альдермановъ“. Хотя Трескинъ, вѣроятно, имѣлъ отъ этой операціи свои выгоды, но мясо все-таки подешевѣло, сравнительно съ прежнимъ, и въ-сущности были стѣснены только прежніе скупщики, такъ-какъ ни крестьянамъ, ни бурятамъ не запрещалось торговать мясомъ на базарѣ (ib., 365).

Гораздо ожесточеннѣе была борьба Трескина съ купечествомъ изъ-за хлѣбной торговли, которую тоже стремились монополизировать разные Сибиряковы и Мыльниковы. Еще до Трескина и Пестеля сибирское начальство, подъ предлогомъ защиты бѣднаго народонаселенія отъ монополистовъ, преслѣдовало скупщиковъ хлѣба, но послѣдніе громко вопіяли противъ такой несправедливости, жаловались въ Петербургъ, просили свободы торговли и имѣли успѣхъ. Въ инструкціи, данной Селифонтову, рекомендовалось ему обратить вниманіе на „стѣснительныя мѣры, отнимающія у земледѣльца довѣріе и угрожающія его спокойствію. Вы, конечно, не допустите — писано было Селифонтову — чтобы мѣры таковыя гдѣ-либо подъ начальствомъ вашимъ были дозволяемы: напротивъ, вы потщитесь доставить земледѣльцу всю увѣренность, что плоды трудовъ его ни подъ какимъ видомъ отторгнуты или вынуждены у него быть не могутъ“ (Ваг., I, 329). При Пестелѣ и Трескинѣ этотъ параграфъ инструкціи былъ оставленъ безъ вниманія; а въ 1808 г. Пестель доносилъ правительству о вредѣ купеческой хлѣбной монополіи. „Никакая черта, писалъ онъ, — не въ состояніи изобразить утонченной хитрости къ изысканію способовъ на незаконныя стяжанія. При всѣхъ невѣжествахъ и грубостяхъ,

уволяются безъ опущенія всѣ случаи къ обогащеніямъ на счетъ простоты беззащитной, и можно изъяснить навѣрное, что доселѣ недостаточный и бѣдный не были допускаемы до состоянія средняго, а всегда повергались еще въ крайнѣйшую бѣдность и нищотность. Подряды, откупа и перекупы запасовъ продовольствія были захвачены въ однѣ руки, и, при величайшихъ налогахъ, малое число народа Сибирскаго края истощало избытки свои въ крайности, за цѣну, опредѣляемую по произволу богатѣйшихъ; въ каковомъ порядкѣ общежитія часто видѣть можно исправнаго гражданина и зажиточнаго поселянина въ короткое время наемниками у алчныхъ корыстолюбцевъ. Все сіе существовало въ превосходной степени и силится еще стремительно удержаться въ предѣлахъ своихъ разными происками и кознями людей, тѣмъ обогащавшихся. Съ прибытія моего въ Иркутскъ, въ настоящемъ званіи, нерѣдко встрѣчались мнѣ самыя величайшія затрудненія, не только по дѣламъ службы, но и по распоряжкамъ, относящимся до благосостоянія народнаго, а особенно по части продовольствія жизненными припасами. Въ семь случаевъ была-бы поводомъ малѣйшая слабость въ надзорѣ начальства къ вредной монополіи, поелику главная промышленность первыхъ иркутскихъ гражданъ состоитъ въ подрядахъ, откупахъ и перекупахъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ“ (ib., 541—543). Въ первые-же годы Шестелевскаго управленія купеческая монополія была подорвана, и въ Иркутскѣ цѣна муки опустилась съ 3 р. до 1 р. („Р. Арх.“, 1875, 378). Но Трескинъ, а съ нимъ вмѣстѣ и другіе губернаторы, вмѣсто купеческой монополіи, установили свою собственную. Трескинъ постоянно доносилъ въ Петербургъ о мнимыхъ неурожаяхъ, выходилъ изъ себя, когда въ газетахъ появлялись корреспонденціи изъ Сибири, извѣщавшія, напротивъ, объ урожаяхъ, и настаивалъ на необходимости закупа огромныхъ запасовъ хлѣба для казенныхъ магазиновъ, для продажи его по дешевымъ цѣнамъ разнымъ казеннымъ вѣдомствамъ и жителямъ. Эти закупки хлѣба находились въ вѣденіи губернаторовъ и производились черезъ исправниковъ, которые, при этомъ, понятно, не забывали ни себя, ни Трескина, давали крестьянамъ за муку произвольныя цѣны и запрещали имъ продавать хлѣбъ кому-бы то ни было, кромѣ ихъ. Движеніе хлѣба было стѣснено, вывозить его изъ одного уѣзда въ другой дозволялось только въ крайнихъ случаяхъ, въ видѣ осо-

бой милости, а крестьянъ не допускали возить его на городскіе базары, хотя при этомъ, даже въ Иркутскѣ, объявлялось всенародно, что никакихъ подобныхъ запрещеній нѣтъ, и крестьяне могутъ торговать свободно. Результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ было то, что купеческая монополія была убита, казенные магазины южились отъ хлѣба, а закупавшіе его чиновники богатыли (стр. 34, 323, 339, 335 и 542). Для крестьянъ, впрочемъ, эти закупки, какъ справедливо замѣчаетъ одно лицо въ книгѣ Вагина, были далеко не такъ обременительны, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ противники Трескина, и были просто благотвѣтельными сравнительно съ закупками въ позднѣйшее время (ib. 586). Конечно, Трескинъ и чиновники наживались, но хлѣбъ все-таки былъ дешевле, чѣмъ прежде, при купеческой монополіи, а терпяшіе отъ принудительныхъ цѣнъ крестьяне менѣе за то страдали отъ купеческой кабалы.

Трескинъ старался вмѣстѣ съ хлѣбной операціей захватить въ свои руки и винокурное дѣло, для котораго онъ тоже закупал хлѣбъ, устранивъ отъ этой выгодной операціи завѣдывавшаго ею раньше вице-губернатора. Два слѣдовавшіе другъ за другомъ вице-губернатора, Семейскій и Левицкій, энергически отстаивали свое право на выгодную для нихъ поставку хлѣба для водочныхъ заводовъ, но, благодаря Трескину, были оба смѣнены, а Левицкій потомъ даже отданъ подъ судъ, хотя своими доносами навлекъ слѣдствіе и на Трескина (ib., 35, 442). Одновременно съ вице-губернаторами противъ хлѣбной операціи и мясной таксы Трескина боролись Сибиряковъ. Мыльниковъ и другіе капиталисты, много терпяшіе отъ подавленія ихъ монополіи. Ломка и перестройка Иркутска, деспотизмъ Трескина, злоупотребленія чиновниковъ по хлѣбной операціи, всеобщій грабежъ—все это доставляло упомянутымъ тузамъ превосходный матеріалъ для жалобъ, доносовъ и протестовъ, въ которыхъ они являлись защитниками справедливости и радителями о меньшей братіи. Сибиряковъ стоялъ во главѣ всѣхъ недовольныхъ Пестелевъ и Трескинымъ, громко говорилъ о нихъ въ Иркутскѣ, рѣзко писалъ о нихъ въ Петербургъ, и они рѣшили во что-бы то ни стало отдѣлаться отъ него и Мыльникова, особенно послѣ того, какъ послѣдніе донесли въ Петербургъ о злоупотребленіяхъ по хлѣбной операціи и о насильственной выдачѣ за ссыльныхъ крестьянскихъ дочерей, собираемыхъ въ Иркутскъ черезъ поли-

що, что дѣлалось и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Туруханскѣ (Третьяковъ, „Турух. Край“). И Трескинъ, и Пестель въ своихъ доносахъ изображали Сибирякова самыми черными красками, какъ „съ давняго времени и всѣми бывшими начальниками иркутской губерніи замѣченнаго въ сильномъ стремленіи къ безпокойству, замѣшательствамъ и всегдашней склонности къ ябедамъ“. Таковъ же, писалъ Пестель, — и Мыльниковъ, „но, руководствуя первымъ, а посредствомъ его и все иркутское общество, Мыльниковъ хитростью своею во всякомъ случаѣ успѣваетъ скрывать собственное лицо и потому всегда остается свободнымъ отъ законнаго преслѣдованія и взысканія; Сибиряковъ же, по необузданной смѣлости и дерзновенію, многократно уже былъ судимъ за беззаконныя поступки и, освобождаясь отъ наказанія силою всемилоствѣйшихъ манифестовъ, остался понинѣ съ прежнею предпримчивостью къ возмущенію общественнаго спокойствія“. Пестель доносилъ государю, что Сибиряковъ уже двѣнадцать разъ былъ подъ судомъ: въ 1778 году за скрытіе одного убійства, во время службы городскимъ головой, въ 1787 году за плутовство при покупкѣ въ казну ревеня и хлѣба, въ 1793 году за скрытіе имущества несостоятельнаго должника, своего сына Дмитрія, за „обиду при отправленіи должности квартальному надзирателю“, „за дерзкія слова противъ указовъ казенной палаты“, „за дерзости, замѣченныя сенатомъ противъ его повелѣній“, „за неисполненіе высочайшаго повелѣнія при учрежденіи въ Иркутскѣ городской полиціи — отрѣшенъ отъ должности городского головы“. Въ 1808 году общество снова избрало его головой, но Трескинъ воспротивился этому и потребовалъ, чтобы головой былъ выбранъ безхарактерный купецъ Савватѣевъ; часть общества послѣ этого вовсе отказалась участвовать въ выборахъ, а другая выбрала Савватѣева, заявивъ, что дѣлаетъ это только по приказанію начальства. Изложивъ все это въ своемъ донесеніи государю, Пестель, „ради отвращенія развратовъ не только отъ иркутскаго общества, но и отъ всего сибирскаго края“, просилъ иркутское общество, „равномѣрно городской магистратъ и градскую думу општрафовать чувствительными и примѣрными взысканіями. Купцовъ же Сибирякова, яко неоднократно уже сужденнаго за преступленія и назначаемаго къ изверженію изъ своего сословія, за явное возмущеніе и попользованіе къ соблюденію непозволенныхъ своихъ

корыстей, въ пригнѣръ прочимъ, а Мыльниковъ, въ предупрежденіе его вреднаго руководства, выслать изъ Иркутска въ уѣздный городъ сей-же губерніи раздѣльно, съ лишеніемъ перваго добраго имени“ (Ваг., I, 546). Государь почему-то не вдругъ согласился съ этимъ докладомъ, и только въ 1809 году желаніе Пестеля исполнилось: Сибиряковъ былъ сосланъ въ Нерчинскъ, а Мыльниковъ въ Баргузинъ. Въ то-же время, по прежнимъ доносамъ Сибирякова на Лепцано, сенатъ постановилъ объявить ему, чтобы онъ „воздерживался отъ неосновательныхъ доносовъ“, но государь, подъ вліяніемъ Пестеля, распорядился предать Сибирякова суду. Уголовная иркутская палата не замедлила лишить Сибирякова купеческаго званія. Вслѣдъ за тѣмъ, въ письмахъ къ министру юстиціи, Пестель снова ссылался на духъ ябеды, господствующей будто-бы въ Сибири, и на знаменитую статью инструкціи объ истребленіи этого духа. „Самый извѣстный въ семь родѣ людей, по словамъ его,—въ Иркутскѣ—Сибиряковъ, а въ Тобольскѣ—купецъ Андрей Полуяновъ“. Послѣдній, по словамъ Пестеля, обращалъ на себя особенное вниманіе „по вреднымъ дѣйствіямъ своимъ и предпріятіямъ, по недозволеннымъ изворотамъ, по лживымъ поступкамъ, по дерзости и ябедническимъ затѣямъ“ (ib., стр. 17 и 18). Но родственники Сибирякова и Мыльникова не дремали. Въ 1811 году въ Петербургъ явился старшій сынъ Сибирякова, Ксенофонтъ, и цѣлые три года хлопоталъ здѣсь „о милостивомъ воззрѣніи на бѣдствія двухъ семидесятилѣтнихъ старцевъ, почитавшихся въ числѣ первѣйшихъ иркутскихъ гражданъ, которые, безъ всякаго слѣдствія и суда, исторгены изъ среды семей своихъ и заточены въ дальнѣйшіе уѣздные города иркутской губерніи“. Молодой Сибиряковъ обивалъ всѣ пороги, подавалъ просьбы министрамъ и государю, возбуждалъ сочувствіе къ изгнанникамъ въ разныхъ вельможахъ, напр., въ Державинѣ, но все было напрасно,—и Сибирякова съ Мыльниковымъ вѣдно было попрежнему держать въ ссылкѣ. Между тѣмъ, сенатъ не соглашался утвердить рѣшеніе уголовной палаты о Сибиряковѣ. Пестель остался при рѣшеніи палаты. Поэтому о Сибиряковѣ было возвращено изъ сената въ уголовную палату, для дополненія. Палата представила его съ прежнимъ заключеніемъ, которое было еще дополнено тѣмъ, чтобы доносовъ отъ Сибирякова впредь не принимать. Пятый департаментъ со-

ната рѣшилъ удалить Сибирякова отъ выбора и опредѣленія къ общественнымъ дѣламъ и не принимать отъ него доносовъ; прежняя подсудности простить ему изъ уваженія къ глубокой его старости. Пестель опять не согласился съ этимъ рѣшеніемъ. Дѣло перешло въ общее собраніе. Но вдругъ Пестель вздумалъ отличиться великодушіемъ: 10 сентября 1814 года онъ подалъ въ сенатъ инѣніе о томъ, чтобы Сибирякова освободить отъ наказанія по манифесту 30 августа 1814 года. Эта милость объясняется очень просто: въ этотъ день Пестель получилъ офиціальное донесеніе (а частное свѣденіе могъ имѣть и раньше), что Сибиряковъ 10 іюля умеръ (ib., стр. 20). Послѣ смерти Сибирякова драхманъ Мыльниковъ былъ уже неопасенъ, и его возвратили въ Иркутскъ (ib., 14—20, 541—553).

За Сибиряковымъ и Мыльниковымъ настала очередь еще болѣе сильнаго туза, откупщика Передовщикова, страдавія котораго тоже очень трогаютъ сибирскихъ историковъ, помѣстившихъ этого откупного мученика въ одинъ пантеонъ съ провіантскимъ страсто-терпцемъ Куткинымъ. Передовщикова былъ бѣдный мѣщанинъ „съ большимъ умомъ и предпримчивымъ духомъ“, какъ выражается о немъ Пестель. Передовщикова сильно нажился, будучи кѣловальникомъ у одного откупщика, потомъ вышелъ въ купцы, самъ сдѣлался откупщикомъ и нажился еще болѣе; но еще въ концѣ прошлаго вѣка попалъ подъ судъ за разныя преступленія, между прочимъ, за убійство. Судъ тянулся до тѣхъ поръ, „пока его покровители все изъ него вытянули, и когда ему нечего было уже давать, тогда законъ былъ приведенъ въ исполненіе, и правосудіе одержало верхъ“. Передовщикова наказали кнутомъ и сослали въ работу на желѣзные заводы въ Туруханскъ, но здѣсь онъ не работалъ, а торговалъ съ инородцами, безбожно обманывая и грабя ихъ, нажилъ снова состояніе и заручился новыми покровителями въ Петербургѣ. Онъ послалъ Павлу I трогательную просьбу о помилованіи, подписавшись подъ нею никогда не принадлежавшимъ ему званіемъ „именитаго гражданина.“ Императоръ Павелъ помиловалъ его, возвратилъ всѣ права, между прочимъ и званіе именитаго гражданина, и Передовщикова снова пошелъ въ гору. Въ короткое время онъ нажилъ миліоны, сдѣлался комерціи совѣтникомъ, держалъ откупъ во многихъ губерніяхъ Россіи и всей Сибири, ставилъ провіантъ войскамъ по всей

Сибири и т. д. Онъ жилъ въ Петербургѣ на самую широкую ногу, имѣя нѣсколько домовъ въ городѣ и дачъ въ окрестностяхъ, задавалъ блестящіе банкеты министрамъ, самъ бывалъ у нихъ за- просто, имѣлъ множество покровителей въ сенатѣ и во всѣхъ министерствахъ. Молодая и красивая жена помогала ему во всѣхъ его дѣлахъ. Но какъ-только Пестель явился въ Иркутскъ, Передовщиковъ на первомъ-же шагу сталъ въ непріязненные отноше- нія къ генераль-губернатору, бахвальствуя своими связями и бо- гатствомъ. Пестель не могъ простить Передовщикову его бахваль- ства, тѣмъ болѣе, что былъ уже готовъ случай отомстить ему. Графъ Головкинъ, бывшій проѣздомъ въ Иркутскъ, донесъ, меж- ду прочимъ, о многочисленныхъ злоупотребленіяхъ Передовщикова по откупу, и государь поручилъ изслѣдованіе этого дѣла Песте- лю, когда послѣдній поѣхалъ въ Иркутскъ. Передовщиковъ об- винялся въ самыхъ обыкновенныхъ дѣяніяхъ тогдашнихъ откуп- щиковъ: въ обчитываньи казны, въ разбавкѣ водой водки и при- бавкѣ къ ней для крѣпости купороса, отъ котораго умерло нѣ- сколько человѣкъ. Все это практиковалось и прежде, и послѣ, но, въ настоящемъ случаѣ, Пестель дѣйствовалъ подъ влияніемъ лич- ной мести и искалъ случая погубить Передовщикова. Случай представился: бывшіе повѣренныя Передовщикова въ Иркутскѣ, укрившіе у него 80,000 р., чтобы избѣжать отвѣтственности, выдали Трескину всѣ его секреты и бумаги. Державшій сторону откупщика предсѣдатель уголовной палаты, Гарновскій, былъ смѣ- ненъ и замѣненъ другимъ лицомъ, и дѣло пошло какъ по маслу. Было доказано, говорить Пестель, — „документами, писанными соб- ственною его рукою, что 1) онъ обокралъ казну на сумму бо- лѣе 600 т.; 2) что онъ приказывалъ вливать въ водку воды для своей выгоды; но чтобы покупатели не жаловались на сла- бость водки, то онъ составилъ и собственною рукою написалъ ре- цептъ, гдѣ назначены были разныя спеціи и пропорціи, въ кото- рой ихъ должно было употреблять для приданія водкѣ крѣпости. Между прочимъ, была опредѣлена такая сильная порція купоро- са, что многіе отъ того занемогли, а нѣкоторые умерли. Эти смертные случаи были первымъ поводомъ къ изслѣдованію, пред- принятому графомъ Головкинымъ. Умершихъ анатомировали, и доктора утверждали, что причиною смерти былъ купоросъ“ („Рус. Арх.“ 1875, 386) Передовщикова арестовали и подъ конво-

емъ привезли изъ Петербурга въ Иркутскъ, заключивъ здѣсь, по выраженію одного изъ его ходатаевъ, „въ ветхомъ домѣ въ узку перегородку, наполненную отъ сырости и гнилости насѣкомыи, и сія политическая пытка ввергнула его въ тяжкую болѣзнь“. Его держали подъ строгимъ арестомъ, не допускали ни съ кѣмъ видѣться, судили для пущаго эффекта по ночамъ, сдѣлали начеть въ 1,000,000 р., присудили въ каторгу на 20 лѣтъ и немедленно отправили въ Нерчинскъ. Но враги Пестеля и друзья Передовщикова въ Петербургѣ долго еще не теряли надежды перерѣшить въ его пользу дѣло, которое перешло въ сенатъ. По настоятельному желанію императора Александра въ рѣшеніи этого дѣла участвовалъ и Пестель, въ качествѣ сенатора. „Всѣ, пишетъ онъ,—были противъ меня: 80 сенаторовъ находились тутъ, и, сколько помню, только 3 или 4 были согласны со мною и подтвердили опредѣленіе иркутской уголовной палаты; проіе же всѣ хотѣли его измѣнить, а нѣкоторые полагали даже Передовщикова совѣмъ оправдать, а уголовной палатѣ наложить еще штрафъ за излишнюю строгость приговора. Между сими послѣдними находились, по большей части, тѣ сенаторы, которые почитались самыми знающими въ дѣлахъ! Это происходило, разумеется, отъ тѣхъ причинъ, которыя я выше въ своемъ мѣстѣ изъяснилъ. Приэтомъ долженъ я еще прибавить, что молодая, красивая жена Передовщикова находилась въ связи съ однимъ вельможею, который имѣлъ большой вѣсъ при дворѣ черезъ свою супругу. Къ сей послѣдней обратилась жена Передовщикова, и государя просили убѣдительно защитить Передовщикова отъ преслѣдованій моихъ и губернатора Трескина. Измѣніе, которое Передовщикова передалъ женѣ своей, для освобожденія отъ взятія въ казну, давало ей средства подкупать судей и дѣлопроизводителей въ сенатѣ. Это удалось совершенно, и всѣ держали сторону ея мужа. Наконецъ, всѣ различныя мнѣнія сенаторовъ и рѣшеніе сената, клонящееся по большинству голосовъ въ оправданію Передовщикова, были поднесены государю. Съ твердостью, достойною его великаго духа, не обращая никакого вниманія на ходатайство, покровительство и всѣ старанія въ сенатѣ дать дѣлу должный оборотъ, монархъ утвердилъ мое мнѣніе и опредѣленіе иркутской уголовной палаты, и Передовщикова былъ сосланъ на работу въ нерчинскія рудокопни“ (id. 386). Пестель гордился

концомъ этого дѣла и впоследствии писалъ въ своей автобіографіи: „Должно замѣтить, что это былъ самый первый приговоръ въ нашемъ отечествѣ, чтобы откупщикъ былъ наказанъ за лихоимство въ 600,000, и еще такъ строго наказанъ. Это могло послужить къ спасенію многимъ несчастнымъ, которые черезъ такую безнаказанность столь значительныхъ похищеній могли увлечься къ подобнымъ поступкамъ и впасть въ бѣдствіе, такъ-какъ они думали, что ежели большое воровство можетъ быть оправдано, то малое еще легче“. Такимъ образомъ, всѣ главные враги администраціи были сосланы (Штейнгель. Ваг., I, 20, 589. „Рус. Арх.“. 1875, 384—388).

Устранивъ Буткина, Сибирякова, Мыльниковъ, Передовщикова, Трескинъ принялся за тѣхъ, которые принадлежали къ ихъ партіи или вообще были недовольны начальствомъ. „Пестель и Трескинъ, говоритъ Штейнгель,—строго держались истины: *кто не за насъ, тотъ противъ насъ,—нейтралируетъ—нѣмецкая выдумка,—а кто противъ насъ, того надобно душить*—и душили въ гробъ“. Изъ Иркутска были высланы братъ Сибирякова и купецъ Дудоровскій, а купецъ Киселевъ, руководившій совѣтами жену Передовщикова, былъ признанъ сумасшедшимъ и посаженъ въ больницу, изъ которой онъ пропалъ безъ вѣсти, конечно, при содѣйствіи смотрителя ея, Третьякова, любовника Анфисы Федоровны. Совѣтника Корсакова Трескинъ выслалъ изъ иркутской губерніи, а Пестель предписалъ прочимъ губернаторамъ не дозволять ему нигдѣ жить дольше трехъ дней и въ то же время не выпускать за предѣлы Сибири! Корсаковъ цѣлыхъ четыре года кружилъ по Сибири, какъ вѣчный жидъ. „Безпокойный“ комисарь, по нынѣшнему становой, Пѣтуховъ, былъ отданъ подъ судъ за какія-то злоупотребленія, дѣйствительныя или мнимыя,—неизвѣстно. Во время слѣдствія, чиновникъ Приваловъ, котораго Трескинъ высѣкъ розгами за пьянство, представилъ ему черновое прошеніе государю отъ имени Привалова, писанное будто-бы Пѣтуховымъ, хотя послѣдній отпирался, доказывая, что бумага поддѣлана подъ его руку Приваловымъ. Въ жалобѣ описано упомянутое наказаніе Привалова и разныя злоупотребленія мѣстной власти. Въ ней выводятся возмутительныя и вполне справедливыя вещи: тѣлесныя наказанія безъ суда лицъ, изъятыхъ отъ него по закону, насильственные закупки

хлѣба, отдача подѣ судѣ множества чиновниковъ и купцовъ, особенно непріятелей Трескина, ссылки разныхъ лицъ безъ суда, злоупотребленія въ винной продажѣ, отстраненіе лучшихъ чиновниковъ и возвышеніе недостойныхъ, жестокая жадность къ наказанію осужденныхъ, бездѣйствіе генераль-губернатора, который передалъ свою власть Трескину, и оттого полная беззащитность населенія (Ваг., I, 23). Пѣтухова, какъ ябедника, сослали въ Туруханскъ подѣ строжайшій надзоръ. Но, какъ ни строгъ былъ этотъ надзоръ, Пѣтухову удалось переслать прошеніе государю черезъ министра полиціи Балашева, и разслѣдованіе его дѣла было поручено Сперанскому. Пестель употреблялъ всѣ усилія, чтобы Пѣтухова оставили въ Туруханскѣ: „въ противномъ случаѣ, восклицалъ онъ, — не отвѣчаю я за вреднѣйшія послѣдствія, отъ самовольства сего человѣка произойти могущія въ отдаленномъ и развратными людьми наполненномъ краѣ!“ Но на этотъ разъ Пестелю не повезло: по высочайшему повелѣнію Пѣтухова перевели на службу въ Мезень.

Такимъ образомъ, кругъ недовольныхъ все болѣе и болѣе увеличивался, жалобы ихъ раздавались все громче и громче, а въ Петербургѣ сторонники и покровители Сибирикава, Мыльниковъ, Передовщикова, Куткина, Хвостова, Корнилова все настойчивѣе и настойчивѣе хлопотали о смѣнѣ Пестеля. „Свободный голосъ Сибири, говоритъ цитируемый у Вагина сибирскій писатель, — сталъ контрабандой. И, однакожь, доносъ никогда не принималъ такого тона, какъ въ это время. Самые умные и смѣлые туземцы приняли въ немъ участіе, и сибирскій генераль сошелся на одномъ поприщѣ съ сибирскимъ мѣщаниномъ, протестуя противъ узурпатора“. Оставляя въ сторонѣ обычную у сибиряковъ идеализацію этихъ героев доноса, мы должны во всемъ остальномъ согласиться съ приведенными словами и признать, дѣйствительно, героями упомянутыхъ людей за ихъ энергію, за ихъ неустанную борьбу до ссылки, до смерти, до сумасшествія, какъ у Пѣтухова. Погибали одни, но тотчасъ на смѣну имъ являлись другіе; по наружности, въ сибирскомъ обществѣ все было спокойно, но въ глубинѣ его бурлилъ старинный „духъ ябеды“, издававшій своими доносами покоя ни Трескину, ни Пестелю. Одинъ изъ послѣднихъ доносовъ былъ составленъ въ домѣ Трапезникова и тайно отправленъ въ Петербургъ съ мѣ-

щаниномъ Саламатовымъ, щедро снабженнымъ деньгами. Трапезниковыхъ заподозрили, окружили ихъ домъ карауломъ, всѣ письма на почтѣ стали распечатывать, но уже было поздно: Саламатовъ благополучно добрался до Петербурга, подалъ доносъ лично государю и просилъ его приказать убить его, чтобы избавить отъ тиранства Пестеля; онъ былъ оставленъ въ Петербургѣ и отданъ подъ защиту Милорадовича (Ваг., 36, 587). Въ то же время послалъ свое донесеніе епископъ Михайлъ. „Нечестіе и безстыдное притворство, писалъ онъ, — дерзость и самонадѣнность съ деспотизмомъ, презрѣніе къ людямъ и страданіямъ ихъ, выборъ и отличіе чиновниковъ, дѣятельныхъ только въ разореніи поселянъ, и въ особенности бурятъ, система обогащать себя, и во всемъ монополія, — сіи черты отличаютъ здѣшнее правитель-ство отъ внутреннихъ губерній Россіи“ (Корфъ). Ко всѣмъ этимъ доносамъ присоединились еще дошедшія въ Петербургъ вѣсти объ отчаянномъ положеніи сѣверныхъ инородцевъ. Въ Камчаткѣ и въ Туруханскомъ краѣ инородцы отъ голода не только умирали, но даже питались человѣчиной (Ваг., I, 381, 619, 621, 687; II, 421). Подобные случаи бывали въ Сибири нѣдавно и прежде, и послѣ того, но на этотъ разъ самъ Пестель заставилъ своихъ враговъ воспользоваться противъ него этими вопіющими фактами. Дѣло въ томъ, что, по своему самовластию, онъ хотѣлъ подчинить себѣ и командующаго войсками въ Сибири. Пестель пишетъ въ своей автобіографіи, что когда начальникомъ войскъ былъ генералъ Лавровъ, то онъ во всемъ подчинялся Пестелю, но дѣла перемѣнились, когда на мѣсто его назначили Глазенапа. Пестель требовалъ подчиненія, Глазенапъ третировалъ его свысока, и они сдѣлались врагами. „Адъютантъ Глазенапа, говоритъ Пестель, — нѣсколько разъ ѣздилъ съ лошадыми и другими подарками въ Петербургъ, и тамъ поддерживали Глазенапа противъ меня“ („Русскій Архивъ“, 1875, 391). Раньше, какъ мы уже говорили, и въ другихъ мѣстахъ, и въ Туруханскѣ инородцы умирали съ голода челоуѣкъ по 40 и 50 въ годъ; губернаторъ доносилъ объ этомъ сенату, и никакихъ особенныхъ мѣръ вслѣдствіе этого не предпринималось, но теперь въ Петербургѣ, вслѣдствіе упомянутыхъ доносовъ, были расположены къ Пестелю, и государь секретно поручилъ Глазенапу развѣдать, отчего умерло съ голода 18 туруханскихъ ости-

ковъ, не отъ „упущеній-ли мѣстнаго начальства въ доставленіи имъ хлѣба?“ (ib., 397). Еслибы Глазенапъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Пестелемъ, то, какъ водится въ такихъ случаяхъ, представилъ-бы факты въ смягченномъ видѣ; теперь-же онъ былъ радъ насолить ему и послалъ въ Туруханскъ аудитора Камаева, приказавъ ему развѣдать всю подноготную. Камаевъ открылъ, что не только инородцы, но и русскіе поселенцы края находятся въ отчаянномъ положеніи: тяжкая повинность исправленія дорогъ и мостовъ, бесплатная поставка дровъ на винокуренный заводъ, поборы, отдача въ работу лицъ, на которыхъ была хотя малѣйшая недоимка,—все это раззоряло крестьянъ, бросавшихъ и хлѣбопашество, и дома свои. Ссылные были водворены по тракту между енисейскимъ и туруханскимъ, съ обязательствомъ содержать почтовую гоньбу. Но ни оленей, ни собакъ, ни лошадей у нихъ не было, и проѣзжающіе казаки и чиновники ѣздили лѣтомъ на лодкахъ по Енисею, а зимой на саняхъ, въ которыя запрягались несчастные поселенцы и тащили ихъ лямкою верстъ по 80, по 100, страдая въ пути отъ холода и голода и возвращаясь домой недѣли черезъ двѣ. Ко всему этому присоединился еще трехлѣтній (1814—16 г.) неурловъ звѣрей, и жители питались падалюю и пихтовой корой, умирали съ голода, и трупы ихъ валялись всюду. Около самаго Туруханска было тоже много труповъ, оторванные члены которыхъ собаки таскали по городу. Донося объ этомъ городничему, туруханскій стряпчій приложилъ къ бумагѣ найденныя имъ на улицѣ руку и человѣческую голову. Инородцы питались трупами, но нерѣдко уби вали живыхъ и съѣдали ихъ. Нѣкоторые изъ этихъ невольныхъ людоедовъ были посажены въ тюрьму, въ которой и умерли отъ дурнаго содержанія и обращенія съ ними (Дѣло о людоедствѣ въ архивѣ главн. упр. Западной Сибири).

Туруханское дѣло окончательно подорвало кредитъ Пестеля. Государь пересталъ принимать его и объявилъ черезъ Аракчеева, что назначаетъ на его мѣсто Глазенапа („Русск. Арх.“ 1875, 398). Но это назначеніе почему-то не состоялось, а, между тѣмъ, сибирскія дѣла были подвергнуты въ государственномъ совѣтѣ серьезному обсужденію, и самовластіе Пестеля и другихъ генераль-губернаторовъ было признано главнымъ источникомъ вошедшихъ безпорядковъ въ Сибирь. Заговорили о необходимости

реформъ, но вопросъ о реформѣ былъ отложенъ до окончанія ревизіи, которую долженъ былъ произвести вновь назначенный сибирскимъ генераль-губернаторомъ Сперанскій.

Назначеніе Сперанскаго было совершенною неожиданностію для иркутскихъ властей. Правда, съ самаго начала 1819 г. въ Иркутскѣ ходили тревожные слухи о смѣнѣ Пестеля, но потому они смолкли. 9 мая былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ весеннихъ дней, когда иркутскіе граждане такъ любятъ выѣзжать на гулянья куда-нибудь въ очаровательныя окрестности города. Стряпчій, фаворитъ Трескина, только-что вернувшійся со слѣдствія у бурятовъ, съ которыхъ взялъ 50,000 р., пригласилъ губернатора и всю иркутскую аристократію къ себѣ на пикникъ, устроенный на островѣ, прозванномъ впоследствии островомъ Любви. Трескинъ все поджидалъ московскую почту и долго не ѣхалъ на островъ, но, не дождавшись, отправился на пиръ, приказавъ привезти туда корреспонденцію, когда она получитсѣ. Гулянье было въ полномъ разгарѣ; музыка гремѣла „Громъ побѣды раздавайся“; Николай Ивановичъ сидѣлъ, убаюканный лѣстивою лобезностью хозяина и гостей... Вдругъ ему подають только-что полученный № „Сѣверной Почты“. Взглянувъ на него, Трескинъ поблѣднѣлъ и задрожалъ: тамъ былъ напечатанъ коротенькій указъ о назначеніи Сперанскаго сибирскимъ генераль-губернаторомъ. Трескинъ немедленно отправился въ Иркутскъ, а за нимъ и всѣ бывшіе на пикникъ. По городу быстро разнеслась эта вѣсть, и вечеромъ по улицамъ бродили толпы народа, а въ домѣ стряпчаго собрались бывшіе на пикникъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ спьяна проявили такую отвагу, что заставили музыкантовъ играть похоронный гимнъ Трескину и Пестелю („Сибирск. Вѣстникъ“, 1866 г.). „Новость эта, говорить лѣтописецъ, — многихъ привела въ совершенное разстройство, а другихъ, напротивъ, оживила. Недовольные всѣ были вѣ себя отъ радости; на другихъ же была видная мертвая блѣдность; всѣхъ болѣе страдалъ губернаторъ“ (Ваг. I, стр. 590). Въ невѣжественномъ, суевѣрномъ чиновничествѣ началась паника, вродѣ той, какую описываютъ древніе лѣтописцы передъ паденіемъ царствъ. Не появлялось только невидимой руки, которая-бы написала на стѣнѣ трескинскаго кабинета огненные слова: *мани-факель-фаресъ*; но событія теченіи всего мая располагались самымъ зловѣщимъ образомъ, и нашлись

свой Данилъ, который записывалъ событія и толковалъ ихъ тайственный смыслъ: то былъ частный секретарь Трескина, Тюленцевъ, впослѣдствіи полиціймейстеръ, наконецъ, членъ совѣта главнаго управленія Восточной Сибири.

„Мая 15. Не успѣлъ еще Николай Ивановичъ успокоиться отъ непріятнаго для него извѣстія о смѣнѣ Ивана Борисовича (Пестеля), какъ былъ пораженъ извѣстіемъ изъ Верхнеудинска о смерти губернаторши. Анфиса Федоровна путешествовала за Байкаломъ съ двумя своими любовниками, Бѣлявскимъ и откупщикомъ Бузнецовымъ, ее понесли лошади и убили до смерти. Губернаторъ пораженъ былъ и плакалъ. Послѣ обѣда сообщилъ онъ горестное обстоятельство дѣтямъ. Печальное зрѣлище, бывшее при семъ, нельзя довольно изобразить: дѣти рыдали о драгоценной потерѣ своей неутѣшно, рвали на себѣ волосы, были вѣдъ себя. Его превосходительство имѣлъ твердость все это перенести съ терпѣніемъ истиннаго христіанина“ (ibid., стр. 591), Замѣчательно, что два сѣн происшествія сдѣлались извѣстными губернатору по четвергамъ и почти въ одинъ часъ. Что скажетъ третій?

„Мая 15. Съ извѣстіемъ о смерти губернаторши было еще свѣденіе, что въ Верхнеудинскѣ у исправника Геденштрома погнѣшалась умственно жена, прекрасная, молодая женщина, отъ потери дочери. Мать и братъ исправницы лежали на смертномъ одрѣ. Исправникъ находился въ отчаяніи“ (ib., стр. 592).

„Мая 20. Пронеслась непріятная молва о Гаврилѣ Николаевичѣ, сынѣ губернатора, въ Петербургѣ. Несчастія, казалось, опережали одно другое. Означенная молва дошла и до Н. И.: она заключалась въ томъ, что молодой человѣкъ въ азартѣ и неприличной компаніи убилъ бутылкой актрису и по обстоятельству этому находился подъ арестомъ. Исторія казалась очень вѣроятною, потому что молодой Трескинъ имѣлъ наклонность къ подобнымъ выходкамъ, — гордъ, богатъ, мотоватъ, страстенъ“ (ib., стр. 592).

Наконецъ, начались и видѣнія, — появились своего рода *манифакель-фаресъ*.

„Мая 21. Докладывано губернатору, что нѣкошной *) въ

*) Чортъ.

старомъ генераль-губернаторскомъ домѣ давилъ часового. Происшествіе случилось пополудни въ 6 часовъ. Солдатъ сказывалъ, что сначала приходилъ къ нему военный офицеръ, потомъ старикъ, который, попотчивавъ его табакомъ, просилъ сдѣлать на караулъ; часовой исполнилъ, но старикъ не былъ этимъ доволенъ и ударилъ его по щекѣ. Затѣмъ ползли изъ-за старика маленькіе безобразные чертенята. Они напали на бѣднаго солдата и издавили его, и онъ къ вечеру отправленъ въ лазаретъ. Преданіе говоритъ, что въ намѣстническомъ домѣ давно показывались разныя привидѣнія: то старикъ съ тремя глазами, то волкъ съ пламенною пастью, то криворотый Поперець и т. п.; въ полночь отворялись двери, подъ поломъ брэнчали кандалы, выходилъ Леццано и проч.“ (ib, стр. 592—593).

„Мая 22. Съ сею почтою получено бухаринское дѣло. Бухаринъ, капитанъ 1-го ранга, былъ начальникомъ Охотскаго порта до 1808 г. Онъ извѣстенъ всѣмъ, особенно тамошнему краю, по жестокости своей и грабительству, и назывался не иначе, какъ разбойникомъ. Беззаконія его дошли до неистовства: онъ изобличенъ былъ во всѣхъ злодѣяніяхъ, неповиновеніи, тиранствѣ и проч., и, по рѣшенію, присужденъ къ лишенію чиновъ, дворянства, орденовъ и ссылки на поселеніе. Около сего времени вышла исторія еще слѣдующая: одинъ мальчикъ доказывалъ на жида, что тотъ насильно заманивалъ его въ пустую баню, заперъ окна въ ней и готовился къ злодѣянію, но, по крику мальчика, испугавшись бѣжалъ. Исторія эта подала поводъ къ смѣнѣнью въ томъ, что жида закалываютъ младенцевъ для своихъ причастій“ (ib., стр. 593).

„Мая 23. Еще наканунѣ, въ третій четвергъ, губернаторъ замѣтилъ, что мѣшается умомъ совѣтникъ Кузнецовъ, сильно замѣшанный въ злоупотребленія исправника Лоскутова. 23-го числа онъ явился къ Трескину уже совершенно сумасшедшимъ. Онъ казался быть преступникомъ, изобличеннымъ на мучительную смерть. Не успѣлъ я получить обыкновенныхъ приказаній отъ его превосходительства, какъ совѣтникъ вышелъ въ это время на улицу и побѣжалъ къ Ангарѣ топиться; но его тамъ поймали, и здѣсь онъ показалъ, что уже невозвратимъ. Съ полною у рта онъ боролся съ нѣсколькими людьми, просилъ Бога о защитѣ его отъ мученій и хотя распознавалъ, что е

удерживали искренніе его пріатели, но не могъ одуматься. Полная публика была свидѣтелемъ этой сцены. Наконецъ, несчастнаго увели въ домъ Аснашева. Для его превосходительства, лиѣвшаго свое горе, происшествіе съ Кузнецовымъ прибавляло еще болѣе безпокойства. Чудно, какъ нарочно, все пошло вверхъ дномъ!" (ib., стр. 594).

Все это возбуждало невольныя сомнѣнія и опасенія среди суевѣрной и невѣжественной среды, и паника росла съ каждымъ днемъ: со всѣхъ сторонъ получались самыя тревожныя вѣсти, частію вѣрныя, частію ложныя. Одни говорили, что Лоскутовъ запился, что онъ падаетъ духомъ, и хотя увѣренъ, что ему не миновать Нерчинска, но грозитъ, что погубить вмѣстѣ съ собой и губернатора; говорили, что умираетъ предсѣдатель Корюковъ, что Лангангъ въ Верхнеудинскѣ сошелъ съ ума, что сошелъ съ ума также и Бѣлявскій, первый трескинскій дѣлецъ, бывшій съ губернаторшей за Байкаломъ, что сходить съ ума откупщикъ Патюковъ, что первый любовникъ губернаторши, Третьяковъ, лежитъ при смерти" и т. д.

„Мая 31. Померъ архимандритъ Павелъ. Привезли Бѣлявскаго съумасшедшимъ... Онъ бредитъ, неистовствуетъ, злобствуетъ и слѣдъ приведенъ въ совершенное изнеможеніе. Онъ не носитъ уже на себѣ образа человѣка, — одѣнъ кости, связанные кожей. Бредъ его тотъ, что онъ государь, Магометъ, принцъ, регентъ, Вольтеръ, Кутузовъ, Суворовъ, Лютеръ, а не Бѣлявскій, давалъ законы, водилъ арміи, управлялъ народами, ниспровергалъ все. Онъ часто распознавалъ окружающихъ и ругалъ ихъ разбойниками, грабителями, убійцами, даже самого губернатора. Часто пугался тѣней и, прячась отъ нихъ, ваялся, что онѣ его мучатъ за беззаконія. Съ нимъ могъ управляться одинъ токмо Масленниковъ, который и привезъ его изъ-за моря; часто онъ въ Верхнеудинскѣ вырывался нагой и бѣгалъ народно. Здѣсь онъ былъ связанъ, всегда терзалъ зубами все, что ни попадалось. И вотъ тотъ Бѣлявскій, который 13 лѣтъ былъ для всѣхъ страхомъ и ужасомъ, котораго всѣ трепетали, котораго взглядомъ однимъ не смѣли оскорбить" (ib., стр. 596 — 597).

Видѣнія продолжаютъ.

„Мая 31. Часовой отъ казначейства видѣлъ въ старомъ наѣстническомъ домѣ носимую большую свѣчу съ огнемъ, а дру-

гой, стоявшій на противной сторонѣ, былъ осыпанъ камнями и видѣлъ человѣка въ бѣлой рубахѣ. Повторяется слухъ, что Ив. Фр. Лангангу отказано отъ невѣсты, и онъ сходитъ съ ума.

„Пожаръ въ Омскѣ. Крѣпость выгорѣла вся... Пожаръ начался съ дома бывшего здѣсь штабъ-доктора Эрнста, отъ копченія колбасъ (ib., 596).

„Общее заключеніе о маѣ. Мѣсяць этотъ вообще показался всѣмъ желѣзнымъ, особенно для иркутскихъ чиновниковъ. Туца злочленій висѣла и разрушалась повсечасно надъ головами ихъ: громовые удары не столь бы сильны были поколебать ихъ, какъ, напротивъ, происшествія, — смѣна генераль-губернатора, ѣдущій для ревизіи сенаторъ, несчастная смерть губернаторши, съумасшествіе совѣтника и т. п. Словомъ, кажется, Провидѣніе нарочно копило (sic!) долгое время все нечистое, чтобы однимъ разомъ тронуть и разрушить беззаконіе“.

Между тѣмъ, Сперанскій быстро ѣхалъ по Сибири, слѣша въ ея столицу и центръ злоупотребленій — Иркутскъ. И чиновниковъ, и обывателей, искони привывшихъ къ надменности и азіатской грубости начальства, очаровывали необыкновенная привѣтливость, мягкость, добродушіе и простота новаго генераль-губернатора. Сперанскій явился въ Сибирь однимъ изъ первыхъ представителей европейской гуманности и очаровалъ всѣхъ сибиряковъ, начиная съ крестьянъ, изъ которыхъ имѣвшіе случай бесѣдовать съ нимъ вплоть до смерти вспоминали съ увлеченіемъ незабвеннаго „Михайлу Михайлыча“ (Ваг., 74). Въ Западной Сибири особенно вопіющихъ злоупотребленій Сперанскому не представилось, а на обыкновенное взяточничество онъ не обращалъ вниманія, хорошо понимая его тѣснѣйшую связь со всѣмъ тогдашнимъ строемъ; но, по мѣрѣ приближенія къ Иркутску, жалобы усиливались, хотя народъ боялся жаловаться, и, случалось, крестьяне ожидали по ночамъ въ лѣсу проѣзда Сперанскаго, останавливали его экипажъ и подавали свои просьбы. „И Томскъ, и томская губернія, писадъ онъ, — по богатству произведеній и по климату, весьма умѣренному и въ полуденной части прекрасному, могла-бы быть одною изъ лучшихъ губерній Россіи; но худое управленіе сдѣлало изъ нея сущій вертепъ разбойниковъ. Сіе противорѣчіе между возможностью и дѣломъ разрываетъ сердце“. Въ красноярскомъ округѣ крестьяне хотѣли-было жаловаться на исправника, но

раздумали, опасаясь, что новый можетъ быть хуже стараго. При переправѣ черезъ Кань Сперанскому представился Лоскутовъ и былъ немедленно арестованъ безъ всякихъ объясненій. Два старика, подавшіе просьбу Сперанскому, услышавъ его распоряженіе объ арестѣ этого чудовища, схватили Сперанскаго за полн сюртука и со страхомъ прошептали: „батьшка, вѣдь это Лоскутовъ! Какъ-бы тебѣ худо чего не было!“ (Корфъ) Въ резиденціи Лоскутова, с. Бирюсъ, было описано у него разнаго имущества на 103,769 р., въ томъ числѣ зашитыя въ перинѣ деньги 71,060 р. ассигнаціями, 3,864 руб. серебромъ, 240 золотомъ и 9,935 р. обязательствами (Ваг., 93). Учредивъ въ Нижнеудинскѣ слѣдственную комисію по лоскутовскимъ дѣламъ и проживъ здѣсь двѣ недѣли, Сперанскій отправился въ Иркутскъ, но вплоть до этого города уже не получалъ никакихъ просьбъ, — народъ боялся жаловаться. Въ Иркутскѣ была открыта главная слѣдственная Коллеія, дворъ которой часто оказывался не въ состояніи помѣстити всѣхъ собравшихся просителей, преимущественно крестьянъ и бурятовъ; число просьбъ доходило до 300 въ день. Жаловались преимущественно бѣдняки; иркутскіе-же купцы, вообще довольные Трескинымъ, жалобъ не приносили (ib., 587, 605). Смѣнивъ Трескина и главныхъ его пособниковъ, Сперанскій старался какъ можно скорѣе покончить съ слѣдствіемъ: и онъ, и слѣдователи работали день и ночь цѣлую зиму, выбившись изъ силъ, разстроили здоровье. Особенно съверно чувствовалъ себя самъ Сперанскій среди открытой имъ массы всевозможныхъ дрязгъ, каверзъ и злодѣяній, съ которыми ему пришлось возиться вмѣсто того, чтобы управлять краемъ и преобразовать его. Большую часть дѣлъ Сперанскій рѣшалъ безъ всякихъ формальностей, даже словесно, заставляя только чиновниковъ расплачиваться за ихъ прежнія взысканія. Всего денежныхъ взысканій съ чиновниковъ было насчитано 2,847,000 р. Вообще, и слѣдствіе, и судъ, подъ которымъ было отдано болѣе 600 человѣкъ, велись чрезвычайно мягко. Истель, о безкорыстїи и вмѣстѣ о глупости котораго свидѣтельствовалъ Сперанскій, былъ уволенъ отъ службы, Трескинъ лишень чина, Лоскутовъ сосланъ, нѣсколько человѣкъ исключены изъ службы, большинство-же подвергнуто самымъ незначительнымъ взысканіямъ.

Какъ ни мягко поступалъ Сперанскій, чиновничество и купе-

чество все-таки были недовольны его ревизіей и сожалѣли о блаженнѣхъ дняхъ трескинскаго царствованія. Въ матеріалахъ, собранныхъ Вагиннымъ, мы находимъ чрезвычайно характерные отзывы современниковъ и о Трескинѣ, и о Сперанскомъ, — отзывы, показывающіе, до какой степени было бѣдно гражданскимъ смысломъ тогдашнее сибирское общество. Вотъ, напримѣръ, какъ отзывался купецъ Камышцевъ о реформаторѣ: „все было тихо, смирно при немъ, человекъ былъ деликатный. Жили при немъ хорошо, дѣлались праздники; онъ любилъ на нихъ быть. Только при немъ былъ застой. Трескинъ не жалѣлъ казны — въ народѣ сыпались деньги, а послѣ сдѣлалось скуднѣе. Законы его никакого особеннаго впечатлѣнія не сдѣлали и пользы большой Сибири не принесли. Трескинъ все-таки хозяинъ былъ, административный человекъ. Конечно, лихоимство... Жаль, не сошелся со Сперанскимъ. Гордость какая-то“ (ib. стр. 569). Дѣйствительный статскій совѣтникъ Булатовъ преклоняется передъ Сперанскимъ, но въ то-же время обожаетъ и Трескина: „это былъ гениальнѣйшій администраторъ“ (стр. 572). Купецъ Литвинцевъ, одобряя управленіе Сперанскаго, въ то-же время замѣчаетъ: „а законы его, — ну, вы знаете, — всякая лягушка свое болото хвалить“ (стр. 575). Купецъ Герасимовъ идетъ дальше и даже смѣну Трескина объясняетъ тѣмъ, что Сперанскій „пріѣхалъ съ предубѣжденіемъ противъ него... А тутъ еще жалобы. Народъ, разумѣется, вездѣ недоволенъ, — было много недовольныхъ и здѣсь. Сперанскій только и сдѣлалъ особеннаго, что смѣнилъ Трескина. Онъ былъ въ Иркутскѣ очень недолго, и правленіе его ничѣмъ незамѣчательно. Была только запутанность и неразборчивость; просьбъ принималось множество, и ничего по нимъ не дѣлалось; цѣлыя возы просьбъ были отсюда увезены, а нѣкоторыя даже и не прочитаны. Я смотрю на Сперанскаго, что онъ не былъ администраторъ. Онъ былъ только умный человекъ на бумагѣ. Лавинскій былъ гораздо его умнѣе. Сперанскій уѣхалъ въ Петербургъ, наговорилъ государю, надѣлалъ шуму о сибирскомъ управленіи — и больше ничего“ (стр. 181 — 182). Ни въ купечествѣ, ни въ чиновничествѣ, такимъ образомъ, Сперанскій не находилъ ни сочувствія, ни поддержки и писалъ дочери, что „единственные друзья“ его въ Сибири — „колodники и чернь“. Но и этихъ друзей онъ не могъ вполнѣ оградить отъ произвола и грабежа,

потому что въ сибирскомъ обществѣ вовсе не было людей, достойныхъ быть помощниками такого гуманнаго и развитога правителя. Въ своихъ письмахъ Сперанскій постоянно жаловался на этотъ недостатокъ людей, доходившій до того, что онъ не могъ даже составить канцеляріи. „Какъ трудно, какъ несносно всегда остерегаться! Кому у меня писать, когда и переписывать даже некому! Управление безъ людей, обширное производство дѣлъ почти безъ канцеляріи, и, въ довершеніе всего, родъ дѣлъ, совершенно противный и склонностямъ моимъ, и привычкамъ“. Сперанскій всюду искалъ людей, опредѣлялъ, напр., въ застѣдателя типографскаго наборщика, живописца и т. д., но всѣ они оказывались одинаково-неразвитыми и хищными“ (стр. 579). Ему приходилось оставлять на мѣстахъ отъявленныхъ взяточниковъ или вновь опредѣлять уже смѣненныхъ (стр. 133, 144, 149). Злоупотребленія по-прежнему продолжались, даже въ самый разгаръ его ревизіи. Власти съ возмутительнымъ произволомъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ захватывали обывателей и заключали ихъ въ острогъ (стр. 319 и др.). Въ отдаленныхъ городахъ, какъ, напр., въ Туруханскѣ, деспотствовали и безобразничали, какъ и при Трескинѣ, а замѣнить ихъ было нечѣмъ (стр. 142, 143, 147 и др.). Сперанскій поневолѣ терпѣлъ, видя, какъ эти хищники эксплуатируютъ „единственныхъ друзей его: колодниковъ и чернь“, поневолѣ терпѣлъ онъ и эксплуатацію тѣхъ-же друзей почтеннымъ купечествомъ. Крестьяне во многихъ мѣстахъ поголовно были въ кабалѣ у купцовъ, но не только Сперанскій, а даже иркутскій чиновникъ, Щукинъ, хорошо понималъ, что при данныхъ условіяхъ эта кабала неизбежна, и административная борьба съ нею невозможна (стр. 105). Кромѣ кабалы, въ Сибири тогда существовало еще рабство инородцевъ, возмущавшее Сперанскаго до глубины души. „Дѣти калмыцкія и киргизскія, писалъ онъ, — на сибирскую и оренбургскую линію киргизами привозимыя, обыкновенно привозятся на мѣновне двору и тамъ скупаются оптомъ или вымѣниваются на товаръ мѣщанами, кои сямъ промысломъ занимаются. Промышленники содержатъ ихъ въ неволѣ и изнуреніи отъ чѣтныхъ мѣсяцевъ, когда обыкновенно производится вымѣнъ, до зимы. Въ декабрѣ и январѣ, нагрузивъ ими фуры, отвозятъ ихъ обыкновенно на ирбитскую ярмарку, въ февралѣ мѣсяцѣ бывающую, и тамъ прода-

ютъ или обмѣниваютъ въ розницу купцамъ и мѣщанамъ. Излишне описывать всѣ жестокости и страданія, съ сими торговомъ сопряженныя“ („Архивъ главн. управл. Западной Сибири). При дѣятельномъ содѣйствіи Сперанскаго, рабство инородцевъ было уничтожено въ 1828 году, но на борьбу со всеобщей кабалой крестьянъ и инородцевъ реформаторъ не рѣшился. Впрочемъ, политико-экономическія воззрѣнія Сперанскаго не дозволяли ему дѣйствовать рѣшительно противъ хищническихъ и монопольныхъ стремленій купечества, и онъ даже поддерживалъ и монополію кяхтинской торговли, и монополію россійско-американской К^о (Ваг., I, 332, II, 391). Но купечество, особенно иркутское, было такъ грубо, что даже Сперанскій не могъ терпѣть его постоянныхъ стремленій къ самой возмутительной монополю торгowl съѣстными припасами, и реформаторъ, убѣжденный, что онъ рожденъ руководить судьбами великой націи, принужденъ былъ тратить свою энергію на бесплодную борьбу съ лабазниками и мясниками (id., стр. 322—325, 351—358, 366).

Сперанскій очень хорошо понималъ, что эти сибирскіе туземно-монополисты, эти лабазники и мясники—самый сильный и влиятельный классъ сибирскаго общества, и онъ старался хоть сколько-нибудь очеловѣчить, облагородить ихъ, приучить ихъ хоть къ какой-нибудь общественной жизни. Во время своей поѣздки почти по всей Сибири, онъ вездѣ сближался съ обществомъ и увлегалъ его обаяніемъ своей свѣтлой личности. Купечество всюду встрѣчало его „по положенію“, хлѣбомъ-солью, но иногда выходилъ при этомъ сценки въ совершенно-сибирскомъ вкусѣ. Верхнеудинскіе купцы, напр., выѣхали встрѣчать его на подгородную станцію, но, прождавъ цѣлый день, къ ночи не утерпѣли, перешли и уснули. Сперанскій пріѣхалъ ночью и, узнавъ о положеніи купцовъ, входя въ темную станцію, запѣлъ: „Се женихъ грядетъ въ полунощи...“ Купцы переполошились; поднялась въ потьмахъ суматоха; начали одѣваться—это во что попало, понадѣвали чужое платье и вообще представились Сперанскому въ самомъ безобразномъ видѣ, а тѣ, которые уже не могли представиться, забились за перегородку и просидѣли тамъ до отъезда Сперанскаго (стр. 588). Въ Нерчинскомъ заводѣ чиновники хотѣли даже поставить Сперанскому какой-то памятникъ, и вообще за Байкаломъ, по выраженію очевидца, его встрѣчали, „какъ Бога“ (стр. 59).

Въ Иркутскѣ, въ которомъ онъ провелъ большую часть времени, Сперанскаго встрѣтили роскошно: Сибиряковъ угощаль его ухой на шампанскомъ и т. д. Сперанскій бывалъ у купцовъ на именинахъ и крестинахъ, толковалъ съ купчихами о печеніи булокъ, завелъ общественныя обѣды, балы и маскарады, въ которыхъ особенно отличались пріѣзжавшіе съ нимъ молодые чиновники, между прочимъ, извѣстный впоследствии декабристъ Ватеньковъ. „Мнѣ нужны точки соединенія, писалъ онъ дочери, — нужно снять оковы прежняго суроваго, угрюмаго правительства. Едва вѣрять здѣшніе обыватели, что они имѣютъ нѣкоторую степень свободы и могутъ безъ спроса и дозволенія собираться, танцовать или ничего не дѣлать. Разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, танцуютъ, — и кто-же: большею частію, купчихи и ихъ дочери. Я, напр., польскій вѣду со старухою, одѣтою въ газетовой юбкѣ и шушунѣ и повязанною платкомъ, и, тѣмъ не менѣе, все идетъ чинно, весело. Они средо такъ свободно и пріятно не жилали“ („Р. Арх.“. 1868). Это были своего рода петровскія асамблеи, и вообще Сперанскій оказывалъ сильное цивилизующее вліяніе на сибирское общество, заботился объ открытіи школъ, заводилъ отдѣлы библейскаго общества, будилъ сонную мысль сибиряковъ (Ваг., II, 133—139). Одновременно съ нимъ были въ Сибири образованные члены новой пекинской миссіи, Врангель, Мотюшеинъ, Кохрентъ и другіе путешественники. Сибиряки видѣли новыхъ людей, знакомились съ новыми нравами и понятіями, сношенія съ Россіей глущались, и цивилизація начала понемногу проникать туда, гдѣ до тѣхъ поръ самодурствовали Трескины, Лоскутовы, Сибиряковы.

Сперанскій пробылъ въ Сибири всего одиннадцать мѣсяцевъ, и всѣ его новые законы („Сибирское учрежденіе“) составлены имъ уже въ Петербургѣ. Онъ хотѣлъ устроить сибирское управленіе по тому-же плану, какой предлагался Козодавлевымъ, „хотѣлъ сдѣлать изъ Сибири Финляндію, но получилъ совѣтъ — не начинать“ („Русск. Стар.“ т. XXIII, стр. 525). Нетрудно угадать, что было-бы, еслибы Сперанскому удалось провести его первоначальный проектъ. Это дало-бы значительный шагъ впередъ, конечно, но вольно возникаетъ вопросъ, что стали-бы выдѣлывать съ несчастными народомъ разные Кузнецовы, Сибиряковы, Передовицковы, войдя въ составъ выборнаго совѣта главнаго правленія

ніа?.. Имъ, безъ сомнѣнія, было-бы хорошо, но каково-бы отозвался этотъ олигархическій режимъ на народъ, и не былъ-ли-бы онъ для послѣдняго такъ-же тяжелъ, какъ деспотизмъ Трескиныхъ и Лоскутовыхъ?.. Мечты Сперанскаго не осуществились: „Сибирское Учрежденіе“, кромѣ переимѣнъ чисто-формальныхъ,—раздѣленія Сибири на два генераль-губернаторства и т. д.,—не ввело въ управленіе страной никакихъ существенныхъ реформъ, и все пошло по-старому. Злоупотребленія были такъ сильны, какъ нигдѣ въ Россіи. Укажемъ, напр., на продолжавшійся болѣе двадцати лѣтъ киргизскій бунтъ Кенисары, съ которымъ я имѣлъ возможность познакомиться по архивнымъ документамъ.

Причиною бунта были злоупотребленія военныхъ властей, преимущественно казачьихъ, которыя сами, вызвавъ его, сознательно замедляли его усмиреніе, растягивая на возможно долгое время повореніе мятежниковъ. Читая упомянутые документы, то-и-дѣло видимъ, что Кенисара черезъ своихъ агентовъ знаетъ всѣ военные планы омскаго начальства, что казаки, отправленные противъ него, идутъ не по его слѣдамъ, а въ противоположную сторону и т. д. Въ то время, когда такимъ образомъ щадились главныя силы мятежниковъ, казаки нападали на совершенно мирныя аулы, разоряли ихъ; на сибирскую линію отправлялись тыныя караваны всякаго добра; наживались казаки; составляли себѣ огромныя состоянія командиры, и генераль-губернаторъ Вельяминовъ писалъ въ Петербургъ, что усмиреніе бунта едва-ли возможно съ сибирскими офицерами, для замѣны которыхъ онъ просилъ прислать офицеровъ изъ Россіи. Кончился бунтъ совсѣмъ по-азіятски: каракалпаки сварили Кенисару живымъ, а голову его послали въ Омскъ, гдѣ она и хранилась для чего-то въ архивѣ областного правленія, пока архиваріусъ не донесъ начальству, что голова сильно смердитъ, и начальство распорядилось отдать ее ахуну для погребенія... Этотъ бунтъ былъ главнымъ результатомъ тѣхъ порядковъ, которые вызвали сенаторскую ревизію и затѣмъ ревизію генерала Анненкова, съ которыми такъ энергически боролся въ началѣ своего управленія Муравьевъ-Амурскій, и которые уже въ семидесятыхъ годахъ изображались такими красками, съ одной стороны, въ циркулярахъ генераль-губернатора Синельникова, печатавшихся въ „Иркутскихъ Вѣдомостяхъ“, а съ *другой стороны*—въ нѣкоторыхъ корреспонденціяхъ

петербургскихъ изданій. Все это возбуждало ропотъ въ средѣ сибирскихъ тузовъ, купцовъ, золотопромышленниковъ и т. д. Со времени Сибирякова и Салтанова сибирское общество приобрѣло внѣшній лоскъ, тузы сдѣлались либералами, но сущность дѣлъ не измѣнилась, и тамъ, гдѣ при Трескинѣ орудовали мясники, лабазники, полудикіе Салтановы, потомъ продолжали ихъ дѣятельность откупщики, золотопромышленники, водочные заводчики и т. д. Но я здѣсь не буду распространяться объ этомъ и въ особой статьѣ, „въ трехсотлѣтнему юбилею Сибири“, постараюсь выяснитъ, что Сибирь страна полудикая, а сибирское общество хранить въ себѣ всѣ тѣ элементы, которые придавали ему такой непривлекательный видъ и во времена Трескина, и раньше.

С. Шашковъ.

ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ.

(Посвящается Нинѣ Ивановнѣ Еремѣевой.)

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

III.

З—скъ — большой городъ. Общество въ немъ такъ многочисленно и разнообразно, что оно дѣлится на нѣсколько кружковъ, рѣзко отличающихся между собою въ нравахъ и обычаяхъ. Кроме вышеописаннаго польскаго кружка, здѣсь съ незапамятныхъ временъ существуетъ нѣмецкій мірокъ со всѣми затѣями, присущими подобному мірку: съ прогулками за городъ лѣтомъ и клубомъ зимой, настоящимъ нѣмецкимъ клубомъ, въ которомъ танцуютъ вальсъ въ три темпа, вяжутъ чулки, кушаютъ бутерброды съ ветчиной и выпиваютъ такое-же огромное количество пива, распѣвая во все горло студентскія пѣсни, какъ въ клубѣ Благенфуртѣ или Дармштадтѣ.

Купеческое общество тоже веселится и безобразничаетъ здѣсь по-своему; у него свой клубъ, свои большіе и малые скандалы. У мелкихъ чиновниковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ свои удовольствія и интересы, у крупныхъ—свои. Даже на официально-торжественныхъ балахъ въ благородномъ собраніи, кружки не смѣшиваются: одни танцуютъ поближе къ портрету Государя Императора, другіе пляшутъ неподалеку отъ колонады, отдѣляющей большую залу отъ прочихъ комнатъ.

Со вступленіемъ полка въ городъ, образовался новый кружокъ съ военными, дамами и дѣвицами особеннаго склада и пошиба.

Впрочемъ, къ членамъ этого послѣдняго кружка, то-есть къ тѣмъ, которые красивы и хорошо танцуютъ, з—ское общество относится крайне снисходительно: ихъ приглашаютъ во всё дома, на всё вечера и балы, не разбирая довольно строго, достойны-ли они подобной чести по своему воспитанію, состоянію и происхожденію. Послѣдствія подобной неразборчивости не заставили себя долго ждать: двѣ-три дѣвицы бѣжали изъ родительскаго дома и повѣнчались за городомъ, на кладбищенской церкви, одна съ прапорщикомъ, другая съ поручикомъ; старшій адъютантъ штаба забылъ одну изъ своихъ перчатокъ въ спальнѣ вицегубернаторши, а предсѣдатель земства засталъ свою супругу на колѣняхъ полковника, ужаснаго волокиты, не взирая на усы съ просѣдью и многочисленное семейство, оставленное гдѣ-то въ окрестностяхъ Дерпта, откуда почтенная полковница была родомъ. Но что-жь прикажете дѣлать: хорошіе кавалеры нигдѣ не считаются лишними.

Не считается тоже лишнимъ и предосудительнымъ въ городѣ З—скѣ каждому изъ его кружковъ интересоваться, судить и радить о скандалахъ и исторіяхъ другихъ кружковъ и сплетничать объ нихъ. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, все таки З—скѣ пріятный и веселый городъ; ему даже во многомъ можно отдать предпочтеніе противъ другихъ городовъ Россіи. Въ немъ умныхъ и образованныхъ людей довольно-таки много, и радушіе сохранилось почти патриархальное, и даже въ недостаткѣ снисходительности жителей его упрекнуть нельзя... Разумѣется, снисходительность эта имѣетъ свои границы, и если на Сергѣя Александровича Ртищева, съ перваго-же дня его пріѣзда сюда, ополчился весь городъ, то, право-же, онъ самъ въ этомъ виноватъ!

Одинъ его поступокъ съ семействомъ Тряпичкиныхъ чего стоитъ! Во всѣхъ кружкахъ осуждали его за этотъ поступокъ. Да и какъ было не осуждать?

Цѣлхалъ, ни съ кѣмъ путемъ не сошелся, ни въ комъ не сыскалъ, а уже успѣлъ влетѣть въ исторію... Намутилъ, насплетничалъ, разстроилъ свадьбу!

Не будь его, теперъ добрѣйшій и всѣми уважаемый Петръ Степановичъ Дмитровскій, по всей вѣроятности, наслаждался-бы

законнымъ счастьемъ съ прекраснѣйшей дѣвицей Тряпичкиной. Маменька означенной дѣвицы радовалась-бы, что благополучно пристроила младшую дочку, пожалуй, даже лучше и выгоднѣе двухъ старшихъ, изъ которыхъ одна вышла за офицера, да еще за красавца, а другая за барона... Добрѣйшая сплетница, вертхвостница, всеобщая приспѣшница и спѣлыхъ дѣвъ покровительница, Татьяна Карповна Гвоздичкина, ликовала-бы и хвасталась, что такая мудреная штука, какъ женитьба нерѣшительнаго увальня Дмитровскаго, ея ума и ловкости дѣло... И вдругъ, этотъ Ртищевъ!.. Очень нужно ему было тутъ подвернуться и, какъ-разъ, въ самый рѣшительный моментъ!

Всего досаднѣе то, что какъ тамъ не верти, а сами-же во всемъ виноваты... Очень нужно было приглашать его запросто вечеромъ!

Вотъ это *запросто* все и сгубило.

И какъ было не догадаться, что такой ехидный человекъ все-непремѣнно ихъ осмѣетъ и вышутитъ напропалую!.. Сами-же виноваты.

Цѣлый почти годъ выжилъ Ртищевъ въ городѣ, не имѣя вѣрнаго понятія о семействѣ Тряпичкиныхъ, и, вѣроятно, до сихъ поръ игнорировалъ-бы ихъ. Да иначе и быть не могло: Тряпичкины не принадлежать къ аристократіи, ихъ не приглашаютъ ни на балы губернатора, ни на обѣды предводителя; правда, барышня Тряпичкина не пропускала ни одного бала въ собраніи и имѣла большой успѣхъ между офицерами, стоявшаго въ городѣ кавалерійскаго полка, но Ртищевъ въ собраніи никогда не бывалъ, а пріятель его, Петръ Степановичъ, человекъ такой скромный!.. Онъ на всѣ разспросы отвѣчаетъ такъ уклончиво... Изъ его словъ ничего опредѣлительнаго нельзя вывести.

Отъ прочихъ-же обитателей города, этому противному Ртищеву и подавно трудно было-бы что-нибудь узнать, по той простой причинѣ, что онъ ни съ кѣмъ не былъ настолько хорошо знакомъ, чтобы входить въ сплетни, да и опасались его въ городѣ такъ сильно, что ни о чемъ, кромѣ какъ о погодѣ, не смѣли съ нимъ заговаривать.

Всѣ люди, имѣвшіе съ нимъ обязательныя сношенія по службѣ, относились о немъ до высочайшей степени разнорѣчиво. Предсѣдатель постигъ въ немъ одну только особенность, да и то весь-

на недоброкачественную: прямо и дерзко высказывать свое мнѣніе о людяхъ; жандармскій полковникъ приписывалъ ему необычайную тонкость и хитрость, а г-нъ Майновичъ, истощивъ на его изученіе весь скудный запасъ своей проницательности, пришелъ къ такому выводу, что Ртищевъ созданъ на свѣтъ съ цѣлью дѣлать одно только зло.

Мнѣніе товарищей на его счетъ тоже отличались замѣчательнымъ разногласіемъ: Пуцинъ ничего въ немъ не усматривалъ кромя злонамѣренности, Мельяшъ видѣлъ въ немъ одинъ только умъ, а Дмитровскій превозносилъ вслухъ его доброту, но про себя считалъ его властолюбивымъ.

Вотъ и судите по такимъ даннымъ о человѣкѣ!

Чтожъ мудренаго, если Тряпичкины попали съ нимъ въ просякъ? Они преимущественно судили о немъ по его дружбѣ съ Петромъ Степановичемъ; имъ казалось, что добрыйшій Петръ Степановичъ не можетъ питать нѣжнаго чувства къ человѣку скверному... И вотъ какъ ошиблись!

О, эта несчастная мысль пригласить Ртищева запросто вечеромъ! Кому первому пришла она въ голову?

Тряпичкины, мать и дочь, увѣрили потомъ, что это была затѣя Гвоздичкиной.

Быть этого не можетъ! Гвоздичкина слишкомъ хитра и слишкомъ опытна, она довольно-таки хорошо знаетъ свѣтъ; быть не можетъ, чтобъ ей во всю жизнь ни разу не случилось встрѣчаться съ людьми, которыхъ тошнить при видѣ грязной скатерти на столѣ и гнусно сервированнаго ужина, которыхъ коробить отъ заигрыванья дѣвицъ съ кавалерами, даже такого свойства, какъ хватанье за руки, толканье въ уголь, надѣваніе ихъ шляпъ на голову и тому подобныя невинныя шалости. Кажется, Татьянѣ Карповнѣ, какъ женщинѣ бывалой, достаточно было-бы одинъ только разъ взглянуть на Ртищева, чтобы догадаться, что ему не понравится искусство Лизаньки въ пусканіи дыма колечками въ гусарски столько-же, сколько обмолвки, вродѣ: съѣлъ шишь, обренизилась, мы вчера въ церкви преисправно кувырелись, съѣдлъ въ морду, и такъ далѣе.

Кажется, не трудно было-бы и то сообразить, что Ртищевъ не позволялъ поносить при себѣ не только своихъ друзей, но даже короткихъ знакомыхъ и отвѣтить на подобныя выходки дерзо-

стями. Не слѣдовало-бы также относиться при немъ пренебрежительно о такихъ серьезныхъ вопросахъ, какъ религія, напримѣръ... Да и мало ли чего не слѣдовало при немъ говорить и дѣлать!

Татьяна Карповна должна была все это знать. Какъ-же допустила она это опасное сближеніе между Лизанькой и Сергѣемъ Александровичемъ Ртищевымъ? Ну, какая-же она сваха послѣ этого?

Развѣ она не должна была предвидѣть, что и въ этотъ вечеръ, какъ и во всѣ прочіе вечера, полы въ домѣ Тряпичкиныхъ будутъ грязны, пыль съ мебели не стерта, салфетки и скатерти перепачканы, вилки и ножи недочищены, что Лизанька не воздержится и будетъ дѣлать Дмитровскому глазки, накидываться на него, вызывать на разговоры о любви и женитьбѣ, безъ толку колотить по фортепьянамъ и безъ всякой надобности выбалтывать постороннему человѣку такія подробности о нравахъ и обычаяхъ своей семьи, которыя во всѣхъ отношеніяхъ было-бы выгоднѣе держать подъ спудомъ?

Тажъ и вышло, и даже много хуже. Лизаньку даже дернуло объяснить Ртищеву, какъ она влюблялась и признавалась въ любви всевозможнымъ кавалерамъ, и какъ она сочиняетъ польки и вальсы въ честь каждаго отъѣзжающаго душки-офицера...

Да и сама-то наставница и пристройщица, Татьяна Карповна Гвоздичкина, въ этотъ вечеръ совсѣмъ съума спятила. Во-первыхъ, она взбѣсила Ртищева дѣлымъ рядомъ пошлыхъ и грязныхъ выходокъ противъ единственнаго семейства, у котораго онъ находилъ удовольствіе бывать, и вызвала его этими нахальными нападками на дерзость; во-вторыхъ, она самымъ глупымъ и безтактнымъ образомъ начала вызывать Сергѣя Александровича на борьбу съ собою и хвастаться передъ нимъ своимъ искусствомъ ловить жениховъ, совершенно опуская изъ вида мудрую пословицу, совѣтующую не хвалиться идучи на рать, и, наконецъ, совершенно погубила затѣянное дѣло, выставивъ во всей неприглядной наготѣ дурной характеръ своей кліентки. Дѣвица Тряпичкина, выведенная изъ себя поддразниваніемъ Ртищева и растеряннымъ видомъ Дмитровскаго, краснѣла и блѣднѣла отъ ярости, метала на злодѣя молніеносными взглядами, говорила ему грубости... однимъ словомъ, вела себя самымъ неприличнымъ образомъ.

Она даже позволила себѣ сказать Петру Степановичу, что онъ

тряпка!.. Ну, кому-же можетъ быть пріятно выслушивать подобныя истины, скажите, пожалуйста?

Опросто волосилась сваха, нечего сказать! Ужь какъ потомъ ни старалась она поправить бѣду, ничего изъ этихъ стараній не выгорало. Истощивъ весь запасъ наивнаго кокетства и милой дѣтской шаловливости, Лизанья бросилась въ другую крайность: запустила на себя томность и подѣ конецъ вечера принялась за печальныя романсы и погребальныя марши... Но напрасно пыталась она пробудить этими звуками въ сердцѣ Петра Степановича мрачныя предчувствія и представленія, вродѣ того, напримеръ, что вотъ, молю, „если ты на мнѣ не женишься, я захочу и уру, и тогда одѣнуть меня въ бѣлое кисейное платье, обернуть розовыми лентами; распустятъ по плечамъ волосы и уложатъ въ бѣлый атласный гробъ... Понесутъ меня, безталанную и невротную дѣвственницу, мимо квартиры моего губителя, музыка заиграетъ погребальный маршъ, онъ, т. е. губитель, извергъ и крокодилъ, подойдетъ къ оену и будетъ казниться...“

Нѣтъ, даже подобнаго рода представленія не поколебали твердости Дмитровскаго. Благодаря подстрекательствамъ Ртищева, онъ сдѣлался неуязвимъ и до того ожесточился, что на прямой вопросъ, предложенный ему Гвоздичкиной, когда-же вы, наконецъ, жиньтесь, Петръ Степановичъ не поцеремонился отвѣтить: когда дѣлъ свиснетъ!..

А Ртищевъ успѣшилъ подтвердить это заявленіе другой пощипцей, еще болѣе грубой и безнадежной.— Вы лучше скажите, Петръ Степановичъ, когда шутъ умреть, а у него еще и голова болѣть не начинала.

Пошло, значить, ужъ совсѣмъ на-чистоту!

Милая Татьяна Карповна, что ты надѣлала съ твоимъ вечеромъ „запросто!“ Вѣдь тебя повѣсить мало за такую оплошность!

Еслибъ з—скіе жители знали, кто главный виновникъ катастрофы, увѣнчавшей злополучное сватовство дѣвицы Тряпичкиной! Еслибъ они только знали!... Они, во-первыхъ, навсегда лишились-бы тебя званія патентованной свахи, а во-вторыхъ, перестали-бы, можетъ быть, осуждать Ртищева и сознались-бы, что, о крайней мѣрѣ, въ этомъ дѣлѣ его винить нельзя. Но откуда—скажи жителямъ узнать истину?

Въ то время, какъ Гвоздичкиной и Тряпичкинымъ представляется полнѣйшая возможность бѣгать по городу и безпрепятственно распускать про Ртищева все, что онѣ находятъ полезнымъ для себя распускать, онѣ, Ртищевъ, довольствуется бесѣдой по-душѣ, съ кѣмъ-бы вы думали? Съ вѣрнымъ слугою Дмитровскаго, съ Николинкой.

Какіе, однакожь, низкіе вкусы у вашего Ртищева, замѣтитъ читатель.

Неправда-ли? Я и самъ того-же мнѣнія. Повѣрьте, что еслибъ я сочинялъ, а не списывалъ съ натуры моего героя, я сумѣлъ-бы придать ему несравненно больше аванжа и, право, не допустилъ-бы его такъ фамиллярничать съ прислугой.

Но что-жь мнѣ дѣлать, если тотъ Ртищевъ, котораго я описываю въ этой повѣсти, дѣйствительно, на другой день послѣ вышеописаннаго вечера у Тряпичкиныхъ, зазвалъ къ себѣ лакея Дмитровскаго, Николинку, посадилъ его съ собою чай пить и началъ выпытывать его мнѣніе о семействѣ Тряпичкиныхъ и о томъ, имѣлъ-ли когда-нибудь Петръ Степановичъ намѣреніе жениться на Лизанькѣ?

— Дѣвица Тряпичкина, это, съ позволенія сказать, навозъ, рѣшителнымъ тономъ заявилъ Николинка.

(Вотъ что значить съ лакеями разговаривать, г. Ртищевъ!)

— Ей въ самый разъ быть женой лабазника...

— Такъ, такъ, Николинка, поддакивалъ Сергѣй Александровичъ.

— Вы сами изволите знать Петра Степаныча, продолжалъ вѣрный слуга, — имъ вовсе не къ лицу такими глупостями заниматься... Да къ тому-же, она неблагородная...

— А что, если она вдругъ такую штуку съ нимъ выкинетъ, бросится при всѣхъ Петру Степановичу на шею, разрыдается и объявитъ себя его невѣстой? Меня завѣрили, что у нихъ и такая штука припасена про всякій случай... Ну, что тогда? Петръ Степановичъ человѣкъ чувствительный и деликатный, ему не легко будетъ изъ такой ловушки вывернуться.

Предположеніе это сильно озадачило Николинку. Однако, поразмысливъ немножко, онъ предложилъ приступить къ слѣдующему плану относительно устройства судьбы дѣвицы Тряпичкиной:

— Пойду, объявилъ Николинъка, — къ хозяйкѣ; у нея есть сынь, для котораго она ищетъ невѣсту съ капиталомъ тысячъ въ десять, да чтобы приданое было какъ слѣдуетъ, платьевъ тамъ штукъ сорокъ, разумѣется, также перины, подушки, мебель, зеркала и всѣ прочія затѣи купеческой невѣсты... Объясню ей все обстоятельно и посовѣтую заправскую сваху подослать, вотъ хоша-бы Подпалиху, что разстригу-попа на генеральшѣ женила; она имъ покажетъ, какъ эти дѣла обдѣлываютъ, ужь не чета Гвоздичкиной!

Казалось, разговоръ съ Николинкой долженъ былъ окончательно успокоить Ртищева и уничтожить въ немъ всякое сомнѣние относительно его вѣншательства въ сватовство Дмитровскаго, — однако, онъ не успокаивался.

Дѣло въ томъ, что до разговора съ Николинкой у него была бесѣда съ одной барыней все о томъ-же вечерѣ у Тряпичкиныхъ и о побѣдѣ, одержанной надъ Гвоздичкиной.

Барыня, выслушавъ всѣ подробности описанія его подвига, нашла нужнымъ предложить ему престранный вопросъ:

— А что вы дадите Петру Степановичу взамятъ Тряпичкиныхъ?

— Ничего я ему не дамъ. Довольно и того, что я спасу его отъ большой глупости.

— Вы убѣждены въ томъ, что ему непременно пришлось-бы казаться въ этой глупости? продолжала допрашивать барыня, подсмѣиваясь надъ озадаченнымъ видомъ Ртищева.

— Неужели можно въ этомъ сомнѣваться?

— Да какъ-же не сомнѣваться? Судите сами: вѣдь онъ цѣлыхъ три года знакомъ съ Тряпичкиными и только вчера, да и то благодаря вамъ, усмотрѣлъ смѣшную сторону этого семейства. Согласитесь, что, не будь васъ, онъ могъ-бы всю жизнь прожить съ Диланькой, не замѣчая ни ея вульгарности, ни пустоты, ни заманства... Если вы думаете, что мало на свѣтѣ людей, счастливыхъ только потому, что некому открыть имъ глаза на то, въ чемъ они находятъ счастье, то вы очень ошибаетесь!

Ртищевъ началъ горячо и краснорѣчиво отстаивать свой поступокъ, и, кажется, въ-концѣ-концовъ, ему удалось убѣдить ба-

рню, что Дмитровскій достоинъ жениться на болѣе развитой и приличной особѣ, чѣмъ Лизанька, но тѣмъ не менѣе въ его душу запало сомнѣніе, и сомнѣніе это разрослось до такихъ размѣровъ, что даже разговоръ съ Николинкой не въ состояніи былъ уничтожить его.

— Надо переговорить объ этомъ съ самимъ Петромъ Степановичемъ, рѣшилъ Сергѣй Александровичъ, — надо у него прямо спросить, какъ онъ себя чувствуетъ послѣ освобожденія.

Онъ началъ искать случая привести это намѣреніе въ исполненіе, но это оказалось много труднѣе, чѣмъ можно было предполагать: начать съ того, что теперь они стали видѣться гораздо рѣже. Петръ Степановичъ приходилъ къ нему на самое короткое время, всегда съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ, и хотя, по обыкновенію, говорилъ ласково и смотрѣлъ нѣжно, но такъ упорно избѣгалъ разговора про Тряпичкиныхъ, что любопытство Ртищева, поддерживаемое этимъ сопротивленіемъ, возросло съ каждымъ днемъ и, наконецъ, превратилось въ неудержимую потребность. Въ одинъ прекрасный день онъ не вытерпѣлъ и, безцеремонно вынувъ шляпу изъ рукъ собирающагося уходить Дмитровскаго, приперъ его къ стѣнѣ слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы на меня сердитесь за Тряпичкиныхъ?

— Съ чего вы это взяли? спокойно спросилъ Петръ Степановичъ.

— Это по всему видно — вы избѣгаете говорить про нихъ...

— Да что-жь про нихъ говорить? Кажется, довольно наговорено.

— Вы, можетъ быть, находите, что даже слышомъ довольно злобно усмѣхнулся Ртищевъ.

Петръ Степановичъ промолчалъ на это и сталъ отыскивать глазами свою шляпу.

— Послушайте, продолжалъ волноваться Ртищевъ, — намъ необходимо объясниться... Скажите мнѣ лучше прямо, вамъ нравилась м-ле Тряпичкина? Вамъ жаль, что я впутался въ это дѣло и разстроилъ его, да? Меня это мучить...

Дмитровскій улыбнулся.

— Не мучьтесь, проговорилъ онъ, отвертываясь отъ пристального взгляда, устремленнаго на него, — мучиться не изъ чего... У васъ слишкомъ живое воображеніе...

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы не жалѣете?

— Нѣтъ, не жалѣю... Не вы, такъ другой... да я и самъ, наконецъ... нѣтъ, такъ лучше... Къ тому-же, продолжалъ онъ, неожиданно взглядывая прямо въ глаза Ртищеву, — къ тому-же, надо вамъ сказать, что я никогда не жалѣю о томъ, что разъ сдѣлано... Это, можетъ быть, мое единственное преимущество предъ вами, Сергѣй Александровичъ, но тѣмъ не менѣе, оно такъ... и вы сами должны въ этомъ сознаться.

Наступило очень неловкое молчаніе, которое, впрочемъ, Ртищевъ довольно скоро прервалъ.

— Вы у нихъ не были съ тѣхъ поръ? спросилъ онъ.

Ему теперь хотѣлось, чтобы Дмитровскій ушелъ, не отвѣчая на этотъ вопросъ, который вырвался у него помимо воли, но Дмитровскій не уходилъ и даже посматривалъ на него какимъ то насильственно-вызывающимъ взглядомъ: спрашива^ю, молъ, голубчикъ, спрашивай, на все отвѣтъ получишь, а если не по вкусу, пеняй на себя.

— Вы желаете знать, бываю-ли я у Тряпичкиныхъ? повторилъ Петръ Степановичъ на предложенный ему вопросъ. — Нѣтъ-съ, я теперь лишень удовольствія проводить вечера въ этомъ домѣ. Вы сами знаете, весь городъ бубнить про это несчастное сватовство... Если я явлюсь къ г-жѣ Гвоздичкиной или къ Тряпичкинымъ, меня могутъ не принять...

— И вамъ это кажется очень прискорбно?

— Разумѣется, мнѣ непріятно... Дѣвушка скомпроментирована... За что-же-съ, скажите на милость? Теперь оказывается, что онѣ, дѣйствительно, имѣли на меня виды, какъ на жениха... Но въ этомъ, отчасти, я самъ виноватъ: мнѣ надо было съ самаго начала дать имъ понять, что я не намѣренъ жениться... это во всѣхъ отношеніяхъ было-бы и честнѣе, и приличнѣе... Впрочемъ, я ужъ вамъ сказалъ, жалѣть о томъ, что совершилось, не въ моихъ правилахъ.

Разговоръ на этомъ и оборвался. Дмитровскій отыскалъ, наконецъ, свою шляпу, поставленную Сергѣемъ Александровичемъ на этажерку за дверью, и тотчасъ-же ушелъ, не прибавляя ни слова къ сказанному. На этотъ разъ Ртищевъ его не удерживалъ.

Съ этого дня они почти совсѣмъ перестали видѣться. Чтобы развлечься отъ сквернаго чувства, заползавшаго ему въ душу каждый разъ, когда онъ вспоминалъ о Петрѣ Степановичѣ въ

совокупности съ дѣвицей Тряпичкиной, Ртищевъ началъ усиленно заниматься дѣлами. А дѣлъ накопилось пропасть, и каждое изъ нихъ подымало безконечныя препирательства, письменныя и словесныя, съ полиціей, съ предсѣдателями, съ товарищами, съ косвеннымъ и прямымъ начальствомъ... Сергѣй Александровичъ такъ втянулся въ эту борьбу, что совсѣмъ забылъ про исторію, занимавшую его въ прошломъ мѣсяцѣ, и даже по цѣлымъ днямъ не спрашивалъ, заходилъ-ли къ нему Дмитровскій.

А Дмитровскій заходилъ довольно часто, и каждый разъ, слыша одинъ и тотъ-же отвѣтъ отъ прислуги: „занимаются и очень сердятся, когда беспокоятъ“, уходилъ, прося о своихъ посѣщеніяхъ не докладывать.

Дмитровскій былъ человѣкъ до высочайшей степени деликатный и щепетильный. Въ самое короткое время онъ счумѣлъ такъ приноровиться къ безпокойному характеру Ртищева, что послѣд- нему еще ни разу не представилось случая послать его въ чорту. Ужь за одно это Петра Степановича стоило уважать и цѣнить. Но у него были и другія достоинства, постигнутыя, можно сказать, инстинктивно Ртищевымъ, почти съ перваго дня ихъ знакомства.

Всѣ удивлялись ихъ дружбѣ, да и было чему удивляться: рѣзче контраста, какъ тотъ, что существовалъ между ними, трудно было себѣ представить. Не говоря уже о различіи въ характерѣ, вкусахъ, привычкахъ и взглядахъ, между ними и въ дѣлахъ была довольно большая разница. Петръ Степановичъ былъ годовъ на семь старше Ртищева, и если его не называли *глупцомъ*, то единственно потому, что рѣзкіе прилагательныя были подождительно несомвѣстимы съ представленіемъ о его личности. О немъ, обыкновенно, такъ отзывались: человѣкъ недалежнаго ума, но (спѣшили тотчасъ оговориться) ужъ такой добрый, такой честный, такой отличный! Всегда со всѣми ровень, никогда не злословить, и надъ кѣмъ не смѣется... все извиняетъ...

Нѣтъ, Петръ Степановичъ не все извинялъ. По крайней мѣрѣ, Ртищевъ, изучившій его, и какъ человѣка, и какъ общественнаго дѣятеля, неоднократно имѣлъ случай убѣдиться, что въ вопросахъ, подлежащихъ суду совѣсти, упорѣ и послѣдовательнѣе человѣка трудно было найти. Этоть, повидимому, апатичный себарить, подчасъ не отступалъ передъ скучнѣйшимъ и обяза-

тельнымъ для него трудомъ, когда дѣло шло о разъясненіи вопроса, рѣшеннаго въ такомъ смыслѣ, который шелъ въ разрѣзъ съ его совѣстью.

Не разъ случалось, что, выслушавъ молча и терпѣливо мнѣніе товарища, впаваго въ неправильное толкованіе закона, Петръ Степановичъ, не переставая ни на минуту улыбаться своей привѣтливой улыбкой и не измѣняя ни на іоту своего сладенькаго, заискивающаго голоса, покорнѣйше просилъ позволить ему просмотрѣть дѣло. Заполучивши его на домъ, онъ усердно трудился надъ нимъ, роясь въ законахъ и внимательно взвѣсивая каждый аргументъ противника до тѣхъ поръ, пока ему ни удавалось найти надежащей точки опоры между закономъ и совѣстью. И тогда только, тихо и скромно, но логически и досконально сокрушивъ до основанія кривотолкъъ товарища, считалъ себя вправѣ *обтереть* перо трюпочкой и лечь цочивать.

Ртищевъ зналъ это, но онъ зналъ также и то, что во всѣхъ прочихъ житейскихъ вопросахъ, прямо некасающихся его служебной дѣятельности, Дмитровскій проявлялъ крайнее равнодушіе, никогда въ чужія души не заглядывалъ и свою держалъ отъ всѣхъ на-запорѣ. Разумѣется, отъ такого человѣка трудно было ожидать какого-бы то ни было добраго совѣта въ затруднительномъ случаѣ. Впрочемъ, надо и то сказать, что никому и въ голову не приходило обращаться къ нему за помощью подобнаго рода, довольно и того, что у него во всякое время нуждающемуся человѣку можно было достать денегъ взаймы, съ полною увѣренностью, что онъ никогда не напомнитъ о долгѣ. Но однажды съ Ртищевымъ случился казусъ, вслѣдствіе котораго онъ убѣдился, что совѣтами Дмитровскаго въ извѣстныхъ случаяхъ пренебрегать вовсе не слѣдуетъ.

По одному уголовному дѣлу Ртищевъ превратился изъ обвинителя въ рынаго защитника обвиняемаго и до того увлекся, что не поцеремонился написать этому послѣднему такую бумагу, вторая, по содержанію своему, отвѣчала условіямъ невѣрной защитительной рѣчи.

Не въ первый разъ случалось Сергѣю Александровичу грѣшить противъ своей роли на сценѣ общественной дѣятельности и выступать на эту сцену не только чиновникомъ, но и человѣкомъ.

Однако, въ данномъ случаѣ онъ и самъ сознавалъ, что зашелъ

слишкомъ далеко въ своемъ отступленіи съ официальнаго пути, и въ душѣ его зародились сомнѣнія.

Является къ нему Дмитровскій. Весь погруженный въ изслѣдованіе своего поступка, Ртищевъ прервалъ на полусловѣ какой-то безцвѣтный разговоръ, которымъ началъ было угощать его Петръ Степановичъ, и сообщилъ ему въ короткихъ словахъ свою исторію.

Петръ Степановичъ задумался.

— Мнѣ кажется, что тутъ въ одномъ только и можетъ быть вопросъ, началъ онъ, помолчавъ немного.

— Въ чемъ-же?

— Да въ томъ, насколько вы убѣждены въ невинности обвиняемаго, отвѣчалъ Дмитровскій.

„Дѣйствительно, только въ этомъ“, подумалъ Ртищевъ.

Сказано очень просто, но это-то простое и не приходило умному Сергѣю Александровичу въ голову. Неумный съумѣлъ проникнуть въ помыслы умнаго, взвѣсить его свойства и настроеніе души и, отбросивъ всѣ побочныя тонкости въ сторону, направить его мысли къ такому положенію, которымъ разрѣшались и сомнѣнія разума, и требованія совѣсти.

Послѣ этого случая Сергѣй Александровичъ началъ еще сильнѣе интересоваться Дмитровскимъ. Ему стало казаться, что онъ открылъ совершенно новаго человѣка въ З., и открытіе это приводило его въ восторгъ. Ему хотѣлось подѣлиться этимъ открытіемъ со всѣмъ окружающимъ міромъ, объяснить этому міру Петра Степановича. Но окружающій міръ отнесся крайне холодно и даже недоувѣрчиво къ этимъ попыткамъ; онъ уже составилъ себѣ мнѣніе о Дмитровскомъ и не считалъ нужнымъ измѣнять его въ чемъ-бы то ни было. Нашлись даже люди, которые усмотрѣли какую-то каверзную иронию въ похвалахъ, расточаемыхъ Ртищевымъ своему пріятелю. Да и самъ Петръ Степановичъ отнесся къ увлеченію Сергѣя Александровича съ большимъ кофюзомъ и настоятельно просилъ не судить его такъ снисходительно.

— Мнѣ, право-же, совѣстно: я вовсе не такой хорошій человѣкъ, какъ вы предполагаете, увѣрялъ онъ Ртищева. — Современемъ, когда вы ко мнѣ присмотритесь ближе, вы разочаруетесь и впадете въ противоположную крайность.

Но Ртищеву казалось, что всѣ недостатки или, лучше сказать, особенности Петра Степановича ему тоже ужь давно извѣстны. Съ первыхъ-же дней ихъ знакомства онъ изучилъ эти особенности и потѣшался ими; съ безцеремонной настойчивостью избалованнаго ребенка пытался онъ постоянно проникнуть въ интимную жизнь Дмитровскаго и распоряжаться въ ней по-своему. Попытки эти, большею частью, не удавались: Петръ Степановичъ былъ прежде всего человѣкъ привычки, къ тому-же у него были принципы, и онъ противопоставлялъ нервнымъ и страстнымъ порывамъ своего пріятеля непоколебимую устойчивость.

Случай съ разстроеннымъ сватовствомъ доказывалъ только то, что намѣреніе его вступить въ бракъ съ дѣвицей Трипичкиной до сихъ существовало только въ воображеніи г-жи Гвоздичкиной.

Впрочемъ, еслибы онъ былъ занятъ ею, то вѣдь съ того знаменитаго вечера прошло недѣль пять... Ртищевъ думалъ, что такого продолжительнаго времени за- глаза достаточно, чтобы излечиться отъ увлеченія, не только къ Лизанькѣ, но даже и къ болѣе интересной особѣ...

А что, если нѣтъ?

Мысль эта овладѣла имъ совершенно неожиданно и, надо сознаться, весьма некстати.

Недѣли двѣ сряду не думалъ онъ ни о своемъ пріятелѣ, ни о Трипичкиной, и когда теперь, при первомъ воспоминаніи о Петрѣ Степановичѣ, въ умѣ его немедленно появился образъ Лизаньки, сочетаніе это ужасно озадачило и взбѣсило его. Петръ Степановичъ такъ много проигрывалъ отъ сосѣдства съ этой неуклюжей и жеманной особой! Мало того, Петръ Степановичъ окончательно ступенывался рядомъ съ Лизанькой, отъ него ничего не оставалось, кромѣ пошлости.

Пробило десять часовъ вечера. Дѣло, надъ которымъ трудился Ртищевъ, еще не было кончено, но онъ не въ силахъ былъ дѣльше работать надъ нимъ; ему неудержимо захотѣлось взглянуть на Дмитровскаго и убѣдиться во-очію, что поглощеніе Петра Степановича Лизанькой еще не свершилось и свершиться не можетъ. Онъ поспѣшно одѣлся и вышелъ на набережную съ гѣизъ, чтобы свернуть съ нея въ ту улицу, гдѣ жилъ Петръ Степановичъ.

Но прежде чѣмъ дойти до этой улицы, надо было пройти ми-

чо дома Трапичкиныхъ. Ртищевъ вспомнилъ объ этомъ только тогда, когда громкій говоръ, звуки фортепьяно и брацанье шпоръ заставили его поднять голову въ ярко-освѣщеннымъ окнамъ этого дома. Не взирая на сыѣжность воздуха — весна была въ самомъ началѣ — дверь на балконъ была растворена, и въ ту самую минуту, какъ Ртищевъ вскинулъ глаза на этотъ балконъ, изъ двери высыпала цѣлая толпа развеселыхъ кавалеровъ, статскихъ и военныхъ, а между ними Лизанька, въ свѣтломъ платьѣ, украшенномъ множествомъ бантовъ съ развѣвающимися концами и съ папирской въ зубахъ.

— Утѣшилась, подумалъ Ртищевъ. — Что-то Петръ Степановичъ?

Онъ ускорилъ шагъ, чтобы не быть узаннымъ, и даже съ этой цѣлью перешелъ съ набережной, залитой серебристымъ блескомъ полной луны, на противоположную сторону.

Петра Степановича дома не оказалось.

— Гдѣ же онъ? началъ допрашивать Ртищевъ.

— Все тамъ-же съ, — гдѣ-же имъ быть! угрюмо отвѣчалъ Николинъка.

У Ртищева забилось сердце. Онъ тотчасъ-же угадалъ, что подразумѣвается подъ этимъ „тамъ“, однако, продолжалъ спрашивать:

— Въ клубъ, что-ли?

Николинъка отчаянно махнулъ рукой.

— Какой клубъ! Развѣ Петръ Степановичъ въ хорошей компаніи найдетъ себѣ удовольствіе! Имъ-бы только съ такимъ хламомъ путаться, какъ Трапичкины, прибавилъ онъ съ большимъ негодованіемъ.

— Такъ онъ опять у нихъ?

— Кажинный вечеръ-съ... Въ городѣ говорятъ, ужъ и обрученье было... Я сегодня хочу у нихъ у самихъ спросить. Мнѣ про это ихъ намѣреніе надо безпремѣнно знать... Служилъ я имъ вѣрой и правдой десять лѣтъ, но ужъ послѣ такого пассажа придется другое мѣсто искать...

Сергѣй Александровичъ не сталъ дослушивать разсужденій Николинъки. Онъ поспѣшно вошелъ въ кабинетъ Дмитровскаго, присѣлъ къ письменному столу и написалъ на первомъ попавшемся лоскутѣ бумаги: „Не желая отвлекать васъ ни на минуту отъ пріятнаго общества Трапичкиныхъ, Ветошкиныхъ, Лоскуткиныхъ и тому подобныхъ, покорнѣйше прошу васъ сообщить мнѣ письменно, въ

какомъ положеніи находится дѣло, которымъ я рекомендовалъ вамъ заняться при нашемъ послѣднемъ свиданіи“.

Эта маленькая мечь успокоила его ненадолго. Невозмутимость и философія Дмитровскаго были ему слишкомъ хорошо извѣстны; сомнѣваться въ томъ, какъ отнесется Петръ Степановичъ къ этой запискѣ, было трудно... Гораздо было-бы лучше уйти, не высказываясь ни единымъ словомъ.

Долго бродилъ Ртищевъ по пустынь улицамъ города, мимо большихъ и маленькихъ домовъ, съ притворенными ставнями и опущенными занавѣсками, сквозь которыя болѣе или менѣе ярко просвѣчивало внутреннее освѣщеніе. Во многихъ изъ этихъ домовъ онъ бывалъ съ визитами, а также на званыхъ вечерахъ и обѣдахъ, стало-быть могъ считаться знакомымъ... Стоило только позвонить и спросить, дома-ли господа, чтобы быть тотчасъ-же принятымъ со всевозможной любезностью и провести часть ночи съ людьми, а не одному на улицѣ или въ номерѣ гостинницы... Но Ртищевъ чувствовалъ, что съ этими людьми ему будетъ еще тоскливѣе, чѣмъ одному... Они ему были такъ чужды, эти люди! Въ тому-же, ему такъ живо представлялось, какое вездѣ идетъ лигованіе по поводу вновь слѣпляющагося сватовства Дмитровскаго съ Тряпичкиной... Навѣрное, въ каждомъ изъ этихъ домовъ, какая-нибудь Гвоздичкина глумится надъ нимъ, надъ его неудавшейся попыткой вытащить Петра Степановича изъ всасывающей его въ себя тины.

Машинально прошелъ онъ въ ту улицу, гдѣ жила та барыня, что спрашивала у него, чѣмъ думаетъ онъ вознаградить Дмитровскаго за разрывъ съ Тряпичкиными. Онъ зналъ, что она не пощадитъ его и наговоритъ ему много неприятныхъ истинъ, относительно его привычки путаться въ чужія дѣла и болѣть чужими болѣзнями... Онъ это зналъ, и все-таки его тянуло къ ней, какъ тянетъ человѣка бередить мучительную рану... Но барыни не оказалось дома, и, когда удивленный лакей затворилъ за нимъ дверь, на ближайшей каланчѣ пробило двѣнадцать часовъ.

Только тутъ почувствовалъ сознательно Ртищевъ усталость и новую боль въ груди. Да и какъ было не устать: онъ ходилъ безостановочно часа три сряду!

Легкая дрожь пробѣгала по всему его тѣлу, но голова горѣла и мысли его путались. Порой ему казалось, что не Дмитров-

скій, а онъ самъ осужденъ на бракъ съ дѣвицей Тряпичкиной, ему становилось безконечно жаль себя, и онъ умолялъ всякій фанарной столбъ спасти его... Хорошо, что улицы, по которымъ онъ проходилъ, были совершенно пусты, и что ни одна собака не встрѣтилась ему вплоть до гостиницы, въ которой онъ жилъ, а то прохожіе приняли-бы его за сьумасшедшаго, завидѣвъ его нетвердую походку и услышавъ несвязныя рѣчи, невольно вылетавшія изъ его горячихъ губъ.

Сергѣй Александровичъ рѣшительно не помнилъ, какъ онъ вошелъ къ себѣ въ спальню, какъ раздѣлся и легъ въ постель. Да и не это одно запомнать онъ изъ подробностей этой северной ночи, и когда на другой день Дмитровскій зашелъ къ нему, чтобы сказать, что дѣло, о которомъ ему такъ эхидно напоминали въ запискѣ, оставленной на его письменномъ столѣ, давно уже окончено и препровождено куда слѣдуетъ, онъ нашелъ его въ сильномъ бреду отъ нервной горячки.

Цѣлую недѣлю провелъ Петръ Степановичъ у постели больного, чередуясь съ старушкой Авдотьей Марковной, которую братъ Сергѣя Александровича, сенаторъ Ртищевъ, прислалъ изъ Петербурга, какъ только узналъ, что болѣзнь можетъ продлиться долго и уходъ потребуетъ весьма тщательный.

Обыкновенно, Петръ Степановичъ, вѣспавшись дома въ послѣобѣденное время, весьма аккуратно справлялъ свое дежурство, забываясь только на нѣсколько минутъ въ промежутки между смѣнами холодныхъ компрессовъ и поднесеніемъ лекарствъ; но въ ту ночь, когда Ртищеву суждено было очнуться, онъ заснулъ такъ крѣпко, что не слышалъ ни звонка больного, на звукъ котораго вбѣжала изъ сосѣдней комнаты Авдотья Марковна, ни разговора этой послѣдней съ Сергѣемъ Александровичемъ. Когда онъ проснулся, было уже свѣтло, и на кровати противъ его кресла больной не лежалъ, а сидѣлъ, поддерживаемый кругомъ подушками, и смотрѣлъ на него тѣмъ осмысленнымъ взглядомъ и съ той, хорошо знакомой ему, саркастической усмѣшкой, которая ужъ такъ давно не появлялась на его устахъ.

— Что вы тутъ дѣлаете, Петръ Степановичъ? Почему вы не у Тряпичкиныхъ?

Вопросъ этотъ былъ предложенъ такъ добродушно, что Петръ Степановичъ тоже засмѣялся.

— Впрочемъ, продолжалъ шутить Ртищевъ, — кому-же и ухаживать за мной, какъ не вамъ: заболѣлъ вѣдь я по вашей милости, отъ злости, что вы женитесь на Лизанькѣ.

— Это еще не рѣшено, мягко замѣтилъ Дмитровскій.

Онъ вспомнилъ предписаніе доктора не раздражать больного и рѣшился солгать.

— Какъ не рѣшено? вскричалъ Ртищевъ и впалые глаза его загорѣлись нетерпѣливымъ блескомъ. — Нѣтъ ужъ, пожалуйста, женитесь, и какъ можно скорѣе! Мнѣ теперь все равно, я даже не понимаю, почему именно я такъ возставалъ противъ Лизаньки? Она прелестная дѣвица, и вы съ нею будете очень счастливы... а я буду къ вамъ ходить въ гости, и намъ всѣмъ будетъ весело, неправда-ли?

— Надо надѣяться, смиренно согласился Петръ Степановичъ; — но вамъ не слѣдуетъ такъ много говорить, прибавилъ онъ, заботливо оправляя теплый пледъ, которымъ сверхъ одѣяла были открыты ноги больного.

— Сейчасъ замолчу, но прежде скажите мнѣ еще вотъ что: почему вы такъ поторопились сдѣлать предложеніе Лизанькѣ? Неужели вслѣдствіе того вечера?

— Почти-что такъ, сознался Петръ Степановичъ, — черезъ меня дѣвушка сдѣбалась посмѣшищемъ всего города... Знаете, такую мысль переварить трудно.. Я сталъ думать, какимъ манеромъ поправить бѣду, и вотъ, ничего лучшаго не могъ придумать...

— Святой вы человекъ, Петръ Степановичъ! прервалъ его взволнованнымъ голосомъ Ртищевъ.

Онъ протянулъ ему свою исхудалую руку, и въ глазахъ его блеснули слезы.

IV.

Самъ Сергій Александровичъ увѣрялъ, что онъ заболѣлъ отъ досады и огорченія при извѣстїи о побѣдѣ, одержанной надъ нимъ г-жей Гвоздичкиной, но докторъ, лечившій его, утверждалъ, что онъ простудился, таскаясь по набережной въ холодную и сырую ночь, а Авдотья Марковна все вваливала на жизнь въ гостиницѣ. По ея мнѣнію, здѣсь дуло изъ всѣхъ оконъ, дымило отъ

всѣхъ печей и чадило отъ каждаго самовара. Въ сосѣднихъ номерахъ и по коридорамъ день и ночь шумъ стонемъ стоитъ, просто силъ нѣтъ больше двухъ сутокъ выдержать, — одурь человекъ беретъ!.. Ужь про прислугу и говорить нечего, дерзкая-предерзкая, грязная-прегрязная... А ужъ кушанье!..

Она отчаяннымъ жестомъ дополняла свою фразу и, тяжело вздохнувъ, прибавляла таинственнымъ шопотомъ:

— Заглянула я какъ-то разъ къ нимъ въ кухню... Съ той минуты только и питаюсь тѣмъ, что въ лавочкѣ куплю! Вы-бы, бабушка, тоже ничего не стали кушать, еслибъ увидѣли, какая у нихъ тамъ страшня идетъ!

Съ каждымъ днемъ, и, по мѣрѣ того, какъ баринъ ея началъ поправляться, старушка ворчала громче и настоятельнѣе, требовала, чтобъ онъ началъ, наконецъ, такъ жить, какъ хорошіе люди живутъ.

— Нашли, что выдумать, нечего сказать! Гдѣ это видано, чтобъ господа въ номерахъ жили? Даже изъ нашего брата, кто посolidнѣе, да съ уваженіемъ о себѣ понимаетъ, въ такомъ заведеніи, какъ постоянный дворъ, либо гостинница, жить не станетъ, окромя какъ проѣздомъ и на самое короткое время. Вы, бабушка, не стракулисть какой и не мазуричь, на васъ ужъ и чинъ большой и званіе важное, вамъ не въ номерахъ жить, какъ прохвосту какому, прости Господи, а въ своемъ дому и при своемъ, значить, хозяйствѣ.

— Найди мнѣ домъ и заведи хозяйство, я буду очень радъ.

— Безпремѣнно найду. Чтобы въ такомъ большомъ городѣ!.. Да я вамъ не то, что одну квартиру, я ихъ вамъ десять сыщу!

Однако, прошло недѣли двѣ въ тщетныхъ поискахъ. Съ раняго утра отправлялась Авдотья Марковна на эти поиски и возвращалась назадъ только къ вечеру, сердитая, измученная, возмущенная.

— Ужь городъ, нечего сказать! И люди-то здѣсь на людей непохожи, звѣрье какое-то!.. Ни тебя выслушать, ни совѣтъ какой подать... выпучать глаза, и хоть ты у нихъ колъ на голову теши, ничего не могутъ въ толкъ взять!.. Я имъ говорю, мнѣ квартера для благороднаго господина требуется, у котораго, значить, и достатокъ, и званіе есть, приѣмъ тоже бываетъ, губер-

ваторъ ѣздить... а они мнѣ хлѣвушки какіе-то показываютъ, безъ антре, безъ чернаго хода... стоитъ только плюнуть да отойти.

Но въ одинъ прекрасный день она вернулась раньше обыкновеннаго и съ такой сіяющей фізіономіей, что сомнѣваться въ успѣхъ ея предпріятія было-бы трудно.

— Вы про здѣшнюю богатѣйку, Любовь Ивановну Пирожкову, изволили слышать? спросила Авдотья Марковна, останавливаясь въ торжествующей позѣ передъ письменнымъ столомъ своего барина.

— Нѣтъ, не слыхала, а что?

— А то, что у Пирожковой этой самой богатѣющей есть домъ противъ самой нѣмецкой кирки. Только не видать его съ улицы-то, потому что большущій садъ кругомъ разведенъ; а въ домѣ томъ отдается квартера, весь нижній этажъ, совсѣмъ особнякомъ, самая для васъ подходящая квартера. Я все осмотрѣла: мебель чудеснѣйшая, и посуда есть, и драпри на всѣхъ окнахъ... Ужъ такъ хорошо, что и желать лучше нельзя. Даже конюшня и сарай для экипажей отдѣльные. въ случаѣ еслибы вздумали лошадей завести... Говорилъ мнѣ про эту квартиру тотъ самый лавочникъ, у котораго я намерилась чай покупала, и совѣтовалъ онъ мнѣ безпремѣнно съ самой Пирожковой повидаться: люди у нея аспиды, говорить, и всѣ другъ противъ дружки на словахъ, такъ сказать, съ ними и разговаривать-то не стоитъ, кромя какъ потомъ, когда у васъ все съ самой-то сладится, вашъ баринъ имъ что-нибудь на чай пожалуется, ну, и предовольны останутся. А самой-то вы все доподлинно расскажите, говорить, кто вы, откуда и при какомъ чинѣ состоитъ вашъ баринъ... опять же и на-счетъ характера ихняго и образованности слѣдуетъ поставить ее въ извѣстность, потому, сами понимаете, какое же удовольствіе при такомъ капиталѣ разныя художества отъ хлыща терпѣтъ? Я такъ и сдѣлала и все, какъ слѣдуетъ, рассказала. Лавои-то, трое ихъ у нея дармоѣдовъ, пушать было не хотѣли, да вѣдь и я не промахъ: не пришлось-бы, говорю, выговоръ вамъ за меня получить; мой баринъ не кто-нибудь, къ нему даже и въ Москвѣ съ большимъ уваженіемъ, а здѣсь онъ на ряду съ губернаторомъ долженъ считаться... Ну, переглянулись между собою и впустили. Убранство у нея!.. вотъ сами увидите

и предовольны останетесь, ужъ я знаю. Сама вся въ бархатахъ да въ брильянтахъ, и съ лица благообразная такая, жирна только больно, да маненько съ одышкой, а, впрочемъ, ничего, годовъ такъ сорокъ съ хвостикомъ будетъ, въ самомъ соку, такъ сказать, и ужъ такая-то добрая да ласковая, что и сказать нельзя! Сейчасъ эта она меня усадила, чаемъ стала просить и про свою жизнь пошла рассказывать... Вотъ ужъ подлинно говорятъ, что и сквозь золото слезы льются... Много она вытерпѣла на своемъ вѣку, моя голубушка, и отъ родителей, и отъ супруга своего покойнаго, а таперича отъ дочки... Переѣзжать можете хоть завтра; все тамъ въ порядкѣ, на кварталѣ-то... Я задатокъ хотѣла дать—не взяла, ужъ больно мы другъ дружкѣ по-душѣ пришли! Совсѣмъ простая, даромъ-что милѣнами, слышь, владеетъ! А дочки ейной таперича здѣсь нѣту, въ запрошломъ году замужь вышла и въ Москвѣ своимъ домошъ живетъ. Наградила я ее, говорить, всячески, и помѣстьями, и капиталами, и брильянтами... Одно, говорить, *калю* двѣсти тысячъ стоитъ, а все недовольна, во всѣхъ письмахъ корить да попрекаетъ... Ужъ и сахаръ, должно быть, эта дочка, нечего сказать!.. Перевозить что-ли вещи-то? Или сами прежде посмотрѣть хотите?

Нѣтъ, отъ предварительнаго осмотра квартиры Сергѣй Александровичъ па-отрѣзъ отказался; онъ увидѣлъ ее въ первый разъ только тогда, когда Авдотья Марковна устроилась въ ней на постоянное жительство и объявила ему, что все готово.

Квартира ему понравилась: комнаты большія, высокія и не только хорошо, но даже роскошно меблированы. Уединенно только немножко, да темновато отъ деревьевъ, отдѣляющихъ домъ отъ улицы, но даже и это неудобство имѣло свою выгоду: можно спокойно работать по вечерамъ, не опасаясь, чтобы всякій скотъ заѣхалъ *на оленекъ*, да и улица-то въ этомъ мѣстѣ такая глухая, что никому нѣтъ надобности тутъ проѣзжать.

Съ наступленіемъ ночи, Сергѣя Александровича ожидалъ новый сюрпризъ на новоселье. Едва-только подошелъ онъ къ окну въ спальнѣ, чтобы затворить его, какъ раздались звучные акорды одной изъ его любимѣйшихъ сонатъ Бетховена. Ртищевъ сѣлъ на подоконникъ и, перегнувшись всѣмъ тѣломъ въ ту сторону, откуда неслись звуки, началъ слушать. Давно ужъ не удавалось ему наслаждаться такимъ мастерскимъ исполненіемъ. Игра могла

назваться безукоризненной, столько въ ней было силы, огня, чувства и артистической отчетливости и осмысленности. Ртищевъ не переѣхалъ своего положенія и продолжалъ слушать даже и тогда, когда раздался послѣдній финальный акордъ, и когда все стихло; ему казалось, что это только начало концерта, и онъ не ошибся. Минуть черезъ пять снова та-же искусная рука пробѣжала по клавишамъ въ коротенькой отчетливой фразѣ, наивно тоскливой, какъ жалоба осиротѣвшаго ребенка, и снова все на минуту смолкло, а затѣмъ сильный и звучный контральто запѣлъ итальянскую пѣсенку такъ, какъ поются эти пѣсни только въ Италіи, съ рѣзкими и неожиданными переходами отъ страсти къ нѣжности, отъ дикаго порывистаго гнѣва къ тупому отчаянію.

„Passo girasso e la finestra e cuisa“... тоскливо жаловался этотъ голосъ, волнуя душу слушателя тихой грустью и вызывая на глаза его слезы сочувствія и умиленія.

„Lia e morte!“..

Когда крикъ этотъ, вырвавшійся у пѣвицы, точно подъ наливомъ нестерпимой муки, рѣзкимъ воплемъ прорѣзалъ воздухъ, Сергій Александровичъ вздрогнулъ. Никогда еще, ни въ какомъ концертѣ, ни въ какой оперѣ, не испытывалъ онъ такого ощущенія... У него духъ захватывало отъ томительнаго волненія, и сердце порою переставало биться.

— Фу, ты чортъ! прошепталъ онъ поблѣвшими губами, обтирая капли холоднаго пота, выступавшія на его лбу.

Теперь онъ зналъ, откуда неслись эти звуки. Сквозь густую, темную листву пронизывался свѣтъ изъ хорошенькаго домика на противоположной сторонѣ улицы. Съ первыхъ-же акордовъ сонаты, онъ, точно магнетическимъ токомъ, слился всей душой съ исполнительницей этой сонаты и жилъ съ нею одною жизнію гармоніи и страсти, но, когда звуки смолкли, ему захотѣлось ближе подойти къ этому дому и, такъ-сказать, осязательноѣ познакомиться, если не съ самой птичкой, то, по крайней мѣрѣ, съ ея клеткой.

Но долго думая, онъ прыгнулъ изъ окна въ садъ и, пробившись въ безъ малаго труда между запущенными клумбами и кустами къ забору, однимъ прыжкомъ очутился на немъ верхомъ и началъ внимательно всматриваться въ длинную полосу свѣта, па-

дающую изъ освѣщенныхъ оконъ на черную, узкую улицу. Мало-по-малу ему удалось различить, среди причудливыхъ тѣней, наполнявшихъ эту улицу, крылечко и дверь. Дверь отворилась и на порогѣ ея, точно въ темной рамкѣ, выступили двѣ ярко-освѣщенныя фигуры. Одна изъ нихъ, молодая и красивая женщина, съ строгимъ правильнымъ профилемъ, въ темномъ суконномъ платьѣ, плотно облегавшемъ ея стройную, тонкую фигуру, держала въ рукѣ лампу, которой она свѣтила высокому, худощавому мужчине въ длинной, странной одеждѣ.

— До-свиданія, дитя мое, идите почивать, ласково проговорилъ прелатъ.

Съ этими словами онъ нѣжно пожалъ между кистью и локтемъ красивую руку, въ гладкомъ узкомъ рукавѣ, державшую лампу. Другая рука дѣвушки была занята широкополой шляпой прелата, которую она почтительно подала ему.

— Я вамъ посвѣчу, всендже прелатъ.

Она произнесла эти слова почти вполголоса, но ночь была такъ тиха, улица такъ пуста, а слухъ Ртищева такъ раздраженъ только-что слышанной музыкой, что онъ тотчасъ-же узналъ этотъ голосъ, но словъ понять не могъ: панна Миленская говорила съ прелатомъ по-польски.

— Такъ вотъ она какая! подумалъ Сергѣй Александровичъ, продолжая съ любопытствомъ слѣдить за разыгрывающейся передъ нимъ сценой.

Прелатъ умолялъ ее не беспокоиться и вернуться назадъ, но она настаивала на своемъ: ночь ужасно темна, тротуары мѣстами поломаны, среди улицы рывины... Если его велебность споткнется о камень или оступится въ яму, онѣ будутъ въ такомъ отчаяніи!..

— Еслибы Брониславъ былъ дома, онъ проводилъ-бы всендза прелата вплоть до калитки, а я могу только издали освѣтить путь, продолжала она, улыбаясь своей ясной улыбкой и обращая лицо, ярко-освѣщенное лампой, въ ту сторону, гдѣ было жилище прелата, какъ-будто приглашая его скорѣе пуститься въ путь. Но онъ не трогался съ мѣста, и она прибавила: — Мнѣ очень жаль, что я не могу оказать болѣе важной услуги... Не разбудить-ли Марихну? Она сходила-бы за Юзефомъ...

Онъ ей не далъ договорить и, точно обрадовавшись предлогу продлить бесѣду, началъ спрашивать про Бронислава.

— Часто онъ тамъ бываетъ?

— Каждый день.

— Напрасно... Скажите ему это отъ меня.

Она вопросительно посмотрѣла на него, но не возражала ни слова.

— Вообще, ему надобно быть осторожнѣе съ паномъ Хлопскимъ... Я знаю, что за нимъ слѣдять... какъ и за всѣми нами, прибавилъ онъ съ усмѣшкой.— Но для насъ это дѣло привычное, тогда какъ онъ... Что его жена? Здорова она? Мнѣ она показалась такая блѣдная сегодня за чаемъ...

— Вы знаете, я всегда была такого мнѣнія, что Брониславу не слѣдовало жениться... У него тяжелый характеръ... Сегодня...

Она подняла глаза кверху. Въ мезонинѣ было совершенно темно, и окна были плотно притворены, однако, Ксаверія почти шопотомъ докончила начатую фразу:

— Онъ опять довелъ ее до слезъ своими сарказмами... Право, какъ съ мамой иногда кажется, что онъ ее ненавидитъ!

— Ну, онъ тогда совсѣмъ пересталъ-бы обращать на нее вниманіе. Нѣтъ, вы ошибаетесь, онъ ее еще любитъ, я ихъ видѣлъ вѣсть, не дальше какъ вчера... О! вы очень ошибаетесь, если думаете, что онъ ее не любитъ, повторилъ прелатъ, помолчавъ вѣсело и тонко усмѣхался.

— Можетъ быть, мы и ошибаемся въ настоящемъ, но въ будущемъ... Она ему скоро надоѣстъ, рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ произнесла панна Миленская, сжимая свои красивыя брови.

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Отнесите назадъ вашу лампу, дитя мое, совершенно неожиданно предложилъ прелатъ. Проидеитесь до моего дома, оттуда Юзефъ васъ проведитъ съ фонаремъ... Намъ надо о многомъ переморить.

Ксаверія безпрекословно повиновалась и, минуто спустя, они продолжали начатый разговоръ, прохаживаясь взадъ и впередъ вдоль рѣшотки, отдѣлявшей садикъ и огородъ Миленскихъ отъ улицъ.

Сергѣй Александровичъ не покидалъ своего наблюдательнаго поста. Порой до него весьма явственно долетали звуки ихъ голо-

совѣ и шелестъ ея шелковой юбки по мосткамъ; это случилось тогда, когда они проходили подъ окнами дома, напротивъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ. Глаза его такъ привыкли теперь къ темнотѣ, что онъ ясно различалъ эти двѣ фигуры отъ массы надвинувшихся кругомъ тѣней... Ему казалось, что онѣ черезчуръ близко прижимаются другъ къ другу; одно мгновеніе ему даже померещилось, будто прелать обняла Ксаверію и послышался сдержанный звукъ поцѣлуя...

Но все эта была одна фантазія. Прелать говорилъ съ панной Миленской объ ея невѣстѣ, и если онъ нагибался къ ней по временамъ, настолько близко, что она чувствовала его горячее дыханіе на своей щекѣ, то единственно изъ предосторожности. Прелать всегда держался такого мнѣнія, что у каждой двери и у cadaго окна могутъ быть глаза и уши.

— Она ему очень скоро надоѣстъ, говорила Ксаверія, — его ужъ и теперь раздражаютъ ея неумѣлость, непрактичность и полнѣйшая бездѣятельность.

Прелать укоризненно покачалъ головой.

— Ахъ, всендѣ прелать! нетерпѣливо продолжала дѣвушка, — развѣ можно называть занятіемъ глупое вышиваніе какихъ-то никому ненужныхъ подушекъ, да чтеніе такихъ книгъ, какъ русскіе журналы! Вы знаете, какъ наша мать экономна на деньги и на время? У нихъ постоянныя исторіи изъ-за этихъ подушекъ...

— Неужели такъ трудно приучить ее серьезнѣе смотрѣть на жизнь? мягко замѣтилъ прелать. — Посоветуйте ей заняться какою-нибудь наукой или искусствомъ, пусть учится... Къ чѣму она способна?

— Ни къ чѣму, безапелляціонно отвѣтила Ксаверія. — Она русская барышня, генеральская дочка, больше ничего. Она даже не сѣмѣтъ платья себѣ починить и яйца сварить въ снятку въ случаѣ надобности... Она ни одной науки, ни одного искусства настолько не знаетъ, чтобы пристраститься къ нимъ... *C'est toute une éducation à refaire*, а между тѣмъ, ей уже двадцать лѣтъ, и, наконецъ, у нея совсѣмъ не то на умѣ... Представьте себѣ, что она ревнуетъ Бронска даже къ намъ!.. Она ему дѣлаетъ сцени за то, что онъ не проводитъ цѣлыя дни у ея ногъ... Богъ знаетъ, что за представленіе о замужней жизни дѣлаютъ себѣ эти русскія женщины!..

— Она ребенокъ, несмотря на свои двадцать лѣтъ, прервагь ее прелать.

— Да, она ребенокъ, я это и сама вижу... И, знаете, мнѣ иногда страшно дѣлается при мысли о томъ, что этому ребенку приходится выносить въ нашемъ домѣ, отъ мужа, отъ мама, и даже отъ меня подчасъ... Эти испытанія ей не подъ силу, она изнемогаетъ подъ ними...

— Вы въ этомъ сознаетесь? замѣтилъ онъ.

Въ голосѣ его звучалъ упрекъ, но по губамъ скользила такая тонкая, холодная усмѣшка. О! панна Миленская не стала-бы такъ горячо оправдываться, если-бы она могла видѣть эту усмѣшку!

— Что-жъ намъ дѣлать, всендже прелать? Я не говорю про Брозека, этотъ мучить ее сознательно и съ какимъ-то чисто-дьявольскимъ наслажденіемъ... но мы съ мама... вѣдь не можеть-же ни передѣлать себя изъ-за нея? Ей у насъ все непонятно и, напротивъ: наши привычки, образъ жизни, занятія, удовольствія и печали. нашъ языкъ, наконецъ, къ которому она, до сихъ поръ, никакъ не можеть привыкнуть!.. Но что всего прискорбиѣ, это ея отношенія къ мама... Ее положительно коробить при каждомъ словѣ и движеніи нашей матери... Мы знаемъ, всендже прелать, что наша мать выражается довольно грубо, что манеры ея незыщны, что она далеко не *дама*, однимъ словомъ; но мы знаемъ также, что честнѣе, правдивѣе и самоотверженнѣе существа трудно найти на свѣтѣ, и мы уважаемъ и любимъ ее, несмотря на то, что у нея загорѣлыя руки съ грязными ногтями, и что во всѣхъ ея ухваткахъ и словахъ проглядываетъ скорѣе труженница-врестьянка, чѣмъ бѣлоручка-барыня... Но Наталья Михайловна этого не понимаетъ, да и не можеть понять, и я часто удивляюсь, съ какимъ терпѣніемъ мама переноситъ ея гримасы... Да и вообще, я нахожу, что мама обращается съ нею безтактно, Брониславъ жестоко, а я... я чувствую къ ней такую антипатію, что стараюсь держать себя отъ нея какъ можно дальше... Мнѣ очень хотѣлось-бы скорѣе уѣхать за-границу, прибавила, помолчавъ немного, панна Миленская.

Разговоръ перешелъ на другую тему, и минутъ черезъ десять прелать звонилъ у своей калитки. На звонъ его немедленно отъѣчалъ радостный лай Картуша, а вслѣдъ затѣмъ Ксаверія

вернулась домой въ сопровожденіи Іозефа, выбѣжавшаго на-встрѣчу его велебности съ фонаремъ въ рукахъ.

Сергѣй Александровичъ прыгнулъ со своей обсерваторіи обратно въ пирожковскій садъ только тогда, когда панна Миленская скрылась за дверью своего дома и заперла ее за собою.

— Спектакль на этотъ разъ конченъ, но продолженіе впредь, подумалъ Ртищевъ, возвращаясь въ свою спальню и ложась въ постель. Но расхолодившіеся нервы никакъ не хотѣли успокоиться, въ ухахъ настойчиво звенѣли то печальная ригурнель итальянской пѣсенки, то грандіозные переливы бетховенской сонаты, то отрывки фразъ на непонятномъ, хотя и знакомомъ нарѣчій...

Ртищевъ мало зналъ з—ское общество. Онъ сдѣлалъ только необходимыя визиты по списку, составленному для него Дмитровскимъ въ первые дни его пріѣзда сюда, но о сплетняхъ и враждахъ, занимающихъ городъ, онъ имѣлъ уже довольно подробное и даже ясное понятіе. Ему успѣли рассказать и о талантѣ панны Миленской, и объ ея гордомъ и несообщительномъ характерѣ, и о томъ, что прелать безъ-ума влюбленъ въ нее.

Впрочемъ, надо и то сказать, что Ртищевъ пріѣхалъ сюда именно въ то время, когда все общество было крайне заинтересовано появленіемъ Бронислава Миленскаго съ молодой женой.

Посѣщая самъ и клубы, и собранія, и русское, и польское общество, Брониславъ не нашелъ нужнымъ знакомить съ кѣмъ-бы то ни было свою жену и возбудилъ этимъ еще больше всеобщее любопытство и всякаго рода сплетни и пересуды.

Недѣли три сряду въ городѣ только и говорили, что про Наталью Михайловну Миленскую, урожденную Свѣтлову, но потомъ интересъ къ ней охладѣлъ. Одной барынѣ удалось увидѣть ее въ церкви у ранней обѣдни съ Дарюшей; другая встрѣтила ее въ то время, когда она возвращалась съ прогулки съ мужемъ; третья была коротко знакома съ портнихой, работавшей на Миленскихъ, и узнала отъ нея даже, какія именно платья были даны въ приданое Наташѣ... Изъ всѣхъ собранныхъ справокъ оказывалось, что молодая Миленская лицомъ такъ-себѣ, свѣженькая и молоденькая, — вотъ и все, — къ тому-же ужасно застѣнчива и, вѣроятно, глупа. Оставалось только рѣшить, для чего Брониславъ женился на ней? Этотъ вопросъ тоже былъ разрѣшонъ мѣстными сплетницами самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

Его надули приданнымъ. Извѣстно, что Свѣтловы слыли довольно богатыми людьми, а Миленскому гдѣ-же было знать, что они нѣсколько лѣтъ тому назадъ потеряли триста тысячъ въ какомъ-то предпріятіи, въ которомъ были замѣшаны разные нигилисты, декабристы и другія птицы того-же полета?..

Все это смутно припоминалъ Ртищевъ, мучась бессонницей на душной постели; но передъ глазами его съ особенной настойчивостью мелькалъ образъ красавицы-польки и внушительная фигура ея друга-прелата; онъ заснулъ только къ утру и проснулся съ сильной головной болью; однако, первая мысль его была о сосѣдахъ; но Авдотья Марковна думала о другомъ, и, наливая чай своему барину, она воспользовалась его замѣчаніемъ о звонкѣ у наружной двери, который дѣйствовалъ не совсѣмъ исправно, чтобы напомнить ему о существованіи г-жи Пирожковой.

— Сходили-бы вы къ нимъ сегодня, оказали-бы уваженіе, да тутъ-бы кстати и о звонкахъ, и о всемъ прочемъ сами-бы переговорили. Имъ тоже желательно познакомиться съ вами. Вотъ сейчасъ, встрѣлась она мнѣ на крыльцѣ, въ карету сѣдлась къ обѣднѣ ѣхать... Подозвала меня, да ласково такъ: здравствуй, говорить, Марковна, что твой баринъ? Хорошо-ли ему почивалось за новоселье?... Такая она сегодня, въ нарядѣ-то, вольязная да юлажавая... поди, чай, рублевъ на тышу всякихъ кружевъ да шелковъ на нее напущано!

Долго-бы еще болтала старушка, еслибы Сергѣй Александровичъ не прервалъ ее приказаніемъ отдать отложенныя въ сторону бумаги курьеру.

— Я пришлю за ними часа черезъ два, не перепутай, пожалуйста, вотъ это, видишь? проговорилъ онъ, надѣвая перчатки и проходя въ прихожую.

Авдотья Марковна не унималась и, подавая ему пальто, снова попыталась напомнить о визитѣ къ хозяйкѣ.

— Наверхъ, что-ли, идете? Не доложить-ли прежде? Мозетъ, послѣ обѣдни легли отдохнуть...

Но вторая попытка оказалась неудачнѣе первой.

— Сдѣлай одолженіе, пошли сейчасъ за слесаремъ, нетерпѣливо прервалъ онъ ее, — и чтобы къ моему возвращенію звонокъ былъ исправленъ... Да вотъ что еще, продолжалъ Сергѣй Александровичъ, растворяя дверь на крыльцо, съ котораго нѣсколько

ступенекъ вели къ выходу, — если ты мнѣ будешь постоянно надѣдать твоей Пирожковой, я, честное слово, сейчасъ-же переѣду назадъ въ гостиницу, не посмотрю на то, что за три мѣсяца впередъ заплачено, — вѣдь ты меня знаешь!

Какъ-же Авдотья Марковна — было и не знать его? Ему было три года, когда она поступила къ нему въ няньки. Его, бывало, и тогда ничѣмъ не переупрямишь и не переспоришь, самъ развѣ одумается, да уступить, а чтобы на чьи-либо уговоры сдаться — ни за что!

Свою новую пріятельницу, миліонершу Пирожкову, Авдотья Марковна всячески успокаивала и ублажала, объясняя ей, что у Сергѣя Александровича ужь такой характеръ... Никогда ни на какое знакомство онъ вдругъ не рѣшается, и чѣмъ больше приставать къ нему, тѣмъ хуже.

— Соскучится и самъ придетъ... Вѣдь тоже человекъ живой, да и молодой къ тому-же, и все съ дѣлами... какъ тутъ не соскучится!.. Можетъ, на ваше счастье такой вечеръ выдастся, что ни въ клубъ, ни въ гости нельзя выѣхать, — ну, и придетъ тогда къ вамъ...

— Мнѣ хотѣлось-бы его Райчкѣ показать, Марковна, ужь очень она имъ интересуется! Въ каждомъ письмѣ спрашиваетъ: неужто-же вы, маменька, съ вашимъ новымъ жильцомъ еще не познакомились? Она, видишь-ли, много про него въ Москвѣ слышалась... Сегодня еще письмо пришло: пишетъ, что сюда ѣдетъ осенью недѣльки на три... Какъ ты думаешь, придетъ онъ тогда къ намъ?

— Придетъ, матушка, почему-бы, кажется, не придти.

— А ты вотъ что ему скажи: она вѣдь у насъ совсѣмъ по-модному воспитана, Райча-то не то, что я. Покойникъ Петръ Петровичъ никакихъ капиталовъ на нее не жалѣлъ, одной французекѣ по двѣ тысячи въ годъ отваливали!.. Она и на фортепьянахъ, и разговоръ какой угодно умѣетъ вести... Про непочтительность ея ко мнѣ ты не сказывай, ради Бога, Марковна! Не слѣдь матери на родное дѣтище чужимъ людямъ жаловаться знаю я это, да ужь слабость у меня такая, ничего въ себѣ удержать не могу, что прикажешь дѣлать! А характеръ ея

гостей ничуть не касается, съ гостями она всегда ласкова и на всякій комплиментъ горазда... Когда она здѣсь, у насъ цѣлный день неконченная труба всякаго народу: сегодня обѣдъ, вчера вечеръ, завтра балъ... Умашься совсѣмъ!.. Ну, ужъ за то какъ уѣдетъ, мы опять вдвоёмъ съ Марочкой, и никто намъ въ свое удовольствіе жить не мѣшаетъ.

Марочка былъ пріемышъ Любовь Ивановны. Г-жа Пирожкова въ немъ души не чаяла и, въ числѣ прочихъ откровенностей, рассказала Марковнѣ, что ребенокъ этотъ завѣщанъ ей покойникъ мужемъ вмѣстѣ со всѣмъ его огромнымъ состояніемъ.

— Онъ, признаться сказать, всегда меня за дуру почиталъ, покойникъ. Какъ, бывало, начнешь къ нему за чѣмъ-нибудь приставать, чтобы домъ тамъ, либо капиталъ какой на мое имя отписалъ,— не равенъ часъ, бѣда какая стрясется,— такъ сейчасъ: ну, на что тебѣ деньги, дура? Нешто ты въ деньгахъ можешь толкъ знать? Вотъ найду какого ни на есть добраго человѣка, обяжу его клятвой до-сыта поить тебя да кормить по гробъ жизни,— ну, и будетъ съ тебя!

Но въ одинъ прекрасный день Петръ Петровичъ привезъ жезъ этого мальчика, Марочку, и просилъ ее любить его да жаловать, и просилъ жалостливо такъ, чуть не со слезами! Десять лѣтъ прошло съ того времени, но Любовь Ивановна до сихъ поръ вспомнить объ этомъ не можетъ безъ волненія и навзрыдъ плача, рассказывая, какъ измѣнился къ ней супругъ съ той минутой, какъ Марочку съ кормилицей поселили въ ихъ домъ.

— Не ждалъ онъ, видишь-ли, такой отъ меня ласковости къ чужому рабенку!.. Какъ будто я... Да что-жь мнѣ, наконецъ, не все-ли равно... Ну!.. Ну, положимъ, не я его родила, положи, другая, можетъ, даже и мармулашка какая, кто ее знаетъ!.. Да вѣдь разъ, что онъ супругъ мнѣ, и самъ привезъ дитяту и говорить, вотъ какъ сейчасъ помню: такъ и такъ, Любушка, вотъ тебѣ богоданный сыновъ, не оставь, Христа-ради!.. Что-жь мнѣ тутъ, сантименты, что-ли, разводить? Допросы учинять, да мучить, когда человѣкъ ужъ безъ того размякъ до послѣдней возможности и самъ не свой!.. Вѣдь я отъ него, отъ покойника (не гѣмъ будь помянуть!), всю жизнь, оброма дуры, ничего не слышала! Дурой встанешь, дурой и спать ляжешь... А тутъ вдругъ просить, кланяется чуть не въ ноги... Ну, какъ-же тутъ,

сама ты посуди? Такіе поступки даже истукана въ чувствіе привести могутъ, а не то, чтобы... Такъ пристрастилась я къ этому рабеночку, такъ пристрастилась, что и сказать не могу! Да и какъ не пристраститься, сама ты посуди, не безъ смущенія оправдывалась Любовь Ивановна, — разъ, что я черезъ него въ первый разъ въ жизни ласку себѣ отъ супруга увидѣла, а второе, что и самъ онъ, Марочка-то, сейчасъ мамой сталъ меня звать...

— Нѣтъ, матушка, вы этого не говорите, возражала Марковна, — другая-бы на вашемъ мѣстѣ такого супруга въ три шеи отъ себя погнала... а вы... Да что тутъ толковать, доброты въ васъ слишкомъ даже много, это по всему видно. Дочка-то ваша, небось, не таеъ на Марочку смотреть?

— Ай, нѣтъ! Ранчка очень даже ненавидитъ его! Много у нея изъ-за этого баталіевъ съ отцомъ выходило! Покойникъ ей даже разъ такую плуху изъ-за Марочки закатилъ, что я изъ спальни услышала, да на шумъ прибѣжала... Ахъ, ты, мерзавка! кричить, — да какъ ты смѣешь его щенкомъ обзывать! Сама ты щенокъ шелудивый... Вотъ какъ рѣшу я тебя всякаго капитала да родительскаго моего благословенія, на вѣки нерушимаго, вотъ и узнаешь тогда!.. Ужъ онъ ее лущилъ, лущилъ... Ну, съ той поры стала какъ-будто ласковѣе къ рабенку. Но только все это съ виду, я это отлично понимаю и много муки терплю черезъ всѣ эти непріятности!

V.

Въ бальномъ нарядѣ Раиса Петровна Чуваева была просто великолѣпна! Такія роскошныя плечи, какъ у нея, было истинное наслажденіе показывать многочисленной публикѣ; къ тому-же и глаза ея казались чернѣе и блестящѣе при вечернемъ освѣщеніи, и щечки эффектно разгорались отъ танцевъ, и кокетничала она много увлекательнѣе съ мужчинами во фракахъ и въ мундирахъ съ блестящими эполетами, чѣмъ тогда, когда они доставались ей на жертву запросто, въ сюртукахъ, пиджакахъ и потертыхъ погонахъ. Для возбужденія ея нервъ необходимъ былъ шумъ, трескъ, трубы и литавры, а главное — блескъ, много блеска!

Она обожала катанья на тройкахъ съ колокольчиками и бубенчиками, ужины въ ресторанахъ, послѣ оперы или маскарада,

въ такіе часы, когда самые порядочные люди дѣлаются непорядочными и теряютъ всякую способность сдерживаться; она любила, чтобы на нее смотрѣли помутившимися отъ страсти глазами, чтобы ей напоятывали на ушко всякій вздоръ, пожимали подъ столомъ ножку; она милостиво протягивала свои ручки любезнымъ кавалерамъ, позволяя имъ не только растегивать безчисленные пуговики длинныхъ перчатокъ и стаскивать ихъ съ розовыхъ пальчиковъ, а также цѣловать эти пальчики. Но этимъ и ограничивались всѣ льготы, и всѣмъ было извѣстно, что мадамъ Чуваева не на-шутку сердилась, когда какой-нибудь черезчуръ возбужденный шампанскимъ смѣльчакъ нечаянно переходилъ дозволенную границу и цѣловалъ протянутую ему ручку въ непоказанное мѣсто, какъ, напримѣръ, у самаго того бантика повыше локтя, который долженъ былъ изображать рукавъ. Въ такихъ случаяхъ, никто не умѣлъ такъ ловко, какъ Раиса Петровна, осаживать нехстати расходившагося поклонника ударомъ вѣера, отъ котораго долго оставался синякъ, холоднымъ, жесткимъ взглядомъ или короткой, но весьма краснорѣчивой фразой. Нездоровилось увлекшемуся господину отъ такихъ фразъ. Высказывались онѣ всегда во всеуслышаніе и такъ мѣтко попадали въ цѣль, что долго потомъ повторялись по городу, возбуждая всеобщій смѣхъ и удовольствіе.

Года за три до начала этого разсказа, Раиса Петровна вышла замужъ за Степана Ивановича Чуваева. Выборъ этотъ почему-то всѣхъ удивилъ, хотя дивиться рѣшительно было нечѣму. Раиса Петровна было уже двадцать четыре года, и втеченіи семилѣтъ ей уже успѣли пріѣсться скучныя ощущенія, вкушаемая при выѣздахъ въ качествѣ богатой невѣсты, съ тучной и молчаливой мамашей. У нея были великолѣпныя кружева и крупныя брилліанты, лежавшіе въ комодахъ безъ всякаго употребленія, потому что дѣвицамъ не принято носить ни того, ни другаго. Къ тому же въ тотъ годъ всѣ говорили о предстоящей выставкѣ за-границей, всѣ собирались на эту выставку, и Раиса Петровна поклялась вмѣстѣ со всѣми участвовать на этомъ торжествѣ, но ужъ, разсуждается, не съ мамашей! Довольно и того, что приходилось тащить за собою эту жирную, неповоротливую и неуклюжую массу по баламъ, концертамъ и театрамъ Россійской имперіи: показывать же такую мамашу въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, въ такихъ

изящныхъ и модныхъ мѣстахъ, какъ Біарицъ, напримѣръ, или Бадень, просто немислимо!

Раиса Петровна по опыту знала, до какой степени подобная перевозка безпкойна и неудобна; она имѣла неосторожность провести цѣлую зиму съ мамашей въ Ниццѣ и никогда не забудетъ этой зимы! Госпожа Пирожкова просто обезумѣла отъ скуки среди апельсиновыхъ деревьевъ подъ синимъ небомъ Итали; даже выписываемыя изъ Россіи родныя наслажденія, въ видѣ соленыхъ огурцовъ и зернистой икры, не въ состояніи были унять гнѣшную ее день и ночь тоску. Пришлось покинуть Ниццу въ самый разгаръ какихъ-то необыкновенно веселыхъ и блестящихъ скачекъ, именно въ тотъ моментъ, когда на Раису Петровну началъ засматриваться принцъ, изъ самыхъ настоящихъ. Впрочемъ, этотъ принцъ ее мало интересовалъ: она даже, по всей вѣроятности, не согласилась-бы раздѣлить съ нимъ свои миліоны, если-бы онъ предложилъ ей руку и сердце. Но скрывать такое пріятное обстоятельство, какъ ухаживаніе настоящаго, кровнаго принца, тоже не входило ни въ правила, ни въ расчеты дѣвицы Пирожковой, и вотъ почему всѣ такъ удивились, когда выборъ ея палъ на такого обыкновеннаго смертнаго, какъ Степанъ Ивановичъ Чуваевъ.

А, между тѣмъ, когда въ виду предстоящей выставки, Раисѣ Петровнѣ представилась необходимость безотлагательно избрать себѣ спутника въ жизни, она безъ малѣйшаго колебанія избрала Чуваева. Онъ ей съ перваго раза понравился.

Впрочемъ, надо и то сказать, что Степанъ Ивановичъ съ перваго раза предсталъ передъ нею во всемъ блескѣ своей эффектной дѣятельности на парадной встрѣчѣ, устроенной въ честь какого-то восточнаго монарха, проѣзжавшаго черезъ городъ.

Церемонія происходила утромъ. День былъ праздничный, погода великолѣпная, и всѣ улицы, прилегающія къ вокзалу желѣзной дороги, пестрѣли такой многочисленной толпой разряженнаго народа, что яблоку негдѣ было упасть. На площади передъ вокзаломъ, украшеннымъ присутствіемъ всѣхъ представителей городскихъ властей, тянулись длинные ряды экипажей съ дамами и дѣвицами въ наимоднѣйшихъ шляпкахъ и мантильяхъ.

Разумѣется, Раиса Петровна съ матерью находились въ числѣ этихъ дамъ. У нихъ были лучшія лошади и красивѣйшіе экипа-

жи во всемъ городѣ. Кучеръ ихъ, осанистый и бородатый, Филать, по своему обыкновенію стремился произвести эффектъ, а въ этотъ день, благодаря весьма кстати подоспѣвшей помощи нѣсколькихъ городскихъ, старанія его необыкновенно быстро и ловко увѣнчались успѣхомъ: никто не оспаривалъ у Пирожковыхъ претензіи стоять на первомъ мѣстѣ и украшать площадь великолѣпными воронными конями, блестящей вѣнской коляской, турецкою шалью Любовь Ивановны и парижской шляпой Раички.

Да и вообще порядокъ на площади былъ изумительный! Ни одна извозчичья карета, ни одна подлая пролетка не патнала своимъ присутствіемъ стройной вереницы аристократическихъ экипажей; между изящными костюмами не проскакивало ни одного ситцеваго платья, ни одной чуйки, ни одной головы, покрытой подлиннъ швейцарскимъ картузомъ или платочкомъ... Всѣ съ восторгомъ отзывались о новыхъ порядкахъ, введенныхъ вновь прибывшимъ полиціймейстеромъ, г. Чуваевымъ, и, когда онъ самъ проскакалъ мимо коляски Пирожковыхъ въ своемъ новомъ съ погонами мундирѣ, съ серьезнымъ и озабоченнымъ видомъ человека, вполне сознающаго всю важность возложенной на него обязанности, Раиса Петровна съ одного взгляда счумѣла оцѣнить всѣ достоинства коня и всадника, и нѣчто вродѣ умиленія шевельнулось въ ея миньютурномъ сердечкѣ. Конь былъ темно-сѣрой мышиной масти и по всѣмъ статьямъ могъ удовлетворить требовательнѣйшаго знатока въ лошадяхъ. Ужъ одинъ фактъ обладанія такимъ конемъ долженъ былъ выставить г. Чуваева въ выгодномъ свѣтѣ передъ мадемуазель Пирожковой, а, кромѣ того, Степанъ Ивановичъ обладалъ и другими качествами. Не высокаго роста, но плотный брюнетъ, съ орлинымъ носомъ и прекрасными усами, онъ умѣлъ такъ выразительно смотрѣть на евартальныхъ своими большущими глазами навывкатъ, что они со всѣмъ дурѣмъ отъ страха и опрометью выдались исполнять самыя неестественныя его приказанія. Впослѣдствіи оказалось, что Степанъ Ивановичъ очень порядочно изъясняется по-французски, испански танцуетъ и можетъ выпить безконечное количество рюмокъ водки и стакановъ шампанскаго, ни на минуту не теряя сознанія. Къ довершенію всего, Раисѣ Петровнѣ достаточно было протанцовать съ нимъ двѣ кадрили, чтобъ убѣдиться, что глупѣе человека трудно найти въ цѣломъ мірѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, дѣло между ними сладилось такъ скоро, что по городу даже не успѣли распространиться неизбѣжныя слухи и сплетни, предшествующіе всякому сватовству и свадьбѣ; никто не успѣлъ опомниться, какъ Раиса Петровна Пирожкова превратилась въ мадамъ Чуваеву и укатила съ мужемъ за-границу.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, городъ снова увидѣлъ ее въ роскошномъ бархатномъ платьѣ съ безконечнымъ шлейфомъ. Она сама развезла приглашенія на балъ, который мать ея давала въ честь ея возвращенія изъ-за-границы. На этомъ балѣ Раиса Петровна показывала втеченіи цѣлой ночи такой шиньонъ, такіе брильянты и такой шикарный костюмъ отъ Ворта, что долго потомъ з—скія львицы не могли безъ омерзенія смотрѣть на наряды, выписываемыя ими изъ Москвы и Петербурга.

Не взирая на удовольствія столичной жизни, которыми она предавалась безъ всякаго удержа, Раиса Петровна довольно часто навѣщала свою мать. Два раза въ годъ, а именно зимой и лѣтомъ, появлялась она блестящимъ метеоромъ, съ неистощимымъ запасомъ новѣйшихъ модъ и самыхъ свѣжихъ столичныхъ новостей. Перекруживши головы всѣмъ гимназистамъ седьмого класса и всѣмъ юнкерамъ и офицерамъ стоявшаго здѣсь полка, элегантная дама улетала назадъ въ Москву съ приятнымъ сознаніемъ, что недѣли три, по крайней мѣрѣ, въ городѣ только и будетъ разговора, что про нее.

Мамашу свою она съ каждымъ разомъ находила рыхлѣе, тяжелѣе и, вообще, безобразнѣе и глупѣе.

— Я, право, удивляюсь, какъ это ей не надоѣсть жить, пре-наивно говорила она своимъ веселымъ московскимъ приятельницамъ. — Еслибъ я не пріѣзжала время-отъ-времени встряхивать ихъ отъ спячки, они тамъ всѣ застыли-бы, точно сурки зимой! Представьте себѣ, мамаша даже не знала, что у нихъ второй мѣсяць новый губернаторъ назначенъ! Прежде она, по крайней мѣрѣ, архіереями интересовалась, а теперь, съ тѣхъ поръ, какъ Амвросія перевели въ Крымъ, она даже совсѣмъ перестала въ Крестовую ѣздить и, кромѣ старой крысы, отца Харитона, никого изъ духовенства не видитъ. Воображаю, какъ онъ ее обираетъ, добавляла она съ равнодушной усмѣшкой.

Но равнодушіе это было напускное: на самомъ-же дѣлѣ Раисе

Петровну такъ занималъ вопросъ о томъ, обираетъ-ли отецъ Харитонъ свою богатую прихожанку и насколько именно, что однажды она нарочно прѣѣхала въ городъ, чтобы привести его въ ясность.

Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, изслѣдованіе одной опасности повлекло за собою открытіе другой. До сихъ поръ она не обращала особеннаго вниманія на отношенія своей матери къ богоданному сыну Марочкѣ. Старушка избѣгала ласкать своего любимца въ присутствіи дочери, да и самъ Марочка такъ избѣгалъ попадаться на глаза московской гостьѣ, что ей нетрудно было забыть объ его существованіи.

Иногда великолѣпная сестрица, спускаясь вся въ бархатахъ и въ кѣсахъ по широкой парадной лѣстницѣ, сталкивалась съ худенькимъ, востроносимъ мальчикомъ. При этихъ встрѣчахъ Марочка, обыкновенно, очень конфузился, прижимался къ чугунной рѣшеткѣ и, пряча за себя свои принадлежности: кѣтки съ сигарилли или ведро съ живой рыбой, сѣти и капканы, пропитанные мужицкииъ запахомъ сырыхъ веревокъ и дегтя, мысленно молилъ Бога, чтобы сестрица не замѣтила его, или, по крайней мѣрѣ, занялась бы имъ какъ можно меньше...

Большую частію, такъ и случалось.

— А ты все съ рыбами, Марочка? спрашивала иногда Раиса Петровна, брезгливо поглядывая на мальчика и на вульгарные атрибуты его препровожденія времени.

Марочка краснѣлъ до ушей и еще крѣпче прижимался къ рѣшеткѣ.

Иногда она прибавляла къ этому:

— Такой большой мальчикъ и только глупостями занимается, пора-бы тебя за ученье засадить!..

Но, большую частію, у нея не доставало времени даже и на такое лапидарное замѣчаніе — такъ спѣшила она сѣсть въ карету и умчаться на какой-нибудь вечеръ или обѣдъ.

Однако, такое равнодушное отношеніе къ названному братцу не могло продолжаться вѣчно. Наступилъ моментъ, когда Раиса Петровна усмотрѣла въ немъ соперника во многихъ отношеніяхъ. Онъ вѣчно торчалъ на глазахъ ея матери и могъ сдѣлаться опаснымъ конкурентомъ по вопросу о наследствѣ... Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, мадамъ Чуваева рѣшилась серьезно заняться Марочкой.

— Надо его отдать въ пансіонъ, мамаша, дома онъ никогда ничему не выучится, закинула она однажды матери, какъ-бы мимоходомъ и съ единственной цѣлью подготовить старуху къ мысли о разлукѣ съ Марочкой.

Любовь Ивановна всполохнулась, точно утка, надъ дѣтенышами которой неожиданно взвился кровожадный коршунъ.

— Зачѣмъ въ пансіонъ? Какой пансіонъ? Развѣ нельзя учителей взять, какихъ нужно? Слава-богу, на это достатку хватить!

Раяса Петровна на этотъ разъ не настаивала. Марочка былъ еще такъ юнъ и такъ глупъ, что въ немедленномъ удаленіи его изъ-подъ мамашинаго крыла большой надобности не представлялось; однако, вернувшись въ Москву, заботливая сестрица начала интересоваться школами, пансіонами и тому подобными заведеніями, и выразила даже желаніе познакомиться съ двумя-тремя личностями, занимающимися подготовленіемъ юношей въ гимназіи. Перетолковавши съ ними очень обстоятельно и подробно, она записала ихъ адреса и въ письмахъ къ матери начала все чаще и чаще упоминать о Марочкѣ и о томъ, что пора заняться серьезно его воспитаніемъ.

Съ Любовью Ивановной дѣлалась лихорадка отъ этихъ намековъ.

— Вотъ опять о Марочкѣ писать, что ему надо учиться, жаловалась она Марковнѣ.

— Что-же, матушка, онѣ это резонъ пишутъ. Какъ-же не учиться? благоразумно возражала домоправительница Сергѣя Александровича.— Ему ужъ, поди, чай, годковъ десять будетъ: цѣлный день рыбу удить тоже не приходится, пора и другимъ чѣмъ заняться... Вонъ намеднись даже баринъ мой, что это, говорить, Авдотья, за мальчишка у пруда торчитъ? Неужто хозяйкиныя приемыши? Какъ-же это такъ безъ призора? Такому большому пора-бы и въ гимназію ходить...

Неожиданная мысль блеснула въ голсъ Любови Ивановны.

— А здѣсь есть гимназія?

— Какъ, чай, не быть, городъ большой, губернской... и приходское училище должно быть, и семинарія, все, какъ слѣдуетъ.

— Значить, Марочка можетъ и здѣсь учиться? А Раяска

все о Москвѣ толкуеть... Зачѣмъ-же ребенка въ Москву усы-
лять, когда можно и здѣсь?..

— Хорошіе господа все больше въ Москвѣ и въ Петербургѣ
дѣтей воспитываютъ, потому тамъ, извѣстное дѣло, и столица, и
все прочее...

Но Любовь Ивановна не дала ей договорить.

— Нѣтъ, ужъ пусть онъ лучше здѣсь, у меня на глазахъ...
И поскорѣе-бы намъ это дѣло обдѣлать, пока Рачка не при-
ѣхала... Не знаю только какъ... Съ отцомъ Харитоніемъ развѣ
посоветоваться?

— Я вамъ все это и безъ отца Харитонія разузнаю, суда-
рыня, не извольте беспокоиться, предложила свои услуги Авдотья
Марковна.

Знакомство между Утищевымъ и его хозяйкой свершилось че-
резъ Марочку. Сергѣй Александровичъ ужъ давно интересовался
пріемншею г-жи Пирожковой, и, когда Авдотья Марковна яви-
лась къ нему за совѣтомъ, какимъ манеромъ пристроить маль-
чика къ ученію, онъ тотчасъ-же согласился переговорить объ
этомъ съ Любовью Ивановной.

Марочка былъ замѣчательный субъектъ. Собственно, дѣтскаго
въ немъ ничего не было, кромѣ лѣтъ да роста. Во всемъ осталь-
номъ онъ напоминалъ опытнаго и обстоятельнаго старичка, съ
ограниченнымъ, но весьма опредѣленнымъ, кругозоромъ. Наруж-
ность его, манера выражаться, складъ ума и характера, вкусъ
и занятія, — все было старческое... Даже глупости, которыя онъ
говорилъ и дѣлалъ, были старческія глупости, а не дѣтскія. Онъ
никогда не шалилъ такъ, какъ шалить другія дѣти, не лазилъ
по саборамъ и по деревьямъ, никогда не кричалъ; со старшими
разговаривалъ себя вѣжливо и скромно, съ младшими дрался только
тогда, когда нельзя было этого избѣжать, и ругался язвительно,
но осторожно. Платье и сапоги носилъ подолгу и аккуратно, и
самъ чесывалъ себѣ волосы, гладко-прегладко, такъ-что издали
они казались прилепленными другъ къ другу.

На десятомъ году отъ роду у него ужъ была сильная, серьез-
ная страсть, которой онъ предавался съ какимъ-то сосредоточен-
нымъ увлеченіемъ, свойственнымъ только взрослымъ людямъ.

Страсть эта была рыбная ловля.

Въ самомъ концѣ сада былъ прудъ, сплошь покрытый зеленой тиной и поросшій водорослями. Ртищевъ зналъ о существованіи этого пруда: отъ него на большое разстояніе несло гнилью и сыростью, и, когда Ртищеву случалось утромъ рано или поздно вечеромъ прогуливаться по заброшенному пирожковскому саду, онъ всегда старался направить шаги въ противоположную сторону отъ группы голубоватыхъ ивовыхъ кустовъ, изъ-за которыхъ раздавалось дружное кваканье лягушекъ, выползали маленькія жабы и выпархивали какія-то птицы, таинственно шурша крыльями по широкимъ листьямъ водяныхъ растений и между спутанными вѣтвями окружающихъ деревьевъ.

Нѣсколько разъ Сергѣй Александровичъ давалъ себѣ слово изслѣдовать это мѣсто повнимательнѣе, но врядъ-ли привалъ-бы онъ это намѣреніе въ исполненіе, еслибъ однажды онъ не замѣтилъ маленькой неподвижной фигурки, стоявшей на самомъ краю спуска къ пруду. Существо это было одѣто въ чистейшій синій сюртучекъ, съ отложнымъ бѣлымъ воротничкомъ, въ субонномъ картузикѣ, надѣтомъ акуратнѣйшимъ образомъ на маленькую сплюснутую сзади голову. Козырекъ этого картузика, хотя и поношенный, но нигдѣ не поломанный и не захватанный рукави, не нахлобучивался сурово на лобъ, не заламывался захватски на бокъ и не закидывался отчаянно назадъ, а сидѣлъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ ему надлежало быть. Обладатель картузика стоялъ, широко разставивъ ножки и подавшись всѣмъ корпусомъ слегка впередъ, въ терпѣливой и внимательной позѣ человѣка, закинувшего удочку и выжидающаго, чтобы клюнула рыба.

Подойдя ближе, Сергѣй Александровичъ убѣдился, что существо съ удочкой не старичокъ, какъ ему показалось издали, а ребенокъ лѣтъ десяти или одиннадцати, и даже довольно красивый ребенокъ. Черты его лица были правильны; тонкія губы серьезно и сосредоточенно сжаты; глаза, упорно устремленные къ тому мѣсту, гдѣ среди всякой кипшащей дряни плавалъ поплавокъ съ червячкомъ, — глаза эти были опущены длинными черными рѣсницами, и, когда онъ, наконецъ, взмахнулъ ими на неожиданнаго посягателя, Ртищева поразила солидная внимательность и не дѣтская задумчивость, которая выражалась въ нихъ.

Нисколько не смущаясь и не торопясь, Марочка переложилъ съ подбаищаю осторожностью удилице изъ правой руки въ лѣвую, вѣжливо снялъ картузикъ и поклонился, настолько низко, насколько позволяло заботливое стараніе не спугнуть какимъ-нибудь неловкимъ движеніемъ жертвы, наклевывающіяся на удочку.

Ртищеву захотѣлось узнать, что именно выудятъ юный рыбоводъ, лагушку, ужа или головастика (о существованіи какой-бы то ни было рыбы въ этой лужѣ трудно было предполагать): онъ подошелъ ближе и, вооружившись терпѣніемъ, сталъ ждать. Долго простояли они такимъ образомъ рядомъ: Ртищевъ, занятый разсматриваніемъ мальчика, и мальчикъ, погруженный въ наблюденіе за тѣмъ, что копошилось и плескалось вокругъ закинутого поплавка... Вдругъ худенькая ручонка вздрогнула, по опущеннымъ вѣкамъ пробѣжалъ трепетъ, по тонкимъ губамъ усмѣшка и на блѣдныхъ щечкахъ вспыхнулъ румянецъ... Ловкимъ и привычнымъ движеніемъ взмахнулъ онъ вверху длиннымъ удилицемъ, и въ воздухъ сверкнула сребристой чешуей рыба.

— Пискаръ-съ, объявилъ онъ во-всеуслышаніе, вѣроятно, съ цѣлю оказать незнакомцу вѣжливость.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, отвѣтилъ ему Ртищевъ.

Марочка нагнулся и вытащилъ изъ-подъ куста ведро съ водой, въ которомъ плескалось нѣсколько маленькихъ рыбокъ и ильятюрныхъ раковъ. Опустивъ въ него свою новую добычу и зуратно обернувъ лесу вокругъ удилица, онъ старательно воткнулъ крючокъ въ поплавокъ.

— Дорогая-съ, пояснилъ онъ, взглядывая искоса на Ртищева и прищуриваясь съ комическою важностью.

Ртищевъ попросилъ посмотреть удилку, похвалилъ ее и спросилъ, кто ему подарилъ.

— Я самъ купилъ-съ, на свои деньги. Другіе на пустяки тратятъ, а я нѣтъ, я всегда что-нибудь полезное... Про эти удочки я въ газетѣ вычиталъ... Сенька принесъ газету: смотри, говорятъ, что про удочки пишутъ... Вы знаете Сеньку? У него отецъ пьяница, все въ трактирѣ... Тетка его воспитанная, папирски курить и газету выписываетъ... Я про удочки сказалъ мамашѣ, она говоритъ: выписывай, пожалуй, мнѣ что!.. Вотъ я и выписалъ.

— Неужели всю эту рыбу вы здѣсь выудили?

— А то гдѣ-же-съ? Конечно, въ рѣкѣ ея невпримѣръ больше, и крупнѣе она тамъ... Въ рѣкѣ-то даже и сомы попадаются, да только добраться до нихъ трудно... У береговъ ничего не поймашь, потому что пужлива она очень, а тутъ народъ, пароходы, лодки... опять-же и бабы съ бѣльемъ... Самый-то уловъ у острова, да только одному туда не добраться! прибавилъ онъ съ легкимъ вздохомъ.

— А вы бы съ товарищами?

Марочка насупился и выразительно выпятилъ нижнюю губу.

— Нѣтъ, ужъ я лучше одинъ. Вы здѣшнихъ мальчишекъ не знаете—озорники страшные! Я ужъ одинъ лучше, повторилъ онъ рѣшительнымъ тономъ, помолчавъ немного. — Я васъ знаю, продолжалъ онъ, оглядывая Ртищева съ ногъ до головы съ наивнымъ любопытствомъ:—вы нашъ жилецъ... Я видѣлъ, какъ вы перебирались... Я и экономку вашу, Авдотью Марковну, тоже знаю, она каждый день у мамашы... У васъ, говорятъ, очень хорошія картины по стѣнамъ развѣшены, правда?

— Зайдите посмотрѣть, если хотите.

— Мамаша не велить... она все говоритъ не докучай.

— Скажите ей, что я васъ самъ пригласилъ.

— Нѣтъ-съ, я лучше вотъ... пока лѣто, поужу... Отлично она клюетъ въ жаръ-то!

— Вы, кажется, весь день проводите за этими занятіемъ!

— Весь день. Забѣжишь домой пообѣдать или чаю выпить, да опять сюда. Весело-съ! прибавилъ онъ въ видѣ заключенія.

И, вынувъ изъ бокового кармана глухіе часы, онъ осторожно открылъ ихъ.

— Два часа,—мамаша ждетъ кушать. Прощайте-съ.

На первый разъ разговоръ этотъ и ограничился, но при слѣдующемъ свиданіи Марочка распространился о другихъ подробностяхъ. Онъ рассказалъ Ртищеву, какъ умеръ татенька, какъ вышла замужъ сестрица Ранса Петровна, какія у нея постоянныя непріятности съ мамашей изъ-за денегъ и какъ она его, Марочку, ненавидитъ и всячески опасается.

— Имъ хочется всё мамашины капиталы себѣ получить...

Надо было только дивиться опытности Марочки въ житейскихъ дѣлахъ. Ему были извѣстны до тонкости не только тѣ

подробности скандальной хроники пирожковского семейства, которая Любовь Ивановна сообщала своей приятельницѣ Авдотьѣ Марковнѣ, но также и такія тайны, о которыхъ никто въ домѣ не имѣлъ понятія. Мало-по-малу, въ перемежку съ разговорами о рыбѣ и удочкахъ, онъ сообщилъ своему новому пріятелю, что сестрицу Раису Петровну притягиваетъ въ городъ не одно желаніе видѣться съ мамашей и пускать пыль въ глаза своими туалетами губерскимъ дамамъ.

— Тутъ поляеъ одинъ есть, лихой такой, съ длинными усами! Боги у него бѣшеные-пребѣшеные... Сестрица все съ нимъ катакса.

И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ, лукаво прищуриваясь:

— Онъ съ нимъ целуются, — право, ей-богу! Я самъ видѣлъ.

— И вѣрно сейчасъ мамашѣ донесли?

Марочка съ презрительной гримаской пожалъ плечами.

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ-же-съ? пусть ихъ! Я вотъ только вамъ... потому что вѣдь вы ихъ не знаете!

Они видѣлись и разговаривали почти каждый день, и свиданія эти продолжали происходить у пруда. Марочка еще раза два отказался отъ приглашенія навѣстить Сергѣя Александровича и его квартирѣ, и этотъ послѣдній не настаивалъ. Съ наступленіемъ ненастной погоды бесѣды ихъ прекратились, но каждое утро Ртищевъ могъ видѣть изъ своего окна, какъ воспитанникъ г-жи Пирожковой, въ тепломъ пальто, поднявъ воротникъ на уши, аккуратно перевязанный пестрымъ вязаннымъ шарфомъ, нахлобучивъ фуражку на лобъ, пробирался, весь съежившись, къ пруду, съ своимъ ведромъ и удочкой. Никакая погода не могла удержать его дома: въ дождь онъ тащилъ за собою дождевой зонтикъ, весь истрепанный и распухшій отъ долгаго употребленія, и такой огромный, что издали трудно было вдругъ сообразить, кто кого тащить — Марочка-ли зонтикъ или зонтикъ Марочку.

Когда Ртищевъ увидѣлъ его въ первый разъ съ этимъ новымъ старческимъ атрибутомъ подъ мышкой, ему такъ захотѣлось посмотреѣть, какъ выглядитъ Марочка подъ зонтомъ у пруда, что, не взирая на дождь, онъ, минутъ пять спустя, накинулъ на себя пальто и отправился вслѣдъ за нимъ.

Старичокъ устроился отлично. Издали, кромѣ распущенного

зонтика, ничего не было видно; точно громадный рыжеватый грибокъ, пыжился онъ между голыми вѣтвями поддерживавшихъ его со всѣхъ сторонъ кустовъ, а подъ нимъ на большомъ камнѣ, сидѣлъ, скорчившись въ три погибели, юный рыболовъ съ неизмѣнной удочкой въ рукѣ. Малевыя его ножки по каменному утопали въ кучѣ ярко-желтыхъ листьевъ, облетѣвшихъ съ окружающихъ деревьевъ. Этотъ шумящій коверъ отлично предохранялъ отъ сырости, но только ночью его разносило вѣтромъ во всѣ стороны, и каждое утро приходилось тратить немало времени на то, чтобы снова собрать его въ кучу; но Марочка такимъ трудомъ не тяготился: онъ такъ боялся промочить себѣ ноги, что охотно отправился-бы за сухими листьями на противоположный конецъ сада, еслибъ ихъ здѣсь не оказалось въ достаточномъ количествѣ.

Рыба клевала отлично: то-и-дѣло удочка вздрагивала въ пошинѣвшей отъ холода и напряженія ручонкѣ, вскидывалась вверхъ, и ведро быстро наполнялось плотвой, мелкими карасями и тому подобной дрянью.

Марочка услышала за собою шаги Ртищева, но оборачиваться нельзя было: при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи импровизированный навѣсъ, подъ которымъ онъ пріютился, могъ опрокинуться, да и шорохъ листьевъ спугнулъ-бы рыбу... Марочка дружески кивнулъ головою посетителю уже тогда, когда Сергій Александровичъ подошелъ совсѣмъ близко и, нагнувшись, заглянулъ ему подъ зонтъ.

— Въонъ сколько наклюнулось! проговорилъ мальчишкѣ, указывая движеніемъ подбородка въ ту сторону, гдѣ стояло ведро.

Но сегодня Ртищевъ отнесся къ рыболовству критически.

— Зачѣмъ вамъ эта гадость? И какъ вамъ не надоѣсть торчать цѣлый день у этого болота?

Марочка имѣлъ привычку благоразумно отмалчиваться на подобныя непріятныя замѣчанія; только губы его сжимались еще плотнѣе, а въ глазахъ появлялось выраженіе такого упорства, что у непрошенныхъ совѣтчиковъ отпадала охота настаивать.

Однако, на этотъ разъ Ртищевъ тоже заупрямился.

— Пора-бы вамъ эти глупости бросить, — вѣдь вы не вѣленькій.

Онъ сѣлъ на полусгнившій срубъ стараго дуба, чернѣвшій въ

друзь шагахъ отъ марочкинаго гнѣзда, закурилъ сигару и продолжалъ:

— Вы, я думаю, даже и читать порядкомъ не умѣете?

Марочка ничего не отвѣчалъ; онъ повернулся къ нему спиной и усердно рылся въ банкѣ съ червями. Насколько ему былъ неприятенъ затѣянный разговоръ, можно было догадаться только по вздергиванью его плечъ да по насупленнымъ бровямъ.

Молчаніе это начало выводить Ртищева изъ терпѣнія.

— Я съ вами говорю, г. Пирожковъ. Извольте отвѣчать, умѣете вы читать? проговорилъ онъ раздражительно.

— Да вамъ что-же-съ? сердито огрызнулся Марочка.—Я васъ не трогаю-съ!

— Еще-бы вы меня трогали!

Онъ показался ему въ эту минуту такимъ ндіотомъ, что мысль отказать отъ общанія, даннаго наканунѣ Авдотѣ Марковнѣ, настойчиво замелькала въ головѣ Ртищева. Однако, онъ не поддавался этому искушенію и продолжалъ:

— Бросьте вашу удочку и выслушайте меня внимательно.

Слова эти были произнесены такъ строго, что ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ повиноваться. Марочка отложилъ въ сторону удочку, съ покорнымъ видомъ опустилъ руки на колѣни и устремилъ пристальный взглядъ на Ртищева. Во взглядѣ этомъ выразилась тревога пойманнаго звѣрька, выжидающаго удобнаго случая дать стрекача въ кусты.

Дождь кончился, и вѣтеръ, поднявшійся съ юго-востока, такъ быстро началъ разметывать по небу грязно-сѣрыя клочки облаковъ, что мѣстами оно совсѣмъ прояснилось. Одна только туча, заволакивающая солнце, не расплывалась, а съ каждымъ порывомъ вѣтра свивалась все гуще и гуще въ черную, густую массу, окрашенную по краямъ желтымъ блескомъ; но вдругъ солнце вышло изъ-за этой тучки и золотые лучи его рассыпались во всѣ стороны, въ одно мгновеніе окрасили они всевозможными оттѣнками пурпура еще неслетѣвшую съ деревьевъ листву, засверкали струями въ плесени пруда, заблестали во всѣхъ лужицахъ, вылились въ марочкино ведро съ рыбой... Какъ-будто дожидаясь только этого момента, по небу съ пронзительнымъ крикомъ пролетѣла запоздалая стая журавлей...

Марочка, воспользовавшись тѣмъ, что Ртищевъ засмотрѣлся на

этихъ журавлей, выдѣвъ изъ-подъ зонта, выпуталъ его изъ вѣтвей, бережно свернулъ и приставилъ къ дереву.

— Должно быть, дожда сегодня больше не будетъ, проговорилъ онъ съ озабоченнымъ видомъ человѣка, у котораго всѣ планы разстроились отъ непредвидѣнной случайности. — А какъ она славно клевала въ дождь-то! прибавилъ онъ со вздохомъ. — Въ непогоду она точно дурѣеть, такъ и лѣзетъ на удочку, такъ и лѣзетъ!

Сергѣй Александровичъ вышелъ изъ себя:

— Это, чертъ знаетъ, что такое! Вы, кажется, совсѣмъ пошпаны на рыбѣ! Неужели вамъ даже на минуту нельзя отвѣчь мысли отъ вашей глупой страсти? закричалъ онъ.

Но удивленный взглядъ Марочки заставилъ его опомниться и онъ продолжалъ болѣе мягкимъ тономъ:

— Скажите, неужели вамъ никогда не хочется погулять, вотъ хотя-бы въ той рощѣ, что виднѣется за рѣчкой? Я былъ тамъ, сколько въ ней бѣлокъ, птицъ, — вы представить себѣ не можете! Почему не катаетесь вы въ лодкѣ съ дѣтьми вашихъ лѣтъ, не бѣгаете съ ними, не играете? Неужели вамъ не хочется учиться, знать то, что другіе мальчики вашихъ лѣтъ знаютъ?

Марочка покачалъ головой.

— Нѣтъ-съ, мнѣ былъ-бы прудъ да рыба... Мнѣ больше ничего не надо. Я тутъ готовъ съ самаго утра...

Ртищевъ не далъ ему договорить. Порой, онъ чувствовалъ такое отвращеніе къ этому маньяку-ребенку и такое непреодолимое желаніе отколотить его, что ему немалого труда стоило сдерживаться съ нимъ въ границахъ приличія.

— Ну, а зимой, когда прудъ замерзнетъ, чѣмъ вы тогда занимаетесь? спросилъ онъ съ злой усмѣшкой.

Мальчишъ оживился.

— Зимой? Да зимой еще лучше! Вотъ видите, тамъ есть одно мѣсто, указалъ онъ на противоположную сторону пруда, — лѣтъ тамъ тонкій... Просверлишь чѣмъ-нибудь, кочергой или другимъ чѣмъ, дыру въ немъ, и тутъ ужъ рыба ловится совсѣмъ легко, чѣмъ ни попало, мѣшкомъ, сѣткой и даже руками... Я разъ, во-о-отъ какую щуку поймалъ изъ-подъ льда-то!

— Ну-съ, а въ нынѣшнемъ году вы ужъ никакой щуки не поймаете, за это я вамъ ручаюсь, поддразнилъ его Ртищевъ.

— Почему-же-съ? Прудъ никуда не уйдетъ.

— Прудъ-то не уйдетъ, да вы отъ него уйдете. Мамаша мнѣ просила меня похлопотать о томъ, чтобы васъ помѣстили въ гимназію, и я сегодня-же займусь этимъ.

Онъ не опускалъ глазъ съ ребенка, и ему показалось, будто Марочка даже поблѣднѣла при этомъ заявленіи. Нѣсколько мгновѣній смотрѣлъ Марочка на него пристальнымъ, растеряннымъ взглядомъ, потомъ часто-часто заморгалъ и проговорилъ измѣнившимся голосомъ:

— Это вы напрасно-съ, — меня все равно оттуда выключать...

— Почему-же такъ? Развѣ вы не хотите учиться?

— У меня къ ученію нѣтъ никакого понятія, право-съ... Спросите у Андрея Егоровича, и тотъ вамъ скажетъ.

— Вѣо это Андрей Егоровичъ?

— А вотъ, тотъ учитель, что читать меня выучилъ.

— Однакожь, выучилъ-же онъ васъ читать?

Марочка промолчала. Лицо его оставалось все также неподвижно, но въ глазахъ начали наворачиваться слезы, большія, крупныя слезы... Онъ, кажется, и не чувствовалъ, какъ онѣ выкатывались изъ глазъ и скользили по его худымъ, блѣднымъ щекамъ, и продолжалъ болѣзненно смотрѣть въ ту сторону, гдѣ стояло ведро съ плескавшей въ немъ рыбой.

Ртищеву стало жаль его.

— Послушайте, началъ онъ, ласково дотрогиваясь до его плеча, — это вы дурь на себя напускаете, вотъ и все. Надо быть молодцомъ, вы вовсе не глупый мальчишка и, какъ всякій другой, можете учиться, стоять только захотѣть...

— Да я не хочу-съ, чистосердечно сознался Марочка.

— Нельзя такъ говорить, надо разсуждать... О чемъ думаете вы, сидя по цѣлымъ днямъ у этого пруда?

— О чемъ мнѣ думать? Конечно, о рыбѣ! Я и дома только о ней думаю, и во снѣ она мнѣ каждую ночь грезится...

„Идіотъ!“ мелькнуло въ головѣ Ртищева.

— Однако, вы-же выучились читать? прибавилъ онъ вслухъ.

— Я и писать умѣю, но только это меня нѣсколько не занимаетъ, возразилъ Марочка. — Зимой, когда ночи такія длинныя... Ужь онъ тянется-тянется, вечеръ-то!

— Ну, вотъ въ такіе вечера отлично читать. У васъ есть книги?

Но Марочка, не обращая вниманія на эти перерывы, продолжалъ досказывать свою мысль, или, лучше сказать, преслѣдовать воспоминанія, пробудившіяся въ его мозгу. Онъ говорилъ, устремивъ разсѣянный взглядъ въ пространство и ни къ кому собственно не обращаясь.

— Зимой, при свѣчкахъ, когда спать еще рано, и всѣмъ дѣлать нечего, скучно знаете, мамаша меня плясать заставляетъ... Что-жь, я пляшу! Меня это вовсе не занимаетъ, но имъ весело. онѣ смѣются... Марья Яковлевна тоже смѣется... Вы знаете Марью Яковлевну? Она у сестрицы Райсы Петровны въ гувернанткахъ жила, а теперь въ деревнѣ за хозяйствомъ присматриваетъ, а зимой здѣсь... Она тоже, какъ заскучаетъ, такъ сейчасъ: попляши, Марочка! Ну, и пляшешь, а чтобы весело было, — нѣтъ! Я лучше люблю сѣсть въ уголокъ, зажмуриться, да объ рыбѣ думать... Прежде у меня другія мысли бывали: начнешь, бывало, представлять себѣ, какая такая вавилонская башня была, что до неба доставала, или страшное что-нибудь, про чертей, про лѣшихъ, или вотъ опять, какъ тятеньку въ гробу черви точать... А теперь я все только о рыбѣ думаю...

— Совѣтую вамъ приняться серьезно за занятія, перебилъ его Ртищевъ, — а то сестрица увезетъ васъ съ собой въ Москву, а тамъ съ вами церемониться не стануть.

Марочка съ тревожной пытливостью заглянулъ ему въ глаза.

— Мамаша меня не отпустить...

— Не рассчитывайте на это; когда всѣ пристануть, такъ и мамаша уступитъ, — ей тоже не очень лестно видѣть, что вы дуравомъ растете.

Марочка на это ничего не возражалъ.

Вечеромъ того-же дня Ртищевъ отправился къ г-жѣ Прозковой и напрямикъ объявилъ ей, что давно пора отвлечь ея пріемнаго сына отъ той отупляющей созерцательной жизни, которую онъ ведетъ у пруда.

— Онъ скоро совсѣмъ идиотомъ сдѣлается — я наблюдалъ за нимъ все лѣто — онъ замѣтно поглупѣлъ, даже за эти послѣдніе два мѣсяца; если вы упустите еще съ годъ времени, онъ у васъ на всю жизнь рыболовомъ останется.

— Да какъ-же, батюшка, какъ-же быть-то? охала на всѣхъ Любовь Ивановна.

Она и сама замѣчала, что Марочка съ лѣтами глупѣетъ, да и Раиса Петровна постоянно смѣялась надъ бессмысленнымъ выраженіемъ его лица и глупыми, разсѣянными отвѣтами, а теперь вотъ совершенно-посторонній человѣкъ повторяетъ ей, безъ всякихъ церемоній и обиняковъ, что изъ ея возлюбленнаго мальчика какой-то юродивый выйдетъ, если она не посадитъ его за книги. Любовь Ивановна слушала Ртищева съ напряженнымъ вниманіемъ, широко выпуча глаза и всѣми силами стараясь постигнуть смыслъ его словъ, а онъ до того увлекся, что пустился-было развивать во всѣхъ подробностяхъ тотъ планъ воспитанія, который, по его мнѣнію, слѣдовало примѣнить къ такому уже немножко тронутому субъекту, какъ Марочка; но, замѣтивъ тоскливо-недоумѣвающее выраженіе на лицѣ своей слушательницы, онъ оборвалъ свою рѣчь на полу-словѣ и въ короткихъ словахъ объяснилъ, что Марочку надо отдать въ гимназію, окружить дѣтми его лѣтъ и вѣтъ ему гувернера, который, въ свободное отъ занятій время, не давалъ-бы ему задумываться о рыбной ловлѣ.

Любовь Ивановна на все согласилась и, дней десять спустя, выдержавъ довольно удовлетворительно пріемный экзамень, Марочка поступилъ въ первый классъ гимназіи.

Распорядившись такимъ безцеремоннымъ образомъ судьбою Марка Пирожкова, Ртищевъ началъ чувствовать къ нему такого рода интересъ, который до сихъ поръ ему еще ни къ кому не приходилось чувствовать. Подходящаго гувернера въ городѣ не отыскивалось, а противъ предложенія обратиться за этимъ къ Раичкѣ въ Москву Сергѣй Александровичъ такъ возсталъ, что Любовь Ивановна дала себѣ слово никогда при немъ не заикаться объ этомъ.

Онъ приказалъ Марочкѣ каждый день являться къ нему по возвращеніи изъ гимназіи, засаживалъ его у себя готовить уроки къ слѣдующему дню и просматривалъ его баллы.

Когда баллы были плохи, Ртищевъ очень злился. Онъ заставлялъ Марочку повторять латинскія склоненія и декламировать „Larus et opiliones“ или „Formica et columba“ до тѣхъ поръ, пока не выходило отлично, серьезно грозя выдрать его за уши при малѣйшей ошибкѣ.

Правда, что угрозу эту онъ еще ни разу не приводилъ въ

исполненіе, по единственно только потому, что старческій видъ Марочки внушалъ вѣсьмъ, а также и ему, извѣстнаго рода уваженіе къ его умственнымъ немощамъ.

— Какъ только что онъ сдѣлается ребенкомъ, я непременно его выпорю, съ наслажденіемъ повторалъ себѣ Ртищевъ.

Ему казалось, что гимназія непременно излечитъ Марочку отъ преждевременной старости, и, когда этотъ послѣдній возвращался домой съ подбитымъ глазомъ или въ разорванной курткѣ, онъ этому точно такъ-же радовался, какъ радуется изобрѣтатель, отмѣчая признаки удающагося эксперимента.

— Какъ васъ били? За что? Что вы отвѣтили? Какъ защищались? допрашивалъ онъ своего воспитанника.

Марочка очень подробно и съ большимъ достоинствомъ отвѣчалъ на эти вопросы, ни мало не удивляясь имъ и не возмущаясь злорадному тону, съ которыми они ему предлагались.

— Всего хуже то, что слушать учителя не дають и все по головѣ норовятъ, — оглушили совѣсьмъ, замѣчалъ онъ очень резво.

— А вамъ-бы тоже отдуть ихъ хорошенько, совѣтовалъ Ртищевъ.

— Зачѣмъ-же-съ? Отъ этого легче не будетъ. Да и нельзя: ихъ много, а я одинъ. Лучше смолчать и отойти, — скорѣй отстать, а ужъ сколько разъ испытать.

„Вѣчно старичкомъ останется“, съ досадой думалъ Ртищевъ.

И мысль эта такъ его заботила, что часто не давала ему заснуть и портила ему аппетитъ.

Но еслибы кому-нибудь вздумалось замѣтить Сергѣю Александровичу, что чувство его къ Марочкѣ на всѣхъ извѣстныхъ явкахъ называется *привязанностью*, замѣчаніе это заставило-бы его громко расхохотаться.

Онъ былъ искренне убѣжденъ, что ни къ кому въ мірѣ не можетъ привязаться, что жизнь въ З — скѣ для него нѣчто вродѣ ссылки; во всѣхъ своихъ письмахъ онъ жаловался на скуку и дѣятельно хлопоталъ о томъ, чтобъ его перевели въ другое мѣсто, куда именно — все равно; ему казалось, что хуже, чѣмъ здѣсь, нигдѣ быть не можетъ. Еслибы не было здѣсь Петра Степановича да Марочки, да такой отличной музыкантши, какъ Ксаверія Миленская, Ртищевъ давно-бы сошелъ съума или повѣсилъ отъ тоски.

Н. Северинъ.

(Продолженіе будетъ.)

КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДЕМОНИЗМА.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ.)

Людодство составляет одну изъ выдающихся страницъ въ исторіи чертовщины; начиная отъ простаго калибальства и проходимъ самыя разнообразныя формы развитія—до утонченныхъ уголовныхъ кодексовъ, оно, какъ мы уже замѣтили, оставило свои слѣды въ нашихъ современныхъ учрежденіяхъ и нравахъ. Посмотримъ, какъ варьировалось оно у различныхъ народовъ.

Въ бассейнѣ Средиземнаго моря, финикіане и карфагеняне, до окончательнаго своего исчезновенія съ исторической сцены, приносили человѣческія жертвы преимущественно богу времени Молоху и Мелькарту, но также и другимъ *б'елимъ* и *баолимъ*, т. е. богамъ и богинямъ. Евсевій рассказываетъ, что въ Карфагѣ была устроена мѣдная статуя Мелькарта (Хроноса) съ поднятыми вверхъ руками. На нихъ клали дѣтей, которыя скользили во внутренность колосса, раскаленную, какъ огненная печь. Върущіе плясали вокругъ, радуясь, что кумиръ пожираетъ предложенныя ему жертвы. Неистовая музыка заглушала крикъ живого сжигаемыхъ дѣтей, родителямъ которыхъ запрещалось выкликать ихъ смерть подѣ страхомъ ужасныхъ казней. Впрочемъ, для этой цѣли карфагеняне покупали также чужихъ дѣтей. Жертвоприношенія Мелькарту имѣли періодическій характеръ; но рядомъ съ ними существовали и другіе людодскіе обряды, сопровождавшіеся сжиганіемъ или избіеніемъ взрослыхъ, военнопленныхъ, рабовъ и т. п. Во время битвы съ Гелонами

Сиравузскимъ, Гамильбаръ жегъ съ утра до вечера живыхъ людей; увидѣвъ, что непріятель одолеваетъ, онъ самъ бросился въ огонь, чтобы этою добровольною жертвою купить побѣду своимъ соотечественникамъ. Когда Агафокль подступилъ къ стѣнамъ Карфагена, то побѣжденные сожгли 200 живыхъ дѣтей въ помянутой статуѣ Мелькарта. Убѣдившись, что это не даетъ нѣ побѣды, они прибавили еще 300. Все это дѣлалось уже въ такое время, когда они совершенно отвыкли собственно отъ людоедства, т. е. отъ пожирания человѣческаго тѣла, но собирали кусочки костей и носили ихъ, какъ талисманы, или устранивали алтари изъ этихъ костей. Обычай собирать кости казненныхъ или убитыхъ удержался до сихъ поръ въ южныхъ мѣстностяхъ Европы.

Въ Египтѣ, не считая мистерій Озириса и Изиды, продолжавшихся потомъ въ Греціи и въ Италии подъ разными названіями въ храмѣ Гелиополиса ежедневно жгли живемъ трехъ младенцевъ. Когда Амазисъ прогналъ Гиксовъ, то онъ приказалъ замѣнить эти человѣческія жертвоприношенія сжиганіемъ трехъ восковыхъ свѣчей, такъ-какъ богамъ все равно, „какія-бы три жизни сжигались въ ихъ честь, а восковая свѣча такъ-же чиста, какъ и непорочный младенецъ“. Подобная символика составляетъ всемістный законъ, но законъ этотъ можетъ дѣйствовать различными путями. Эдв. Тайлоръ, коснувшись вскользь этого вопроса во 2-мъ томѣ своей „Primitive culture“, даетъ намъ нѣсколько небезынтересныхъ указаній по этому поводу. Но все-же человѣческія жертвоприношенія не прекратились у египтянъ со временъ Амазиса: Ювеналь упрекаетъ ихъ не только въ томъ, что они въ его время отдавали живыхъ людей на пожраніе своимъ богамъ, но и въ томъ, что они сами ѣли мясо и пили кровь этихъ жертвъ. Даже во время завоеванія Египта Абд-эль-Азисомъ при халифѣ Омарѣ, египтяне ежегодно приносили въ жертву Нилу непорочную дѣву; но мусульманскіе завоеватели заставили ихъ замѣнить въ этомъ обрядѣ живую дѣвушку папирусовымъ или пальмовымъ листомъ.

Греки завѣщали позднѣйшимъ европейскимъ народамъ кровавое наследіе человѣческихъ жертвъ, которыя до очень близкаго къ христіанской эрѣ времени приносились у нихъ повсемѣстно въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. На греческихъ островахъ мы встрѣчаемъ многіе изъ людоедскихъ обрядовъ финикіянъ, барфа-

гегялъ и египтянъ во всей ихъ чистотѣ; мало-по-малу они начинаютъ тамъ видоизмѣняться и приспособляться къ арійскимъ мифологическимъ возрѣніямъ и легендамъ. Такъ, напримѣръ, на Тенедосѣ господствовалъ уже описанный выше обычай жечь живыхъ дѣтей въ статуѣ Мелькарта. На Саламинѣ, котораго имя происходитъ отъ финикійскаго и вмѣстѣ арабскаго слова *селямъ* (миръ, благословеніе), человѣческія жертвы приносились по финикійскому обряду въ честь Бекропса; потомъ обрядъ этотъ измѣнился и превратился въ кровавую мистерію Діонизоса, справлявшуюся по неизвѣстнымъ мнѣ соображеніямъ во храмѣ богини мудрости Минервы, между тѣмъ какъ, вообще говоря, культъ Діонизоса въ классическомъ мірѣ переродился въ культъ Бахуса, бога вина. Впрочемъ, человѣческія жертвоприношенія въ Греціи и на островахъ оставались до конца тѣсно связанными со многими другими туземными или извнѣ заимствованными мифами и легендами. Семитическій богъ времени, превратившись въ греческаго Хроноса, продолжалъ питаться живыми людьми, но только уже не требовалъ непременно невинныхъ дѣтей, а довольствовался осужденными на смерть преступниками, военнопленными и рабами. Особеннымъ обиліемъ человѣческихъ жертвоприношеній отличался культъ богини Артемизы, считавшейся покровительницей фокейцевъ. Очевидно фокейцы же занесли этотъ культъ и во Францію, гдѣ онъ долго еще справлялся въ нынѣшней Марсели. Культъ Артемизы удержался, впрочемъ, въ большей части эллинской конфедерации. Богатые и просвѣщенные Афины не щадили издержекъ для того, чтобы на іонійскихъ празднествахъ принести какъ можно больше жертвъ этой кровожадной богинѣ. Если не хватало преступниковъ и рабовъ, то они ловили нищихъ: существовало даже обыкновеніе вербовать охотниковъ на эту ужасную роль. Условія того времени, столь опоэтизированнаго позднѣйшими классиками, были таковы, что охотники находились постоянно и вовсе не изъ религіознаго фанатизма, а просто потому, что этихъ кандидатовъ откармливали и холили при храмѣ на общественный счетъ въ ожиданіи ближайшихъ праздниковъ. Только суровая Спарта, сберегавшая своихъ сыновъ для избіенія ихъ на поляхъ битвъ, рано (утверждаютъ, будто-бы со временъ Лиурга) запретила у себя человѣческія жертвоприношенія Артемизѣ. Чтобы утолять жажду богини, передавшей свое имя полынни (такъ

горька была она своимъ поклонникамъ), алтарь Артемизы, Orthia въ Спартѣ, постоянно долженъ былъ быть смачиваемъ человѣческой кровью; для этого у подножія статуи богини истязали эфобовъ, а также съ утра до ночи сѣкли дѣтей. Этотъ послѣдній обычай существовалъ также и въ Аркадіи, гдѣ, впрочемъ, въ то же самое время приносились и человѣческія жертвы Артемизѣ Ортузіи. Аркадія вообще славилась свирѣпыми обрядами и дикими суевѣріями, изъ которыхъ нѣкоторые долго жили потомъ въ христіанской Европѣ, а отчасти живутъ въ ней и теперь. Съ наибольшою жестокостію культъ Артемизы практиковался въ греческихъ колоніяхъ на Черномъ морѣ. Въ Тавридѣ ей приносились въ жертву спасенные отъ кораблекрушеній, а за неимѣніемъ ихъ, и путешественники вообще. Обряды въ честь Зевса Laphystios, въ честь Тантала и самого лучезарнаго Аполлона сопровождались также человѣческими жертвоприношеніями, при которыхъ жертвы нерѣдко бывали живыми разрываемы на части, которыя сѣдлались поклонниками въ изувѣрскомъ возбужденіи. Фемистоклъ собственноручно закалывалъ плѣнниковъ, обрѣченныхъ богамъ. Александръ Македонскій дома приносилъ человѣческія жертвы духу отца своего Филиппа, а своими походами и побѣдами пропагандировалъ суевѣрное людоѣдство у персовъ, которые въ его время уже успѣли отдѣлаться отъ этихъ варварскихъ обычаевъ.

Въ разныя времена въ Греціи были дѣлаемы попытки замѣнить человѣческія жертвы животными или символическими изображеніями. На Тенедосѣ мало-по-малу установился обычай вмѣсто дѣтей убивать въ честь Хроноса телятъ. Но попытки эти не удавались, и классическіе эллины рѣшительно не соглашались довольствоваться символическими или иными уподобленіями человѣческихъ жертвъ. Если вѣрить преданію, то Орфей, задумавшій прекратить человѣческія жертвоприношенія во Фракіи, самъ былъ принесенъ въ жертву богамъ. Когда Агезилай принесъ въ жертву Діанѣ курицу, вмѣсто женщины, то народъ возмутился, говоря, что богиня любитъ не птичью, а людскую кровь. Въ послѣдніе вѣка западной имперіи, греческіе колдуны и колдуньи, особенно изъ Фессалии, наводняли всю просвѣщенную Европу и учили тамошніе народы, подъ видомъ волшебства и чернокнижія, обрядамъ, представлявшимъ какое-нибудь видоизмѣненіе суевѣрно-людскихъ обрядовъ, невошедшихъ въ официальные обычай.

Впрочемъ, на итальянскихъ островахъ почти повсемѣстно господствовали карфагенскія, финикійскія или египетскія чловѣческія жертвоприношенія съ незначительными измѣненіями обстановки. Такъ, напримѣръ, въ Агригентѣ въ Сициліи, вмѣсто мѣдной статуи Мелькарта, стоялъ на площади мѣдный быкъ, въ которомъ зарились жертвы, отдаваемые на пожраніе богу времени. Толпа съ дикими ликованиями слушала мычаніе этого раскаленного мѣднаго чудовища, т. е. дикій вопль сжигаемыхъ людей, раздававшійся изъ мѣдной пасти быка. Если правъ Гоголь, утверждающій, что еще въ XVII-мъ столѣтіи поляки въ Варшавѣ точно такимъ-же образомъ истязали мятежныхъ хлопковъ и плѣнныхъ казаковъ, то это представить намъ довольно замѣчательный примѣръ того, какъ живучи подобныя безобразія, и какъ они способны передаваться даже отдаленнымъ народамъ совершенно неизвѣстными намъ путями. Но, во всякомъ случаѣ, примѣръ этотъ нельзя считать ни левѣроутнымъ, ни даже особенно рѣдкимъ и исключительнымъ, такъ-какъ случаи подобной передачи языческихъ обрядовъ и обычаевъ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ и народамъ встрѣчаются на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, совершенно доказано, что тонзура католическихъ поповъ, т. е. ихъ обычай брить себѣ волосы на макушкѣ, заимствованъ ими у египетскихъ жрецовъ. Самюэль Шарль въ своей „Egyptian Mythology“ утверждаетъ, что англиканскіе пасторы точно также заимствовали у египтянъ обыкновеніе совершать церковную службу не иначе, какъ непременно въ льняной одеждѣ. Во всей Франціи, Швейцаріи, и отчасти въ Англіи, распространено обыкновеніе въ праздники Крещенія подавать къ столу сладкій пирогъ, въ которомъ запечень бобъ. Тотъ или та, кому попадется кусочекъ пирога съ этимъ бобомъ, провозглашается королемъ или королевою на цѣлый вечеръ. Исслѣдуя происхожденіе этого своеобразнаго обычая, доискались, что у римскихъ цезарей и патриціевъ послѣдняго времени подобный-же пирогъ употреблялся для азартной игры, и что римляне, въ свою очередь, заимствовали его у египетскихъ жрецовъ, которые дѣлили между собою этотъ пирогъ въ торжественномъ собраніи вскорѣ послѣ праздника зимняго солнцестоянія, совпадавшаго съ нашимъ Рождествомъ, но только они несутя повышали въ высшій чинъ того, кому попадался завѣтный бобъ. Такимъ образомъ, обрядъ тотъ, у римлянъ совершенно отклонившійся отъ своего первоначальнаго значенія.

чальнаго значенія, теперь снова приблизился къ нему, несмотря на то, что изъ ста человѣкъ, ежегодно участвующихъ въ дѣлѣхъ этого „пирога королей“ (gâteau des rois), едва-ли даже одинъ подозрѣваетъ, что эта невинная забава представляетъ замѣчательный примѣръ атавизма. Я выбралъ примѣръ на-удачу и очень радъ, что попалъ на полудѣтскую забаву, а не на какой-нибудь кровавый ужасъ, которыхъ въ нашемъ прошломъ встрѣчается, однакожь, гораздо больше, чѣмъ невинныхъ забавъ. Къ тому-же все то, что дѣйствуетъ потрясающимъ образомъ на нервы, что переполняетъ насъ ужасомъ или трепетомъ, обыкновенно и вполне естественно обазывается гораздо живучѣе дѣтскихъ шалостей.

Италія, по отношенію къ человѣческимъ жертвоприношеніямъ, вышедшимъ изъ людоедства, представляетъ много своеобразнаго и поучительнаго. Первоначальный мѣстный плебейскій культъ чудовищнаго Какка утратилъ въ ней свой людоедскій характеръ еще въ доисторическія времена. Вмѣсто живыхъ людей италіоты стали приносить въ жертву пещерному чудовищу вылѣпленна изъ воска куклы или отдѣльные члены человѣческаго тѣла. По преданію, ихъ научилъ этому Гераклесъ. Во всякомъ случаѣ, сомнѣнію здѣсь можно подвергать только имя или, пожалуй, даже самое существованіе мифическаго реформатора. Но едва освободившись отъ ненужныхъ кровопролитій, съ которыми было связано поклоненіе Какку и его женѣ Каккѣ (имена эти до сихъ поръ остались въ римскихъ языкахъ не въ первоначальномъ смыслѣ зла, а въ смыслѣ всего вонючаго, отвратительнаго), римляне встрѣтились съ арійскимъ божествомъ Diaus Pyter (небо-отецъ) или Юпитеромъ, имѣвшимъ съ Нумой Помпилиемъ нижеслѣдующій назидательный разговоръ:

— Чтобы почтить меня, ты долженъ рубить головы, — этого требуетъ Громовержець.

— Маковья, доказываетъ находчивый царь, подученный нимфомъ Эгерією, „принимавшею его за мужа“.

— У человѣка ты долженъ отрѣзать для меня... наставляетъ Зевесъ.

— ...Волосъ, прерываетъ его Нума Помпилій.

— Я требую жизни!

— Рыбьихъ, досказываетъ царь и бѣжить прочь, чтобы не

дать грозному божеству высказать свои людоедскія требованія въ болѣе категорической формѣ.

Въ началѣ своего историческаго поприща римляне являются уже на той степени культуры, когда символика употребляет-ся вмѣсто простаго людоедства. Вмѣсто людскихъ головъ, они, дѣйствительно, приносятъ въ жертву своимъ богамъ головы маковья или луковицы, вмѣсто живыхъ людей, они бросаютъ въ Тибръ куклы и т. п. Конечно, эти обряды свидѣлствуютъ достаточно о томъ, что они въ предыдущемъ періодѣ были почитателями человѣческихъ жертвоприношеній. Эти послѣднія не исчезли у нихъ никогда, но имѣли характеръ неправильный, и даже назывались *sacrificia aliquot extraordinaria*. Изъ историческихъ учебниковъ вы всё очень хорошо знаете нѣсколько примѣровъ доблестныхъ римлянъ, добровольно приносившихъ себя въ жертву земнымъ богамъ съ лошадыю и доспѣхами, т. е. бросавшихся въ пропасть. Никому не придетъ въ голову жертвовать собою, если отъ этого онъ не предвидитъ рѣшительно никакой пользы, по крайней мѣрѣ, для другихъ; а слѣдовательно римляне и въ золотые годы республики считали своихъ боговъ склонными полакомиться человѣчиной; но только они не баловали ихъ такъ, какъ ихъ балуютъ другіе европейскіе, азіатскіе и африканскіе сосѣди. Впрочемъ, человѣческія жертвоприношенія, хотя и рѣдко, но бывали въ Римѣ, и притомъ далеко не всегда добровольныя. Всѣ они предназначались неизмѣнно земнымъ богамъ и отождествлялись съ казнями: весталку, потерявшую дѣвственность или давшую угаснуть священному огню, зарывали живьемъ въ землю; уличеннаго политическаго преступника низвергали съ знаменитой Тарпейской скалы. Только если не было ^{подъ} рукою виновныхъ, а обществу грозила какая-нибудь бѣда, моровая язва или непріятельское нашествіе, рѣшались точно такой-же участи подвергать невинныхъ рабовъ и плѣнниковъ. Мѣстомъ такихъ жертвоприношеній служилъ тотъ-же *forum bovarium*, на которомъ совершались обычные казни.

Въ противоположность всѣмъ другимъ извѣстнымъ народамъ, римляне, вмѣсто того, чтобы освобождаться отъ этихъ остатковъ суетнаго людоедства, съ дальнѣйшимъ развитіемъ своей исторіи, почти съ каждымъ новымъ завоеваніемъ обогащаютъ свой канибальскій пантеонъ заимствованіями, дѣлаемыми ими у побѣжден-

ныхъ варваровъ. Къ концу республики они уже справляютъ человѣческія жертвоприношенія карфагенянь въ честь Мелькарта-Сатурна, греческія — въ честь Зевса Latīages'a, не считая множества другихъ, неизмѣвшихъ, кажется, общенароднаго характера. За 186 лѣтъ до Р. X. знаменитый процессъ вакхановъ обнаружилъ, что въ Римѣ тайнымъ образомъ распространилась въ ужасающихъ размѣрахъ секта поклонниковъ Вахха-Діонизоса, которая по почамъ, въ рошѣ Семелы на берегу Тибра, праздновала кровавую мистерію титана Діонизоса. Юноши и женщины стекались голы и предавались въ бѣшеномъ экстазѣ всѣмъ утонченнѣйшимъ извращеніямъ половой любви. Тотъ, кто отставалъ отъ другихъ въ этомъ сладострастномъ неистовствѣ, объявлялся Діонизосомъ. Главная жрица указывала на него, какъ на бога, непощадившаго собственнаго тѣла, чтобы создать міръ, и приглашала ликующихъ умыться его кровью, которая омоетъ ихъ отъ всѣхъ грѣховъ, совершенныхъ ими въ эту ночь или прежде. Несчастнаго разрывали на куски и, дѣйствительно, сѣдали или топили въ рѣкѣ, распространяя слухъ, будто-бы его похитилъ Бахусъ. Сенатъ, по тщательномъ изслѣдованіи этого дѣла, осудилъ этихъ сектаторовъ на страшныя казни.

Но вскорѣ взгляды римскихъ властей и судовъ на подобное сектаторство измѣнились радикально. Изъ помянутаго выше сочиненія Бесака я заимствую слѣдующій рассказъ: трибунъ Фимбрія задумалъ почтить похороны диктатора Марія человѣческою жертвою и избралъ для этого самого великаго первосвященника Сцевола, къ которому питалъ личную ненависть. Сцевола былъ привлеченъ къ праху Марія и убитъ кинжаломъ въ грудь по обряду, успѣвшему уже установиться для подобныхъ жертвоприношеній, которыхъ, однакожъ, въ древнемъ Римѣ мы не находимъ слѣда. Ударъ былъ несмертельный, и Сцевола начиналъ выздоравливать, когда Фимбрія потребовалъ его къ суду, обвиняя его въ томъ, что онъ ненадлежащимъ образомъ принялъ ударъ. Судъ приговорилъ первосвященника къ смерти, найдя, что его положеніе то-же жественно съ положеніемъ побѣжденнаго гладіатора, который-бы не далъ себя убить. Сцевола поволокли въ храмъ Весты и разтерзали легальнымъ образомъ у подножія алтаря.

При цезаряхъ, начиная съ Юлія, который учредилъ человѣческія жертвоприношенія въ своихъ легіонахъ, суевѣрное людоѣдство въ

Римъ достигло такихъ размѣровъ, которыхъ мы не находимъ нигдѣ, ни даже въ Мехикѣ съ ея чудовищнымъ культомъ Виццлудли. Едва-ли не каждый преемникъ Августа обогащалъ какими-нибудь новымъ представленіемъ этотъ кровавый репертуаръ, въ которомъ всѣ ужасы канибальскихъ мистерій, испанскихъ бычачьихъ боевъ и инквизиціонныхъ застѣнковъ смѣшались въ одинъ кровавый хаосъ...

И этотъ-то Римъ до сихъ поръ еще остается школою, гдѣ западно-европейскія государства не перестаютъ поучаться правосудію и гражданственности.

Сонъ и смерть, даже для передовыхъ и просвѣщеннѣйшихъ мыслителей нашего времени, представляютъ еще слишкомъ много загадочнаго, неразъясненнаго съ достоюлжною ясностью и полнотою. А, между тѣмъ, эти два явленія, нѣсколько сходныя между собою по внѣшности, весьма естественно должны были обращать на себя вниманіе людей уже на тѣхъ раннихъ ступеняхъ ихъ умственнаго и культурнаго развитія, когда для нихъ рѣшительно невозможны не только раціональные отвѣты на интересующіе ихъ вопросы, но невозможна, даже сколько-нибудь сообразная съ современнымъ представленіемъ о раціональности, постановка этихъ вопросовъ. Неудивительно, слѣдовательно, что несообразныя съ дѣйствительностью представленія о снѣ и смерти играютъ чрезвычайно важную роль въ суевѣрномъ міровоззрѣніи рѣшительно всѣхъ вѣковъ и народовъ. Цѣлая сторона умственной, нравственной, и отчасти общественной, жизни человѣчества останется для насъ совершенно непонятною, если мы упустимъ изъ виду, что значительная часть психологической исторіи человѣчества имѣетъ свою исходную точку сонныя видѣнія или даже творится во снѣ. На вершинѣ культурной лѣстницы, человѣкъ, доработавшійся до воплиѣ трезваго отношенія къ дѣйствительности, не всегда можетъ, однакожъ, избѣжать подавляющаго вліянія какого-нибудь тяжелаго, мучительнаго сна. Очень хорошо сознавая, что сонныя презы не могутъ имѣть никакого непосредственнаго соотношенія съ дѣйствительностью, мы, тѣмъ не менѣе, втеченіи нѣсколькихъ часовъ можемъ оставаться подъ впечатлѣніемъ какой-нибудь страшнот картины, видѣнной нами во снѣ. Точно также мы не можемъ удержаться отъ нервнаго содроганія при видѣ хорошаго актера, который душитъ Дездемону въ роли Отелло на театральныхъ подмосткахъ,

хотя и знаете очень хорошо, что через полчаса свирѣпый наврѣ вмѣстѣ съ воскресшею супругою будутъ самымъ прозаическимъ образомъ ужинать за общимъ столомъ. Но самое умѣнье различать дѣйствительное отъ кажущагося является уже въ результатѣ нѣкоторой умственной зрѣлости. Его совершенно нѣтъ въ дѣтяхъ и, слишкомъ очевидно, не было въ нашихъ предкахъ фетишистской поры религіознаго развитія. Для ребенка, какъ и для дикаря, реально и дѣйствительно только воспринятое ими впечатлѣніе. Ихъ скептическія и критическія стремленія вполнѣ удовлетворены, какъ только они сумѣли выразить поразившее ихъ явленіе человѣко-уподобляющимъ языкомъ.

Эдвардъ Тайлоръ въ своемъ двухтомномъ сочиненіи о первобытной культурѣ прекрасно уясняетъ ту роль, которую сонныя видѣнія должны были играть въ порожденіи таево-называемаго *анимизма*, т. е. такого психическаго строя, при которомъ весь видимый и осязаемый міръ представляется намъ только вѣшною оболочкою чего-то невидимаго, невещественнаго, пожалуй, даже нереальнаго, но, все-таки, существующаго и состоящаго въ самой тѣсной связи съ нашимъ личнымъ страданіемъ или благополучіемъ. Грубый дикарь, ежечасно подавляемый то тяжкою работою, то нуждою, оставался-бы навсегда погруженнымъ въ самыя будничныя матеріальныя заботы и наслажденія; онъ не думалъ-бы ни о чемъ духовномъ, неосязаемомъ, еслибы ему не случалось порою видѣть во снѣ предметы и явленія, совершенно отличныя отъ тѣхъ, съ которыми онъ привыкъ встрѣчаться на-яву. Во снѣ ему случалось охотиться за такимъ звѣремъ, у котораго на львиной головѣ растутъ олени рога, а на ногахъ конскія копыта. Во снѣ ему приходилось встрѣчать такихъ своихъ друзей, которые давно ушли въ какія-нибудь отдаленныя края, а, можетъ быть, и вовсе уже не существуютъ на бѣломъ свѣтѣ. Понять, что сонныя видѣнія реальны только, какъ извѣстное физиологическое состояніе спящаго, — неспособенъ не только грубый дикарь, но даже и очень многіе почтенные обитатели роскошнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ городовъ современной Европы. Фетишистское отношеніе къ снамъ и галлюцинаціямъ въ особенности интересно для насъ потому, что оно болѣе всѣхъ другихъ сторонъ первобытнаго суевѣрнаго міросозерцанія способно ужинаться въ людяхъ съ довольно высокимъ уровнемъ односторонняго

культурнаго развитія. Достаточно вспомнить, что и въ текущемъ году во всѣхъ европейскихъ столицахъ печатаются на паровыхъ станкахъ десятки тысячъ экземпляровъ снотолковательныхъ и надательныхъ книгъ на всевозможныхъ языкахъ. Въ Австрiи и въ Италiи чиновники, состоящіе на государственной службѣ, обязываются читать и пояснять эти снотолкователи въ конторахъ, гдѣ продаются билеты государственныхъ лотерей. Но для дикаря не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію какъ то, что видѣнное имъ во снѣ должно непременно имѣть близкое соотношеніе съ его дѣйствительною судьбою, такъ точно и то, что предметы, видѣнные имъ во снѣ, существуютъ дѣйствительно, но только существуютъ въ иныхъ сферахъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ онъ вращается во время бодрствованія. Вотъ это-то смутное первоначальное различеніе міра грезъ отъ міра трезвой дѣйствительности Эдвардъ Тайлоръ считаетъ за исходную точку анимизма, который естественнымъ путемъ приводитъ человѣка отъ первобытнѣйшаго поклоненія вещественнымъ предметамъ къ политеизму.

Короче говоря, съ этнологической точки зрѣнія, сновидѣнія и грезы оказываютъ первобытному человѣчеству весьма существенную заслугу: заставляють оцѣпенѣлое сознаніе полу-животнаго дикаря углубиться въ раскрывающійся передъ нимъ міръ дальше и разностороннѣе, чѣмъ это было-бы возможно при одномъ первобытно-матеріалистическомъ отношеніи къ этому міру. Благодаря сновидѣніямъ и грезамъ, дикарь научается за видимою и осязаемою внѣшностію вещей угадывать какую-то ихъ утонченную, рафинированную, такъ-сказать, сущность. Само собою разумѣется, что эта вновь раскрывающаяся передъ нимъ сторона очень долго будетъ представляться ему въ искаженномъ, ложномъ, ненатуральномъ свѣтѣ. Увидавъ во снѣ своего давно умершаго дѣда или прадѣда, дикарь приходитъ къ тому заключенію, что умеръ не весь его дѣдъ, а умерла одна грубо-вещественная оболочка его дѣда, но внутренняя сущность отжившаго праотца, его душа, чарена способностью посѣщать дорогихъ его сердцу потомковъ. Но такъ-какъ во снѣ намъ случается видѣть не только умершихъ, но и просто отсутствующихъ друзей и знакомыхъ, то отсюда уже логически выводится заключеніе, что духъ или душа способны покидать обитаемое ими тѣло еще и при жизни на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Случаи

обширнiя, т. е. летаргiи, катаlepsii и т. п., нерѣдко встрѣчаемы въ дѣйствительности, еще болѣе убѣждаютъ дикаря въ справедливости этого предположенiя. Наконецъ, ему самому случается нерѣдко во время сна видѣть себя среди обстановки, существенно отличной отъ той, которая возможна для него на-яву. Это наводитъ его на мысль, что его собственная душа отлучалась во время сна и посѣщала недоступныя для тѣла области, т. е. духовныя мiры, которые стануть постояннымъ ея мѣстопробыванiемъ послѣ смерти, т. е., когда она освободится отъ брэнной своей оболочки. Всѣ предметы, видѣнныя во снѣ, потому и различаются отъ предметовъ, съ которыми мы обходимся во время бодрствованiя, что они не сами предметы, а только души или сущности предметовъ.

Способность видѣть сны свойственна не только людямъ на самыхъ низшихъ культурныхъ ступеняхъ, но также и очень многимъ животнымъ. Вполнѣ позволительно предполагать, что качество сновъ въ значительной степени обусловлено умственнымъ строемъ снащаго субъекта, что мы видимъ во снѣ только такiе предметы и явленiя, которые играютъ роль въ нашемъ дѣйствительномъ существованiи. Дикари, которыхъ полковникъ Дальтонъ изслѣдовалъ на Борнео, потому, напримѣръ, не могутъ видѣть во снѣ своихъ предковъ, что они не знаютъ даже своихъ отцовъ. Но для того, чтобы изъ сонныхъ грезъ создать хотя-бы элементарнѣйшую анимистическую теорiю, недостаточно только видѣть сны, а необходимо еще обладать тою способностью наблюдательности и обобщенiя, въ которой нѣкоторые новѣйшiе путешественники рѣшительно отказываютъ многимъ грубѣйшимъ представителямъ современнаго человечества. Мы легко можемъ замѣтить даже въ нашемъ обществѣ, что люди, занятые утомительнымъ мускульнымъ трудомъ, рѣдко видятъ сны, или, по крайней мѣрѣ, рѣдко помнятъ ихъ. Этимъ, отчасти, можетъ быть объяснено, что въ крестьянствѣ всей Европы женщины и старики гораздо болѣе склонны къ суевѣрiю, чѣмъ молодые работники. Обратное можно замѣтить у краснокожихъ сѣверной Америки (и, вѣроятно, у многихъ другихъ дикарей), гдѣ мужчины, занятые только охотою и войною, а потому проводящiе значительную часть времени въ праздности и бездѣйствiи, превосходятъ своимъ суевѣрiемъ всякихъ крестьянскихъ бабъ и мѣщанскихъ кумушекъ. Извѣстно, что сѣверо-американскiя охот-

ничьи племена всецѣло погружены въ полнѣйшій и разносто-
роннѣйшій анимизмъ. Міръ вещественный, въ ихъ глазахъ, рисуется
какимъ-то маревомъ, до того браннымъ и скоропроходящимъ, что
серьезный индѣецъ не удостоиваетъ даже его своимъ вниманіемъ.
Существенно во всемъ мірозданіи только *маниту* или *манедо*, кроу-
щееся рѣшительно во всемъ: въ людяхъ и въ звѣряхъ, въ при-
родныхъ и даже въ искусственныхъ предметахъ и явленіяхъ.
Слово *маниту* получило даже право гражданства во всѣхъ
европейскихъ языкахъ, для того, чтобы обозначать невеществен-
ную сущность, супранатуральное начало. Но въ развитіи этого
начала были свои переходныя стадіи, своя историческая эволю-
ція — отъ самого грубаго фетишизма до метафизическихъ утопій.

Такъ наприм., для эскимосовъ, жителей самыхъ непріютныхъ
снѣжныхъ сѣверныхъ равнинъ, точно такъ-же, какъ и для поли-
незийскихъ обитателей цвѣтущихъ острововъ Тихаго океана, для
стопныхъ монголовъ и для приморскихъ американскихъ племенъ
Атлантического океана, душа равно представляется чѣмъ то далеко
небезплотнымъ, но только плоть ея гораздо утонченнѣе, чѣмъ наше
бренное тѣло. Климатическія и племенные отличія сказываются
только тѣмъ, что для однихъ эта духовная плоть рисуется сот-
канною изъ морскихъ или горныхъ тумановъ, другіе-же уподоб-
ляютъ ее цвѣточной пыли или т. п. На грубомъ языкѣ непро-
свѣщенныхъ людей душа повсюду уподобляется пару, такъ-какъ
имъ неизвѣстны слова: газъ или эфиръ. Читатель очень хорошо
знаетъ, что и въ наше время въ тѣхъ темныхъ слояхъ, гдѣ еще
сохранилась вѣра въ страшныя исторіи о появленіи душъ усопшихъ
или привидѣній, ходячія понятія о душѣ не возвысились надъ
этимъ первобытнымъ фетишистскимъ представленіемъ. Ниже такого
представленія о душѣ не спустились ни гренландскіе эскимосы, ни
карибы, ни островитяне Тонга; но нельзя не замѣтить, что пи-
сатели классической древности не только гомеровскихъ, но и времени
Марка Аврелія, стоятъ ничуть не выше подобнаго представленія,
и они такъ долго были нашими единственными учителями въ об-
ласти метафизической и психологіи. Быть можетъ, благодаря этому
вогдѣднему обстоятельству, фетишизмъ такъ рѣзко проглядываетъ
въ міросозерцаніи современныхъ культурныхъ народовъ.

Будучи предполагаема небезплотною, душа, по понятіямъ пер-
вобытныхъ народовъ, вовсе не считается стоящею внѣ всякихъ

условіи времени и пространства. Души далеко ушедшихъ родственниковъ, друзей или враговъ посѣщаютъ всѣхъ на свѣтѣ дикарей во время сна, а къ утру снова возвращаются къ тѣламъ субъектовъ, покинутымъ ими за нѣсколько сотъ верстъ. Иногда наша собственная душа отлучается во время бодрствованія и успѣваетъ въ одинъ мигъ слетать въ отдаленныя края, такъ что пациентъ, остававшійся во время ея отсутствія въ совершенно безчувственномъ или безсознательномъ состояніи, даже не замѣтилъ ея кратковременной отлучки. Обыкновенно-же душа выбираетъ для подобныхъ экскурсій то время, когда тѣло спитъ, а, слѣдовательно, не нуждается въ ея присутствіи. Но перемѣщенія ея всегда грубо-вещественны, матеріальны. Не могу не привести по этому случаю одно малоизвѣстное японское повѣрье, носящее крайне первобытный фетишистскій характеръ. Во время глубокаго сна, голова наша отдѣляется отъ тѣла и улетаетъ въ далекіе края, вслѣдствіе чего и самое явленіе называется *рокуринкуби* (т. е. *голова на шесть миль*). Шея страшно удлиняется, растягивается и становится не толще шелковинки или чуть примѣтнаго волоска. Если спящаго въ это время разбудить, то волосокъ разрывается, и голова вмѣстѣ съ сидящею въ ней душой не можетъ уже вернуться на свое мѣсто. Сродное съ этимъ повѣрье существуетъ и у тагаловъ на Филиппинскихъ островахъ. Впрочемъ, и у большой части остальныхъ народовъ разбудить человѣка въ то время, когда онъ гуляетъ, пируетъ, охотится или воюетъ въ отдаленныхъ краяхъ, считается дѣломъ крайне опаснымъ. Вѣра въ способность души отлучаться изъ тѣла преимущественно во время сна можетъ считаться распространенною повсемѣстно. Мы встрѣчаемъ ее не только въ древнѣйшихъ греческихъ поэмахъ, но даже въ ученыхъ трудахъ Плинія: по свидѣтельству этого классическаго натуралиста, душа нѣкоего Гермолія такъ долго блуждала въ невѣдомыхъ странахъ, что родственники, считая его умершимъ, сожгли на кострѣ его бездыханное тѣло. Вернувшись, но уже слишкомъ поздно, блуждавшая душа эта была горестно поражена, не найдя своей вещественной оболочки. Въ европейскихъ легендахъ сравнительно очень недавняго времени, душа для такихъ экскурсій принимаетъ видъ какой-нибудь птицы (ласточка, голуба), звѣрька или насѣкомаго, бабочки, паука и т. п. Душа не можетъ переправляться черезъ рѣку или черезъ другія

естественныя препятствія, но ничтожная соломинка способна служить ей надежнымъ мостомъ. У многихъ народовъ существуетъ по этому случаю обыкновеніе перетягивать черезъ ручки и овраги тонкія нити или гибкія вѣтви деревьевъ, чтобы облегчить переправу душамъ, блуждающимъ во время сна или обморока своихъ владѣльцевъ.

Душу можно поймать въ лукошко или въ шапку. По крайней мѣрѣ, у самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ одинъ отъ другого народовъ существуютъ цѣлыя классы знахарей и колдуновъ, которыхъ искусство и обязанность состоятъ въ томъ, чтобы ловить души, произвольно отлучающіяся изъ тѣла живыхъ людей, которые вслѣдствіе этого подвергаются обморокамъ, болѣзнямъ или умственному разстройству. Алгонкинцы всякую болѣзнь объясняютъ собою тѣмъ, что *отаччукъ*, т. е. душа, сбѣжала, и призываютъ колдуна, который умѣетъ изловить и снова вложить ее въ голову пациента. То-же самое извѣстно и о нѣкоторыхъ индѣйцахъ сѣверной и южной Америки. Въ Индо-Китаѣ колдуны леченье всевозможныхъ болѣзней полагаютъ въ неистовой бѣготнѣ вокругъ больного, причемъ они дѣлаютъ видъ, будто ловятъ муху или бабочку, т. е. душу своего пациента. Если больной выздоровѣлъ, то это считается за доказательство, что колдунъ поймалъ душу; если-же больной умеръ, то виноватъ все-же не колдунъ, а душа, которая обманула его опытность, ради неприличной склонности къ праздношатаію. У тунгузовъ и якутовъ, даже исповѣдующихъ буддизмъ, вѣра въ отсутствіе души во время болѣзни удержалась вѣрнѣе и до сихъ поръ. Поддѣливаясь подъ предразсудки своей паствы, буддійскіе ламы придумали цѣлый торжественный обрядъ водворенія бѣглой души на ея обычномъ мѣстожителствѣ. Больного одѣваютъ для этого въ парадныя одежды и окружаютъ тѣми предметами, которые должны казаться приманчивыми для тунгузской души. Затѣмъ лама торжественно приглашаетъ бродячую душу вернуться въ страждущее тѣло, угрожая ей страшными мучаши за непослушаніе. Замѣчательно, что немало русскихъ, и притомъ не только безграмотныхъ крестьянъ, иногда прибѣгаютъ къ шахарскому искусству шамановъ и ламъ. Сходныя съ этимъ представленія о душѣ замѣчены у западно-африканскихъ племенъ въ окрестности экватора, а въ отдаленной Гренландіи *ангакуты*, т. е. эскимосскіе волшебники, отличаются умѣньемъ не только

ловить и снова вгонять въ тѣло больного собѣжавшую душу, но еще и замѣнять ее чужою душою, обыкновенно дѣтскою, иногда заячьей или оленьей. А въ совершенно противоположномъ углу, на Мадагаскарѣ, предусмотрительные люди собираютъ души про запасъ: похоронивъ покойника, они стараются поймать въ шапку отлетающую душу для того, чтобы въ случаѣ надобности передать ее какому-нибудь страждущему родственнику...

Съ первоначальными представленіями о душѣ вовсе не связываются понятія о нетлѣнности и вѣчности ея. Такъ-какъ намъ никогда не случается видѣть во снѣ такихъ отдаленныхъ предковъ, о которыхъ до насъ вовсе не дошло какихъ-либо живыхъ, подробныхъ свѣденій, и о которыхъ мы никогда не думаемъ и наяву, то многіе языческіе народы думаютъ, что, хотя души и живутъ гораздо дольше людей, но, по истеченіи очень долгаго періода времени, онѣ все-таки умираютъ. Почти всѣ первобытные народы вѣрятъ, что душу можно убить, хотя и несовершенно, тѣми-же средствами, которыя обыкновенно губительны для тѣла. Душа можетъ сгорѣть въ огнѣ или утонуть въ водѣ. Убить душу саблею или кинжаломъ нельзя потому-же, почему нельзя разрубить паровой столбъ какимъ-нибудь рѣзущимъ оружіемъ. Это представленіе такъ вкоренилось въ мозгахъ даже западно-европейскихъ народовъ, что въ нѣсколькихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ о спиритизмѣ (напр., выше-упомянутые трактаты кавалера Гужо-де-Муссо) мы встрѣчаемъ глубокомысленныя соображенія о томъ, цѣлесообразно-ли было-бы употреблять холодное или огнестрѣльное оружіе противъ духовъ и привидѣній? Впрочемъ, чтобы читатель не заподозрилъ меня въ преувеличенія или клеветѣ, я предпочитаю говорить подлинными словами самогопре словутаго кавалера.

„Доказано исторіею, говоритъ г. Гужо-де-Муссо на стр. 147 своего трактата „Des hauts phénomènes de la magie“, отпечатаннаго въ 1864 г. въ Парижѣ что, въ большей части случаевъ, привидѣнія или призраки, выдающіе себя за души, охватываются необъяснимымъ страхомъ при видѣ оружія. Можно-бы было подумать, что свинець и сталь такъ-же гибельны для нихъ, какъ и для живыхъ людей. Наше время оказывается такъ непростительно-холодно и равнодушно къ этому міру призраковъ и видѣній, иныя мудрецы такъ упорно зажимаютъ себѣ уши, коль скоро рѣчь

заходить о немъ, что міръ этотъ опять сталъ для насъ новымъ и какъ-бы невѣдомымъ "... Слѣдуетъ желчная и нелишенная пикантности, но, къ сожалѣнію, слишкомъ длинная выходка противъ близорукаго скептицизма и невѣжественнаго самодовольства лицъ, держащихся въ концѣ XIX вѣка не вѣрить въ привидѣнія и призраки. Показавъ выписками изъ Гомера, Виргилія и нѣкоторыхъ средневѣковыхъ схоластическихъ писателей, что вѣра въ страхъ душъ, духовъ и призраковъ передъ оружіемъ существовала во все времена, почтенный авторъ рассуждаетъ: „Но почему-же духъ, призракъ можетъ дрожать передъ шпагою? Какой вредъ этотъ тонкій клинокъ способенъ нанести существу невещественному и бессмертному? Много различныхъ отвѣтовъ было дано на этотъ вопросъ, но я склоняю свой слухъ только къ тѣмъ, которые говорятъ: да, духи и призраки должны бояться оружія. Подобно живымъ существамъ, духи и призраки способны чувствовать и осязать, слѣдовательно, они доступны физической боли. Одно существенно отличаетъ ихъ отъ живыхъ людей: рубите ихъ хоть на множество частей, части эти мгновенно сростутся снова, подобно воздуху или водѣ, которую-бы вы стали рубить мечомъ; но тѣмъ не менѣе нанесенныя раны, хоть и сростающіяся въ одно мгновеніе ока, причиняютъ имъ мучительную боль. Вотъ почему духи, призраки и демоны боятся шпаги и всякаго лезвія. Пусть-же всякій, кто хочетъ испугать или прогнать призракъ или духа, смѣло хватается за шпагу и за всякое другое оружіе, которое случится у него подъ рукою“.

Парижскій авторъ заимствуетъ это объясненіе изъ демонологическихъ трактатовъ XVI в., самъ онъ не вполне соглашается съ ними, но я не серьезно-же думаю заставить читателя присутствовать при ученомъ спорѣ о томъ, изъ Миргорода-ли идутъ вѣдьмы или изъ Переяславля? Я только хотѣлъ въ немногихъ словахъ передать сущность одной интереснѣйшей стороны фетишистскаго возрѣнія на душу и на духовный міръ. Только-что приведенная выписка изъ французскаго писателя показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что намъ нѣтъ надобности вдаваться богъ-знаетъ въ какую археологію, чтобы возстановить это возрѣніе во всей его первоначальной чистотѣ: достаточно только внимательно приглядѣться и прислушаться къ тому, что дѣлается и говорится вокругъ насъ людьми, которыхъ мы, опираясь только на форменныя отлички,

пожалуй, могли-бы отнести къ представителямъ позднѣйшаго культурнаго періода. Бстати замѣтимъ, что на всемъ романскомъ Западѣ, преимущественно же на югѣ Италіи, вѣра въ дѣйствительность всякаго лезвія или острія противъ духовъ и призраковъ вѣрѣнко вкоренена еще и до сихъ поръ. Всякій калабриецъ, неаполитанецъ или сициліянецъ считаетъ необходимымъ имѣть постоянно на себѣ коралловый или иной какой-нибудь рогъ, который онъ не преминетъ повернуть остриемъ къ тому, отъ кого онъ боится вреднаго духовнаго вліянія, эттатуры или сглаза. Если-же, паче чаянія, подобнаго оружія при немъ нѣтъ, то онъ выставитъ впередъ два протянутые на подобіе роговъ палеца.

Изображая умственный бытъ первобытныхъ или, по крайней мѣрѣ, отсталыхъ дикарей съ его преувеличенною простотою и немногосложностью, мы легко впадемъ въ односторонность, которую такъ сильно грѣшатъ многіе авторы, слишкомъ боищися утомить вниманіе читателей тщательнымъ и мелочнымъ иногда анализомъ своего предмета. Не одни только сонныя видѣнія и грезы наводятъ предоставленнаго самому себѣ дикаря на догадку о существованіи внутренняго, невещественнаго міра. Отличительная черта дѣтскаго умственнаго строя для отдѣльныхъ лицъ и для цѣлыхъ народовъ заключается именно въ томъ, что вниманіе приковывается попреимуществу къ явленіямъ, на нашъ взглядъ нестоющимъ выѣденнаго яйца, тогда какъ явленія многозначительныя и существенныя для насъ ускользаютъ отъ всякаго разсмотрѣнія. Объяснивъ себѣ болѣе или менѣе удовлетворительно по своимъ понятіямъ, куда дѣвается тѣло и душа чловѣка послѣ его смерти, дикарь находится лицомъ къ лицу съ вопросомъ, логичность и важность котораго въ нашемъ культурномъ быту могутъ уже только понять развѣ малыя дѣти или помѣшанные: куда же дѣвается тѣнь, которая неразлучно сопровождала чловѣка во всѣхъ его странствіяхъ по этому свѣту?

Сравнительная мифологія не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мысль чловѣческая много и упорно трудилась надъ этимъ вопросомъ въ различныхъ углахъ земнаго шара, повсюду доходя если не до тожественныхъ, то, по крайней мѣрѣ, до очень сходныхъ между собою рѣшеній. Такъ, напр., нѣкоторыя племена юго-восточной Азіи вѣрятъ, что тѣнь (*ла* или *кала* на языкѣ кареновъ) исполняетъ большую часть того, что выше мы припи-

сали душѣ вообще, т. е. что она, напр., отлучается и странствует во время сна, между тѣмъ какъ другая душа, *тха*, остается неотлучно при тѣлѣ до самой смерти. На этомъ раздвоеніи нашего духовнаго я строится цѣлая теорія духовной борьбы, неизмѣющей, однакожь, ничего общаго съ представленіемъ о добрѣ и злѣ. *Ла* предполагается одаренною бродячими склонностями и ежечасно готова покинуть брѣнную свою оболочку, но *тха* приковываетъ ее къ тѣлу и обуздываетъ своимъ верховнымъ вліяніемъ. Если въ домѣ есть покойникъ, то дѣтей и другихъ близкихъ родственниковъ привязываютъ въ отдаленномъ углу хижины, чтобы ихъ *ла* не вселились въ трупъ и не были-бы унесены изъ дому вмѣстѣ съ нимъ. *Ла*, гдѣ можетъ, мститъ своему *тха*, причиняя тѣлу всякія непріятности, болѣзни, особенно обмороки и безуміе. По смерти, *ла* остается блуждающею на могилѣ или по близости дома усопшаго, а *тха* переселяется въ духовный міръ. Многія американскія племена точно также признають въ человѣкѣ двѣ души, т. е. тѣнь и собственно духъ; это-же утверждаютъ и объ эскимосахъ. У островитянъ Фиджи *черный духъ*, т. е. тѣнь, переселяется по смерти въ загробный міръ, а *бѣлый духъ* остается на землѣ и воскресаетъ въ какомъ-нибудь потомкѣ. Негры считаютъ тѣнь чѣмъ-то вродѣ ангела-хранителя; есть основаніе предполагать, что и большая часть индѣйскихъ западно-европейскихъ народовъ имѣла подобныя-же воззрѣнія. По крайней мѣрѣ, мы достоверно знаемъ, что въ *очень* еще неотдаленныя отъ насъ времена колдуны и люди, продававшіе свою душу чорту, считались потерявшими свою тѣнь, какъ у латинскихъ, такъ и у германскихъ народовъ. Слишкомъ хорошо извѣстная легенда о Петрѣ Шлемилѣ, продавшемъ свою тѣнь, представляется позднѣйшимъ, и притомъ литературнымъ, а не народнымъ отголоскомъ этого повѣрья. Однакожь, въ большинствѣ случаевъ, въ первоначальной порѣ анимизма у человѣка предполагалось не двѣ, а три духовныхъ сущности: *душа*, *тѣнь* и *духъ*. Отдать себѣ отчетъ въ появленіи этого послѣдняго довольно легко, принимая во вниманіе, что душа, въ смыслѣ *математическаго*, предполагалась рѣшительно у всего существующаго; способность бросать тѣнь точно также свойственна рѣшительно всѣмъ предметамъ. Однакожь, мысль дикаря очень рано должна была замѣтить различіе между предметами одушевленными и неодуше-

ленными. Различіе-же это въ фетишистскомъ сознаніи и не могло отразиться иначе, какъ въ видѣ человѣкоподобнаго, болѣе или менѣе субтилизированнаго существа, которое живетъ въ людяхъ и животныхъ, но не живетъ въ неподвижныхъ организмахъ и въ предметахъ. Нѣкоторые народы не ограничиваются тремя душами. Хонды, сіамцы, дакота и нѣкоторые другіе предполагаютъ ихъ четыре, иные-же идутъ еще дальше и предполагаютъ множество душъ, засѣдающихъ въ различныхъ частяхъ человѣческаго тѣла и имѣющихъ каждая свою особенную судьбу, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти нашего тѣла. Однакожь, эти послѣдніе случаи представляются только рѣдкими исключеніями. Тройственность же души для насъ особенно интересна потому, что высшіе культурные народы, какъ арійцы, такъ и семиты, одинаково различали душу (*психея*, *шапес*), тѣнь (*скія*, *шмга*) и духъ (*пнеума*, *спиритус*). Когда-же въ новѣйшее время спириты стали приносить намъ это совершенно первобытное фетишистское ученіе съ ничтожными перемѣнами мелкихъ подробностей и словъ, то многіе просвѣщенные умы естественно, безъ сопротивленія, какъ-бы по наклонной плоскости, устремились въ этотъ архаическій пріютъ, совершивъ какъ-бы полный циклъ, т. е. съ туманныхъ вершинъ нѣмецкаго трансцендентализма, представляющаго собою кульминаціонную точку этой эволюціи, вернувшись къ младенческимъ пеленкамъ фетишизма.

Изъ изложенной выше въ немногихъ словахъ анимистской теоріи явствуетъ само-собою, что представленіе о смерти отсталыхъ народовъ ничѣмъ существенно не отличается отъ ихъ представленія о снѣ. Оба эти явленія равно объясняются тѣмъ, что духовная сущность—душа, тѣнь или духъ,—отлетѣла отъ насъ; но она можетъ вернуться, и бездыханное тѣло проснется вновь. Если душа вернется скоро, то пробужденіе совершится само-собою, какъ это и бываетъ съ просыпающимися каждое утро. Но совершенно иное дѣло, если собственныя бродяжническія склонности, естественныя препятствія или чьи-нибудь козни заставятъ блуждающую душу замѣшкаться: тѣло можетъ въ такомъ случаѣ сгнить, оскверниться, и душа уже не захочетъ или не сможетъ снова вселиться въ него. Ближайшимъ послѣдствіемъ такого міросозерцанія было,

конечно, то, что люди повсюду потратили въ общемъ итогѣ, быть-можетъ, болѣе заботливости, энергии и труда на сохраненіе своихъ труповъ способными и достойными къ воспринятію временно покинувшей ихъ души, чѣмъ на благоустройство своей судьбы въ земной жизни. Всѣмъ очень хорошо извѣстны тѣ гигантскія усилія, которыхъ стоило древнимъ египтянамъ сооружеііе ихъ могильныхъ пирамидъ, служившихъ посмертными дворцами для ихъ царей. Но большая часть отсталыхъ народовъ всѣми условіями своего историческаго быта были поставлены въ невозможность даже помышлять о такомъ буквальномъ и совершенномъ сохраненіи своихъ труповъ отъ гніенія, которое представляютъ намъ египетскія муміи: у нихъ не было, съ одной стороны, необходимыхъ для этого химическихъ свѣденій; съ другой стороны, не повсюду въ распоряженіи сильныхъ міра находились неисчислимыя массы безответныхъ рабовъ, на костяхъ которыхъ воздвигнуты величественныя памятники египетскаго зодчества. Солнцепоблоники Южной Америки и нѣкоторыя караибскія племена представляли солнцу очищать свои трупы отъ скверны, т. е. отъ гніенія. Трудно сказать, обязаны-ли они успѣхомъ собственному своему искуству въ дѣлѣ высушиванія мумій или-же особеннымъ свойствамъ своего климата, но во всякомъ случаѣ искуство предохранять трупы отъ разложенія далось очень немногимъ народамъ. Всѣ-же остальные вынуждены были прибѣгать ко всякаго рода натяжкамъ и диалектическимъ уловкамъ для того, чтобы успокоить самихъ себя насчетъ посмертной участи собственной особы. Большая часть сѣверо-американскихъ племенъ выставляютъ свои трупы на очищеніе воздухомъ и солнцемъ, т. е. раскладываютъ ихъ на высокихъ подмосткахъ въ пустынѣ или въ лѣсу. Хищныя птицы съѣдаютъ всѣ мягкія части, а кости тщательно собираются и хоронятся въ землѣ; если только скелетъ сохранился въ цѣлости, то этого считается совершенно достаточнымъ для того, чтобы душа снова возвратиться на свое прежнее мѣсто жительства, такъ-какъ оно гніеніемъ не осквернено, а тѣло можетъ нарости снова. Очищеніе труповъ водою встрѣчается очень рѣдко, но оно исходитъ изъ тѣхъ-же самыхъ представленій о душѣ и о смерти. Въ аскурьяльскомъ „rodridero“ трупы испанскихъ королей кладутся подъ искусно-устроенный фонтанъ; когда останутся одніи чистыя кости, то ихъ хоронятъ въ фамильномъ склепѣ. Сожже-

нѣ труповъ, котораго держатся почти всѣ азіятскія племена, на первый взглядъ можетъ показаться исключяющимъ всякую заботу о сохраненіи тѣла до ожидаемаго возвращенія отлучившейся изъ него души; но въ дѣйствительности оно есть только дальнѣйшее развитіе тотчасъ указаннаго начала: по мнѣнію трупосожигателей, важно сохранить не самое тѣло, а составныя части тѣла; если онѣ неосквернены, то тѣло сложится вновь при возвращеніи въ него души, а огонь считается попреимуществу очищающимъ всякую скверну. Благодаря этой натажкѣ, суевѣрные китайцы, готовые лучше умереть у себя дома съ голода, чѣмъ послѣ безбѣдной жизни быть погребенными на чужбинѣ, гдѣ душа, неизвѣнно возвращающаяся къ сонму своихъ предковъ и родныхъ, не найдетъ уже ихъ тѣла въ желанный мигъ своего возвращенія, — совершенно успокоиваются мыслью, что оставшійся отъ сожженія пепелъ будетъ отосланъ заботливыми соотечественниками на родину.

Мы не можемъ прослѣдить здѣсь даже вратцѣ того многосторонняго вліянія, которое это первобытное воззрѣніе на смерть оказываетъ на гражданскія и другія бытовья условія первоначальныхъ обществъ. Укажемъ только вскользь и мимоходомъ, что оно особенно примѣтно отражается на уголовной процедурѣ почти всѣхъ отсталыхъ народовъ. Нѣкоторыя членовредительства, напримѣръ, особенно гибельныя и мучительныя для живого человѣка, считаются у многихъ народовъ гораздо ужаснѣе самихъ варварскихъ истязаній только потому, что они дѣлаютъ оскверненный или изувѣченный ими трупъ негоднымъ ко вторичному воспріятію души, когда она снова вздумаетъ въ него возвратиться. Предусмотрительные убійцы часто считаютъ нужнымъ произвести надъ своею жертвою извѣстныя истязанія единственно для того, чтобы, воскреснувъ вновь, убитые ими не могли-бы уже отомстить имъ. У народовъ, которыхъ обычное оружіе — стрѣлы и лукъ, для этого считается совершенно достаточнымъ только содрать кожу съ пальцевъ руки; другіе-же отрубаятъ кисти рукъ и ноги своимъ жертвамъ и т. п. Мы твердо убѣждены, что въ этихъ мрачныхъ трупобахъ первоначальнаго анимизма кроется ключъ къ загадкѣ многихъ преступленій, поражающихъ насъ теперь своимъ возмутительнымъ варварствомъ.

Очень немногіе народы, доразвившись до анимистическаго представленія о душѣ, сдѣлали, однако-же, избавить себя отъ ус-

дневныхъ заботъ о посмертномъ сохраненіи собственнаго своего тѣла. Очень удобную форму для этого представляло предположеніе, что душа не возвращается уже въ однажды покинутое ею вдалека тѣло, а переселяется, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго скитанія, въ какое-нибудь другое родственное или чужое тѣло. Многіе народы восточной и юго-восточной Азіи вѣрять въ то, что души предковъ оживаютъ въ дѣтяхъ, нарождающихся послѣ ихъ смерти. При рожденіи каждаго новаго младенца въ семьѣ особенно тщательно стараются изслѣдовать, какой, именно, предокъ воплощается снова въ ней? Само собою разувѣется, что при этомъ всякаго рода знахари и волшебники оказываютъ недоумѣвающимъ родителямъ дорого дѣнными услуги. Какъ-только тѣло великаго ламы, признающаго себя не только непогрѣшимымъ, но и безсмертнымъ начинаетъ изнашиваться, душа покидаетъ его и переселяется въ новое, свѣжее и молодое. Хласскіе конклависты въ Тибетѣ легко узнаютъ того счастливаго преемника, въ котораго переселилась душа ихъ владыки: они показываютъ подозрѣваемому ими въ этомъ юношѣ какіе-нибудь предметы, принадлежавшіе преждему далай-лампѣ. Избранный юноша, иногда ребенокъ, немедленно признаетъ ихъ за свои и вступаетъ на священныя цѣловки безъ прекословія. Почти то-же дѣлается и у многихъ африканскихъ племенъ. Въ Конго, гдѣ мы встрѣчаемъ довольно рѣдкій примѣръ могущественной теократіи на фетишистской ступени религіознаго развитія, *читомъ*, т. е. верховный жрецъ змѣи не умираетъ никогда. Въ предупрежденіе печальной катастрофы, чуть-только въ немъ замѣчаются признаки опасной болѣзни или глубокой старости, нѣсколько ревностныхъ поклонниковъ и второстепенныхъ жрецовъ прокрадываются къ нему и вынимаютъ изъ него душу, прежде-чѣмъ она успѣла вылетѣть изъ изношенной своей оболочки. Душа эта тотчасъ-же поселяется въ одномъ изъ оказавшихъ ей эту услугу, который немедленно и вступаетъ во всѣ права исчезнувшаго читома. Но вообще африканскіе негры, отличающіеся своею особенною ревностью къ фетишистскому и анимистическому обрядничеству, мало заботятся о возвращеніи души въ однажды покинутое ею тѣло; это можетъ считаться за расовую особенность, гораздо болѣе характеристичную, чѣмъ многія изъ тѣхъ, которыя перечисляетъ Фридрихъ Мюллеръ въ каждомъ отдѣлѣ своей этнографіи. Негръ, даже у себя дома, считаетъ собственное

существованіе не настолько заманчивымъ, чтобы утруждать себя заботами о его продолженіи; онъ утѣшаетъ себя мечтою, что его душа по смерти его самого улетитъ на западъ, гдѣ много живыхъ тѣлъ, въ которыя она можетъ вселиться и продолжать свое земное существованіе гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ въ немъ. Бѣлые европейцы очень долго были принимаемы нѣкоторыми чернокожими за подобныя воплощенія негритянскихъ душъ. То же передается многими путешественниками и о темнокожихъ жителяхъ нѣкоторыхъ австралійскихъ острововъ. Ново гебридскія старухи неоднократно встрѣчали какого-нибудь европейскаго матроса изъясненіями живѣйшей радости, принимая его за одного изъ своихъ давно умершихъ сыновей или мужей.

Но что-же дѣлаетъ душа въ долгій промежутокъ времени, когда она остается безъ брэнной оболочки, т. е. между смертью и возрожденіемъ законнаго своего владѣльца?

Еслибы мы интересовались обрядными подробностями, то вынуждены-бы были исписать цѣлые томы самыми фантастическими и неожиданными отвѣтами на этотъ вопросъ, такъ-какъ ребяческое воображеніе въ разныхъ странахъ вышиваетъ по этой канвѣ самыя разнообразныя и причудливыя узоры. Однако-же, это многообразіе, эта пестрящая въ глазахъ разбросанность суевѣрныхъ представленій о духовномъ бытіи въ большей части случаевъ только поверхностныя, несущественныя, кажущіяся. Вѣра въ двойственность, тройственность или множественность душъ со своей стороны не мало усложняетъ и затрудняетъ этотъ обзоръ. Многие народы, различая душу, тѣнь и духъ, сами ежечасно путаются въ этомъ слишкомъ утонченномъ для младенческихъ умовъ подраздѣленіи.

По представленіямъ однихъ народовъ, душа одарена неудержимой склонностью къ бродяжничеству, къ скитанію. Къ брэнной своей оболочкѣ она не привязана никакою собственной притягательною силою; она пользуется каждою, даже временною слабостью тѣла, чтобы покинуть его и рыскать по свѣту, то вселившись въ какого-нибудь звѣря, а то и въ естественномъ своемъ образѣ, представляющемъ туманное подобіе живого своего обладателя. Мы уже видѣли, что карены Индо-Китаю считаютъ необходимымъ привязывать молодыхъ родственниковъ, которыхъ души еще недостаточно свыклись или срослись съ тѣлами, пря-

тать ихъ во все время, пока въ домѣ есть трупъ, а не то эти яны души тотчасъ вселятся въ трупъ или отправятся гулять на волѣ вмѣстѣ съ душою покойника. Китайцы думаютъ, что душа умершаго человѣка стремится вырваться на волю, блуждать безъ опредѣленнаго пристанища по мѣстамъ, гдѣ протекла ея земная жизнь и тревожить близкихъ ей людей, причиняя имъ страхъ и всякія непріятности. Вѣрованіе это очень распространено и у множества другихъ народовъ, но только смысленные китайцы придумали довольно оригинальный способъ удерживать души отъ этого бродяжничества. Въ трудахъ русской духовной мисіи въ Китаѣ можно прочесть очень подробное описаніе этого способа, заключающагося въ томъ, что у смертнаго одра на почетномъ креслѣ усаживается кукла, разодѣтая въ самыя парадныя одежды покойника, окруженная всѣмъ, что, по мнѣнію родственниковъ, должно казаться соблазнительнымъ для китайской души. Присутствующіе стараются ласковыми словами и торжественными заклинаніями загнать душу въ это подобіе человѣческаго тѣла. Когда, по ихъ мнѣнію, душа исполнила ихъ желаніе, то одушевленная ею кукла приобщается къ сонму семейныхъ боговъ, ей приносятся жертвоприношенія въ установленные сроки, у нея просятъ содѣйствія въ трудныя минуты. Однакожь, европейскіе писатели ошибочно, по моему мнѣнію, принимаютъ такія куклы за фетиши: поклоненіе въ этомъ случаѣ относится не къ самому предмету, а къ переселившейся въ нее душѣ. Не только китайцы, но даже и гораздо болѣе дикіе островитяне Тихаго океана и Южнаго моря самымъ такимъ кукламъ не придають никакого религіознаго значенія, пока въ нихъ еще не поселилась душа. Они ведутъ довольно дѣятельный торгъ подобными куклами съ европейцами и малайцами, приобретающими эти игрушки не всегда только изъ любви къ рѣдкостямъ, но иногда и изъ суетврія. Продать-же освященную и одушевленную куклу не рѣшится ни одинъ самый бѣдный китаецъ, хотя они и раздражаютъ и смущаютъ европейскихъ миссіонеровъ своимъ равнодушіемъ къ духовному вообще.

Многіе другіе народы, совершенно напротивъ, воображаютъ себѣ, что души усопшихъ сильно привязаны къ своему жилищу, съ трудомъ покидаютъ его, даже послѣ выноса трупа, и пользуются первою возможностью, чтобы снова вернуться въ домъ,

который онъ почему-то должны непремѣнно покинуть черезъ нѣсколько дней послѣ смерти, но обыкновенно въ то-же самое время, когда выносятся трупъ. Нѣкоторыя меланезійскія племена Океаніи, также негры Конго не метутъ довольно долго хижины, гдѣ случилась смерть, изъ опасенія вымести вмѣстѣ съ соромъ также и душу покойника. Они считаютъ непозволительнымъ заниматься въ домѣ по близости какимъ-нибудь шумнымъ или неприятнымъ дѣломъ, изъ опасенія потревожить душу и заставить ее удалиться изъ дома раньше срока. Но это довольно рѣдкій примѣръ. Почти всюду забота ближайшихъ друзей и родственниковъ покойника сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ на томъ, чтобы какъ можно скорѣе выгнать душу умершаго изъ дома и воспрепятствовать ей снова возвратиться туда. Обрядъ изгнанія души криками, маханьями и т. п., т. е. совершенно тѣми-же способами, которыми выгоняютъ влетѣвшую въ комнату летучую мышъ или шмеля, составляетъ важную часть погребальныхъ обрядовъ такого значительнаго числа народовъ, что я считаю излишнимъ ихъ даже перечислять. Почти повсемѣстно распространено повѣрье, будто душа стремится вернуться тѣмъ-же путемъ, которымъ она была изгнана изъ дома или которымъ вынесенъ трупъ. Поэтому для изгнанія души устраивается, обыкновенно особое отверстие, которое потомъ закрывается, какъ-только законченъ погребальный обрядъ. Повсюду распространенный въ Европѣ обычай держать въ комнатѣ окна открытыми до тѣхъ поръ, пока въ ней лежитъ покойникъ, очевидно, находится въ связи съ этимъ повѣрьемъ. Мертвое тѣло избѣгаютъ выносить черезъ дверь; иногда для этого нарочно разламываютъ стѣну. Сіамцы три раза быстро обѣгаютъ вокругъ дома съ трупомъ, чтобы сбить его душу съ дороги. Эскимосы забрасываютъ слѣдъ покойника горящими головнями; а чуваша для этой-же цѣли употребляютъ раскаленные кирпичи. Въ Помераніи въ настоящее время на пути отъ кладбища къ дому раскладываются пылающіе костры, чтобы удержать душу, буде она вздумаетъ возвратиться; а въ иныхъ прусскихъ мѣстностяхъ, на примѣръ, въ Бранденбургѣ, слѣдъ покойника заливаютъ водою. Однако и эти средства считаются не всегда достаточными для предотвращенія появленія души покойника въ домѣ, изъ котораго ее однажды изгнали. Чаще всего думаютъ, что она прокрадывается ночью чрезъ

отверстіе, оставляемое для выхода дыму или-же через трубу над погасшимъ очагомъ. Этотъ путь и до сихъ поръ остался столбовою дорогою всякой чертовщины. Если на очагъ насыпать пеплу, то душа оставитъ на немъ какъ-бы птичьи слѣды. Тамъ, гдѣ земли вдоволь, и гдѣ постройки стоятъ небольшого труда, для пущей безопасности отъ возвращенія мертвыхъ душъ, предпочитаютъ вовсе разрушать домишко, гдѣ случилась смерть, или-же предоставлять его во владѣніе привидѣніямъ; наслѣдники-же усопшаго строятъ себѣ другой, по возможности въ отдаленіи отъ перваго. Впрочемъ, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одному моему знакомому, удалось купить за безцѣнокъ хорошенькую дачу вблизи промышленнаго Страсбурга только потому, что умершій владѣлецъ этого дома, скрита-нотариусъ, оставилъ по себѣ демоническую репутацію, и душа его по ночамъ блуждала по комнатамъ, въ которыхъ онъ, живой, обдѣлывалъ свои нечистыя дѣла. Такимъ образомъ, говорить о фетишистскомъ возрастѣ самосознанія, какъ объ отжившемъ для современнаго европейца, мы имѣемъ только относительное право. Если и допустить, что подобныя пережившія свой вѣкъ анимистскія представленія довольно невинны сами по себѣ, то все-же-таки не слѣдуетъ забывать, что нашъ умъ въ значительной степени подчиненъ закону логическаго единства, а фетишизмъ и анимизмъ способны творить не одну только невинную или безвредную чепуху.

Религіозныя системы нѣкоторыхъ низшихъ народовъ, — напри- мѣръ, негровъ-банту (кафровъ), папуасовъ и т. п., — совершенно исчерпываются обрядами и вѣрованіями, непосредственно вытекающими изъ вышеизложеннаго представленія о смерти и о душѣ. Но во всѣхъ, безъ исключенія, остальныхъ языческихъ религіяхъ погребальныя обряды, т. е., съ одной стороны, стремленіе устроить комфортабельно души усопшихъ въ загробномъ мірѣ, а съ другой стороны, попытка оградить живыхъ отъ всякаго вокушенія мертвецовъ на ихъ благосостояніе, играютъ рѣшительно преобладающую роль. Обряды эти до того многочисленны, разнообразны и мелочны, что только немногіе спеціалисты умѣютъ исполнять ихъ со всѣмъ желаннымъ совершенствомъ и тонкостью. А, между тѣмъ, по суевѣрному представленію большей части человѣчества, достаточно малѣйшаго упущенія, самой ничтожной неточности, чтобы весь обрядъ оказался недѣйствитель-

нымъ. Душа усопшаго, оставаясь, такимъ образомъ, блуждающею или томящеюся, будетъ ежечасно посѣщать нерадивыхъ родственниковъ, мстить имъ за ихъ небрежность. Множество людей умирають повсюду, не оставляя наслѣдниковъ и потомковъ, которые озаботились-бы исполненіемъ надъ ихъ прахомъ необходимыхъ обрядовъ. Поэтому весь міръ представляется анимисту переполненнымъ сонмами скитающихся душъ, которыя не предполагаются безусловно злыми, но тѣмъ не менѣе повсюду внушаютъ къ себѣ панической страхъ, какъ и все волшебное, фантастическое, таинственное.

Души усопшихъ предполагаются обуреваемыми точно такими же страстями, какъ и тѣ, которыми волнуются сердца живыхъ людей. Онѣ принимаютъ близкое участіе во всемъ, что касается ихъ родственниковъ или племени, къ которому онѣ принадлежали на землѣ. Онѣ жестоко мстятъ за потерпѣнные ими обиды, но мстятъ не непременно оскорбителю, а тому, на кого искусные волшебники сумѣютъ направить ихъ гнѣвъ. Души лицъ, умершихъ насильственной смертію, предполагаются обуреваемыми не утолимою яростью, готовою обрушиться на все живое. Въ Японіи, гдѣ поклоненіе душамъ усопшихъ до сихъ поръ составляетъ сущность національной религіи — такъ-называемаго синтоизма — ирѣдко бывали обоготворяемы души казненныхъ государственныхъ преступниковъ только потому, что онѣ, мстя своимъ единоплеменникамъ, насылали на нихъ эпидемическія болѣзни, засуху или какія-нибудь общественныя бѣдствія. На этихъ-же вѣровавшихъ основанъ весьма распространенный у многихъ народовъ варварскій обычай „дѣлать демоновъ“. Многіе дикари, будучи оскорблены сильными врагомъ, рѣшаются добровольно умереть мучительною смертію, чтобы преобразиться въ свирѣпыхъ демоновъ и наказать оскорбителю страшныя мученія. Эдв. Тайлоръ рассказываетъ примѣръ меланезійскаго островитянина, который, послѣ полученнаго имъ тяжкаго оскорбленія, возвращается домой и предлагаетъ своей матери убить ее, чтобы она преобразилась въ демона и мстила за него оскорбителю. Добродѣтельная островитянка находитъ этотъ планъ совершенно разумнымъ и естественнымъ и добровольно принимаетъ мучительную казнь за злодѣяніе, совершенное постороннимъ лицомъ. На Моллюескихъ островахъ подобное дѣланіе демоновъ возведено на степень общественнаго учрежденія

и сопровождается особенно возмутительною обстановкою. При постоянной враждѣ между тамошними народцами, считается необходимою, для блага отечества, имѣть въ запасѣ нѣсколько разъяренныхъ демоновъ, которыхъ можно-бы было посылать противъ враговъ. Для этой цѣли моллюскіе колдуны зарываютъ по шею въ землю живыхъ дѣтей на солнечномъ припеку, заставляя ихъ медленно умирать отъ жажды. Чтобы усилить мученія, имъ набиваютъ ротъ солью и перцемъ; когда-же они умрутъ, то, при помощи особыхъ чаръ, волшебники направляютъ ярость, накопившуюся въ ихъ душахъ, противъ враговъ своего племени. Наши собственные легенды и сказки иногда наводятъ на мысль, что нечто подобное такому дѣланію демоновъ должно было существовать и у нашихъ предковъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ старыя времена въ Европѣ существовалъ обычай загромождать живыхъ людей въ каждомъ углу важныхъ построекъ: крѣпостей, замковъ, каменныхъ мостовъ и т. п. Въ настоящее время совершенно подобное обыкновение существуетъ не только у островитянъ Фиджи и имъ подобныхъ народовъ, но также и у нѣкоторыхъ южно-азиатскихъ народовъ, достигшихъ гораздо высшаго уровня цивилизаціи. При постройкѣ королевскаго дворца и гаремовъ новой столицы Бирманіи: Мендалэ, не болѣе полувѣка тому назадъ, погребено было подъ стѣнами множество человѣческихъ жертвъ. По анимистическимъ понятіямъ, это дѣлается для того, чтобы пріобрѣсти, такъ-сказать, духовныхъ цѣнныхъ собакъ, въ предположеніи, что разсвирѣпѣвшія души этихъ мучениковъ будутъ охранять воздвигнутыя на ихъ трупахъ постройки. Во всей юго-восточной Европѣ сохранились еще до сихъ поръ преданія, будто въ фундаментѣ того или другого монастыря или цитадели живьемъ погребены невинные люди. Въ нѣкоторыхъ германскихъ мѣстностяхъ, при постройкѣ монументальныхъ вѣдуковъ желѣзныхъ дорогъ, два или три десятилетия тому назадъ, крестьяне нерѣдко бунтовали, утверждая, будто эти новыя сооруженія только потому и не разваливаются, что ихъ охраняютъ души погребенныхъ въ ихъ основаніи живыхъ людей, дѣтей или дѣвушекъ. А вѣдь не изъ трактатовъ-же сравнительной мифологіи, столь немногочисленныхъ еще на всѣхъ европейскихъ языкахъ, нѣмецкіе крестьяне узнали, что это, дѣйствительно, дѣлается въ невѣдомыхъ имъ краяхъ съ подобною-же цѣлью!

Добро и зло не играютъ въ первичныхъ представленіяхъ о загробной жизни никакой примѣтной роли. Если нѣкоторыя души и предполагаются преимущественно злыми, то вовсе, однакожъ, не потому, что онѣ при жизни на землѣ воодушевляли собой злодѣевъ. Нѣкоторые народы даже предполагають, что души людей, при жизни недѣлавшихъ никакого зла и неубивавшихъ собою подобныхъ, особенно опасны потому, что онѣ какъ-бы спѣшатъ въ загробной жизни наверстать потерянное для кровопролитія и злодѣйства время. Жираръ-де-Ріаль приводитъ курьезный примѣръ этого воззрѣнія въ VII главѣ своей сравнительной мифологии, составляющей одинъ изъ интереснѣйшихъ томовъ „Современной научной бібліотеки“ („Bibliothèque des sciences contemporaines“) изданія Рейнвальда въ Парижѣ. Но и подобныя парадоксальныя воззрѣнія далеко повсемѣстно распространены у отсталыхъ народовъ. Вообще говоря, загробная участь души, по понятіямъ анимизма, обуславливается гораздо больше внѣшней обстановкою смерти, а въ особенности тщательнымъ исполненіемъ погребальныхъ обрядовъ, а отнюдь не добродѣтельными и злодѣйскими подвигами усопшаго. Мы очень нерѣдко встрѣчаемъ крайне откровенныя возвращенія къ этому первобытному анимизму. Такъ, напр., нѣкоторыя очень распространенныя на всемъ крайнемъ Востокѣ будійскія секты прямо ставятъ на своемъ знамени, что спасеніе души зависитъ исключительно отъ безукоснительнаго исполненія обрядовъ, а не отъ чего-бы то ни было прочаго. У множества народовъ въ лучшую юдоль допускаются только татуированные, т. е. вольнорожденные покойники. Кастальныя различія цѣлкомъ переносятся и на загробный міръ. По понятіямъ всѣхъ воинственныхъ народовъ, души убитыхъ какимъ-нибудь путемъ въ этотъ міръ будутъ рабами его души въ загробномъ царствѣ. „Предпочтительнѣе быть послѣднимъ свинопасомъ среди людей, чѣмъ царствовать надъ тѣнями“, говоритъ одинъ изъ гомеровскихъ героевъ, — и эта-же мысль рѣзко и послѣдовательно проведена черезъ всю анимистскую фантазмагорію отсталыхъ народовъ. Душа, призракъ или тѣнь повсюду представляется сознающею, что она только блѣдное подобіе человѣка, и она мучительно ноетъ отъ этого сознанія. Ей недостаетъ теплой живой крови, чтобы снова насладиться тѣмъ существованіемъ, которое она вела на землѣ, и которое навсегда остается для нея заман-

члвгъ идеаломъ. Отсюда кровожадность, приписываемая всѣмъ ирривыбными мифологіями привидѣніямъ и мертвецамъ. Всѣ старинныя легенды и преданія распространяются о злой жадности, съ которою души усопшихъ упиваются кровью жертвъ, заколотыхъ въ ихъ честь, не разбирая, животная-ли та кровь или чловѣчья. Онѣ съ сладострастнымъ воемъ витають цѣлыми сонмами надъ теплыми кровавыми лужами, и, только упившись этой живительной влагою, онѣ нѣсколько ободряются, вступаютъ даже со смертными въ благодушный разговоръ. Въ современной Европѣ эта сторона анимистическаго міровоззрѣнія сохранилась въ отрывочной формѣ вѣры въ вампиризмъ.

Ошибочно было-бы предполагать, будто вѣра въ мертвецовъ, сосущихъ кровь живыхъ людей: упырей (вампировъ), бурколаковъ или вовколаковъ, оборотней (*loup-garçon*), лемуровъ и т. п., составляетъ достояніе одной какой-нибудь (юго-восточной или греко-славянскон) группы. Она логически вытекаетъ изъ самыхъ основъ анимизма и распространена рѣшительно по всему свѣту. На цвѣтущихъ и благодушныхъ островахъ Таити души усопшихъ, *тии*, прокрадываются по ночамъ въ хижины, раздраютъ сердца и внутренности спящихъ и упиваются ихъ горячею кровью съ неизъяснимымъ сладострастіемъ. Негритянскія племена, почти всѣ безъ исключенія, боятся упырей и приписываютъ имъ всѣ изнурительныя болѣзни. Народы Индо-Китая вѣрятъ въ то, что души нѣкоторыхъ людей могутъ и при жизни отлучаться по ночамъ, высасывать жизненные соки изъ сильныхъ и здоровыхъ юношей и изъ цвѣтущихъ дѣвъ и обогащать этими соками обитаемое ими тѣло. Нѣкоторыя малайскія племена воображаютъ, что души ихъ волшебниковъ превращаются или переселяются въ тигровъ точно такъ-же, какъ по повѣріямъ пастуховъ Аркадіи и жнхъ славянъ, онѣ переселяются въ волковъ. Краснокожіе сѣверной Америки признають, что высокочтимыя ими души ихъ предковъ всѣ безъ изъятія вампиры. Когда они терзають плѣнника, то они никогда не преминутъ призвать дорогія имъ души убитыя горячею кровью еще трепещущей въ мукахъ жертвы. Очень часто убійства совершаются только для того, чтобы дать мертвымъ душамъ утолить свою кровожадность, не поставляя ихъ въ необходимость тревожить живыхъ людей.

Маори, патагонцы, начезы, нѣкоторыя австралійскія племена

и пр. предполагають, что міръ загробный находится въ высшихъ, заоблачныхъ или надзвѣздныхъ сферахъ; а нѣкоторыя другія, часто сосѣднія и сродныя съ ними, племена представляютъ его, напротивъ, въ нѣдрахъ земли, считая кратеры вулкановъ за окна или двери этого послѣдняго убѣжища всего земного. Другіе народы думаютъ, что души усопшихъ погружаются на морское дно и т. д. Иные воображаютъ себѣ разомъ нѣсколько загробныхъ міровъ, между которыми души мертвыхъ распределяются первоначально не по заслугамъ, а по чинамъ, или по роду смерти. Если и можно установить на этотъ счетъ какой-нибудь общій законъ, то развѣ тотъ только, что въ большинствѣ случаевъ царство смерти предполагается непременно на западѣ, т. е. въ той сторонѣ, гдѣ ежедневно умираетъ солнце, имѣющее снова возродиться на слѣдующій-же день. Точно также всѣ народы представляютъ себѣ переселеніе въ этотъ загробный міръ въ видѣ путешествія, совершенно сходнаго съ тѣмъ, которое сами они совершаютъ при своихъ охотничьихъ и военныхъ экспедиціяхъ. Путешествіе это обставлено всевозможными препятствіями, непосредственно заимствованными изъ дѣйствительности, а потому предполагающимися различными въ разныхъ странахъ. Тутъ бѣдной, страдальческой душѣ, утомленной недавними страданіями, испуганной новизною своего положенія, приходится переходить черезъ дымящіяся сольфаторы, смрадные пещеры; тамъ — черезъ необозримыя сѣвѣныя равнины, гдѣ она изнемогла-бы отъ холода, еслибы заботливые родственники не поддерживали на ея могилѣ постоянный огонь. По понятіямъ однихъ, въ своихъ страствіяхъ душа подвергается ежечаснымъ опасностямъ отъ фантастическихъ дикихъ звѣрей; по представленіямъ другихъ — страшнѣе всякихъ звѣрей ожидаютъ ее грозные блюстители порядка въ загробномъ мірѣ, и она погибнетъ, если ее позабыли снабдить должнымъ паспортомъ или деньгами для подкупа этихъ мрачныхъ и свирѣпыхъ сторожей. Большая часть народовъ прежде всего заботится о томъ, чтобы покойникъ былъ снабженъ хорошею обувью: сѣверо-американскіе краснокожіе надѣваютъ ему на ноги добрыя макасины изъ буйволовой или лосей кожи. Самые разнообразныя предметы, считаемыя полезными для покойника: оружіе, платье, нѣкоторые инструменты, деньги и т. п., погребаются вмѣстѣ съ нимъ. Многіе народы доводятъ эту послѣдовательность суевѣрій до

воида. Въ царствѣ душъ, разсуждаютъ они, самыя предметы не могутъ служить ни къ чему, а полезны только души предметовъ. Поэтому все, даваемое покойнику на дорогу, такъ-же, какъ и на пользование въ загробномъ мірѣ, должно быть изломано или сожжено. Извѣстно классическое греческое преданіе, по которому Мелиса, жена Періандра, возвращалась изъ царства тѣней и горько жаловалась на то, что на ея погребальномъ кострѣ сожгли недостаточно теплой одежды, и что она, вслѣдствіе этой небрежности въ исполненіи обряда, сильно страдала отъ холода. Краснокожіе сѣверной Америки, между которыми въ большомъ ходу фантастическіе рассказы объ обжираніи, иногда возвращались съ того свѣта и упрекали своихъ родичей въ томъ, что они снабдили ихъ всякими предметами, но не изломали этихъ предметовъ, такъ-что они оказываются ни на что негодными въ загробномъ мірѣ. Впрочемъ, многіе другіе народы совершенно не обращаютъ вниманія на эту тонкость. Въ восточной Европѣ, гдѣ сильно распространены обычаи ставить въ извѣстные сроки на могилу усопшаго съѣстные припасы, совершенно не задаются даже мыслью, какимъ образомъ *вещественное* вареное пшено или другое вареное снабдьё переносится въ духовный міръ? Истинные фетишисты въ подобныхъ случаяхъ оказываются послѣдовательнѣе: они и изъ лица, и изъ одежды извлекутъ ея *маниту*.

На дорогу они снабжаютъ покойника надежнымъ проводникомъ. Охотничьи народы убиваютъ обыкновенно для этого собаку; но иногда, вмѣсто нея, убивается вѣрный слуга, пѣстунъ или дядька. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ этому-же присоединяется верховая лошадь, чтобы душа усопшаго могла на ея душѣ удобно совершить опасный путь. Настоящая-же бойня начинается только тогда, когда покойникъ снабженъ уже всѣмъ нужнымъ на дорогу, и остается позаботиться объ его устройствѣ въ загробномъ мірѣ. Въ настоящее время особенною пышностью такого загробнаго устройства отличаются похороны нѣкоторыхъ западно-африканскихъ царьковъ, преимущественно-же короля дагомеевъ въ Гвинѣи. Этотъ могущественный монархъ долженъ явиться въ область глѣи, окруженный многочисленною стражею, а потому изъ войска тотчасъ-же выбираются сто отборныхъ лейбъ-гвардейцевъ, которые немедленно убиваются на королевской могилѣ. За ними слѣдуютъ восемь отборныхъ танцовщицъ изъ королевскаго гарема. Чтобы

укомплектовать эту замогильную свиту, пятьдесят любителей приглашаются добровольно зарѣзаться въ королевскомъ склепѣ, не имѣя себѣ другого утѣшенія, какъ то, что души ихъ будутъ вѣрными рабами покойнаго своего повелителя. Новый король вступаетъ въ свои наслѣдственныя права только полтора года спустя послѣ этого избиенія. Онъ обязуется ознаменовать свое вступленіе на престолъ новымъ и щедрымъ посланіемъ даровъ своему предшественнику. Обыкновенно, при этомъ избивается поголовно весь гаремъ умершаго короля съ придачею множества хорошенькихъ молодыхъ дѣвушекъ. Тысячи злополучныхъ дагмейцевъ, безъ разбора пола, возраста, чина и званія, избиваются на улицахъ столицы Абгомэ и въ провинціяхъ только для того, чтобы умершему королю было надъ кѣмъ царствовать въ загробномъ мірѣ. Дагмейскіе гранды и магнаты спѣшатъ, каждый на свой счетъ, послать по нѣсколькѣ отборнѣйшихъ рабовъ-поклонниковъ и невольницъ. Отъ времени до времени подобная-же рѣзня повторяется, правда, въ меньшихъ размѣрахъ. При каждомъ торжественномъ или чрезвычайномъ событіи отправляютъ на тотъ свѣтъ по нѣсколькѣ гонцевъ и курьеровъ.

Впрочемъ, относительно восточныхъ племенъ это извѣстно уже давно, но только прежде наши историки считали обычай гекатомбъ исключительно монгольскимъ и скифскимъ обыкновеніемъ. Въ настоящее-же время достаточно открыть любой учебникъ сравнительной мифологіи или исторіи язычества, чтобы убѣдиться въ его повсемѣстномъ распространеніи. Начиная съ Америки, мы находимъ, что у ацтековъ не только цари, но и всѣ сколько-нибудь достаточные люди отправлялись на тотъ свѣтъ съ возможно-многочисленною и разнообразно-составленною свитою. Гватемальскія племена вѣрили, что души тѣхъ простолюдиновъ, которые добровольно дадутъ себя убить на могилѣ кациковъ, облагораживаются въ загробной жизни; благодаря этому повѣрью, въ добровольцахъ тамъ никогда не было недостатка. У начезовъ простолюдинъ могъ обогородиться и въ этой жизни, отдавая своихъ сыновей въ замогильную свиту царьковъ. Въ царствѣ инковъ, при довольно высокомъ уровнѣ цивилизаціи и при вообще мягкихъ нравахъ перуанцевъ, смерть царя опустошала столицу и страну не хуже моровой язвы. Перуанскія гекатомбы славились своею роскошною обстановкою и многлюдствомъ погибавшихъ при этомъ

жертвъ: не только жены короля, но цѣлыя военныя, духовныя и свѣтскія корпораціи избивались при этомъ поголовно. О болѣе остальныхъ американскихъ племенахъ нечего и говорить: погребальныя избіенія рабовъ и женъ составляютъ у нихъ заурядное явленіе. Въ Старомъ-же Свѣтѣ специалистами такихъ избіеній можно, дѣйствительно, считать такъ-называемыя туранскія племена, но развѣ только потому, что у нихъ пышныя гекатомбы справлялись въ очень недавнія еще времена, и иногда при довольно высокомъ уровнѣ цивилизаціи. Въ Китаѣ обычай этотъ, однажды отмѣненный въ очень отдаленныя времена, восстанавливается вновь, почти триста лѣтъ послѣ Конфуція, императоромъ Цинь-ши Хоангъ-ти, на похоронахъ котораго въ 210 г. до Р. Х. были избиты всѣ бездѣтныя жены и наложницы его; нѣсколько сотъ стрѣлковъ изъ императорской гвардіи были зарыты живьемъ подлѣ его могилы, въ которой схоронено также множество всякой драгоценной утвари и рухляди. Въ Японіи обычай *икими-ие*, заключавшійся въ томъ, что вмѣстѣ съ покойникомъ погребали его женъ, рабовъ, лошадей, собакъ и т. п., окончательно уничтожился только въ VIII или IX столѣтіи по Р. Х., подъ вліяніемъ будизма, хотя уже за 1000 лѣтъ передъ тѣмъ передовые люди, и даже императоры, возмущались безуміемъ и варварствомъ этого обыченія и изыскивали средства положить ему конецъ, не оскорбляя повѣрій своихъ современниковъ.

Излишне было-бы распространяться о томъ, что *сутти*, т. е. обычай сожженія индійскихъ вдовъ на вострахъ ихъ мужей, представляется только какъ частный случай того-же самаго міровоззрѣнія. Не далѣе какъ въ 1877 г., двѣ жены умершаго непаляскаго регента раджи Джунгъ-Багадуря никакими увѣщаніями не могли быть отклонены отъ рѣшенія подвергнуть себя этой участи. Англичанъ неоднократно упрекали въ томъ, что они еще не искоренили подобнаго варварства въ западной Индіи; мы не станемъ оправдывать ихъ, но нельзя не замѣтить, что искорененіе официальными декретами того, что глубоко гнѣздится въ народномъ міровоззрѣніи, дѣло далеко не легкое. Извѣстно, наприимѣръ, что всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда въ самой Англіи умеръ цыганскій царекъ, тамошнимъ властямъ не безъ труда удалось помѣшать тому, чтобы его вдова не была погребена съ нимъ вмѣстѣ живюю. Я упоминаю

здѣсь о вѣхъ этихъ случаяхъ потому, что они должны-бы излечить насъ отъ голословнаго предположенія, будто наши арійскіе предки были всегда свободны отъ тѣхъ ужасовъ, черезъ которые проходили вѣ другія племена. Въ классическихъ греческихъ памятникахъ нерѣдко упоминается о „великомъ обыкновеніи“, вполне сходномъ съ нынѣшнимъ дагомейскимъ. Такъ, напримѣръ, Ахиллъ избиваетъ на похоронахъ Патрокла многочисленныхъ троянскихъ плѣнниковъ и отправляетъ вслѣдъ за покойникомъ души любимыхъ его собакъ и лошадей. Обыкновеніе это сохранилось во многихъ греческихъ мѣстностяхъ и въ гораздо-позднѣйшія времена. О германцахъ мы достовѣрно знаемъ, что ихъ погребальные обряды немногимъ разнились отъ современныхъ западно-индійскихъ: имена нѣкоторыхъ вѣрныхъ женъ, желавшихъ послѣдовать за своими мужьями въ мрачную обитель смерти, и до сихъ поръ прославляются въ народныхъ преданіяхъ. Такъ Брингильда добровольно ложится на костеръ Зигурда и сгораетъ, обнимая его трупъ; Нана тѣмъ-же путемъ слѣдуетъ въ загробный міръ за своимъ Бальдромъ и т. д. Цезарь говоритъ, что обычай избивать невольниковъ, животныхъ и женъ при похоронахъ былъ во всеобщемъ ходу у галловъ. Про славянъ мы узнаемъ то-же самое изъ Ибнъ-Фецлана и Бонифація (про вендовъ). Добровольны или нѣтъ со стороны самыхъ жертвъ подобныя избіенія — это для насъ рѣшительно все равно, да и установить какія-нибудь границы нѣтъ никакой возможности въ подобномъ дѣлѣ. Даже тамъ, гдѣ власти выказываютъ полнѣйшую готовность покровительствовать обрекаемымъ суевѣріями на смерть, онѣ необходимо должны оказываться безсильными. Общественное мнѣніе и весь бытовой строй повсюду умѣютъ душить всякій личный протестъ хуже всякаго официальнаго принужденія...

Замѣчая, что погребаніе богатствъ и избіеніе многочисленныхъ рабочихъ силъ сказывается убыточно на его матеріальномъ благосостояніи, отсталое человѣчество начинаетъ измышлять средства, чтобы, не раздраживъ духовъ, не разорить, однакожь, въ-конецъ и самого себя. Изобрѣтательность его и въ этомъ направленіи поражаетъ насъ своимъ однообразіемъ и ребячествомъ. У вѣхъ народовъ долго, послѣ того какъ исчезаетъ обычай дѣйствительныхъ гекатомбъ, остаются еще въ ходу различныя подобія этихъ могильныхъ избіеній, болѣе или менѣе идеалистическія и симво-

лическія. Прежде всего, повидимому, на выручку его является нижеслѣдующая ребяческая загадка: тѣни и души не суть живые люди, а только подобія живыхъ; слѣдовательно онѣ и не могутъ нуждаться въ дѣйствительныхъ рабахъ, женахъ, невольникахъ и т. п., а только нуждаются въ ихъ подобіяхъ. Дѣйствительно, мы замѣчаемъ у многихъ народовъ, что въ могилу начинаютъ зарывать уже только глиняныя или деревянныя куклы, долженствующія изображать собою живыхъ людей и животныхъ. Мы знаемъ, что въ Японіи фарфоровое производство, столь предъшавшее своими новѣйшими продуктами европейскимъ любителямъ на послѣдней парижской выставкѣ, возникло въ очень отдаленныя времена, благодаря тому, что нѣкто Номино Сугуна надомилъ императора завести цѣлую фабрику глиняныхъ куколъ для погребальныхъ изобіеній. Въ Китаѣ фабрикація деревянныхъ и картонныхъ дворцовъ, помѣстій, стадъ, прислужниковъ обоего пола, очаровательныхъ женъ и наложницъ и т. п., ведется въ огромныхъ размѣрахъ. На гробницѣ сколько-нибудь достаточнаго китайца сжигается цѣлая игрушечная лавка, при описаніи которой у самаго балованнаго европейскаго ребенка разбѣжались-бы глаза... Другіе народы считаютъ нужнымъ, вмѣсто животныхъ и людей, зарывать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя ихъ части, преимущественно, конечно, такія, которыхъ отнятіе не увѣчало-бы пациента, какъ, наприм., ногти, волосы и т. п. Иные же и до сихъ поръ приводятъ на могилу живьемъ все то, что прежде полагалось разбить, убить или закопать въ этой могилѣ; но по окончаніи погребальной церемоніи уводятъ и уносятъ все это опять, разсуждая, что для покойника совершенно достаточно уже и того, что всѣ эти земныя блага душевно или умственно посвящены ему.

Левъ Мечниковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПАУКЪ.

Тамъ, гдѣ алыя сирени
Гнутя вокругъ бесѣдки,
Вѣтеръ яростно качаетъ
Паучка на вѣткѣ.
Разыгралась, видишь, буря—
А чему такъ рада?
Накидала съ неба кучи
Скачущаго града.
Притаилось все живое,
Въ страхѣ очи жмурия...
Паучекъ къ листку прижался—
Пощадить-ли буря?
Долго-долго онъ трулился,
Вывелъ паутинку—
И умчалъ ее куда-то
Вѣтеръ, какъ былинку...
Стихла буря —и запѣли
Птички какъ-то внятнѣй;
Лавдышъ, выправивъ голову,
Похнетъ ароматнѣй;
Люди снова копошатся;
Воробей ужь скачетъ,—
А паукъ на голой вѣткѣ
Только что не плачетъ...

Г. Я.

ТАЙНА БАЛЪДЫ.

РОМАНЪ

А. МАТТЕИ.

АВТОРА „МЕСТИ КЛОДИОНА“

ГЛАВА XIII.

Балъда начинатъ игру.

Впродолженіи вечера, на который графъ Сержи пригласилъ доктора, Балъда впервые обнаружила начало военныхъ дѣйствій, хотя искусно скрытыхъ и замѣтныхъ только такому зоркому наблюдателю, какъ Роберъ. Впрочемъ, на этомъ вечерѣ не случилось ничего необыкновеннаго, все было просто и прилично. Одинъ лишь Роберъ слышалъ во мракѣ отдаленный топотъ наступающаго врага.

Люси въ подаренныхъ братомъ жемчугахъ сіяла красотой и граціей.

Роберъ былъ ослѣпленъ ею и сначала не видалъ никого, кромя нея, но мало-по-малу его вниманіе было отвлечено мелкими, почти невидимому, неважными обстоятельствами.

— Я плохо танцую, сказалъ онъ со смѣхомъ Люси, когда начался балъ, — но я надѣюсь, что вы дадите мнѣ одинъ вальсъ.

— Еще-бы, отвѣчала она: — первый, не правда-ли?

Они понеслись по залѣ. Чувствуя такъ близко къ своему сердцу любимую дѣвушку, Роберъ былъ внѣ себя отъ счастья.

— Оставьте мнѣ еще одинъ вальсъ, сказалъ онъ, отвѣдя Люси на ея мѣсто.

— А развѣ вы не будете танцевать съ другими? спросила молодая дѣвушка.

— Съ кѣмъ-же вы хотите, чтобъ я танцевалъ?

— Съ графиней Сержи, напримѣръ.

— Нѣтъ, я ее мало знаю; къ тому-же она окружена танцорами.

— Ну, по крайней мѣрѣ, пригласите мою маленькую Анжелину. Вы ее видали у графини Арно и посмотрите, какая она хорошенькая.

Дѣйствительно, даже подлѣ Люси Анжелина была прелестна. Роберъ пригласилъ ее на вальсъ.

Она слегка вздрогнула и утвердительно кивнула головой, поднявъ на него свои мягкіе, большіе глаза. Но она уже была приглашена почти на всѣ танцы и могла обѣщать вальсъ только въ концѣ бала.

Несмотря на свою привычку къ свѣтскому обществу, Роберъ чувствовалъ себя какъ-то неловко и одиноко среди блестящей толпы придворныхъ декабрской имперіи. Онъ зналъ по имени очень немногихъ изъ нихъ. Проходя по большой залѣ, онъ замѣтилъ, что графиня Сержи съ кѣмъ-то разговаривала; физиономія этого человѣка его поразила, онъ самъ не зналъ почему. Это былъ господинъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, сухощавый, съ нервной, натянутой улыбкой на губахъ.

— Ты знаешь, съ кѣмъ разговариваетъ теперь графиня Сержи? спросилъ Роберъ у Люсена.

— Нѣтъ; ты забылъ, кажется, что я только-что пріѣхалъ и почти таковой-же чужой здѣсь, какъ и ты.

Въ эту минуту Вальда подозвала мужа и сказала ему что-то на ухо. Онъ вмѣстѣ съ господиномъ, стоявшимъ подлѣ Вальды, тотчасъ направился къ Люсену.

— Сынъ мой, сказалъ онъ подходя, — я хочу тебя познакомиться съ однимъ изъ близкихъ друзей нашего дома. Я надѣюсь, что онъ скоро будетъ и твоимъ другомъ. Это маркизъ Можронъ.

Люсень холодно поклонился. Отецъ его впродолженіи нѣсколькихъ минутъ поддерживалъ общій разговоръ, но онъ, видимо, не клеился, хотя маркизъ былъ очень любезенъ.

— Онъ мнѣ сильно не нравится, сказалъ Люсьенъ Роберу, когда его новый знакомый удалился мѣстѣ съ графомъ Сержи. Роберъ слѣдилъ глазами за Можирономъ, который прямо направился къ Люси.

Онъ пригласилъ ее на вальсъ.

— Извините, отвѣчала она, — я очень устала.

— Вы болѣе не будете танцевать весь вечеръ? спросилъ Можиронъ съ своей обычной улыбкой.

— Не знаю, не думаю.

— Я надѣюсь, что этотъ отказъ не помѣшаетъ вамъ танцевать съ другими, произнесъ поспѣшно Можиронъ: — вы совершенно вольны выбирать танцоровъ, и я былъ-бы очень несчастливъ, еслибы лишилъ васъ удовольствія танцевать, какъ ни больно мнѣ, что вы меня забраковали.

Онъ низко поклонился и отошелъ.

Отказъ кавалеру на балѣ не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго, и, конечно, Можиронъ, не имѣлъ никакого права обидѣться, еслибы Люси, отказавъ ему, пошла танцевать съ другими. Однако, когда Роберъ, приблизившись къ ней, потребовалъ обѣщаннаго вальса, она отвѣчала, что не будетъ болѣе танцевать.

— Развѣ маркизъ Можиронъ васъ только-что не пригласилъ? произнесъ Роберъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Люси, — онъ передалъ мнѣ порученіе отъ графини Сержи.

Когда наступила его очередь, Роберъ вальсировалъ съ Анжелиной.

Онъ былъ очень любезенъ съ нею, потому что зналъ, какъ ее любила Люси. Но она не отвѣчала ни слова. Только когда онъ, отвѣдя ее на мѣсто, хотѣлъ удалиться, она схватила его за руку и къ большому его изумленію сказала:

— Остерегайтесь маркиза Можирона.

ГЛАВА XIV.

Жизнь и похождения маркиза Можирона.

Бальда, такъ долго бывшая въ разлукѣ съ дочерью, не хотѣла теперь съ нею разставаться ни на минуту и помѣстила ее подлѣ своей спальни, въ комнатѣ, гдѣ прежде жила Люси.

Эта ненасытность материнской любви имѣла свою слабую сторону. Анжелина была вѣчно съ Вальдой. Это приносило невыразимое счастье матери, но было опасно для интригантки, ненавидѣвшей и въ тайнѣ подготавливавшей погибель сына и дочери графа Сержи.

Анжелина, постоянная свидѣтельница всѣхъ ея поступковъ, была шпиономъ, невольнымъ, даже бессознательнымъ, но все-же шпиономъ. Впрочемъ, мы знаемъ, что она наследовала отчасти отъ матери ея зоркую, кошачью натуру. Она все видѣла, все слышала, все замѣчала, хотя, повидимому, ни на что не обращала вниманія и казалась всегда апатичной и сонной. Но эта склонность у нея вполне уравновѣшивалась добротой, мягкостью и нѣжностью, которыя она, вѣроятно, заимствовала у отца.

Наканунѣ бала графиня Сержи имѣла съ маркизомъ Можиромъ длинное совѣщаніе. Она удалила изъ гостиной Анжелину, но послѣдняя, войдя зачѣмъ-то въ сосѣднюю комнату, слышала, какъ мать произнесла имя Люси, но такимъ тономъ, который глубоко поразилъ ее.

Къ тому-же, она не любила, сама не зная почему, Можирова, котораго дружески принимала ее мать. Въ ней просто говорилъ инстинктъ; да и что въ этой молодой дѣвушкѣ не было инстинктомъ?

Маркизь Можиронъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока. Онъ самъ давалъ себѣ тридцать шесть лѣтъ, а на взглядъ ему было сорокъ пять. Жизнь его изобиловала похождениями ловкаго авантюриста. Онъ происходилъ отъ древней, если не отъ очень почтенной фамиліи,—онъ былъ потомкомъ знаменитаго Можирона, любимца Генриха III. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался обладателемъ состоянія въ сорокъ тысячъ годового дохода, но, ракодуя ежегодно около ста тысячъ, въ двадцать пять лѣтъ остался безъ гроша.

По счастью для него въ то самое время случился государственный переворотъ 1851 года.

Можиронъ тотчасъ понялъ, что декабрьская имперія была благополучіемъ для проигравшагося игрока, жаждавшаго поправиться. Онъ имѣлъ блестящее имя и связи; въ юности онъ приготовлялся поступить въ политехническое училище и сдѣлалъ честь арміи, избравъ ее для своей карьеры. Онъ былъ храбръ, какъ

всѣ, которымъ нечего терять, довольно скоро проложилъ себѣ дорогу и сдѣлался начальникомъ одного изъ арабскихъ округовъ въ Алжирѣ.

Его дѣла стали очень быстро поправляться, какъ вдругъ онъ былъ вынужденъ подать въ отставку. Это обстоятельство въ жизни Можирона было покрыто таинственнымъ мракомъ: фактъ всѣ знали, но причины его оставались неизвѣстными. Достоверно только то, что пріѣхавшій ревизовать Можирона полковникъ нашелъ у него серьезныя злоупотребленія, и, послѣ бурныхъ съ нимъ объясненій, Можиронъ подалъ въ отставку. Увѣряли даже, что храбрый полковникъ посоветовалъ ему пустить себѣ пулю въ лобъ. Но Можиронъ предпочелъ убить не себя, а полковника. Встрѣтивъ его вскорѣ послѣ своей отставки въ Алжирѣ, Можиронъ позволилъ себѣ при немъ очень легко отозваться объ одной почтенной женщинѣ, за которой полковникъ ухаживалъ. Послѣдній разгорячился и произнесъ нѣсколько оскорбительныхъ словъ. Можиронъ вызвалъ его на дуэль и на слѣдующій день положилъ на мѣстѣ пульей, попавшей въ самую переносицу. Это было началомъ страшной репутаціи дуэлиста, которой пользовался Можиронъ.

Возвратясь въ Парижъ съ кое-какими грошами, отложенными на черный день, Можиронъ пустился въ спекуляціи, такъ блестяще процвѣтавшія въ тлетворной атмосферѣ декабрьской имперіи. Счастье ему улыбалось, но онъ слишкомъ широко жилъ и потому по временамъ находился въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Въ одну изъ подобныхъ минутъ онъ имѣлъ счастье или несчастье на вечерѣ у банкира-миліонщика выиграть восемьдесятъ тысячъ франковъ съ хозяина дома. Послѣдній заплатилъ деньги, но болѣе не приглашалъ Можирона на свои вечера и, встрѣчаясь въ чужихъ домахъ, никогда съ нимъ не игралъ. Невозможно было привязаться къ осторожности банкира, но Можиронъ стрѣлялся два раза съ смѣльчаками, легко отозвавшимися объ его постоянномъ счастьи въ игрѣ. Очень благоразумно щадя ихъ жизни, онъ сдѣлалъ ихъ на-вѣки лѣвшами.

Однако, эти подвиги подорвали его кредитъ на биржѣ. Онъ на-время уѣхалъ изъ Франціи, отправился въ Италію и поступилъ въ папскіе зуавы съ чиномъ капитана. Въ Миланѣ онъ

поссорился съ молодымъ офицеромъ берсальеровъ, и такъ-какъ это былъ либераль и чужестранецъ, врагъ католицизма, то онъ положилъ его на мѣстѣ, прострѣливъ ему лѣвый глазъ.

Тогда онъ нашелъ возможнымъ возвратиться въ Парижъ и былъ принятъ очень хорошо, какъ рыцарь, прибывшій изъ восточныхъ походовъ.

Въ настоящее время маркизъ Можиронъ находился не въ дружномъ положеніи. Нельзя сказать, чтобы его всѣ уважали, но его боялись, а это что-нибудь да значить. Его подвиги не были такого рода, чтобы могли ему вредить при наполеоновскомъ дворѣ, и его открыто презирали только представители оппозиціи, республиканцы, изгнанники и другіе безпокойные люди.

Онъ жилъ довольно широко. Чѣмъ—никто не зналъ. Рассказывали, что онъ очень часто посѣщалъ г-жу Маруссѣ, вдову члена государственнаго совѣта. Покойный оставилъ послѣ себя большое состояніе, но, по несчастью, у него былъ сынъ десяти лѣтъ, и еслибы г-жа Маруссѣ вышла замужъ вторично, то имѣла-бы право пользоваться доходами съ помѣстій несовершеннолѣтняго наследника, а сама она имѣла только маленькое приданое въ 60,000 фр. Поэтому она оставалась вдовой и получала 60,000 фр. ежегоднаго дохода.

Никто не смѣлъ открыто говорить, что Можиронъ пользовался извѣстной долей этого дохода. Всякому были дороги рука и глазъ. Можиронъ былъ другъ дома,—вотъ и все. Онъ давалъ вдовѣ благоразумные совѣты для выгоднаго помѣщенія процентовъ, такъ-какъ, по счастью для наследника, она не могла дотронуться до капитала. Въ тому-же г-жа Маруссѣ была женщина тридцати пяти лѣтъ, прекрасно сохранившая остатки своей красоты, и могла еще смѣло рассчитывать на любовь совершенно безкорыстную.

Можиронъ, преждевременно постарѣвшій и изношенный жизнью, все еще сохранилъ славу прежнихъ успѣховъ. Кромѣ того, онъ отличался большимъ умомъ, самоувѣренностью, доходившей до дерзости, и такъ-называемымъ знаніемъ свѣта, позволявшимъ ему всѣхъ презирать. Онъ ничего не уважалъ и ничего не боялся.

Благодаря точнымъ справкамъ, Вальда знала отлично прошлую исторію Можирона и уже давно остановила свое вниманіе на этомъ человѣкѣ, который въ данную минуту могъ явиться

полезнымъ для нея союзникомъ. Въ ея глазахъ онъ обладалъ рѣдкимъ качествомъ въ наше извѣженное время: онъ хладнокровно убивалъ людей.

Впрочемъ, Бальда не имѣла еще опредѣленнаго плана: она знала, какое громадное вліяніе имѣеть непредвидѣнный случай, и брала на себя не создавать обстоятельствъ, а только готовить ихъ. Она приводила въ столкновеніе людей и потомъ предоставляла дѣйствовать судьбѣ, не отказываясь, однако, помочь ей въ рѣшительную минуту.

Ей казалось, особенно послѣ прочтенія писемъ Робера, что Можиронъ могъ быть полезнымъ женихомъ Люси.

Это былъ отличный шагъ въ начатой ею игрѣ. По всей вѣроятности, Можиронъ встрѣтилъ-бы на дорогѣ могущественныя преграды: доктора Робера, любившаго Люси и любимаго ею, а также Люсьена, горячо преданнаго сестрѣ и друга Робера. Такимъ образомъ, человѣкъ, убивавшій людей, могъ освободить Бальду или отъ Робера, знавшаго наполовину ея тайну, или отъ Люсьена, владѣвшаго половиной ея состоянія, потому что все состояніе семьи мужа она считала своимъ или, лучше сказать, достояніемъ Анжелины.

Этого мало, смерть Робера или Люсьена должна была повергнуть въ отчаяніе Люси, а извѣстно, какъ умѣла Бальда доводить отчаяніе окружающихъ ее лицъ до крайнихъ предѣловъ. Бальда долго и хладнокровно взвѣшивала всѣ доводы въ пользу этого брака и нашла его очень выгоднымъ. Но прежде всего необходимо было заручиться согласіемъ Можирона, что не было трудно, и графа Сержи, что не представлялось невозможнымъ.

Она не могла и не хотѣла бросить Люси на шею Можирону. Нужно было, чтобъ онъ самъ возымѣлъ эту мысль и сдѣлалъ первый шагъ. Она пустила въ ходъ всю свою ловкость; но она имѣла дѣло съ умнымъ человѣкомъ, который понималъ все на-лету.

Во время совѣщанія, отчасти подслушаннаго Анжелиной, Можиронъ осмѣлился повѣрить графинѣ Сержи свои надежды. Онъ зналъ, какъ онѣ были дерзки. Уже давно любясь красотой и граціей молодой дѣвушки, онъ мечталъ назвать ее своей женою. До сихъ поръ онъ хранилъ молчаніе, считая неосуществимымъ столь блестящій планъ. Но графиня Сержи была такъ добра въ

нему, что онъ рѣшился спросить у нея, слѣдовало-ли ему отказаться навсегда отъ счастья или попытать судьбу.

Бальда представила множество возраженій, справедливость которыхъ Можиронъ тотчасъ призналъ, но потомъ они оба стали искать способа побороть всѣ преграды и нашли ихъ. Бальда общала на другой-же день послѣ бала переговорить съ мужемъ. Она не отчаявалась въ конечномъ успѣхѣ своихъ стараній. Оба заговорщика разстались очень довольные другъ другомъ.

Поэтому холодный приемъ со стороны Люси и Люсьена несколько не привелъ въ уныніе папскаго зуава, который поборогъ уже въ жизни много затрудненій.

— Дѣти! прошепталъ онъ, сходя по лѣстницѣ послѣ бала и пожимая плечами.

Напротивъ, Робертъ, предупрежденный Анжелиной, не спалъ всю ночь отъ тревожнаго безпокойства.

Онъ зналъ Можирона по репутаціи, а Бальду—увъ!—гораздо болѣе. Онъ предчувствовалъ, чѣмъ могъ угрожать союзъ подобныхъ двухъ существъ. По крайней мѣрѣ, онъ теперь видѣлъ, какою игрою начала Бальда, и заранѣе содрогался отъ ужаса.

ГЛАВА XV.

• Образецъ ловкости Бальды.

Робертъ имѣлъ полное право безпокоиться. Какъ могъ онъ, несмотря на весь свой умъ, энергію и преданность друзьямъ, отгнать и уничтожить зловредныя ковы такого ловкаго и хитраго врага, какъ Бальда, медленно, терпѣливо стремившагося къ своей тайной, невѣдомой цѣли? Довольно было слышать ея разговоръ съ мужемъ о Можиронѣ, чтобъ убѣдиться, какъ опасно имѣть ее врагомъ.

Она сказала утромъ графу, что имѣетъ нѣчто важное сообщить ему относительно Люси, и просила зайти къ ней по возвращеніи изъ клуба. Эти таинственныя слова возбудили любопытство графа, и онъ пріѣхалъ домой ранѣе обыкновеннаго.

Она начала разговоръ покорнымъ, и почти боязливымъ тономъ, который чрезвычайно льстилъ графу, имѣвшему притязаніе на умственное превосходство и верховную власть въ домѣ.

— Другъ мой, сказала она, — я должна покаяться передъ вами и просить прощенія. Я попалась врасплохъ и боюсь, что сдѣлала глупость. Хотя вы всегда увѣряете, что я очень умна и находчива...

— Я повторяю, что вы, милая Бальда, самая умная и образованная женщина, которую я когда-нибудь встрѣчалъ. Я не говорю болѣе, чтобы не расточать вамъ комплиментовъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, произнесла Бальда съ улыбкою и граціозно качая головой: — я только имѣю честь и счастье быть женою и другомъ одного изъ высшихъ умовъ нашего времени и имѣю достаточно сообразительности, чтобы вдохновиться его идеями и совѣтами—вотъ все мое достоинство. Но, придерживаясь какъ можно ближе къ совѣтамъ и идеямъ этого замѣчательнаго ума, я не всегда увѣрена, что вѣрно ихъ понимаю. Такъ случилось и теперь.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ графъ.

— У меня просили руки Люси, и я на-отрѣзъ отказала.

— Вы прекрасно сдѣлали. Я вамъ уже высказывалъ свои мысли о бракѣ Люси по поводу прежнихъ ея жениховъ. Теперь не въ модѣ выдавать дочерей замужъ, какъ въ старину, очень рано. Это совершенно разумно, и не слѣдуетъ молодой дѣвушкѣ выходить замужъ ранѣе двадцати или двадцати пяти лѣтъ. Люси къ тому-же очень слабого здоровья, и нѣтъ причины сдѣлать для нея исключеніе изъ общаго правила. Наконецъ, въ интересѣ моихъ дѣтей, я долженъ сохранить нетронутымъ мой капиталъ, а послѣ смерти ихъ матери и совершеннолѣтія Люсьена, я обязанъ былъ отдать ему часть капитала матери, такъ-что выдача приданаго Люси заставила-бы меня тронуть мой капиталъ. Вы знаете, какъ стоитъ дорого жизнь, достойная моего званія и положенія въ свѣтѣ. Если-же мы подождемъ три или четыре года, то, во-первыхъ, я буду, по всей вѣроятности, сенаторомъ...

— Черезъ три или четыре года! перебила его Бальда; — нѣтъ, вы будете сенаторомъ черезъ годъ и министромъ черезъ три.

— Не знаю, но это вѣроятно, отвѣчалъ Сержи, самодовольно улыбаясь, — во всякомъ случаѣ, я вамъ уже говорилъ, милая Бальда, что я съ нѣсколькими друзьями имѣю въ виду важное предпріятіе, для котораго мнѣ необходимо сохранить всѣ мои теперешнія финансовыя средства.

— Поэтому именно я и сомнѣваюсь, хорошо-ли я сдѣлала, что отвязала новому жениху Люси, не посоветовавшись съ вами.

— Отчего? Кто-же этотъ новый женихъ?

— Я вамъ сейчасъ скажу, отвѣчала Балда; — вы часто и краснорѣчиво развѣвали при мнѣ глубокомысленныя воззрѣнія, достойныя законодателя, о революціонномъ и несправедливомъ законѣ, по которому отецъ не имѣетъ права вполне расплатить состояніемъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей въ ихъ собственномъ интересѣ.

— Конечно, произнесъ Сержи докторальнымъ тономъ; — вотъ, напримѣръ, все состояніе Люси находится въ недвижимой собственности, которая приноситъ только три процента, и потому представляетъ капиталъ во сто пятьдесятъ тысячъ франковъ; если-же превратить все это въ деньги, то капиталъ возрастетъ до двухъ съ половиною миліоновъ, а если-бы у меня были въ рукахъ два съ половиною миліона, то я удвоилъ-бы ихъ въ два года.

— Я ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ, сказала Балда; — но, кажется, свадьба Люси сдѣлается свободными ея капиталы?

— Да, отвѣчалъ съ горькой улыбкой Сержи; — но они поступятъ въ руки ея мужа.

— А если-бы ея мужъ отдалъ ихъ вамъ?

— Какимъ образомъ? спросилъ Сержи съ любопытствомъ.

— Можетъ быть, я не все поняла, что мнѣ сказали, но все-же я постараюсь передать вамъ слышанное, какъ умѣю. Женихъ, о которомъ я говорю, одинъ изъ вашихъ друзей, принимающихъ участіе въ важномъ предпріятіи. Я должна еще прибавить. — и это его главное достоинство въ моихъ глазахъ, — что онъ питаетъ къ вамъ самое безграничное уваженіе. Онъ мнѣ говорилъ, что если-бы у васъ былъ больше капиталъ, то вы непременно были-бы назначены директоромъ вашей компаніи, что это дѣло чрезвычайно выгодное, и что если-бы онъ имѣлъ честь быть вашимъ зятемъ, то немедленно отдалъ-бы вамъ свое состояніе и состояніе жены, вполне счастливый, что будетъ находиться подъ вашимъ высокимъ покровительствомъ, подъ вашимъ знаменемъ, какъ онъ самъ выразился.

Графъ Сержи съ минутою помолчалъ, а потомъ спросилъ:

— Кто-же этотъ женихъ, Бальда?

— Маркизь Можиронъ, отвѣчала она.

Имя Можирона поразило графа, и еслибы Бальда не подготовила его искуснымъ предисловіемъ, то на лицѣ его выразилось-бы, по всей вѣроятности, отвращеніе, но теперь онъ только съ удивленіемъ покачалъ головой.

— Можиронъ очень умный человѣкъ, произнесъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія.

— Безъ сомнѣнія, но противъ него говорятъ много дурного..

— Все это клевета, воскликнулъ съ жаромъ графъ; — всегда клеветуютъ на людей выдающихся.

— Таеъ, значить, я слишкомъ поторопилась, отказавъ наотрѣзъ маркизу?

— А вы не оставили ему никакой надежды?

— Никакой. Вы видите, что я очень глупа, когда не дѣйствую по вашему совѣту.

— Но, можетъ быть, я ошибаюсь въ своемъ мнѣніи о брагѣ Люси.

— Во всякомъ случаѣ, вы не браните меня слишкомъ много. Мое положеніе очень щекотливое. Я должна имѣть въ виду не только ваши желанія...

— А чьи? спросилъ графъ, нахмуривъ брови.

— Люси. Она не моя дочь.

— Но она моя дочь, и законъ, по крайней мѣрѣ, нравственно признаетъ родительскую власть.

— Можетъ быть, маркизь ей не понравится.

— Отчего?

— Люси можетъ сказать, что онъ для нея слишкомъ старъ.

— Неужели воскликнулъ Сержи, — но вы Бальда не нашли, что ея отецъ слишкомъ старъ для васъ?

— Тутъ нѣтъ ничего общаго.

— Отчего? спросилъ съ улыбкой Сержи.

— Оттого, что вы исключеніе, и единственное, на свѣтѣ. Я ваша жена и имѣю право, слава-богу, высказать прямо и открыто мои мысли: вы сохранили весь блескъ и свѣжесть молодости, несмотря на ваши кокетливыя сѣдины. Въ сравненіи съ маркизомъ Можирономъ, и даже съ людьми гораздо его моложе, вы совершенный юноша.

— Милая Вальда, отвѣчалъ Сержи вѣ себя отъ удовольствія, — вы слишкомъ самолюбивы.

— Какъ-же мнѣ не быть самолюбивой, когда я ваша жена и горжусь вами?

— Но вы не совсемъ безпристрастны. Я не хочу сказать, чтобы вы мнѣ льстили, но... но... Ты меня любишь?..

— Да, я васъ люблю, потому что вы то, что вы есть, воскликнула Вальда, какъ-бы нечаянно проговариваясь; — вы заставляете говорить богъ-знаетъ что. Но возвратившись къ Можирону: его нельзя сравнивать съ вами, но все-же онъ имѣетъ свои достоинства.

— Конечно. Сколько ему лѣтъ? Тридцать пять или тридцать шесть?

— Я думаю не меньше.

— Онъ храбрый человѣкъ и не разъ доказалъ это на дѣлѣ; онъ служилъ святому отцу и происходитъ отъ знатнаго семейства. Что-же касается его состоянія, то каково-бы оно ни было теперь, я отвѣчаю, что оно будетъ громаднымъ, если онъ соединитъ его съ моимъ.

Вальда ничего не отвѣчала, и Сержи, вставъ съ кресла, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы молчите, милая Вальда? сказалъ онъ наконецъ; — развѣ вы не согласны съ моимъ мнѣніемъ о Можиронѣ?

— Съ этимъ спорить нельзя, отвѣчала она холодно.

— Дѣйствительно, продолжалъ графъ, — Можиронъ говорилъ много дурного, но въ свѣтѣ никогда не щадять людей, стоящихъ близко къ власти. А вы, Вальда, сами ничего не имѣете противъ него? Вы отказали ему потому, что онъ вамъ не нравится?

— Я не имѣю ничего противъ маркиза, отвѣчала Вальда; — но я прошу у васъ позволенія быть совершенно нейтральной по этому вопросу. Мнѣ нечего вамъ повторять, какъ щекотливо мое положеніе. Я дала отрицательный отвѣтъ Можирону потому, что предвидѣла сопротивленіе съ вашей стороны и со стороны Люси.

— Она ребенокъ и не знаетъ жизни. Она сдѣлаетъ все, что рѣшу я, а я, конечно, рѣшу только то, что послужитъ къ ея благу.

— Можетъ быть, она и исполнила-бы вашу волю, еслибы была одна, но теперь у нея братъ.

— Братъ! воскликнулъ съ жаромъ графъ;—я никогда не дозволю, чтобы сынъ возсталъ противъ моей воли. Я не допускаю и мысли, чтобы мои дѣти не повиновались мнѣ слѣпо.

— Конечно, это ваше право; но мнѣ лучше остаться совершенно-чуждой всего, что касается Люси. Вотъ почему на предложеніе маркиза я рѣзко отвѣчала: нѣтъ.

— Но если я не согласенъ на отказъ?

— Вы—это дѣло другое; вы вольны дѣлать, что угодно.

— Но Можиронъ можетъ принять вашу отвѣтъ за окончательный?

— Не думаю. Онъ даже просилъ у меня позволенія сохранить еще надежду послѣ моего отказа и прямо сказалъ, что обратится къ вамъ съ официальнымъ предложеніемъ.

— Хорошо, произнесъ Сержи, видимо успокоенный.

— Но, что-бы вы ни рѣшили, другъ мой, я тутъ не причемъ.

Вальда отлично знала мужа. Быть главою и господиномъ въ домѣ—составляло основной принципъ, руководившій всѣми дѣйствіями будущаго сенатора. Чтобы заставить его исполнить волю жены, ей надо было прежде ловкимъ маневромъ доказать ему, что онъ самъ этого хочетъ, и тогда дѣло улаживалось. Она всегда такъ и поступала.

Она вѣрно угадала, на какой струнѣ надо было играть, чтобы заставить его согласиться на бракъ Можирона съ Люси. Она знала, что уменьшеніе доходовъ связывало ему руки въ отношеніи не только блестящей жизни, которую онъ велъ, но и будущихъ финансовыхъ предпріятій. Надежда получить въ свое распоряженіе приданое Люси не могла не радовать этого честолюбца, жаждавшего попытаться счастья на зеленомъ столѣ вышнихъ спекуляцій декабрьской имперіи. Можиронъ, быть можетъ, былъ лучшимъ для него товарищемъ въ такомъ дѣлѣ. Сержи объяснилъ все это Вальдѣ, которая рассчитала это заранѣе, но нашла нужнымъ открыть широко глаза отъ изумленія передъ геніальнымъ умомъ мужа.

— Вотъ видите, сказала она, наконецъ:—чего я боялась, то и вышло. Я поступила очень глупо и неловко.

— Нисколько, милый ребенокъ, отвѣчалъ Сержи нѣжно;—вы ничего не испортили, напротивъ. Успокойтесь, я исправлю вашу

ошибку; а, можетъ быть, и хорошо, что вы сначала указали Можирону на преграды, которыя его ожидаютъ. Теперь я беру въ свои руки все дѣло, и вы можете быть увѣрены въ успѣшномъ его окончаніи.

— Еще-бы, если вы взяли въ руки кормило, то корабль благополучно войдетъ въ гавань, сказала Балда;—но позвольте мнѣ попросить у васъ одной милости.

— Чего?

— Я вижу, что Можиронъ не встрѣтитъ съ вашей стороны отказа.

— Конечно.

— Прошу васъ пожалѣйте мое самолюбіе и не дайте тотчасъ ему своего согласія, а то ваша воля будетъ слишкомъ рѣзко противорѣчить моимъ словамъ.

— Какая вы самолюбивая!

— Это, во всякомъ случаѣ, самолюбіе сердца, другъ мой. Но моя просьба имѣетъ еще и другое основаніе: я желала-бы, чтобы Люси и Люсьенъ знали, что я не только не имѣла никакого участія въ вашемъ окончательномъ рѣшеніи, но даже высказывала, если не сопротивленіе вашей волѣ, отъ чего Боже упаси меня, то, по крайней мѣрѣ, полнѣйшее равнодушіе къ Можирону.

— Вы придаете слишкомъ много значенія моимъ дѣтямъ, но быть по-вашему. Если я и соглашусь на предложеніе Можирона, то не вдругъ. Мое рѣшеніе окончательное и безусловное, однажды, что я его объявлю, будетъ принято послѣ спокойнаго и обстоятельнаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ.

— Благодарю васъ, другъ мой, отвѣчала смиренно Балда, которая въ совершенствѣ разыграла эту маленькую комедію.

Надо было ковать желѣзо, пока оно горячо, и на слѣдующее утро Сержи получилъ письмо отъ Можирона съ просьбою назначить ему часъ, когда онъ можетъ явиться по дѣлу. Въ указанное время маркизъ явился и сдѣлалъ официальное предложеніе.

Графъ благосклонно выслушалъ его, но вскорѣ разговоръ принялъ финансовый оборотъ, и гораздо болѣе они говорили о будущихъ выгодахъ блестящаго предпріятія, чѣмъ о счастьи Люси. При этомъ Можиронъ заявилъ, что знакомые банкиры дадутъ впередъ два миліона съ половиной подъ залогъ будущихъ помѣстій Люси, и что изъ этихъ денегъ онъ дастъ миліонъ въ займы

своему тестю, который, съ своей стороны, прибавить пятьсотъ тысячъ, и вся эта сумма изъ трехъ миліоновъ, помѣщенная въ выгодное предпріятіе, удвоится въ два года и удесѣтерится въ десять.

На другой день, Можиронъ былъ приглашенъ къ обѣду, и его посадили за столъ между Люси и Бальдой. Онъ былъ очень веселъ, остроуменъ и чрезвычайно любезенъ съ хозяйкой дома.

Вечеромъ послѣ того, какъ онъ уѣхалъ, а Бальда удалилась къ себѣ въ комнату, между отцомъ и дочерью произошла маленькая сцена.

— Милая Люси, сказалъ графъ, когда молодая дѣвушка и ея братъ подошли къ нему, чтобы проститься, — Можиронъ вчера просилъ у меня твоей руки.

Люси вздрогнула и какъ-бы окаменѣла.

— Вы ему отказали, не правда-ли? произнесъ Люсьенъ послѣ минутнаго изумленія.

— Я не сказалъ ни да, ни нѣтъ.

— Но вѣдь это предложеніе не можетъ быть серьезнымъ. Вы знаете все, что говорить о Можиронѣ?

— Обо мнѣ говорить не менѣе, а я надѣюсь, что ты уважаешь своего отца, Люсьенъ?

Съ этими словами графъ Сержи вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА XVI.

Союзники: ревенокъ.

Послѣ ухода отца, Люси упала въ кресло внѣ себя отъ отчаянія.

Она была энергичная и гордая натура, которая ни передъ чѣмъ не преклонялась, когда была увѣрена въ своей правотѣ. Но потому именно, что она предчувствовала страшную борьбу съ отцомъ, этотъ неожиданный ударъ такъ сильно поразилъ ее.

Люсьенъ, неотличавшійся столь твердымъ характеромъ и не терявшій вѣры въ судьбу, старался ее успокоить.

— Не тревожься, повторялъ онъ, — еще ничего не рѣшено окончательно. Все устроится благополучно.

Но она иррачно качала головой и была такъ потрясена, что

не могла произнести ни слова. Около часа уговаривала ее Люсьенъ, и она молча его слушала, почти не понимая, что онъ говорилъ.

Наконецъ, въ двѣнадцать часовъ онъ проводилъ Люси въ ее комнату, сдалъ на попеченія преданной горничной и удалился очень встревоженный. Только позднее время удержало его отъ немедленной поѣздки къ Роберу.

На слѣдующее утро онъ очень рано пошелъ освѣδοчиться о здоровьи сестры. Она не спала всю ночь и отъ изнеможенія не могла встать. Люсьенъ испугался ея блѣдности.

— Надо послать за докторомъ, сказалъ онъ.

— Къ чему? отвѣчала Люси, — онъ мнѣ пропишетъ каку-нибудь микстуру для успокоенія, а развѣ ты думаешь, что я могу успокоиться?

— Ахъ, еслибъ я могъ привести къ тебѣ Робера, но я не смѣю. Во всякомъ случаѣ, я отправлюсь къ нему тотчасъ; онъ еще не уѣхалъ изъ дома.

— Да, да, поѣзжай къ нему скорѣе. Я ему вѣрю безусловно, и онъ можетъ помочь этому горю.

Въ эту минуту вошла въ комнату Анжелина. Она каждое утро приходила здороваться съ своимъ другомъ. Люсьенъ оставилъ ее у постели сестры и поспѣшно удалился.

Люси колебалась съ минуту, но потомъ рассказала все, что случилось, Анжелинѣ, которая удивилась менѣе, чѣмъ ожидала ее подруга. Ее особенно поразило болѣзненное состояніе Люси.

— Бѣдная голубушка, сказала она, — этотъ неожиданный ударъ тебя совершенно встревожилъ. Ты ужасно измѣнилась. И ты, кажется, не плакала? слезы тебѣ принесли-бы пользу.

— Я не могу плакать, отвѣчала Люси.

Анжелина не старалась, подобно Люсьену, обнадежить молодую дѣвушку; она, повидимому, и сама не вѣрила въ эти надежды.

— Я не знаю здѣшнихъ законовъ, сказала она, — но не дамъ, чтобы твой отецъ могъ принудить тебя выйти замужъ за Можирона.

— Нѣтъ, нѣтъ, и я ни за что за него не выйду. Но какую тяжелую борьбу мнѣ придется перенести. Мой отецъ, правда, не можетъ меня принудить выйти за Можирона, но и я, съ своей стороны, не могу заставить его выдать меня за Робера.

— Неужели ты не можешь выйти замужъ, за кого ты хочешь?

— Да, лѣтъ черезъ пять или шесть я получу это право, но и то будетъ большой скандалъ. А до тѣхъ поръ...

— Чего ты боишься?

— Если отецъ насъ разлучить, и я не буду видѣться съ Роберомъ...

— Но ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ. Неужели ты въ немъ сомнѣваешься?

— Я ему вполне вѣрю; но въ пять или шесть лѣтъ можетъ случиться столько перемѣнъ.

— Ты думаешь? произнесла задумчиво Анжелина.

— Мнѣ сдается, что если надо ждать столько лѣтъ, то я никогда не буду его женой.

— Ты думаешь? повторила Анжелина.

— Во-первыхъ, сказала Люси съ отчаяніемъ, — я могу до тѣхъ поръ десять разъ умереть.

При этомъ послѣднемъ словѣ Анжелина какъ-бы очнулась и бросилась на шею къ своей подругѣ.

— Умереть? ты — умереть? воскликнула она съ испугомъ, — ты, Люси, ты моя сестра, ты такая добрая, ты, которую я такъ люблю и обожаю? Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Я не хочу, я не хочу, чтобы ты умерла.

И Анжелина, уткнувъ голову въ подушку, горько зарыдала.

Роберъ, предупрежденный Анжелиной, также не выразилъ удивленія, узнавъ, что Можиронъ просилъ официально руку Люси.

— Я очень сожалѣю, сказалъ Люсьенъ, — что ты сразу и открыто не сдѣлалъ предложенія ранѣе Можирона.

— Не сожалѣй объ этомъ, отвѣчалъ Роберъ, — я получилъ-бы отказъ, и теперь вашъ домъ былъ-бы для меня закрытъ. По крайней мѣрѣ, я могу видѣть Люси и слѣдить за моимъ врагомъ. Принимаетъ сегодня графиня Сержи?

— Да.

— Я уже давно долженъ сдѣлать ей визитъ и непременно поѣду сегодня. Скажи Люси, чтобы она сошла въ гостиную.

— Хорошо, но Можиронъ, конечно, также будетъ. Впрочемъ; если Люси узнаетъ, что ты...

— Да, да, уговори ее.

Люси поняла, что Робертъ былъ правъ, и что не слѣдовало выказывать отчаянія. Но она была очень слаба, и требовались большія усилія съ ея стороны, чтобъ явиться въ гостиную. Ея нервы были такъ разстроены, что она не могла ни ѣсть, ни спать.

Анжелина не оставляла ее ни на минуту, окружая самыми нѣжными попеченіями. Вечеромъ въ девять часовъ она помогла Люси одѣться. Сначала все шло прекрасно, и молодая дѣвушка храбро одѣлась, нюхая каждую минуту спиртъ. Но, выходя изъ комнаты, она зашаталась и упала въ обморокъ.

— Нѣтъ, промолвила она, очнувшись, — я не въ силахъ сойти внизъ.

Анжелина хотѣла остаться съ нею, но Люси просила ее отправиться въ гостиную.

— Ты увидишь Робера, сказала она, — и скажи ему, что я сдѣлала все, что могла, но силы мнѣ измѣнили.

Войдя въ гостиную, Робертъ тотчасъ увидаль, что въ ней не было Можирона, но — увы! — и Люси отсутствовала. Онъ понялъ, что она была нездорова, и что онъ ее не увидитъ, не скажетъ ей ни одного слова утѣшенія, не пожметъ даже руки. Какая пытка знать, что любимая женщина страдаетъ тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, и не имѣть права бѣжать къ ней на помощь.

Онъ поздоровался съ графиней Сержи и впродолженіи нѣсколькихъ минутъ спокойно разговаривалъ съ нею о различныхъ пустыхъ предметахъ. Никто, смотря на нихъ въ это время, не отгадалъ-бы, что она знаетъ тайну его любви, а онъ тайну ея преступленія.

Въ этотъ вечеръ было много гостей у графини Сержи. Робертъ удалился въ маленькую гостиную, гдѣ было очень мало публики, въ томъ числѣ Люсьенъ, разговаривавшій съ одной изъ старинныхъ подругъ своей матери.

Анжелина прошла мимо и, замѣтивъ, что Робертъ одинъ, сказала ему вполголоса:

— Мнѣ надо вамъ кое-что передать.

Она повторила слова Люси, но съ нѣкоторымъ смущеніемъ, опустивъ глаза и не смотря на Робера. Потомъ она хотѣла уйти, но онъ остановилъ ее.

— Вы меня уже повидаете? сказалъ онъ, — позвольте и мнѣ вамъ сказать два слова. Я васъ задержу недолго.

Она съѣла подлѣ него безмолвная, застѣнчивая.

Одаренный таинственной, могучей силой очарованія, которую всегда имѣетъ добрая, возвышенная душа, Роберъ хотѣлъ испытать, не уравниваютсяъ ли его доброе вліяніе на Анжелину все зло, которое могла вдохнуть въ нее ненависть Балды. Но онъ не подозрѣвалъ, до чего дойдетъ его власть надъ этой молодой дѣвушкой.

Чтобъ успокоить Анжелину, онъ началъ съ разспросовъ о Люси: какъ она себя чувствуетъ, какъ провела день, что дѣлала, что говорила? Потомъ онъ заговорилъ о ней самой и, зная, что она была другомъ Люси, что ей извѣстна тайна ихъ любви, горячо сталъ благодарить ее за теплое сочувствіе.

— Да, прибавилъ онъ, — я глубоко тронуть, что вы такъ искренне преданы Люси, думаете только о ней и цѣните такъ высоко ея достоинства, — вы, которая сами имѣете столько достоинствъ.

— Что вы говорите! вскричала Анжелина, вся дрожа отъ волненія и радости: — я вѣдь ребенокъ!

— Вы ребенокъ по годамъ и граціи, но сердцу не надо старѣть, чтобы быть возвышеннымъ.

Анжелина едва переводила дыханіе; жгучее пламя блестяло въ ея большихъ глазахъ.

Роберъ просилъ ее нѣжнымъ тономъ старшаго брата, говорящаго съ младшей сестрой, удѣлить ему хоть долю ея дружбы въ Люси.

— А вы, сказала она, внезапно схвативъ его за руку и смотря ему прямо въ глаза, — вы будете также меня лю... будете также питать ко мнѣ хоть каплю дружбы?

— Будемъ говорить не о будущемъ, а о настоящемъ. Я васъ люблю всѣмъ сердцемъ.

Анжелина вздрогнула.

— А! воскликнула она; — я нуждаюсь въ любви. И вы будете оказывать мнѣ такое-же довѣріе, какъ Люси?

— Полнѣйшее, безусловное.

— И хорошо сдѣлаете, произнесла она рѣшительнымъ тономъ; — вы увидите, что я вамъ буду полезной маленькою союзницей. Я не думаю, чтобы вы могли найти лучшую.

Она встала и удалилась почти бѣгомъ.

Робера обрадовало обѣщаніе Анжелины быть его союзницей, хотя онъ и не могъ отдать себѣ яснаго отчета, почему именно. Правда, онъ не зналъ двухъ важныхъ обстоятельствъ: что Анжелина—дочь, а не племянница Балды, и что въ рукахъ Балды было доказательство его любви къ Люси. Но эта дружба невиннаго ребенка какъ-то странно успокоивала его и давала новые силы на борьбу съ коварной, жестокой женщиной.

Для успѣшной защиты Люси, однако, ему необходимо было орудіе противъ Можирона. Гдѣ его было найти?

ГЛАВА XVII.

С о ю з н и к и : ж е н щ и н а .

Во время болѣзни Маруссы, члена государственнаго совѣта, — болѣзни очень продолжительной и серьезной, — Робертъ былъ приглашенъ раза два или три на консультацію домашнимъ докторомъ больнаго, Дюрантелемъ. Онъ при этомъ видѣлъ нѣсколько разъ г-жу Маруссу и съ тѣхъ поръ постоянно получалъ отъ нея приглашенія на вечера. Но онъ былъ слишкомъ занятъ, чтобы много выѣзжать въ свѣтъ, и потому никогда не бывалъ у г-жи Маруссы, а только посылалъ къ ней иногда свою карточку.

Если злые языки говорили правду, если дѣйствительно Можиронъ былъ любовникомъ г-жи Маруссы, то она могла принести большую пользу Роберу. Но подъ какиимъ предлогомъ могъ онъ вдругъ явиться къ г-жѣ Маруссѣ?

На слѣдующее утро Робертъ, успокоенный письмомъ Лиссева, извѣщавшаго, что сестра его хорошо спала ночь, отправился къ доктору Дюрантелю, своему большому другу и старому товарищу по университету.

Дюрантель, двумя или тремя годами старше Робера, очень любилъ и уважалъ своего ученаго и блестящаго собрата, не питая къ нему ни малѣйшей зависти, потому что самъ пользовался очень почетной извѣстностью. Онъ былъ женатъ два года на молодой и хорошенькой женщинѣ и имѣлъ сына. Поэтому онъ былъ счастливѣйшій человекъ на свѣтѣ, и Робертъ удивился, найдя его очень встревоженнымъ и задумчивымъ.

— Другъ мой, сказалъ Дюрантель, — меня страшно беспокоить здоровье жены. Она все еще не оправилась послѣ родовъ, и вотъ три мѣсяца, какъ я переношу страшную пытку. Если она умретъ, я — погибшій человѣкъ. Очень радъ, что ты пріѣхалъ, — я хотѣлъ уже ѣхать за тобою. Я думаю, что вильдбадскія воды могли бы моей больной, но я желалъ бы выслушать твое мнѣніе. Пойдемъ къ ней сейчасъ. Она уже встала, и я спрошу, можетъ ли она тебя принять. Такимъ образомъ, твое посѣщеніе не будетъ казаться преднамѣреннымъ, и тѣмъ лучше.

Поговоривъ съ г-жею Дюрантель, Роберъ нашелъ, что она была очень слаба, но что ея положеніе далеко не было опаснымъ. Онъ такъ же, какъ Дюрантель, полагалъ, что сезонъ въ Вильдбадѣ принесетъ ей большую пользу, и энергично совѣтовалъ осуществить этотъ планъ.

Его слова успокоили больную, и она вмѣстѣ съ нимъ смѣялась надъ опасеніями Дюрантеля. Потомъ, возвратясь въ кабинетъ своего друга, онъ ясно доказалъ ему, что при разумныхъ попеченіяхъ жена его вскорѣ совершенно выздоровѣетъ.

— О, какъ я тебѣ благодаренъ! воскликнулъ Дюрантель, — ты меня воскресилъ. Но я имѣю къ тебѣ еще другую просьбу.

— Какую? Ты знаешь, что тебѣ ни въ чемъ не будетъ отъказа.

— Ты, конечно, находишь, что мнѣ необходимо ѣхать съ женою въ Вильдбадъ...

— Зачѣмъ? спросилъ съ усмѣшкой Роберъ.

— Да, да, это необходимо. Ты знаешь, какъ я люблю свою жену, и она меня любить не менѣе. Она ни за что не согласится жить безъ меня нѣсколько недѣль, и я также. Мы поѣдемъ втроемъ съ ребенкомъ. Я буду слѣдить за дѣйствіемъ вильдбадскихъ водъ на ея здоровье и, послѣ окончанія сезона, повезу ее отдохнуть въ Швейцарію.

— А больные? Ты ихъ бросишь?

— Я ихъ оставлю мѣсяца на два; но, повторяю, что я ихъ бросилъ бы навсегда, если бы мнѣ не удалось спасти мою собственную больную, отъ которой зависитъ вся моя жизнь.

— И прекрасно, но все же твои пациенты...

— Вотъ въ этомъ-то и заключается моя просьба. Не бойся, я знаю, что ты не успѣваешь справляться и со всѣми своими

больными. Нашъ общій другъ, Женти, замѣнитъ меня у моихъ пациентовъ. Но я желалъ-бы тебѣ передать двухъ или трехъ серьезныхъ больныхъ и нѣсколько важныхъ пациентовъ. Ты не можешь мнѣ въ этомъ отказать?

— Я и не отказываю. Но, скажи мнѣ, ты все еще докторомъ у г-жи Маруссѣ?

— Да.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ, чтобы поговорить о ней. Я ее видалъ нѣсколько разъ, когда ты меня приглашалъ на консультаціи къ ея мужу; съ тѣхъ поръ я не бывалъ у нея, а, быть-можетъ, мнѣ понадобится возобновить съ нею прерванныя отношенія. Конечно, прибавилъ Робертъ съ усмѣшкой, — я не рассчитываю на такой счастливый случай, чтобы она была теперь больна.

— Она не больна, отвѣчалъ Дюрантель, — но не проходитъ недѣли, чтобы она не присылала за мною и, кромѣ того, постоянно проситъ навѣщать ее безъ приглашенія.

— Что съ нею?

— Ты, другъ мой, вѣроятно, потому и великій докторъ, что великій философъ, а этотъ случай дастъ тебѣ возможность изучить вліяніе нравственнаго состоянія человѣка на его физическій строй.

— Но г-жа Маруссѣ, можетъ быть, не станетъ довѣрять мнѣ, какъ тебѣ, а я не хочу спрашивать тебя о томъ, чего ты не можешь мнѣ сказать.

— Я самъ знаю о ней только то, что всѣ знаютъ или подозреваютъ. Я не могу нарушить ея довѣрія, такъ какъ она мнѣ не открыла никакихъ тайнъ. Но я все-же долженъ тебѣ сообщить мои замѣчанія, которыя тебя заинтересуютъ, какъ доктора, если не иначе.

— Нѣтъ, они меня очень интересуютъ именно иначе.

— Увѣряю тебя, что я нисколько не хочу хвастаться своими пациентами, сказалъ съ улыбкой Дюрантель, — но личность г-жи Маруссѣ очень замѣчательна и любопытна. Ты видѣлъ ея мужа, правда только въ постели. Онъ былъ, говорятъ, великій юристъ, знавшій отлично административное право, честный, серьезный, работающій человѣкъ. Но я спрашиваю тебя, можетъ-ли образцовый членъ государственнаго совѣта, притомъ старикъ, быть идеаломъ молодой дѣвушки?

— Сомнѣваюсь.

— Однако, другъ мой, при жизни мужа, г-жа Маруссѣ была прихвѣрной, безукоризненной женщиной, задумчивой, но строго-нравственной. Она ухаживала за больнымъ мужемъ съ самой трогательной заботливостью и была самой нѣжной, преданной матерью. Она провела вдали отъ Парижа первый годъ своего вдовства и вернулась сюда только въ прошедшемъ октябрѣ съ цѣлью дать сыну блестящее воспитаніе. Во всемъ этомъ, ты видишь, нѣтъ ничего дурного.

— Прошедшее хорошо, взглянемъ на настоящее, замѣтилъ Роберъ.

— Я не знаю, продолжалъ Дюрантель, — былъ-ли давно знакомъ съ нею маркизь Можиронъ или былъ представленъ только по возвращеніи ея въ Парижъ. Онъ самъ явился изъ Италіи, снявъ мундиръ папскаго зуава, лишь въ ноябрѣ. Я его потомъ постоянно встрѣчалъ на вечерахъ у г-жи Маруссѣ и не обращалъ на него никакого вниманія. Съ января уже начали поговаривать о нихъ злые языки, и около того времени произошла рѣзкая, внезапная переиѣна въ г-жѣ Маруссѣ. Повторяю, я тебѣ передаю только то, что могъ видѣть, какъ другъ дома, и заключить, какъ докторъ.

— Я знаю, какой ты зоркій наблюдатель.

— Не нужно особой зоркости, чтобы замѣтить, какъ вдругъ, почти въ одинъ день, измѣнилась г-жа Маруссѣ. Эта переиѣна была весеннимъ пробужденіемъ природы. Она была прежде хорошенькой женщиной, а тутъ вдругъ стала красавицей. Она не первой молодости, но въ тридцать пять лѣтъ ей вдругъ сдѣлалось на-взглядъ не болѣе двадцати пяти. Она была всегда учтива, но сдержанна, почти холодна; вдругъ въ ней проснулся блестящій умъ, граціозная живость, обаятельное одушевленіе. О, тогда она не была нездорова, я за это ручаюсь. Я сказалъ себѣ: вотъ женщина, которая любитъ въ первый разъ и вполне счастлива.

— А Можиронъ? спросилъ Роберъ.

— Онъ сталъ гораздо рѣже появляться на приѣмахъ и вечерахъ г-жи Маруссѣ, — это былъ единственный признакъ. Но такъ какъ въ домѣ бывали товарищи мужа г-жи Маруссѣ, все люди пожилые, степенные, и болѣе некого было подозрѣвать, то толки все усиливались.

— И ты думаешь, что это правда?

— Я убѣжденъ, хотя г-жа Маруссѣ мнѣ объ этомъ никогда ничего не говорила.

— Такъ этотъ Можиронъ— непреодолимый побѣдитель женскихъ сердецъ?

— Обо всемъ надо судить сравнительно. Г-жа Маруссѣ дочь лавочника и вела всегда буржуазную жизнь, а Можиронъ подлинный марезъ, потомокъ старинныхъ рыцарей, завсегдатай Сен-Жерменскаго предмѣстья и Ватикана. У него было нѣсколько дуэлей и драматическихъ походовъ. Въ мрачномъ домѣ г-жи Маруссѣ онъ явился какимъ-то блестящимъ лучомъ свѣта и жизни. Бѣдная женщина повѣрила его страсти, которую онъ искусно разыгрывалъ. Онъ ее поразилъ, ослѣпилъ, очаровалъ. Это все догадки съ жоей стороны, но я убѣжденъ, что именно такъ дѣло и произошло.

— Диагнозъ вѣрный, почтенный собратъ, а сколько времени продолжалось это очарованіе?

— Шесть недѣль, не болѣе. Въ половинѣ прошлаго марта, ко мнѣ вдругъ явилась старая преданная служанка г-жи Маруссѣ, кажется, ея корнелица, и объявила мнѣ, что ея госпожа очень больна. На мой вопросъ, что у нея, она отвѣчала, что не знаетъ, и просила меня зайти къ ней какъ-бы случайно. Я такъ и сдѣлалъ, но г-жа Маруссѣ тотчасъ догадалась, въ чемъ дѣло, и сказала мнѣ: „Жертвуда съума сошла: у меня просто разстроены нервы, какъ у какой-нибудь герцогини“. И она старалась засмѣяться; но было ясно, что она перенесла сильный нравственный ударъ. Она снова казалась женщиной тридцати пяти лѣтъ и даже болѣе. Нельзя сказать, чтобъ она перестала быть красавицей, и ея глаза, окаймленные черными полосами, горѣли еще пламеннѣе прежняго, но какъ-то лихорадочно. Она снова стала прежней г-жей Маруссѣ, только не столь спокойной и гораздо печальнѣе.

— Что-же случилось? спросилъ Робертъ, —они поссорились?

— Нѣтъ; по крайней мѣрѣ, я этого не знаю. Можиронъ продолжаетъ ѣздить въ домъ иногда по вечерамъ наравнѣ со всѣми знакомыми и очень часто одинъ передъ обѣдомъ. Впрочемъ, въ первыя недѣли г-жа Маруссѣ меня не приглашала къ себѣ, и я не смѣлъ ей начево совѣтовать, хотя видѣлъ, съ сожалѣніемъ,

что она сохнет. Только съ мѣсяцъ она начала сама беспокоиться, просить лекарева противъ бессонницы и находить, что я ѣзжу къ ней не довольно часто.

— Къ какому-же заключенію приводитъ тебя вторая фраза?

— Ни къ какому. Это тайна. Что случилось, что заставило бѣдную женщину вдругъ упасть съ неба на землю, — я не знаю, и даже предположить не могу. Я ея искренній другъ и вижу, что мнѣ нетрудно было добиться откровенной исповѣди. Она жаждала открыть мнѣ свое сердце и ждала съ нетерпѣніемъ моихъ разспросовъ.

— Такъ отчего-же ты не предлагаешь ей вопросовъ?

— Я докторъ, а не духовникъ.

— Такъ ты хочешь, чтобъ она взяла себѣ духовника, ты, свободный мыслитель?

— Нѣтъ, но все-же докторъ...

— Докторъ не можетъ быть духовникомъ, но иногда его обязанность сдѣлаться другомъ и хранителемъ тайнъ больного.

— Въ мои лѣта быть наперстникомъ опасно.

— А духовникомъ? Мы съ тобой оба молодые доктора; я пламенно влюбленъ, а ты женатъ и обожаешь свою жену, — какъ-же мы можемъ быть опасными? Ты говоришь, что у этой бѣдной женщины нравственныя страданія причиняютъ физическія; такъ развѣ не наша обязанность утѣшить и вылечить ея душу?

— Ты правъ, Робертъ! вослѣдствіемъ Дюрантель, крѣпко пожимая ему руку, — я самъ былъ всегда такого-же мнѣнія, но, извини, я скрылъ отъ тебя правду. Хотя я не трусь и отдамъ тотчасъ свою жизнь ради моей жены и сына, ради науки и родины, но, признаюсь, я, какъ мужъ и отецъ, не желаю рисковать дуэлью съ этимъ дикимъ зверемъ Можирономъ.

— Теперь моя очередь сказать: извини, ты правъ, произнесъ Робертъ, вставая, — и чѣмъ ты меня скорѣе представишь г-жѣ Маруссѣ, тѣмъ лучше.

— Когда хочешь, хоть сегодня утромъ.

— Хорошо.

И они рѣшили, что Робертъ, объѣздивъ своихъ больныхъ, вернется къ 11 часамъ къ Дюрантелю, и они вмѣстѣ поѣдутъ къ г-жѣ Маруссѣ, живущей на Вольтеровской набережной.

— Развѣ мы ее не обезпечимъ такъ рано? спросилъ Робертъ.

— Нѣтъ, она сама назначила мнѣ этотъ часъ, отвѣчалъ Дюрантель. — Вѣроятно, Можиронъ ложится и встаетъ поздно, а потому заѣзжаетъ только передъ обѣдомъ, и г-жа Марусса не желаетъ, чтобъ онъ встрѣчался со мною и даже зналъ о моихъ частыхъ посѣщеніяхъ.

— Она тебѣ сама это сказала?

— Нѣтъ, не прямо. Она только замѣтила: „пожалуйста, любезный докторъ, не говорите никому изъ моихъ друзей, что я лечусь, мнѣ не хотѣлось-бы прослыть слабой, мнительной натурой“.

— А, это надо принять къ свѣденію, замѣтилъ Роберъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ оба доктора позвонили у двери г-жи Маруссы, которая занимала роскошную квартиру на набережной противъ Лувра.

Узнавъ, что Дюрантель привезъ съ собою доктора Робера, она не приняла ихъ въ спальнѣ, а просила подождать въ гостиной.

Эта комната, сіявшая блескомъ буржуазнаго вкуса, не имѣла въ себѣ ничего артистическаго: мебель была золоченая, крытая краснымъ штофомъ, ковры, занавѣски и портьеры Обюссона, зеркала громадные также въ золоченыхъ рамахъ; на стѣнахъ висѣли два большихъ портрета въ человѣческой ростъ г. и г-жи Маруссы, работы посредственнаго, но моднаго художника.

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показалась г-жа Марусса, въ утреннемъ довольно-изящномъ капотѣ.

Октави Марусса, которую Роберъ видѣлъ прежде только два или три раза, показала ему теперь гораздо привлекательнѣе. Она похудѣла и утомила, но ея правильныя черты, неизмѣнныя до сихъ поръ типичнаго выраженія, теперь дышали огнемъ. Это была довольно большого роста, хорошо сложенная брюнетка, державшая себя съ достоинствомъ, если не съ граціознымъ изяществомъ.

Она пожала руку Дюрантелю и поклонилась Роберу, называя его по имени и выражая удовольствіе, что видитъ снова человѣка, который такъ старательно ухаживалъ за ея мужемъ.

Она спросила съ большимъ сочувствіемъ о здоровьи г-жи Дюрантель и, Дюрантель воспользовавшись этимъ вопросомъ, объявилъ, что онъ везетъ жену въ Вильдбадъ дня черезъ два или три.

— По счастью, вы теперь не очень больны, прибавилъ онъ,

съ улыбкой;—но если, во время моего отсутствія, вамъ понадобится докторъ, я думаю, что вы будете довольны воспользоваться услугами моего друга и знаменитаго собрата, доктора Робера. Вы его знаете и очень высоко цѣните.

Если г-жа Марусса и была недовольна такимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, то нисколько этого не обнаружила. Напротивъ, она одобрила поѣздку Дюрантеля и граціозно поклонилась Роберу, благодаря его за любезную готовность ухаживать за такой мало-важной, а, быть-можетъ, и мнимой больной.

— Мнѣ нечего прибавлять, замѣтилъ Дюрантель,—что вы можете такъ-же слѣпо довѣриться доктору Роберу, какъ и мнѣ.

— Я въ этомъ увѣрена, отвѣчала г-жа Марусса, впиваясь въ Робера своими пронизательными глазами.

— Я васъ знаю, сударыня, сказалъ просто Роберъ, — по рассказамъ моего сотоварища и прошу считать меня вашимъ другомъ.

— Благодарю васъ, отвѣчала г-жа Марусса также просто и протянула ему руку.

— Теперь слово принадлежитъ докторамъ, сказалъ весело Дюрантель; — въ прошлый разъ я вамъ повторилъ мой прежній совѣтъ, что вамъ лучше всякаго лекарства переимѣна воздуха, путешествіе. Какъ вы полагаете, я правъ? прибавилъ онъ; обращаясь къ Роберу.

— Совершенно, отвѣчалъ Роберъ, пристально смотря на г-жу Маруссу.

— Эта мысль мнѣ сначала очень улыбалась, сказала она;— я даже составила себѣ маршрутъ по Голандіи, Швейцаріи и Италіи.

— Отлично. Въ чемъ-же дѣло? спросилъ Роберъ.

— Теперь это невозможно.

— Отчего и съ какихъ поръ? воскликнулъ Дюрантель.

— Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я вамъ сказала, докторъ, въ послѣдній разъ, что не могу предпринять этого путешествія, отвѣчала г-жа Марусса съ видимымъ нетерпѣніемъ:—женщинѣ съ ребенкомъ трудно ѣхать одной, а Жертрюда плохая помощница.

Слыша, что планъ о заграничномъ путешествіи оставленъ только нѣсколько дней передъ тѣмъ, Роберъ подумалъ, что не

согласился-ли ранѣ Можиронъ сопровождать вдову, а потомъ отказался, въ виду необходимости остаться въ Парижѣ для осуществленія его новаго проекта.

— Если вы должны отказаться отъ путешествія, сказалъ онъ, — то вамъ надо провести хоть конецъ лѣта на дачѣ.

— Да, отвѣчала она, задумчиво; — я думаю, что можно будетъ нанять дачу вблизи Парижа въ Сен-Клу или въ Вилль-Оврэ. Я дамъ вамъ объ этомъ рѣшительный отвѣтъ въ будущій разъ.

„Она хочетъ посоветоваться съ Можирономъ“, подумалъ Роберъ.

Черезъ минуту доктора встали и распрощались. Г-жа Марусса общалась заѣхать къ женѣ Дюрантеля прежде ея отъѣзда и, проводивъ ихъ до двери, повторила, протягивая руку Роберу:

— Да, я вамъ вполне доверяю.

— Ну, что ты скажешь о моей болѣзней? спросилъ Дюрантель у Робера, выйдя на улицу.

— Это страждущая душа.

— Знаешь что, Роберъ, ты ей будешь полезнѣе меня.

— Я полагаю, что мы будемъ полезны другъ другу, отвѣчалъ Роберъ.

ГЛАВА XVIII.

П о л у с л о в а м и .

Въ этотъ самый день, Люси, изнемогая отъ усталости, уснула немного ночью и утромъ хотѣла не только встать, но и сойти въ столовую къ завтраку. Ея нравственная энергія взяла верхъ надъ физической слабостью, и она хотѣла доказать отцу, что не считаетъ себя побѣжденной.

Съ своей стороны, Сержи, увидавъ ее, не выказалъ ни удивленія, ни удовольствія. Онъ, какъ всегда, поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Тебѣ лучше, дитя мое? спросилъ онъ.

— Да, папа, это ничего, теперь я совершенно здорова, отвѣчала Люси.

Не успѣли они выйти изъ-за стола, какъ лавей доложилъ:

— Маркизь Можиронъ.

Онъ вошелъ въ комнату очень развязно, подошелъ къ Бальдѣ и извинился, что заѣхалъ такъ рано, но онъ жаждалъ лично узнать о здоровьи молодой графини.

— Я очень радъ видѣть, что вы на ногахъ и, вѣроятно, совершенно оправились, прибавилъ онъ, обращаясь къ Люси.

При появленіи Можирона, молодая дѣвушка поблѣднѣла. Въ-сто отвѣта, она молча поклонилась, взяла за руку Анжелину и вышла съ нею изъ комнаты. Люсьенъ также поклонился Можирону и послѣдовалъ за сестрою.

Сержи, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ очень любезно разговаривать съ Можирономъ, который также совершенно спокойно поддерживалъ пустую, свѣтскую болтовню.

Минуть черезъ десять Сержи всталъ.

— Извините, сказалъ онъ, — у насъ теперь послѣднія засѣданія въ законодательномъ корпусѣ, и мое присутствіе необходимо. Но я нисколько не желаю лишать графиню вашего пріятнаго общества.

— Если графиня мнѣ позволитъ, я останусь съ нею съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Можиронъ.

Оставшіе наединѣ, союзники пристально посмотрѣли другъ на друга.

Хотя между ними ничего не было условлено, но они оба отлично знали, что заключили безмолвно между собою наступательный и оборонительный союзъ, основанный на общемъ интересѣ. Нѣкоторыя подробности плана, ихъ обоюдныя побужденія и средства къ достиженію общей цѣли не были каждому изъ нихъ совершенно ясны: Можиронъ не понималъ, зачѣмъ Бальда хотѣла женить его на Люси, Бальда спрашивала себя, какимъ образомъ Можиронъ добьется этой свадьбы. Но въ настоящую минуту они, повидимому, имѣли одну цѣль и должны были сговориться насчетъ общихъ мѣръ къ ея достиженію. Они оба принадлежали къ великосвѣтскому кружку послѣдней эпохи декабрьской имперіи, а потому должны были объясняться и понимать другъ друга полусловами.

Полусловами Бальда съ самаго начала побудила Можирона сдѣлать предложеніе и добиться нравственной поддержки графа

Сержи. Подобныя сдѣлки никогда не совершаются открыто и публично. Сговаривающіяся стороны рассыпаются одна передъ другою въ увѣреніяхъ, что каждый дѣйствуетъ въ силу самыхъ чистыхъ, высокихъ принциповъ. Всѣ тонкости дипломатическаго языка необходимы въ дѣлахъ, которыя въ обнаженномъ видѣ оскорбляли-бы чувство человѣческаго стыда. Гдѣ-же быть деликатнымъ, какъ не въ дѣлахъ неделикатныхъ?

Впрочемъ, теперь предстояло Вальдѣ и Можирону сговориться насчетъ еще болѣе щекотливыхъ предметовъ, а потому они долго молчали, собираясь съ силами. Можиронъ первый нарушилъ молчаніе.

— Я вижу съ сожалѣніемъ, сказалъ онъ, — что м-ль Люси ко мнѣ по-прежнему холодна, и боюсь, что мнѣ нелегко будетъ дойти до осуществленія моихъ надеждъ.

— Да, это будетъ трудно, отвѣчала Вальда, — и я никогда не скрывала ожидающихъ васъ преградъ. Люси очень рѣшительнаго характера, но она слишкомъ уважаетъ отца, и въ ее жилахъ течетъ слишкомъ хорошая кровь, чтобы довести сопротивленіе до открытаго бунта. Сержи не менѣе рѣшителенъ, чѣмъ его дочь, и съумѣетъ заставить всѣхъ преклониться передъ его властью отца и главы семейства. Самое главное — заставить его согласіемъ.

— Съ вашей помощью я увѣренъ, что получу это драгоценное согласіе. Графъ принялъ мое предложеніе самымъ лестнымъ образомъ, и вы, графиня, позвольте мнѣ выразить вамъ всю мою глубокую благодарность за ваши добрые совѣты.

— Да, я думаю, что постоянствомъ и стойкостью вы достигнете своей цѣли, особенно если вы пожелаете по-прежнему согласоваться съ моими совѣтами.

— Если я пожелаю слѣдовать вашимъ совѣтамъ? воскликнулъ Можиронъ: — будьте увѣрены, что я во всемъ и всегда буду слѣпо вамъ повиноваться. Ваше слово для меня законъ.

Вальда утвердительно кивнула головой. Она хотѣла определенно выяснитъ, что если Можиронъ и одержалъ какой-нибудь успѣхъ, то лишь благодаря ей, и что если онъ желаетъ въ концѣ-концовъ остаться побѣдителемъ, то долженъ быть покорнымъ исполнителемъ ея воли.

— Будьте такъ добры, научите меня, какъ дѣйствовать, про-

должалъ Можиронъ,—повторяю, что, благодаря вамъ, я уже достигъ, или вскорѣ достигну, могущественной поддержки графа Сержи. Что-же надо теперь дѣлать? Какія преграды надо преодолѣть?

— Оставимъ въ сторонѣ Люси, сказала послѣ минутнаго размышленія Бальда,—отецъ одинъ и безъ нашей помощи побореть ея сопротивленіе. Но за Люси стоятъ двѣ враждебныя, такъ-сказать внѣшнія, силы, которыя необходимо сломать. У васъ два врага...

— Два? перебилъ ее Можиронъ,—я думалъ, что у меня только одинъ врагъ—Люсьенъ.

— Я сказала два, повторила Бальда.

Она вела двойную игру противъ своихъ противниковъ, Люси и Люсьена, отъ которыхъ надо было „отдѣлаться“, какъ она уже отдѣлалась отъ ихъ матери, а потомъ и противъ своего теперешняго союзника, Можирона, который долженъ былъ служить только слѣпымъ орудіемъ ея роковой интриги. Она рассчитала, что было-бы неосторожно напустить его сразу на Люсьена, и что онъ врядъ-ли поддастся на такую штуку. Но, перечитывая копии писемъ, захваченныхъ у Люси, она рѣшила, что возбудить достаточное отчаяніе въ сердцѣ молодой дѣвушки, погубивъ сначала Робера. Къ тому-же Роберъ зналъ часть ея страшной тайны. Конечно, ей было неизвѣстно, узналъ-ли онъ ее, и она думала, что онъ при теперешнихъ обстоятельствахъ не могъ ее уличить, но все-же она не любила быть въ рукахъ кого-нибудь и вздохнула-бы свободнѣе, когда-бы исчезъ этотъ безпокойный свидѣтель ея преступленія.

— Да, въ сердцѣ и умѣ Люси у васъ два врага, повторила Бальда.

— Кто такіе? спросилъ Можиронъ.

— Во-первыхъ, Люсьенъ, какъ вы сами только-что сказали.

— О, противъ него я не могу прибѣгнуть къ моему лучшему оружію?..

— А именно? спросила Бальда.

— Къ моему искусству дуэлиста на пистолетѣ или шпэгъ. Въ послѣднее время я не могу прибѣгать къ этому могучему средству иначе, какъ въ самомъ крайнемъ случаѣ. Моя рука всегда была такъ несчастлива, или такъ вѣрна, если хотите, что я обя-

занъ избѣгать изъ осторожности малѣйшей тѣни вызова. По счастью, моя извѣстность въ этомъ отношеніи охраняетъ мою честь. Самые храбрые люди не рѣшаются вызвать меня на дуэль. Но Люсьенъ Сержи не можетъ чувствовать ко мнѣ этого спасительнаго страха. Если я хочу жениться на его сестрѣ, то не могу-же я драться съ нимъ на дуэли?

— О, Боже мой! Холодъ пробѣгаетъ по всему тѣлу при одной мысли о такомъ ужасѣ! воскликнула Вальда.

— Не бойтесь, отвѣчалъ со смѣхомъ Можиронъ, — особа Люсьена для меня священна. Но именно потому, что я ему неопасенъ, онъ можетъ быть очень опасенъ мнѣ.

— Какимъ образомъ?

— Мы рѣшили, что я не долженъ ни въ какомъ случаѣ вызвать его на дуэль, но вѣдь и онъ также не долженъ бросить мнѣ перчатки. Я за себя отвѣчаю, но кто поручится за него?

— Маркизъ, сказала серьезно Вальда, — дайте мнѣ слово, что еслибъ, онъ васъ и вызвалъ, вы никогда не будете драться съ нимъ.

— Хорошо, даю вамъ слово, произнесъ Можиронъ послѣ минутнаго размышленія, — и тѣмъ охотнѣе, что оно успокоитъ васъ, обязать меня сдерживать себя и освободить отъ всякаго нареканія со стороны свѣта и самого Люсьена.

— Вы благородный человѣкъ, и я сердечно васъ благодарю.

— Увѣряю васъ, что я всей душой вашъ покорный слуга, сказалъ Можиронъ, цѣлуя протянутую ему руку, — но надѣюсь, что вы не потребуете отъ меня такой-же умѣренности въ отношеніи моего другого еще невѣдомаго врага.

— Я могу только вамъ совѣтовать.

— Но мнѣ любопытно узнать, кто этотъ таинственный врагъ?

— Отверывая вамъ имя этого человѣка, я вамъ вполне докажу всю глубину моего довѣрія, — даже мой мужъ этого не знаетъ, — но, прошу васъ, не придавайте моимъ словамъ слишкомъ большого значенія. Я имѣю основаніе полагать, что Люси въ послѣднее время... думаетъ о комъ-то.

— А, она влюблена? произнесъ Можиронъ безъ особаго удивленія.

— Нѣкто ее любитъ и признался ей въ своей любви. Ва-

жется, это признаніе ей не было противно, — вотъ и все. Не пугайтесь напрасно.

— Я нисколько не пугаюсь и слѣпо вѣрю въ высокую нравственность Люси. Что-же касается этого господина... да скажите же, кто это?

— Докторъ Роберъ.

Можиронъ не дрогнулъ, а Бальда продолжала:

— Они видались у графини Арно и знакомы уже съ годъ.

— Докторъ Роберъ человѣкъ съ большими достоинствами, сказалъ Можиронъ послѣ нѣкотораго молчанія, — но я полагаю, что графъ Сержи не захотѣлъ-бы имѣть его своимъ зятемъ.

— Конечно.

— И я думаю, онъ предпочтетъ меня доктору Роберу.

— Еще-бы.

— А какъ вы думаете, достаточно-ли влюблена Люси въ г. Робера, чтобы мнѣ никогда не простить побѣду... какою-бы то ни было надъ нимъ?

— Женщины никогда не дуются долго на побѣдителей. Къ тому-же, повторяю, я не думаю, чтобы она серьезно его любила, и если я вамъ сообщила объ этой дѣтской шалости, то лишь для того, чтобы вы были на-сторожѣ. Конечно, вы не сдѣлаете глупости и не вызовете сами доктора Робера на дуэль?

— Нѣтъ, я никогда не вызываю на дуэль, спокойно отвѣчалъ Можиронъ: — я пользуюсь тогда правомъ выбирать оружіе, и хотя я отлично владѣю шпагой, но вѣрное оружіе только одно — пистолетъ. Однако, если г. докторъ, посвятившій свою жизнь наукѣ, будетъ мнѣ очень непріятенъ, то, можетъ быть, я не удержусь, чтобы не дать ему урока. Во всякомъ случаѣ, не беспокойтесь: благодаря вашему предостереженію, я буду хладнокровенъ и остороженъ.

ГЛАВА XIX.

Съ поднятымъ завраломъ.

Бальда и Можиронъ условились выждать, предоставляя своимъ врагамъ „открыть огонь“. Къ тому-же Бальда была слишкомъ прозорлива, чтобы не видѣть насквозь игру своихъ про-

тивниковъ; она дала замѣтить Можирону, какъ убить былъ Роберъ, и прибавила, что если докторъ сдѣлаетъ официальное предложеніе, то графъ Сержи ему наотрѣзъ откажетъ и не пуститъ его болѣе въ домъ. Вальда была убѣждена, что Сержи ничего не подозрѣвалъ, и потому всего лучше было возложить на Робера всю тяжесть объясненія съ отцомъ Люси.

— Его положеніе предписываетъ ему бездѣйствіе, замѣтила она.

Она не подозрѣвала контр-минны, которыя уже повелъ и подготавливалъ Роберъ; она не брала въ расчетъ рѣшительный характеръ Люси.

Самое тяжелое для Люси — было оставаться въ бездѣйствіи, неизвѣстности и безпокойствѣ. Она любила лучше наступленіе, чѣмъ ожиданіе, и потому, какъ только почувствовала въ себѣ достаточно силъ, рѣшилась дѣйствовать.

Ея братъ былъ, подобно ихъ матери, въ одно и то-же время слабъ и вспыльчивъ, выступая изъ своей обычной апатіи только крайними, часто опасными, выходками. Люси не могла безъ страха опереться на него; за то она могла смѣло довѣряться твердому, высокому уму Робера, но ей нельзя было видѣться съ нимъ, а, слѣдовательно, и пользоваться его совѣтами. Она, правда, получила отъ него два или три письма, которыя Люсьенъ передалъ ей открытыми, но въ нихъ Роберъ только въ общихъ выраженіяхъ совѣтовалъ ей не тревожиться, вѣрить, что онъ приметъ всѣ необходимыя мѣры, и терпѣливо ожидать слѣдующаго четверга, когда онъ явится непременно на вечеръ графини Сержи и, быть можетъ, принесетъ добрыя вѣсти.

Люси вполне вѣрила Роберу, но терпѣнія у нея не хватало, и она рѣшилась, съ свей стороны, не оставаться въ бездѣйствіи.

Кромѣ официальныхъ пріемовъ по четвергамъ, графиня принимала почти каждый вечеръ близкихъ знакомыхъ, которые обѣдали у нея или заѣзжали на часокъ, чтобы поболтать съ нею или поговорить съ графомъ о дѣлахъ. Пользуясь этимъ, Можиронъ являлся каждый вечеръ, подъ предлогомъ сообщить графу Сержи о положеніи финансоваго предпріятія, которымъ они оба интересовались.

Въ тотъ самый день, когда онъ имѣлъ съ Вальдой продол-

жительное совѣщаніе, уже извѣстное читателямъ, онъ вернулся вечеромъ въ домъ графа.

Ему показалось, что Люси, хотя по-прежнему сдержанная въ отношеніи его, не была такъ презрительно-холодна, какъ утромъ. Повидимому, она обходилась съ нимъ такъ-же, какъ со всѣми обычными гостями графини.

Люси вмѣстѣ съ Анжелиной, обыкновенно, разливали чай, и она такъ-же любезно служивала Можирону, какъ и всѣмъ друзьямъ дома.

Можиронъ съ удивленіемъ и удовольствіемъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку, утѣшая себя мыслью, что въ ней происходитъ благодѣтельная перемена.

Однако, Вальда съ безпокойствомъ спрашивала себя: „Что она задумываетъ?“

Такъ прошло два дня. На третій, во вторникъ, у графа Сержи собралось общество, болѣе многочисленное, чѣмъ обыкновенно. Утромъ происходило важное засѣданіе въ законодательномъ корпусѣ и поговаривали о перемѣнѣ министерства.

Люси долго разговаривала съ братомъ въ небольшомъ углубленіи гостиной, которая составляла какъ-бы отдѣльную комнату. Она спрашивала у него всевозможныя подробности о Можиронѣ, и онъ отвѣчалъ ей, насколько можно было рассказать молодой дѣвушкѣ жизнь и походы маркиза.

Когда Люсьенъ отошелъ отъ сестры, Можиронъ, наблюдавшій за ними издали, подсѣлъ къ молодой дѣвушкѣ, рискуя, что она встанетъ и послѣдуетъ за братомъ. Но она этого не сдѣлала и позволила маркизу вступить съ нею въ разговоръ.

Онъ началъ съ пошлыхъ комплиментовъ необыкновенной ея граціи, которая придавала всѣмъ малѣйшимъ ея поступкамъ и движеніямъ удивительную прелесть.

— Какая вы будете чудесная хозяйка дома, прибавилъ онъ.

Она слушала его молча, но вдругъ перебила его свѣтскую болтовню.

— Прошу васъ, маркизъ, бросьте ваши любезности и поговорите серьезно о серьезномъ дѣлѣ, сказала она задумчиво.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Можиронъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, — и очень счастливъ, что вы оказываете мнѣ такое довѣріе.

— Я прямо перейду къ дѣлу. Вы, маркизь, сдѣлали мнѣ честь просить у отца моей руки?

— Да, я имѣлъ эту честь и снѣбность, отвѣчал Можиронъ съ низкимъ поклономъ и подумалъ про себя: „къ чему она ведетъ?“

— Мой отецъ не далъ вамъ никакого отвѣта?

— Я и не тѣшилъ себя надеждой тотчасъ получить удовлетворительный отвѣтъ. Графъ Сержи не отказалъ мнѣ наотрѣвъ, и это большое счастье.

— Маркизь Можиронъ, я обращаюсь къ вамъ, какъ благородная дѣвушка къ человѣку, носящему благородное имя...

Она остановилась и посмотрѣла на него. Онъ снова молча поклонился.

— Прошу васъ, продолжала Люси, — возьмите назадъ ваше предложеніе.

— Снѣбю спросить, зачѣмъ?

— Я люблю другого, отвѣчала Люси съ такимъ достоинствомъ и простотой, что Можиронъ пришелъ въ тупикъ.

Спокойное чистосердечіе и благородная гордость невинной молодой дѣвушки привели въ смущеніе хитраго, свѣтскаго человѣка, привыкшаго ко всѣмъ тонкостямъ и коварствамъ практической жизни. Видя, что онъ ничего не отвѣчаетъ, Люси вопросительно взглянула на него своими большими глазами.

— Извините... промолвилъ онъ, — признаюсь... ваши слова... такъ неожиданны... я такъ удивленъ...

— Чему? Вы просили моей руки, и я вамъ откровенно говорю, что мое сердце мнѣ болѣе не принадлежитъ. Я люблю и любима. Я честно обращаюсь къ вашему благородству и прошу васъ взять назадъ ваше предложеніе. Что-же тутъ удивительнаго?

— Еще разъ извините, отвѣчал Можиронъ, мало-по-малу оправляясь отъ своего смущенія: — ваша откровенность до того необыкновенна, что я не могъ не удивиться. Конечно, нельзя не преклониться передъ вашими благородными чувствами, но тѣмъ страшнѣе жертва, которой вы отъ меня требуете. Не легко отказаться отъ такого соборвища. Умоляю васъ, позвольте мнѣ хоть надѣяться, что это не окончательный отказъ. Я буду терпѣливо ждать. Вы обратились къ моему благородству, позвольте мнѣ обратиться къ вашему благоразумію.

— Я основательно обдумала то, что вамъ сказала, и моя рѣшимость никогда не измѣнится.

— Я вѣрю въ преждевременное развитіе способности разсужденія, сказалъ Можиронъ своимъ обычнымъ саркастическимъ тономъ и двусмысленной улыбкой, — но въ ваши года легко смѣшать романъ и несбыточную мечту съ жизнью и дѣйствительностью.

— Нѣтъ, я нисколько неромантична, отвѣчала Люси, — и убѣждена, что не обманываю себя насчетъ своихъ чувствъ.

— Я готовъ вѣрить, что вы себя не обманываете; но кто можетъ поручиться, что васъ не обманываютъ?

— Маркизь!

— Извините, я не знаю и не хочу знать счастливаго человека, котораго вы любите, но нѣтъ никакого основанія, чтобъ я уважалъ его такъ, какъ уважаю васъ.

— Будьте увѣрены, что онъ вполне достоинъ моей любви.

— Хорошо, но все-же странно, что онъ вамъ посовѣтовалъ или, во всякомъ случаѣ, не отсовѣтовалъ подобнаго шага.

— Онъ ничего не знаетъ, воскликнула съ жаромъ Люси. — Я рѣшилась одна и помимо его переговорить съ вами.

— Я долженъ вамъ вѣрить. Къ тому-же я не могу спросить у него объясненія, такъ-какъ я его не знаю, а у васъ я не имѣю права требовать отчета. Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, спросить у васъ: вашъ отецъ его знаетъ?

— Да.

— А графъ Сержи мнѣ, однако, не сказалъ, чтобы кто-нибудь просилъ у него вашей руки.

— Онъ не дѣлалъ предложенія.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Можиронъ все съ той-же иронической улыбкой, — онъ въ своемъ собственномъ интересѣ долженъ былъ-бы поскорѣе просить вашей руки, а то можно подумать, что онъ нарочно скрывается во мракѣ.

Люси была немного смущена этими словами, которыя указывали на слабую сторону ея положенія.

— Если мой отецъ ничего еще не знаетъ, сказала она, — то брату извѣстна моя любовь, и онъ вполне ее одобряетъ.

— А, мой счастливый соперникъ имѣетъ удовольствіе быть другомъ вашего брата?

Люси колебалась съ минуту, не желая обнаружить, что любила Робера, и въ то-же время находя невозможнымъ это отрицать.

— Да, онъ другъ моего брата, произнесла она рѣшительно.

Можиронъ молча покачалъ головой, какъ-бы стараясь отгадать, о комъ она говорила.

— Хорошо, сказалъ онъ, — другъ вашего брата, конечно, имѣеть еще болѣе шансовъ на успѣхъ. Но вашей рукой располагаетъ не вашъ братъ, и я не могу совершенно отчаяваться въ конечной побѣдѣ, хотя и лишень его поддержки.

— Такъ вы, маркизъ, все-же упорствуете, несмотря на то, что я вамъ сказала?

— Мое чувство къ вамъ слишкомъ глубоко, чтобы сразу исчезнуть, сказалъ онъ, вставая;—къ тому-же вашъ отецъ былъ такъ добръ ко мнѣ, что я не могу взять назадъ своего предложенія прежде, чѣмъ онъ самъ подтвердитъ вашъ роковой приговоръ.

Онъ поклонился и медленно пошелъ въ другія комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ нашелъ возможность приблизиться къ Вальдѣ.

— Эге! сказала она вполголоса, — вы уже бесѣдуете съ Люси наединѣ. Ваши дѣла, кажется, идутъ прекрасно.

— Лучше, чѣмъ она предполагаетъ. Ея наивность поставила было меня въ тупикъ, но я вскорѣ взялъ верхъ въ этой неравной борьбѣ.

— Что она вамъ сказала?

— Она имѣла неосторожность признаться, что любитъ другого.

— Она вамъ сказала кого?

— Нѣтъ, но я могу догадаться.

ГЛАВА XX.

Союзники начинаютъ дѣйствовать.

На слѣдующее утро Люси послала за братомъ и передала ему свой разговоръ съ Можирономъ. Еще прежде она все рассказала своей маленькой наперстницѣ— Анжелинѣ.

Люсьенъ испугался смѣлости сестры и очень обрадовался ея просьбѣ отправиться къ Роберу и, объяснивъ ему о случившемся, спросить совѣта насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Роберт нашелъ, что Люси поступила храбро, гордо и совершенно правильно; имѣя на своей сторонѣ благородство, справедливость и искреннюю любовь, слѣдовало прямо вступить въ открытую борьбу съ ненавистью, ложью и обманомъ.

— Ты правъ, сказалъ Люсьенъ, — и вполне согласишься свои слова съ своимъ мужественнымъ характеромъ. Однако, я вижу двѣ опасности отъ чистосердечнаго признанія Люси.

— Какія?

— Во-первыхъ, Можиронъ можетъ донести на тебя отцу, и тебя перестанутъ принимать. Помнишь, какъ ты радовался, что не сдѣлалъ официальнаго предложенія и тѣмъ не закрылъ себѣ дверей нашего дома.

— Да, отвѣчалъ Робертъ, — но не въ интересъ Можирона и графини Сержи, дѣйствующихъ я увѣренъ заодно, выяснитъ мое положеніе и выставитъ меня открытымъ соперникомъ Можирона. Вѣдь я не первый встрѣчный. Къ тому-же Можиронъ, пока онъ не признанъ официально женихомъ, не захочетъ довести дѣло до крайности и, мѣшая Люси видѣться со мною, побудитъ ее на рѣшительныя дѣйствія. Ты остаешься въ домѣ твоего отца, въ состояніи всегда защитить сестру, ты свободенъ, какъ — угодно можешь распоряжаться своимъ состояніемъ, и если захочешь, то во всякое время можешь жить отдѣльнымъ домомъ, гдѣ Люси нашла-бы себѣ убожище. Послѣ такого скандала врядъ-ли Можиронъ рѣшился-бы жениться на ней. Конечно, въ интересъ Люси и насъ самихъ, мы не рискуемъ на такой скандалъ. Но Можиронъ, который изъ корысти поступилъ-бы такъ не колеблясь, долженъ считать меня способнымъ на это изъ любви.

— Ты правъ, сказалъ Люсьенъ.

— Ты видишь, что первая опасность, которой ты боялся, вовсе не существуетъ. Ну, перейдемъ теперь ко второй.

— Это еще не опасность, а только возможность ея.

— Въ чемъ-же она заключается?

— Въ дуэли съ Можирономъ.

— На этотъ разъ ты правъ, это не возможность, а вѣроятность.

— Чортъ возьми, ты слишкомъ легко къ этому относишься.

— Не легко, а спокойно. Дуэль съ Можирономъ очень возможна, и даже вѣроятна, но я смотрю на нее безъ страха, хотя и безъ бахвальства.

— Я знаю твою храбрость, но низкій Можиронъ, говорятъ, увѣренъ въ мѣткости своего выстрѣла.

— Надо драться съ нимъ на шпагахъ, — вотъ и все.

— Но онъ всегда устраиваетъ дѣло такъ, что его вызываютъ на дуэль, и потому онъ выбираетъ оружіе.

— Конечно, честному человѣку иногда трудно удержаться, чтобы не назвать подлеца подлецомъ, но я очень хладнокровенъ и предупрежденъ о грозящей мнѣ опасности.

— Впрочемъ, замѣтилъ Люсьенъ, — я не думаю, чтобы онъ вызвалъ тебя на дуэль послѣ столькихъ несчастныхъ поединковъ.

— Ты ошибаешься по извѣстнымъ тебѣ причинамъ и по другимъ поводамъ, которыхъ ты не знаешь: онъ, по всей вѣроятности, вызоветъ меня на дуэль.

— И ты будешь съ нимъ драться на шпагахъ? Но онъ отлично владѣетъ шпагой!

— А я не имѣлъ много свободного времени для фехтованія, не правда-ли?

— И Можиронъ это, конечно, знаетъ.

— Ничего, сказалъ Роберъ, — рука у меня твердая, глазъ вѣрный, совѣсть чистая, и я убѣжденъ въ своей правотѣ. Всего этого довольно, чтобы со шпагою въ рукѣ защищать свою жизнь. Къ тому-же, если я буду раненъ, то, можетъ быть, не умру, а если буду убитъ, то вѣдь всѣмъ можно рискнуть для такой ставки!

— О, братъ мой, ты — олицетворенная неустрашимость! сказалъ Люсьенъ, пожимая руку Робера, — ты способенъ освободить насъ отъ этой гадины.

Въ эту минуту слуга вошелъ въ комнату и подалъ Роберу записку.

— Ждутъ отвѣта, сказалъ онъ.

Роберъ прочелъ записку.

— Ведите сказать посланному, что я буду у г-жи Маруссѣ въ одиннадцать часовъ, сказалъ онъ, обращаясь къ слугѣ.

— Г-жа Маруссѣ! воскликнулъ Люсьенъ послѣ ухода слуги; — развѣ ты ея докторъ?

— Да, отвѣчалъ Роберъ, — на время отсутствія моего друга, доктора Дюрантеля.

— Ты знаешь, что рассказываютъ о ней и Можиронъ?

— Знаю, но не отъ нея, произнесъ съ усмѣшкой Робертъ; — однако, мнѣ надо сдѣлать еще много визитовъ до одиннадцати часовъ, а потому намъ пора разстаться. Поѣзжай домой и скажи Люси, что она хорошо поступила, и что я благодарю ее за ея смѣлое мужество.

Г-жа Марусса, посѣтивъ Дюрантеля, чтобы проститься съ его женою, много разспрашивала о докторѣ Робертѣ. Дюрантель всегда съ удовольствіемъ говорилъ о своемъ другѣ и подробно рассказаль его жизнь и труды. Онъ не жалѣлъ похвалъ, увѣряя, что Робертъ былъ такой-же хорошей человѣкъ, какъ хороший докторъ, что его благородство и безкорыстіе равнялись его знанію, и что онъ вполне заслуживалъ своего успѣха. Октави возвратилась домой вполне довольная, питая большія надежды и безграничное довѣріе къ своему новому доктору.

Поэтому она приняла въ это утро Робера, какъ друга.

Онъ нашелъ ее дѣйствительно страдающей, изнеможенной. Однако, у нея не была слабая, болѣзненная натура, и ея физическія силы были потрясены отъ нравственнаго разстройства и отсутствія душевной энергіи.

Дюрантель лечилъ ее успокоительными средствами, а Робертъ предписалъ ей, напротивъ, укрѣпляющія.

— Но, сказалъ онъ, написавъ рецептъ, — надо успокоить не только ваши нервы...

— Вы совершенно правы, отвѣчала она задумчиво.

Робертъ понялъ, что у нея Можирономъ была наканунѣ неприятная сцена, и что отъ этого она была больна.

— Что жъ, вы подумали о томъ, что мы вамъ совѣтовали съ Дюрантелемъ? Я увѣренъ, что два или три мѣсяца, проведенные на дачѣ въ окрестностяхъ Парижа, принесли-бы вамъ громадную пользу.

— Объ этомъ нечего и думать, отвѣчала она съ жаромъ: — я не могу уѣхать изъ Парижа.

— Вы не можете? Но вѣдь вы свободны...

— Конечно, я свободна и могу уѣхать не только изъ Парижа, но даже изъ Франціи. Мнѣ не только это позволяютъ, но даже меня гонять. Чѣмъ я дальше уѣду, тѣмъ лучше. Не одни доктора совѣтуютъ мнѣ уѣхать.

Ясно было, что Можиронъ, все рѣже и рѣже посѣщавшій г-жу Маруссѣ, старался удалить ее изъ Парижа, гдѣ ея присутствіе мѣшало ему, и въ этомъ, вѣроятно, заключалась ихъ ссора.

— Говоря, что я не могу уѣхать изъ Парижа, продолжала Октави, — я выразилась неточно. Я не хочу уѣхать, — я и такъ слишкомъ одинока.

— Одиноки?

— Да, я отъ этого страдаю и умираю.

— Но вѣдь у васъ есть друзья?

— Знакомые есть у всякаго, но друзья — рѣдкость. Правда, у меня было нѣсколько друзей, но я ихъ лишилась, можетъ быть, по своей собственной винѣ. Особенно одинъ изъ нихъ былъ очень мнѣ преданъ. Вы, вѣроятно, его знаете, хотя по имени. Онъ, кажется, однихъ съ вами убѣжденій. Это адвокатъ Пьеръ Обрионъ.

— Конечно, я его знаю. У него прекрасная душа и большой талантъ.

— Онъ былъ товарищемъ моего мужа и питалъ ко мнѣ самыя дружескія чувства, быть-можетъ, и нѣчто болѣе. Но онъ никогда ни словомъ, ни знакомъ не обнаружилъ своей любви ко мнѣ. Послѣ смерти мужа, во время моего отсутствія, онъ писалъ ко мнѣ самыя нѣжныя письма. Когда-же я вернулась въ Парижъ, онъ первый явился ко мнѣ. Но онъ меня пугалъ: онъ не очень старъ, ему не болѣе сорока пяти лѣтъ, но онъ такой серьезный, такой мрачный. Я очень дорожила его дружбою, но меня страшила его любовь. Моя холодность мало-по-малу и его охладилла. Онъ началъ бывать у меня все рѣже и рѣже, и, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, вовсе не являлся.

— Жаль, это именно такой человѣкъ, который могъ-бы васъ утѣшить и дать вамъ добрый совѣтъ.

— Я и сама объ этомъ думала не разъ. Второй мой другъ, также очень преданный мнѣ и нисколько небезопасный, вашъ товарищъ, докторъ Дюрантель; но онъ никогда не хотѣлъ говорить со мною иначе, какъ въ качествѣ доктора.

Она замолчала, но черезъ минуту продолжала съ грустной улыбкой:

— Я подозреваю, почему онъ такъ велъ себя, и хотя онъ ошибался въ своихъ опасеніяхъ, но я не могу на него сердиться.

Вы видите, докторъ, что у меня очень мало друзей. Васъ же я слишкомъ мало знаю, чтобы назвать своимъ другомъ.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ Робертъ, — нельзя называть другомъ никого, кто не заслужилъ этого драгоценнаго титула долгимъ испытаніемъ. Будьте увѣрены только, что я искренно вамъ сочувствую, и что я честный человѣкъ, которому можно смѣло довѣриться.

— Хотите, я вамъ довѣрю свое горе? воскликнула Октави съ трогательнымъ одушевленіемъ.

— Хочу, отвѣчалъ Робертъ рѣшительно; — я долженъ вамъ еще объяснить, что, по неизвѣстной вамъ причинѣ, вы можете мнѣ оказать болѣе пользы, чѣмъ я вамъ. У насъ съ вами интересы одни, общіе.

— Неужели? произнесла съ удивленіемъ Октави; — я болѣе не колеблюсь и открою вамъ все мое сердце.

Ея откровенная исповѣдь сначала не сообщила Роберу ничего новаго. Предположенія Дюрантеля оказались совершенно справедливыми. Октави полюбила Можирона, ослѣвленная скорѣе, чѣмъ увлеченная новой для нея страстью, льстившей ея самолюбію. Впродолженіи шести недѣль она оставалась въ упоеніи, живя, какъ во снѣ.

Что ее пробудило? Этого не зналъ Дюрантель, и Октави подробно все рассказала Роберу.

Однажды къ ней явился Можиронъ, блѣдный, въ отчаяніи. На всѣ ея тревожные разспросы онъ отвѣчалъ сначала, что въ послѣдніе дни онъ не въ духѣ, а потомъ признался, что онъ былъ въ ужасномъ положеніи, что его имя обезчещено, и что ему оставалось одно—умереть. Онъ пришелъ къ ней только, чтобы проститься. Объятая ужасомъ, она со слезами просила его объяснить, какое несчастіе его поразило, но онъ отвѣчалъ, что уже и то слишкомъ проболтался, и хотѣлъ уйти. Она бросилась передъ нимъ на колѣни, хватала его за ноги, умоляла повѣрить ей роковую тайну. Наконецъ, онъ покался, что долженъ былъ значительную сумму денегъ, которую не могъ нигдѣ найти, и потому, для поддержанія своей чести, онъ долженъ былъ застрѣлиться. У Октави не было всей требуемой суммы, но можно было достать остальные деньги посредствомъ учета ея векселя. Она предложила Можирону этотъ путь къ спасенію. Онъ пришелъ въ бѣшенство:

согласиться на такое предложеніе было тѣмъ-же безчестьемъ, но въ иной только формѣ. Нѣтъ, смерть была въ тысячу разъ лучше для благороднаго человѣка. Снова произошла ужасная борьба. Несчастливая женщина плакала, металась въ отчаяніи, закликала Можирона позволить ей спасти его: если онъ умретъ, то и она послѣдуетъ за нимъ въ могилу; если онъ согласится и возьметъ у нея взаймы эти деньги, то его честь будетъ спасена, никто этого не узнаетъ, и онъ ей уплатитъ когда-нибудь. Она была краснорѣчива, трогательна, непреодолима.

Онъ, наконецъ, согласился. Октави поставила свой бланкъ на вексель, и Можиронъ побѣждалъ его учитывать. Какая это была сумма, и отчего Можиронъ былъ-бы обезпеченъ, не уплативъ ея, г-жа Марусса не объяснила Роберу.

Послѣ его ухода, бѣдная женщина мало-по-малу пришла въ себя, обдумала все происшедшее, и первое сомнѣніе закралось въ ея душу. Развѣ настоящій честный человѣкъ, желая проститься передъ смертью съ любимой женщиной, не поцѣловаль-бы ее молча и не застрѣлился-бы, оставивъ ее въ невѣденіи о роковой причинѣ его смерти? Но она съ негодованіемъ отшатнулась отъ этой мысли. Въ тотъ-же день она узнала, что Можиронъ не сказалъ ей правды, и что его отчаяніе было ловко разигранной комедіей. Это былъ страшный ударъ для Октави. Пламенная любовь, которой она такъ слѣпо отдалась, которая составляла ея радость, гордость и безумное опьяненіе, оказалась обманомъ, ложью, миражемъ. Она вѣрила, что ее любилъ Можиронъ за ея красоту, грацію и доброе, любящее сердце, а выходило на-повѣрку, что онъ любилъ ее изъ-за денегъ. Это было страшно для настоящаго, но еще страшнѣе для прошлаго. Все счастье, испытанное ею въ эти блаженные шесть недѣль, было навѣки отравлено. А онъ, этотъ маркизь, храбрый воинъ, славный рыцарь, котораго она столько же уважала, сколько любила, былъ, значить, достоинъ одного презрѣнія. Да, она его презирала, и — о, ужась! — въ глубинѣ своего сердца она чувствовала, что все еще его любить.

Съ этого рокового дня началась ея пытка. До сихъ поръ она если не оправдывала, то, по крайней мѣрѣ, извиняла свое паденіе надеждой. Можиронъ клялся, что женится на ней, но онъ не хотѣлъ разорить ее, отнявъ у нея пользованіе состояніемъ мало-

лѣтнаго сына. Онъ разсчитывалъ, что одно важное финансовое предпріятіе его обогатитъ, и тогда онъ тотчасъ обвиняется съ нею. Въ эту ловушку попалась бѣдная женщина. Теперь она не смѣла ничему вѣрить. Можиронъ все еще ее успокоивалъ и утѣшалъ, но страшныя сомнѣнія мучили ее. Она не могла ему вѣрить, но не хотѣла и отчаяваться. Были минуты, когда Можиронъ казался ей не столь виновнымъ, когда она все сваливала на судьбу и успокоивала себя мыслью, что желаніе подняться заставило его погрузиться еще ниже. Она увѣряла себя, что онъ ее все-же любитъ. Наконецъ, чтобы не очень презирать себя, она старалась сохранить въ себѣ хоть тѣнь уваженія къ нему.

Но онъ съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе заботился поддерживать иллюзіи. Понизивъ головою и вполголоса, Октави созналась Роберу, что Можиронъ сдѣлалъ у нея еще два займа, въ которыхъ она не имѣла силы отказать ему. Вотъ въ какомъ положеніи она находилась. Не она его прогнала, а онъ ее бросалъ. И ея страданія удвоивались отъ презрѣнія къ себѣ.

— Я вамъ объяснила губящій меня недугъ, прибавила она, окончивъ свой разсказъ, — я раскрыла передъ вами мою рану безъ всякаго стыда. Но чего-же я жду отъ васъ? Не совѣта, докторъ, а операциі, хирургъ. Вы должны отыскать мнѣ доказательство, прямое, безусловное, что этотъ человѣкъ — низкій мошенникъ, подлець, нелюбящій меня и никогда нелюбившій; вы должны вырвать изъ моего сердца мою позорную, недостойную любовь! Это необходимо! Но, предупреждаю васъ, я умру отъ горя.

Роберъ нѣсколько минутъ молчалъ.

— Благодарю васъ за довѣріе, сказалъ онъ, вставая; — позвольте мнѣ зрѣло обдумать все сказанное вами и тогда уже рѣшить, что дѣлать. Я прибавлю только, что, слава-богу, такія здоровыя натуры, какъ ваша, не могутъ быть неизлечимыми. Я надѣюсь, что мы васъ вылечимъ.

ГЛАВА XXI.

Хитрость противъ хитрости.

Узнавъ отъ Люси объ ея презрительномъ отказѣ Можирону, Анжелина еще болѣе встревожилась, чѣмъ Люсьентъ. Главнымъ образомъ, ее беспокоила Вальда.

Анжелина любила свою мать столько-же, сколько и боялась ее. Она знала, какую пламенную любовь питала въ ней мать, и содрогалась при мысли, до чего могла довести ее эта любовь. Она знала Бальду инстинктивно, имѣя тѣ-же стремленія, тѣ-же побужденія, фактически постоянно слѣдя за нею.

Мы уже сказали, что мать и дочь принадлежали къ кошачьей породѣ, только у матери были развиты дурныя качества кошки, — коварство и жестокость, — а въ дочери добрыя: нѣжность и ласковость.

Что касается Бальды, то она считала Анжелину лѣнливой, пассивной и не подозрѣвала, что была предметомъ постоянного, инквизиціоннаго шпионства, что во всякое время и вездѣ каждое ея слово было подслушано, каждое движеніе подсмотрѣно.

Люси имѣла неосторожность намекнуть Можирону, что она любила Робера, и Анжелина удвоила свое зоркое наблюденіе.

На слѣдующій четвергъ Робертъ явился на вечеръ графини Сержи, и Можиронъ подозрительно слѣдилъ за нимъ. Робертъ-же не обращалъ на него никакого вниманія. Онъ поздоровался съ графиней Сержи, помѣнялся нѣсколькими словами съ графомъ, сказалъ мимоходомъ любезность своей маленькой союзницѣ, Анжелинѣ, и прошелъ прямо къ Люсьену, который, по предварительному уговору, сѣлъ рядомъ съ сестрой, какъ-только пріѣхалъ Робертъ. Такимъ образомъ, они могли на свободѣ, въ отдаленномъ уголкѣ гостиной, разговаривать втроемъ около двадцати минутъ, и Робертъ успокоилъ Люси, говоря, что все идетъ хорошо, и надо только ждать терпѣливо съ полной надеждой на успѣхъ.

Между тѣмъ, Можиронъ подошелъ къ Бальдѣ, сидѣвшей у камина и не менѣе зорко слѣдившей за Робертомъ.

— Вы ихъ видите? спросилъ онъ вполголоса, — они нисколько не женируются.

— Что-же дѣлать? отвѣчала Бальда тѣмъ-же тономъ.

— Вамъ стоило-бы только сказать два слова графу.

— Это опасно и, я думаю, бесполезно.

— Мнѣ ужасно претитъ этотъ красавецъ-докторъ.

— И мнѣ не менѣе вашего, но надо быть осторожнымъ.

— Я не могу вамъ обѣщать, что буду всегда остороженъ.

Въ эту минуту Бальда быстро обернулась. Кто-то прошелъ позади нея, задѣвъ за нее своимъ платьемъ.

— А, это Анжелина, прошептала она, успокоиваясь.

Анжелина не проронила ни одного слова изъ краткаго разговора между Вальдой и Можирономъ.

Но не въ гостиной и не въ публикѣ, а въ комнатѣ матери она собирала самыя полезныя свѣденія и подмѣчала важныя слѣды.

Вальда хотя и совѣтовала Анжелинѣ быть на дружеской ногѣ съ Люси, но ревновала ее къ ней и была счастлива только въ тѣ минуты, когда Анжелина была при ней. Въ послѣднее время она замѣчала съ радостью, что дочь почти никогда не покидала ее.

Въ комнатѣ Вальды стоялъ большой, низенькій диванъ съ мягкими подушками; на немъ часто лежали мать и дочь. Вальда съ восторгомъ любовалась Анжелиной, цѣловала ее, ласкала, играла съ нею, какъ съ котенкомъ. Она не имѣла при себѣ дочери ребенкомъ и никакъ не могла вообразить, что она уже не дитя.

Когда Вальда вставала съ дивана, то Анжелина чаще всего оставалась на немъ.

— Что-же ты будешь валяться весь день, маленькая креолка, лѣнивица? говорила Вальда.

— О, оставь меня, здѣсь такъ хорошо дремлетса, отвѣчала Анжелина разсѣянно.

Она закрывала глаза, и Вальда свободно ходила взадъ и впередъ, словно никого не было въ комнатѣ. Но Анжелина изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ слѣдила за каждымъ движеніемъ матери.

Она замѣтила, что Вальда никогда не оставляла ключа въ старинномъ португальскомъ бюро, стоявшемъ въ простѣнѣ между окнами противъ кровати. Верхушка бюро опускалась, и на этой доскѣ можно было писать, какъ на конторкѣ. Здѣсь Вальда хранила свои письма, бумаги и драгоценности. Обыкновенно, она прятала ключъ отъ бюро въ свой портмоне, который постоянно носила въ карманѣ; но въ своей комнатѣ она иногда клала его на ночной столикъ или на этажерку.

Случалось, что Вальда уходила за чѣмъ-нибудь въ сосѣднюю туалетную комнату, изъ которой дверь оставалась отворенной. Оставшись она, Анжелина съ необыкновенной ловкостью соскакивала съ дивана и быстро неслышно шарила повсюду.

Цѣлымъ рядомъ удачныхъ попытокъ она дошла до того, что

незамѣтно брала изъ портмоне ключъ, отпирала бюро и осматривала внутренность, гдѣ были съ каждой стороны по нѣсколько ящичковъ, открывшихся съ помощью маленькихъ кнопокъ. Эти ящички были очень коротки, и Анжелина поняла, что дно въ бюро было съ секретомъ. Какъ открыть этотъ секретъ, сдѣлалось главной заботой Анжелины.

Очевидно, Вальда составляла заговоръ съ Можирономъ противъ Люси и Люсена, и Анжелина была увѣрена, что въ бюро хранилось оружіе или планъ для этой страшной борьбы. Во время кратковременныхъ отлучекъ матери, она не могла и думать найти секретъ, быть-можетъ, очень сложный; кромѣ того, Анжелина не могла употреблять съ пользой даже каждую минуту этихъ кратковременныхъ отлучекъ, изъ боязни, что вскорѣ вернется мать, застанетъ ее врапложъ, и тогда Анжелинѣ уже надо будетъ отказаться отъ всякой мысли открыть тайну.

Поэтому она измѣнила тактику. Въмѣсто того, чтобы представляться спящей, она лежала на диванѣ, постоянно болтала и, когда Вальда уходила въ свою туалетную, продолжала говорить и, особенно, задавать вопросы. Естественно, Вальда отвѣчала громко, чтобы дочь ее слышала, и отдаленность голоса предупреждала молодую дѣвушку, когда мать была далеко отъ двери, и, слѣдовательно, она могла спокойно производить свои поиски.

Такимъ образомъ, она имѣла болѣе времени на необходимый обыскъ. Открывъ съ удивительной ловкостью бюро и громко подерживая разговоръ съ матерью, находившейся въ туалетной, Анжелина ощупывала своими тонкими, чуткими пальцами всѣ ящички, щели, кнопки и т. д. Но, какъ-только голосъ Вальды приближался къ двери, или слышался шорохъ вещей на мраморномъ туалетномъ столѣ, она немедленно все приводила въ прежній порядокъ, запирала бюро, вжала ключъ въ портмоне, и Вальда, входя въ комнату, заставляла дочь въ прежней позѣ на диванѣ.

Анжелинѣ удался два дня сряду этотъ ловкій маневръ, но все-же тайна осталась неразгаданной. Очевидно, было необходимо еще разъ переимѣнить тактику. Молодая дѣвушка рѣшилась ждать, пока Вальда, считая ее спящей, отпереть бюро. Однажды она это уже сдѣлала, но Анжелина тогда не могла разглядѣть, открывала-ли она секретное помѣщеніе на днѣ бюро. Но, какъ долго при-

шло бы ей ждать новаго подобнаго случая? Вѣроятно, по вечерамъ, и то очень поздно, когда всѣ уже спали, Бальда отпирала бюро, но тогда Анжелины не было въ комнатѣ.

Между спальней Бальды и коридоромъ, который велъ въ комнату ея дочери, была только одна дверь, обтянутая съ обѣихъ сторонъ двойными портьерами, имѣвшая задвижку только изнутри. Анжелина раза два или три, въ часъ ночи, тихонько подходила къ двери и неслышно бралась за ручку. Но когда дверь была незаперта, то Бальда, погасивъ свѣчку, уже спала, а приди однажды на свѣтъ въ спальней, она нашла дверь затворенной на задвижку.

Обѣ туалетныя комнаты матери и дочери находились рядомъ, и между ними прежде существовала секретная дверь, нынѣ заключенная и, со стороны Анжелины, превращенная въ шкапъ для платья.

Однажды, воспользовавшись отсутствіемъ изъ дома Бальды, уѣхавшей съ мужемъ, Анжелина заперлась въ своей туалетной и съ большими усилиями отворила дверь въ сосѣднюю комнату.

На слѣдующую ночь дверь изъ спальни въ коридоръ была незаперта, но за то не видно было свѣта у Бальды, — очевидно, она спала. Но на третью ночь дверь была заперта, въ спальнѣ виднѣлся свѣтъ — Бальда занималась.

Анжелина въ бархатныхъ туфляхъ неслышно отворила секретную дверь, вошла въ туалетную матери и, отдернувъ немного портьеру, стала съ любопытствомъ смотрѣть на происходившее въ спальнѣ.

Бюро было заперто. Бальда сидѣла передъ своимъ письменнымъ столомъ и писала.

Прошло полчаса. Она окончила два письма, положила въ конверты, запечатала и легла въ постель. Анжелина удалилась, дрожа отъ холода, но не унывая. Она не принадлежала къ разряду тѣхъ людей, которые легко поддаются отчаянію.

На четвертый день, освѣщенное окно доказывало, что Бальда занималась, и Анжелина, дожидаясь болѣе, чѣмъ наваунѣ, снова отправилась секретнымъ ходомъ въ туалетную матери. Не успѣла она отдернуть портьеру, какъ быстро отскочила въ радостномъ волненіи.

Бальда, повернувшись къ ней спиной, сидѣла противъ порту-

гальскаго бюро. Не только оно, но и секретное помѣщеніе, находящееся въ немъ, было открыто. На опущенной доскѣ бюро стояла маленькая старинная, кованая желѣзная шкатулка, которую Бальда купила при дочери. Она шевелила что-то внутри шкатулки серебряными щипцами для сахара.

Анжелина не могла видѣть внутренности шкатулки и пружину, отворявшую секретное отдѣленіе. Фигура Бальды скрывала отъ нея всю правую сторону бюро. Понимая, что мать могла каждую минуту закрыть шкатулку, и, такимъ образомъ, исчезъ-бы, быть-можетъ, единственный случай къ разгадкѣ тайны, молодая дѣвушка, не колеблясь, подняла портьеру и, притаивъ дыханіе, направилась по ковру неслышными шагами въ бюро. Очутившись подлѣ самой матери и не обративъ на себя ея вниманія, Анжелина увидала, во-первыхъ, торчащую изъ кнопки третьяго праваго ящика пружину, вѣроятно, приводившую въ движеніе секретное хранилище, и, во-вторыхъ, внутренность желѣзной шкатулки. Въ ней просто лежали куски сахара, совершенно похожаго на обыкновенный, развѣ нѣсколько блѣже и тверже.

Почти въ ту-же минуту Бальда истинственно почувствовала чье-то присутствіе за собою и обернулась. Увидѣвъ дочь, она вскочила, уронила стулъ и громко вскрикнула:

— Ахъ!

Первымъ ея машинальнымъ движеніемъ было закрыть шкатулку, но дрожавшія руки не слушались ея. Она такъ была взволнована, что едва переводила дыханіе. Напротивъ, Анжелина была спокойна, хотя такъ-же блѣдна, какъ и мать.

— Анжелина, воскликнула Бальда, — какъ ты меня напугала! Я, значить, оставила дверь незапертой! Что ты, нездорова?

— Да, я чувствую себя нехорошо, отвѣчала молодая дѣвушка, отвѣчая только на второй вопросъ.

— Что съ тобой? спросила Бальда, нѣжно обнимая ее.

— Ничего, это пройдетъ, — что-то меня душитъ. Я нешла у себя въ комнатѣ флердоранжа и, увидавъ у тебя огонь, пришла за нимъ. Успокойся — это пустяки!

— Я замѣчаю уже нѣсколько дней, что ты не своя и очень блѣдна.

— Но и ты, мама, очень поблѣднѣла. Ты испугалась; но вѣдь я, входя, окликнула тебя, развѣ ты не слышала?

Она пригото́вила свой монологъ и произнесла его очень натурально. Потомъ она взглянула на открытую шкатулку и громко воскликнула:

— Какой прекрасный сахаръ!

Бальда уже успѣла оправиться и, не закрывая шкатулки, отвѣчала очень просто:

— Не правда-ли, какой прекрасный сахаръ. Это настоящій тростниковый; я привезла его изъ Бразиліи. Во Франціи настоящій тростниковый сахаръ—мифъ. Я положила его въ этотъ пустой ящикъ и потомъ забыла и ящикъ, и сахаръ,—только-что случайно они попались мнѣ подъ-руку.

— Я никогда не видывала такого блага сахара, замѣтила Анжелина, протягивая руку,—я возьму два или три куска.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Бальда, забывшись.

Она быстро закрыла шкатулку и положила руку на ея крышку. Она теперь совершенно позеленѣла.

— Хороша мать, которая отказываетъ своей дочери въ кускѣ сахара! сказала Анжелина.

— Да, это глупость, не правда-ли? отвѣчала Бальда, стараясь засмѣяться. — Этотъ сахаръ, привезенный мною съ родины... но ты будешь смѣяться... я лучше тебѣ ничего не скажу.

— Хорошо, хорошо, оставь у себя весь сахаръ, эгоистичная мать, сказала Анжелина и подумала: „вѣроятно, это отравленный сахаръ“.

— Довольно дурачиться! сказала Бальда, — пойдемъ, я тебя уложу въ постель.

— Нестойть.

— Я этого хочу.

Бальда пошла за флердоранжемъ, а Анжелина бросила пристальный взглядъ на открытое бюро и торчавшія изъ секретнаго помѣщенія копіи писемъ Робера. Все это твердо запечатлѣлось въ ея памяти со всѣми подробностями.

Бальда взяла свѣчу и, обнявъ дочь, повела ее къ наружной двери.

— Это что? дверь заперта изнутри. Откуда ты вошла?

— Изъ туалетной.

— Но тамъ нѣтъ двери, или, по крайней мѣрѣ, она задѣлана.

— Вѣшалка свалилась вчера, и дверь отворена. Развѣ я тебѣ этого не говорила?

— Нѣтъ.

— Я еще утромъ вошла оттуда. Неужели ты не замѣтила? Я просила Терезу привести столяра, но онъ еще не былъ, — вѣроятно, придетъ завтра.

Говоря эти слова очень просто и не колеблясь ни на секунду, Анжелина вошла въ свою комнату и начала раздѣваться.

Если въ первую минуту Вальда почувствовала смутное подозрѣніе и сказала себѣ: „странно“, то теперь она совершенно успокоилась правдоподобнымъ объясненіемъ дочери и искреннимъ ея тономъ. „Это просто любопытный ребенокъ“, подумала она.

Уложивъ молодую дѣвушку въ постель, укутавъ ее хорошенько и осыпая поцѣлуями, Вальда спросила:

— Тебѣ лучше?

— Да, мама, мнѣ хорошо, отвѣчала Анжелина.

— Тебя ничего не мучаетъ? У тебя нѣтъ горя?

— Нѣтъ какое у меня можетъ быть горе?

— Ты, значить, счастлива?

— Насколько могу быть счастливой.

— Какъ ты это странно говоришь? Ты можешь быть счастливейшимъ человекомъ на свѣтѣ и будешь.

Горькая улыбка показалась на губахъ Анжелины.

— Быть счастливымъ — это не всегда легко, замѣтила она.

— Это не всегда легко, но возможно. Я тебѣ повторяю, ты будешь счастлива, ты будешь богата!

— Богата? Какъ могу я сдѣлаться богатой?

— Ты увидишь. Я этого хочу: а чего я хочу, я всегда добьюсь.

— Но сердечнаго счастья нельзя себѣ создать.

— Можно все создать, чего жаждешь.

— Можешь ты устроить, чтобъ я получила право называть тебя публично мамашей?

— Да, могу! воскликнула Вальда, цѣлуя дочь съ жаромъ, — придетъ день, когда ты открыто будешь называть меня матерью. Но довольно теперь... тебѣ не надо тревожиться. Спи, мой ангелъ! И если ты увидишь во снѣ что-нибудь хорошее, прекрасное, удивительное, то скажи себѣ, что этотъ сонъ можетъ осуществить-

ся, такъ какъ твоя мать любить тебя пламенно, страстно; со всей мощью безпредѣльной любви.

— Нѣтъ, мама, не люби меня слишкомъ много, сказала нѣжно Анжелина.

ГЛАВА XXII.

РОБЕРЪ ДВЛАЕТЪ ШАГЪ ВПЕРЕДЪ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ первой „консультаціи“ у г-жи Маруссы, Роберъ заѣхалъ къ ней и засталъ ее въ лучшемъ настроеніи.

— Ваше лекарство помогло, докторъ, сказала она, — но я думаю, что на меня всего болѣе подѣйствовали ваши добрыя, оживляющія слова.

— Видѣли вы Можирона? спросилъ Роберъ. — Каковъ онъ?

— Все тотъ-же, очень озабоченъ и разсѣянъ. Онъ увѣряетъ, что поглощенъ важнымъ дѣломъ, не тѣмъ, которое онъ прежде придумалъ, съ цѣлью меня обмануть, — теперь дѣло идетъ о какой-то новой акціонерной компаніи, директоромъ которой будетъ графъ Сержи, депутатъ.

— Тутъ есть доля правды, отвѣчалъ Роберъ, — объ этой компаніи говорятъ въ финансовыхъ газетахъ. Просилъ онъ васъ взять акцій?

— Нѣтъ, онъ знаетъ, что у меня нѣтъ капитала, которымъ я могла-бы располагать. Что-же касается моего дохода, то маркизъ, какъ вы знаете, сильно его потрянулъ, и я вижу изъ его словъ, что онъ, убѣжденный въ возможности уплатить мнѣ свой долгъ, еще займетъ у меня нѣсколько тысячъ.

— Вы должны найти въ себѣ достаточно мужества, чтобы ему отказать.

— Я найду это мужество, если вы мнѣ представите вѣрное доказательство его измѣны, которой я теперь столь-же желаю, сколько и боюсь.

— Будьте увѣрены, я вамъ вскорѣ представлю это доказательство, но пока сдѣлайте опытъ. Я все-же увѣренъ, что жизнь на дачѣ была-бы очень полезна вамъ и необходима для вашего ребенка. Развѣ Можиронъ этому противится?

— Нисколько, увн! Только онъ хочетъ, чтобъ я уѣхала подалше. Онъ долженъ былъ ныѣшнее лѣто поѣхать со мною путешествовать, но теперь увѣряетъ, что его удерживаютъ въ Парижѣ дѣла, и онъ находитъ, что мнѣ необходимо отправиться съ сыномъ на воды въ Швейцарію или въ Пиринеи. О дачѣ-же въ окрестностяхъ Парижа онъ говоритъ, что воздухъ тамъ не лучше, чѣмъ на Вольтеровской набережной въ Тюльери, а во-вторыхъ, что ему невозможно ѣздить ко мнѣ въ Медонъ или Виль-д'Оврѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ Роберъ.— Въ какіе часы онъ обыкновенно бываетъ у васъ?

— Всегда передъ обѣдомъ, между двумя и шестью часами.

— Ну, такъ вы оставите въ квартирѣ служанку и будете прѣзжать на эти часы въ Парижъ изъ Виль-д'Оврѣ или Медона. По крайней мѣрѣ, въ остальное время вы будете пользоваться хорошимъ воздухомъ, а сынъ вашъ будетъ всегда на дачѣ. Что можете сказать противъ этого Можиронъ?

— Ничего, я думаю.

— Поговорите съ нимъ и, если онъ спроситъ, кто вамъ посоветовалъ предпочесть дачный воздухъ парижскому, скажите, что докторъ Роберъ.

— Маркизь не знаетъ, что докторъ Дюрантель уѣхалъ. Вы даете мнѣ право васъ назвать?

— Я прошу васъ,—это будетъ большимъ шагомъ къ развязкѣ.

— Что вы хотите сказать? Нашъ общій пріятель, Дюрантель, боялся, чтобъ его чисто-нравственное внимательство въ мои дѣла не было слишкомъ большимъ рискомъ. Я не имѣла случая его успокоить, но вамъ я должна сказать, докторъ, что я не хочу ни васъ, ни его подвергнуть возможности...

— Пожалуйста, ни слова болѣе объ этомъ предметѣ, перебилъ ее Роберъ:—если я могу подвергнуться какой-нибудь опасности отъ Можирона, то не вы будете въ этомъ виноваты. Поэтому произнесите мое имя безъ малѣйшаго страха. Я хочу, чтобы мое положеніе въ отношеніи его было всегда чисто и ясно. Прошу васъ, не скрывайте отъ него, что я имѣю честь быть вашимъ докторомъ и даже совѣтникомъ... во время отсутствія Дюрантеля.

— А мнѣ вы не объясните...

— Еще не наступила минута рассказать вамъ все, какъ вы мнѣ все рассказали. Будьте такъ добры, дозвольте мнѣ еще нѣсколь-ко времени хранить отъ васъ тайну, все-же пользуясь вашимъ полнымъ довѣремъ.

— Я вижу что мнѣ надо питать къ вамъ слѣпое довѣріе, отвѣчала Октави:— дѣлать нечего, я буду во всемъ слѣдовать вашимъ совѣтамъ, докторъ.

По всей вѣроятности, она исполнила желаніе Робера немедленно, потому что въ тотъ-же день Можиронъ заѣхалъ очень встревоженный къ графинѣ Сержи около 5 часовъ.

По его просьбѣ, Балда удалила изъ комнаты Анжелину и, оставшись съ нимъ наединѣ, спросила:

— Что съ вами? вы очень взволнованы. Что случилось?

— Докторъ Роберъ все увеличиваетъ кругъ своихъ друзей и вздумалъ мнѣ перебѣжать дорогу не только здѣсь...

И онъ рассказалъ о своей связи съ г-жею Маруссо, о чемъ Балда уже давно знала. Онъ увѣрялъ, что любовь прекрасной вдовы ему надоѣла и, конечно, скрылъ, что онъ ей былъ долженъ.

— Въ послѣдніе дни, прибавилъ онъ, — докторъ Роберъ сумѣлъ поддѣлаться къ повинутой жертвѣ и сталъ не только ея врачомъ, но, кажется, и наперстникомъ.

Балда вздрогнула, но тотчасъ скрыла это невольное движеніе.

— Развѣ вы опасаетесь этой женщины? спросила она.

— Нѣтъ, графъ Сержи не буржуа, и не оскорбится этой почти уже порванной связью, но тѣмъ не менѣе мнѣ ужасно не нравится вмѣшательство въ это дѣло доктора Робера.

— Вы, вѣроятно, пріѣхали ко мнѣ не для того, чтобы спросить совѣта, холодно отвѣчала Балда, послѣ минутнаго молчанія, — женщины нехорошіе совѣтники въ подобныхъ дѣлахъ, и вы, конечно, сами знаете лучше меня, какъ поступить.

— Я знаю, что я взбѣшенъ, и что этотъ докторъ женскихъ сердецъ меня начинаетъ выводить изъ себя.

Балда махнула рукой, какъ-бы говоря: „а мнѣ какое дѣло?“

— Терпѣніе не мой конекъ, продолжалъ Можиронъ, — и оно можетъ лопнуть, вотъ почему я нашелъ нужнымъ васъ объ этомъ предупредить.

— Благодарю васъ, отвѣчала равнодушно Бальда, — но я не разсердилась-бы, еслибы вы и скрыли это отъ меня. Позвольте мнѣ позвать племянницу, прибавила она, протянувъ руку въ колокочнику.

Можиронъ всталъ.

— Мы васъ увидимъ сегодня вечеромъ? спросила Бальда.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Можиронъ, цѣлуя ея руку, — мы съ графомъ Сержи должны быть въ обществѣ движимаго кредита. Но завтра вашъ день, и я непременно явлюсь.

ГЛАВА XXIII.

Кто вызоветъ на дуэль?

На слѣдующій день Можиронъ прибылъ однимъ изъ первыхъ на вечеръ графини Сержи. На этотъ разъ гостей было болѣе обыкновеннаго, и въ числѣ ихъ видѣлись лица, рѣдко появлявшіяся въ этомъ домѣ, какъ, напримѣръ, два пріятеля Можирона: племянникъ одного изъ главнѣйшихъ искателей приключеній декабрской имперіи и молодой виконтъ, извѣстный своимъ искусствомъ управлять котильономъ на придворныхъ балахъ.

Роберъ пріѣхалъ почти въ одинадцать часовъ; онъ былъ знакомъ съ очень немногими изъ друзей дома и тщетно искалъ ихъ глазами. Люсьенъ находился въ эту минуту съ своими пріятелями въ курительной комнатѣ.

Роберъ прежде всего поздоровался съ хозяевами дома.

Бальда встрѣтила его гораздо любезнѣе, чѣмъ въ прежніе разы, и упрекнула его въ томъ, что онъ упорно считаетъ себя другомъ одного Люсьена. Отчего онъ является только по четвергамъ и никогда у нихъ не обѣдаетъ? Она такъ убѣдительно просила его придти обѣдать въ четвергъ, что онъ долженъ былъ согласиться.

Потомъ онъ подошелъ къ Люси, но она разговаривала съ двумя молодыми дѣвушками, и онъ могъ только помѣняться съ нею нѣсколькими ничего незначащими фразами.

Не успѣлъ онъ отойти отъ Люси, какъ ему попалась навстрѣчу Анжелина. Она протянула ему руку, и Роберу показалось, что эта маленькая ручка дрожала. Анжелина была взволнована и смущена, точно желала что-то сказать, и не знала, какъ начать.

— Маркизь Можиронъ здѣсь, сказала она, наконецъ:—вы его видѣли?

— Можетъ быть... не знаю, отвѣчалъ Роберъ.

— Помните, что я вамъ говорила. Съ нимъ надо быть осторожнымъ; онъ очень злой человѣкъ.

— Неужели? произнесъ съ улыбкой Роберъ.

— Да, навѣрное; а вы не думаете?

— Я думаю только, отвѣчалъ Роберъ, взявъ ее руку,— что вы восхитительная дѣвушка, соединяющая въ себѣ всю граціозную прелесть ребенка и сердечную теплоту женщины. Вотъ что я думаю.

Онъ пожалъ руку Анжелины и прошелъ далѣе.

Она долго смотрѣла ему вслѣдъ съ восторгомъ и безпокойствомъ.

Роберъ вошелъ въ курительную комнату, гдѣ находился Люсьенъ съ своими пріятелями, которые, конечно, не раздѣляли крайнихъ политическихъ убѣжденій Робера, но все-же гораздо ближе къ нимъ подходили, чѣмъ друзья графа Сержи. Роберъ даже нашелъ среди этихъ молодыхъ людей одного изъ своихъ политическихъ единомышленниковъ, Люи Морвежола, очень талантливаго адвоката, товарища Люсьена по школѣ и помощника Обрюна, друга г-жи Маруссѣ.

Такимъ образомъ, въ обществѣ этихъ четырехъ или пяти молодыхъ людей, Роберъ почувствовалъ себя въ сочувственной, симпатичной, интеллигентной средѣ. Но не прошло и двухъ минутъ, какъ комната наполнилась молодыми людьми, совершенно иного оттѣнка, въ числѣ которыхъ былъ и Можиронъ съ своими друзьями, племянникомъ министра и виконтомъ-котильонщикомъ.

При видѣ ихъ, Люсьенъ закусялъ губу отъ досады и хотѣлъ было имъ уступить мѣсто. Но сигары, однажды закуреныя, не легко бросаются: Роберъ только-что закурилъ регалию и весело разговаривалъ съ Люи Морвежолемъ.

Можиронъ сѣлъ на диванъ прямо противъ него.

Прибытіе новыхъ лицъ какъ-бы обдало холодомъ кружокъ молодежи.

— Извините, господа, сказалъ виконтъ,—мы, кажется, вамъ помѣшали. Вы разговаривали?

— Вы, можетъ быть, говорили о политикѣ? прибавилъ племянникъ министра.

— Нисколько, отвѣчалъ Люсьенъ.

— Если вы говорили о политикѣ, то вы можете спокойно продолжать, произнесъ виконтъ; — я съ удовольствіемъ замѣчаю, что съ каждымъ днемъ становится легче сойтись на почвѣ политики людямъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ самыхъ крайнихъ, противоположныхъ убѣжденій.

— Э, Гекторъ, вы изъ либераловъ, замѣтилъ одинъ изъ вошедшихъ.

— Не знаю, отвѣчалъ небрежно котильонщикъ:—я только не принадлежу къ крайнимъ.

— Гекторъ правъ, сказалъ торжественно племянникъ министра:—вскорѣ не будетъ болѣе различія въ цвѣтѣ политическихъ дѣятелей, развѣ только сохранятся слабыя оттѣнки. Вездѣ происходитъ общее сліяніе. Держу пари, что черезъ десять лѣтъ во Франціи не будетъ никакой другой партіи, кромѣ имперіалистской. Да, да, нечего вамъ качать головой, Морвежоль. Посмотрите, уже старые парламентаристы, конституціонисты, орлеанисты такъ и льнутъ къ намъ. Всякая сила съ теченіемъ времени дѣйствуетъ притягательно. Вы увидите, недалекъ тотъ день, когда и республиканцы съ радостью присоединятся къ намъ.

— Я знаю и теперь республиканцевъ, которые непрочъ отъ сліянія, произнесъ медленно и съ удареніемъ на каждомъ словѣ Можиронъ, произнесши дотолѣ ни одного слова.

Молодой виконтъ, казалось, находился тутъ только для рѣшенія Можирону и тотчасъ воскликнулъ съ прекрасно-разыграннымъ удивленіемъ:

— Какъ? республиканцы непрочъ къ сліянію? Что вы хотите этимъ сказать, Можиронъ?

— Я хочу сказать, продолжалъ Можиронъ,—что я знаю одного республиканца, который лѣзетъ изъ кожи, чтобы втереться въ одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ великосвѣтскихъ домовъ. Происходя изъ богъ-знаетъ какой общественной трущобы, онъ старается всѣми средствами овладѣть сердцемъ и карманомъ одной изъ нашихъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ наследницъ. Вы согласитесь со мною, Гекторъ, что дозволить подобныя дерзкія продѣлки было-бы слишкомъ далеко простираеть покровительство сліянію партій.

— Еще-бы, я такъ далеко и не иду! замѣтилъ съ усмѣшкой виконтъ.

— Что это за исторія, любезный маркизъ? спросилъ племянникъ министра;—она мнѣ кажется очень любопытной и поучительной. Не можете-ли вы намъ рассказать ее поподробнѣе?

— Вы понимаете, что я не могу даже слегка намекнуть на знатную семью, о которой говорю, сказалъ Можиронъ; — но ничто не удерживаетъ меня отъ публичнаго обличенія человѣка, осмѣливавшагося разставить сѣти такой высокой жертвѣ. Долгъ всякаго честнаго человѣка сбросить маску съ подобнаго низкаго интригана. Я это и сдѣлаю въ очень немногихъ словахъ.

Говоря это, Можиронъ, сидѣвшій противъ Робера, облокотился на столъ, подперъ правой рукой свой подбородокъ и устремилъ на Робера пристальный, пламенный взглядъ, которому его постоянная саркастическая улыбка придавала еще болѣе нахальной дерзости.

Всѣ присутствующіе замерли, чувствуя, что между этими двумя людьми вспыхнетъ жестокая борьба, болѣе жестокая, быть-можетъ, чѣмъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Люсьенъ былъ серьезенъ, рѣшителенъ; онъ не могъ уже помѣшать подготовлявшемуся поединку.

Что-же касается Робера, то онъ былъ спокоенъ, почти равнодушенъ; онъ не искалъ, но и не избѣгалъ взгляда Можирона; онъ, казалось, его не видѣлъ и продолжалъ разсѣянно курить свою регалию.

— Этотъ господинъ, началъ Можиронъ тѣмъ-же медленнымъ, отрывистымъ тономъ, — носить имя, нѣтъ, скорѣе кличку, я не скажу буржуазную, — въ самой буржуазіи подобныя клички принадлежатъ только подобнымъ дѣтямъ, — а самую вульгарную... Дюранъ... Вертранъ... Бернаръ... Но окажемъ ему милость и дадимъ ему фамилію Макера. Я имѣю свѣденія объ его благородномъ происхожденіи. Онъ сынъ бѣднаго писца или сторожа въ мѣрѣи какого-то маленькаго городишка. Христа-ради ему дали кое-какое воспитаніе. Потомъ онъ интригами проложилъ себѣ дорогу. Но, по несчастью для него, онъ такъ поторопился въ своемъ неожиданномъ возвышеніи, что самыя добрыя и расположенныя къ нему люди были изумлены и стали сомнѣваться насчетъ характера услугъ, которыя онъ оказывалъ своему достойному покрови-

телю. Я полагаю, что этихъ свѣденій достаточно. Они ясны сами по себѣ. Теперь я перехожу къ окончательному выводу... Не годяй, котораго я теперь имѣю въ виду, продолжалъ Можиронъ послѣ минутнаго молчанія и не перемѣняя своей позы, — поощряемый своимъ дерзкимъ успѣхомъ, хочетъ довести нахальство до послѣдней степени безстыдства и старается различными коварными, низкими просками втереться въ семью, пользующуюся нашимъ всеобщимъ уваженіемъ. Но достаточно прибавить, что за нимъ зорко слѣдятъ, и онъ можетъ быть увѣренъ, что если онъ не откажется отъ своего подлаго намѣренія, то нѣкто преградить ему дорогу самымъ простымъ и единственно достойнымъ его образомъ — схватить его за шиворотъ и вышвырнуть изъ дома, который онъ позоритъ своимъ присутствіемъ.

— Мнѣ кажется, маркизъ, что подобное вѣдательство будетъ совершенно излишне, замѣтилъ Морвежоль: — если господинъ, о которомъ вы говорите, таковъ, какимъ вы его рисуете, то онъ нисколько неопасенъ, и почтенная семья съумѣетъ сама уберечь отъ его возной молодую дѣвушку и ея приданое.

Можиронъ спокойно выслушалъ эти слова и отвѣчалъ, попрежнему не сводя глазъ съ Робера:

— Я не говорилъ, что цѣль этого человѣка — деньги. Денегъ у него достаточно...

— Ну, это важное обстоятельство.

— Да, да. Онъ занимается выгоднымъ ремесломъ... онъ аптекаръ, дантистъ или коноваль... Но честь не такъ легко наживается, какъ деньги. А если онъ не только самъ потерялъ всѣкую честь, но намѣренъ лишить ея благородную семью?.. Нѣтъ, нѣтъ, за нимъ надо присмотрѣть и во-время остановить его. Я первый заявляю, что не потерплю, чтобъ этотъ интриганъ, сынъ нищаго сторожа, смѣлъ поднять глаза на благородную дочь аристократа.

Произнося эти слова, Можиронъ возвысилъ голосъ. Наступило гробовое молчаніе. Люсьенъ хотѣлъ его прервать.

— Господа... началъ онъ.

Но Роберъ остановилъ его, дружески взявъ за руку. Всѣ присутствующіе притаили дыханіе.

— Г. Можиронъ, сказалъ онъ совершенно спокойно, какъ-будто ничего не случилось необыкновеннаго, — я съ интересомъ

слѣдилъ за вашей выходкой, хотя, признаюсь, вижу въ вашихъ словахъ болѣе инсинуацій, чѣмъ фактовъ, болѣе брани, чѣмъ дѣла. Но это меня не касается. До меня-же касается одно,—и относительно этого я требую объясненія,—почему вы во все время вашего разсказа смотрѣли на меня такъ пристально и съ такимъ вызывающимъ видомъ?

Можирона взбѣсило спокойствіе Робера. Онъ не могъ не признать за нимъ нравственнаго превосходства. Самъ онъ, конечно, хватилъ черезъ край. Желая нанести чувствительный ударъ, онъ забылъ, что прежде всего ударъ долженъ быть мѣткій. Онъ отступилъ отъ своей обычной столь прославленной учтивости, хотя дерзкой и надменной, но всегда приличной. Теперь-же онъ былъ просто грубъ и невѣжливъ, такъ-что онъ видѣлъ неодобреніе даже во взглядахъ своихъ друзей. Это, конечно, его еще болѣе сердило. Ему оставалось только усилить еще свое нахальство. Онъ такъ и сдѣлалъ.

— Вы совершенно правы, г. Роберъ, я все время смотрѣлъ на васъ и теперь смотрю, произнесъ онъ еще болѣе презрительнымъ тономъ:—такъ что-жь?

— Вотъ что, отвѣчалъ Роберъ съ прежнимъ хладнокровіемъ:—вы подтверждаете мое замѣчаніе, но не отвѣтили на мой вопросъ. Я васъ спросилъ, почему вы на меня такъ смотрѣли?

— Я не желаю и не дамъ вамъ никакого отвѣта, г. Роберъ. Или вы узнали себя въ этомъ портретѣ? Васъ здѣсь четырнадцать или пятнадцать человѣкъ, и никто, кромѣ васъ, не обидѣлся моими словами. Вы узнали себя,—какъ вамъ угодно.

— Вы все-же прямо не отвѣчаете на мой вопросъ, г. Можиронъ, произнесъ невозмутимо-хладнокровный Роберъ;—мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашихъ словъ, я даже не обратилъ большого вниманія на набросанный вами портретъ, такъ-какъ не знаю никого, кто-бы подходилъ къ нему. Но, говоря богъ-знаетъ о комъ, вы указывали прямо на меня глазами, если не пальцемъ, поэтому я имѣю право спросить у васъ, заключался-ли въ вашихъ словахъ прямо или косвенно какой-нибудь намекъ на меня?

— Я не говорю „нѣтъ“, сказалъ Можиронъ послѣ минутнаго размышленія.

— Хорошо, сказалъ Роберъ;—такъ вы говорите „да“.

— Я ничего не говорю, отвѣчалъ съ жаромъ Можиронъ;—я

выражался въ третьемъ лицѣ. Еще разъ, понимайте мои слова, какъ хотите. Я вамъ болѣе не дамъ никакихъ объясненій. На другой почвъ я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Вы не говорите „да“? Вы выражались въ третьемъ лицѣ? Хорошо, этого довольно, сказалъ все съ тѣмъ-же спокойствіемъ Роберъ.

— Вы этимъ довольствуетесь?

— Совершенно.

— Вы очень покладисты, замѣтилъ съ усмѣшкой Можиронъ.

— Я равнодушенъ, отвѣчалъ Роберъ и, медленно стряхнувъ золу съ своей сигары, продолжалъ:—вы намъ рассказали подвиги, а, главное, намѣренія республиканца, который, согласно вашему портрету, человекъ безчестный. Но вѣдь подлецы бывають во всѣхъ партіяхъ. Я вамъ расскажу, если хотите, исторію одного изъ вашихъ, который гораздо гнуснѣе того ношляка, котораго вы изобрѣли для своей потѣхи.

— Послушаемъ, процѣдилъ сквозь зубы Можиронъ.

— Только вашъ рассказъ весь основанъ на предположеніяхъ, а мой на фактахъ. Я буду такъ-же коротокъ, какъ вы. Мой герой, продолжалъ Роберъ, смотря прямо противъ себя и какъ-бы не замѣчая Можирона, — не буржуазнаго происхожденія, а благороднаго, архи-благороднаго; онъ носитъ славное имя и имѣетъ честь считать своимъ предкомъ красавчика-аристократа, къ которому одинъ изъ французскихъ королей питалъ самую живую привязанность. Я спѣшу прибавить, что онъ вполне достоинъ своего предка.

Можиронъ заерзалъ на диванѣ; онъ чувствовалъ, что тотчасъ выйдетъ изъ себя.

— Онъ служилъ въ арміи, но сдѣлалъ маленькую ошибку, полагая, что все, принадлежащее арміи, принадлежитъ и ему. Онъ долженъ былъ выйти въ отставку и отблагодарить человека, спасаго его отъ безчестія публичнаго суда, тѣмъ, что зарѣзалъ его.

— Онъ его зарѣзалъ? спросилъ Можиронъ, едва сдерживая свою злобу.

— Да, онъ рѣжетъ людей выстрѣломъ изъ пистолета, какъ разбойники рѣжутъ ударомъ вѣнжала. Потомъ онъ умертвилъ тѣмъ-же способомъ храбраго итальянскаго офицера.

— Продолжайте! воскликнул Можиронъ съ злобѣщимъ хотомъ.

— Деньги, вы сами признали, г. Можиронъ, не играютъ роли въ дѣйствіяхъ вашего республиканца, но онъ важный рычагъ въ дѣятельности моего бонапартиста. Деньги — руководящая нить во всѣхъ его поступкахъ, особенно въ игрѣ и любви. Я вамъ расскажу нѣсколько подробностей...

Можиронъ быстро вскочилъ съ мѣста.

— Прежде, чѣмъ идти далѣе, я требую, чтобы вы назвали человека, о которомъ вы говорите! воскликнулъ онъ блѣдный и дрожа отъ гнѣва.

— Назвать его, г. Можиронъ? А зачѣмъ?

— Потому, что ваша клевета, г. докторъ, слишкомъ прозрачна.

— Или вы себя узнали, г. маркизъ? Насъ здѣсь четырнадцать или пятнадцать...

— Вы упорствуете, вы хотите скрывать ваши оскорбленія подъ маской.

— Я говорилъ, какъ вы, въ третьемъ лицѣ.

— Вы не хотите отвѣтить прямо?

— Какъ вы.

— Такъ вы, г. докторъ, воскликнулъ Можиронъ, грозя кулакомъ, — подлець!

— А, г. маркизъ, сказалъ Робертъ очень серьезно;— до сихъ поръ мы говорили въ третьемъ лицѣ, но вы, кажется, теперь говорите во второмъ лицѣ?

— Я говорю даже въ первомъ: я васъ убью.

— Но не выстрѣльте изъ пистолета, произнесъ Робертъ тѣмъ же тономъ.

— Да, вы имѣете право выбирать оружіе. На чемъ мы будемъ драться? На ланцетахъ?

— На шпагахъ.

(Продолженіе будетъ.)

КЛОДЪ БЕРНАРЪ.

I.

Его жизнь и значеніе.

10-го февраля 1878 года умеръ въ Парижѣ знаменитый фیزیологъ Клодъ Бернаръ. Работая болѣе тридцати лѣтъ надъ наукой, которая, по выраженію его ученика Поля Верта, „была его жизнью,“ онъ оставилъ по себѣ глубокіе слѣды въ исторіи французской мысли. Какъ фیزیологъ, онъ въ области своего спеціальнаго знанія сдѣлалъ много такихъ открытій, которыя ставятъ его на-ряду съ лучшими представителями этой отрасли во всей Европѣ; какъ профессоръ, онъ долго и благотворно вліялъ на своихъ слушателей и, умирая, могъ съ полною надеждою сказать: „дѣло, начатое мною, не погибнетъ, — для него есть и преемники, и продолжатели“. Только гениальнымъ людямъ выпадаетъ на долю подобное утѣшеніе.

Имя Клода Бернара, извѣстное всей Европѣ, неизвестно и въ Россіи; русская журналистика шестидесятыхъ годовъ популяризовала его не только какъ ученаго, отличающагося необыкновенною самостоятельностью и творческой находчивостью въ производствѣ фیزیологическихъ опытовъ, но еще болѣе, какъ рѣзкаго представителя новаго реального направленія въ наукѣ. Но если Бернаръ внѣ предѣловъ своего отечества считался однимъ изъ лучшихъ представителей реального направленія въ фیزیологіи, и даже пугаломъ для консервативныхъ слоевъ общества, то нельзя того-же сказать о немъ по отношенію къ Франціи.

Во Франціи онъ, какъ замѣчательный экспериментаторъ, далеко не былъ однимъ изъ крайнихъ представителей этого направленія. Напротивъ, онъ всегда давалъ обобщеніямъ значительное мѣсто въ своихъ лекціяхъ и особенно въ своихъ сочиненіяхъ. Съ годами его любовь къ теоріямъ еще болѣе усилилась. Въ своихъ статьяхъ въ „Revue des deux Mondes“ онъ выступаетъ, какъ весьма талантливый, но въ то-же время и осторожный популяризаторъ, никогда невозбудившій въ самыхъ благонамѣренныхъ кружкахъ такого негодованія, какъ, напримѣръ, *Литрэ*, не говоря ужъ о болѣе радикальныхъ писателяхъ. Какъ руководитель въ занятіяхъ, Бернаръ не создалъ многочисленной школы во Франціи, но виною этому, главнымъ образомъ, служитъ недостатокъ средствъ парижскихъ физиологическихъ лабораторій. Наконецъ, въ отношеніяхъ съ учеными, въ полемикахъ, возникавшихъ по поводу его работъ, Бернаръ умѣлъ держать себя такъ мягко и умѣренно, что никогда личныя враждебныя отношенія не могли препятствовать успѣшному распространенію его взглядовъ.

Если Бернару не удалось создать многочисленной школы во Франціи, то, напротивъ, въ Германіи значительная часть физиологовъ, какъ по своимъ взглядамъ, такъ и по темамъ своихъ работъ, должны считаться прямыми продолжателями Бернара. Вопросы о вазомоторныхъ нервахъ, о роли печени и поджелудочной желѣзѣ и многіе другіе, подробно разработанные нѣмецкими учеными послѣднихъ двадцати лѣтъ, болѣею частью, были возбуждены и намѣчены Бернаромъ.

Въ Россіи, наконецъ, теоретическіе взгляды Бернара пользовались особымъ уваженіемъ. Наибольшій успѣхъ имѣло его „Введеніе къ изученію опытной медицины“, между тѣмъ какъ изъ экспериментальныхъ работъ переведены лишь немногія, напримѣръ, лекціи о физиологій и патологій нервной системы, о жидкостяхъ организма, и только въ концѣ прошлаго года явился русскій переводъ его знаменитаго труда „О явленіяхъ жизни, общихъ животнымъ и растеніямъ“. *)

Чтобы лучше выяснитъ значеніе дѣятельности Бернара, мы начнемъ съ его краткой біографіи; затѣмъ изложимъ главныя изъ

*) „Жизненные явленія общія животнымъ и растеніямъ“. Клодъ Бернара. Перев. съ франц. М. Антоновича. Изд. Библина. Спб. 1878 г.

его спеціальныхъ работъ и, наконецъ, приступимъ къ теоретическимъ обобщеніямъ, собраннымъ въ „Введеніи къ изученію опытной медицины“ и въ лекціяхъ „О явленіяхъ жизни, общихъ животнымъ и растеніямъ“.

Клодъ Бернаръ родился 12 іюля 1813 года въ Сен-Жюльенѣ около Вильфраншъ въ департаментѣ Роны. Жизнь его до пріѣзда въ Парижъ въ 1834 году очень мало извѣстна. Повидимому, онъ сильно тяготился своею обязанностью аптекарскаго помощника въ провинціи и надѣялся, оставивъ ее, пробить себѣ дорогу литературною дѣятельностію. Написавъ трагедію въ стихахъ, подъ заглавіемъ „Лукреціи“, онъ повезъ ее въ Парижъ, въ надеждѣ, что она будетъ представлена на сценѣ французскаго театра, но на первомъ-же шагу потерпѣлъ полную неудачу. Тогда онъ поступилъ студентомъ на медицинскій факультетъ, но и тутъ судьба ему сначала не благоприятствовала. Прошло пять лѣтъ, пока ему удалось, и то послѣ далеко неблестящаго конкурса, попасть въ число интерновъ парижскихъ госпиталей. Докторскій дипломъ онъ получилъ только тридцати лѣтъ отъ роду. Къ тому-же времени относятся и первыя его физиологическія работы: „Анатомическія и физиологическія изслѣдованія о барабанной струнѣ“ и докторская диссертация „О желудочномъ сокѣ и его роли въ пищева-реніи“. Эти работы были произведены уже подъ руководствомъ Мажанди. Въ его клиникѣ Бернаръ былъ сначала интерномъ, а по окончаніи курса поступилъ въ физиологическую лабораторію въ качествѣ прозектора. Мажанди имѣлъ на Бернара рѣшительное вліяніе. До своего знакомства съ нимъ Бернаръ уже работалъ много и неутомно, но безъ всякой системы. Кромѣ того, повидимому, по своимъ личнымъ наклонностямъ онъ болѣе былъ расположенъ къ работамъ теоретическимъ и литературнымъ, чѣмъ къ опытно-научнымъ. Нѣкоторая мечтательность характера и вообще большая мягкость нѣшали ему остановиться на чемъ-либо опредѣленномъ. Попавъ въ интерны къ Мажанди, Бернаръ уже никакъ не могъ сдѣлаться практическимъ врачомъ. Мажанди относился презрительно къ врачебной наукѣ и ничуть не скрывалъ этого отъ людей, съ которыми былъ близокъ, а съ Бернаромъ онъ сошелся очень скоро, такъ-какъ тотъ еще до окончанія кур-

са былъ неофициальнымъ помощникомъ Мажанди въ его экспериментальныхъ работахъ въ физиологической лабораторіи.

Мажанди былъ человекъ такого опредѣленнаго образа мыслей и такого сильнаго характера, что онъ не могъ не имѣть импонирующаго вліянія на всѣхъ людей, стоящихъ къ нему близко, даже и не столь мягкихъ, какъ Клодъ Бернарь. Начиная съ самой ранней молодости, когда Мажанди 23 лѣтъ отъ роду въ 1808 году поступилъ прозекторомъ анатоміи въ Парижѣ, и до самой его смерти въ 1855 году, онъ не переставалъ быть самымъ крайнимъ приверженцемъ исключительно опытаго направленія и злѣйшимъ врагомъ всѣхъ абстрактныхъ обобщеній въ наукѣ. Онъ былъ человекъ прямой, въ высшей степени самостоятельный, но крайне рѣзкій въ выраженіи своихъ мнѣній. „Когда вы производите опытъ, говорилъ Мажанди, — вы должны имѣть глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, но вы должны забыть, что у васъ есть мозгъ, для того, чтобы разсуждать“. Всю свою жизнь онъ остался себѣ вѣренъ, и потому немудрено, что, собравъ массу фактическихъ данныхъ, онъ не сдѣлалъ ни одного важнаго обобщенія въ наукѣ. Мало того, не имѣя никакихъ предвзятыхъ идей, Мажанди никогда сильно не настаивалъ на справедливости своихъ наблюденій, и если кому-либо удавалось путемъ опыта показать ихъ невѣрность, то онъ охотно соглашался съ своимъ противникомъ. При недостаткахъ средствъ для экспериментации и при тонкости физиологическихъ работъ, становится понятнымъ, почему Мажанди часто приходилось отказываться отъ своего мнѣнія; но теперь объяснилось, что все-таки онъ былъ правъ въ своихъ важѣйшихъ открытіяхъ, наприимѣръ, въ установкѣ различія между чувствительными и двигательными корешками спинныхъ нервовъ и т. п. Повидимому, Мажанди, несмотря на рѣзкость характера, отличался терпимостью къ противоположнымъ мнѣніямъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ случай, рассказанный Бернаромъ въ его біографіи Мажанди. Мажанди, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ первыхъ физиологовъ, производившихъ опыты надъ живыми животными, такъ называемыя vivisekціи. Однажды во время такого опыта внезапно входитъ въ аудиторію страннаго вида человекъ, въ черной одеждѣ и широкополой шляпѣ и съ громкою рѣчью обращается къ Мажанди, упрекая его за кровожадность и жестокое обращеніе съ

животными. Это былъ квакеръ, членъ общества противниковъ висекціи. Мажанди, не желая оскорблять чувства своего противника, тотчасъ-же велѣлъ прекратить опытъ и прибрать животныхъ и инструменты и уже послѣ того вступилъ въ долговременное преніе съ квакеромъ, результатомъ котораго оказалось, что каждый изъ спорившихъ остался при своемъ мнѣніи. Мажанди никогда не стыдился признаться въ своемъ незнаніи, и потому неудивительно, что у него въ руководствѣ физиологін, между прочимъ, сказано, что онъ вовсе не имѣетъ понятія о томъ, для чего служить поджелудочная желѣза. Между тѣмъ, на этотъ счетъ и въ болѣе старыхъ руководствахъ дѣлалось немало праздныхъ предположеній, опровергнутыхъ впоследствии опытами Бернара и другихъ изслѣдователей. Неудивительно, что, при своемъ крайнемъ экспериментальномъ направленіи, Мажанди долженъ былъ сразу стать въ ряды противниковъ ученія о жизненной силѣ или многихъ жизненныхъ силахъ, какъ это ученіе выразилось у Биша и его послѣдователей. И, дѣйствительно, уже въ 1809 году Мажанди писалъ: „для чего непременно слѣдуетъ ради объясненія каждаго жизненнаго явленія придумывать новую жизненную силу? Развѣ нельзя удовольствоваться одной силой, такъ-называемой общей *жизненной силой*, предположивши, что она вызываетъ различныя явленія, смотря по строенію органовъ и тканей, которыя дѣйствуютъ подъ ея вліяніемъ? Но, можетъ быть, и эта единственная жизненная сила совершенно излишня? Развѣ она не простая гипотеза, такъ-какъ ощутить мы ее не можемъ? Было-бы гораздо проще, еслибы физиологія начиналась только съ того момента, когда явленія въ живыхъ тѣлахъ становятся доступными нашимъ чувствамъ“. Подобное мнѣніе, высказанное такъ прямо въ эпоху почти безраздѣльнаго господства витализма Биша, было большою смѣлостью. Но Мажанди всею своею послѣдующей дѣятельностью съ успѣхомъ продолжалъ поддерживать справедливость своего мнѣнія. Такимъ образомъ, онъ является настоящимъ родоначальникомъ экспериментальной физиологической школы во Франціи, а самымъ блестящимъ продолжателемъ его впоследствии былъ Клодъ Бернаръ.

Изъ приведенной характеристики двухъ ученыхъ легко понять, что молодой и неустановившійся Бернаръ долженъ былъ неволью поддаться вліянію такого сильнаго характера, какъ Мажанди. Но по

уму и талантливости Бернаръ былъ несравненно выше своего учителя, и потому въ первыхъ работахъ его, совершенныхъ подъ руководствомъ Мажанди, проявляется больше порядка, больше задуманности, болѣе данныхъ для будущихъ научныхъ выводовъ. Соединеніе природной изобрѣтательности и способности къ теоретическому мышленію Бернара со строгимъ опытнымъ направлениемъ Мажанди дало драгоценные результаты. Начиная съ 1843 г., работы Бернара быстро слѣдуютъ одна за другой. Въѣсть съ этимъ начинается и извѣстность его, какъ преподавателя. Сначала онъ является преемникомъ Мажанди втеченіи послѣднихъ лѣтъ его жизни въ качествѣ профессора въ Collège de France; затѣмъ въ 1854 г. для Бернара нарочно устраиваютъ кафедру физиологіи въ Сорбоннѣ при факультетѣ наукъ, а въ 1868 г. онъ, по смерти *Флоранса*, получаетъ кафедру общей физиологіи въ музеѣ естественной исторіи въ Jardin des Plantes.

Какъ у большей части людей, посвятившихъ себя наукѣ, и притомъ изслѣдованіямъ въ такой отрасли, которая не требуетъ разъѣздовъ и путешествій, жизнь Бернара, повидимому, протекла спокойно и доставила ему всю сумму удовольшенія со стороны признанія его заслугъ, котораго онъ вправѣ былъ отъ нея требовать. Даже болѣе того: въ сравнительно молодыхъ лѣтахъ, т. е. между 40 и 45 годами, онъ достигъ громкой европейской извѣстности, занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной наукѣ и съ честью удержалъ это положеніе до самой своей смерти. Но за то не мало было и печальныхъ сторонъ въ жизни его. Потрясенное усиленнымъ трудомъ и дурною гигиенической обстановкой лабораторіи здоровье довольно рано измѣнило знаменитому изслѣдователю. Въ шестидесятихъ годахъ нынѣшняго столѣтія онъ былъ вынужденъ на нѣсколько лѣтъ прекратить всѣ лабораторныя занятія, и легко себя представить, какъ больно это было для человѣка, у котораго многія работы были подвинуты настолько, что каждый день можно было надѣяться на полученіе новыхъ, блестящихъ результатовъ. Кромѣ того, Бернаръ почти всю свою жизнь прожилъ въ очень стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. До сорока-лѣтняго возраста средства его были крайне незначительны, а потомъ, благодаря неблагоприятнымъ семейнымъ обстоятельствамъ, онъ добровольно обрекъ себя на лишенія первой молодости. Клодъ Бернаръ долженъ былъ раз-

статься съ своею женою. Но, будучи человѣкомъ крайне совѣстливымъ, онъ большую часть своихъ доходовъ, подѣляя на конецъ его жизни довольно значительныхъ, отдавалъ своей женѣ и дочери, съ нею жившей, а самъ занималъ небольшую квартиру на rue des écoles. Вѣроятно, всѣ эти причины вмѣстѣ повліяли на раннюю старость Клода Бернара. Зимой 1872 года, когда я имѣлъ удовольствіе слушать его лекціи, Бернарь выглядѣлъ уже довольно драхлымъ старикомъ, несмотря на то, что ему было всего 58 лѣтъ. Дѣйствительно, онъ и прожилъ послѣ этого всего шесть лѣтъ. Смерть его наступила, впрочемъ, подѣ влияніемъ острой болѣзни почекъ, между тѣмъ какъ общее состояніе здоровья, повидимому, даже поправилось было въ послѣдніе годы его жизни.

Клодъ Бернарь далеко не былъ такимъ замѣчательнымъ профессоромъ, какимъ онъ является, какъ писатель; тѣмъ не менѣе лекціи его слушались охотно и отличались всегда простотою, удобопонятностію и богатствомъ новыхъ опытовъ, на нихъ показываемыхъ. Въ общемъ Бернарь и своею личностію и своею рѣчью оставлялъ впечатлѣніе большой мягкости и скромности, но въ то-же время глубокаго знанія дѣла и необыкновеннаго умѣнья ясно излагать предметъ своего чтенія.

Говоря о влияніи Мажанди на Бернара, мы уже упомянули о нѣсколькихъ двойственномъ характерѣ его работъ, именно о его природномъ стремленіи къ широкимъ теоретическимъ обобщеніямъ, о нѣкоторомъ избыткѣ, если можно такъ выразиться, воображенія въ этомъ направленіи и о строгомъ экспериментальномъ изслѣдованіи, начатомъ и веденномъ подѣ влияніемъ немного узкаго, но сильнаго убѣжденіемъ и характеромъ наставника. Бернарь никогда не покидалъ экспериментальныхъ работъ. Передъ самою смертію онъ еще продолжалъ изслѣдованія о любимой своей темѣ — происхожденіи сахара въ организмѣ животныхъ; но все-таки въ общихъ чертахъ можно сказать, что первыя двадцать лѣтъ научной дѣятельности Бернара были преимущественно посвящены практическимъ работамъ; напротивъ, послѣднія пятнадцать лѣтъ болѣе, хотя далеко не исключительно, теоретическимъ обобщеніямъ свѣденій, добытыхъ или имъ самимъ, или его современниками. Хотя послѣдняя часть работъ Бернара представляетъ, можетъ быть, и болѣе живой интересъ для читателя-неспециали-

ста, но мы тѣмъ не менѣе считаемъ себя обязанными остановиться прежде, хотя вкратцѣ, на спеціальныхъ работахъ Вернара, такъ-какъ, по нашему мнѣнію, онѣ именно имѣютъ наибольшее значеніе въ наукѣ, онѣ должны составить главную славу Вернара и обезпечить ему прочное значеніе въ будущемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ его теоретическія сочиненія. Кромя того, большая часть спеціальныхъ работъ Вернара отличается такою оригинальностью, каждая изъ нихъ внесла въ науку столько новыхъ, хотя и частныхъ идей, что ихъ никакъ нельзя смѣшивать съ заурядными мелкими лабораторными открытіями, и потому мы надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за то, что мы на нѣсколькихъ примѣрахъ постараемся показать, какимъ образомъ вивисекціи и физиолого-химическія работы Вернара совершенно перевернули многія понятія о характерѣ процессовъ, совершающихся въ тѣлѣ животныхъ и человека.

II.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЯ РАБОТЫ ВЕРНАРА.

На первомъ мѣстѣ здѣсь должны быть поставлены работы, касающіяся происхожденія сахара въ организмъ животныхъ. Когда Вернару удалось сдѣлать открытіе новаго отправления печени, именно приготовленія ею особаго сахаристаго вещества, *гликогена*, фактъ этотъ показался въ высшей степени необыкновеннымъ. Дѣйствительно, въ то время безпрекословно господствовала теорія, состоящая въ томъ, что только растенія способны путемъ возстановленія изъ углекислоты и воды образовывать крахмалъ, сахаръ и прочія вещества, извѣстныя подъ именемъ углеводовъ. Вернаръ при началѣ своихъ опытовъ держался общераспространеннаго мнѣнія. „Около тридцати лѣтъ тому назадъ, пишетъ онъ въ своей книгѣ „О явленіяхъ жизни“, — мнѣ удалось открыть происхожденіе гликогена у животныхъ. Не предвзятыя идеи привели меня къ этому открытію, но, напротивъ, простое наблюденіе фактовъ. Въ то время думали, что только растенія готовятъ сахаръ. Я былъ въ началѣ моей научной карьеры и, естественно, раздѣлялъ взгляды своего времени. Я вовсе не стремился разрушать теорію исключительно-растительнаго происхож-

денія сахара; напротивъ, я желалъ ее подтвердить и расширить. Я спросилъ себя, какимъ образомъ сахаръ, доставляемый растительной пищей, перегорааетъ и разрушается въ животномъ организмѣ? Не удовлетворяясь общепринятыми положеніями, я началъ рядъ опытовъ, имѣвшихъ цѣлью прослѣдить въ крови исчезаніе сахара, введеннаго въ пищеварительные пути животнаго“. „Начиная съ самыхъ первыхъ опытовъ, я былъ крайне удивленъ, увидѣвъ, что кровь собакъ всегда содержитъ сахаръ, какова-бы ни была ихъ пища, и даже при отсутствіи всякаго питанія. Фактъ этотъ замѣтить очень легко, и только полное господство предвзятыхъ идей помѣшало ему быть прежде замѣченнымъ“.

Какова-же роль сахара въ крови? Извѣстно, что существуютъ два рода крови: *артеріальная*, которая притекаетъ къ органамъ и питаетъ ихъ, и затѣмъ *венозная*, возвращающаяся изъ органовъ, послуживши для ихъ питанія, уже лишенная нѣкоторыхъ составныхъ частей и насыщенная продуктами разложенія, непрерывно совершающагося въ тканяхъ. Содержится-ли сахаръ въ равномъ количествѣ въ артеріальной и венозной крови? Служитъ ли онъ для поддержки тканей или есть продуктъ ихъ распаденія? Бернаръ отвѣчаетъ на эти основные вопросы такъ: *артеріальная* кровь въ наружныхъ частяхъ тѣла значительно богаче сахаромъ, чѣмъ венозная. Кровь теряетъ часть своего сахара, проходя черезъ волосные сосуды головы и членовъ. Слѣдовательно, органы лишаютъ кровь части ея сахара, и потому кровь, текущая по большимъ венамъ наружныхъ частей тѣла, содержитъ его мало.

Но иначе стоитъ дѣло въ другихъ частяхъ венозной системы. При возвращеніи въ правое сердце, венозная кровь содержитъ даже болѣе сахара, чѣмъ артеріальная. Откуда онъ взялся? Очевидно, изъ такого органа, который изливаетъ свою кровь не задолго до возвращенія венозной крови въ сердце. Главѣйшимъ изъ такихъ органовъ является печень. И, дѣйствительно, кровь печеночной вены оказывается самой богатой по содержанию сахара. Отсюда уже недалеко до вывода, что сахаръ образуется въ печени. Но такой точный наблюдатель, какъ Бернаръ, не могъ удовлетвориться однимъ логическимъ выводомъ. Ему нужно было убѣдиться непосредственнымъ наблюденіемъ. Если сахаръ не образуется въ печени, а только вносится въ нее кровью, то, конечно, печень, вполнѣ лишенная крови, не должна больше давать сахара. На дѣлѣ-

же бываетъ не такъ. Если вынуть печень изъ только-что убитаго животнаго и пропустить черезъ сосуды ея сильную струю воды, пока вся кровь не будетъ выполоскана, и вытекающая жидкость не будетъ показывать и слѣда присутствія сахара, то въ ту минуту и самая ткань печени не будетъ содержать сахара. Но если оставить печень на нѣсколько часовъ и затѣмъ повторить выколакиваніе, то вытекающая жидкость окажется растворомъ особаго сахаристаго вещества. Отсюда уже прямо слѣдуетъ, что ткань печени, и притомъ даже несодержащая въ себѣ крови, можетъ вырабатывать сахаръ. Несмотря на такую очевидность, многіе извѣстные ученые, напр., *Шиффъ*, *Пави*, *Риттеръ*, отрицаютъ образованіе сахара въ живой печени и находятъ, что происхожденіе его при опытахъ Вернара должно быть объясняемо, какъ явленіе посмертное.

Но, признавъ, что сахаръ образуется въ печени, нужно еще выяснитъ, изъ чего онъ образуется, такъ какъ изъ самыхъ опытовъ Вернара слѣдуетъ, что ткань печени не содержитъ готоваго сахарнаго матеріала. И на этотъ трудный вопросъ Вернару удалось найти отвѣтъ, хотя и послѣ долговременныхъ и сложныхъ изслѣдованій. Онъ открылъ присутствіе въ печени особаго крахмалистаго вещества, названнаго имъ *гликоеномъ* или *печемочнымъ сахаромъ*, и показалъ, что сахаръ происходитъ въ печени не непосредственно черезъ распаденіе какихъ-либо элементовъ крови, а при помощи предварительнаго отложенія особаго крахмалистаго вещества въ ткани печени.

Такимъ образомъ, у животныхъ, какъ и у растений, сахаръ образуется насчетъ крахмала. Это открытіе было однимъ изъ первыхъ и наиболѣе важныхъ, наведшихъ Вернара на мысль о полной аналогіи жизненныхъ явленій у животныхъ и растений. Образованіе крахмала въ обоихъ царствахъ должно быть признаваемо явленіемъ синтеза или органическаго творчества. Происхожденіе сахара, напротивъ, есть явленіе разрушенія путемъ присоединенія воды къ крахмалу и обращенія его въ декстрины и глюкозу, которыя при дальнѣйшемъ разложеніи (окисленіи) превращаются въ продукты выдѣленія, углекислоту и воду.

Какимъ-же путемъ происходитъ обращеніе крахмала въ сахаръ? Здѣсь мы встрѣчаемся съ другимъ вопросомъ, всю жизнь занимавшимъ Вернара, которому были посвящены послѣдніе труды его

передъ смертью, съ вопросомъ о ферментахъ. Роль ферментовъ громадна въ экономіи организма. Бѣлковыя вещества могутъ растворяться и всасываться только при помощи ферментовъ желудочнаго и поджелудочнаго соковъ, т. е. *пепсина* и *панкреатина*. Ни крахмалъ, ни тростниковый сахаръ также не могутъ быть ассимилированы иначе, какъ превращенные особымъ ферментомъ въ глюкозу. Эти послѣдніе ферменты содержатся въ слюнѣ, въ содѣ поджелудочной желѣзы и, можетъ быть, въ сокахъ тонкихъ кишекъ. Наконецъ, въ печени содержится особый ферментъ, дѣйствующій на *глюкогенъ* въ смыслѣ превращенія его въ виноградный сахаръ (*глюкозу*).

Не менѣе коренныя и плодотворныя измѣненія Бернаръ внесъ и въ другія отрасли физиологіи, а нѣкоторыя изъ этихъ отраслей были, можно сказать, созданы имъ. Такъ, напр., одна изъ первыхъ большихъ работъ, обратившихъ вниманіе ученаго міра на Бернара, былъ его мемуаръ о поджелудочной желѣзѣ. Хотя эта работа, въ противоположность большей части другихъ работъ Бернара, не заключаетъ первостепенныхъ самостоятельныхъ открытій, но за то по своей полнотѣ она и теперь служитъ исходной точкой для всякаго начинающаго работать по вопросу о пищевареніи въ кишкахъ. Бернару удалось на прочныхъ основаніяхъ утвердить тройную роль поджелудочнаго сока въ пищевареніи, т. е. его способность превращать крахмалъ въ сахаръ, эмульсировать жиръ и растворять бѣлковину. Что касается крахмала, то поджелудочный сокъ дѣйствуетъ на него еще сильнѣе слюны. Смѣшиваясь съ жиромъ, онъ раздробляетъ его въ такія мелкія капли, которыя способны всасываться кишечными ворсинками. Это свойство поджелудочнаго сока чрезвычайно важно, такъ какъ, повидимому, оно даетъ единственный путь эмульсации жира. Самый фактъ эмульсированія жира былъ открытъ въ 30-хъ годахъ нѣмецкимъ фізіологомъ *Эберле*, но сталъ общепризнаннымъ въ наукѣ только послѣ подтвержденія Бернаромъ. Онъ же указалъ на свойство поджелудочнаго сока растворять бѣлковину, но при этомъ ошибся, сдѣлавъ предположеніе, что для этого необходимо и совмѣстное дѣйствіе желчи. Вислѣдствіи исследований *Л. Корвизара* показали, что поджелудочный сокъ самъ по себѣ легко растворяетъ бѣлковину. Бернаръ, убѣдившись въ справедливости мнѣнія Корвизара, охотно съ нимъ согласился.

Однимъ изъ самыхъ блестящихъ открытій Вернара, и при томъ однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ по послѣдствіямъ, были его изслѣдованія надъ дѣйствіемъ индійскаго яда для стрѣлъ, извѣстнаго подъ именемъ *курарэ*. Что такое курарэ, до сихъ поръ еще неизвѣстно, такъ-какъ приготовленіе его сложно и, по всей вѣроятности, не всегда одно и то-же. При введеніи его въ кровь, дѣйствіе его обнаруживается главнымъ образомъ параличомъ двигательныхъ нервовъ, и преимущественно ихъ междомышечныхъ окончаній. Замѣчательно, при этомъ, что сердце парализуется гораздо позже. Свойства эти дѣлаютъ курарэ драгоценнымъ средствомъ для разъединенія физиологическихъ явленій во время опытовъ надъ живыми животными. Поэтому открытіе курарэ и его примѣненія дали сильный толчокъ методу опытныхъ изслѣдованій. Такъ, напр., изслѣдованія надъ раздражимостью мышечной ткани внѣ нервнаго вліянія производятся на животныхъ, отравленныхъ курарэ. Къ этому-же средству прибѣгаютъ обыкновенно и для производства измѣренія кровяного давленія. При этомъ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: животному впускаютъ въ вену растворъ курарэ, а для того, чтобы оно не задохлось подъ вліяніемъ паралича дыхательныхъ движеній, заставляютъ его дышать искусственно черезъ трубку, вставленную въ дыхательное горло. Такъ-какъ сердце продолжаетъ биться, то отправления остаются приблизительно нормальными, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, животное, лишенное способности производить движенія, представляетъ большія удобства для опытовъ и наблюденій.

Въ числѣ другихъ работъ надъ отравленіями очень важны изслѣдованія надъ дѣйствіемъ окиси углерода. Вернаръ показалъ, что причина смерти заключается въ задушеніи, происходящемъ оттого, что окись углерода, соединенная съ красными кровяными шариками крови, представляетъ болѣе прочное соединеніе, чѣмъ соединеніе шариковъ съ кислородомъ. Такимъ образомъ, присутствіе окиси углерода препятствуетъ накопленію кислорода въ крови, во время прохожденія ея по сосудамъ легкихъ, цѣль дыханія не достигается, и животное умираетъ отъ задушенія. Послѣдующіе опыты, правда, показали, что связь окиси углерода съ красными кровяными шариками не представляетъ изъ себя того, что привыкли считать прочнымъ химическимъ соединеніемъ, и, можетъ быть, разложено настоящимъ пропусканіемъ черезъ

кровь не только кислорода, но даже такого индифферентнаго газа какъ водородъ; но, во всякомъ случаѣ, основа объясненія отравы окисью углерода (угаромъ), задушеніемъ, осталась вполне вѣрна.

Дѣйствія ядовъ и анестетическихъ веществъ вообще были однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ изслѣдованія для Бернара, и онъ въ эту область внесъ много оригинальнаго. Особенно замѣчательны и важны въ практическомъ отношеніи его работы надъ алкалоидами опія, изъ которыхъ нѣкоторые были имъ впервые открыты. Къ сожалѣнію, эти работы—однѣ изъ самыхъ специальныхъ между работами Бернара, и мы должны ограничиться только указаніемъ на нихъ.

Гораздо большій интересъ для общобразованнаго читателя представляетъ томъ лекцій Бернара объ анестезіи. Какъ известно, примѣненіе анестетическихъ средствъ въ хирургической практикѣ есть одно изъ новѣйшихъ усовершенствованій, такъ какъ въ обширныхъ размѣрахъ оно практикуется только начиная съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Но въ историческомъ очеркѣ, служащемъ введеніемъ для его книги, Бернаръ указываетъ, что уже въ глубокой древности примѣнялись свойства нѣкоторыхъ веществъ производить безчувственность, для облегченія боли во время операцій. Такъ, напр., у китайцевъ анестетическимъ средствомъ служило какое-то растеніе изъ семейства крапивы. Кто знаетъ близость крапивы съ коноплею, изъ которой на Востокѣ добываютъ гашишъ, тотъ не усомнится въ возможности ея дѣйствительности. Въ Асиріи также употреблялся при операціяхъ какой-то составъ, оставшіяся неизвѣстными. Въ Египтѣ пользовались мемфисскимъ камнемъ. На основаніи описанія способа его употребленія у Плинія и Диоскорида, *Литтрэ* сообщаетъ, что камень этотъ былъ родъ ярапора, который поливали крѣпкимъ уксусомъ, послѣ чего заставляли больного вдыхать угольную кислоту, отчего онъ и впадалъ въ безпамятство. Въ средніе вѣка въ Италіи употреблялись опиумъ и *мандрагора*. Въ XVI столѣтіи впервые начинаютъ примѣняться какія-то эфиробразныя вещества, но обыкновенный эфиръ еще не былъ извѣстенъ. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, сильное сжатіе нервовъ или всего члена также практиковалось, какъ средство для мѣстной анестезіи. Наконецъ, въ

тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія распространилось употребленіе эфира, по инициативѣ *Джэксона*, въ Сѣверной Америкѣ, а немного позже, въ сороковыхъ, эдинбургскій технологъ *Симпсонъ* ввелъ употребленіе хлороформа въ Европѣ.

Опыты Бернара надъ анестезіей особенно интересны въ томъ отношеніи, что они произведены надъ организмами, надъ которыми прежде не производили такихъ опытовъ, напр., надъ ферментами. Въ чемъ собственно состоитъ анестезія, Бернару, конечно, не удалось опредѣлить. О животныхъ онъ говоритъ, что анестезія есть ничто иное, какъ переходящая смерть чувствительныхъ нервовъ, такъ-какъ заключается во временномъ устраненіи ихъ свойствъ. Но, какъ примѣнить подобное опредѣленіе къ такимъ организмамъ, подверженнымъ анестезіи, у которыхъ, какъ у растений, ферментовъ и т. п., еще не удалось найти и слѣдовъ нервной системы?

Извѣстнаго рода регуляція тепла, какъ извѣстно, существуетъ только у теплокровныхъ животныхъ, т. е. птицъ и млекопитающихъ; остальные ея лишены. Насколько справедливо объясненіе Бернара о вліяніи вазомоторныхъ нервовъ на уравниженіе тепла, видно изъ того факта, что, устранивъ это вліяніе, можно теплокровное животное превратить въ холоднокровное, т. е. въ такое, температура котораго находится въ непосредственной зависимости отъ температуры окружающей среды. Лучшимъ средствомъ для этого служитъ перерѣзка спинного мозга. Кролики, надъ которыми совершена эта операція, продолжаютъ жить долго, но дѣлаются холоднокровными, лишаются регуляціи тепла, и температура ихъ тѣла соответственно внѣшней температурѣ можетъ падать очень низко. У животныхъ, подверженныхъ зимней спячкѣ, это явленіе замѣчается, впрочемъ, и при неповрежденномъ спинномъ мозгѣ.

Бернаръ, между прочимъ, воспользовался перерѣзкой спинного мозга у кролика и послѣдовавшимъ затѣмъ общимъ пониженіемъ его температуры, чтобы удобнѣе показать нагрѣваніе нерва во время его раздраженія. Нагрѣваніе мускула въ этомъ случаѣ уже доказано; что-же касается нервовъ, то и теперь, несмотря на весь авторитетъ Бернара, оно оспаривается и, можетъ быть, справедливо, такъ-какъ необходимыя для подтвержденія опыты требуютъ крайней степени тонкости и осторожности, а способы,

употребленіе Бернарромъ, повидимому, еще не представляютъ достаточныхъ гарантій.

Принимая далѣе ученіе о вазомоторныхъ нервахъ къ объясненію многихъ болѣзненныхъ явленій, Бернаръ находитъ, что чувство боли всегда сопровождается охлажденіемъ, такъ-какъ оно вызывается раздраженіемъ чувствительнаго (суживающаго) сосуда нерва. Вліяніе духа на тѣло, считавшееся долго необъяснимымъ, есть ничто иное, какъ физиологическое явленіе, легко понятное на основаніи вышеизложенныхъ изслѣдованій. Нравственное страданіе отзывается на организмъ такъ-же, какъ и чувство боли на чувствительномъ нервѣ. Орудіемъ его всегда служитъ симпатическій нервъ, разстройства въ отправленіяхъ котораго, какъ известно, могутъ вести за собою болѣзненные измѣненія въ питаніи, органическія поврежденія и разныя другія болѣзни.

Производя затѣмъ опыты надъ дѣйствіемъ очень высокой температуры на организмы, Бернаръ нашелъ, что мускулы отбавляются отъ нихъ прежде, чѣмъ двигательные нервы, и что подобно прочимъ ядамъ, жаръ дѣйствуетъ преимущественно на одинъ элементъ организма, именно на мышечную ткань.

Что касается повышенія температуры, самостоятельно появляющагося въ организмѣ, т. е. лихорадки, то она, по мнѣнію Бернара, происходитъ подъ вліяніемъ прекращенія дѣятельности суживающихъ нервовъ и усиленія дѣйствія расширяющихъ сосудовъ.

Кромѣ всѣхъ изложенныхъ нами работъ, Бернаръ оставилъ послѣ себя еще множество болѣе мелкихъ, но изъ которыхъ нѣкоторыя настолько важны, что обезпечили-бы собою репутацію не одного ученаго профессора. Сюда относятся работы надъ слюнными железами, надъ тройничнымъ и двигающимъ глазъ нервомъ, надъ личнымъ нервомъ и многія другія.

Мы должны упомянуть еще о двухъ работахъ Бернара, весьма отличающихся по характеру отъ вышеизложенныхъ. Сначала научная карьера давалась ему нелегко, и одно время, разочаровавшись, онъ думалъ даже ее оставить и сдѣлаться практическимъ хирургомъ. Результатомъ этого временнаго желанія появился составленный вмѣстѣ съ д-ромъ Гюзтомъ атласъ оперативной хирургіи, недавно вышедшій новымъ изданіемъ. Наконецъ, на-дняхъ вышелъ новый посмертный томъ сочиненій Берна-

ра, именно курсъ оперативной физиологiи, составленный отчасти самимъ Вернаромъ, отчасти, по его замѣткамъ и рукописямъ, ученикомъ его *М. Дювалемъ*. Трудъ этотъ, впрочемъ, носить слишкомъ спеціальный характеръ, и мы на немъ останавливаться не будемъ, а обратимся, напротивъ, къ той сторонѣ дѣятельности Вернара, значеніе которой не ограничивается физиологiей и медициной, а распространяется на всю науку о жизни. Мы хотимъ говорить о тѣхъ общихъ выводахъ, къ которымъ пришелъ Вернаръ на основаніи своихъ долготѣнныхъ опытовъ и наблюденій.

III.

Теоретическія воззрѣнія Вернара.

Вернаръ имѣлъ за собою уже двадцать пять лѣтъ практической работы; самыя блестящія открытія его уже были сдѣланы, когда онъ рѣшился выступить передъ ученымъ міромъ съ своими философскими обобщеніями. Его знаменитое „Введеніе къ изученію опытной медицины“ вышло только въ 1865 году, а „Лекціи о явленіяхъ жизни, общихъ животнымъ и растеніямъ“, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ 1870 году, напечатаны съ значительными прибавленіями только въ 1878 году. Мы остановимся подольше на этихъ двухъ трудахъ Вернара, переведенныхъ на русскій языкъ, и изъ которыхъ первый наиболѣе повлиялъ на мнѣніе, составившееся о Вернарѣ въ Россіи. Мы встаетъ замѣтить здѣсь, что какъ ни замѣчательны теоретическія воззрѣнія Вернара, они все-таки, по опредѣленности и самостоятельности, не могутъ сравниться съ его экспериментальными работами. Однако, изъ причинъ ихъ большого успѣха мы должны считать литературный талантъ Вернара, рѣдкую способность его излагать просто, ясно и привлекательно наиболѣе трудные или сложные вопросы.

Вернаръ—вообще врагъ точныхъ опредѣленій. По этому поводу онъ приводитъ изрѣченіе знаменитаго математика *Пуансо*: „Когда кто-либо проситъ меня опредѣлить, что такое *время*, я его спрашиваю: а знаете вы о чемъ говорите? Если отвѣтить да,—ну, хорошо, такъ скажите. Если нѣтъ, такъ перейдемъ лучше къ „Дѣло“, № 2, 1879 г.

другому разговору“. Самъ Бернаръ выражается, между прочимъ, такимъ образомъ: „Ничто не можетъ быть опредѣлено въ наукѣ и природѣ“, и далѣе: „Совершенно напрасно стараются опредѣлить, что такое жизнь“.

Онъ равнымъ образомъ не признаетъ ученія спиритуалистовъ и матеріалистовъ. Ученія эти, говоритъ онъ, — могутъ быть рассматриваемы въ философіи, но для нихъ нѣтъ мѣста въ опытной физиологіи. Для нихъ тамъ нѣтъ роли, гдѣ единственнымъ критеріемъ служитъ опытъ. Приверженцы каждой изъ этихъ доктринъ могли совершать полезныя открытія. Никто теперь не заботится о томъ, были-ли *Гарвей* и *Галлеръ* спиритуалистами или матеріалистами, но всѣ знаютъ, что они были великими физиологами, наблюденія и опыты которыхъ имѣютъ и для насъ громадное значеніе.

Что касается лично себя, то Бернаръ говоритъ, что не признаетъ себя виталистомъ, потому что *жизненная сила*, какъ-бы ее ни называли, сама по себѣ ничего не значить; она можетъ дѣйствовать только чрезъ посредство которой-либо изъ силъ природы. Въ основѣ идей виталистовъ лежитъ неисправимая ошибка, состоящая въ томъ, что они принимаютъ за особую силу известную комбинацію предметовъ, т. е. вещь, имѣющую значеніе только въ нашемъ представленіи, но немогущую производить никакихъ дѣйствій въ природѣ.

Съ другой стороны, Бернару не хочется признать себя и матеріалистомъ потому, говоритъ онъ, — что хотя явленія жизни находятся въ непосредственной зависимости отъ физико-химическихъ условій, но эти условія не могутъ группировать явленія и приводить ихъ въ тотъ гармоническій порядокъ, которымъ они отличаются исключительно въ живыхъ существахъ.

Чтобы выйти изъ очевиднаго противорѣчія, Бернаръ прибѣгаетъ къ слѣдующему выраженію, называя его, впрочемъ, самъ метафорой: „*Жизненная сила направляетъ явленія, не производя ихъ; физическія условія производятъ явленія, не направляя ихъ*“.

Бернаръ, въ сущности, вовсе не разрѣшаетъ вопроса о жизненной силѣ, но уклоняется отъ этого рѣшенія, находя, что безъ него можно обойтись. Достаточнымъ для точности опыта и наблюденій онъ считаетъ *физиологическій детерминизмъ*. Подъ

этимъ именовъ онъ понимаетъ тотъ законъ, что всякое жизненное явленіе, равно какъ и всякое физическое, неизбѣжно опредѣляется физико-химическими условіями, позволяющими или препятствующими его наступленію. Эти условія становятся *непосредственными или ближайшими причинами наступленія явленія*. Совокупность условій, опредѣляющихъ наступленіе какого-либо явленія, неизбѣжно влечетъ за собою дѣйствительное наступленіе этого явленія. Вотъ, чѣмъ слѣдуетъ замѣнить старое и я темное выраженіе причины у матеріалистовъ и спиритуалистовъ.

Съ перваго взгляда казалось-бы, что и замѣнять нечего, потому что детерминизмъ есть понятіе логическое и, какъ таковое, одинаково признается и спиритуалистами, и матеріалистами. Но Бернарь съ этимъ несогласенъ и приводитъ примѣры, изъ которыхъ слѣдуетъ, что нѣкоторые спиритуалисты не признаютъ детерминизма. Вотъ, между прочимъ, подлинныя слова извѣстнаго хирурга *Жерди*: „*Нельзя сказать въ физиологіи, что жизненныя явленія при одинаковыхъ условіяхъ всегда одинаковы. Это справедливо только для неорганическихъ тѣлъ*“.

Конечно, между физиологами теперь рѣдко можно услышать подобное мнѣніе. но въ другихъ отрасляхъ науки оно еще держится крѣпко. Бернарь совершенно справедливо приводитъ, какъ примѣръ, объясненія явленій изъ нравственной жизни. Принятіе физиологическаго детерминизма многимъ моралистамъ кажется равнозначущимъ отрицанію свободной воли. По мнѣнію-же Бернара, детерминизмъ именно дѣлаетъ волю *вынужденно-свободною*. Съ физиологической точки зрѣнія, нравственная свобода можетъ быть сравниваема со всѣми остальными явленіями живого организма. Если, напр., въ рукѣ человѣка и въ соответствующихъ ей нервныхъ органахъ, существуютъ всѣ нормальныя анатомическія и физико-химическія условія, необходимыя для движенія руки, то можно предсказать, что движеніе руки произойдетъ сообразно волѣ человѣка. Нельзя предсказать только направленія, въ которомъ будетъ произведено движеніе, и которое будетъ свободно выбрано, смотря опять-таки по обстоятельствамъ. Такъ точно и нормальное анатомическое и физиологическое состояніе нервныхъ центровъ обуславливаетъ ихъ дѣятельность, но предвидѣть ея направленія нельзя, и потому она кажется свободной.

Отсюда мы видимъ, что детерминизмъ Бернара въ сущности близокъ къ сенсуализму, т. е. къ признанію того положенія, что вещей самихъ по себѣ мы познавать не можемъ, а должны довольствоваться тѣми представленіями, которыя даются намъ нашими ощущеніями. Въ то-же время, однако, Бернарь признаетъ, что опредѣленная связь, существующая между фактами, можетъ быть отмѣчена и автоматически, помимо нашихъ ощущеній. Собраніе такого рода данныхъ имѣетъ наибольшую цѣнность, такъ какъ они отмѣчены вполне безпристрастно и внѣ субъективнаго вліянія нашихъ ощущеній. Какъ на примѣры такихъ способовъ, можно указать на *графическій методъ*, на *фотографію* и пр. На основаніи кривыхъ, полученныхъ при помощи автоматическихъ приборовъ или при помощи хорошо выполненныхъ фотографій, не разъ были произведены открытія, которыя, можетъ быть, оказались-бы недостижимыми при содѣйствіи однихъ нашихъ чувствъ.

Такимъ образомъ, основу ученія Бернара составляетъ положеніе, что только тѣ факты могутъ быть приняты наукой, детерминизмъ которыхъ опредѣленъ, т. е. для которыхъ извѣстны ближайшія условія ихъ происхожденія. Понятно, что при такомъ требованіи, наблюденіе и опытъ являются единственными средствами научнаго изслѣдованія. „Духъ опыта отличается отъ духа метафизики и схоластики своею скромностью, потому что опытъ ежеминутно заставляетъ насъ сознавать наше абсолютное и относительное невѣжество“. Бернарь до такой степени опасается признанія какого-бы то ни было абсолютнаго принципа, даже въ формѣ гипотезы, что онъ является противникомъ приложенія математики къ естественнымъ наукамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ проверка выводовъ посредствомъ опыта еще недостижима. Опытный способъ разсужденія есть единственный, дозволяемый для врача и натуралиста, если они желаютъ достигнуть истины или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ ней.

Но, спросить насъ, развѣ можно начинать опытъ безъ всякой предвзятой идеи о его результатѣ? Мажанди говорилъ, что можно, и даже должно, но Бернарь такъ далеко не заходитъ. Напротивъ, онъ говоритъ, что, *производя опытъ* безъ предвзятой идеи, мы рискуемъ заблудиться, но *наблюдать результаты опыта* должно всегда безъ предвзятой идеи — иначе мы рискуемъ свои собственныя измышленія принять за результаты опыта.

Изъ всего приведеннаго видно, что совершенно несправедливо причислять Бернара къ приверженцамъ крайняго опытнаго направленія, представителемъ котораго можно считать, напр., Мажанди. Бернаръ по методамъ своего разсужденія ближе подходитъ къ англійскимъ психологамъ. Такъ, напр., онъ отличаетъ детерминизмъ, который есть абсолютный принципъ, отъ научныхъ теорій, имѣющихъ только относительное значеніе. Подобное-же мнѣніе онъ высказываетъ по поводу способности къ научнымъ открытіямъ. Открытіе, говоритъ онъ, — сдѣланное по поводу случайно наблюдаемаго факта или на основаніи нарочно предпринятаго опыта, всегда заключается въ идеѣ. Поэтому не можетъ и существовать метода для производства открытій, такъ-какъ философскія теоріи не могутъ дать чувства изобрѣтательности тѣмъ, у кого его нѣтъ, такъ точно, какъ свѣденія въ акустикѣ или оптикѣ не могутъ дать вѣрнаго слуха или тонкаго зрѣнія тѣмъ, которые лишены ихъ отъ природы.

Еще яснѣе выступаетъ уклоненіе отъ чистаго эмпиризма въ слѣдующемъ разсужденіи по поводу *опытнаго критерія*. „Вопросъ этотъ, говоритъ Бернаръ, — могъ-бы казаться излишнимъ послѣ того, какъ всѣ признали, что только *факты* могутъ быть результатомъ опыта. Одни факты реальны, и на нихъ исключительно и слѣдуетъ основываться. *Это фактъ*, грубый фактъ, говорятъ теперь часто, и послѣ этого не слѣдуетъ уже разсуждать, но нужно ему подчиняться. Безъ сомнѣнія, и я признаю, что факты суть единственныя реальности, могущія дать выраженіе смыслу опыта и служація для контроля его, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы разумъ могъ воспринять эти факты. Мнѣ кажется, что слѣпая *вѣра* въ факты, заставляющая молчать разумъ, такъ-же опасна для опытныхъ наукъ, какъ и вѣрованія сантиментальныя или мистическія, которыя также не даютъ слова разуму. Однимъ словомъ, въ опытномъ методѣ, какъ и вездѣ, *единственный реальный критерій—есть разумъ*“.

Таковъ общій методъ научнаго разсужденія у Бернара. Мы надѣемся, что читатель не удивится теперь тому, что теоретическія воззрѣнія его не могли имѣть особеннаго успѣха въ западной Европѣ. Они не представляли тамъ ничего оригинальнаго, и даже не отличались полною послѣдовательностью въ своихъ прижизненіяхъ.

Гораздо болѣе интереса и самостоятельности представляють тѣ обобщенія Бернара, которыя касаются не общей методологiи науки, но специально науки о жизни.

Одно изъ самыхъ любопытныхъ и плодотворныхъ есть ученiе о внѣшней и внутренней средѣ организма. Каждый организмъ состоитъ изъ безчисленнаго количества живыхъ элементовъ, мелкихъ единицъ, которыя все въ совокупности живутъ во внѣшней средѣ, подверженной частымъ и иногда очень рѣзкимъ измѣненiямъ. Напротивъ, каждая живая единица животнаго организма, напр., кровенной шарикъ или нервная кѣлочка, живутъ въ особой внутренней средѣ организма, гораздо болѣе постоянной, такъ-какъ условiя температуры и другiя внутри организма могутъ измѣняться лишь медленно и въ болѣе ограниченномъ размѣрѣ, чѣмъ во внѣшней средѣ. Это указанiе на сравнительное постоянство условiй, въ которыхъ живутъ единицы, составляющiя элементы организма, уже послужило для всесторонняго пониманiя и разъясненiя многихъ явленiй и, вѣроятно, окажетъ еще весьма важныя услуги для объясненiя фактовъ, основанныхъ на регуляци, посредствомъ задерживающихъ и ускоряющихъ механизмовъ и т. п.

Чтобы показать весь интересъ, заключающiйся въ такого рода обобщенiяхъ, приложенныхъ къ ряду фактовъ, извѣстныхъ подъ именемъ жизни, мы постараемся возможно-кратко изложить содержанiе нѣкоторыхъ его лекцiй о явленiяхъ жизни, общихъ животнымъ и растенiямъ.

Мы видѣли, что Бернаръ отказывался дать какое-либо общее опредѣленiе жизни; тѣмъ не менѣе онъ приводитъ большое количество чужихъ опредѣленiй, данныхъ учеными и философами всего мiра, начиная отъ Аристотеля и кончая Гербертомъ Спенсеромъ.

Отказавшись отъ общаго опредѣленiя жизни, Бернаръ тѣмъ съ большимъ старанiемъ занимается разсмотрѣнiемъ и классификацiей частныхъ явленiй, наблюдаемыхъ у живыхъ существъ. Необходимыя свойства всѣхъ живыхъ существъ, по его мнѣнiю, могутъ быть сведены къ пяти, а именно: 1) организацiя; 2) размноженiе; 3) питанiе; 4) развитiе и 5) упадокъ, болѣзнь и смерть.

Организацiя зависитъ отъ смѣси сложныхъ веществъ, влiяю-

щихъ одно на другое. Она есть извѣстное приспособленіе, дающее начало необходимымъ свойствамъ живой матеріи, приспособленіе специальное и очень сложное, находящееся тѣмъ не менѣе въ полной зависимости отъ общихъ химическихъ законовъ. Жизненные свойства—ничто иное, какъ физико-химическія свойства организованной матеріи.

Способность размножаться, производить себѣ подобныхъ, почти абсолютнымъ образомъ характеризуетъ живыя существа. Всякое существо происходитъ въ какой-либо формѣ отъ своихъ родителей и, въ свою очередь, можетъ имѣть потомство. Понятно, однако, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, организмы могутъ и вовсе не размножаться.

Развитіе представляетъ, по всей вѣроятности, наиболѣе замѣчательную черту живыхъ существъ. Организмъ постоянно измѣняется, появившись на свѣтъ. Онъ растетъ, затѣмъ достигаетъ на нѣкоторое время полнаго развитія и потомъ умираетъ. Неорганическое тѣло, напр., минераль, измѣняется только въ непосредственной связи съ измѣненіями вѣшнихъ условій, но измѣненія эти не представляютъ никакой послѣдовательности, подобной развитію. Въ настоящее время, однако, понятіе о развитіи уже не прилагается исключительно къ физическимъ существамъ. Такъ, напр., по мнѣнію многихъ астрономовъ, звѣздныя системы проходятъ извѣстный рядъ фазисовъ, которые сравниваютъ съ фазисами развитія. Какъ извѣстно, Спенсеръ въ своихъ „Основныхъ началахъ“ принимаетъ понятіе о развитіи не только для органическаго міра, но и для неорганическаго.

Точно также и способность возстановленія потерянныхъ частей прежде считалась отличительнымъ признакомъ организмовъ, но по новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что и кристаллы обладаютъ этимъ свойствомъ. *Пастэръ* видѣлъ, что кристаллы, поломанные въ нѣсколькихъ мѣстахъ и положенные обратно въ маточный растворъ, одновременно съ общимъ увеличеніемъ своей массы, возстановляли и потеряныя части. Черезъ нѣсколько часовъ кристаллы представляли совершенно правильныя формы, только въ увеличенномъ видѣ.

Питаніе можетъ служить болѣе рѣзкимъ признакомъ для отличія организма отъ неорганизма. Мы, однако, увидимъ дальше, что есть такія состоянія живыхъ существъ, гдѣ вовсе не наблю-

дается питаніе. Тѣмъ не менѣе, признаковъ этотъ все-таки очень важный. Питаніе есть постоянный обмѣнъ частицъ, составляющихъ живое существо. Питающійся организмъ воспринимаетъ вещество извнѣ и отдаетъ наружу негодные продукты своихъ жизненныхъ отправленій. Такимъ образомъ, сохраняя приблизительно свою форму, онъ мѣняется по субстанціи. Питаніе есть признакъ, однаково существенный какъ для растений, такъ и для животныхъ, но, какъ мы только-что сказали, онъ не есть абсолютный признакъ для организма. Подобно минералу, онъ можетъ впасть въ химически-равнодушное состояніе, т. е. не совершать никакихъ обмѣновъ съ внѣшней природой. Это бываетъ во время такъ-называемой скрытой жизни, наприѣръ, во время того состоянія, въ которомъ находится сѣмя растений, когда оно лежитъ въ сухомъ мѣстѣ и лишено прочихъ условій, необходимыхъ для его проростанія.

Само собою понятно, что разрушеніе также не представляетъ коренного различія между органическимъ и неорганическимъ міромъ.

Такимъ образомъ, относительность всѣхъ признаковъ, отличающихъ живыя существа отъ неживой матеріи, неизбежно приводятъ насъ къ тому заключенію, что жизненные явленія не суть результаты какого-нибудь особаго внутренняго принципа, свободнаго и независимаго, однимъ словомъ—жизненной силы. Эту силу невозможно уединить, невозможно воздѣйствовать на нее одну. Напротивъ, всякое воздѣйствіе на жизненные явленія можетъ совершаться только черезъ измѣненіе физико-химическихъ условій обстановки организма, а никакимъ инымъ способомъ.

Не имѣя возможности поставить абсолютныя границы жизни, Вернаръ въ этомъ случаѣ поступаетъ, какъ и всегда: онъ старается найти какіе-либо относительныя признаки, основанные на значительномъ количествѣ фактовъ. Онъ считаетъ, что нашолъ такіе признаки въ подраздѣленіи всѣхъ жизненныхъ явленій на двѣ категоріи:

1) Явленія *жизненнаго созиданія* или *организующаго синтеза*.

2) Явленія *смерти* или *органическаго разрушенія*.

Въ природѣ ничто не создается, если смотрѣть съ точки зрѣнія абсолютнаго количества вещества, но количество живого вещества можетъ быть больше или меньше. Въ этомъ смыслѣ всякое

растение, строящее свое тѣло изъ неорганическаго вещества, есть примѣръ организующаго синтеза. Этого рода синтезъ, т. е. построение клѣтокъ, тканей, органовъ и т. п., всегда сопровождается жизненными явленіями, и потому Бернаръ правъ, говоря: *жизнь есть созиданіе*.

Съ другой стороны, однако, части живущаго организма постоянно разрушаются подъ вліяніемъ физико-химическихъ дѣятелей, обуславливающихъ медленное сгораніе, броженіе, гніеніе и т. п. явленія. Послѣднія явленія бросаются намъ въ глаза гораздо больше, чѣмъ явленія созиданія, совершающіяся всегда очень постепенно и, большею частію, внутри организма. Напротивъ, явленія органическаго разрушенія всегда почти сопровождаются замѣтными симптомами, вродѣ выдѣленій, повышенія температуры, производства движенія и проч. Вообще, всякое обнаруженіе внѣшней дѣятельности у живого существа сопряжено съ явленіями органическаго разрушенія. И потому Бернаръ опять-таки правъ въ своемъ парадоксѣ: *жизнь есть смерть*.

Мы видѣли, что одна изъ трудностей найти признаки для опредѣленія жизни заключается въ томъ, что жизнь далеко не всегда бываетъ одинакова. Бернаръ подводитъ всѣ эти различія подъ три главныя формы, которымъ онъ даетъ названія: *скрытая жизнь*, *жизнь колеблющаяся* и *жизнь постоянная* или *свободная*.

Подъ скрытою жизнью Бернаръ понимаетъ такое состояніи живого существа, когда оно находится въ полномъ химическомъ спокойствіи, т. е. не входитъ въ обмѣнъ со внѣшней средой. Прежде сомнѣвались въ возможности такого состоянія, но теперь признали, что сѣмена растений, а также нѣкоторые животныя, вродѣ *колтодь*, *тардыградъ*, *коловратокъ* и т. п., находятся, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ состояніи полнѣйшаго химическаго бездѣйствія.

Растительное сѣмя заключаетъ въ себѣ все, что нужно для жизни, но если оно не находится въ необходимыхъ для того внѣшнихъ условіяхъ тепла, влажности и проч., то способность его къ жизни переходитъ въ скрытое состояніе. Не слѣдуетъ думать, чтобы въ этомъ случаѣ жизнь зерна была только такъ ослаблена, что стала незамѣтной для нашего наблюденія. Нѣтъ, жизнь тогда дѣйствительно скрыта. Мы уже знаемъ, что для

яснаго обнаруженія явленій жизни необходимо совмѣстное дѣйствіе двухъ категорій факторовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Одни внутренніе дѣятели организма, обусловливаемые его строеніемъ, такъ-же мало способны поддерживать явленія жизни, какъ и одни внѣшніе, безъ внутреннихъ. На дѣлѣ мы видимъ сѣмена растеній, которыя десятки, а можетъ быть, и сотни лѣтъ не лишаются способности произростанія *). Если-бы они все это время дѣйствительно жили, т. е. совершали-бы химическіе обмѣны, то трудно предположить, чтобы, втеченіи такого долгаго времени, въ зернахъ не произошло-бы никакого замѣтнаго измѣненія. Въ какихъ-же случаяхъ происходитъ въ сѣменахъ такое скрытіе жизни? Тогда, когда они находятся въ средѣ, лишенной воздуха (кислорода) и извѣстной степени тепла и влажности. Отсюда можно заключить, что кислородъ, тепло и влажность суть именно внѣшнія условія, необходимыя для обнаруженія явленій жизни. Что-же касается внутреннихъ условій, то въ растительномъ зернѣ долженъ непременно заключаться извѣстный запасъ питательнаго вещества.

Всѣ высказанныя положенія Бернарь доказываетъ опытами, преимущественно надъ сѣменами крессона, произрастающими, какъ извѣстно, необыкновенно скоро. Весьма интересны при этомъ результаты, полученные подъ вліяніемъ различныхъ температуръ. Самую благопріятною температурой для произростанія крессона оказалась 19—29° стоградуснаго термометра, между тѣмъ, какъ 38—40°—температура, нормальная для большей части теплокровныхъ животныхъ, задерживаетъ, или даже совсѣмъ прекращаетъ, проростаніе сѣмянъ крессона. Въ паралель съ этимъ фактомъ, большой интересъ представляетъ наблюденіе Бернара надъ лягушками, которыя при 38° тепла впадаютъ въ анестетическое состояніе.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ примѣровъ скрытой жизни у животныхъ могутъ служить *коллатки*. Эти животныя уже довольно высокой организаціи, причисляяны *Гегенбауэромъ* къ червямъ, другими, напр., *Ван-Бенеденомъ*, отдѣляются въ особую группу между червями и ракообразными. Животныя эти,

*) Бернарь не признаетъ доказаннымъ фактомъ произростаніе муссійской пшеницы.

живя среди мховъ и пыли на крышахъ зданій, подвергаются часто рѣзкимъ переиѣнамъ въ степени влажности окружающей ихъ среды. Какъ только обнаружится большой недостатокъ въ водѣ, они сокращаются, принимаютъ консистенцію рога и смѣшиваются съ окружающей пылью. Въ такомъ состояніи они остаются иногда цѣлые мѣсяцы, не лишаясь способности къ оживленію. Открытіе это было сдѣлано *Левенгукомъ* въ 1701 году. Намочивъ нѣсколькими каплями воды пыль, собранную на крышѣ, онъ увидѣлъ черезъ часъ массу живыхъ существъ, которыя постепенно набухали, причемъ всѣ ихъ органы принимали нормальную форму и отъ полной неподвижности постепенно переходили къ самымъ оживленнымъ движеніямъ.

Тѣ мельчайшіе организмы, которые играютъ роль ферментныхъ ферментовъ, также обладаютъ способностью впадать въ состояніе скрытой жизни. Такъ, напр., высушенныя пивныя дрожжи сохраняютъ способность возбуждать броженіе, какъ только будутъ опять поставлены въ благопріятныя для того обстоятельства.

Какимъ-же путемъ можно объяснить сущность скрытой жизни? Точнаго отвѣта на этотъ вопросъ теперь еще дать нельзя. Но слѣдуетъ замѣтить, что переходъ отъ явной жизни къ скрытой, всегда сопровождается *высыханиемъ*, между тѣмъ какъ обратное возвращеніе къ нормальной жизни всегда сопровождается *всасываніемъ воды*.

Признаки *колеблющейся жизни* не могутъ быть опредѣлены съ такою ясностью, какъ признаки скрытой. Бернаръ причисляетъ къ этой категоріи зимнюю жизнь большей части многолѣтнихъ растений въ холодномъ и умѣренномъ климатѣ. Что касается животныхъ, то всѣ безпозвоночныя, а изъ позвоночныхъ холоднокровныя, находятся, относительно своихъ жизненныхъ явленій, въ полной зависимости отъ внѣшнихъ космическихъ условій. Холодъ дѣйствуетъ на нихъ ослабляющимъ образомъ: дыханіе дѣлается тише, пищевареніе совсѣмъ прекращается, движенія стануть ничтожными или вовсе почти не существуютъ. У млекопитающихъ подобное состояніе замѣчается во время такъ-называемой зимней спячки, напр., у сурка, сони, суслика и другихъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что состояніе, похожее на спячку, наблюдается не только подъ вліяніемъ холода, но и подъ вліяніемъ жара, напр., у *тепрека* въ Америкѣ, у крокодиловъ и также у сусликовъ.

Наиболѣе высоко организованная позвоночная, у которыхъ внутренняя среда съ большой настойчивостью сохраняетъ известную степень постоянства, нелегко впадаютъ въ состояніе колеблющейся жизни. Сюда принадлежатъ птицы и большая часть млекопитающихъ. Но и они въ известный періодъ своего развитія проходятъ черезъ фазисъ колеблющейся жизни, именно въ то время, когда они еще имѣютъ форму яйца. Такъ, напр., яйцо птицы для нормальнаго развитія зародыша непремѣнно должно находиться въ известныхъ условіяхъ вѣшной температуры. Въ противномъ случаѣ, оно впадаетъ въ особое состояніе, котораго нельзя назвать скрытою жизнью—потому что яйцо всегда дышитъ, т. е. поглощаетъ кислородъ и отдаетъ углекислоту—но которое можно причислить къ явленіямъ колеблющейся жизни. Въ отличіе отъ скрытой жизни, это состояніе не можетъ продолжаться неопредѣленное время, а только известный не слишкомъ продолжительный періодъ, послѣ котораго яйцо, даже поставленное въ нормальныя условія, лишается способности къ дальнѣйшему развитію.

Явленія колеблющейся жизни представляютъ известныя выгоды для тѣхъ организмовъ, у которыхъ они встрѣчаются. Такъ, напр., животныя выносятъ въ такомъ состояніи сравнительно легко очень низкія температуры, большой недостатокъ въ пищѣ, въ свѣжестъ воздуха.

Что касается перехода отъ состоянія постоянной жизни къ колеблющейся, то онъ всегда начинается съ уменьшенія физическихъ и химическихъ явленій органическаго разрушенія. Животныя совершаютъ мало движеній, ихъ венозная кровь цвѣтомъ мало отличается отъ артеріальной, тепла также производится мало, количество выдыхаемой углекислоты уменьшается въ нѣсколько разъ. Рядомъ съ этимъ идетъ и ослабленіе органическаго синтеза; только нѣкоторыя явленія, напр., заживленіе поврежденій, продолжаютъ совершаться почти нормально.

Наконецъ, третья форма жизни, есть *жизнь постоянная или свободная*. Постоянство жизненныхъ явленій обуславливается, главнымъ образомъ, постоянствомъ качествъ той внутренней среды, въ которой живутъ элементы, составляющіе организмъ. Самую важную роль здѣсь играетъ известное равновѣсіе температуры.

По выраженію Вернара, высшія животныя сами себя содержатъ въ теплицѣ. Достигаютъ они этого посредствомъ регуляціи тепла, о которой мы уже говорили. Что же касается вѣдншихъ условій, то они тѣ же, что и для другихъ формъ жизни, т. е. присутствіе извѣстнаго количества кислорода и извѣстной степени тепла и влажности. Только границы, въ которыхъ могутъ безвредно для жизни измѣняться эти условія, гораздо тѣснѣе, чѣмъ при жизни скрытой или колеблющейся.

Изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, что ни одна изъ трехъ главныхъ формъ жизни не принадлежитъ исключительно ни растительному царству, ни животному. Сѣмена растеній, съ одной стороны, и многія низшія животныя, съ другой, представляютъ всѣ явленія скрытой жизни. Большая часть растеній нашего климата живутъ колеблющейся жизнью, но и многія высшія животныя въ состояніи яйца или зимней спячки находятся въ томъ же положеніи. Наконецъ, многія растенія тропическихъ и теплыхъ климатовъ, подобно животнымъ, живутъ постоянною жизнью.

Но не только въ формахъ жизни, но даже и въ самыхъ жизненныхъ явленіяхъ, не представляется коренной разницы между животными и растеніями.

Прежде, правда, думали, что только одни растенія обладаютъ способностью органическаго синтеза, т. е. способностью строить свой организмъ посредствомъ возстановленія простыхъ и лишенныхъ свободнаго химическаго сродства неорганическихъ соединений, вродѣ воды, углекислоты, въ сложныя и неполнѣ окисленныя вещества, какъ углеводы, бѣлковину и пр. Но теперь хорошо извѣстно, что и животныя, хотя не въ такой степени, какъ растенія, обладаютъ способностью къ органическому синтезу. Пищевареніе и питаніе должны быть строго отличаемы одно отъ другого. Дѣйствительно, животное питается вовсе не той пищей, которая находится въ ту минуту въ его пищеварительныхъ путяхъ, но прежнимъ запасомъ питательнаго вещества, накопившагося въ организмѣ. Напротивъ, только-что переваренная пища даже негодна для питанія. Такъ, напр., растворенная, т. е. превращенная въ пептоны, бѣлковина должна быть предварительно обратно превращена въ бѣлковину. Что касается до жира, принимаемаго вѣдствѣ съ пищей, то, на основаніи новѣйшихъ из-

слѣдованій, можно думать, что онъ вовсе не непосредственно отъ гается въ жировой ткани въ тѣлѣ животнаго, но служить для другихъ цѣлей, напр., какъ топливо. Напротивъ, жиръ, накопившійся въ тѣлѣ животнаго, есть, повидимому, продуктъ распаденія бѣлковины. Роль углеводовъ въ питаніи также еще не выяснена, но твердо установленъ уже тотъ фактъ, что животный организмъ можетъ систематическимъ путемъ вырабатывать въ себѣ вещества, обладающія всѣми химическими признаками углеводовъ, напр., гликогенъ въ печени. Всѣ эти факты ясно указываютъ на то, что нельзя ставить никакой рѣзкой грани между органическими синтезомъ у растений и у животныхъ.

Еще труднѣе найти такую грань для органическаго разрушенія. Всѣ виды этого разрушенія могутъ быть сведены къ одному изъ слѣдующихъ трехъ типовъ: 1) броженіе, 2) горѣніе, 3) гніеніе. Всѣ три типа эти встрѣчаются какъ въ царствѣ растений, такъ и въ царствѣ животныхъ.

Переходя затѣмъ къ форменнымъ элементамъ, изъ которыхъ составлены всѣ живыя существа, Бернаръ показываетъ, что тутъ не существуетъ никакихъ коренныхъ различій между всѣми живыми существами. Онъ рассматриваетъ съ этою цѣлью три главнѣйшія теоріи строенія организмовъ.

Первая теорія признаетъ послѣдней единицей, изъ которыхъ построены всѣ организмы, *клеточку*. Изъ какихъ-бы частей ни было составлено понятіе о клеточкѣ, считалась-ли-бы оболочка необходимою ея частью или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, клеточная теорія одинаково примѣнима къ объясненію строенія животныхъ и растений.

Еще въ большей степени это положеніе справедливо для двухъ остальныхъ теорій *протоплазматической* и *пластидулярной*. Протоплазматическая теорія принимаетъ за основной элементъ не клеточку, а просто нагую протоплазму. Но такъ-какъ такіа нагяіе комочки протоплазмы встрѣчаются въ животномъ и въ растительномъ царствѣ, то принятіе этой теоріи не противорѣчитъ основному положенію о единствѣ жизни.

Въ послѣдніе годы нѣкоторые изслѣдователи пришли къ тому заключенію, что нагая протоплазма еще не есть послѣдній элементъ организма. Они принимаютъ самостоятельное существованіе

пластидулы, т. е. особыхъ мелкихъ частицъ, связанныхъ волоконцами, изъ которыхъ составлена протоплазма. Если теорія эта оправдается дальнѣйшими наблюденіями, то и она, однако, не дастъ элементовъ для проведенія рѣзкой границы между растеніями и животными.

Въ заключеніе, переходя къ отличительной чертѣ всякаго живого вещества, къ *раздражимости*, Бернарь находитъ, что и это свойство совершенно необходимо какъ для растеній, такъ и для животныхъ, и что оно въ самой простой и основной своей формѣ заключается въ протоплазмѣ, т. е. въ веществѣ, составляющемъ равнымъ образомъ основу всѣхъ живыхъ существъ.

Вещества, возбуждающія и ослабляющія раздражимость, приблизительно одинаково дѣйствуютъ на растенія и на животныхъ. Естественными раздражителями протоплазмы слѣдуетъ считать всѣ внѣшнія вліянія, возбуждающія ее къ жизненной дѣятельности, т. е. кислородъ, влагу, тепло, извѣстныя питательныя вещества. Что касается искусственныхъ раздражителей, напр., электричества, то и оно аналогично дѣйствуетъ на растительную и на животную протоплазму.

Также ясно выступаетъ это сходство при дѣйствіи анестезирующихъ веществъ, наиримѣръ, эфира, хлороформа и т. п. Какъ мы уже сказали, эти вещества дѣйствуютъ не только на животныхъ и на нѣкоторыя высшія растенія, вродѣ мимозы, трилистника и т. п., но даже и на многія сѣмена растеній и на ферменты.

Сводя къ заключенію всѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ своихъ лекціяхъ о явленіяхъ жизни, Бернарь говоритъ, что жизнь не есть ни принципъ, ни даже равнодѣйствующая какихъ-либо силъ, — она есть только послѣдствіе столкновенія между организмомъ и внѣшней природой. Очевидно, этимъ выраженіемъ Бернарь хочетъ еще рѣзче обрисовать относительность характера всѣхъ жизненныхъ явленій.

На этомъ мы и закончимъ нашъ очеркъ дѣятельности и воззрѣній Бернара. Очеркъ нашъ поневолѣ крайне неполный; но надѣмся, онъ все-таки будетъ способствовать выясненію болѣе опредѣленнаго взгляда на дѣятельность Бернара у русскихъ читателей, незнакомыхъ по своей професіи съ его спеціальными ра-

ботами. По нашему мнѣнію, Бернаръ — необыкновенно предприимчивый, самостоятельный и талантливый изслѣдователь, обладавшій умомъ, способнымъ всегда предчувствовать важность начатой работы и связать добытые результаты со всѣми данными науки и притомъ самыми разносторонними образомъ; но въ то же время мы не думаемъ, чтобы Бернаръ былъ по природѣ философъ, т. е. человѣкъ, способный внести въ науку новый методъ или создать широкую самостоятельную теорію, обобщающую полученные факты и предугадывающую новыя.

С. Подолжнскій.

ГОСПОЖА АНДРЕ.

РОМАНЪ

ЖАНА РИШПЭНА.

ГЛАВА I.

Восемнадцати лѣтъ Люсьенъ Фердольтъ остался круглымъ сиротой. Онъ не зналъ матери, умершей отъ родовъ тотчасъ-же послѣ его рожденія; взаимнъ онъ былъ воспитанъ отцомъ, очень слабымъ старикомъ, баловавшимъ его, какъ только можетъ баловать дѣдъ. Мальчика нѣжили, кутали, и въ восемнадцать лѣтъ онъ оставался совершеннымъ ребенкомъ; юношескаго въ немъ ничего не было. Розовый, съ блѣдно-русными вьющимися волосами, съ блѣдно-голубыми глазами, подобный херувиму, тоненькій, нѣжный, онъ казался совершенно неспособнымъ вынести тяжести обыденной жизни. Смерть отца оставила его беззащитнымъ въ жизни, точно ребенка, потеряннаго въ толпѣ.

Этотъ нѣжный, лишенный поддержки цвѣтокъ возбудилъ жалость въ одномъ изъ его друзей и тотъ добровольно сдѣлался его опекуномъ. Этотъ другъ, Пьеръ Фресонъ, составлялъ совершенную противоположность Люсьену. Серьезный, сильный, нравственно и физически, Фресонъ, студентъ медицины, своей наружностью вовсе не напоминалъ херувима. Умъ у него былъ практическій, даже, можно сказать, слишкомъ практическій. Этотъ двадцати-пятилѣтній мудрецъ могъ прослыть за пятидесятилѣтняго, — до того онъ напускалъ на себя серьезность. Онъ принад-

лежалъ къ тѣмъ молодымъ людямъ, которые старятся, не зная молодости, которые сами убиваютъ въ себѣ всякую фантазію. Онъ былъ старикомъ отъ рожденія. Понятно, онъ не противился зародившемуся въ немъ желанію стать менторомъ бѣднаго Люсьена. Новое положеніе представляло удобный поводъ принимать на себя важный видъ и расточать совѣты. Не естественными побужденіями дружбы руководился онъ, утѣшая сироту, а скорѣе призваніемъ играть роль благороднаго отца. Онъ оказывалъ Люсьену услугу потому, что роль опекуна придавала ему значеніе, какъ инныя женщины охотно носятъ трауръ, зная, что черный цвѣтъ идетъ къ нимъ.

— Прежде всего, мой милый, сказалъ онъ Люсьену, — не слѣдуетъ оставаться здѣсь, въ домѣ, гдѣ умеръ твой отецъ. Какъ ни законно горе, оно не должно продолжаться вѣчно. Надо тебѣ разсѣяться.

И, страстно любя афоризмы, онъ прибавилъ:

— Время — мягчительный пластырь горести.

Это больничное сравненіе нѣсколько смутило нѣжнаго Люсьена, но онъ ничего не возразилъ, потому что питалъ къ своему другу большое уваженіе и привыкъ къ слѣпому повиновенію. Оба друга отправились въ Аблонъ, гдѣ покойный отецъ Люсьена недавно приобрѣлъ дачу.

Это случилось въ концѣ мая, когда листья настолько уже окрѣпли и выросли, что стали давать достаточную тѣнь, освѣжавшую трещины на вѣтвяхъ, образовавшіяся отъ упавшихъ въ апрѣлѣ почекъ. Эта тѣнь благотвѣтельно подѣйствовала и на рану Люсьена, который среди зелени, подъ вліяніемъ возрождающейся природы, находилъ успокоеніе и все менѣе и менѣе горевалъ. Жизнь въ деревнѣ монотонна и пріятна, какъ качаніе люльки. Въ нѣсколько дней друзья привыкли къ ней и, помимо желанія, совершенно правильно распредѣлили свое время. Пьеръ заставлялъ Люсьена работать мускулами. Передъ завтракомъ они занимались фехтованіемъ. Въ полдень Пьеръ тащилъ своего друга въ лодку на Сену, и Люсьенъ гребъ подъ солнечными лучами до усталости, развивая свои мускулы, укрѣпляя кожу и возбуждая въ себѣ сильный аппетитъ. Вечеромъ, перелистывая романъ, усталый Люсьенъ ложился рано спать и сонъ отлично укрѣплялъ его силы.

Прогуля въ лодкѣ, помимо тѣлеснаго упражненія, представляла для Люсьена и другую прелесть, неизмѣвную никакого значенія для Фресона. Часто, когда Люсьень уставалъ грести, друзья заводили лодку въ уединенное мѣсто, подъ сводъ нависшихъ надъ водой древесныхъ вѣтвей. Люсьень, ложился въ лодкѣ и предавался мечтательному созерцавію.

Однажды утомленные долгой утренней прогулкой пѣшкомъ друзья, вмѣсто катанья, только переѣхали Сену на лодкѣ. Ихъ вниманіе было привлечено рядомъ тополей, которые, казалось, выходили изъ воды. И изумились-же они, увидя картину, открывшуюся передъ ними. Они еще не знали этого мѣста, которое нашли восхитительнымъ. За тополями открывался узкій и длинный лугъ, ограниченный справа и слѣва рощей, а въ глубинѣ небольшимъ красивымъ сельскимъ домикомъ. Легкій вѣтеръ колыхалъ высокую траву; солнечные лучи ярко освѣщали лугъ; темными, но красивыми пятнами на немъ оставалась только тѣнь, бросаемая деревьями.

— Какіе мы безумцы, сказалъ Люсьень, — совершаемъ дальнія прогулки для отысканія красивыхъ мѣстъ, а лучшее лежитъ у насъ подъ носомъ, и мы не знали его до сихъ поръ. Посмотри, какъ здѣсь уединенно. Какая тишина! Какая прелесть! Это настоящій рай.

— Ты правъ, отвѣчалъ Фресонъ: — истинный рай! Ба! здѣсь есть даже Ева; мало одной — двѣ.

Одна изъ нихъ была крестьянка. Другая была одѣта въ бѣлое тиковое платье и въ соломенную шляпку съ широкими полями, которыя колыхались при движеніи и, замѣняя собой и вѣерь, и зонтикъ, совершенно закрывали лицо. Дама читала на ходу, по временамъ бросая взглядъ на крестьянку, несшую на рукахъ ребенка, защищеннаго отъ солнца большимъ зонтикомъ изъ сѣрой матеріи.

Пьеръ и Люсьень спрятались за тополями и дама подошла къ нимъ, не видя ихъ. Однакожь, за два шага отъ нихъ она быстро подняла голову и отшатнулась, какъ дѣлаютъ обыкновенно разсѣянные люди, внезапно натолкнувшись на предметъ, который никакъ не ожидали встрѣтить. Молодые люди поклонились ей и отступили, давъ ей дорогу. Она прошла мимо нихъ.

На видъ ей казалось лѣтъ тридцать, но могло быть, что она уже переступила періодъ зрѣлости. Однакожь, по ея твердой походкѣ, по ея круглой, изящной талии, по всей ея фигурѣ можно было заключить, что она создана прочно и въ состояніи будетъ долго противиться разрушительной силѣ лѣтъ. Ея матовая кожа была гладка, какъ хорошо отполированный мраморъ. На ея лицѣ не замѣчалось ни одной морщинки; ея черные волосы были длинны, густы; носъ у нея былъ прямой; ноздри розовыя и дрожащія, какъ у совсѣмъ молодой дѣвушки; губы полныя и красныя; глаза выразительныя, блестящія.

Люсьенъ не шевелился; онъ все еще стоялъ въ согнутомъ положеніи, точно продолжалъ кланяться, и слѣдилъ глазами и мимолетнымъ видѣніемъ. Кромѣ удовольствія разсматривать очутившуюся красивую женщину, и другое чувство произвело въ немъ сильное волненіе. Ему показалось, что незнакомка, проходя мимо него, пристально посмотрѣла на него, какъ на человѣка, съ которымъ ей приходилось уже встрѣчаться. И самъ онъ, при видѣ ея, смутно припоминалъ, что онъ гдѣ-то ее видѣлъ. Въ умѣ его вертѣлось имя, но онъ не могъ произнести его. Онъ оставался неподвижнымъ, точно боялся, что едва онъ пошевелится, тотчасъ исчезнетъ возможность припомнить имя красивой незнакомки и гдѣ онъ встрѣтилъ ее.

Пройдя нѣсколько шаговъ, незнакомка обернулась, подыраясь взглядомъ посмотрѣть на ребенка, но, не могло быть сомнѣнія, она посмотрѣла на Люсьена. Замѣтивъ, что молодой человѣкъ остался въ томъ-же согбенномъ положеніи, она покраснѣла и, жажда выйти изъ затрудненія, засмѣялась и стала разговаривать съ ребенкомъ.

При звукахъ ея голоса Люсьенъ быстро припомнилъ о томъ, что его такъ сильно занимало и, не размышляя долго, подошелъ къ незнакомкѣ, снова поклонился ей и назвалъ ее настоящимъ ея именемъ: „г-жа Андре“. Онъ припомнилъ ей обстоятельства, при которыхъ имѣлъ удовольствіе увидѣть ее въ первый разъ. Она не затруднилась отвѣтить, что, дѣйствительно, помнитъ объ этомъ. Въ нѣсколькихъ словахъ онъ сообщилъ ей, какое несчастіе привело его въ Аблонъ. Онъ представилъ ей своего друга, причѣмъ объяснилъ, какъ много обязанъ Пьеру. Она также передала ему о своемъ горѣ, и онъ узналъ, что она вдова и живетъ въ деревнѣ.

венскомъ домикѣ, привлечемъ его вниманіе: живетъ одна съ десятилѣтнею малюткой дочерью. Фресонъ, окончивающій медицинскій курсъ, обнаружилъ свою специальность, заговоривъ о здоровьи ребенка, что отнесъ къ стараніямъ матери. Люсьена удивило, что г-жа Андре ничего не отвѣтила на этотъ комплиментъ. Потомъ разговоръ продолжался на банальную тему о деревенскихъ удовольствіяхъ во все время, пока собесѣдники нѣсколько разъ прошли взадъ и впередъ по тополевой аллеѣ. Казалось, г-жа Андре вовсе не радовалась возобновленію знакомства съ Люсьеномъ, и, вѣроятно, это новое случайное свиданіе окончилось-бы, какъ и первое, и дальнѣйшія сношенія между ними не продолжались, еслибы Люсьенъ, съ дѣтской смѣлостію, не сказалъ г-жѣ Андре въ ту минуту, какъ она намѣревалась уходить:

— Позвольте-ли вы мнѣ иногда переѣзжать рѣву и надобѣдать вамъ моею болтовней?

Г-жа Андре подумала, что эта болтовня вовсе незанимательна для нея, но изъ любезности отвѣчала:

— Очень рада буду видѣть васъ. Смотрите на меня, какъ на добрую сѣдку и хорошую знакомую.

ГЛАВА II.

— Очень милая женщина, сказалъ Пьеръ Люсьену, когда они остались одни.

— Не правда-ли? быстро отвѣтилъ Люсьенъ. — Она удивительно хороша собой, но красота ея не кидается въ глаза. Какія благородныя у нея манеры, какъ она граціозна! Какъ легко въ ея присутствіи: къ ней невольно относишься съ почтительной фамиллярностію, чувствуешь къ ней нѣжную дружбу, какъ къ сестрѣ.

— И пылкую привязанность, какъ къ любовницѣ. А, повѣса, дамочка, кажется, плѣнила тебя?

— О, нѣтъ, вѣрь моему слову. Никакое любовное чувство не примѣшивается къ моему представленію о г-жѣ Андре. Я нахожу ее совершенствомъ, — вотъ и все.

— И давно ты ее знаешь?

— Въ первый разъ я увидѣлъ ее шесть лѣтъ тому назадъ,

сегодня вижу во второй. Любопытно, что она припомнила меня; первое единственное наше свиданіе было настолько неинтересно для нея, что не могло оставить по себѣ никакого воспоминанія. Другое дѣло для меня. Тогда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, а ты знаешь, какъ прихотливо удерживаются впечатлѣнія въ памяти ребенка: иное остается надолго, неизвѣстно почему. Къ числу такихъ впечатлѣній относится и визитъ мой къ г-жѣ Андре. Я такъ хорошо помню о немъ, точно это событіе случилось вчера. Отецъ мой желалъ попросить совѣта у г. Андре, бывшаго адвокатою, и, какъ я не хотѣлъ оставаться одинъ дома, взялъ меня съ собою. Бѣдный отецъ! Онъ охотно подчинялся моимъ капризамъ. Первыми его словами при входѣ было извиненіе, что онъ привелъ и меня. Г. Андре не считалъ меня помѣхой; одиокожь, предполагая, что такой ребенокъ, какъ я, можетъ соскучиться при дѣловой бесѣдѣ, позвалъ жену, прося ее заняться со мной. Пока отецъ съ адвокатомъ совѣщались по дѣлу въ кабинетѣ, я оставался наединѣ съ г-жею Андре въ гостиной. Какъ двѣнадцатилѣтній гимназистъ я, конечно, былъ неловокъ и застѣнчивъ. Г-жа Андре въ то время не была еще матерью и относилась ко мнѣ съ той добротою, какою расточаютъ ребятамъ молодыя женщины, желающія имѣть своихъ дѣтей. Ея привѣтливыя манеры, которыя ты могъ наблюдать сейчасъ, ничто въ сравненіи съ тѣми, какія у нея были въ то время. Съ перваго-же слова она заговорила со мною, какъ съ давнимъ близкимъ знакомимъ. Несмотря на свою дѣвственность, я скоро почувствовалъ себя, какъ дома, и сталъ болтать, какъ сорочка. Я рассказалъ ей о всѣхъ своихъ повѣсническихъ продѣлкахъ въ гимнази, о шалостяхъ съ нѣмецкимъ учителемъ. Я старался подражать голосу и жестамъ дѣйствующихъ лицъ въ моихъ разказахъ, — однимъ словомъ, я ломалъ комедію передъ г-жею Андре, которая искренно смѣялась, слушая меня. Все, что я рассказывалъ ей, было новостью для нея, ее забавляла моя мальчишеская восторженность. Вдругъ мнѣ попался подъ руку томъ сочиненій Бальзака, и мои мысли направились на литературу. Въ то время моимъ идоломъ былъ Гюставъ Эмаръ. Я читалъ и перечитывалъ его романы тайно, скрываясь. О, какъ страстно я желалъ сдѣлаться охотникомъ въ странѣ краснокожихъ, свитаться по лѣсамъ, преслѣдуя бизона, быть вѣчно на

сторожѣ, сидѣть въ пещерѣ и, постоянно поддерживая огонь, защищаться такимъ образомъ отъ стаи нападавшихъ волковъ. Быть свободнымъ, гордымъ, сильнымъ! А еслибы пришлось быть скальпированнымъ, что-жь такое,—и это заслуга! Г-жа Андре слушала меня внимательно, смотря на меня своимъ меланхолическимъ взглядомъ, и уже не смѣялась; вѣроятно, моя болтовня пробудила въ ней воспоминанія о ея дѣвическихъ мечтахъ. Я-же все болѣе и болѣе разгорячался: мнѣ пришло на мысль, что она не читала этихъ великихъ произведеній, и я желалъ познакомить ее съ ними. Съ особенной горячностью я описалъ ей стереотипный портретъ пльницы: волосы чернѣе воронова крыла, глаза, горящіе, какъ карбункулы, лицо блѣдное. Я говорилъ такъ, точно самъ видѣлъ это очаровательное существо. „Она такъ-же прелестна, какъ вы! вскричалъ я. — Между вами удивительное сходство!“ Изумленная такимъ комплиментомъ, она внезапно покраснѣла, не подумавъ, что его произнесъ ребенокъ. „Вы мексиканка, не правда-ли? продолжалъ я. — Не отрицайте, я въ этомъ увѣренъ“. Она безумно расхохоталась. Въ эту минуту вошли мой отецъ и г. Андре. „Какъ видно, вашъ сынъ не скучалъ“, сказалъ адвокатъ моему отцу. „Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ отецъ въ восторгѣ отъ моего веселаго настроенія,—но ваша супруга“... „О, я тоже провела время отлично. отвѣчала она;—у васъ очень милый сынъ съ веселымъ характеромъ и живымъ воображеніемъ“. Прощаясь, она протянула мнѣ руку, которую я схватилъ такъ крѣпко, какъ схватилъ-бы доброму товарищу, разставаясь съ нимъ послѣ весело проведеннаго времени. Выйдя на улицу, я присталъ къ моему отцу, чтобы онъ привелъ меня сюда и въ слѣдующій разъ, когда ему снова придетъ надобность видѣться съ г. Андре. Онъ отвѣчалъ, что дѣло его кончено, а онъ не настолько знакомъ съ семействомъ Андре, чтобы ходить къ нимъ въ гости. Его отвѣтъ опечалилъ меня. „Какъ это неприятно, сказалъ я, сдѣлавъ гримасу. — Г-жа Андре такъ мила! И я полюбилъ ее отъ всего сердца“!

ГЛАВА Ш.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого признанія Люсьена, Пьеръ Фресонъ долженъ былъ возвратиться въ Парижъ для занятій.

Чтобы сдѣлать удовольствіе Люсьену, нежелавшему покидать деревни, а также отчасти и самому себѣ, Пьеръ со дня на день откладывалъ свой отъѣздъ, однакожь, упрекая себя въ лѣности. Въ тому-же и для его менторства представлялось менѣе поводовъ: Люсьенъ не былъ уже одинокимъ. Прогулки подѣ топилями происходили ежедневно и очень нравились молодому чевѣку. Пьеръ могъ теперь уѣхать, не погрѣшая, какъ онъ выражался, противъ святыхъ обязанностей дружбы. То-же пояснилъ онъ и г-жѣ Андре.

— Люсьенъ не нуждается болѣе во мнѣ, продолжалъ онъ свой разговоръ съ нею, — а мнѣ необходимо приняться за работу. Я потерялъ уже слишкомъ много времени, Я не жалѣю объ этомъ, потому что употребилъ его для утѣшенія друга и нѣмъ удовольствіе познакомиться съ вами. Да, много мнѣ придется работать.

— Тебѣ также, обратился онъ къ Люсьену, — предстоитъ много дѣла. Ты становишься мужчиной; надо тебѣ бросить мечтательныя привычки и посмотрѣть жизни прямо въ глаза, чтобы видѣть ее такой, какова она есть. Ты счастливъ уже тѣмъ, что тебѣ не надо заботиться о заработкѣ куска хлѣба: ты достаточно богатъ для этого. Но достатокъ не даетъ тебѣ права вести лѣнивую жизнь. Всякій долженъ работать на пользу общую. Твое дѣтское воспитаніе кончено; надо тебѣ воспитать себя для исполненія обязанностей мужчины. Будь адвокатомъ, медикомъ, литераторомъ, если хочешь, потому-что твои склонности влекутъ тебя къ этой тернистой карьерѣ, и твое состояніе позволяетъ тебѣ избрать ее, не проходя черезъ искусы богемы. Сдѣлайся чѣмъ хочешь, только не оставайся лѣнивцемъ. Я позволяю себѣ давать тебѣ совѣты, потому что хорошо знаю тебя и увѣренъ, что ты смотришь на меня, какъ на твоего старшаго брата. Я говорю съ тобою въ присутствіи г-жи Андре съ цѣлью. Я знаю, какъ она добра къ тебѣ, какъ она справедлива; надѣюсь, она раздѣляетъ мое мнѣніе о твоихъ обязанностяхъ и увѣренъ, что она съ своей стороны подѣйствуетъ на тебя.

Люсьенъ былъ сконфуженъ суровой проповѣдью своего друга, относившагося къ нему, какъ къ мальчику. Г-жа Андре поняла его смущеніе и захотѣла помочь ему.

— Но мнѣ кажется, г. Фресонъ, сказала она, — что ваши добрые совѣты принесли плоды. Г. Фердольт уже не ребенокъ.

— Гораздо болѣе, чѣмъ вы думаете, сударыня, прервалъ Фресонъ. — Мы, люди серьезные, должны сказать ему объ этомъ прямо. Онъ большой ребенокъ, и, если вы чувствуете къ нему нѣкоторое расположеніе, вы должны смотрѣть на него, какъ на ребенка. Я для него старшій братъ, но брата еще недостаточно... ему нужна еще мать.

Отъ послѣдняго слова повѣяло холодомъ. Люсьенъ сдѣлалъ движеніе досады. Г-жа Андре слегка улыбнулась насильственной улыбкой, отвѣчала какой-то банальной фразой и, пожавъ перомно руку Фресону, удалилась.

— Не сумасшедшій-ли ты? сказалъ Люсьенъ. — Какую неловкость ты сдѣлалъ! Что за нелѣпая идея пришла тебѣ въ голову сдѣлать изъ г-жи Андре мнѣ мать! Какъ не почувствовалъ ты, что, говоря это, ты оскорбляешь ее? Мать восемнадцати-лѣтняго мальчика! Какъ повернулся у тебя языкъ сказать такую несообразность?

— Полно, Люсьенъ, это ты говоришь вздоръ. Г-жа Андре слишкомъ благоразумная женщина, чтобы могла оскорбиться такими естественными словами. Только кокетки не любятъ, чтобы ихъ напоминали о ихъ лѣтахъ.

— Э, мой другъ, на этомъ пунктѣ всѣ женщины кокетки.

— Ну, если она разсердилась на меня, она неправа. Я не имѣлъ намѣренія досадить ей. Да и съ чего-же волноваться? Она могла-бы быть твоей матерью, ей, вѣроятно, не менѣе тридцати пяти лѣтъ.

— Ты смѣшонъ, мой другъ. Г-жѣ Андре тридцать пять лѣтъ! Ты, вѣрно, никогда не смотрѣлъ на нее. Есть-ли ей еще тридцать...

— Вотъ что. Скажу тебѣ только, что ты говоришь тономъ влюбленнаго въ нее.

Люсьенъ понялъ, что онъ сдѣлалъ глупость, съ такимъ жаромъ говоря о лѣтахъ г-жи Андре. Онъ заговорилъ о натуральномъ кокетствѣ женщинъ и съ живостью протестовалъ противъ предположенія, что онъ влюбленъ. Онъ настаивалъ, что Пьеръ сдѣлалъ неловкость, и что онъ сдѣлалъ-бы упрекъ своему другу

и въ томъ случаѣ, еслибы г-жа Андре была дурна, какъ смертный грѣхъ.

Фресонъ, довольный, что его предположеніе о любви Люсьена неосновательно, не сталъ болѣе спорить съ нимъ и сознался, что сдѣлалъ неловкость.

— Допустимъ, что я провинился, сказалъ онъ, желая помирить этотъ споръ,—но это не мѣшаетъ тому, что я все-таки въ основаніи правъ. Ты сдѣлаешь хорошо, если станешь смотрѣть на г-жу Андре, какъ на мать, и просить у нея совѣта и ободренія. Она можетъ дать тебѣ только добрые совѣты. Несмотря на нѣкоторые остатки женскаго ума, которые ты видишь, а я къ счастію, не замѣчаю, она существо разумное, серьезное. Я не вижу ничего дурного, если ты будешь возможно чаще совѣтоваться съ нею,—напротивъ, я буду радъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Люсьенъ,—объщаю тебѣ слушаться и какъ матери. Доволенъ ты?

ГЛАВА IV.

Давая это обѣщаніе, Люсьенъ шутилъ, но, помимо своего желанія, сдержалъ его.

Еслибы онъ не стѣснялся, какъ мальчигъ, онъ-бы давно уже объяснился ей въ любви. Онъ любилъ ее, какъ любить первую женщину, съ которой обстоятельства поставили его въ дружескія ежедневныя сношенія. Но достоинство безъ натяжки и серьезность г-жи Андре заставляли невольно относиться къ ней съ почтеніемъ. Къ тому-же, лишенный поддержки въ суровой дружбѣ Фресона, Люсьенъ ощущалъ необходимость найти другого ментора и робѣлъ въ присутствіи г-жи Андре. Онъ являлся передъ нею не съ побѣдоноснымъ взглядомъ влюбленнаго, а съ нѣжной сыновьей почтительностью. И г-жа Андре, съ своей стороны, привыкла относиться къ нему съ материнской нѣжностью.

Она позволила Люсьену участить и удлинить его визиты; на ея дачѣ на него стали смотрѣть, какъ на домашняго, какъ на близкаго родственника. Бесѣды съ нимъ составляли пріятное развлеченіе для г-жи Андре: умъ у него былъ болѣе твердый и сформировавшійся, чѣмъ характеръ. Одаренный живымъ вообра-

женіемъ и удивительной памятью, много читавшій, много мечтавшій, способный воспринимать впечатлѣнія искусства, поэтъ въ душѣ, хорошій музыкантъ, кроткій, веселый, добродушный Люсьенъ былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ.

Почти каждый день, послѣ полудня, Люсьенъ каталъ въ лодкѣ г-жу Андре. Съ ними обыкновенно ѣздила нянька съ ребенкомъ на рукахъ. Люсьенъ гребъ. Г-жа Андре нѣсколько побаивалась воды, что давало молодому человѣку поводъ являться въ роли повровителя. Когда г-жа Андре, раскрасѣвшаяся подъ зонтикомъ, наклонялась къ нему, какъ-бы ища защиты, при какомъ-нибудь внезапномъ толчкѣ лодки, онъ ощущалъ гордость и счастье, онъ видѣлъ себя защитникомъ слабѣйшаго, и это его восхищало. Онъ восторгался не менѣе, когда, сорвавъ водяной цвѣтокъ и давъ его ребенку, получалъ въ благодарность нѣжный взглядъ матери. Въ эти минуты Люсьену вазалось, что онъ отецъ ребенка, а г-жа Андре его жена. Обыкновенно, онъ начиналъ мечтать...

— Г. Люсьенъ, мы сейчасъ столкнемся съ лодкой, идущей намъ навстрѣчу!

Такое восклицаніе пробуждало его отъ сладостной мечтательности.

Вечера проводились еще пріятнѣе: Люсьенъ оставался наединѣ съ г-жею Андре. Она шила или вышивала, а онъ читалъ ей вслухъ произведеніе любимаго поэта. Какъ большая часть женщинъ, даже самыхъ развитыхъ, г-жа Андре увлекалась скорѣе музыкальностью, чѣмъ смысломъ стихотвореній. Люсьенъ объяснялъ ей красоты лучшихъ мѣстъ произведенія и былъ доволенъ, что въ этомъ отношеніи оказывался сильнѣе ея. За то при чтеніи романовъ, въ особенности написанныхъ такими знатоками людей, какъ Стендаль, Бальзакъ, Флоберъ, наступала очередь г-жи Андре учить Люсьена. Хорошо знакомая съ жизнью, она поясняла ему многое, чего онъ не могъ ясно понять, какъ человѣкъ вѣчно отрѣшающійся отъ дѣйствительности, вѣчно живущій мечтами.

„Какъ правъ Пьеръ, думалъ онъ, слушая ея толкованія, — совѣтуя мнѣ искать въ ней материнской поддержки. Какъ много она старше меня, несмотря на ея молодую, свѣжую красоту! Какимъ ребенкомъ кажусь я подлѣ нея! Дѣйствительно, безумно мнѣ

думать о любви къ ней. Никогда не станетъ она смотрѣть на меня, какъ на мужчину“.

Но, минуту спустя, сидя вмѣстѣ съ нею у фортепіано, онъ думалъ только о наслажденіи ея видѣть, убѣдиться въ ея взаимной любви къ нему. У нея былъ прекрасный голосъ контраalto. Акомпанируя ей, Люсьенъ упивался его звуками. Она стояла очень близко къ нему, почти опиралась на его плечо; когда она наклонялась къ партитурѣ, чтобы прочесть какую-нибудь ноту, и ихъ щеки почти прикасались одна къ другой, а шея пѣвицы задѣвала руку Люсьена, онъ чувствовалъ дрожь, точно электрическая искра проходила по всему его тѣлу. Не разъ въ подобные моменты у него являлось желаніе взять руку г-жи Андре и поцѣловать ее. Но въ одно время съ этимъ желаніемъ имъ овладѣвала боязнь навсегда лишиться общества этой милой женщины, и онъ заглушалъ въ себѣ страстный порывъ. Онъ не зналъ, что женщины любятъ смѣлость, и что, даже въ томъ случаѣ, если онѣ не сдаются, онѣ не могутъ долго сердиться на смѣльчака, пожелавшаго повернуть дѣло круто.

Люсьенъ внутренно осуждалъ себя за влюбленные порывы, называлъ ихъ глупостью, неделикатностью. Не значило-ли это нарушить право предложеннаго ему гостепріимства и оскорбить дружескія отношенія? И обращеніе Андре становилось еще болѣе почтительнымъ, а г-жа Андре принимала его за холодность.

— Что съ вами? Вы хандрите, пѣняла она ему съ материнской нѣжностью. — Опять какія-нибудь причуды. Вы капризничаєте. Вы напоминаете мнѣ мои горести, когда я была маленькой дѣвочкой и плакала, воображая, что моя кукла заболѣла.

Люсьенъ не сердился на эти невинныя шутки, но находилъ въ нихъ новый предлогъ вести себя еще сдержаннѣе. Онъ боялся, чтобы она не замѣтила его настоящаго чувства, старался не смотрѣть на нее, казался еще болѣе ребенкомъ, такъ-что г-жа Андре рѣшительно не могла замѣтить, что любима, какъ женщина.

Когда Пьеръ пріѣхалъ въ первый разъ навѣстить своего друга, онъ нашелъ его сильно измѣнившимся, но въ немъ укрѣпилось убѣжденіе, что Люсьенъ вовсе не влюбленъ. Замѣтя въ немъ большую серьезность, Пьеръ сталъ расхваливать г-жу Андре.

— Я былъ увѣренъ, сказалъ онъ ей, — что вы будете имѣть

на моего друга хорошее влияние. Я нашел его изменившимся, умственно выросшимъ. Вамъ онъ обязанъ, что становится человекомъ.

ГЛАВА V.

Слова, сказанныя Пьеромъ Фресонемъ безъ всякаго злого умысла, навели г-жу Андре на совершенно для нея новыя, тяжелыя мысли. Она видѣла, что Люсьенъ потерялъ неожиданно свою дѣтскую веселость, но не ошиблась, какъ его другъ, а поняла, что эту перемену произвела въ немъ любовь. До сихъ поръ она этого не замѣчала, потому что не была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя полагаютъ, что всѣ мужчины въ нихъ влюблены. Къ тому-же она всегда видѣла въ Люсьенѣ ребенка. Теперь-же она припоминала многія мелочныя подробности, которыя казались ей вѣрными признаками любви. Иначе нельзя было объяснить пламенныхъ взглядовъ, которые онъ иногда бросалъ на нее, его неожиданной блѣдности, быстрой перемены его настроенія и непонятной холодности, выказываемой къ ней иногда.

„Что было со мною? Думала она, — какъ я не понимала, что блѣдный юноша влюбленъ въ меня? Да, несомнѣнно, его мучаетъ и тревожитъ любовь ко мнѣ. Хорошо, я теперь предупреждена и возьму свои мѣры противъ этого безумнаго, но милого ребенка“.

По несчастью, въ любви, какъ опытные люди, такъ и новички, дѣлаютъ одинаковыя глупости, и часто самая тонкая хитрость оказывается неловкостью. Еслибы г-жа Андре просто объяснилась съ Люсьеномъ, добродушно подняла-бы на смѣхъ его любовь и отослала въ Парижъ къ Фресону, то, быть-можетъ, все кончилось-бы благополучно. Въ возрастѣ Люсьена любовь только легкое, мимолетное чувство, похожее на скоропроходящія утреннїе сны. Это слутное неопредѣленное чувство развилось въ немъ и окрѣпло, благодаря ежедневному обществу прелестной женщины; но это начало ихъ взаимныхъ отношеній было нетрудно порвать. Г-жа Андре пожалѣла, однако, Люсьена, боясь радикальной операціей причинить ему слишкомъ жгучую боль, и предпочла изцѣлять его отъ зародившагося въ его сердцѣ недуга нѣжными, успокоитель-

ными средствами. Она стала съ нимъ церемоннѣе и холоднѣе, ясно обнаруживая этимъ, что знала любовь къ ней Люсьена.

Онъ всегда ожидалъ, что, въ случаѣ открытія его страсти, г-жа Андре съ гордымъ негодованіемъ прогонитъ его, какъ безчестнаго человѣка. Видя-же, что она только принимаетъ на себя строгій видъ и надуваетъ губы, онъ ободрился. Ему казалось, что онъ сдѣлалъ предложеніе и не получилъ прямого отказа. Любовь очень молодыхъ людей, неиспорченныхъ преждевременнымъ развратомъ, отличается всегда такими наивными надеждами и опасеніями.

Съ этой минуты, Люсьенъ уже болѣе не скрывалъ своей страсти, а прямо сталъ ухаживать за прекрасной вдовой съ смѣлой неловкостью, нелишенной прелести и обнаруживавшей всю чистоту его сердца. Модный франтъ отвѣчалъ-бы на холодность г-жи Андре еще большей холодностью и представился-бы, что совершенно бросаетъ игру. Такая тактика задѣла-бы за живое всякую женщину, наименѣе кокетливую, и разсерженная тѣмъ, что открытая ею любовь на самомъ дѣлѣ не существуетъ, она рѣшилась-бы возбудить это заглухнувшее чувство какими-нибудь уступками. Но Люсьенъ былъ далекъ отъ подобныхъ сложныхъ чувствъ. Онъ прямо обнаруживалъ свою любовь тысячью естественными и краснорѣчивыми признаками, хотя все еще не смѣлъ открыто высказывать ее словами. Пожимая руку г-жи Андре, онъ вкладывалъ въ это пожатіе все свое сердце; встрѣчаясь съ нею глазами, а это случалось каждую минуту, онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, не стараясь скрыть своего волненія. Онъ останавливалъ свои взоры на ея прелестяхъ и жадно упивался ими, ни мало не смущаясь, если она ловила его нескромные взгляды. Онъ любилъ такъ-же наивно, какъ цвѣтокъ распускается весной. Несмотря на все искусственное желаніе г-жи Андре не замѣчать эти ясныя доказательства его любви, она должна была, наконецъ, обратить на нихъ вниманіе. Но изъ той-же боязни слишкомъ огорчить Люсьена, она удерживалась отъ рѣзкаго воспрещенія ему преслѣдовать ее своей любовью. Она не думала, что это значило его поощрять, и что все ея благоразуміе оканчивалось явнымъ соучастіемъ въ той страсти, которую она не хотѣла допустить. Невинность Люсьена имѣла такой-же результатъ, какъ хитрость опытнаго сердца. Иногда новичокъ въ фехтованіи случайно и по незнанію дастъ такой ловкой ударъ, какого не сдѣлать самому опытному бойцу.

Люсьенъ вскорѣ замѣтилъ, какими большими шагами онъ шель впередъ, и, все болѣе и болѣе приобрѣтая храбрости, онъ, наконецъ, послѣ мѣсяца терпѣнія рѣшился на рискованную, смѣлую выходку. Однажды вечеромъ г-жа Андре позволила ему долѣе обыкновеннаго смотрѣть на нее съ самой пламенной любовью; видя, что она не приняла даже своего холоднаго, строгаго вида, онъ схватилъ обѣ ея руки и поцѣлывалъ ихъ поцѣлуями.

Г-жа Андре едва не разсердилась. Но у нея не хватило на это храбрости—столько почтительной нѣжности было въ этой неожиданной вспышкѣ. Это не была грубая рѣшимость человѣка удовлетворить своей животной страсти, а неудержимое увлеченіе искренняго чувства. Бѣдный юноша какъ-бы стыдился своей смѣлости, и глаза его были полны слезъ, которыя примѣшивались къ поцѣлуямъ, словно прося за нихъ прощеніе. Г-жа Андре тихо освободила свои руки и сказала медленно скорѣе съ сожалѣніемъ, чѣмъ съ злобою:

— Что съ вами, другъ мой? Вы съума сошли, милый ребенокъ!

Люсьенъ отвѣчалъ, какъ настоящій ребенокъ, громкими рыданіями и среди этихъ рыданій признался въ своей пламенной любви. Невозможно было принять подобное признаніе за оскорбленіе. Самая нравственная и строгая женщина не могла-бы отвернуться съ презрѣніемъ отъ этого бѣднаго ребенка. Г-жа Андре, однако, нашла въ себѣ достаточно мужества, чтобы не слишкомъ поддаться разслабляющему чувству сожалѣнія. Она поняла, что, для уничтоженія этой зарождающейся страсти, ей необходимо прѣтвоставить рѣзкій, опредѣленный отказъ.

— Послушайте, милый Люсьенъ, сказала она, — пожалуйста, не плачьте. Мнѣ больно на васъ смотрѣть. Я не хочу и не могу теперь васъ бранить. Я вамъ отвѣчу серьезно. Но вы должны выслушать меня спокойно, благоразумно, мило и не плакать, какъ дитя. Я вѣрю, что вы меня любите, ваши слова дышатъ искренностью. Я не могу на это сердиться; вы невиноваты, если меня любите. Вы, конечно, отдадите мнѣ справедливость, что тутъ нѣтъ моей вины. Уже нѣсколько времени я замѣтила въ васъ это чувство. Я думала и думаю до сихъ поръ, нѣсколько не оскорбляя васъ, мое милое дитя, что этотъ пламенный порывъ, очень естественный въ ваши года, мимолетный и скоропреходящій.

Я надѣялась, что мнѣ удастся погасить это пламя, не допустивъ до взрыва. Я вижу, что взялась за дѣло неумѣючи. Но я была-бы въ отчаяніи, еслибы вы приняли меня за кокетку. Мой отвѣтъ будетъ такъ-же стверженъ, какъ ваше признаніе, и прошу считать его окончательнымъ. Я говорю теперь безъ злобы, безъ задней мысли, съ единственнымъ желаніемъ вамъ пользы. Подобная любовь, мой бѣдный другъ, немыслима. Не принимайте на себя такого отчаяннаго вида, умоляю васъ, я не хочу вамъ причинять горя. Выслушайте меня, какъ разумный человѣкъ, серьезно обсудите мои слова, и, я увѣрена, что вы признаете всю ихъ справедливость. Вы очень молоды, а я зрѣлая женщина. Пожалуйста, не возражайте. Мнѣ за тридцать лѣтъ, и я на тринадцать или четырнадцать лѣтъ старше васъ. Я не могу, слѣдовательно, выдти за васъ замужъ, и мнѣ остается только быть вашей любовницей въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но и тутъ я сочла-бы преступленіемъ воспользоваться вашей безумной вспышкой и связать васъ такими узами, которыя, кромѣ несчастья, ничего не принесли-бы. Можетъ быть, я еще сдѣлала-бы эту низость, еслибы васъ любила; но лучше мнѣ сразу и прямо вамъ сказать: я васъ не люблю. Не плачьте, ради Бога, будьте мужественны, вы знаете, какъ вы для меня дороги. Но мое чувство къ вамъ, хотя и очень нѣжное, не любовь, — вотъ и все. Ну, дайте мнѣ руку, честно, по-дружески, какъ подобаетъ человѣку, забудьте этотъ сонъ и вернитесь къ дѣйствительности. Впослѣдствіи, когда вы совершенно отрезвитесь, вы мнѣ скажете большое спасибо, и это очень обрадуетъ вашу мамашу, которая очень вами дорожитъ. Ну, ну, прибавила она съ нѣжной улыбкой и глубоко прочувствованнымъ тономъ, — милое дитя мое, улыбнитесь, будьте пай.

Но Люсьенъ, видя конечное уничтоженіе всѣхъ своихъ надеждъ, сталъ рыдать еще сильнѣе прежняго. Онъ не думалъ опровергать аргументовъ г-жи Андре, а только повторялъ, схватившись руками за голову:

— Вы меня не любите! Вы меня не любите! Я умру!

Его отчаяніе было такъ искренне и чистосердечно, что больно было смотреть на бѣднаго юношу. Онъ былъ пораженъ въ самое сердце.

На этотъ разъ г-жа Андре не выдержала. Ей стало жаль своего слишкомъ рѣзкаго и категорическаго отвѣта. Она нарочно

пересолила, желая убѣдить Люсьена, что она его не любитъ, хотя сама въ этомъ не была совершенно увѣрена. Теперь она сожалѣла, что отвѣтила такъ рѣзко. Простое чувство доброты и справедливости понуждало ее смягчить все, что было слишкомъ жесткаго и грубаго въ ея отвѣтъ. Она ступевала свои слова, намекнула, что никогда не надо отчаяваться, и объяснила, что, не желая разбивать сердце Люсьена, она не только не запрещала ему любить ее, но и соглашалась, до полного выздоровленія больного, слушать его рассказы о своемъ недугѣ, но, конечно, въ благоразумной формѣ. Эти уступки уничтожали значеніе ея рѣшительнаго отвѣта. Все снова приходило въ прежнее положеніе. Она сама чувствовала свою слабость и старалась удержать на губахъ неблагоприятныя слова. Лучше было-бы явиться безжалостной, если она хотѣла, дѣйствительно, положить конецъ этой юношеской любви. Но что-то, болѣе могучее, чѣмъ разсудокъ, мѣшало ей быть жестокой и побуждало сдѣлать это полупризнаніе.

Люсьень воспользовался минутной слабостью г-жи Андре. Съ сверкающими глазами онъ снова схватилъ ея обѣ руки и покрылъ ихъ еще болѣе пламенными поцѣлуями.

— О, благодарю васъ, благодарю, сказалъ онъ, — какъ вы добры! Я болѣе ничего не прошу. Позвольте мнѣ только васъ любить и надѣяться, что когда-нибудь вы не найдете эту любовь невозможной. Я совершенно счастливъ и теперь буду пай, буду улыбаться, сколько хотите.

ГЛАВА VI.

Теперь потекла для Люсьена очаровательная жизнь. Онъ могъ безнаказанно наслаждаться своей любовью, т. е. говорить о ней вволю, такъ-какъ онъ большаго еще не жаждалъ. Улыбка, нѣжный взглядъ, отвѣтъ, дающій надежду, хотя и самую слабую, пожатіе и иногда поцѣлуй руки, уже несопротивлявшейся, приводили его въ восторгъ. Воспитанный въ парижскомъ лицѣѣ и обладая преждевременно развившимся воображеніемъ, благодаря чтенію безчисленныхъ книгъ, Люсьень имѣлъ сердце чистое, дѣвственное. Быть-можетъ, плотскія побужденія и вошли-бы ему въ

голову гораздо ранѣе, еслибъ онъ имѣлъ дѣло съ кокеткой, конечно, утонченной. Этотъ свѣжій, наивный юноша, отъ котораго несло ароматомъ дѣтства, именно и могъ легко соблазнить, какъ очень лакомый кусочекъ, тридцати-лѣтнюю вдову. Но страхъ поддаться такому разврату удерживалъ г-жу Андре. Ей стыдно было думать, что она могла сдѣлаться любовницей Люсьена. Она боролась со своими собственными чувствами и призывала къ себѣ на помощь всю свою честность. Къ тому-же она не была чувственной женщиной или, по крайней мѣрѣ, никогда не признавала животной страсти. Выйдя замужъ за г. Андре по семейнымъ расчетамъ, она была счастлива съ нимъ, пользуясь полнымъ семейнымъ благоденствіемъ, но большого она не ждала и была всегда холодной женщиной. Это отсутствіе страсти, сохраняя ея красоту, обезпечивало ее отъ физическаго волненія, которое, вѣроятно, ощутила-бы другая женщина въ присутствіи Люсьена. По всѣмъ этимъ причинамъ, ихъ любовь была платонической, и сначала никто отъ этого не страдалъ.

Люсьенъ первый почувствовалъ необходимость чего-то большаго. Несмотря на наивныя восхваленія благородства и добродѣтели г-жи Андре, онъ не могъ не сознаться, что жаждалъ обладанія ею. Конечно, отрадно было проводить съ нею цѣлыя часы, даже дни, и имѣть свободный доступъ въ ея умъ и сердце. Но это не мѣшало ему видѣть ея ротъ, глаза, грудь, однимъ словомъ, ея тѣло. И этотъ ротъ просилъ поцѣлуя, эти глаза соблазнили, эта грудь манила къ себѣ, это тѣло возбуждало желаніе. Его прежнія чувства, составлявшія лишь прелюдію пожирившей его теперь страсти, становились все сильнѣе, непреодолимѣе. Онъ жаждалъ обладать этимъ прекраснымъ тѣломъ. Онъ уже желалъ цѣловать не ея руки, а губы. Онъ чувствовалъ по-временамъ, что сердце его хочетъ выскочить, и часто подмывало его обнять г-жу Андре за талію и осыпать ее пламенными ласками.

Г-жа Андре замѣтила эту переměну и была очень смущена. Она подѣйствовала рикошетомъ и на нее. Она стала также ощущать смутныя, но совершенно новыя стремленія. Еслибъ она могла чувствовать такъ-же пылко, какъ Люсьенъ, и была-бы одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ, то, конечно, уже давно отдалась-бы ему. Она не раздѣляла безумной страсти молодого человѣка, но

сознавала въ себѣ нѣкоторую слабость и томное расположеніе отдаться. Разливая вино въ бутылки, можно такъ-же опьянѣть, какъ и выпивая ихъ. Главная опасность заключается въ томъ, что когда сознаешь это опьяненіе, то уже поздно уходить изъ погреба; голова у васъ уже кружится. Г-жѣ Андре стало страшно, и она рѣшилась принять энергичныя мѣры. Но гордая холодность, которую она неожиданно выказала Люсьену, могла мѣсяцъ тому назадъ отрезвить его, но теперь она только еще болѣе его подстрекала.

Однажды вечеромъ онъ молча смотрѣлъ на нее маслянистыми отъ желанія глазами, съ раздутыми ноздрями и полуоткрытымъ ртомъ, нимало не стараясь скрыть, чего именно онъ желалъ.

— Люсьенъ, сказала вдругъ рѣзко г-жа Андре, — я вамъ запрещаю такъ смотрѣть на меня, или я разсержусь. Я была слишкомъ добра къ вамъ, но вы заставляете меня сожалѣть объ этомъ. Я хочу, слышите, я положительно хочу, чтобы вы меня уважали. Въ эту минуту ваши глаза смотрять на меня далеко не почтительно. Отъ ихъ взгляда можно покраснѣть. Вы точно сумасшедшій.

И она повернулась къ нему спиною презрительно, даже съ отращеніемъ.

Но онъ молча схватилъ обѣими руками ея голову, откинулъ назадъ и поцѣловалъ въ губы.

Она быстро освободилась изъ его рукъ, оттолкнула его и вскопчила блѣдная отъ гнѣва и удивленія. Она, быть-можетъ, поддавалась-бы медленной, нѣжной ласкѣ, но такое грубое насиліе возмутило ее.

— Какъ вамъ не стыдно! воскликнула она, — вы ведете себя, какъ дикарь! Вы мнѣ сдѣлали больно!

— Я васъ хочу! произнесъ Люсьенъ и снова бросился на нее.

Онъ не зналъ, что дѣлалъ. Онъ совершенно опьянѣлъ въ порывѣ страстнаго желанія, которому поддаются самыя нѣжныя существа. Онъ теперь не отступилъ-бы ни передъ чѣмъ, ни передъ насиліемъ, ни передъ безчестіемъ. Онъ смотрѣлъ на платье г-жи Андре налитыми кровью глазами, какъ разъяренный быкъ на красное сукно. Она испугалась его остервененія и думала только о бѣгствѣ. Вывернувшись отъ него, она убѣжала изъ комнаты и заперла за собою дверь.

Люсьенъ остался одинъ, запертый въ гостиной, какъ провинившійся ребенокъ. Весь его пылъ мгновенно исчезъ при этомъ комичномъ окончаніи трагической сцены. Онъ очнулся, какъ лунатикъ, взволнованный, смущенный, непомнящій хорошо, что онъ дѣлалъ. Собравшись съ мыслями, онъ былъ такъ пораженъ своимъ невозможнымъ поведеніемъ, что даже не попытался позвать г-жу Андре и вымолить у нея прощеніе. Онъ отворилъ окно, выходящее на лугъ, выпрыгнулъ изъ него на землю и скрылся, какъ преступникъ.

Всю ночь онъ осыпалъ себя бранью, сожалѣлъ свою неостижимую сѣблость и оплакивалъ потерянное счастье. Онъ ясно понималъ, что теперь наступилъ конецъ всему, и пріятной ихъ жизни, и предестиннымъ вечерамъ, проводимымъ вмѣстѣ, и, главное, всякимъ надеждамъ. Какъ было исправить свою вину? Какъ оправдать свое ужасное поведеніе? Минутой забвенія, безумія, страсти! Но приметъ-ли г-жа Андре эти оправданія? Захочетъ-ли она его слушать? Какими глазами будетъ онъ смотрѣть на нее? Вся его прежняя застѣнчивость вернулась къ нему съ тѣмъ большей силой, что на нѣсколько роковыхъ минутъ онъ поборолъ ее. И онъ впалъ въ ту страшную апатію, которая обыкновенно слѣдуетъ за неудавшейся попыткой или за случайнымъ опьяненіемъ.

Слѣдующій день прошелъ, и Люсьенъ не могъ рѣшиться перѣхатъ черезъ рѣку и узнать свою судьбу. Онъ удовольствовался письмомъ, въ которомъ чистосердечно признавалъ себя виновнымъ и униженно просилъ прощенія. Онъ боялся, что это письмо возвратятъ нераспечатаннымъ, но оно не вернулось, и Люсьенъ вечеромъ написалъ второе письмо, въ которомъ умолялъ дозволить ему лично явиться для своей защиты.

„Я, конечно, недостоянъ вашего отвѣта, и не имѣю права его ждать, говорилъ онъ въ концѣ письма;—вы уже и то слишкомъ снисходительны, что прочитали мое первое письмо. Будьте такъ милостивы—не возвращайте и этого. Я тогда пойму, что вы не отказываете мнѣ въ моей почтительной просьбѣ дозволить мнѣ лично высказать вамъ, какъ я сожалѣю о своемъ постыдномъ поведеніи“.

Второе письмо такъ-же, какъ первое, не вернулось обратно. Преисполненный благодарностью къ добротѣ г-жи Андре, Люсьенъ

отправился, наконецъ, къ ней въ домъ. Сильно билось у него сердце, когда служанка отворила дверь, и замерло при послѣднихъ ея словахъ:

— Г-жа Андре уѣхала вчера утромъ съ дочерью, не сказавъ куда.

ГЛАВА VII.

Слѣдовательно, она не получила ни одного письма. На другое утро, послѣ рокового вечера, она уѣхала, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Она, очевидно, хотѣла скрыться отъ Люсьена навсегда. У него не оставалось ни малѣйшей тѣни надежды; онъ былъ пораженъ этимъ ужаснымъ ударомъ и не могъ одинъ перенести его. Ему необходимъ былъ другъ, передъ которымъ онъ могъ бы вылить свое горе. Онъ тотчасъ отправился въ Парижъ къ Пьеру Фресону.

Увидавъ своего друга, онъ бросился къ нему на шею и со слезами рассказалъ о всемъ случившемся.

Фресонъ разразился упреками противъ г-жи Андре.

— Ты ни въ чемъ не виноватъ, сказалъ онъ, — я тебя извиняю, но этой женщинѣ я никогда не прощу. Она поступила, какъ безсердечная кокетка, а у нея есть еще ребенокъ. Это низко!

Люсьенъ пытался-было защитить г-жу Андрэ. Онъ зналъ, что она невиновна.

— О! отвѣчалъ Фресонъ, — ты никого не увѣришь, что такой мальчишка, какъ ты, наивный, застѣнчивый, соблазнилъ женщину ея возраста и опытности. Она вела всю игру, а ты попался въ западню, — и болѣе ничего. Впрочемъ, и мнѣ слѣдовало ей не довѣрять. Неестественно, чтобы вдова лѣтъ за тридцать и хорошо сохранившаяся отказалась-бы отъ поклоненія вздыхателей! Но какъ она ловко сыграла свою роль, лицемерка! Какія принимала на себя материнскія манеры! Вишь, захотѣла почтенная матрона любви восемнадцатилѣтняго мальчишки! Нѣтъ, ты лучше и не старайся ее защищать! Я тебѣ скажу прямо, что она за птица: это низкая тварь, это...

Фресонъ былъ вѣдъ себя отъ злобы, которуу, конечно, возбудило въ немъ отчасти дружеское чувство къ Люсьену, но, главнымъ образомъ, негодование, что г-жа Андре провела его. Опытнаго, осторожнаго мудреца. Къ тому-же, его грубый, здравый умъ не могъ отгадать сложныхъ, утонченныхъ чувствъ этой женщины, которая любила Люсьена и не хотѣла его любить. Онъ видѣлъ только одно, что Люсьенъ былъ влюбленъ, и не могъ допустить, чтобы она не была въ этомъ виновна.

— Расскажи свою исторію кому хочешь, прибавилъ онъ, — и всѣ, знающіе жизнь, тебѣ скажутъ, что это недостойная кокетка.

На Люсьена подѣйствовалъ рѣшительный, разгнѣванный тонъ его друга. Но онъ все-же не хотѣлъ обвинять г-жи Андре...

— Лучшимъ доказательствомъ, что она не низкая тварь, какъ ты думаешь, отвѣчалъ онъ, — можетъ служить ея сопротивленіе. Развратная женщина уже давно была-бы моей любовницей.

Но безжалостный Фресонъ продолжалъ сыпать аргументами.

— Вотъ это и есть ея главная хитрость. Еслибы она поддавалась, то ты теперь болѣе не любилъ-бы ея. Она знаетъ, что любовь молодого человѣка все равно, что огонь для соломы. Она не этого хочетъ. Я не думаю, что она грубая, развратная натура, желающая только позабавиться любовью невиннаго мальчика, она для этого слишкомъ хитра. Она составила себѣ планъ выйти за тебя замужъ.

— Но я ей предлагалъ жениться. Она отказала.

— Конечно! Тебѣ нѣтъ еще двадцати лѣтъ. А твой опекунъ? А семейный совѣтъ? Ты думаешь, что тебѣ такъ и позволили-бы сдѣлать глупость! Она хорошо знала, что тебѣ жениться теперь нельзя, и поэтому предпочла сама благородно отказаться.

— Но если, по-твоему, ея цѣлью было обойти меня, то какъ же ты объяснишь ея отъѣздъ?

— Она уже тебя обошла, и, не беспокоясь, она недолго будетъ путешествовать. Она не гаситъ, а разжигаетъ огонь твоей страсти.

Несмотря на все свое пристрастіе къ г-жѣ Андре, Люсьенъ видѣлъ много справедливаго въ аргументахъ Фресона. Такъ легко вѣрить злу! Онъ не хотѣлъ сознаться, что вѣрить, и все еще протестовалъ, но въ глубинѣ души поддавался доводамъ своего друга.

Легкія уступки, сдѣланныя ему г-жею Андре сначала изъ одного сожалѣнія, а потомъ по чувству нѣжной къ нему привязанности, казались ему теперь доказательствами ея кокетства. Внутренняя борьба, происходившая въ ея сердцѣ и обнаруживавшаяся колебаніемъ между строгой сдержанностью и полуласками, принимала въ его глазахъ видъ хитрой интриги. Однако, Люсьенъ не могъ вдругъ согласиться съ такимъ узкимъ, виѣшнимъ взглядомъ на поведеніе г-жи Андре; онъ чувствовалъ, что сердце его горячо протестовало; но нѣсколькихъ разговоровъ съ страшнымъ діалектикомъ Пьеромъ было достаточно, чтобы окончательно убѣдить юношу въ справедливости его теоріи.

— Представь себѣ, что ты не Люсьенъ Фердоля, и что тебѣ рассказали подобную исторію, говорилъ Фресонъ. — Обдумай и обсуди этотъ случай совершенно безпристрастно, какъ-будто дѣло идетъ о постороннемъ человѣкѣ. Потомъ выскажи свое мнѣніе, основанное только на здоровомъ смыслѣ.

Пьеръ Фресонъ выговаривалъ совершенно своеобразно и торжественно эти два слова — здоровый смыслъ. Онъ относился къ нимъ съ религіознымъ уваженіемъ. Ясно было, что онъ считалъ этотъ хваленый здоровый смыслъ божествомъ, а себя, Пьера Фресона, медицинскаго студента, молодого, но по уму зрѣлаго, носящаго очки, врага всякой пламенной страсти и благодѣтельнаго источника добрыхъ совѣтовъ, — однимъ изъ великихъ жрецовъ, поддерживающихъ прямыя непосредственныя сношенія съ самимъ божествомъ. Люсьенъ, хотя и отличался гораздо болѣе утонченнымъ и самостоятельнымъ умомъ, недостаточно еще жилъ на свѣтѣ, и потому не зналъ, что часто здоровый смыслъ бываетъ здоровымъ смысломъ дураковъ, основаннымъ на предразсудкахъ и, слѣдовательно, фальшивымъ и несправедливымъ. По совѣту своего друга, онъ закрылъ глаза и посмотрѣлъ на то, что съ нимъ случилось, взглядомъ слѣпца, именуемаго *встѣмъ свѣтомъ*, и сталъ думать о своемъ отдѣльномъ случаѣ такъ, какъ могъ о немъ подумать первый встрѣчный.

Фресонъ называлъ это большимъ шагомъ въ наукѣ жизни и приводилъ въ доказательство своихъ словъ пошлыя аксіомы и торжественные нелѣпые афоризмы, изобрѣтенные буржуазнымъ опытомъ жизни.

— Въ сущности, говорилъ онъ, — то, что случилось съ тобою — большое благо. Потеря первой иллюзіи — прививка сердца. Теперь ты знаешь, что такое женщины. „*Experto, crede, Roberto*“.

И онъ разсказалъ Люсьену, какъ и онъ также испыталъ въ жизни пламенную страсть. Онъ имѣлъ связь съ прислужницей въ пивной лавкѣ, которая всячески старалась обойти и заставить его купить для нея магазинъ, но онъ былъ себѣ-на-умѣ, не попалъ въ ловушку и прогналъ Фелиси, хотя ему это было очень тяжело. Теперь онъ объ ней никогда не думалъ, и этотъ случай послужилъ ему урокомъ; онъ съ тѣхъ поръ узналъ женщинъ. И онъ сравнивалъ эту связь съ любовью г-жи Андре.

Цѣлый мѣсяцъ понадобился, чтобы довести Люсьена до такой взгляда, но, наконецъ, онъ до него дошелъ и сталъ смотрѣть въ эту благородную женщину, какъ на интриганку, изъ когтей которой онъ счастливо освободился. Однакожь, Люсьенъ не былъ ни дуракомъ, ни неблагодарнымъ, ни дурнымъ человѣкомъ. Но и не другомъ и менторомъ былъ глупый мудрецъ, а ничто такъ не дѣйствуетъ заразительно, какъ глупость.

Однако, обвиняя во всемъ г-жу Андре, Люсьенъ не могъ удержаться, чтобы не думать о ней очень часто, почти постоянно. Особенно его преслѣдовали физическія воспоминанія объ этой потеряннѣйшей для него красавицѣ. Онъ не сожалѣлъ о прелестныхъ часахъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ нею, о возвышенномъ, чистомъ нравственномъ удовольствіи, которое доставлялъ разговоръ съ нею, — все это теперь казалось ему хитрой ловушкой. Но онъ вспоминалъ съ горечью свои жгучія, чувственныя желанія, которыя остались неудовлетворенными. Онъ не могъ забыть ея глубокихъ, большихъ глазъ, общавшихъ столько наслажденія, ея ароматнаго, нѣжнаго тѣла, благоуханіе котораго доселѣ его преслѣдовало. Единственный поцѣлуй, сорванный съ ея прелестныхъ губъ, жегъ его уста, возбуждая неутолимую жажду новыхъ поцѣлуевъ. Онъ мысленно раздѣвалъ до-нага женщину, которую такъ долго, искренно уважалъ, и любовался ея соблазнительнымъ тѣломъ, роскошной грудью, до которой онъ прикасался плечомъ, играя въ четыре руки на фортепьяно. Въ его воображеніи возставали тысячи подробностей, и его юная кровь кипѣла. По-вечерамъ, когда г-жа Андре въ легкомъ лѣтнемъ платьѣ, безъ корсета, вышивала, нагнувъ свою очарова-

вѣющую голову, онъ бывало однимъ взглядомъ обхватывалъ удивительную линію, начинавшуюся на макушкѣ, среди маленькихъ курчавыхъ волосковъ, подобныхъ завитымъ перьямъ, и продолжавшуюся во графъ, вдали отъ любопытныхъ глазъ, до роскошныхъ округленій ниже талии. Во время прогулокъ по берегу рѣки, когда она нагибалась, чтобы сорвать цвѣтокъ, часто платье ея отъ вѣтра прилипало къ ея тѣлу, какъ сорочка, обрисовывая всѣ ея античныя формы. Садясь въ лодку, она, по необходимости, показывала и, быть-можетъ, болѣе, чѣмъ желала, крошечныя ноги и пластическія икры. Вызывая теперь всѣ эти соблазнительные образы, онъ позволялъ своей фантазіи свободно витать среди сладострастныхъ тайнъ корсета и юбокъ.

„О, думалъ онъ, — какой я осель, что упустилъ такую добычу. А я еще упрекалъ себя за попытку овладѣть ею. Я не былъ достаточно смѣлъ. Когда я держалъ ее за голову и цѣловалъ въ губы, то мнѣ не слѣдовало выпускать ее изъ рукъ. Ахъ, еслибы мнѣ пришлось теперь начать снова, я не остановился-бы на полпути“.

И онъ утѣшалъ себя мыслью, что новый случай не заставитъ себя долго ждать: г-жа Андре вернется, — вѣдь она хотѣла заставить его жениться на себѣ. Такъ увѣрялъ Фресонъ, а Фресонъ зналъ женщинъ.

Однако, г-жа Андре не возвращалась, и не было о ней ни слуха, ни духа.

Прошло три мѣсяца послѣ отъѣзда изъ Аблона, и Люсьенъ ни разу не возвращался туда. Онъ поклялся своему другу, что не сдѣлаетъ этой подлости, какъ выражался Пьеръ. Онъ далъ ему эту клятву въ первыя минуты, когда считалъ себя счастливымъ, что ему удалось избѣгнуть опасности, столь хорошо объясненной Фресономъ. Подъ вліяніемъ этого чувства, ему сначала было трудно держать свое обѣщаніе, но теперь, при возрожденіи своихъ чувственныхъ желаній, оно казалось ему тяжелымъ дѣломъ, какъ діета выздоравливающему, у котораго развивается аппетитъ. Если, какъ увѣрялъ Фресонъ, г-жа Андре уже пріѣхала въ Аблонъ, или, по крайней мѣрѣ, оставила тамъ слѣдъ, по которому ее можно было отыскать, то неужели онъ долженъ былъ, какъ дуракъ, упустить случай видѣться съ нею? Теперь, предупрежденный насчетъ кокетства, онъ съумѣетъ повести дѣло такъ, что г-жа

Андре станетъ его любовницей, нисколько не забравъ его и ни. Въ случаѣ нужды онъ самъ прибѣгнетъ къ хитрости и манетъ ее, не боясь возбудить въ ней ненависть къ себѣ и любви. Онъ видѣлъ въ любви къ ней только удовлетвореніе своей животной страсти. Вотъ до чего довели его совѣты и наго Фресона, афоризмы жизненнаго опыта и нравственныя изреченія здраваго смысла.

Въ одинъ прекрасный день онъ не выдержалъ и, не сказавъ ни слова своему другу, отправился въ Аблонъ. Несмотря на гонимое намѣреніе повести себя ловеласомъ, онъ совершенно радовался, увидавъ мѣсто, гдѣ провелъ столько счастливыхъ часовъ. Тутъ онъ дышалъ инымъ воздухомъ, чѣмъ въ боннѣ практическаго моралиста Пьера Фресона. Его окружали чистыя, вѣжныя воспоминанія не объ интригахъ, опасностяхъ, личномъ интересѣ и чувственныхъ желаніяхъ, но о прелестныхъ бесѣдахъ, сердечной дружбѣ и мирномъ счастьи. Еслибы въ эту минуту онъ встрѣтилъ г-жу Андре, то всѣ его побѣдоносныя планы разсѣялись-бы отъ одного ея строгаго, но ласковаго взгляда, и онъ даже не посягнулъ-бы поцѣловать протянутой ему красной руки.

— Какъ Пьеръ посягнулся-бы надо мной, сказалъ онъ самъ себѣ,—при видѣ моего волненія. И онъ былъ-бы правъ. У меня нѣтъ на два сантима энергіи. Впрочемъ, это очень естественно. Это — первое впечатлѣніе. Но когда я буду близъ нея, вдыхая въ себя опьяняющій ароматъ ея тѣла и любясь ея зрѣніемъ прелестями, то я не поддамся уже болѣе этому глупому саманализму, заставляющему меня только плакать.

И, по примѣру трусовъ, громко распѣвающихъ ночью для драбности какую-нибудь циничную пѣсню, онъ произнесъ вслухъ:

— Хорошо, мнѣ уже довольно приторныхъ бомбошекъ цинической любви. Я хочу болѣе основательной пищи: мяса и грибовъ. Уже на этотъ разъ пулярка у меня не вывернется. Я уже болѣе не ребенокъ.

Произнеся эту циничную рѣчь, онъ гордо взглянулъ на маленькій домикъ, гнѣздившійся, какъ птичье гнѣздо, среди скалени. Но птичка еще не вернулась. Гнѣздо было пусто. Въ бѣлый, съ открытыми ставнями и окнами, этотъ маленький домикъ казался мертвецомъ. Люсьенъ обомель его со всѣхъ сто-

ронъ и убѣдился, что въ немъ давно никто не жилъ. Садъ былъ запущенъ, дорожки поросли травой, на окнахъ и подъѣздѣ виднѣлись паутины.

Люсьенъ возвратился въ Парижъ очень мрачный и разсказалъ Пьеру о своей неудачной поѣздкѣ.

— Ты ошибался, сказалъ онъ: — г-жа Андре не вернется.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Фресонъ;—значить она, послѣ зрѣлаго обсужденія, отказалась отъ своего плана.

— Но если она не вернется, значить, она не кокетка, какъ ты увѣрялъ, и не имѣла никакого намѣренія заставить меня жениться на ней.

— Какъ, ты опять хочешь ее защищать? Развѣ ты никогда не поймешь сущности дѣла? Ты думаешь, что г-жа Андре ни разу не подумала о тебѣ со времени вашей разлуки. Простоватъ-же ты, нечего сказать! А я убѣжденъ, что она наводила о тебѣ справки. Ей сказали, что ты живешь со мною, и она подумала, что, вѣроятно, ты мнѣ все разсказалъ. Она меня знаетъ и, конечно, поняла, что я разгадалъ ея хитрую тактику и тебѣ открылъ глаза. Увѣренная въ побѣдѣ, когда она боролась съ однимъ тобою, г-жа Андре теперь боится вступить въ бой, зная, что вмѣшаюсь я. Она сознала, что потеряетъ время и молодость, если таковая у нея сохранилась, въ подобной неравной игрѣ;—она и на попятный. О! женщины отлично знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

Фресонъ до того кичился своимъ вымышленнымъ торжествомъ, что Люсьенъ ему повѣрилъ.

„Ну, дѣлать нечего, подумалъ онъ; — надо отказаться отъ этой женщины. Но одну женщину потерялъ, десять нашелъ. Можетъ быть, и хорошо, что я не видѣлъ ее въ Аблонѣ. Я такое слабое существо, что она опять забрала-бы меня въ руки. Забудемъ все это!“

Его чувствennыя желанія, пробужденныя надеждою увидѣть снова г-жу Андре, мало-по-малу разсѣялись. Убѣдившись, наконецъ, что она уѣхала навсегда, онъ пересталъ предаваться соблазнительнымъ воспоминаніямъ и, безъ большого горя, отвернулся отъ мечты, которой несуждено было осуществиться.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ОСЕННИЙ СОНЕТЪ.

(Изъ Ришпена).

Всему положень срокъ: осенняя пора
Погубить и любовь, какъ лѣтнюю природу,
И жизни легкая, шутливая игра
Лукаво насъ ведетъ къ печальному исходу.

Блистая пурпуромъ, въ повязкѣ золотой,
И осень хороша, какъ зрѣлая матрона,
Но кислый ароматъ несетъ она съ собой,
Подобный запаху увядшаго паслена.

Надъ скорбною землей, сурова и грозна,
Угрюмымъ призракомъ проносится она,
Лишая жизни птицъ и листья обрывая.

Я жду коварную. Ужь вотъ она идетъ;
Она не пощадитъ, къ моленіямъ глухая—
И лѣсъ мой обнажитъ, и птицъ моихъ убьетъ.

С. Андреевскій.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НОВАГО ВРЕМЕНИ.

У всякаго пѣтуха своя Испанія, но
только она у него подъ крыльями.

Поприщинъ.

I.

Самыя крѣпкія и богато-одаренныя натуры нелегко оправляются отъ болѣзней и потрясеній, застигающихъ ихъ въ той ранней порѣ, когда организмъ еще не сложился окончательно и недостаточно окрѣпъ для того, чтобы противостоять неблагоприятнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Цѣлыя народы, какъ и отдѣльные люди, долго платятъ своимъ юношескимъ или дѣтскимъ недугамъ тяжелую дань. На противоположныхъ концахъ Европы двѣ націи, неизмѣющія между собою рѣшительно ничего общаго ни въ племенномъ, ни въ какомъ-либо другомъ отношеніи, — Россія на сѣверо-востокѣ и Испанія на крайнемъ юго-западѣ, — будучи однажды оторваны отъ совокупнаго строя европейской исторической жизни въ эпоху ихъ дѣтства, до сихъ поръ не могутъ снова вполне примкнуть къ этому строю и живутъ въ болѣе или менѣе глубокомъ отчужденіи отъ него съ гораздо большею невыгодою для себя, чѣмъ для общаго хода всенароднаго культурнаго развитія. Эта параллель между историческими судьбами Россіи и Испаніи была уже подмѣчена давно писателями самаго разнообразнаго направленія, и она, дѣйствительно, рѣзко бросается въ глаза даже на первый взглядъ.

Мы до сихъ поръ недостаточно еще выяснили себѣ то **вліяніе** которое монголы оказали на наше внутреннее, культурное развитіе. Изобиліе монгольскихъ словъ, получившихъ окончательное **при** гражданства въ рускомъ языкѣ, — словъ, выражающихъ иногда **сра**нительно высшія культурныя понятія, заставляетъ предполагать, что **вліяніе** чужеземнаго завоеванія было и у насъ безусловно **разру**шительное и гибельное, что предки наши, быть-можетъ, и научились кое-чему полезному отъ ненавистныхъ имъ ордынцевъ, что позднѣе наши историки, быть-можетъ, безъ достаточнаго критическаго **разбо**ротносели на счетъ татаръ нѣкоторыя, дѣйствительно, неприглядныя и непоказныя стороны нашего общественнаго и политическаго быта, которыя безспорно не существовали въ до-монгольскомъ **в**рѣдѣ, но которыя легко могли быть заимствованы нами позднее изъ православной Византіи, а вовсе не отъ языческихъ или **я**сульманскихъ нашихъ враговъ и завоевателей. Однако-же, въ **оу**ловныхъ и общихъ чертахъ монгольское иго сказывается у насъ еще и до сихъ поръ все-таки опустошеніемъ и раззореніемъ: оно окончательно обезлюдило нашъ благодатный югъ и на долгое **в**рѣмя исторически разобщило его съ великорусскимъ сѣверомъ; оно выдвинуло на первый планъ тверскихъ и московскихъ князей-собирателей, которыхъ внутренняя политика, проникнутая крайне своеобразнымъ смѣшеніемъ вотчинныхъ возрѣвій съ макиавеллическою неразборчивостью средствъ, положила на все наше прошлое и на весь нашъ національный бытъ какую-то особую печать; оно, наконецъ, загнало многочисленнѣйшія массы нашего труженческаго населенія въ такія непріютныя тущобы, съ которыми онѣ не успѣли окончательно сродниться даже и теперь, послѣ долгихъ вѣковъ насильственнаго своего пребыванія на этихъ тощихъ и неблагоприятныхъ поляхъ... Много и долго поливалъ ихъ своею кровью сѣрый русскій человѣкъ; но все-же онъ относится къ нимъ, какъ **номадъ**, ежечасно готовый покинуть неприглядное кочевье, чуть-только онъ истощитъ свою **нераз**счетливую хозяйственною системою его скудныя питательныя ресурсы.

Ничего подобнаго не завѣщали Испаніи завоеватели-мавры, втеченія восьми вѣковъ хозяйничавшіе въ ней, какъ въ благодатной странѣ, нарочито уготованной для нихъ Аллахомъ. По своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, Испанія

представляется европейцу, перешедшему за Пиринейскій хребетъ, какимъ-то африканскимъ клочкомъ, случайно приклееннымъ къ нашему материку; и она, дѣйствительно, менѣ всякой другой европейской страны приноровлена природою къ преуспѣянiю въ ней нашей, преимущественно подвижной, цивилизаціи. Ея плоскогорья, круто и безъ переходовъ обрывающіяся надъ непроглядными и безводными кастильскими долинами, перерѣзанныя цѣпями дѣвственныхъ, скалистыхъ горъ, служатъ немаловажнымъ препятствіемъ къ проведенію не только желѣзныхъ дорогъ, но и всякихъ путей сообщенія. Ея береговая линія недостаточно расчленена и лишаетъ большую часть хлѣбородныхъ ея областей всякой возможности морского сообщенія съ сосѣдями. Ея климатъ, то сурово-континентальный, то тропически-знойный и влажный, до сихъ поръ грозитъ европейцу многими, неизвѣстными въ другихъ странахъ, смертельными болѣзнями. Мадридскій климатъ славится тѣмъ, что онъ „не загаситъ свѣчи, но мгновенно можетъ убить человѣка“. Въ самомъ дѣлѣ, зимою и лѣтомъ, со снѣжныхъ вершинъ Гвадаремы здѣсь вѣетъ ледянымъ холодомъ, проникающимъ въ легкія, какъ-бы тысячею булавочныхъ уколовъ и порождающимъ *pulmonia fulminante*, плохо изслѣдованный видъ легочнаго паралича или-же необыкновенно быстро развивающагося воспаления. Теплыя и плодородныя низменности Валенсіи и Аликанте и поэтическая долина Гвадалквивира славятся своими злокачественными лихорадками; а крайній югъ, соединяющій въ себѣ все, что наше воображеніе можетъ представить себѣ наиболѣ живописнаго и роскошнаго, губитъ непривычнаго къ нему жителя болѣе умѣренныхъ странъ какою-то сладострастною истоמוю. Коротче говоря, племена, заселявшія западную и среднюю Европу, встрѣчали въ Испаніи непривычныя имъ и неблагопріятныя ихъ развитію условія. Римляне, завладѣвшіе нѣкоторыми приморскими или особенно выгодно расположенными пунктами на полуостровѣ, мало интересовались самой страной; сомнительно также, чтобы и варвары сѣмѣли лучше ихъ приноровиться къ ея, во всякомъ случаѣ, неевропейскимъ условіямъ. Немногіе испанскіе города, славившіеся уже въ древнія времена своимъ богатствомъ и развитіемъ, были основаны и заселены карфагенянами и финикійянами; всѣ великіе поэты и мыслители, — которыхъ Испанія не въ маломъ числѣ поставляла классическому міру: оба Сенеки, Луканъ, Квин-

тиліанъ, Флоръ, Марціанъ, — рѣзко отличались отъ своихъ чисто-европейскихъ собратій южнымъ, африканскимъ складомъ своего вдохновенія. Видя, какъ въ началѣ среднихъ вѣковъ сирійскіе пришельцы бесплодно и усиленно стараются основать въ Испаніи какіе-нибудь зачатки осѣдлости и гражданственности, мы склонны считать мавританское нашествіе за благо, не только для цивилизаціи вообще, но и для Испаніи въ частности.

Совершенно иными глазами долженъ былъ смотрѣть на климатическія условія Пиринейскаго полуострова житель африканскихъ пустынь и оазисовъ: онъ находилъ здѣсь все то-же, къ чему онъ уже палеонтологически привыкъ на своей родинѣ, но только въ смягченномъ и улучшенномъ видѣ. Самый влажный и теплый испанскій воздухъ не имѣетъ ядовитости пресыщенны органическими міазмами атмосферы влажныхъ тропическихъ странъ. Самыя неприятыя кастильскія плоскогорья должны были казаться земнымъ раемъ арабу, умѣвшему не умирать съ голоду и съ тоски даже среди своихъ безбрежныхъ, песчаныхъ морей. Совершенно понятно, что, попавъ въ эту новую и обольстительную для него обстановку, онъ въ ней расплывался, не утративъ вовсе свои чуждыя намъ, типическія родовыя черты, но доведя ихъ до невозможнаго при другихъ условіяхъ всесторонняго развитія. Уроженецъ безводныхъ степей, онъ лучше даже многихъ новыпшихъ просвѣщенныхъ европейцевъ сумѣлъ опѣнить природное благо Испаніи — обиліе рѣкъ. Созерцательный эстетикъ по природѣ, онъ съ недоступнымъ для насъ сладострастіемъ любуется на ихъ сверкающія на южномъ солнцѣ серебристыя волны; онъ спѣшитъ оправить ихъ, какъ драгоценную святыню, въ роскошную рамку мраморныхъ колонадъ, дворцовъ и набережныхъ; онъ пробѣдитъ ихъ въ свои гаремы, гдѣ онѣ журчащимъ фонтаномъ будутъ осѣжать и ласкать его женъ, вѣчно нѣжащихся въ сладострастномъ досугѣ. Чтобы очистить эти воды отъ ила и грязи, онъ роетъ каналы, бассейны, строитъ плотины, создаетъ цѣлыя системы величественныхъ гидравлическихъ работъ, для сооруженія которыхъ оказывается уже недостаточною одна его природная смысленность и изобрѣтательность. И вотъ онъ начинаетъ учиться у незнакомыхъ ему язычниковъ и гяуровъ! Онъ открываетъ папирусы и фоліанты египетскихъ, греческихъ и римскихъ ученыхъ и мудрецовъ. Онъ съ жадностью поглощаетъ столь необ-

ходимое для него Эвклидово ученіе о свойствахъ геометрическихъ фигуръ. Его сосредоточенный и привыкшій къ внутренней созерцательности умъ оказывается гораздо болѣе европейскихъ умовъ того времени способнымъ усвоить и переварить живой смыслъ открытыхъ имъ замогильныхъ ученій. Несвязанный схоластическою догматикою, онъ относится къ этимъ ученіямъ иниціативно, самостоятельно. Онъ придумываетъ цѣлый своеобразный языкъ для того, чтобы выразить ту отвлеченную сторону древнихъ математическихъ теорій, которая совершенно ускользала отъ вниманія не только нашихъ средневѣковыхъ схоластовъ, но и самихъ классическихъ мудрецовъ, породившихъ эти теоріи. Такимъ образомъ возникаетъ алгебра, играющая столь необходимую, столь перво-классную роль во всѣхъ нашихъ самоновѣйшихъ техническихъ открытіяхъ.

Я вовсе ненамѣренъ пересказывать здѣсь всю исторію величія мавританскихъ халифатовъ въ Испаніи, перечислять ихъ слишкомъ многочисленныя и исполнѣ первостатейныя заслуги передъ лицомъ всесвѣтной цивилизаціи. Всѣ знаютъ очень хорошо, что мавры подняли Испанію на такую высоту матеріальнаго и умственнаго благосостоянія, которой не знали въ тѣ времена европейскія націи, оставшіяся свободными отъ ига иновѣрческаго завоеванія, которой многіе европейскіе народы, — въ ихъ числѣ и сама Испанія, — не достигли еще и до сихъ поръ. Величіе арабской цивилизаціи въ Испаніи сказывалось не одною только постройкою волшебнороскошныхъ дворцовъ, мечетей и бань, а тѣмъ, что никто еще до сихъ поръ не успѣлъ такъ, какъ мавры, воспользоваться природными богатствами этой страны и обратить ихъ на благо ея жителей. Удѣляя львиную долю этихъ богатствъ въ пользу немногихъ привилегированныхъ мусульманскихъ избранниковъ, цивилизація эта и для христіанскихъ массъ оставляла однако-же довольно уважительное ихъ количество. Это всего лучше доказывается тѣмъ, что въ области Валенсіи мавры создали стройную систему общиннаго самоуправленія христіанскихъ деревень, которая немногимъ различалась отъ англійской. Въ другихъ мѣстностяхъ, сельское населеніе, основавъ вѣрнымъ римско-католическому вѣроисповѣданію, слилось, однако, настолько со своими побѣдителями, что забыло родной языкъ: это такъ называемыя „mozarabos“ (отъ испанскаго „mozo“, которое значитъ то-же, что наше слово „малый“ или

„парень“). для которыхъ оказалось необходимымъ переводить священное писаніе по-арабски. Но, конечно, вѣротерпимость не была отличительною чертою мавританскаго владычества въ Испаніи. Вообще безжалостное отношеніе побѣдителей къ побѣжденнымъ въ сильной степени усложнялось здѣсь обоюдною религіозною ненавистью. Ею-то и были порождены тѣ отрицательныя стороны арабской цивилизаціи, вслѣдствіе которыхъ она рано или поздно должна была пасть, не оставивъ по себѣ въ сердцахъ и памяти несомнѣнно облагодѣтельствованныхъ ею испанцевъ ничего, кромѣ жажды мщенія, проклятія и ненависти. Въ угнетенныхъ самое естественное и самое законное желаніе—избавиться прежде всего отъ подавляющаго ихъ гнета. Неудивительно, что проученныя маврами, потомки вандаловъ, вестготовъ, римлянъ и кельто-иберійцевъ стремятся во что-бы то ни стало объединиться противъ общаго врага, забывая всѣ свои вѣковыя разногласія и хватаясь за религіозную вражду, какъ за наиболѣе мощное орудіе для грядущаго объединенія. Стремленіе освободиться отъ иновѣрческаго ига, говоря вообще, играло въ испанской исторіи ту-же самую роль, какъ и у насъ. т. е. оно способствовало развитію непопулярной централизаціи. Но даже и въ этомъ направленіи сходство или тождество не заходитъ далеко въ глубь: Россія, предоставленная самой себѣ, не могла надѣяться на существенную поддержку ближайшихъ къ ней христіанъ, исповѣдывавшихъ однородную съ нею религію, но по обрядамъ западной церкви. Въ Испаніи-же, напротивъ, католичество оставалось единственнымъ звѣномъ, связывавшимъ ее съ остальною Европою; а потому централизація здѣсь неизбежно должна была вести къ чрезмѣрному политическому значенію духовенства, хотя въ то-же самое время она не только не разрывала, но даже упрочивала связь заприпеченныхъ христіанъ со всѣмъ западно-европейскимъ міромъ.

Всѣмъ очень хорошо извѣстно, какимъ образомъ сложились эти чудовищныя боевыя машины, которыя носили названіе то овертурскаго, то леонскаго, аррагонскаго, кастильскаго или севильскаго королевства, какимъ образомъ онѣ слились въ одно подъ объединяющимъ вліяніемъ римско-католическаго фанатизма и духовенства. Последнее необходимо должно было пользоваться чрезмѣрнымъ значеніемъ для того, чтобы подавлять разобщающее дѣйствіе династическихъ и вѣчевыхъ стремленій. Последнія только

и сохранились тамъ, гдѣ иновѣрческій гнетъ былъ всего слабѣе. Арагонскія и каталонскія хартіи уничтожены уже гораздо позднѣе Филиппомъ II и инквизиціею, т. е. духовнымъ и свѣтскимъ деспотизмомъ, пережившимъ свое историческое призваніе и черпающимъ не оправданіе, а фактическую возможность существовать въ своемъ противоестественномъ и противозачонномъ союзѣ. Во всей остальной Европѣ, съ водвореніемъ испанскаго короля (Карла V) на имперскомъ престолѣ, начинается тотъ періодъ, когда свѣтская власть, сближаясь все тѣснѣе съ третьимъ сословіемъ, и даже иногда съ народными массами, дѣятельно способствуетъ исчезновенію всѣхъ средневѣковыхъ, т. е. сословнаго и клерикальнаго, деспотизмовъ. Въ самой же Испаніи дѣло идетъ діаметрально-противоположнымъ путемъ: Филиппъ II объ руку со священной эрмандадю (Hermandad) опустошаютъ и обезлюживаютъ цѣлыя провинціи (Арагонія, напримѣръ, не оправилась еще отъ этого погрома и до сихъ поръ) единственно для того, чтобы затормозить, задержать по мѣрѣ силъ нормальное теченіе исторіи. Знаменитый Бокль, сдѣлавшій изъ параллельной исторіи Англии и Испаніи чуть-что не дѣтскую моральную сказку, смотритъ на дѣло нѣсколько предубѣжденнымъ взглядомъ англійскаго джентльмена изъ Сити, а потому, мнѣ кажется, и упускаетъ изъ вида наиболѣе поучительный его смыслъ.

Сводя общій итогъ восьмивѣковому господству мавровъ въ Испаніи, мы едва-ли найдемъ его столь неблагопріятнымъ, какъ обыкновенно думаютъ. Не говоря уже о томъ драгоцѣнномъ наслѣдствѣ, которое завѣщали всесвѣтной культурѣ эти средневѣковые труженики и писатели истины, — они воздѣляли и разрыли испанскую почву, съ которою не подъ силу было-бы справиться арійскимъ пришельцамъ; они создали на испанской почвѣ богатую и величественную цивилизацію, которую ихъ позднѣйшимъ преемникамъ оставалось только продолжать, хоть и въ нѣсколько передѣланномъ видѣ. Даже отрицательнымъ своимъ вліяніемъ они слотили въ одну гордую и энергическую націю разнородныхъ обитателей различныхъ уголковъ этого полуострова. Безпощадная борьба высоко подняла жизненный пульсъ испанскаго народа, пробудила въ немъ необузданную энергію и предприимчивость, и не мавры, конечно, виновны въ томъ, что эти національные задатки очень быстро истощились здѣсь въ завоеваніи обѣихъ Америкъ,

въ полуразбойничьихъ походахъ и религиозныхъ изувѣрствъ въ самой Европѣ. Немедленно по своемъ освобожденіи отъ иновѣрческаго ига, Испанія безспорно играла первенствующую роль въ римско-германскомъ мірѣ. Нельзя видѣть одну слѣпую историческую случайность въ созданіи той необозримой монархіи испанскихъ Габсбурговъ, „въ предѣлахъ которой никогда не заходитъ солнце“, такъ-какъ она охватывала собою необъятныя пространства въ обоихъ полушаріяхъ. Но я не имѣю здѣсь ни времени, ни охоты пересказывать всю исторію со временъ Христофора Колумба. Достаточно замѣтить, что этотъ испанскій золотой вѣкъ богатъ не одними только удачными походами, завоеваніями и открытіями, но также и крайне знаменательными порожденіями въ умственныхъ и культурныхъ сферахъ. Въ особенности же мнѣніе Испанія этого времени благотѣльно отразилось на западно-европейскихъ литературахъ вообще, и въ частности на французской, которая, въ свою очередь, разыграла столь почетную роль въ общеевропейскомъ культурномъ развитіи. При Генрихѣ IV и при Людовикахъ XII и XIV, Франція училась у южной сосѣдки изящнымъ манерамъ, культурному образу жизни и искусствамъ, всего-же болѣе литературѣ, совершенно такъ, какъ Россія при Петрѣ Великомъ обучалась тѣмъ-же самымъ предметамъ у голландцевъ, нѣмцевъ и пр. На этомъ весьма естественно заканчивается всякая возможная паралель между судьбами Испаніи и нашего отечества. Россія, какъ извѣстно, еще вся въ будущемъ; между тѣмъ какъ Испанія уже имѣла свой часъ, уже однажды поднималась на такую высоту, на которой она не съумѣла потомъ устоять. Всѣ образованные народы уже платили ей, отчасти еще платятъ, нѣкоторую дань въ различныхъ отношеніяхъ, особенно-же въ литературномъ. Россія до настоящаго времени не внесла еще рѣшительно ничего своего во всеобщую культурную сокровищницу, и Кюстинъ имѣлъ полное право сказать тридцать лѣтъ тому назадъ, что Европа обязана чѣмъ-бы то ни было намъ, русскимъ, чѣмъ китайцамъ. Испанію-же рѣшительно невозможно выкинуть изъ общей культурно-исторической лѣтописи безъ того, чтобы въ прошломъ и настоящемъ всѣхъ другихъ народовъ не оказалось болѣе или менѣе существенныхъ и многочисленныхъ пробѣловъ.

Всѣ мы привыкли считать Испанію родиною романтизма, героя-

ческихъ и любовныхъ пѣснопѣній. Дѣйствительно, здѣсь во время остервенѣлой борьбы съ маврами, долго поглощавшей всѣ силы испанскаго національнаго творчества, сложилось безчисленное множество гомансего, эпическихъ романовъ и поэмъ, перешедшихъ потомъ во всѣ европейскія литературы или въ видѣ переводовъ, или-же болѣе или менѣе удачныхъ передѣлокъ и подражаній. Всѣ народы имѣютъ, конечно, немало и своихъ собственныхъ произведеній точно такого-же рода. Тотъ фактъ, что испанскіе любовники и рыцарскіе романы обошли весь свѣтъ, сдѣлались до нѣкоторой степени всенароднымъ достояніемъ, самъ по себѣ уже свидѣтельствуешь, что испанское національное творчество перещеголяло въ этомъ направленіи всѣ другія. Оно, дѣйствительно, установило геркулесовы столбы, за которые нигдѣ и никогда не перешагнуло романтическое воображеніе. Все, что было въ романтическихъ рыцаряхъ подлежащаго идеализаціи, развито и разработано испанскою литературою этого рода до крайняго предѣла, воплощено въ яркихъ живописныхъ образахъ. Испанскій Сидъ для всѣхъ вѣковъ и народовъ остается прототипомъ доблестнаго рыцаря, страшнаго врагамъ и безконечно милосердаго къ слабымъ и убогимъ, ежечасно готоваго сложить свою голову въ честномъ бою за вѣру и за своихъ согражданъ. Эта тема, нещадно эксплуатировавшаяся народными и литературными бардами всѣхъ странъ, нигдѣ и никогда не исчерпывалась такъ полно и такъ мастерски, какъ въ старой испанской легендѣ о Сидѣ, съ которою всѣ другія произведенія подобнаго-же рода кажутся только блѣдными копіями. Но времена измѣнились, исчезла возможность и необходимость ежечасныхъ геройскихъ битвъ; но не исчезло ни рыцарское сословіе, ни вѣками сложившееся въ немъ высокое понятіе о своей личности, о своемъ превосходствѣ надъ простыми смертными, опутанными неотвязною заботою о завтрашнемъ днѣ, о сохраненіи блѣднаго и сѣренькаго своего существованія. Доблестный потомокъ Сида не можетъ сразу утонуть въ этомъ безцвѣтномъ и безличномъ морѣ. Въ его жилахъ течеть „лазурная кровь“, — „la sangre azul“, — и онъ такъ-же, какъ и праотецъ его Сидъ, готовъ ежечасно пролить ее до послѣдней капли по первому призыву долга и чести. Но долгъ и честь уже не призываютъ къ подобному кровопролитію, и до крайности возбужденная, сосредоточенная только въ себѣ, жизненность мечется, не зная, гдѣ

издержать себя въ одномъ необузданномъ страстномъ порывѣ. В этой позднѣйшей порѣ доблестный рыцарь называется уже Сидъ, а дон-Хуанъ Теноріо, кавалеръ Калатравы; и этотъ романческій типъ, котораго истинная органическая связь съ предшущимъ слишкомъ очевидна, точно также всесторонне и цѣлостно разработанъ старою испанскою литературою. Онъ такъ тѣсно сжсся въ нашихъ глазахъ съ испанскою почвою и исторіею, что вѣты всѣхъ запыренейскихъ народовъ, аклиматизировавшіе его въ чужихъ краяхъ, не дерзали обыкновенно нарушить, даже въ нелочахъ, эту столь сродную ему обстановку. Испанскій дон-Жуанъ сталъ достояніемъ всѣхъ европейскихъ литературъ, не измѣнивъ даже первоначальнаго своего имени. Такимъ образомъ, Испанія пережила романтическую эпоху раньше другихъ европейскихъ странъ и какъ-бы за всю Европу. Съ истинно-африканскою живостію воображенія, но съ чисто-европейскимъ чутьемъ мѣры и гармоніи она запечатлѣла этотъ блистательно изжитый ею періодъ въ нѣломъ рядѣ разнообразныхъ „гошапсего“, эпическихъ поэмъ и легендъ, которыя навсегда останутся образцомъ романтической литературы. Когда Сервантесъ въ своемъ слишкомъ повсюду извѣстномъ романѣ предлагаетъ сжечь всѣ эти поэтическіе памятники прошлаго, то онъ, повидимому, хорошо понимаетъ, что это нѣчто и славное наслѣдство составляетъ, однакожь, весьма обременительный грузъ, съ которымъ его соотечественники недалеко уйдутъ впередъ на поприщѣ дальнѣйшаго историческаго развитія. Въ концѣ XVI столѣтія, дѣйствительно, наступала уже пора не для одной только Испаніи покончить навсегда съ этими очаровательными и фантастическими бреднями.

Но въ исторіи европейскихъ литературъ Испанія играетъ роль не одними только вышеупомянутыми своими произведеніями. Она была также если не родиною, то, по крайней мѣрѣ, колыбелью европейскаго театра не въ классическомъ, а въ современномъ его значеніи. Подобно всѣмъ романо-германскимъ народамъ, средне-вѣковые испанцы отъ языческихъ временъ унаслѣдовали страсть и привычку къ разнаго рода площаднымъ зрѣлищамъ, съ которыми они по старой памяти связывали нѣкоторыя религіозныя представленія. Тщетно отцы римско-католической церкви энергически возставали противъ такихъ зрѣлищъ; въ концѣ-концовъ, они все-же вынуждены были уступить и, чтобы не признать себя по-

Объденными, рѣшили самымъ этимъ представленіямъ придать извѣстный характеръ мистерій. Долго по всей Европѣ драматическое искусство держалось этой первоначальной и ребяческой своей формы; но въ Испаніи толпа, чернь, принимала въ этихъ представленіяхъ слишкомъ дѣятельное участіе. Народное творчество не могло сдерживаться въ тѣсныхъ рамкахъ клерикальной схоластики. Импровизація вносила въ духовныя мистеріи непредвиденный. живой и, въ большей части случаевъ, сатирической элементъ. Духовенство грозило анафемою новаторамъ, которые пользовались этими полурелигіозными зрѣлищами для того, чтобы осмѣивать пороки и слабости тѣхъ, передъ которыми имъ полагалось дрожать; но комедія и романтическая или историческая драма сложилась тѣмъ не менѣе въ Испаніи сама собою и оттуда же разнеслась по всей остальной Европѣ. Очень много комедій и драмъ, составляющихъ теперь неотъемлемое достояніе иностранныхъ литературъ и несохранившихъ въ себѣ уже ничего испанскаго, заимствованы изъ „autos“ (акты), сочиненныхъ въ Испаніи невѣдомыми авторами въ неопредѣленные времена, но, во всякомъ случаѣ, раньше конца XV столѣтія, такъ-какъ въ это время театръ уже отдѣлился здѣсь отъ духовныхъ мистерій; сочиненіемъ драматическихъ пьесъ стали уже заниматься здѣсь высокопоставленные особы духовнаго и свѣтскаго вѣдомства, и это было вѣрнѣйшимъ средствомъ стяжать себѣ самую лестную популярность, сдѣлать свое имя извѣстнымъ даже невѣжественнѣйшимъ классамъ народонаселенія. Позднѣйшіе драматическіе писатели, Лопе де-Вега, Бальдеронъ, Тирсо де-Молина и пр. не гнушались иногда почти цѣликомъ заимствовать свои произведенія у никому невѣдомыхъ авторовъ прежнихъ площадныхъ зрѣлищъ, которымъ они только придавали нѣкоторую законченность и приноровленность къ постоянно измѣняющимся вкусамъ публики. Лопе де-Вега былъ первымъ драматическимъ авторомъ, которымъ испанская чернь гордилась, какъ національнымъ своимъ героемъ. Съ его времени театральныя представленія вошли здѣсь въ такое повсемѣстное обыкновеніе, что даже были обложены налогомъ въ пользу бѣдныхъ. Нѣкоторыя религіозныя братства быстро обогатились тѣмъ, что стали при своихъ монастыряхъ устраивать отдѣльные дворы — *coales* — для театральныя зрѣлищъ. Въ XVII столѣтіи европейскіе, преимущественно французскіе, писа-

тели стали черпать у испанских своих собратьев с такою же безцеремонностью, с какою эти послѣдніе заимствовали у своихъ безвѣстныхъ предшественниковъ. Многія пьесы Корнеля, Расина и Мольера суть только передѣлки испанскихъ драмъ и комедій и при этомъ французскіе заимствователи даже не всегда знали кого они грабятъ. Рядомъ съ именами Лопе де-Вега, Тирсо и Молина, Кальдерона де-ла Барка и множества другихъ, пользующихся всеобщимъ извѣстностью, Испанія того времени уже насчитывала цѣлыя легіоны теперь повсюду забытыхъ драматурговъ и комедіантовъ, изъ которыхъ иные отличались большою оригинальностью. Таковъ былъ, между прочимъ, горбатый Аларконъ (въ половинѣ XVII вѣка), уроженецъ Мехико, обладавшій замѣчательнымъ памфлетическимъ дарованіемъ и сдѣлавшій изъ своего театра родъ лобнаго мѣста, гдѣ нещадно и вполне наступнымъ для черни языкомъ бичевались пороки сильныхъ мира. Такое его направленіе весьма естественно не могло нравиться ни духовному, ни свѣтскому начальству. Но вкусъ къ театральнымъ зрѣлищамъ былъ такъ вкорененъ во всѣхъ классахъ населенія, чернь такъ горячо сочувствовала любимымъ ею авторамъ, что даже священная эрмандада вынуждена была до извѣстныхъ предѣловъ щадить эту единственную существовавшую въ то время трибуну свободнаго слова. Несмотря на всѣ свои рѣзкости, Аларконъ, насколько извѣстно, не потерпѣлъ никакихъ преслѣдованій; но противъ него выдвинута была цѣлая литературная коалиція, которая, благодаря содѣйствію Лопе де-Вега, оттерла его на задній планъ. Большой, раздраженный, лишенный всякихъ средствъ къ существованію, Аларконъ издалъ, однакожь, въ свѣтъ цѣлую томъ своихъ комедій, снабдивъ ихъ вмѣсто предисловія низкостѣдующимъ оригинальнымъ воззваніемъ къ публикѣ: „Сволочь, дѣкій звѣрь, я посвящаю эти произведенія тебѣ, а не тѣмъ твоимъ цѣнителямъ и знатокамъ, которые обойдутся и безъ меня. Вотъ мои пьесы, принимай ихъ, какъ тебѣ угодно, будь несправедлива и глупа, по обыкновенію. Если онѣ тебѣ не понравятся, то это будетъ лучшее ружье въ моихъ глазахъ за ихъ достоинство. Если ты ихъ полюбишь, то я буду убѣжденъ, что онѣ плохи, но утѣшу себя тѣмъ, что онѣ, по крайней мѣрѣ, принесутъ мнѣ деньги“. Самый тонъ этого воззванія показываетъ, къ какому грубому слою населенія обращались испанскіе дра-

матурги этого времени, но такъ-какъ нѣкоторыя ихъ пьесы были тѣмъ не менѣе хороши и иногда проникнуты, дѣйствительно, осмысленнымъ отношеніемъ къ жизни, то театръ, вообще говоря, въ Испаніи рано уже сдѣлался школою для народа, т. е. стоялъ относительно своего общественнаго значенія на такой высотѣ, до которой онъ, за исключеніемъ развѣ Парижа и двухъ-трехъ большихъ столицъ, нигдѣ еще не поднялся въ Европѣ. Легко понять то пристрастіе, которое талантливѣйшіе испанскіе писатели сохранили до сихъ поръ, писать для театра: это единственное поприще, на которомъ произведенія ихъ могутъ быть доступны народнымъ массамъ въ странѣ, гдѣ только 20% населенія грамотны, но гдѣ вкусъ къ театральнымъ зрѣлищамъ по-прежнему крайне распространенъ во всѣхъ сферахъ.

Наконецъ, неизлишнимъ будетъ напомнить, что испанская литература первая дозрѣла до той формы бытописательнаго или реалистическаго романа, которая уже на нашихъ глазахъ начинаетъ становиться преобладающею по значенію во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Сервантесовъ „Дон-Кихотъ“ слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстенъ; но только очень часто это образцовое произведеніе кажется намъ какимъ-то лучезарнымъ пятномъ на темномъ фонѣ, чуть-что не обмолвкою гениальнаго ума, несвязаннаго никакими условіями мѣста и времени, неподготовленнаго никакою сознательною и послѣдовательною работою своихъ предшественниковъ. А, между тѣмъ, въ дѣйствительности, это было далеко не такъ. Правда, Испанія конца XVI и начала XVII столѣтія произвела только одного Сервантеса, но за нимъ и передъ нимъ насчитываются цѣлыя плеяды писателей, необладавшихъ его остроуміемъ и талантомъ, но проникнутыхъ совершенно среднимъ съ нимъ направленіемъ, т. е. очень хорошо понимавшихъ, что время романтическихъ вздыханій и полетовъ прошло навсегда, а наступила пора оглядки, основательнаго изученія настоящей дѣйствительности. Не вдаваясь въ археологическія изслѣдованія, напомнимъ только Мендозу, пользующагося громкою извѣстностью, какъ историкъ, но создавашаго также и тотъ знаменитый саркастическій романъ „Lazarillo de Tormes“, который не меньше самого „Дон Кихота“ обогатилъ уже цѣлымъ свѣтъ, но только во французской редакціи Лесажа подъ именемъ „Жиль-Блаза Сантьянсаго“.

Я хотѣлъ только вскользь напомнить, что эпохѣ всесвѣтнаго могущества и политическаго процвѣтанія Испаніи соотвѣтствовала точно такая-же эпоха умственнаго, въ особенности литературнаго, ея величія. Арабское владычество въ ней не только не препятствовало, но даже въ значительной степени способствовало ея раннему и пышному расцвѣту. Насъ стараются увѣрить, будто литература можетъ процвѣтать только въ періоды политическаго застоя, когда въ обществѣ накапливается богатый запасъ силъ, немнѣющихся себѣ никакого практическаго примѣненія. Этотъ парадоксъ не выдерживаетъ, однакожь, и самой снисходительной исторической критики и можетъ сохранять нѣкоторое подобіе истины только до тѣхъ поръ, пока мы подъ литературою будемъ разумѣть надутую академическую или пустую салонную болтовню. Осмысленная живая рѣчь не можетъ ни истощить, ни парализовать общественную инициативу; всегда она неизбѣжно является предшественницею и неразлучною спутницею осмысленной дѣятельности. По мѣрѣ того, какъ усиліями свѣтской и духовной инквизиціи Испанія доводится до своего нынѣшняго политическаго и общественнаго ничтожества, умолкаетъ и ея богатая литература, или, по крайней мѣрѣ, она существенно перерождается, обращается въ цвѣтисто-школьническое упражненіе въ слогѣ по классическимъ образцамъ.

Излишне было-бы пересказывать въ сотый разъ тѣ чудовищныя мѣры, посредствомъ которыхъ свѣтскій и клерикальный деспотизмъ, продолжавшій дѣйствовать въ Испаніи съ невиданнымъ въ новой европейской исторіи единствомъ, сперва зажали ротъ нѣкогда даровитой и мощной испанской націи, а потомъ довели ее, наконецъ, до крайняго и всесторонняго упадка. Втеченіи двухъ вѣковъ она ни въ литературѣ, ни въ исторіи ничѣмъ не заявляетъ о своемъ существованіи и едва-ли не больше близкой и родственной своей сосѣдки Италіи могла считаться мертвою странюю. Разбудилъ ее изъ этого безотраднаго сна не робкій и лицемерный либерализмъ послѣднихъ Бурбоновъ, въ томъ числѣ и Карла III, извѣстнаго ненавистника іезуитовъ, но позволявшаго доминиканцамъ жарить еретиковъ и волшебниковъ сотнями на медленномъ огнѣ, — разбудилъ ее всеобщій погромъ французской революціи и наполеоновскаго нашествія. Какъ и повсюду, чувство національности въ Италіи проснулось сперва въ грубо-стихійной,

почти зоологической, формѣ. Массы разнороднаго, обнищалаго населенія возстаютъ, какъ одинъ человѣкъ, съ единственною цѣлью выгнать французовъ за Пиринеи, не спрашивая себя, для чего это нужно. Но тѣмъ не менѣе, когда Фердинандъ VII снова утверждаетъ на предусмотрительно покинутомъ престолѣ, онъ скоро убѣждается, что основы, положенныя подъ этотъ тронъ Филипомъ II и Торкемадою уже окончательно сгнили. Горсть просвѣщенной молодежи съ дерзкимъ капитаномъ Ріего осмѣливается почтительно донести, что запахъ гари человѣческихъ *auto da fe* слишкомъ уже отравляетъ атмосферу, очищенную недавнею грозю. Програма Ріего и его товарищей втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ слыветъ образцовою во всей западной Европѣ. Она, наконецъ, отождествляется со смертію Фердинанда, когда изъ двухъ претендентовъ на испанскій престолъ, — тупоумнаго дон-Карлоса, и двѣнадцати-лѣтней Изабеллы II, — послѣдняя привлекаетъ къ себѣ всѣ сердца своимъ малолѣтствомъ и либеральною диктатурою Эспартеро, который является какъ-бы душеприкащикомъ злополучнаго Ріего, побѣжденнаго французами и разстрѣяннаго Фердинандомъ въ Кадиксѣ.

Съ этихъ-то поръ въ Испаніи начинается та мучительная политическая толчея, которая длится уже безъ малаго полвѣка съ очень незначительными перерывами для отдыха. Христиносы и карлисты, викальваристы (военная партія, извѣстная также подъ именемъ *Union Liberal*, неизбѣющая никакого опредѣленнаго значенія и движимая только честолюбивыми стремленіями генераловъ), прогрессисты, т. е. партія штатскихъ генераловъ, демократы, республиканцы съ Кастеляромъ и федералисты съ Пи-и-Маргаль, — вертятся передъ нами въ какой-то томительной чертопляскѣ, толкая другъ друга для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ самимъ немедленно полетѣть кувыркромъ и безслѣдно потонуть въ какой-то мутной безславной пропасти,

Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой,

Ни геніемъ начатаго труда,

но за то истощивъ народную и государственную казну до послѣдняго *reso duro*, до того, что эта нѣкогда классическая родина серебра не можетъ даже купить бумаги для печатанія своихъ неоплатныхъ долговыхъ обязательствъ! Понятно, это своеобразное политическое положеніе есть прямой продуктъ какой-то

неурядицы, укрывшейся от нашихъ глазъ гдѣ-то далеко, въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ испанскаго общественнаго быта.

Не имѣя возможности изучать непосредственно самую испанскую общественную жизнь во всемъ ея многообразіи и сложности, попробуемъ обратиться къ отраженію ея въ современной испанской литературѣ, которая съ давнихъ поръ уже не подзудается по сю сторону Пириней первокласною репутаціею, но воторая, положительною или отрицательною своею стороною, долженъ же пролить хотя нѣкоторый свѣтъ на интересующіе насъ впросы.

II.

Посѣтивъ Испанію въ первый разъ въ самый разгаръ революціи 1868 г., я еще на пути былъ пораженъ тѣмъ количествомъ книжныхъ лавокъ, которыя встрѣчаются здѣсь въ каждомъ мѣстономъ городишкѣ, и существованіе которыхъ трудно приписать съ невыгодными понятіями, очень распространенными за границею вообще о степени грамотности испанскаго населенія. Впрочемъ, и мѣстные статистики подтверждаютъ вполне, что изъ пяти испанцевъ, взятыхъ въ общей сложности, только одинъ умѣетъ читать и писать. Правда, это невыгодное отношеніе здѣсь хоть отчасти смягчается тѣмъ, что женщины, — какъ это замѣчается во всѣхъ безъ исключенія католическихъ странахъ, — вдвое безграмотнѣе средняго уровня; за исключеніемъ ихъ, число грамотныхъ составляло уже около 35% всего мужскаго населенія. Если принять во вниманіе, что Испанія почти исключительно земледѣльческая страна, что въ ней нельзя насчитать и пяти городовъ съ населеніемъ въ 100,000 душъ или выше, а большинство сельскихъ жителей разсѣяны по aldeas. т. е. по маленькимъ селамъ и деревнямъ, а часто и по крошечнымъ хуторамъ или заимкамъ, то отношеніе это даже нельзя считать особенно невыгоднымъ. Къ тому-же я начиналъ свое знакомство съ Испаніей съ того каталонскаго побережья, которое по экономическому своему благосостоянію и по просвѣщенію занимаетъ рѣшительно первое мѣсто на всемъ Пиринейскомъ полуостровѣ и относится нѣсколько презрительно къ племени кастильскому, адалузскому и арагонскому, несмотря на то, что

это послѣднее однородно съ нимъ и отстало отъ него только въ силу историческихъ условій. Въ среднихъ и южныхъ испанскихъ мѣстностяхъ книжная торговля процвѣтаетъ уже въ значительно меньшей степени. Однакожъ, ознакомившись ближе съ содержаніемъ тѣхъ книжныхъ лавокъ, которыя я посѣтилъ въ Жеронѣ и въ Барселонѣ, я потерялъ даже всякую охоту сожалѣть объ этомъ, невольнo вспоминая остроумное замѣчаніе барона Брамбеуса, что книжная торговля была и у насъ въ его времена, но литературы-то не было. Окна и полки испанскихъ книжныхъ лавокъ завалены обыкновенно молитвенниками въ очень роскошныхъ переплетахъ, душеспасительными брошюрами, поражающими дикостью и наивностью своего содержанія, да всевозможными свотолкователями съ кабалистическими фигурами на оберткахъ. Въ лучшихъ книжныхъ торговляхъ Мадрида, Барселоны, Севильи съ большимъ трудомъ можно получить произведенія новѣйшихъ испанскихъ авторовъ, даже пользующихся наибольшою извѣстностью. Ихъ слишкомъ мало для того, чтобы они могли служить предметомъ правильной торговли. Только за послѣднее время здѣсь начинаютъ появляться въ изобиліи переводы иностранныхъ литературныхъ произведеній, всего болѣе французскихъ романовъ, но еще очень недавно Викторъ Гюго или Е. Сю, въ подлинникѣ или переводѣ, были для испанцевъ запретнымъ плодомъ. Изданіе книги считается еще здѣсь чуть-что не патріотическимъ подвигомъ, стоящимъ внѣ всякихъ комерческихъ условій. Недавно нѣкто г. Рибоданейра затѣялъ изданіе испанскихъ классиковъ съ чисто-ребяческими затѣями. Для отпечатанія, наприимѣръ, Дон-Кихота, онъ основалъ особую сервантесовскую типографію въ деревушкѣ Аргамасилья-де-Альби, гдѣ жилъ авторъ этого безсмертнаго комическаго романа. Г. Рибоданейра очень скоро истратилъ на это предпріятіе все свое состояніе, но кортесы, признавъ его дѣло патріотическимъ, асигновали ему значительную субсидію. Вообще-же испанскія изданія плохи, дороги и совершенно неспособны выдерживать конкуренцію лейпцигскихъ перепечатокъ.

Такому печальному положенію книжнаго дѣла въ Испаніи очень много способствовало господство въ странѣ Index'a, т. е. указателя запрещенныхъ книгъ, издаваемого особою священною консультою въ Римѣ. Впрочемъ, это не мѣшало испанскимъ авторамъ пользоваться также и строгостями своей чисто-домашней „Дѣло“, № 2, 1879 г.

цензуры. Правительство Изабеллы могло служить образцомъ безцеремоннаго обращенія съ мыслью во всѣхъ ея проявленіяхъ, такъ наивно варварскаго, какъ, на примѣръ, закрытіе нѣкоторыхъ университетовъ и обращеніе другихъ въ низшія школы, то лицейскаго, какъ подкупъ всѣхъ, мало-мальски выдающихся изъ рядъ начинающихъ писателей теплыми мѣстечками при дворѣ или у администраціи. Я не знаю ни одного новѣйшаго испанскаго автора, который не кончилъ-бы своего поприща служебною карьерою или тюрьмою. Многие, заявивъ себя какимъ-нибудь юношескимъ произведеніемъ, вынуждены были немедленно бѣжать за границу. Поэтъ Эспронседа, публицисты Э. Кастеляръ и Ф. Гарридо провели большую часть своей жизни въ изгнаніи. Это, конечно, въ значительной степени сблизило ихъ съ запринейскою интеллигенціею, но за то сдѣлало ихъ иностранцами у себя дома. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ эти неблагопріятныя для литературнаго развитія политическія условія Испаніи нѣсколько изменились; однакожь, этого времени оказалось еще слишкомъ недостаточнымъ для того, чтобы вызвать и во внутреннемъ положеніи испанской литературы сколько-нибудь замѣтную переимѣну. Цѣлыя вѣка гоненій и всевозможныхъ индексовъ, если не вовсе задушили испанское національное творчество и всякую мысль, то, во крайней мѣрѣ, успѣли создать между пишущими и мыслящими классами, съ одной стороны, и народными массами, съ другой, то разобщеніе, которое не существовало въ золотыя времена, когда представленіе новой комедіи Лопе-де-Вега составляло національное событіе. Литература здѣсь давно успѣла стать праздною и изысканною забавою досужныхъ кружковъ, неспособныхъ внести рѣшительно ничего цѣннаго и свѣжаго въ давно оскудѣвшую сокровищницу испанскаго національнаго самосознанія. Благодаря звучности и гибкости испанскаго языка, сколько-нибудь грамотному и образованному человѣку нѣтъ ничего легче, какъ сочинить въ часы досуга нѣсколько сотъ или тысячъ рифмованныхъ строфъ въ духѣ того или другого классическаго образца и черезъ это стяжать себѣ разъ навсегда славу гениальнаго поэта въ узкомъ кругу своихъ салонныхъ или политическихъ друзей. Такихъ гениальныхъ поэтовъ современная Испанія насчитываетъ десятки и даже сотни. Всѣхъ ихъ можно легко раздѣлить на двѣ категоріи, изъ которыхъ наиболѣе рутинная и многочисленная велича-

еть себя національною; другая же — прогрессивною. Однако, достаточно прочитав по нѣскольку стансовъ или поэмъ каждаго изъ корифеевъ этихъ двухъ будто-бы противоположныхъ школъ, для того, чтобы убѣдиться, что національность одной заключается въ безконечномъ повтореніи на новый ладъ формъ и мотивовъ, безцеремонно заимствованныхъ у знаменитѣйшихъ образцовъ давно отжившей эпохи. Прогрессивность же ихъ соперниковъ сводится исключительно къ тому, что варьируемые ими мотивы они черпаютъ не изъ отечественной, а изъ какой-нибудь иностранной литературы. Въ самой Испаніи нѣкоторые изъ поэтовъ обѣихъ этихъ школъ иногда читаются, благодаря звучности ихъ стиха или богатству воображенія, но въ переводѣ или въ извлеченіи эти качества неизбѣжно утрачиваются, и въ итогѣ не получается рѣшительно ничего, кромѣ изумительной скудости внутренняго содержанія.

Какъ ни мало подобная поэзія, вся основанная на звонкихъ и трескучихъ фразахъ, способна, повидимому, имѣть соприкосновенія съ дѣйствительною жизнью, нельзя, однакожь, не замѣтить, что и въ ней эпоха наибольшаго оживленія совпадаетъ съ тревожною порою національнаго пробужденія. Чужеземное нашествіе создало мотивъ, на которомъ самые разнообразные представители испанской народности могли встрѣтиться въ одномъ равно всѣмъ имъ доступномъ страстномъ порывѣ. Этою минутою очень удачно воспользовался молодой еще тогда поэтъ Кинтана, единственный изъ всѣхъ испанскихъ писателей нашего столѣтія, заслужившій чести памятника, воздвигнутаго ему въ шестидесятыхъ годахъ не казеннымъ, а общественнымъ иждивеніемъ. Патріотизмъ Кинтаны не имѣетъ въ себѣ ничего фразистаго, напускнаго, дѣланнаго, а потому его „Ода къ Испаніи“ стала какъ-бы марсельезою испанской борьбы за освобожденіе. Его трагедія „Pelago“, при выдающихся изъ ряда вышнихъ достоинствахъ, точно также проникнута искреннею любовью къ своему народу, къ независимости и представляетъ множество удачныхъ стиховъ, скоро сдѣлавшихся всеобщимъ достояніемъ. Кинтана безспорно начинаетъ въ Испаніи новую литературную и поэтическую эпоху, которая сперва идетъ быстрыми шагами впередъ, но внезапно обрывается на Эспронседѣ и его злополучномъ другѣ и товарищѣ, Ларрѣ, которому, неизвѣстно почему, особенно посчастливилось у насъ въ Россіи. Впро-

чемъ, прежде чѣмъ дойти до Ларры и Эспронседы, патриотическая школа Кинтаны перешла черезъ нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней и породила немало замѣчательныхъ дарованій. Занятія литературою, которыя втеченіи двухъ вѣковъ мертвеннаго застоя и совершеннаго упадка всякой умственной и общественной дѣятельности стали казаться здѣсь чуть-что не предосудительными, но во всякомъ случаѣ суетными и праздными, съ Кинтаной облагораживаются и дѣлаются одною изъ удобнѣйшихъ ступеней къ выгодной и блестящей служебной карьерѣ. Такъ уже священникъ Гальего, другъ и подражатель Кинтаны, благодаря нѣсколькимъ патриотическимъ одамъ, былъ избранъ депутатомъ въ кортесы, собравшіяся въ Кадиксъ, хотя всѣ очень хорошо знали, что этотъ придворный капеланъ патриотическими чувствами вдохновляется только въ стихахъ, въ прозаической-же жизни онъ руководился исключительно безпримѣрною трусостью.

Гораздо больше Гальего андалузъ Мартинезъ де-ля-Роза, умершій лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ очень преклонныхъ лѣтахъ, заслуживаетъ нашего вниманія. Будучи едва двадцати лѣтъ отъ роду уже профессоромъ философіи въ университетѣ въ Гранадѣ, онъ бросаетъ свою кафедру и съ горстью предводительствуемыхъ имъ студентовъ отправляется въ ряды сражающихся противъ французскаго нашествія. По примѣру нашего Дениса Давыдова, Мартинезъ де-ля-Роза пишетъ на бивуакахъ патриотическіе стихи, и его ода „Защитникамъ Сарагоссы“ пользуется еще до сихъ поръ большою популярностью. Во время осады Кадикса, для развлечения и ободренія осажденныхъ, онъ импровизируетъ превосходную драму въ стихахъ, героинею которой онъ избираетъ вдову Падилаи, вождя либеральнаго возстанія противъ Карла V. Уже самую эту пьесю Мартинезъ де-ля-Роза заявляетъ, что его патриотизмъ нѣсколько иного закала, чѣмъ тотъ, который мы привыкли встрѣчать у Кинтаны и другихъ его ближайшихъ послѣдователей. Когда французы были изгнаны, и Фердинандъ VII снова водворенъ на престолѣ, авторъ „Вдовы Падилаи“ считаетъ, однакожь, дѣло національнаго возрожденія далеко неоконченнымъ. Онъ понимаетъ, что нація, проснувшаяся изъ вѣкового униженія для того, чтобы собственною энергіею сбросить съ себя чужеземное иго, не можетъ снова вернуться подъ бичъ инквизиціи, и онъ дѣятельно пропагандируетъ свои мысли въ стихахъ и въ прозѣ

въ кружкахъ недавнихъ своихъ боевыхъ товарищей. Схваченный, по приказанію Фердинанда VII, онъ приговоренъ къ десяти-лѣтней каторжной работѣ; но, не просидѣвъ и двухъ лѣтъ, онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы конституціоналистскимъ возстаніемъ Ріего, которое признало его своимъ почетнымъ вождемъ. Возстаніе, какъ извѣстно, было подавлено французскимъ вмѣшательствомъ, но Мартинезъ де-ля-Роза успѣлъ бѣжать въ Парижъ, гдѣ и провелъ лучшую часть своей жизни, занимаясь почти исключительно литературою на испанскомъ и на французскомъ языкѣ. Его „Историческій очеркъ испанской политики“ и „Духъ вѣка“ принадлежать къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній новой испанской публицистики, но поэтическое вдохновеніе скоро измѣнилось ему на чужбинѣ. Подпавъ подъ политическое и литературное вліяніе орлеанистскихъ салоновъ, испанскій патріотъ утратилъ свою фізіономію и оригинальность: его трагедіи „Эдипъ“, „Альваро“ и драма „Абень-Хумейя“, написанная имъ сперва по-французски и выдержавшая нѣсколько представленій въ театрѣ Porte St.-Martin, не имѣютъ ни свѣжести, ни одушевленія „Вдовы Падильи“. Въ тридцатыхъ годахъ либеральное регентство Эспартеро открыло ему доступъ на родину, гдѣ онъ тотчасъ-же былъ избранъ депутатомъ въ кортесы, а потомъ и министромъ; но Мартинезъ де-ля-Роза уже чувствовалъ себя иностранцемъ въ кругу своихъ и поспѣшилъ возвратиться въ Парижъ уже въ качествѣ посланника королевы Изабеллы.

Судьба Мартинеза де-ля Розы можетъ служить какъ-бы образцомъ или схемою судебъ лучшихъ представителей того поволенія мыслящихъ людей Испаніи, которые начали свою жизнь вмѣстѣ съ началомъ нынѣшняго столѣтія, и литературное направленіе которыхъ является дальнѣйшимъ развитіемъ если не офиціознаго, то, по крайней мѣрѣ, дозволеннаго патріотизма Кинтаны. Всѣ они по окончаніи наполеоновскихъ войнъ переносятъ свой патріотическій жаръ на дѣло внутренняго возрожденія и освобожденія своей націи, подпадаютъ вслѣдствіе этого подъ грозные приговоры суроваго Фердинанда, сдѣлавшагося къ концу своихъ дней особенно подозрительнымъ и безжалостнымъ. Тѣ изъ нихъ, которымъ посчастливилось бѣжать за границу, какъ, напр., Ангело Сааведре, вслѣдствіи герцога Розаса, возвращаются обыкновенно на родину, которую они покинули почти безбородыми юношами,

и становятся, благодаря окружающему ихъ мученическому вѣнцу, депутатами, а затѣмъ и министрами или иными высшими правительственными сановниками. Съ точки зрѣнія ихъ личнаго благополучія мы можемъ, пожалуй, находить, что эти почетныя и прибыльныя мѣста, купленные ими цѣною десяти или пятнадцати лѣтъ изгнанія, вознаграждаютъ ихъ вполне, или даже съ лихвою, за пережитыя ими невзгоды; но нельзя не замѣтить, что этотъ слада общественнои жизни въ Испаніи роковымъ образомъ долженъ былъ породить ту бездарность, то ежечасное вращаніе въ призрачныхъ сферахъ, которыя составляютъ отличительныя черты правительства Изабеллы II. Оно представляется намъ какимъ-то вѣчно движущимся часовымъ механизмомъ, который забыли привести въ соприкосновеніе съ реальною жизнью страны. Возвратившіеся изъ изгнанія даровитые молодые люди, ставъ, въ свою очередь, видными колесами этого своеобразнаго механизма, не забыли, конечно, своихъ юношескихъ стремленій, не измѣнили прежнихъ своихъ боговъ, но только они гораздо лучше оказывались подготовленными къ тому, чтобы играть нѣкоторую роль въ парижскихъ редакціяхъ либеральныхъ журналовъ или на международныхъ демократическихъ собраніяхъ, чѣмъ къ управленію родною своею странюю. Къ тому-же въ самомъ этомъ правительствѣ они въ лучшія эпохи являлись единицами, безслѣдно затерянными въ массѣ придворныхъ интригановъ, снумѣвшихъ добиться почестей и чиновъ, не проходя скользкаго пути литературной либеральной извѣстности и изгнанія. Точно также тѣ промежуточныя звѣнья, которыя при болѣе благоприятномъ общественномъ строѣ служатъ незамѣтными, но необходимыми посредниками между правительственною благонамѣренностью и народною отчужденностью, никакъ не могли сформироваться въ Испаніи при только-что описанныхъ условіяхъ. Все молодое, сильное, искавшее въ умственномъ и литературномъ трудѣ не монастырскаго отчужденія отъ жизни и не забвенія мрачной дѣйствительности, губилось безощадно или выкидывалось за бортъ, откуда возвращеніе съ министерскимъ или хотя-бы даже депутатскимъ портфелемъ представлялось далеко необезпеченнымъ. Въ странѣ оставалась только чичковская молодежь, проникнутая съ юношескихъ лѣтъ единственною заботою о своей безпечальной карьерѣ. Она-то окружала правительство тою непріятною сѣтью, въ которой неизбежно глба

и путалась самая искренняя благопамѣренность высшихъ сферъ, осужденная на вѣчное метанье въ бѣличьемъ колесѣ или въ заколдованномъ кругѣ административныхъ фикцій. Вокругъ двора и правительства образовывалась торичеліева пустота. Прѣжняя аристократія, поголовно подозрѣваемая въ карлистскихъ, т. е. въ легитимистскихъ, симпатіяхъ, скрывалась въ глушь своихъ деревень или за границу. Взамѣнъ ея новый дворъ вынужденъ былъ создавать себѣ блестящую свиту изъ всякаго рода искателей приключеній, готовыхъ за герцогскій или княжескій титулъ всегда продать весь свой скудный запасъ какихъ-бы то ни было принциповъ и убѣжденій, тѣмъ болѣе, что дарованіе этихъ титуловъ неизбѣжно сопровождалось соблазнительною придачею плодородныхъ и обширныхъ земель, по недоразумѣнію отрѣзываемыхъ отъ общинныхъ владѣній въ Андалузїи. Возвращавшіеся изъ Лондона и Парижа либеральные литераторы и мученики вольнолюбивыхъ идей, прежде чѣмъ они успѣвали осмотрѣться, становились уже сообщниками и участниками этого официальнаго грабежа. Не у всѣхъ хватало искренности и энергіи хотя-бы для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, устранить отъ него; но и устраненіе ихъ не могло имѣть для страны никакого практическаго значенія, потому что за плечами каждаго уже стояла цѣлая хищная рать менѣе разборчивыхъ кандидатовъ.

Это поколѣніе, прародителемъ котораго я назвалъ Кинтану, сошло со сцены немного лѣтъ тому назадъ и играло самую дѣятельную роль въ тѣхъ политическихъ тревоженіяхъ, которыя недавно еще обращали на себя наше вниманіе. Но едва-ли еще не печальнѣе судьба лучшихъ представителей поволѣнія, непосредственно слѣдующаго за нимъ, къ которому принадлежать все первоклассныя корифеи новѣйшихъ испанскихъ агитацій. Въ первыхъ его рядахъ стоитъ донъ Хосе Эспронседа, который въ новой испанской литературѣ играетъ совершенно ту-же почетную роль, какъ Пушкинъ или Лермонтовъ у насъ, представляя, однакожь, по свойствамъ своего дѣйствительно первокласснаго дарованія, гораздо болѣе сходства съ послѣднимъ. Литераторы и поэты этой формаціи, только родившіеся въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, весьма естественно начинали свое развитіе съ того, чѣмъ кончали даровитѣйшіе и почетнѣйшіе ихъ предшественники. Въ это время испанскому возрожденію и независимости грозили уже

не какіе-бы то ни было вѣшніе враги, а внутренняя пустота и ничтожество.

Къ концу царствованія Фердинанда, за отсутствіемъ въ испанской жизни какихъ-бы то ни было иныхъ исходовъ для начинающей крѣпнуть и распространяться въ обществѣ жажды дѣятельности, вниманіе передовыхъ кружковъ усиленно сосредоточивается на зарождающемся литературномъ движеніи. Звучные стихи Мартинеза де-ля-Роза, Ангело Сааведры и др. съ жаромъ читаются на школьныхъ скамьяхъ, соединяя обаяніе запретнаго плода съ тѣмъ, что они сами по себѣ должны были представлять чарующаго и живительнаго для пылкихъ сердець молодыхъ испанцевъ. Стали возникать подъ именемъ академій литературные кружки, направленные къ тому, чтобы поддерживать и развивать въ обществѣ вкусъ къ книжнымъ занятіямъ. Академія del *Myrto* въ Мадридѣ сдѣлалась средоточіемъ, куда стекались лучшіе представители умственнаго движенія Испаніи, и числиться членами которой считали за честь даже вліятельнѣйшіе тузы официальной міра. Слишкомъ официальный и по необходимости нѣсколько мертвенный характеръ этого почтеннаго собранія не могъ, однакожь, удовлетворять живыхъ и преобразовательныхъ стремленій даровитѣйшей молодежи. Эспронседа, которому тогда не было еще и двадцати лѣтъ, вмѣстѣ съ сверстникомъ своимъ Ларроу, отдѣлившись отъ официальной академіи Мирта, составили болѣе тѣсный дружескій кружокъ подъ именемъ *нумантинцевъ*. Несмотря на свою крайнюю молодость, Эспронседа уже и тогда начиналъ пользоваться довольно лестною популяренностью, благодаря дѣйствительно замѣчательной звучности и стилю своего стиха, своему рѣдкому поэтическому чутью и своему восторженно-либеральному направленію. Къ кружку *нумантинцевъ* очень скоро стали примыкать почти всѣ даровитѣйшіе изъ юныхъ писателей того времени. Это, однакожь, показалось подозрительнымъ высшимъ властямъ, и *нумантинцы* были перехватаны и подвергнуты болѣе или менѣе суровому наказанію. Эспронседѣ, однакожь, удалось бѣжать въ Лондонъ. Слабый и болѣзненный, лишенный средствъ къ безбѣдному существованію, онъ скоро схватилъ въ этой столицѣ тумановъ чахотку, которая и свела его потомъ въ преждевременную могилу. Но за то въ образовательномъ отношеніи изгнанническая жизнь оказала на него самое благотворное вліяніе:

онъ скоро освоился съ первокласными произведеніями лучшихъ иностранныхъ литературъ, о которыхъ, какъ истый испанецъ, онъ прежде зналъ только по наслышкѣ. Нѣкоторыя поэмы Байрона, и въ особенности гетевскій „Фаустъ“, стали его любимымъ чтеніемъ. Онъ скоро понялъ, что величіе и значеніе писателя заключается не въ техническомъ совершенствѣ, не въ необузданной роскоши воображенія, а въ томъ, что онъ живетъ и думаетъ со своимъ вѣкомъ. Онъ видѣлъ, что вся Европа поглощена великимъ культурнымъ движеніемъ, что политическое, умственное и экономическое значеніе націй обуславливается болѣе или менѣе тѣсно тою ролью, которую они умѣютъ занять въ этомъ шествіи. Онъ не могъ не сознать, что его отечество не только отстало въ этомъ движеніи отъ своихъ запыринейскихъ сосѣдей на нѣсколько вѣковъ, но что оно даже вовсе не участвуетъ въ этомъ движеніи, будучи слишкомъ поглощено своею минушею славой и своимъ настоящимъ ничтожествомъ. Ближайшею его задачею съ этихъ поръ становится страстное желаніе вовлечь во что-бы то ни стало свою Испанію въ этотъ всеобщій потокъ, усвоить себѣ мысли и чувства, воодушевлявшія лучшихъ иностранныхъ мыслителей того времени, и воплотить ихъ въ поэтической самобытной и національно-испанской формѣ. Это ему удастся въ нѣкоторыхъ удачнѣйшихъ изъ его литературныхъ произведеній; но, вообще говоря, иностранному критику, мало знакомому съ интимнѣйшими подробностями мадридской жизни того времени, трудно уловить въ стихахъ Эспронседы тотъ ихъ смыслъ, который въ особенности цѣнился тогда его читателями.

Изгнаніе Эспронседы длилось недолго. Въ этомъ и заключалась особенность и преимущество писателей его поколѣнія, что они недолго оставались выкинутыми изъ родной среды и возвращались домой къ близкому имъ дѣлу, не успѣвъ завянуть или заплеснѣть въ тюрьмѣ или въ изгнаніи. Преимущество, казалось-бы, драгоценное, но на дѣлѣ выходило, что новый офиціальныи строй, начинавшій складываться подъ первоначально либеральнымъ знаменемъ христіаносовъ и малолѣтней Изабеллы, унаследовалъ отъ предшествовавшаго ему какую-то прирожденную безнадѣжность. Тамъ, гдѣ находилось мѣсто для изношеннаго Мартинеза де-ля-Роза, гдѣ потускнѣвшій въ изгнаніи Ангело Сааведра скоро могъ пожинать герцогскіе титулы и всевозможныя почести, Эспрон-

седа и подобные ему оказывались людьми лишними. Его поэтическая слава и самое изгнание, по обыкновенію того времени, обратили на него официальное вліяніе, благосклонное на этотъ разъ, но все-же требовавшее отъ него, чтобы онъ сгладилъ и причестилъ свою индивидуальность до бездушнаго казеннаго уровня. Эспронседа скоро почувствовалъ, что онъ былъ бѣлымъ на глазъ своихъ высокопоставленныхъ покровителей.

Въ прежнемъ дружескомъ кругу „нумантинцевъ“ его ожидали также немалыя разочарованія. Старшій его нѣсколькими годами Вентура де-ля-Вега, преобразовавшійся въ камергера Маріи-Христины, директора консерваторіи и т. п., успѣлъ окончательно разорвать съ „нумантинскими“ стремленіями и писалъ велико-свѣтскія комедіи для домашняго придворнаго театра. Мигель-Аустинъ Принсипе, точно также заручившійся тепленькимъ мѣстечкомъ, писалъ уже невинныя басенки и апологіи. Бретонъ делось Эррерось, такъ-же, какъ и Эспронседа, мечтавшій о томъ, чтобы расширить умственный горизонтъ своихъ согражданъ, посвящать ихъ въ общеевропейское культурное движеніе, нашла гораздо прибыльнѣе для себя ограничиться фабрикаціею плоскихъ, но эффектныхъ комедій, и сталъ испанскимъ Скрибломъ. Одинъ Ларра со своимъ причудливымъ воображеніемъ и злымъ языкомъ оставался вѣренъ прежнему знамени, но его иронія уже приняла развѣдающій, ядовитый характеръ; онъ уже доходилъ до того презрѣнія къ другимъ и къ себѣ, которое вскорѣ потомъ довело его до самоубійства на 27-мъ году отъ рожденія... Эспронседа уступилъ желанію своихъ покровителей и принялъ мѣсто секретаря при посольствѣ въ Гаагу. Съ официальной точки зрѣнія, это его удаленіе равнялось почетному изгнанію; самъ-же онъ видѣлъ въ немъ возможность исключительно посвятить себя литературной работѣ и принялся за свою поэму „Чортовъ свѣтъ“ („El Diablo mundo“), которой онъ, однакожь, не кончилъ и умеръ въ 1841 г., на 31-мъ году отъ рожденія.

„Чортовъ свѣтъ“, даже въ неоконченномъ своемъ видѣ, остается тѣмъ не менѣе капитальнѣйшимъ произведеніемъ не только Эспронседы, но и всей испанской литературы текущаго столѣтія и давно уже переведенъ по-французски, при чемъ онъ, конечно, утрачиваетъ три четверти своей прелести, заключающейся въ изящной формѣ и въ музыкальности стиха. Ради нея Эспронседа бросилъ свою другую

поэму „Pelago“, которой планъ недостаточно еще развитъ для того, чтобы о ней можно было произнести какой-нибудь приговоръ. Изъ остальныхъ его произведеній, кромѣ множества удачныхъ лирическихъ стиховъ, наибольшую популярность пользуется поэма „El Estudiante di Salamanca“ („Саламанскій студентъ“), которая на нашъ взглядъ, однакожь, грѣшитъ отсутствіемъ мысли и представляется сколкомъ, хотя и очень колоритнымъ, съ безконечно-варируемой испанскими и иностранными романтиками легенды о „Дон-Жуанѣ“. Любимымъ дѣтищемъ или дѣломъ жизни Эспронседы былъ, безъ сомнѣнія, его „Чортовъ свѣтъ“, навѣянный ему чтеніемъ „Фауста“ и „Манфреда“, но далеко превосходящій, по мнѣнію испанскихъ цѣнителей, оба эти столь прославленные произведенія. Открытая цѣль самого автора — изобразить въ своей поэмѣ исторію души человѣческой, прослѣдить зарожде-ніе о развитіи въ ней добра и зла.

„Фаустъ холоденъ, говоритъ авторъ критическаго приложенія къ послѣднему (мадридскому) изданію произведеній Эспронседы, — сердце у него по-истинѣ докторское, и онъ рѣшительно неспособенъ воспринимать жизнь въ ея дѣйствительной свѣжести и красотѣ. У Эспронседы-же отовсюду бьетъ живымъ ключемъ тотъ страстный, энергическій элементъ, котораго не сумѣлъ уловить Гёте вслѣдствіе лимфатической разсудительности своей натуры.

„Съ самостоятельностью, отличающею гениевъ, Эспронседа разорвалъ всѣ препоны, поставленныя рутинною свободному творчеству; онъ на каждомъ шагѣ нарушаетъ всѣ правила и соблюдаетъ одно только внутреннее единство“, и т. п... Коротче говоря, Эспронседа поражаетъ, прежде всего, своею оригинальностью, которая, однакожь, на болѣе опытный литературный взглядъ оказывается иногда очень сомнительною и заключается, быть-можетъ, единственно въ томъ, что онъ черпалъ свои образцы не тамъ, гдѣ ихъ привыкли искать его предшественники. Значеніе его всего вѣрнѣе можетъ быть опредѣлено тѣмъ, что онъ привилъ общеевропейскіе литературные приемы на испанской почвѣ, далеко не утрачивая при этомъ своей самобытности. Въ формѣ-же своего лучшаго произведенія онъ часто даже ребячески копируетъ то „Манфреда“, то „Дон-Жуана“ Байрона.

Поэмѣ предшествуетъ мистическая интродукція, начинающаяся очень звучнымъ хоромъ демоновъ, праздноющихъ свое вступленіе

во владѣніе міромъ. Разбуженный ихъ зловѣщими голосами, поэтъ теряется въ хаосъ таинственныхъ видѣній. Демоны выставляютъ ему на видъ ничтожество и безпомощность человѣческой природы. Какіе-то таинственные „голоса“ протестуютъ, заявляя каждый съ своей стороны что-либо такое, передъ чѣмъ привыкли поклоняться люди, что они принимаютъ за спасительный маякъ и чѣмъ пытаются наполнить свое существованіе. Знаніе, вѣра, любовь, слава и т. п.,—все это поочереды провозглашается таинственными голосами, и на все съ презрительнымъ хохотомъ отвѣчаютъ демоническіе хоры, разрушая одну за другою всѣ эти игрушки взрослому человѣчеству... Поэтъ совершенно убѣждается демоническими сарказмами и съ изумленіемъ спрашиваетъ самого себя, какъ можетъ презрѣнная толпа, „la muchedumbre vana“, преклоняться передъ столь тлѣнными и ничтожными кумирами. Мораль этой длинной и фантастической интродукціи выражена въ слѣдующихъ словахъ:

„Міръ въ своемъ бытіи есть обширное поле битвы; каждый атомъ— печальный узникъ, стремящійся освободиться изъ оковъ“.

Поэма открывается совершенно à la „Фаустъ“, съ тою только разницею, что дѣйствіе происходитъ въ Мадридѣ, въ рошѣ Alcala, въ скромной квартирѣ глубокомысленнаго „ученаго“, истратившаго свою долгую жизнь въ книжныхъ изслѣдованіяхъ и додумавшагося только до той печальной истины, что

Todo es mentira, vanidad, locura! *)

На этомъ скептическомъ выводѣ испанскій Фаустъ, — авторъ просто называетъ его Адамомъ, чтобы предупредить насъ объ общечеловѣческихъ притязаніяхъ своей поэмы, — засыпаетъ и этикъ показывается намъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, не унаслѣдовалъ бессонницы своего праотца Манфреда. Во снѣ онъ видитъ Смерть, очаровывающую его своею величаво-спокойною красотою, и онъ уже готовъ броситься въ ея объятія, когда передъ нимъ въ еще болѣе очаровательномъ видѣ является Природа. Она предлагаетъ ему даръ вѣчной молодости... Адамъ просыпается прекраснымъ апрѣльскимъ утромъ въ прежней своей квартирѣ, но уже не прежнимъ человѣкомъ. Онъ чувствуетъ въ себѣ непонятную ему мощь и отвагу и видитъ себя облеченнымъ въ юноше-

*) Все — ложь, тлѣнь и безуміе.

скія формы необычайной красоты. Это приводит его въ неопи-
санный восторгъ, выражаемый имъ столь шумно, что его хозяинъ
дон-Пабло, почтенный лавочникъ и избиратель, приверженецъ
умѣренно-консервативныхъ идей, дѣлаетъ ему строгій выговоръ за
его буйный восторгъ, неприличный самъ по себѣ, но значительно
ухудшаемый еще тѣмъ, что бѣдный Адамъ долженъ уже ему за
нѣсколько мѣсяцевъ за квартиру. Но испанскій Фаустъ, обнов-
ленный живительными объятіями Природы, утратилъ память о
минувшемъ и доступенъ только одному неудержимому желанію —
обнять весь родъ человѣческій въ одномъ братскомъ объятіи...

Между тѣмъ, ревнивая жена дон Пабло, видя себя покину-
тою на брачномъ ложѣ, подозрѣваетъ своего сожителя въ любов-
ныхъ шашняхъ. Слыша отчаянные вопли почтеннаго домохозяина,
котораго пылкій Адамъ сжимаетъ въ своихъ мощныхъ объятіяхъ,
она слѣшитъ ему на помощь, созывая всѣхъ людей.

„Люди сбѣгаются со всѣхъ сторонъ, шумъ усиливается... Каж-
дый выдаетъ свое предположеніе за вѣрную истину. Одни кри-
чать, что поймали вора; другіе же говорятъ, что наносится оскор-
бленіе всему мадридскому населенію въ лицѣ одного изъ досто-
нѣйшихъ его членовъ, дон-Пабло. На улицахъ собираются толпы;
въ секретаріатъ доходитъ роковая вѣсть, что поколеблены свя-
щеннѣйшія основы; произносится роковое слово — анархія; гото-
вятся пушки; удваиваютъ караулы; запрещаютъ общественныя
сходбища; дѣлаютъ обыски и аресты; запрещаютъ произносить
нѣкоторыя слова и изготовляютъ списки переодѣтыхъ анархи-
стовъ; съ барабаннымъ боемъ провозглашаютъ осадное положеніе;
за неразсыканіемъ виновныхъ, схватываютъ подозрительныхъ и пи-
шутъ строгіе циркуляры въ провинціи... Адъютанты стрелгавъ
скачутъ по улицамъ. Толпою овладѣваетъ страхъ“.

Адамъ, между тѣмъ, отведенъ въ тюрьму, гдѣ цѣлая плеяда
философовъ-циниковъ оказываютъ ему самый дружескій пріемъ только
за то, что онъ юнъ и нагъ, не оскорбляетъ ничьего самолюбія и
не возбуждаетъ ничьей жадности. Общество закоренѣлыхъ зло-
дѣевъ, въ которое попадаетъ возрожденный Адамъ, обнаруживаетъ
по отношенію къ нему самыя гуманныя и нѣжныя чувства. Онъ
становится любимымъ дѣтищемъ каторжныхъ. Дядя Лука, стор-
бленный старичокъ, въ ожиданіи пока „la Viuda“, „вдова“,
т. е. висѣлица, закончитъ его обильною грабительствомъ и убій-

ствами жизнь, беретъ непорочнаго атлета подъ свое особое покровительство и въ причудливыхъ стихахъ читаетъ ему длинныя поученія, исполненныя не книжною, а глубокою житейскою мудрости... Единственная дочь этого каторжника, Салада, родилась и выросла въ тюрьмѣ, но—какъ и Адамъ—счумѣла остаться доброю и чистою среди окружающаго ее порока и разврата. Молодые люди, конечно, полюбили другъ друга. На скопленныя тюремнымъ маркитантствомъ и контрабандою деньги она выкупаетъ своего любовника изъ тюрьмы, этимъ самымъ отнимая у своего отца послѣднюю надежду на бѣгство и спасеніе отъ висѣлицы.

Адамъ съ своею возлюбленною ведетъ нищенское существованіе въ воровскихъ кварталахъ Мадрида. Оба они не умѣютъ ни читать, ни писать, но они знаютъ жизнь и любятъ людей, а потому въ закоренѣлыхъ злодѣяхъ внушаютъ къ себѣ уваженіе и сочувствіе. Но мало-по-малу, чувство удовлетворенной любви перестаетъ наполнять собою существованіе мужающаго юноши. Въ немъ пробуждается жажда великихъ дѣлъ; его смущаютъ непонятныя для него самого видѣнія, которыя онъ пересказываетъ своей возлюбленной со всею простотою и наивностью своей безхитростной души. Его признанія смущаютъ Саладу. Онъ разлюбилъ ее; онъ долженъ ее покинуть. Ея овладѣваетъ отчаяніе. Она не знала страданія и тоски даже тогда, когда жила заброшенною сиротою въ смрадной тюрьмѣ, когда ея единственными богатствами были любящее сердце и красота, составлявшія предметъ торговли всѣхъ окружавшихъ ее женщинъ. Но она не торговала этими благами; что-то говорило ей, что на нихъ она купитъ счастье всей своей жизни. Теперь это счастье нажито, а она хочетъ только смерти. Но Адамъ разсѣваетъ этотъ порывъ отчаянія простымъ вопросомъ, — почему она не пойдетъ за нимъ въ тотъ невѣдомый міръ, къ которому онъ самъ бессознательно, но неудержимо стремился? Кто ей сказалъ, что въ этой невѣдомой области не найдется достойнаго подвига для любящей женской души?

На этомъ изліяніи чувствъ застаютъ ихъ еі суга (священникъ), вождь мошеннической шайки, давно уже мечтавшій завербовать въ ея ряды отважнаго и ловкаго Адама. Онъ разгадалъ, что дѣлается на душѣ у юноши, и ловко склоняетъ его на „подвигъ“ самаго подозрительнаго свойства. Салада тщетно старается удержать сво-

его возлюбленнаго, предостерегая его, что еl суга влечетъ его на злодѣяніе.

„Я не знаю, возражаетъ онъ ей, — что такое добро и зло; я иду, куда меня влечетъ душа. Неужто я для того родился на свѣтъ, чтобы жить въ вѣчной борьбѣ съ собою. Мое воображеніе рисуется мнѣ чудные образы; я хочу видѣть и ощущать то, что бесплодно живетъ въ моемъ умѣ“.

Съ шайкою воровъ Адамъ прокрадывается ночью въ замокъ молодой и прекрасной графини Альсира. Пока товарищи его расхищаютъ сокровища, находимыя ими въ пустыхъ покояхъ, Адамъ, не давая себѣ отчета въ томъ, что дѣлается вокругъ него, неслышными шагами по мягкимъ коврамъ прокрадывается въ спальню графини и останавливается въ восторгѣ и изумленіи передъ богато-убранною постелью, гдѣ очаровательная молодая женщина спитъ глубокимъ сномъ. Слѣдомъ за нимъ прокрадывается и одинъ изъ бандитовъ его шайки съ намѣреніемъ убить прекрасную хозяйку этого богатаго замка. Адамъ смѣлымъ ударомъ обезоруживаетъ его... Но уже сбѣгаются люди графини... Едва завидѣвъ мундиры жандармовъ, уже однажды отведшихъ его въ тюрьму, Адамъ выскакиваетъ въ окно и бѣжитъ, куда глаза глядятъ. Онъ бѣжалъ цѣлую ночь. Къ разсвѣту случай приводитъ его къ дому, котораго окна ярко освѣщены, и откуда долетаютъ до него звуки веселой музыки, хохотъ и пѣніе въ перемежку съ раздрающими душу рыданіями. Заглянувъ въ окно, онъ видитъ веселую толпу молодежи, пирующей съ продажными красавицами, между тѣмъ какъ въ сосѣдней комнатѣ хозяйка этого увеселительнаго заведенія плачетъ надъ гробомъ своей дочери...

На этомъ, за смертью самого автора, оборвалась эта причудливая поэма, которая, однакожь, и въ недосказанномъ своемъ видѣ представляется несомнѣнно самымъ яркимъ и самобытнымъ произведеніемъ новой испанской поэзіи. Эспронседа открылъ богатый родникъ, изъ котораго его соотечественники черпаютъ теперь щедрою рукою. Излишне было-бы перечислять здѣсь имена новѣйшихъ стихотворцевъ, перепѣвающихъ болѣе или менѣе на испанскій ладъ мотивы запринейскихъ поэтовъ. Всѣ они лишены даже и тѣни оригинальности, и изъ всѣхъ ихъ г. Зорилья, недавній министръ и нынѣшній оппозиціонистъ правительства, отличается наиболѣе блистательной версификаціей, тогда-какъ Мануэль Паласіо стоитъ

во главѣ новѣйшихъ испанскихъ сатириковъ. Лопезъ де-Аяла, питомецъ той-же нумантинской школы и впоследствии министръ Альфонса XII, покинулъ литературное поприще уже давно, оставивъ нѣсколько недурныхъ комедій, направленныхъ главнѣйшимъ образомъ противъ продажности и алчности административныхъ нравовъ.

III.

Испанская литература отличается и до сихъ поръ еще тѣмъ, что поэзія, или, по крайней мѣрѣ, стихотворство, играетъ въ ней и по количеству, и по достоинству произведеній все-же преобладающую роль надъ прозою въ противоположность всѣмъ другимъ европейскимъ литературамъ. Однакожь, движеніе, начатое *нумантинцами* и продолжаемое потомъ ихъ новѣйшими преемниками, дало уже нѣкоторые плоды, и со временъ Эспронседы здѣсь обнаруживается многими писателями уже такое серьезное и дѣльное пониманіе своей задачи, которая не можетъ уже ограничиваться однѣми рифмованными формами.

Со временъ арабовъ, наука и отвлеченное мышленіе *никогда не* прививались на испанской почвѣ, и даже до настоящаго времени Испанія не даетъ намъ ни одного имени, которое-бы мы могли съ нѣкоторымъ основаніемъ поставить на ряду съ безчисленными множествомъ именъ второстепенныхъ тружениковъ и искателей истины на какомъ-бы то ни было чисто-научномъ поприщѣ во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ. Это явленіе само по себѣ уже въ высшей степени знаменательно и способно пролить нѣкоторый свѣтъ на истинныя причины безотраднago и томительнаго политическаго и общественнаго положенія этой страны. Только съ половины нынѣшняго столѣтія, т. е. съ того времени, какъ *испанскіе* поэты начинаютъ обращаться къ своимъ запринейскимъ сосѣдямъ, заимствуя у нихъ мотивы и формы своихъ художественныхъ произведеній, они какъ-будто-бы начинаютъ замѣчать, что Европа живетъ не однимъ только эстетическимъ творчествомъ. Вѣчно переполненные воспоминаніями отжившаго своего величія, они, по крайней мѣрѣ, ощущаютъ потребность отнестись къ этой своей минувшей славѣ по-европейски, критически; благодаря этому стремленію, здѣсь возникла весьма почтенная національно-истори-

еская школа, труды которой, однакожь, выходятъ изъ раюкъ этого очерка. Я могу только вскользь упомянуть имена Модеста Лафуента, Мирафлореса, Пидала и др., которыхъ историческія изслѣдованія и монографіи, хотя и проникнутыя разнообразными и часто крайне чуждыми намъ воззрѣніями, способны съ мѣнье занять почетное мѣсто въ общеевропейской исторической литературѣ нашего времени. Наконецъ, Тапіа въ сотрудничествѣ съ извѣстнымъ донъ-Эмилио Кастеляромъ, тогда еще юнымъ и даровитымъ профессоромъ мадридскаго университета, принимаются за *исторію испанской цивилизаціи*, вполне усвоивъ себѣ критическіе и философскіе приемы, считаемыя обязательными въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы для подобнаго рода изслѣдованій. Біографія Кастелара очень рельефно выставляетъ на видѣ тѣ разнообразнѣйшія препятствія, которыя современный политическій строй создаетъ для умственного развитія, и которыя далеко не все исчерпываются одними только правительственными гоненіями и преслѣдованіями. Политианская толча обхватываетъ даровитую и дѣятельную испанскую молодежь раньше, чѣмъ она успѣваетъ выработать сознательное и опредѣленное отношеніе къ окружающей ее дѣйствительности; парламентская игра, выработывая въ нихъ умѣнье мастерски владѣть ораторскими эффектами, придаетъ всему ихъ развитію исключительно реторическое направленіе, не только ненужное, но безусловно-вредное для того радикальнаго преобразования, въ которомъ всего больше нуждается въ настоящее время испанская политическая и общественная жизнь.

По типу Кастелара сложилось громаднѣйшее большинство современныхъ испанскихъ мыслителей всѣхъ политическихъ сектъ и направленій. Ихъ раннее практическое знакомство со всеми утонченностями парламентскаго краснорѣчія и эффектовъ, при свойственной испанцамъ вообще воспримчивости и живости чувствъ, при ихъ африкански-страстномъ воображеніи, очень часто маскируетъ ихъ умственную скудость и, особенно издали, заставляетъ ихъ казаться иногда за мощныхъ политическихъ бойцовъ и атлетовъ. Но при каждомъ ихъ столкновеніи съ тою прозаическою дѣйствительностью, которая всего болѣе нуждается въ преобразованияхъ, неизбѣжно обнаруживается вся несостоятельность ихъ вдохновенія, подбитаго только одними зефирами многорѣчивой благонамѣренности, и, вмѣсто мужественныхъ преобразователей,

мы видимъ передъ собою актеровъ, махающихъ картонными мечами. Замѣчаніе это относится не только къ политическимъ корифеямъ того лагеря, въ которомъ такъ недавно еще безраздѣльно господствовалъ донъ Эмилио Кастеляръ; но совершенно тѣми-же слабостями грѣшатъ рѣшительно всѣ испанскіе публицисты и ораторы, и, благодаря именно этимъ своимъ слабостямъ, многіе изъ нихъ производятъ издали особенно эффектное, почти потрясающее впечатлѣніе. Недозрѣлая мысль легко перелетаетъ черезъ тѣ преграды, передъ которыми съ сомнѣніемъ останавливается осмотрительный и разсуждающій умъ. Прудонъ уже давно замѣтилъ, что невѣжество отличается по-преимуществу необузданною отвагою: *rien de plus hardi, que l'ignoïance*. Этимъ-то окрыляющимъ невѣжествомъ обладалъ гораздо болѣе Кастеляра тотъ единственный изъ современныхъ испанскихъ мыслителей, которому удалось переполнить своимъ именемъ самые разнообразные политическіе кружки Парижа тревожной эпохи 1848 г. и столбцы всѣхъ европейскихъ газетъ, — Доносо Кортесъ, маркизъ Вальдегамасъ, бывшій втеченіи нѣкотораго времени лучезарною звѣздой общеевропейскаго консервативнаго міра. Питомецъ той-же школы, которая создала Кастеляра, Фернандо Гарридо и другихъ, Доносо Кортесъ отличался сначала крайне либеральнымъ направленіемъ. Для него, какъ и для лучшихъ испанскихъ умовъ того времени, спасеніе его родины могло заключаться только въ одномъ тѣсномъ и неразрывномъ сближеніи ея съ общеевропейскимъ культурнымъ движеніемъ. И онъ отправляется въ Европу съ искреннимъ и страстнымъ желаніемъ поскорѣе усвоить себѣ спасительную руководящую сущность этого движенія. Но, присутствуя сперва въ Пруссіи, при зарожденіи самоновѣйшаго протестантскаго милитаризма, затѣмъ въ Парижѣ при возмутительной іуньской рѣзнѣ, онъ глубоко возмущается всѣми этими безобразіями и бѣжитъ отъ нихъ вспять, въ самую глушь среднихъ вѣковъ, во всѣ неглубокія „Петербургскіе вечера“ Ксавье де-Мэстра и ретроградной философіи Бональда. Напрасно стали-бы мы перебирать всѣ *Рѣчи, Опыты, Письма* этого будто-бы единственнаго мірового мыслителя, порожденнаго новѣйшей Испаніей, или даже самыя его *Лекціи международнаго права* и *Основы конституціоннаго права*, которыя частію писаны имъ самимъ по-французски, частію-же переведены на скорую руку также по-французски и выдер-

ли множество изданій, — мы не найдемъ въ нихъ ни одной мы-
сли, которая-бы ни была уже высказана сто разъ корифеями
мско-католическаго клерикализма или даже нашимъ г. Аско-
нскимъ. Но Доносо Кортесъ высказываетъ ихъ съ такою рос-
пью южнаго воображенія, съ такою искреннею отвагою невѣ-
рства, до которой уже не можетъ подняться или спуститься со-
временный европейскій мыслитель, — и это придаетъ ему неотра-
жимую силу, вполне объясняющую его блестящій и разносторон-
нй успѣхъ. Ближайшій адентъ Доносо Кортеса, каталонскій про-
фессоръ Хайме Бальмесъ, нѣсколько больше только-что помяну-
аго дипломата-философа вкусившій отъ плодовъ древа познанія
ауки, пытается говорить то-же, но съ большею логикою и бо-
лье европейскимъ языкомъ. Онъ, дѣйствительно, скоро стяжаетъ
авры, преимущественно во французскомъ клерикальномъ мірѣ, но
же въ своихъ *Письмахъ къ скептику* договаривается до чер-
тиковъ, а затѣмъ и вовсе умолкаетъ, замѣчая, что онъ попалъ
вовсе не въ ту комнату, куда шелъ, и что ему грозитъ анафе-
ною та самая римская курія, о великомъ культурномъ призваніи
которой онъ написалъ такъ много красивыхъ фразъ, и къ лону
которой онъ вмѣстѣ съ Доносо Кортесомъ мечталъ обратить да-
же Англію и Россію.

Доносо Кортесъ и Хайме Бальмесъ мелькнули шумными метео-
рами въ публицистическомъ испанскомъ мірѣ, не оставивъ по себѣ
ниакого слѣда. Я потому только и упомянулъ о нихъ здѣсь, что
они для меня представляются плодами того-же самага корня, который
породилъ здѣсь Эспронседу, Кастелъяра, Олозагу, Ориензо, Лопесъ
де-Аяла и цѣлыя сотни другихъ поэтовъ въ политикѣ и поли-
тикановъ въ поэзіи, которыхъ имена тѣсно связаны съ исторіей
всѣхъ новѣйшихъ испанскихъ *pronunciamentos* на ряду съ име-
нами генераловъ въ родѣ о'Доннея, Нарваеса, Серрано и т. п.
питомцевъ лакейскихъ и будуаровъ мадридскаго дворца. Съ вод-
вореніемъ конституціонныхъ порядковъ, пропасть, давно уже су-
ществовавшая между Испанією читающею и пишущею на одномъ
берегу и Испанією чернорабочею на другомъ, расширилась едва-
ли не болѣе прежняго. На официальномъ берегу самыя разно-
образныя дѣятели ссорятся и мирятся, прославляютъ и разстрѣ-
ливаютъ другъ друга, какъ будто-бы темные обитатели противопо-
ложнаго берега вовсе не были связаны съ ними однимъ об-

щимъ именемъ испанской націи. Мостъ общихъ историческихъ преданій, прежде оставлявшій возможность хоть случайныхъ, рѣдкихъ общеній въ экстренныхъ случаяхъ, вродѣ наприимѣръ наполеоновскаго нашествія, мало-по-малу разрушается до-гла, а новый еще несозданъ... Но мы не вправѣ заключить изъ этого, будто никто не заботится здѣсь объ его сооруженіи. Правда, эта неважная работа представляется мало заманчивою, сравнительно съ тою шумною и блестящею политиканскою игрою, о которой я только-что говорилъ, а потому она и немного привлекаетъ къ себѣ замѣтныхъ силъ. Еще долго, вѣроятно, все, что нарождается въ Испаніи даровитыхъ, энергичныхъ натуръ, всегда склонныхъ удивлять соотечественниковъ выпренностью и красотой своего орлиного полета, будетъ отвлекаемо политиканскою игрою отъ того серьезнаго и спокойнаго дѣла самоизученія, которое въ Испаніи болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, составляетъ настоятельную потребность дня. Однакожь, это благодатное направленіе уже въ половинѣ нынѣшняго столѣтія указалъ испанской мысли и литературѣ докторъ Рамонъ де-ла-Сагра, втеченіи всей своей долголѣтней жизни честно служившій однажды избранному имъ дѣлу и потерпѣвшій отъ политиканскаго міра только гоненія, но оставшійся до конца чистымъ отъ всякаго сообщничества съ нимъ. Можно только пожалѣть, что такіе его послѣдователи, какъ недавній министръ Пи-и-Маргаль и Фернандо Гарридо не послѣдовали въ этомъ отношеніи его примѣру.

Съ тѣхъ поръ, какъ передовое испанское меньшинство освѣщается съ общеевропейскимъ культурнымъ движеніемъ, сознание необходимости сближенія съ народомъ, тщательнаго изученія нуждъ, стремленій и своеобразной таинственной фізіономіи этого народа довольно быстро распространяется и зрѣетъ здѣсь въ ~~самыхъ~~ разнообразныхъ кружкахъ, всего-же болѣе въ такихъ, ~~которыхъ~~ всеподавляющая здѣсь политиканская игра представляется ~~еще~~ чему-нибудь наименѣе заманчивою. За послѣдніе годы здѣсь ~~уже~~ нерѣдко появляются экономическія и статистическія монографіи заслуживающія, конечно, самаго лестнаго вниманія, но, къ ~~сож-~~лѣнью, мало читаемыя въ странѣ, гдѣ романтическія ~~трагедіи~~ пустили слишкомъ глубокіе корни уже потому, что здѣсь онѣ ~~и~~ были извнѣ навѣянною фантазією, а прямымъ продуктомъ ~~своей~~ образно-сложившейся исторической жизни, — въ странѣ, гдѣ ~~она~~

литературы требуют прежде всего нервных потрясеній, а не пищи для ума. Бытоописательный романъ, который во всей Европѣ выдвигается съ каждымъ часомъ все болѣе на первый планъ и стремится стать преобладающею формою чисто-литературнаго творчества, въ Испаніи составлялъ настоятельную общественную потребность уже въ XVI вѣкѣ; въ ней онъ зародился и быстро выросъ до размѣровъ, считаемыхъ образцовыми повсюду и до сихъ поръ, и можетъ казаться необъяснимымъ, что въ наше время только одна испанская литература еще упорно отвращается отъ пути, давно указаннаго ей столь высокочтимыми ею Сервантесомъ и Мендозою. Странность эта, по моему мнѣнію, только и объясняется тѣмъ, что въ фиктивныхъ сферахъ, въ которыя загнана новѣйшая испанская жизнь, нѣтъ пищи для подобнаго рода произведеній, нѣтъ того реалистическаго самосознанія, безъ котораго хотя и возможенъ злой и остроумный памфлетъ, но невозможно осмысленное воплощеніе дѣйствительности въ художественныхъ образахъ. Это объясненіе подтверждаетъ примѣръ уже нѣсколько разъ помянутаго Ларры, который своимъ „Пажемъ скорбящаго дон-Энрике“ дѣлаетъ слишкомъ очевидную попытку вернуться на путь, съ давнихъ поръ покинутый испанскою белетристикой, но вскорѣ, однакожь, оказывается вынужденъ ограничиться чисто-субъективными, лирическими изліяніями накипѣвшей въ немъ боли и желчи, облекаемыми имъ то въ памфлетныя, то въ драматическія формы. Около того-же времени, Хосе Мегонеро Романосъ, подъ псевдонимомъ „Curioso Parlante“ (любопытнаго болтуна), наблюдаетъ будничную мадридскую жизнь не безъ мѣткаго остроумія и воспроизводитъ ее въ цѣломъ рядѣ очерковъ, которые и теперь еще читаются не безъ интереса. Его бѣглые портреты столичнаго чиновничества высшихъ и низшихъ сферъ, политическихъ и биржевыхъ шарлатановъ и т. п., часто очень поверхностны, нравятся, однакожь, своею правдивостью, и для насъ вполне понятно, что они должны были привлечь на своего злополучнаго автора злобу тѣхъ, которые изъ самосохраненія не могутъ допустить, чтобы ихъ изучали и наблюдали. Но изучаемыя Месонеро Романосомъ сферы слишкомъ мелки, его внутреннее творчество слишкомъ слабосильно для того, чтобы переплавить нѣсколько подхваченныхъ имъ то тамъ, то самъ крупицъ въ дѣйствительно цѣнный слитокъ.

Вообще говоря, испанская новѣйшая беллетристика отстала даже отъ мѣстной стихотворной литературы по силѣ и достоинству упражняющихся въ ней дарованій. Какъ и романтическая поэзія, она порвала связь съ отжившими преданіями и черпаетъ свои мотивы и формы изъ за-пиринейской, преимущественно французской, литературы; но только она не научилась еще даже осмотнительно выбирать образцы для своихъ подражаній. Т. Фернадесь-и-Гонзалесь цѣликомъ переноситъ на испанскую почву все, что на нашъ взглядъ оказывается наименѣ интереснаго и поучительнаго въ романахъ Дюма; болѣе юные Эскричъ, Номбела, Аларконъ вполне заслуживаютъ прозвища испанскихъ Поль Февалей. Женщины, объ умственномъ развитіи которыхъ ходятъ по сю сторону Пириней столь нелестныя для нихъ слухи, выказываютъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ дѣлѣ большую эстетическую чуткость. Такъ, напримѣръ, дѣвица Гертрудасъ де-Авельянада первая отделинулась здѣсь на тотъ мотивъ, который Жоржъ Зандъ на долгое время счумѣла сдѣлать преобладающимъ въ другихъ европейскихъ литературахъ. Ея *Дѣтъ жены*, *Сомнамбула*, *Эспитолинъ* и пр. представляются довольно не бездарными сколками съ *Индіаны*, *Лукреціи Флоріани* и т. п. Впрочемъ, эта пылкая писательница скоро ударилась въ мистицизмъ, удалилась въ монастырь, но не ужилась и тамъ, и къ концу своихъ дней вернулась снова къ литературнымъ грѣхамъ и оказала испанской литературѣ довольно существенную услугу тѣмъ, что своимъ примѣромъ она, такъ-сказать, приобщила къ литературному движенію обитательницъ великосвѣтскихъ салоновъ. Примѣръ ея не остался безъ подражательницъ, и вскорѣ Сесилія Боль-де-Фаберь, дочь поселившася въ Андалузіи нѣмецкаго негодіанта, устремилась смѣло и рѣшительно по ея слѣдамъ, но принесла съ собою на это поприще гораздо болѣе большой запасъ творческихъ силъ и наблюдательности. Подъ псевдонимомъ Фернанъ Кавальеро (Caballero) она скоро приобрѣла себѣ громкую извѣстность и была приглашена воспитательницею къ нынѣшнему испанскому королю. Большая часть ея произведеній переведена на всѣ иностранныя языки, и нѣкоторыя изъ ея романовъ — „Элія“, „Гавіота“, „Семейство Альвареза“ и пр., въ особенности-же ея лебединая пѣснь: „Фарисейка“ — принадлежать къ числу лучшихъ произведеній жоржъ-зандовской школы на какихъ-бы то ни было языкахъ. Къ сожа-

лѣнью, самая эта школа и присущая ей субъективная манера изображенія, даже непосредственно заимствованныхъ изъ дѣйствительности подробностей, окрашиваетъ все какимъ-то противостественнымъ свѣтомъ. Въ испанской-же писательницѣ этотъ, такъ-сказать, родовой порокъ приправляется еще свойственнымъ лично ей сахарнымъ мистицизмомъ такъ-называемаго неокатолическаго оттѣнка. Страстная поклонница андалузской природы и сельской простоты нравовъ, Фернанъ Кавальеро, рядомъ съ своими салонными романами, оставила потомству цѣлый рядъ „Андалузскихъ разсказовъ“ въ томъ приторно-условномъ духѣ, въ которомъ такъ нещадно обличали нашихъ псевдо-натуралистовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Розыскывая въ андалузскихъ крестьянахъ и крестьянкахъ представителей того идеальнаго *homme de la nature*, передъ которымъ преклоняются авторы всѣхъ школъ, прямо или косвенно порожденныхъ сентиментальною философіею Жанъ-Жака Руссо, почтенная авторша не сдѣлала, отъ совершеннаго незнакомства съ этою низменною средою, замѣтить и пересказать своимъ читателямъ ихъ реальныхъ нуждъ и тѣхъ вопіющихъ несправедливостей, которыя творились надъ ними ея высокопоставленными покровителями. Историческою заслугою Фернанъ Кавальеро остается, однакожь, то, что она открыла для испанскихъ белетристовъ это золотое дно увлекательныхъ и полезныхъ литературныхъ изслѣдованій.

На совершенно противоположномъ концѣ полуострова и въ крайне отличной отъ салонной столичной жизни общественной средѣ Антоніо Труэба, школьный учитель въ бѣдной испанской деревнѣ, съ дѣтства наклонный къ стихотворству и написавшій даже цѣлый томикъ посредственныхъ стиховъ, достигнувъ зрѣлости, рѣшилъ посвятить себя исключительно народной литературѣ, избравъ своею спеціальностью быть кастильскихъ и бискайскихъ крестьянъ. Плодомъ этой его рѣшимости были два тома „сельскихъ разсказовъ“ (*cuentos campesiones*) и „разсказовъ въ розовомъ цвѣтѣ“ (*cuentos color di rosa*), высоко-чтимыхъ мѣстными критиками и цѣнителями. Можетъ показаться страннымъ, что для приведенія въ исполненіе этого своего плана, Труэба прежде всего счелъ нужнымъ запастись синеккурою въ мадридской чиновничьей средѣ и переселиться въ столицу подъ высокое покровительство Фернанъ Кавальеро. Этимъ и объясняется „розо-

ВЫЙ ЦВѢТЬ“, выбранный имъ, какъ тенденція „*sine qua non*“ его разсказовъ. Ради этой тенденціи, Труэба безпощадно ломаетъ и гнетъ ту прозаическую дѣйствительность, съ которою онъ не можетъ не быть знакомымъ уже потому, что онъ провелъ въ ней свое дѣтство и первую молодость. Единственное его достоинство заключается въ дѣтски-наивномъ юморѣ и въ крайне своеобразномъ, но все-же изящномъ языкѣ, воспроизводящемъ живописность, но не неправильность крестьянской рѣчи. Но это достоинство съ лихвою искупается систематически недобросовѣстнымъ его отношеніемъ къ своему предмету и тою глупо-первобытною моралью, которая заключается въ ежечасномъ сопоставленіи трудолюбиваго Пеле, олицетворяющаго въ себѣ всѣ неизбѣжныя пейзажскія добродѣтели съ злодѣемъ Хуаномъ, который „бьетъ жену и дѣтей, напивается, дурно обращается съ животными, не покоряется властямъ...“ — короче, „ведетъ себя, какъ *my bestia* у *my bishop* (большая скотина и мерзавецъ)“, говоря языкомъ самого автора. Само собою разумѣется, что добродѣтели перваго безпардонно вознаграждаются, а пороки послѣдняго безотлагательно бичуются на цѣлыхъ пятидесяти или шестидесяти листахъ обоихъ его сборниковъ.

На смѣну этимъ отжившимъ теперь, но еще прославившимъ белетристамъ, медленно выступаетъ позднѣйшее и болѣе зрѣлое по волѣнію; однакожь, оно еще все въ будущемъ. Но въ Испаніи рѣшительно не везетъ скромнымъ и свободнымъ труженикамъ мысли. Недавно сошелъ въ преждевременную могилу Густавъ-Адольфъ Бекеръ, въ очень молодыхъ лѣтахъ обратившій на себя вниманіе своими фантастическими разсказами, потомъ предпринявшій длинный рядъ пѣшеходныхъ прогулокъ по Испаніи съ цѣлью изучить ее въ разныхъ направленіяхъ и собрать матеріалъ для бытописательной литературной дѣятельности. Его путевыя замѣтки и письма, изданныя въ неразработанномъ видѣ, свидѣтельствуютъ о недюжинномъ талантѣ и о зрѣломъ пониманіи литературныхъ задачъ.

Статская и военная *Empreomania*, какъ ее называлъ вышепомянутый Месонеръ Романосъ, — т. е. страсть существовать на счетъ государственнаго бюджета, — эта злѣйшая изъ язвъ просвѣщеннаго испанскаго общества, задерживаетъ въ ней развитіе литературы, какъ и всѣхъ другихъ сторонъ общественной самодѣятельности. Хотя еще слабо и медленно, однакожь, въ лит-

ратурѣ и въ обществѣ уже замѣтно формируется нѣкоторый запасъ свѣжихъ силъ. Въ объединеніи ихъ разрозненныхъ стремленій и въ указаніи имъ путей плодотворнѣйшаго ихъ примѣненія будетъ заключаться роль испанской литературной критики, которая сама только-что зародилась въ трудахъ нѣмца Харценбума, съ дѣтства поселившагося въ Мадридѣ, и чистокровнаго кастильянца Амадора де-лосъ-Ріосъ, неокончившаго еще до сихъ поръ своей широко-задуманной *„Критической исторіи испанской литературы“*. Только исключительныя натуры всегда вѣрно и скоро находятъ свой путь и безъ постороннихъ указаній. Въ странѣ-же настолько отсталой и измученной, какъ современная Испанія, непозволительно пренебрегать и заурядными честными тружениками.

Н. Васардинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Очерки Цейлона и Индіи, И. П. Минаева. Изъ путешествія замѣтокъ русскаго. Въ 2-хъ частяхъ. Спб., 1878.

Авторъ разбираемой нами книги убѣжденъ, что „въ Россіи всестороннее (!) изученіе древней и новой Индіи есть одна изъ настоятельныхъ необходимостей“. Въ чемъ тутъ усматриваетъ г. Минаевъ *настоятельную необходимость*—онъ не объясняетъ, а читателю, неувлеченному воинственной похотью къ Индійскимъ владѣніямъ Англіи, догадаться самому очень трудно. Но, исходя изъ этого страннаго взгляда на *необходимости* Россіи, г. Минаевъ съ удивительной подробностью и любовью посвящаетъ почти весь первый томъ описанію мусорныхъ кучъ, которыя ему пришлось видѣть на Цейлонѣ и въ Индіи. Можетъ быть, этотъ мусоръ и интересенъ, и описаніе его представляетъ дѣйствительную научную заслугу Очерковъ—мы охотно готовы вѣрить этому, но въ такомъ случаѣ автору слѣдовало-бы объяснить читателю, *почему* именно все это интересно. Безъ этого объясненія русскій читатель можетъ усумниться въ необходимости „всесторонне“ изучать древнюю Индію и заочетъ, пожалуй, изучать то, что у него дѣлается подъ-носомъ. И читатель будетъ правъ. Прогудировавъ оба тома г. Минаева, онъ не найдетъ въ нихъ даже намека на то, чтобы русскому чело-вѣку почему-нибудь было необходимо предпочтительно передъ другими національностями изучать санскритъ и изслѣдовать „всесторонне“ развалины индійскихъ капищъ. Какъ образованному и любознательному чело-вѣку, читателю, разумѣется, можетъ быть интересно узнать кое-что новаго о такой оригинальной странѣ какъ Индія; но причемъ-же тутъ настоятельная-то необходимость Россіи? Г. Минаевъ, правда, намекаетъ что-то на завоевательныя стремленія Россіи въ Азіи и кого-то предостерегаетъ, но это

такъ, больше по недоразумѣнію, чѣмъ сознательно. Авторъ, очевидно, начитался англійскихъ и даже индускихъ газетъ, по мнѣнію которыхъ Россія и спитъ и видитъ только оторванные куски отъ Афганистановъ, Белуджистановъ и пр., и пр. Еслибы г. Минаевъ смотрѣлъ на настоятельныя нужды Россіи не сквозь синіе филистерскіе очки, то онъ видѣлъ-бы ясно, что эти завоевательныя поползновенія — чистѣйшая иллюзія, созданная псевдо-патріотическимъ бахвальствомъ. Думаетъ-ли, напр., русскій мужикъ о завоеваніяхъ гдѣ-бы то ни было, и готовъ-ли онъ жертвовать на это хоть мѣднымъ грошемъ? Разумѣется, нѣтъ. Ему приходится немало думать о завоеваніи насущнаго куска хлѣба... „Но общество...“ Позвольте. Для кого-же секретъ, что нашему обществу ровно никакого дѣла нѣтъ до Индіи, плевать ему на нее, равно какъ и на все то, что выходитъ изъ узкихъ рамокъ индивидуальной или семейной его жизни? Зачѣмъ ему Индія, когда индійскія шали можно покупать въ Гостиномъ дворѣ... Можетъ быть, впрочемъ, авторъ имѣетъ въ виду намѣренія русской дипломатіи; въ такомъ случаѣ наше дѣло — сторона, ибо объ этихъ намѣреніяхъ мы ничего не знаемъ, такъ-же, какъ, вѣроятно, и самъ г. Минаевъ; но если онъ и посвященъ въ эти тайны, то, значить, навѣрно выразилъ свою мысль неточно, употребивъ цѣлое вмѣсто микроскопической части...

Мы говоримъ все это для того, чтобы установить болѣе правильный взглядъ на книгу разбираемаго нами автора: въ ней, можетъ быть, много интереснаго, и дѣйствительно есть, — какъ мы это сейчасъ покажемъ, — но чего-либо „настоятельно-необходимаго“ для Россіи — нѣтъ и быть не можетъ.

Что касается самой книги г. Минаева, то, какъ мы уже сказали, первый томъ слишкомъ много занимается мусоромъ, и за исключеніемъ VI главы, гдѣ приведены интересныя подробности мало-изслѣдованнаго племени веддаховъ, да еще кромѣ свѣденій о Непалѣ, все остальное чрезвычайно сухо и ни для кого неинтересно. За то недостатки перваго тома вознаграждаются интересомъ второго, гдѣ авторъ трактуетъ довольно подробно объ отношеніи англичанъ къ туземцамъ, объ англійскихъ законахъ въ Индіи, о молодой Индіи и проч. О поземельныхъ отношеніяхъ авторъ, къ сожалѣнію, говоритъ очень мало, признавая себя некомпетентнымъ въ этомъ вопросѣ. О просвѣтительной миссіи англичанъ среди поклонниковъ Кришну говорилось очень много, и въ эту миссію многіе склонны вѣрить. Даже г. Минаевъ, видѣвшій на мѣстѣ просвѣтительную дѣятельность сыновъ Альбіона, такъ проникнуть этой вѣрой, что, сообщивши многое множество фактовъ отрицательнаго характера, онъ какъ-будто самъ вдругъ начинаетъ

стыдиться, что англичане выходятъ въ такомъ некрасивомъ свѣтѣ, и старается голословно увѣрить читателя, что, „несмотря на это, англичане все-таки“ сдѣлали много добра туземцамъ. Какого рода это добро, трудно отгадать послѣ того, какъ самъ авторъ утверждаетъ, что „цивилизациа, принесенная англичанами, *нидѣ не пустила глубокихъ корней* въ индѣйскомъ обществѣ“ (т. II, стр. 185). и что, какъ-только англичане оставятъ Индѣю, „страна опять впадетъ въ ту-же анархію, въ какой застали ее европейцы въ XVIII столѣтіи“. Изъ того, что сообщаетъ г. Минаевъ, видно только, что англичане смотрятъ на Индѣю исключительно, какъ на дойную корову, изъ которой слѣдуетъ выжимать все, что возможно; а чтобы она какъ-нибудь не заупрямилась, — наготовѣ имѣются прекрасныя пушки и ружья да около 200,000 войска. Для отвода глазъ разнымъ наивнымъ людямъ, индусамъ настроили тюремъ и желѣзныхъ дорогъ, посажали неподкупныхъ, но и непонимавшихъ мѣстнаго языка судей; однимъ словомъ, оцивилизовали Индѣю вполне. Но рядомъ съ этой отеческой заботливостью свободнѣе уживаются самыя возмутительныя факты. На туземца, какими-бы личными качествами онъ ни обладалъ, здѣсь смотрятъ, какъ на паря. Одинъ очень умный и ученый сингалезецъ отзывался г. Минаеву объ англичанахъ въ слѣдующихъ словахъ: „каждый изъ нихъ гордъ и презираетъ насъ потому только, что мы *black-nigger's* (черные). На аукціонѣ казенныхъ земель всякій солдатъ, *рабочій* бѣлой кожи сидитъ, а мы, которые вѣдь *gentry* этой страны, мы должны стоять и не смѣемъ сѣсть. Они намъ руки не подають, а если кто и подаетъ, такъ тутъ-же передъ глазами вынетъ платокъ и оботретъ ее!“ (Т. I, стр. 150.) И г. Минаевъ подтверждаетъ, что это правда. Впрочемъ, все это не ново и давно уже всѣмъ извѣстно. Для насъ интереснѣе здѣсь другой вопросъ. Отношеніе англичанъ къ индусамъ можетъ служить прекрасной иллюстраціей къ тому ходячему мнѣнію, что всякія цивилизаторскія миссіи сопровождаются только тогда хорошими результатами, когда *цивилизуемый* можетъ самъ выбирать себѣ культурныя сласти изъ цивилизаторской бонбоньерки, но отнюдь не тогда, когда ему силой набиваютъ ими ротъ; такъ и стошнить можетъ, пожалуй, отъ цивилизаціи. Какъ ни просто такое разсужденіе, но англичане не знали, или не обратили на него вниманія, когда дѣло шло объ устройствѣ поземельныхъ отношеній въ Индѣи; а отъ такого невниманія десятки миліоновъ людей сдѣлались и рабами, и нищими. Дѣло вотъ въ чемъ. До завоеванія Индѣи англичанами въ Бенгаліи, вслѣдствіе какихъ-то причинъ, общинное владѣніе землею успѣло уже пасть. Земля, по понятію народа, принадлежала царю и пользоваться ею могъ всякій.

кто срубилъ лѣсъ, вспахалъ и засѣялъ данный участокъ. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы тогда существовала поземельная аристократія; но ее замѣняли „земиндары“, т. е. сборщики податей. Нѣтъ сомнѣній, что обхождение земиндара съ райей было далеко неотеческое. Этому способствовало деспотическое правленіе въ странѣ; но г. Минаевъ совершенно правъ, думая, что „при правительствахъ, болѣе или менѣе патріархальныхъ, тяжелый гнетъ властелина надъ подвластнымъ, самоуправство перваго по отношенію къ послѣднему, всегда смягчаются взаимной привязанностью, существующей между обѣими сторонами, разобщенными по общественному положенію, но близкими другъ къ другу по цѣлому своему міросозерпанію“. Вотъ почему авторъ думаетъ, что въ тѣ отдаленныя времена (до XII ст.) положеніе райи было легче теперешняго (т. II, стр. 94). Въ послѣдующій періодъ (отъ XII—XVI в.) монголы завоевали Бенгалію и дѣлали попытки не только ограничить произволь земиндаровъ, но и совсѣмъ устранить ихъ, какъ посредниковъ при сборѣ правительственнаго поземельнаго дохода, и собирать этотъ доходъ непосредственно съ райевъ. Тодоръ-Маль, министръ финансовъ при императорѣ Акбарѣ, ввелъ въ этомъ отношеніи очень либеральные порядки. При немъ, и даже послѣ него, правительственные чиновники вели списки урожаемъ, рентамъ и всему, собираемому съ райи. Такимъ образомъ, само государство защищало райю отъ произвола сборщика податей. Но былъ и другой мотивъ, воздерживавшій земиндара отъ самоуправления. Если земиндаръ черезчуръ усердствовалъ въ пользу своего кармана, жители разбѣгались въ лѣсъ, деревни пустѣли, и земиндару приходилось отвѣчать передъ правительствомъ собственнымъ достояніемъ или собственной шкуркой. Въ такомъ положеніи было дѣло до половины XVIII столѣтія, когда сборъ доходовъ съ Бенгаліи перешелъ въ руки ост-индской компаніи. Сначала это дѣло довѣрили туземнымъ колекторамъ; но вскорѣ выяснилось, что такая система невыгодна для компаніи, — тогда назначены были надъ сборщиками надсмотрщики. Эти надсмотрщики-англичане были немногочисленны и люди новые въ странѣ, незнакомые ни съ характеромъ народа, ни съ его обычаями. Сборщики, конечно, это понимали и стали ихъ обманывать. Когда англичане смекнули, что кое-что попадаетъ не въ ихъ карманъ, они измѣнили систему. Не зная страны, они стали сами оцѣнять земли и оцѣнивали ихъ очень высоко. Земиндары отказывались платить; тогда со стороны англичанъ послѣдовали строгости и даже жестокости. Земиндары, невыплатившіе налога, отсылались въ Калькуту, заключались въ тюрьмы; ихъ земиндарства продавались съ аукціона и переходили въ руки людей новыхъ, несвязанныхъ никакими преданіями, ни-

какой привязанностью съ помѣстьями. Райѣ отъ этого жилось не лучше. Новый земиндаръ шадиль его меньше прежняго, уже въ силу одного желанія избѣжать участи своего предшественника. Можно себѣ представить, что изъ всего этого выходило. Такой порядокъ долго продолжаться не могъ. И, дѣйствительно, англичане задумались надъ вопросомъ: какимъ образомъ можно поправить финансовое положеніе страны, увеличить доходы компаніи и улучшить въ то-же время быть земледѣльческихъ классовъ?

Во главѣ англійскаго правительства въ Индіи былъ въ то время лордъ Корнвалисъ. Человѣкъ онъ былъ великодушный, мягкосердечный и—по словамъ Минаева—сильно и искренно возмущался, когда ему описывали положеніе бенгальской райи. Но когда этотъ добрый человѣкъ взялся помочь райѣ, онъ кончилъ тѣмъ, что затанулъ на немъ мертвую петлю. „Едва-ли найдется на страницахъ исторіи Индіи, рассказываетъ намъ авторъ, — много прѣмѣровъ такой крупной, вопіющей несправедливости, подобной содѣянной человѣкомъ благонамѣреннымъ и гуманнымъ, но предубѣжденнымъ и незнакомымъ съ условіями той среды, въ которой онъ призванъ былъ дѣйствовать; и зло... не уничтожено до сихъ поръ. До настоящаго времени англичанамъ приходится бороться съ неправдой, созданной законоположеніемъ 1793 года“. (стр. 101.) Неправда-же эта состояла вотъ въ чемъ: все земледѣльческое населеніе страны было экспроприровано, совершенно лишено земли, а на его мѣсто изъ сборщиковъ податей созданы были крупные землевладѣльцы, мѣстные лорды; при этомъ выражалось наивное убѣжденіе, „что вѣковые притѣснители земледѣльца, ставъ еще сильнѣе и безнаказаннѣе, перестанутъ угнетать райю, оказавшагося еще безпомощнѣе, чѣмъ прежде“ (стр. 101). Разъ создавши, хотя и совершенно искусственно, аристократію, ее приходилось поддерживать. И, дѣйствительно, непосредственно послѣ этого грабежа всѣ узаконенія имѣли въ виду „не столько защитить земледѣльца отъ притѣсненія земиндара, сколько поддерживать послѣдняго. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени стало выясняться тяжелое положеніе земледѣльца, и правительство вынуждено было рядомъ законодательныхъ мѣръ защитить его отъ страшнаго произвола земиндаровъ, — произвола, который оно-же само и создало. Въ 1859 году правительство вновь заявило желаніе улучшить положеніе райи, дать ему независимость, опредѣлить его права и ограничить права земиндаровъ. Г. Минаевъ думаетъ, что этимъ законоположеніемъ „впервые создавались и ясно опредѣлялись взаимныя права и обязанности земиндара и райи“. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что эта ясность существуетъ только въ фантазіи г. Минаева. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлало правитель-

во? Оно признало три разряда земледѣльцевъ: 1) райи, занимающей одни и тѣ-же участки земли со времени законоположенія 793 года; 2) райи, занимающей одни и тѣ-же участки земли продолженіи 12 лѣтъ и болѣе, и 3) райи, занимавшей участки земли въ продолженіи болѣе короткаго времени. По новому законоположенію плата за участки земледѣльца 1-го разряда не можетъ быть увеличена; плата за участки 2-го разряда можетъ быть увеличена на слѣдующихъ основаніяхъ: а) если будетъ доказано, что плата эта ниже существующихъ цѣнъ; б) если производительность земли увеличилась помимо усилій райи; с) если будетъ выяснено, что райя пользуется участкомъ больше того, за который платитъ. Третій-же классъ, „самый многочисленный“, оставался въ полной зависимости отъ земиндаровъ. Относительно ихъ земиндаръ не былъ ограниченъ новымъ законоположеніемъ. Онъ могъ по-прежнему запрашивать за землю все, что ему угодно, изгонять райевъ съ участковъ по своему произволу. „Чрезвычайно нетрудно видѣть, что этотъ законъ не только никакой ясности не вноситъ, но еще прежнія запутываетъ. Въ такой полудикой странѣ, какъ Индія, гдѣ никакихъ книгъ не ведется, гдѣ помѣстья втеченіи 70 лѣтъ могли нѣсколько разъ переходить изъ рукъ одного владѣтеля къ другому, чрезвычайно трудно добиться, когда земледѣлецъ поселился на данномъ участкѣ. Но еслибы земледѣлецъ и зналъ это, то при своемъ отчаянномъ невѣжествѣ, при отсутствіи писанныхъ документовъ, какъ доказать ему это? Возникали безконечныя тяжбы, разорительныя для земледѣльца и въ большинствѣ случаевъ оканчивавшіяся въ пользу землевладѣльца. Самъ г. Минаевъ рассказываетъ объ англійскихъ судахъ въ Индіи, что, вслѣдствіе незнанія языка и необходимости обращаться къ посредству переводчиковъ изъ туземцевъ, самые добросовѣстные судьи дѣлаютъ невольно несправедливости. Стало-быть, и въ судахъ болѣе богатый всегда выходитъ правымъ. и, стало-быть, для райи 1-го разряда этотъ хваленый законъ—мертвая буква. Относительно райи 2-го разряда самъ авторъ соглашается, что „одно изъ условій повышенія платы за участокъ изложено въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что можетъ всегда подавать поводъ къ распрямъ между заинтересованными сторонами. Доказать, что производительность земли возвысилась помимо старай райи или насчетъ затратъ его капитала—очень легко“ (стр. 106). Это совершенно вѣрно; но не менѣе вѣрно и то, что эта неопредѣленность относится ко всему закону, и ее всегда можно обойти: напримѣръ, какъ доказать, что „плата ниже существующихъ цѣнъ“? Цѣны на земли устанавливаются самими землевладѣльцами, и нѣсколько земиндаровъ въ данномъ округѣ имѣютъ полную возможность возвышать цѣны, сколько имъ будетъ угодно,

а райѣ придется платить. Это онъ сдѣлаетъ тѣмъ скорѣе, что какъ мы видѣли выше, англійскіе суды не на его сторонѣ. Странно, что въ виду всего этого г. Минаевъ, излагая этотъ юмористическій законъ, объясняетъ читателю, что онъ „не вполне разрѣшаетъ всѣ трудности“... Надо быть ужь очень наивнымъ оптимистомъ, чтобы сомнѣваться, что этотъ законъ не стоитъ и бумаги, на которой онъ написанъ. Очень понятно, если имъ остаются недовольны и райи, и земиндары.

Положеніе райи самое бѣдственное. Большая часть ея въ долгу или у мѣстныхъ деревенскихъ банкировъ-махажановъ, или у своихъ-же земиндаровъ. Райя платитъ тому или другому отъ 37½ до 50%. Долги дѣлаются частью для покупки скота и земледѣльческихъ орудій, или райя разоряется судебными издержками и затратами на свадьбы, которыя въ Индіи для самаго бѣднѣйшаго класса довольно разорительны. Живетъ райя въ глиняной мазанкѣ, выстроенной на скорую руку, питается двумя-тремя пригоршнями злаковъ; она разута и раздѣта и, по мнѣнію г. Минаева, доволна...

Такимъ образомъ, въ поземельномъ вопросѣ цивилизаторскія реформы англичанъ въ Индіи имѣли въ результатѣ обращеніе въ нищихъ многомиліонное населеніе. Исторія другихъ реформъ не менѣе поучительна по своей крайней близорукости и эксплуатаціи рабочаго населенія. Возьмемъ, на примѣръ, подоходный налогъ. Въ первый разъ онъ былъ введенъ въ 1860 году, но уже въ первыя пять лѣтъ былъ пониженъ съ 4% до 2-хъ. Затѣмъ до 1872 года онъ два раза уничтожался и вновь вводился, пока въ 1872 году не былъ уничтоженъ окончательно.

Очевидно, англичане сами не знали, что дѣлали. Это, впрочемъ, общая участь хищническихъ завоеваній. Европейцы, пущающиеся на поиски странъ, которыя они якобы хотѣли цивилизовать, даже, въ наиболѣе благопріятномъ случаѣ, не хотѣли звать индивидуальныхъ особенностей того народа, которому приносили цивилизацію, не спрашивалось, хочеть-ли онъ тѣхъ благъ, которыя ему приподносились,—ихъ навязывали силой. Неудивительно, что нецивилизованный народъ получалъ отвращеніе не только въ дурнымъ сторонамъ цивилизаціи, но и къ самымъ здоровымъ.

Неудивительно также, что и „общественная организація, созданная и поддерживаемая англичанами, принесенная ими цивилизація нигдѣ не пустила глубокихъ корней въ индійскомъ обществѣ“ (185). Масса народа, несмотря на всѣ усилія западныхъ цивилизаторовъ, осталась въ Индіи такою, какою была до ихъ прішествія. „Грубое суевѣріе и общественная неправда въ видѣ бастъ вполне господствуютъ“, говоритъ г. Минаевъ.

Въ столкновеніи индусовъ съ англичанами есть, впрочемъ, одна хорошая сторона. Англичане, хотя и съ корыстными видами, но позаботились о распространеніи образованія между индусами. Въ 1872 и 73 годахъ число всѣхъ элементарныхъ школъ въ британской Индіи было 30,477, а число учащихся 963,000. Съ тѣхъ поръ число какъ тѣхъ, такъ и другихъ возрасло. Въ нѣкоторыхъ независимыхъ владѣніяхъ заводятся также элементарныя школы по образцу существующихъ въ британской Индіи (193). Элементарныя школы, главнымъ образомъ, назначены для сельскаго населенія; для городского устроены среднія школы. Въ 1872—73 гг. такихъ школъ было 2,506, съ 144,538 учащимися. Затѣмъ, есть еще высшія школы, приготовляющія къ вступительному экзамену въ университетъ. Есть педагогическія семинаріи, которыхъ въ одной Бенгаліи было въ 72 и 73 гг.—28, съ 1,319 учащимися. Высшее образованіе доставляютъ университетскія коллегіи, которыхъ насчитывается до 75. На всѣ эти заведенія въ названные годы затрачено было 758,337 ф. стерл. (196). Непосредственнымъ результатомъ образованія явилась новая литература. Въ 1874—75 гг. въ Индіи насчитывалось періодическихъ изданій 382 на мѣстныхъ языкахъ и 166 на англійскомъ. Это число было-бы, вѣроятно, больше, еслибы свободолюбивые у себя дома англичане не устроили въ Индіи цензуру, которая держитъ туземную литературу подъ самой строгой опекой. А, между тѣмъ, наиболѣе образованные изъ туземцевъ начинаютъ подумывать о томъ, чтобъ отдѣлаться отъ своихъ непрошенныхъ благодѣтелей, и мечтаютъ о самоуправленіи (190). Признаки критики начинаютъ проявляться и въ отношеніи туземцевъ къ своей идолопоклоннической религіи, и страницы, на которыхъ г. Минаевъ излагаетъ пробужденіе этой молодой критической мысли, самыя интересныя въ его книгѣ.

Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ воспитанія. С. Н. Кривенко. Спб. 1879 г.

Спенсеръ, говоря о воспитаніи англичанъ, не совсѣмъ лестно отзываясь о своихъ соотечественникахъ; онъ утверждаетъ, что они больше интересуются откармливаніемъ своихъ свиней, чѣмъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Онъ говоритъ правду. Но что-бы онъ сказалъ о нашемъ воспитаніи, еслибы зналъ, какъ оно ведется у насъ? Нѣтъ сомнѣній, что въ этомъ отношеніи мы ушли гораздо дальше англичанъ.. мы и свиней выкармливаемъ плохо, и дѣтей воспитываемъ дурно.

Спенсеръ особенно рѣзко относится къ двумъ недостаткамъ современнаго воспитанія въ Англии: во-первыхъ, оно набиваетъ голы дѣтей совершенно ненужнымъ хламомъ, неимѣющимъ никакого примѣненія ни къ развитію мысли, ни къ жизни. Съ этимъ хламомъ юноша вступаетъ въ дѣйствительную жизнь, и если рутиня не засасываетъ его, то онъ старается какъ можно скорѣе освободиться отъ него; во-вторыхъ, современное воспитаніе имѣетъ ввиду не развитіе лучшихъ сторонъ человѣческой природы, а служить орудіемъ постороннихъ цѣлей, отвѣчаетъ на запросы, неимѣющіе ничего общаго съ рациональнымъ воспитаніемъ; въ этомъ отношеніи оно дѣйствуетъ съ чисто-иезуитской утонченностью. Въ Германіи, наприм., оно служитъ солдатчинѣ, и школьная дисциплина основана только на томъ, чтобы выработать будущаго автомата, который-бы былъ пассивнымъ органомъ политической системы Бисмарка. Это воспитаніе уже принесло свои плоды, и въ будущемъ принесетъ ихъ еще больше... Во Франціи, какъ ни борется республика противъ клерикальнаго вліянія, воспитаніе всецѣло находится въ рукахъ католическаго обскурантизма, и система отпленія возведена въ идеалъ совершенства. Она тоже дала свой сочный плодъ и въ престушеніи декабрской западни, и въ поклости героевъ Седана.

Когда появилась книга Спенсера „Воспитаніе умственное, нравственное и физическое“ въ русскомъ переводѣ, мы отнеслись къ ней съ полнымъ сочувствіемъ и рекомендовали ее вниманію нашихъ читателей. Теперь мы встрѣчаемся съ компилятивнымъ трудомъ г. Кривенко: „Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ воспитанія“, который авторъ считаетъ какъ-бы дополненіемъ къ книгѣ Спенсера. Цѣль, которою задался г. Кривенко, состоитъ, по его словамъ, въ томъ, чтобы доказать: 1) что физическій трудъ есть не только лучшее средство для развитія физическихъ силъ подрастающихъ поколѣній, но и необходимое условіе правильнаго духовнаго развитія и умственной дѣятельности; 2) что, приучая подрастающія поколѣнія къ физическому труду, мы можемъ ожидать въ высшей степени полезныхъ интеллектуальныхъ, нравственныхъ и экономическихъ послѣдствій; а отсюда само-собою слѣдуетъ: 3) что физическій трудъ долженъ занять въ програмѣ каждой школы если не первое, то одинаковое мѣсто съ главными предметами образованія.

Даже тѣ, кто интересуется больше откармливаніемъ свиней чѣмъ воспитаніемъ дѣтей, едва-ли стануть спорить, что первоначальное воспитаніе и школа имѣютъ для будущности подрастающихъ поколѣній громадное значеніе. Слабость или развитость органическаго строенія человѣка, его интеллектуальныя способно-

сти, характеръ, нравственныя правила гораздо менѣе зависятъ отъ наслѣдственности, чѣмъ отъ окружающей его обстановки, отъ тѣхъ условій, въ которыя поставленъ человѣкъ отъ колыбели и до полного своего развитія. Нѣтъ сомнѣній, что всякій отецъ и всякая мать желаютъ счастья своему ребенку; но отъ желанія до умѣнья сдѣлать его счастливымъ—далеко. Родители, конечно, желаютъ видѣть въ своемъ дѣтищѣ идеаль нравственного и умственного совершенства; они готовы нерѣдко всѣмъ жертвовать для осуществленія этого идеала,—и что-же часто оказывается въ результатѣ? Милое дѣтище выходитъ какимъ-то правственнымъ и умственнымъ недоноскомъ. Вѣроятно, и Познанскіе, такъ недавно еще фигурировавшіе въ процесѣ Жюжанъ, ничего другого не желали своему сыну, кромѣ добра и счастья, а, между тѣмъ, приготовили ему раннюю могилу. Но вѣдь это только капля изъ того моря житейской обстановки, подъ вліяніемъ которой прозябаетъ наше юношество. Мы часто задумываемся надъ вопросомъ: какая роковая сила обезцвѣчиваетъ и обезсмысливаетъ его? Почему оно хило и блѣдно? Почему у него такая впалая грудь, сутуловатость, почему оно низко ростомъ и неразвито мускульно, почему, вмѣсто отроческой живости, фигура его поражаетъ старческой вялостью и уныніемъ? Отвѣта на эти вопросы надо искать въ организаціи самой школы. Что она даетъ нашимъ дѣтямъ? Къ чему она готовитъ ихъ? И кто эти педагоги, которымъ ввѣряется лучшая часть общества? Сент-Илеры, перереяженные въ модный костюмъ, тѣ-же Вральманы эпохи Митрофановъ... Но гнетущее умственное состояніе идетъ рука объ руку съ гнетущимъ упадкомъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Въ книгѣ г. Кривенко читатель найдетъ массу статистическихъ выводовъ, сдѣланныхъ заграничными учеными и докторами, о весьма дурномъ вліяніи школы на здоровье. Многіе думаютъ, что подростаящія поколѣнія потому только уродуются физически, что школы въ гигиеническомъ отношеніи плохи и число учебныхъ часовъ слишкомъ велико; г. Кривенко указываетъ намъ еще на очень важную причину дурного физическаго состоянія дѣтей — на недостатокъ физическаго труда. Но почему прежде всего здоровый умъ возможенъ только въ здоровомъ тѣлѣ? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ: „духовная дѣятельность хотя и является непосредственною функціею нервной системы, но она находится во всесторонней и полной зависимости отъ другихъ органовъ, — органовъ чувствъ, дыханія, мускуловъ, главныхъ внутреннихъ органовъ и вообще отъ органовъ растительной жизни. Есть основаніе думать, что даже самыя тонкія особенности нашего ума, характера и проч. находятся въ соотвѣтствіи съ особенностями орга-

новъ растительной жизни, съ ихъ состояніемъ и отправлениями. Человѣческій организмъ хотя и имѣеть болѣе счастливое устройство, чѣмъ машина, въ которой порча какого-нибудь винта оставливаетъ ходъ механизма, тѣмъ не менѣе, относительно солидарности частей, онъ глубоко схожъ съ машиной, и каждое частное поврежденіе отзывается непремѣнно на общей его дѣятельности, внося въ нее дисгармонію. Всѣ органы человѣка должны быть хорошо развиты и должны дѣйствовать нормально, такъ-какъ при такихъ только условіяхъ мозговая дѣятельность можетъ совершаться правильно; недоразвитіе-же, уклоненія и вообще патологическія ихъ состоянія почти всегда влекутъ за собою и нарушеніе правильнаго хода умственной дѣятельности. Профессоръ Бокъ говоритъ, что школьныя болѣзни, поражая самыя важныя органы растительной и животной жизни, какковы: позвоночникъ, легкія, глаза и пр., поражаютъ преимущественно мозгъ, нервную систему и кровь (ея составъ и обращеніе). Изъ нервныхъ болѣзней Бокъ указываетъ: на головную боль, головокруженіе, шумъ въ ушахъ, судорожное состояніе и въ особенности на эпилепсію, пляску святого Витта и меланхолію. Что собственно происходитъ вслѣдствіе порчи позвоночника, легкыхъ, глазъ и другихъ органовъ съ мозгомъ, какія претерпѣваетъ онъ измѣненія,—сказать съ точностью нельзя при настоящихъ нашихъ знаніяхъ: *можетъ быть*, происходитъ молекулярное или химическое перерожденіе мозгового вещества, *можетъ быть*, измѣняется составъ крови, а, *можетъ быть*, и происходятъ въ мозгу наросты, отложенія и утолщенія, аналогичныя съ тѣми, которыя происходятъ въ костяной и мышечной тканяхъ вслѣдствіе внутреннихъ болѣзненныхъ процессовъ. Кромѣ всего этого, подобно тому, какъ люди, обременяемые въ раннемъ возрастѣ непосильною физическою работою, болѣютъ, перестаютъ развиваться и расти, точно также и дѣти, обременяемыя усиленными умственными занятіями, подвержены не только общимъ, но и спеціально-мозговымъ болѣзнямъ, и мозгъ ихъ зачастую перестаетъ расти и остается весьма маленькимъ“.

Уродовъ физическихъ и психическихъ очень много,—*можетъ быть* болѣе, чѣмъ нормальныхъ людей,—поэтому мы привыкли къ уродству и обыкновенно считаемъ его явленіемъ нормальнымъ. Но если мы будемъ только привыкать къ уродамъ и не бороться противъ условій, создающихъ ихъ, то вырожденіе будетъ все болѣе и болѣе усиливаться. Только благодаря нашему невѣжеству, мы не понимаемъ вреда, который наносится дѣтямъ дурнымъ первоначальнымъ воспитаніемъ и плохо организованной школою; если мы не видимъ слишкомъ быстро разрушенія организма дѣтей, то думаемъ по невѣжеству нашему, что все обстоитъ благополучно, хотя

позвоночники дѣтей искривляются, глаза слѣпаются, умъ дряхлѣетъ и т. п. Въ западной Европѣ уже давно вопросъ о здоровьи подростящихъ поколѣній выдвинутъ на первый планъ; тамъ многіе ученые люди работаютъ надъ нимъ; тамъ уже не мало школъ, устроенныхъ согласно требованіямъ гигиены; тамъ во многихъ школахъ количество учебныхъ часовъ ограничено сообразно съ возрастомъ дѣтей. На Западѣ ученые люди требуютъ въ школахъ высокихъ оконъ, столовъ и скамеекъ, основанныхъ на анатомическихъ и физическихъ законахъ, чистаго воздуха и простора для дыхательныхъ органовъ и т. п. Врачи требуютъ ограниченія времени умственныхъ занятій: Гейеръ считаетъ крайне вреднымъ, если дѣти отъ 7 до 9 лѣтъ будутъ заниматься болѣе 2 часовъ въ день, отъ 9 до 12—болѣе 3 часовъ, отъ 12—15 лѣтъ—болѣе 3 часовъ передъ обѣдомъ и 2 послѣ обѣда. У насъ-же девяти, десяти-лѣтній гимназистъ занимается въ день 5—6 часовъ въ классѣ и 3—5 часовъ дома, подготавливаясь къ классамъ.

Но хорошей въ гигиеническомъ отношеніи школы и ограниченія учебныхъ часовъ недостаточно для того, чтобы дѣти развивались физически и психически нормально. Для этого еще нужны физическія упражненія тѣла. Съ этой цѣлью устраиваются при школахъ гимнастика и игры. Спенсеръ говоритъ, что такъ-какъ естественныя, добровольныя тѣлесныя движенія въ школѣ воспрещаются, и дурныя послѣдствія отсутствія движеній стали очевидными, введена система искусственнаго тѣлеснаго упражненія—гимнастика. Мы не думаемъ, чтобы гимнастика могла волюнѣ замѣнить дѣтскія игры. Гимнастика, какъ активная, такъ и пассивная, имѣетъ свои недостатки. Во-первыхъ, формальныя мускульныя движенія неизбѣжно менѣе разнообразны, чѣмъ тѣ, которыя сопровождаютъ дѣтскія игры, не упрочиваютъ равномернаго распредѣленія дѣйствія на всѣ части тѣла; постоянно повторяющееся упражненіе нѣкоторыхъ частей ведетъ за собою непропорціональное развитіе ихъ. Сверхъ того, количество такого рода упражненія будетъ недостаточно не только вслѣдствіе неравнаго распредѣленія, но и вслѣдствіе отсутствія занимательности. Гимнастика, уступая играмъ въ отношеніи количества мускульнаго упражненія, еще болѣе уступаетъ имъ въ отношеніи качества. Сравнительная недостаточность удовольствія отъ гимнастическихъ упражненій есть одна изъ причинъ ничтожнаго дѣйствія ихъ на организмъ. Ошибаются тѣ, кто полагаетъ, что нужна известная степень физической дѣятельности, а пріятно она или нѣтъ, объ этомъ нечего думать. Дѣло въ томъ, что чувство удовольствія есть самое могущественное укрѣпляющее средство. Ускоряя обращеніе крови, оно облегчаетъ выполнение всѣхъ отправленій и, та-

кимъ образомъ, вѣдетъ къ улучшенію здоровья, если оно есть, и къ восстановленію его, если оно утрачено. Вотъ въ чемъ существенное преимущество игры надъ гимнастическими упражненіями.

Г. Кривенко идетъ далѣе; онъ справедливо говоритъ, что нужно предпочитать играмъ физической трудъ, что непедагогично ограничивать всю физическую дѣятельность дѣтей играми, что гораздо полезнѣе и нравственнѣе приучать дѣтей къ физической работѣ, въ которой-бы они находили удовольствіе, какъ и въ играхъ, развиваясь физически, быть можетъ, гораздо лучше, чѣмъ въ играхъ, и, наконецъ, приучались-бы къ работѣ. Конечно, физической трудъ не долженъ совершенно исключать игру: пускай дѣти играютъ сколько имъ угодно въ свободное время; не слѣдуетъ только дѣлать изъ игры спеціальнаго занятія, не слѣдуетъ внушать ребенку ту мысль, что онъ можетъ играть въ то время, когда другіе работаютъ; конечно, какъ въ интеллектуальныхъ, такъ и въ физическихъ занятіяхъ дѣтей должно соблюдать мѣру, такъ какъ наслія мозга и организма всегда влекутъ за собою дурныя послѣдствія.

Взглядъ г. Кривенко на физической трудъ въ воспитаніи вытекаетъ изъ его общаго возрѣнія на раздѣленіе людей на работниковъ, занятыхъ физическимъ трудомъ, и людей, живущихъ трудомъ умственнымъ, которое онъ считаетъ ненормальнымъ. Этотъ общественный дуализмъ, вытекающій изъ общаго соціальнаго антагонизма, на которомъ покоится вся современная жизнь, порождаетъ, съ одной стороны, умственную хилость интеллектуальной дѣятельности, съ другой—какую-то тупую, пассивную вялость мускульнаго труда.

Жизнь Робинзона. Составилъ Н. Блиновъ. Спб. 1879.

При составленіи своей книги, г. Блиновъ имѣлъ въ виду двѣ благихъ цѣли, и, можетъ быть, именно потому ему и не удалось достигъ ни одной изъ нихъ, какъ-бы въ подтвержденіе старой пословицы о томъ, что не слѣдуетъ гоняться разомъ за двумя зайцами. Во-первыхъ, онъ хотѣлъ сообщить своимъ юнымъ читателямъ какъ можно больше интересныхъ свѣденій. Почему онъ стремился сообщить ихъ непременно „поболѣе числомъ“—я не знаю, но только онъ считалъ какъ-будто-бы своимъ священнымъ долгомъ поговорить и объ устройствѣ корабля, и о вышинѣ морскихъ волнъ, и о томъ, что на сѣверо-западъ отъ Сахары находятся

эцъ и Марокко, и о томъ, что жители города Сале такіе отчаянные разбойники, что однажды „взбунтовались противъ своего ароккского императора и не хотѣли признавать надъ собой никакой власти“, о финиковой пальмѣ и о томъ, что въ Лондонѣ жилищей больше, чѣмъ въ любой изъ нашихъ губерній, о Саргоскомъ оръѣ и о томъ, что у арабовъ тѣло бѣлое, черты лица правильныя, а ростъ стройный, о климатѣ Африки и о томъ, что „въ 1638 году московскіе послы поднесли чай въ подарокъ царю Михаилу Федоровичу Романову“. И такъ далѣе, и такъ далѣе... Однакожь, такъ какъ подобныхъ фактовъ на бѣломъ свѣтѣ и въ исторіи человѣчества безконечно много, а книга, какъ-бы она ни была велика, все-таки имѣетъ свои границы, то г. Блинову пришлось до нѣкоторой степени стѣсняться и въ выборѣ сообщаемыхъ имъ свѣденій и, главное, въ количествѣ мѣста, отводимаго каждому изъ нихъ. О земляныхъ голубяхъ, напримѣръ, онъ почти только и говорить, что это птички „небольшія, менѣе четырехъ вершковъ длины, сѣровато-бураго цвѣта, самыя нѣжныя и миролюбивыя изъ всѣхъ голубиныхъ породъ“. О бразильской козулѣ сообщаетъ, что длиною она столько-то, вышиною столько-то, туловище у нея вытянутое, шея стройная, ноги тонкія, шерсть такая-то... Мнѣ жаль и очень жаль, но я все-таки долженъ сказать г. Блинову, что всѣ эти и имъ подобныя свѣденія будутъ безслѣдно забыты его читателями сейчасъ-же, какъ только они закроютъ книгу или даже еще раньше. Прочно и надолго врѣзываются въ нашей памяти только тѣ факты, которые производятъ на насъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, либо сами по-себѣ, своею собственною образностью, либо по своей тѣсной связи съ другимъ явленіемъ, почему-либо поразившимъ и заинтересовавшимъ насъ. Поэтому авторъ „Жизни Робинзона“ совершенно напрасно заботился болѣе о количествѣ фактовъ, чѣмъ объ ихъ болѣе строгомъ выборѣ и качествахъ.

Вторая благая цѣль г. Блинова состояла, ни больше, ни меньше, какъ въ томъ, чтобы, такъ-сказать, освѣтить своимъ юнымъ читателямъ предстоящій имъ жизненный путь и разъяснить, въ чемъ заключается истинное счастье человѣка... Легко сказать—счастье! По мнѣнію г. Блинова и его Робинзона, „степень счастья всякаго человѣка зависитъ отъ мѣры и достоинства труда, который онъ употребилъ на восстановление *справедливыхъ* взаимныхъ отношеній между людьми“. Очень просто!.. Правда, немедленно появляется вопросъ,—что такое эти „справедливыя“ отношенія между людьми? Далѣе, неволью думается, будетъ-ли счастливъ человѣкъ, если онъ потратитъ самыя непомѣрные, самыя достойныя труды на восстановление этой „справедливости“ и все-таки

не возстановить ея? Затѣмъ возникаетъ уже цѣлая безконечная вереница новыхъ вопросовъ, недоразумѣній, сомнѣній, но, мнѣ кажется, что всѣхъ ихъ можно совершенно спокойно оставить въ сторонѣ, потому что въ книгахъ, подобныхъ „Жизни Робинзона“, дѣло вовсе не въ тѣхъ или другихъ формулахъ, производимыхъ авторами, а въ томъ впечатлѣніи, которое оставляютъ ихъ проведенія въ читателяхъ. Формула забудется, но впечатлѣніе останется болѣе или менѣе надолго. Формула можетъ быть неудачна, но впечатлѣніе можетъ быть и глубоко, и прекрасно.

Начало „Жизни Робинзона“ до крайности неудачно, даже и со стороны чисто-вѣшняго интереса. Г. Блинковъ то бросается и собираемъ какъ можно большаго количества вышеупомянутыхъ „полезныхъ свѣденій“, совершенно забывая о своемъ героѣ, то возвращается къ нему на нѣкоторое время, обыкновенно весьма короткое, за недосугомъ, то пускается въ довольно странныя соображенія о счастья. Робинзонъ заводитъ довольно выгодную торговлю съ неграми Гвиней („цвѣтъ кожи черный, курчавые волосы, толстыя губы“, сплшитъ сообщить авторъ) и воображаетъ, что уже проводить зарю своего счастья, но попадаетъ въ плѣнъ, въ рабство къ мавраммъ, вслѣдствіе чего, разумѣется, оказывается въ самой глубинѣ бездны несчастія, испытывая, такимъ образомъ, всю превратность судьбы торговаго человѣка. Убѣжавъ изъ плѣна, онъ заѣзжаетъ прямо въ Бразилію („извѣстна до сихъ поръ по своему изобилію золотомъ и бриліантами“), заводитъ себѣ табачныя плантаціи, расторгивается и, пожалуй, чувствовалъ-бы себя совершенно благополучно, но, къ сожалѣнію, „ему не съ кѣмъ было побесѣдовать по-душѣ“. Должно быть, съ горя объ этомъ, онъ ѣдетъ въ Африку покупать рабовъ для работъ на плантаціяхъ. Однакожь, дорогою его начинаетъ мучить совѣсть,—какъ это онъ, самъ испытавшій рабство, „рѣшился похитить четыреста бѣдныхъ негровъ изъ ихъ жилищъ и семействъ, отнять у родителей дѣтей, разлучить мужей съ женами, увести этихъ людей изъ ихъ родины въ чужую, неизвѣстную имъ землю, подчинить вѣчной неволѣ, подвергнуть непрерывнымъ мученіямъ“.

— „Таеъ гдѣ-же, наконецъ, счастье?“ восклицаетъ онъ, гержаемый этими невеселыми мыслями.

Поднимается буря; корабль разбивается о кораловый рифъ: всѣ другіе пассажиры гибнутъ; Робинзонъ, какъ и подобаетъ всѣмъ истиннымъ Робинсонамъ, попадаетъ, наконецъ, на свой необитаемый островъ, и начинается жизнь, всѣмъ намъ знакомая изъ воспоминаній болѣе или менѣе далекаго дѣтства. Робинзонъ копаетъ землю, рубитъ деревья, сооружаетъ себѣ жилище, приручаетъ всевозможныхъ животныхъ и ѣсть, безпрестанно ѣсть. Поймаетъ

попугая, зарѣжетъ и съѣстъ; найдетъ устриць и опять съѣстъ; увидитъ животныхъ, похожихъ на козъ, и принимается мечтать о молокѣ; убьетъ козулю, сейчасъ-же вырѣжетъ изъ нея кусокъ и съѣстъ. Понемножку и понемножку обзаводится онъ зонтикомъ, табакомъ, маниакомъ, енотами, бананами, осломъ, козами, точиломъ, курочками-капуэре, каролинскими уточками, индюшками гокко-мутунчами („самецъ чернаго, а самка желтоватаго цвѣта; у самца бѣлое брюшко, а у самки шея и грудь съ бѣлыми пятнами“, со-общаетъ авторъ) и проч., и проч. Является неизбѣжный Пятница; за нимъ выступаютъ на сцену испанецъ и отецъ Пятницы; далѣе на островъ попадаютъ англичане, и начинается нѣкоторое устроение общества, сопровождаемое, странно сказать... убійствами, убійствами и убійствами... Къ чему вамъ, г. Блинцовъ, понадобилось такъ обильно поливать кровью вашъ благословенный островъ, и притомъ, нужно прибавить, кровью иногда совершенно бесполезною, какъ, на примѣръ, въ томъ случаѣ, когда Робинзонъ и четверо его сподвижниковъ, всѣ съ ружьями и пистолетами, нападаютъ на двухъ матросовъ, вооруженныхъ только ножами? Къ чему вамъ нужны всѣ эти непрерывныя драки и чуть не цѣлыя правильныя сраженія, съ засадами, военными хитростями, ночными атаками, наступленіями и отступленіями? Положимъ, что вы истребляете безъ всякаго суда и разслѣдованія преимущественно бунтовщиковъ; положимъ также, что время теперь дѣйствительно военное, но... все-таки... какъ-то въ высшей степени неловко смотрѣть, что счастье вашей юной колоніи подбито такою кровавою поделкадою...

На нѣкоторое время Робинзонъ уѣзжаетъ въ Лондонъ. Но такъ-какъ въ Англіи уже и въ то время было довольно много народа, то герой г. Блинова съ уныніемъ замѣтилъ, что „человѣкъ какъ-бы исчезаетъ въ этой толпѣ; усилія отдѣльныхъ единицъ (людей) выбиться изъ круговорота, заявить о своихъ желаніяхъ, не обращали на себя ни малѣйшаго вниманія массы“. „Всюду чувствовалась царящая надъ всѣмъ сила—деньги и деньги“; всюду царилъ несправедливость; люди массами эмигрировали въ Америку. Глядя на нихъ, и Робинзонъ ѣдетъ опять на свой островъ, гдѣ, въ благодатномъ климатѣ, окруженный довольными колонистами, многочисленными стадами скота, обиліемъ птицъ и плодовъ земныхъ, онъ и находитъ, наконецъ, столь долго искомое имъ счастье...

Счастье, счастье!.. Итакъ, вотъ оно гдѣ, это счастье, о которомъ тысячи лѣтъ мечтали, мечтаютъ теперь и, безъ сомнѣнія, еще долго будутъ мечтать цѣлыя сотни миліоновъ людей, мѣдно-кожихъ и бѣлыхъ, чернокожихъ и желтыхъ, въ Калифорніи и

Европѣ, въ Канской землѣ и на берегахъ Ян-це-кианга! Если вамъ душно, читатель, среди современнаго общества, если вы не находите въ немъ ни справедливости, ни мира, если ваше сердце все изболѣло отъ ежедневныхъ и разнообразныхъ страданій вашихъ ближнихъ, окружающихъ васъ, то... удалитесь куда-нибудь какъ можно подальше. Соберите имущество ваше, соберите вокругъ себя вашихъ, чадъ и домочадцевъ, слугъ и добрыхъ друзей, и уходите на благословенный островъ Счастья. Нѣтъ, разумѣется, ни малѣйшей надобности удалаться куда-нибудь въ Караибское море, потому что это далеко, а также и потому, что островъ при случаѣ можетъ окружаться и землею,—дѣло не въ водѣ. Поселитесь гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ шумнаго и отравленнаго потока общественной жизни, стройте себѣ домики, разводите лошадей, коровокъ, курочекъ, гусей, уточекъ, плодите плоды земные, работая въ потѣ лица вашего и бесѣдуя „по-душѣ“ съ добрыми друзьями, прекратите всѣ сношенія съ внѣшнимъ испорченнымъ міромъ и читайте по вечерамъ только одну книгу — „Жизнь Робинзона“, составленную г. Блиновымъ. Такимъ образомъ, заткнувши себѣ хорошенько уши, чтобы не слышать ничего изъ совершающагося внѣ вашего острова, окруженный толстыми, здоровыми чадами, домочадцами, друзьями и домашними животными, вы будете столь-же безмѣрно счастливы, какъ былъ счастливъ и Робинзонъ на своемъ островѣ. Если у васъ нѣтъ друзей, вы можете, конечно, наслаждаться счастьемъ и съ однимъ только своимъ семействомъ. Если у васъ нѣтъ семейства, вы можете устроить себѣ рай и вдвоемъ... Ступайте съ Богомъ, читатель, на островъ, на сей благословенный островъ!

Счастье Робинзона и г. Блинова очень дешево: довольно толстое и притомъ иллюстрированное сто двадцатью пятью рисунками, оно стоитъ всего одинъ рубль тридцать копеекъ.

Гроза. Романъ изъ событій послѣдней войны. В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1879.

Въ нашемъ обществѣ, особенно провинціальному, нѣрѣдко встрѣчаются люди, которые чрезвычайно любятъ „разсказывать“, и, говоря вообще, разсказываютъ довольно недурно — картинно, живо, занимательно — однакожь, при всемъ этомъ, производятъ своими разсказами самое странное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что языкъ ихъ — злѣйшій врагъ ихъ. Начинаютъ они свои повѣствован-

по большей части, совершенно прилично и поэтому заинтересуют внимающее имъ общество. Но какъ скоро это дѣло лано, какъ скоро они чувствуютъ себя „властителями думъ“ большого кружка, слушающаго ихъ, у нихъ какъ-будто начитъ кружиться голова и отъ успѣха, прибрѣтеннаго ими, и отъ толюбиваго желанія произвести эффектъ еще большій. Краски своихъ картинахъ они принимаютъ накладывать все ярче и це, приключенія описываютъ одно другого необычайнѣе, отъ браннаго ими предмета переходятъ къ другому, къ третьему, къ гвертому... и, въ-концѣ-концовъ, достигаютъ того только, что на цахъ всѣхъ ихъ слушателей совершенно ясно выражается одно щее впечатлѣніе: „ну, поѣхалъ!“

Именно такимъ рассказчикомъ является и г. Немировичъ-Данченко въ своемъ послѣднемъ произведеніи—„Гроза“. Пустившись въ путь по одной дорогѣ, онъ повемношжу уклоняется въ сторону се дальше, дальше и, наконецъ, оказывается совсѣмъ не тамъ, уда направлялся. Начавъ „за упокой“, онъ неожиданно сводитъ „за гравіе“. Окончательно собравшись произнести проклятіе, онъ другъ принимается благословлять чуть не обѣими руками. Чрезѣрно увлекшись какою-нибудь картиною, онъ начинаетъ говорить акимъ, поэтическимъ - непоэтическимъ, но, во всякомъ случаѣ, траннымъ языкомъ, что пораженному читателю остается только зумляться и недоумѣвать: „о чемъ-же это говоритъ авторъ?“ И, слѣдствіе всего этого, когда книга прочитана, наконецъ, до ея заключительнаго слова, и читатель закрываетъ ее, въ душѣ его остается самое смутное и неопредѣленное впечатлѣніе. Много есть въ „Грозѣ“ страницъ, написанныхъ горячо и талантливо, но немало и совершенно безцвѣтныхъ, много сценъ, выхваченныхъ авторомъ прямо изъ живой дѣйствительности, но довольно и сочиненныхъ, много интересныхъ фактовъ, но нѣтъ недостатка и въ пустыхъ, трескучихъ фразахъ. Давно уже извѣстно, что одной ложки дегтя совершенно достаточно, чтобы испортить бочку меда, а г. Немировичъ-Данченко смѣшиваетъ въ своей бочкѣ эти продукты чуть-ли не половина-на-половину.

„Турецкіе штыки уже оросились русскою кровью, описываетъ онъ картину штурма одного небольшого укрѣпленія. — Кровь капала на лица, на груди... Враги били снизу вверхъ, и первые, вскочившіе въ траншею, падали отъ смертельныхъ ударовъ; за ними врывались другіе, работая прикладами. Въ хриплыхъ крикахъ убійства тонули стоны жертвъ. Лязгъ штыковъ, зловѣщій трескъ прикладовъ о черепа, проклятья и бѣшенная ругань стояли въ горячемъ воздухѣ. Съ пожара наносило задушающіе клубы чернаго дыма—они еще болѣе одуряли; на минуту ту и другую грушу

бойцовъ окутывало густымъ дымомъ, точно прятало въ тучу. Но, задыхаясь, люди инстинктивно продолжали свое дѣло, и новыя проблески пламени выхватывали изъ тьмы тѣ-же одичавшія лица тѣ-же взмахи прикладовъ вверху, тѣ-же схватившіеся въ рукопашную силуэты бойцовъ. Пламя уже не отражалось на штыкахъ мокрыхъ отъ крови... Падавшіе подъ убійственными ударами, въ смертельной музѣ своей находя еще силы вѣспитаться руками къ противника, пока тотъ не добивалъ врага, прямо въ сердце ему погружая злобное жало штыка... Нѣкоторые турки, далеко отбросивъ ружья, съ громкимъ „аманъ, аманъ“, кидались на козлы. Но разбирать было некогда. Въ жару и ожесточеніи бойни замучившихся не отличали отъ незащитныхъ... Сознаніе замерло, жили только инстинкты истребленія... Состраданію не было мѣста. И чѣмъ яростнѣе становился бой, тѣмъ тише онъ казался. Прежде люди заставляли себя свирѣпѣть крикомъ, теперь они уже дошли до экстаза бѣшенства и злобы... Крики уступили мѣсто какой-то злобщей хрипотѣ, точно у убивающихъ и убиваемыхъ что-то клокотало въ горлѣ... Иному и хотѣлось-бы крикнуть, да голосъ точно перерывался... Языкъ болтался во рту, какъ тряпка — пересохло все... а бѣшенство вскипаетъ все яростнѣе и яростнѣе... Дошло до того, что мертвыхъ шунали штыками... Въ пылу боя отступая, подаваясь впередъ, въ сторону, давили подошвами лица труповъ, каблуками бередили раны умирающихъ, спотыкаясь, падали въ теплыя кровавыя лужи... Давили и своихъ, и чужихъ, не обращая вниманія на стоны, глухо раздавшіеся подъ ногами, на проклятыя раненныхъ... Кое-гдѣ такъ сплотилась толпа, что въ ней не было мѣста для размаха. Со всѣхъ сторонъ сжатые враги свирѣпо глядя въ глаза одинъ другому, долго носились волною съ мѣста на мѣсто, пока ихъ не выширало на просторъ..." (стр. 135, 136).

Далѣе г. Немировичъ-Данченко рисуеъ слѣдующими красками внутренность одной землянки, послужившей временнымъ лазаретомъ:

„Въ густомъ и удушливомъ смрадѣ стоялъ почти непрерывавшійся стонъ. Смолкалъ одинъ страдалецъ, начиналъ другой, третій... Тутъ были тяжело-раненные... Григорьевъ, стоя въ дверяхъ, уже черезъ нѣсколько минутъ могъ разсмотрѣть поразительную картину человѣческихъ страданій. Люди тутъ плотно лежали одинъ къ другому, какъ дрова. Разметываясь отъ жгучей боли, одинъ бередилъ раны другому; стоны усиливались; слышалось бесильное хрипѣніе. Зеленоватый свѣтъ, когда глаза привыкли къ темнотѣ, смутно отражался на истомленныхъ, осунувшихся лицахъ съ заострившимися чертами... Глаза всѣхъ больныхъ были при-

ваны къ двери, точно отсюда они ожидали спасенія. „Воды, воды“, хрипѣлъ кто-то. Ему давали пить, но, спустя минуту, онъ опять требовалъ того-же.

— Ну, ребята, потерпите, утѣшалъ ихъ Григорьевъ.—Сегодня васъ въ самую Тырпову отправимъ. Вотъ только Семеновъ съ подводами вернется...

— Да ты-бы мертваго приказалъ убрать, просили его изъ угла.

— А гдѣ мертвый-отъ?

— Здѣсь, Ливченко... За -ночь кончился... Похолодѣлъ ужь...

— Что-жь вы фершалу не говорили?

— А ему что! Можно, говорить, и такъ. Сегодня все равно всѣхъ увеземъ.

— Не порядокъ это...

И Григорьевъ послалъ за людьми.

— Эхъ, Ливченко, Ливченко! точно съ укоризной отнесся онъ къ трупу.—Хорошій солдатъ былъ. Поди, теперъ семья и дѣти... И узнаютъ нескоро!

„А Ливченко охолодѣлъ уже. Двое солдатъ подняли насилию его безжизненное тѣло. Съ худого, потемнѣвшаго лица уже сбѣжало выраженіе послѣдней муки. Открытые глаза смотрѣли серьезно и пристально; казалось, въ нихъ еще теплилась жизнь, давно оставившая его тѣло. Рука свѣсилась, когда его несли на плечахъ. Широкая рана на груди давно почернѣла.

— Ишь, глядитъ какъ... Эхъ, Ливченко... Исправный солдатъ былъ. Царствіе небесное!

„Ишь, глядитъ“—а онъ также глядѣлъ, даже не сморгнулъ, когда изъ тьмы землянки его вынесли на яркій свѣтъ божьяго дня, когда его обдало со всѣхъ сторонъ тепломъ и лучами. Только еще темнѣе стало это мертвое лицо, еще рѣзче на немъ опредѣлились синіе подтеки и тѣни.

„Далеко, далеко, за тысячи верстъ отсюда, посреди неоглядныхъ полей и луговъ затерялась бѣдная деревушка... Далеко, далеко, за тысячи верстъ отсюда, жарко молится въ ней и мается бѣдная жена солдатская съ ребятишками,—тоже ждетъ-не-дождется замиренья, вернется кормилецъ, легче поднимать семью будетъ. На погостъ бѣгаетъ за двадцать-пять верстъ къ попу, не пишутъ ли чего о мирѣ.

„И замиренье будетъ, и уцѣлѣвшіе вернутся, но его не увидитъ семья“ (стр. 181, 182).

Еще далѣе въ его книгѣ встрѣчается такого рода сцена, при тяжеломъ переходѣ черезъ одно изъ балканскихъ ущелій:

„Лошади сильно оттягивали назадъ людей, которые вели ихъ

подъ устцы. Спотынется и съѣдетъ вмѣстѣ со спѣшившимся за нимъ. Одинъ солдатъ упалъ на дорогѣ и отъ усталости и переползти въ сторону не можетъ. Такъ и лежить поперегъ, и реступаютъ черезъ него люди. Остававливаются передъ нимъ ни, артачутся, и только послѣ здороваго удара нагайки пересыпаютъ черезъ него копыта...

— Всталъ-бы ты... Въ сторону-бы...—говорить ему казакъ, реходящій черезъ него.

— Силъ моихъ нѣтъ... подвело!..

„Наконецъ, кое-какъ натужился. Всталъ, сдѣлалъ шага въ сторону и грузно рухнулъ тамъ на камни.

„Съ какою внутреннею болью оглядываетъ онъ тяжело идущихъ мимо него солдатъ. Одинъ за другимъ... Уже не позади — всѣ впередъ уходятъ, оставляя его здѣсь одного, мощнаго, среди этой зловѣщей тишины, среди этого мертвяка... Одного!.. Сказалъ-бы имъ что-нибудь, да тоска точно сковала. И тѣ стараются не глядѣть на него... точно онъ ченъ смерти, а они помочь не могутъ — все равно ужъ говорить не говори... Всѣ смотрять въ сторону отъ него... Какъ приставать за то онъ вглядывается въ ихъ лица какъ внимательно, точно боится, что никогда ихъ не увидить больше! Никогда, ни- (Стр. 296, 297).

Все это написано авторомъ, повидимому, кровью его внутреннаго сердца. Точно такими-же яркими красками описываетъ онъ разрушенные турками болгарскіе города, гдѣ „точно пороки рвали эти прочныя стѣны, словно какой-то чудовищный молотъ разбивалъ въ безобразный щебень эти громадныя купола, бѣгъ землетрясеніе заставило разсѣяться и рухнуть со своихъ каменныхъ основъ эти монументальныя постройки“, гдѣ „поворотъ и поворотомъ, улица за улицей, переулокъ за переулкомъ, всѣ одѣ и тѣ-же развалины мозолили глаза, говоря о страшной оргіи, свержно ликовавшей въ дыму безчисленныхъ пожарищъ, въ хриплыхъ крикахъ убійствъ, въ молящихъ и отчаянныхъ вопляхъ жертвъ, обрызгавшихъ своею кровью каждый камень этихъ улицъ. каждую пядень этой земли мучениковъ...“ Съ такою-же сарматскою болью рассказываетъ онъ о бѣгствѣ болгаръ передъ наступающими турецкими войсками. „Въ слѣпомъ животномъ страхѣ, толпы за толпами бѣгутъ все мимо и мимо, все впередъ и впередъ...“ Милитери, которымъ почудился вопль вблизи, бросаютъ грудныхъ дѣтей на дорогѣ, оставляютъ подростковъ бѣжать, куда они хотятъ. Распластавшись на каменномъ выступѣ скалы, плачетъ неразумное дитя; слабыя ножонки не въ силахъ сдержатъ его маленького тѣльца; плачетъ и барахтается, какъ опрокинутый сверчокъ.

а не охрипнуть надсаженная грудь, пока не оборвется горло...“ И когда прочитываешь отрывками всё эти горячія и чуждыя описанія, когда останавливаешься случайно на заключительныхъ словахъ г. Немировича-Данченко по поводу этой „грозной войны — дай только Богъ, чтобы она не повторилась больше! — тогда невольно думается, что онъ до глубины души грязенъ видѣнными имъ страданіями человѣка, застигнутаго такою грозю. Но оказывается, что гуманность г. Данченки прирастаетъ никакъ не дальше своего собственнаго курятника. Когда начинаешь срывать съ нея цвѣты его бьющаго въ носъ краснорѣчія, то становится ясно, что эта гуманность блеститъ не настоящимъ золотомъ, а фольгой. Какъ только г. Немировичу-Данченко приходится говорить о туркахъ, онъ является уже не безпристрастнымъ наблюдателемъ, не художникомъ-мыслителемъ, а просто-на-просто зауряднымъ корреспондентомъ, глубоко убѣжденнымъ въ томъ, что турки вообще звѣри, которыхъ необходимо въ ближайшемъ времени или истребить мечомъ, или прогнать куда-нибудь въ Азію. Турки, какъ и болгары, бѣжали отъ своихъ родныхъ очаговъ, но г. Немировичъ-Данченко въ подобныхъ случаяхъ ограничивается только тѣмъ, что равнодушно упоминаетъ о клумбахъ „чудныхъ розъ“, заваленныхъ искалѣченною мебелью, объ изодранныхъ книгахъ, выпотрошенныхъ тюфякахъ или-же пускается въ пространныя описанія, какъ вдалекѣ скрипѣли арбы, увозація бѣглецовъ, и какъ покинутое и подожженное ими село пожиралось огнемъ, походившимъ то на ящерицу, то на звѣря, спущеннаго съ цѣни, то на золотыхъ змѣй, то на куски радужной одежды, то, наконецъ, на рѣку... Турки точно такъ-же, какъ и болгары, бросали и теряли своихъ дѣтей, но о турецкихъ ребятишкахъ г. Немировичъ-Данченко не особенно горюетъ. Болгары нисколько не хуже турокъ рѣзали попавшихся въ ихъ руки несчастныхъ правовѣрныхъ, „не разбирая ни пола, ни возраста“, но, рассказывая о похищеніяхъ „братушекъ“, г. Немировичъ-Данченко всегда находитъ для нихъ бездну оправданій, извиненій и смягчающихъ обстоятельствъ. Ихъ нѣтъ у него только для турокъ. Какъ видно, по его убѣжденію, турки не любятъ своихъ дѣтей; они нисколько не привязаны къ своей родной землѣ и къ отчему дому,—они любятъ одну только кровь, и со стороны этой-то кровожадности ихъ преимущественно и живописуетъ г. Немировичъ-Данченко. Онъ описываетъ, наприимѣръ, слѣдующую сцену, происходящую во мракѣ ночи:

„Кто-то въ бѣломъ бѣжалъ по дорогѣ, падая и останавливаясь и снова кидался впередъ. .

„За „бѣлыми“ двигались всадники... Наскочать съ гамомъ и

остановятся, давъ бѣлому уйти впередъ, и опять насканиваютъ на него.

„Волосы зашевелились на головѣ у Калинина; хододно и страшно ему стало быть свидѣтелемъ этого убійства.

„Скоро разстояніе между нимъ и этой группой настолько сократилось, что онъ, къ своему ужасу, могъ понять въ чемъ дѣло.

„По дорогѣ бѣжала болгарка въ одной рубашкѣ. Черные волосы змѣями рассыпались по плечамъ; широкіе рукава колышались по вѣтру; ноги ея спотыкаются и подкашиваются; но она все бѣжитъ и бѣжитъ впередъ, точно ей можно уйти отъ этихъ звѣрей, что несутся за ней на своихъ бодрыхъ скакунахъ. Вотъ они остановились, хохочутъ. Даютъ ей уйти. Она напрягаетъ свои силы, дѣлаетъ послѣднія попытки; на минуту находитъ возможнымъ уйти еще на полверсты... Она уже не оглядывается назадъ. Широко раскрытые, округлившіеся отъ ужаса глаза устремлены впередъ на одну точку. Они смотрятъ, но не видятъ ничего передъ собою. Должно быть, и сознание ей измѣняется: уже она и шума погони не слышитъ за собою. Едва не падал, она бросается въ чашу—напротивъ... Но позади опять эти дикіе крики, и нѣсколько человекъ опять несутся въ-догонку за нею. Вотъ они врываются туда въ чашу, перекликаются въ ней, и въ тотъ моментъ, когда, казалось, они потеряли слѣдъ,—бѣлая рубаха выскакиваетъ опять на дорогу и бѣжитъ по ней въ слѣдомъ страхѣ.

„У женщины не стало силы. Ноги путаются подъ нею. Падаютъ—опять идетъ впередъ: Изъ нѣсколькихъ мѣстъ повывскакали злодѣи и заѣзжаютъ кругомъ.

„Вотъ одинъ соскочилъ. Въ глазахъ Калинина точно свѣтлая полоса мелькнула тамъ... Ятаганъ блеснулъ въ лунномъ сіяніи.

„Дикій, болѣзненный, полный мольбы и ужаса крикъ точно прорѣзалъ воздухъ и замеръ, словно иглою въ ухо ударилъ.

„Гортанный говоръ... храпѣніе. Смѣясь, черкесы садятся на коней и уѣзжаютъ туда, гдѣ Калининъ уже проѣхалъ“ (Стр. 259, 260, 261.).

Правда, это черкесы, которые, какъ давно извѣстно, и за зятракомъ, и за обѣдомъ съѣдаютъ по живому человѣку, но и настоящихъ турокъ, баши-бузуковъ, аскеровъ, то-есть регулярныхъ солдатъ, и даже мирныхъ поселянъ, г. Немировичъ-Данченко рекомендуетъ читателю не только не съ лучшей стороны, а несомнѣнно съ худшей. Вотъ доказательство. Толпа правовѣрныхъ окружаетъ маленькую группу болгаръ, провинившихся тѣмъ, что они принимали русскихъ, и за это приговоренныхъ къ казни.

„— Эй вы, христіанскія собаки, рыть землю умѣете? обрашались оставшіеся баши-бузуки къ болгарамъ.“

— Умѣемъ!—обрадовались тѣ.

„Бѣднякамъ пришло въ голову, что ихъ употребятъ для шав-
выхъ работъ.

— Мы у Абдуль-Керима работали.

— Ну, хорошо. Вотъ вамъ лопаты. Ройте, ройте ямой. Вотъ
жъ. Ай-да работники! потѣшалась толпа.

„Черезъ два часа яма была готова. Совсѣмъ въ поту, зато-
ившіеся болгары уже съ улыбками оглядывались на баши-бузу-
овъ. Тѣ улыбались имъ тоже. Разговоръ съ обѣихъ сторонъ шель-
амый дружественный.

— Накормите-ли вы насъ? спрашивали болгары.

„Они уже забыли судьбу дочерей; среди неописаннаго варвар-
ства, народъ этотъ привыкъ ко всему.

— Сыгы будете, смѣялась толпа.

— И заснете спокойно, не проснетесь, мы васъ укроемъ.

— Ну, чего еще разговаривать тутъ!

„Толпа ринулась на болгаръ и разомъ столкнула ихъ въ мо-
гилу.

„Они бились, боролись, старались вылѣзть оттуда, но сверху
массами падала земля на несчастныхъ“. (Стран. 372, 373.)

„Ну, поѣхаль!“—остается только произнести читателю и зажать
уши, чтобы передохнуть отъ ужасовъ, напускаемыхъ на него г.
Данченко.

Я не хочу сказать этимъ, что подобныхъ сценъ не было или
не могло быть,—нѣтъ, по всей вѣроятности, бывали звѣрства, даже
и еще худшія, но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что когда г.
Немировичу-Данченко приходится описывать такую-же расправу
„братушекъ“ съ турками, онъ стыдливо торопится опустить надъ нею
занавѣсъ и спѣшить сослаться на смягчающія обстоятельства, а
когда болгары мѣняются ролями съ мусульманами, и, въ свою оче-
редь, являются жертвами, тогда онъ не стѣсняется, не жалѣетъ кра-
совъ, не находитъ нужнымъ ни разъяснить, ни оправдывать эти
звѣрства. Правда, иногда онъ обмолвливается какимъ-нибудь кор-
отенькимъ замѣчаніемъ, вродѣ того, что „принужденные бросать, при
приближеніи русскихъ, свои родные очаги, свои сады, поля, гдѣ
каждое дерево было посажено, каждый клочекъ земли обработанъ
ими, разставшись со всѣми дорогими и близкими сердцу людьми,
обреченными теперь ужасамъ нищеты и изгнанія, — они дышали
злостью и ненавистью противъ болгаръ, какъ прямыхъ виновни-
ковъ русскаго нашествія“. Но это говорится вскользь, не на над-
лежащемъ мѣстѣ; притомъ авторъ сейчасъ-же спѣшитъ затуше-
вать эту обмолвку и прибавляетъ: „Изъ этихъ-то именно людей

„Дѣло“, № 2, 1879 г.

и выросла грозная сила турецкой ирегулярной сволочи". Для болгар у г. Немировича-Данченко одни вѣсы, для турокъ — другіе, совершенно фальшивые. Болгары, при всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ, у него выходятъ все-таки людьми, хотя и обременены слабостями и несовершенствами; турокъ-же онъ систематически выставляетъ дикими звѣрями, лишенными всякаго образа и подобія человѣческаго. Такимъ образомъ, посвящая одну половину своей книги гуманнѣмъ расписываніямъ всевозможныхъ ужасовъ войны, авторъ трудолюбиво занимается въ другой ея половинѣ проповѣдываніемъ ненависти и враждебныхъ чувствъ къ цѣлому народу. Плохая проповѣдь, г. Немировичъ-Данченко!

Точно также нѣчто въ высшей степени странное продѣлываетъ авторъ „Грозы“ и съ докторомъ Пастыревымъ, — однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ героевъ своего романа, которые всѣ замѣчу мимоходомъ, совершенно безцвѣтны и занимаются тѣмъ только, что мыкаются въ-разбродъ изъ угла въ уголь, стараясь доставить г. Немировичу-Данченко какъ можно болѣе случаевъ поговорить и о томъ, и о другомъ, и о третьемъ. Съ первыхъ-же страницъ „Грозы“, авторъ рекомендуетъ этого доктора человѣкомъ, смотрящимъ на начатую войну весьма и весьма скептически.

„Какъ кому?“ насмѣшливо отвѣчаетъ онъ сестрѣ милосердія тоскливо воскликнувшей: „кому нужна эта война!“, и продолжаетъ:

— „Нужна, да и шабашъ. Мнѣ нужна для практики, вамъ для упражненія вашихъ чувствъ любви къ человѣчеству... крестьянину для того, чтобы обнаружить твердость въ бѣдствіяхъ; солдату — для „побѣдъ одолбнія“, какъ выражается мой пріятель унтеръ Симаковъ. Вонъ Дончо — и ему война нужна, потому что онъ тоже собирается турцей „малко порѣзать“, то есть главы имъ посячь“... (Стран. 22).

Въ концѣ второй части онъ ни мало не измѣняетъ своимъ первоначальнымъ воззрѣніямъ.

— „Ребенка-то у мечети видѣли? Ахъ, ты Господи!.. И это прогресомъ называютъ, говорить онъ. — Тоже, что и тысячи лѣтъ назадъ!.. Ничуть не лучше... Богомерзское дѣло это война... совсѣмъ богомерзское... Или иначе ее вести... Чѣмъ мы лучше іудеевъ, истребившихъ амалетиковъ?.. Понимаете, — вѣдь ужъ это не война, это убійство... Да уйдите вы, Христа-ради! Не мозоьте мнѣ глазъ!.. Ишь, у васъ и шинель-то кровью обрызгана... Нигдѣ отъ крови спасенья нѣтъ... Нигдѣ... Господи!.. Это женщину одну тутъ рѣзали на моихъ глазахъ... самъ видѣлъ... А она руки протянула... Ей сначала полоснули по рукамъ... Она лицомъ въ землю, чтобы не видѣть... не пожалѣли... А что женщина сдѣлала? Что?.. И вздрагивала еще какъ долго... билась“...

И вдругъ, къ удивленію ротмистра, Пастыревъ безсилно опустился на камень, стоявшій около, и зарыдалъ... Видимо, не удалось-таки совладать съ потрясенными нервами". (Стран. 452, 453).

Наконецъ, даже въ третьей и послѣдней части онъ все-таки остается совершенно вѣренъ самому себѣ,—иронизируетъ, сердится, всёѣмъ сердцемъ страдаетъ, глядя на опустошенную долину розъ, — и вдругъ на предпослѣдней страницѣ своего романа г. Немировичъ-Данченко заявляетъ, что Пастыревъ нѣкоторымъ образомъ успокоился...

"Пастыревъ только теперь понялъ значеніе этой великой освободительной войны; понялъ его, слушая простого солдата на Шибкѣ,—солдата, языкомъ котораго говорилъ весь народъ... Только теперь сообразилъ онъ, что не кучка журналистовъ и не десятокъ другой славянолюбцевъ выдумали это избіеніе десятковъ тысячъ... Теперь уже онъ не бранилъ тѣхъ, кто шелъ впереди, но клеймилъ своимъ осужденіемъ „сочувственниковъ“, какъ онъ ихъ звалъ прежде.

„Пастыревъ слишкомъ много видѣлъ за послѣдніе дни... слишкомъ много...

„Въ одушевленіи граматнаго, не слѣпо, а сознательно повиновающагося солдата онъ чуялъ великую волю великаго народа“. (Стран. 673).

„Ну, поѣхалъ!“ опять-таки только и остается произнести изумленному читателю. Разумѣется, ничего нѣтъ ни необычнаго, ни даже мудренаго, въ томъ, что Пастыревъ „понялъ“, „сообразилъ“ и „почуялъ“, какъ завѣряетъ авторъ. Мало-ли на свѣтѣ людей, которые, съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ сдѣланныхъ ими новыхъ наблюденій, круто измѣняютъ свои воззрѣнія на тѣ или другія явленія жизни. Но когда г. Немировичъ-Данченко утверждаетъ, что это совершается такъ легко,—взялъ, сообразилъ и перемѣнился,—то остается только развести руками. „Пастыревъ слишкомъ много видѣлъ за послѣдніе дни“, говоритъ онъ,—но изъ его-же собственныхъ словъ намъ достовѣрно извѣстно, что почтенный докторъ довольно видѣлъ и до настоящаго времени: видѣлъ и Японію, видѣлъ и гавайскую королеву, видѣлъ и расправы „братушекъ“ съ турками, видѣлъ и истребленіе Ахмедъ-Кіоя, видѣлъ, наконецъ, и долину розъ, залитую кровью и огнемъ... и оставался неизмѣннымъ въ своихъ воззрѣніяхъ... Что-же онъ увидѣлъ за эти „послѣдніе дни“?

Пастыревъ „понялъ“, „слушая простого солдата на Шибкѣ“, говоритъ г. Немировичъ-Данченко; но опять-таки изъ его-же собственного повѣствованія намъ извѣстно, что Пастыревъ и прежде бесѣдовалъ съ „простымъ солдатомъ“ и, однакожь, слышалъ отъ

него по большей части, разсужденія такого рода, что „сказываютъ, все изъ-за султанской дочери вышло, которую нашъ генералъ увезъ и въ христіанскую вѣру привелъ“... Чю-же онъ слышалъ за эти „последніе дни“?

Я думаю, что и г. Немировичъ-Данченко ничего особеннаго не видѣлъ и не слышалъ, а просто онъ увлекся звукомъ своего собственного голоса, который непомѣрно возвысился передъ окончаніемъ своего повѣствованія; просто у него голова закружилась отъ шума его собственныхъ фразъ, что совершенно ясно изъ того, что имъ говорится дальше. „А далеко, далеко на сѣверѣ, такая-же молчаливая, такая-же изнуренная въ вѣчныхъ тяготахъ своихъ, стояла наготовѣ мужицкая Русь“, — восклицаетъ онъ. „Она, усталая, не склонялась подъ ношею крестною; она, обѣднявшая, не жаловалась и не теряла вѣры. Грозой зрѣли ея великія силы. И встрѣчу чужимъ грозамъ готова была издали грянуть еще болѣе могучая, еще болѣе властная и всеокрушающая народная гроза!..“ Богъ васъ знаетъ, г. Немировичъ-Данченко! Какія это „силы зрѣли грозой“ во время войны? Зачѣмъ это непременно „издали грянуть?“ Какая такая „народная гроза?“ И вообще, о чемъ именно вы изволите говорить? Если вы говорите о гвардіи и о другихъ подкрѣпленіяхъ, двинутыхъ за Дунай, то они совсѣмъ не во время войны „зрѣли“ и формировались, а давнымъ-давно были готовы. Если же вы толкуете о чемъ нибудь другомъ, то о чемъ-же, ради самого неба?

Языкъ вашъ—злѣйшій врагъ вашъ, г. Немировичъ-Данченко.

ЧУМА.

Ни одна изъ эпидемическихъ болѣзней не потрясаетъ такъ сильно народнаго воображенія, не волнуетъ такъ общественнаго мнѣнія, какъ чума. Много и часто, особенно въ Россіи, и теперь мретъ народа отъ разныхъ заразныхъ болѣзней,—напр., отъ оспы, дефтерита, тифовъ, не говоря уже о холерѣ,—но общество остается при этомъ почти невозмутимымъ. Никто не обращаетъ при этомъ вниманія на число умершихъ, никто такъ жадно не прислушивается къ толкамъ о новыхъ случаяхъ заболѣванія и дальнѣйшемъ распространеніи болѣзни, никто не доискивается причинъ развитія и распространенія той или другой эпидеміи. Другое дѣло чума! Одною этого слова было достаточно, чтобы все всполошить и поставить на ноги не только у насъ, но и во всей Европѣ, которою приняты уже первоначальныя мѣры, чтобы оградить себя отъ насъ непроницаемой стѣною карантиновъ. И у насъ проявилась небывалая и неслыханная дѣятельность администраціи. Причиною такого всеобщаго переполоха слѣдуетъ считать преданія и легенды о прежнихъ эпидеміяхъ чумы, опустошавшей цѣлыя страны; въ нашемъ-же обществѣ до сихъ поръ еще живо сохранились рассказы обо всѣхъ ужасахъ чумной эпидеміи, свирѣпствовавшей въ Москвѣ при Екатеринѣ II.

Въ предлагаемомъ короткомъ очеркѣ я намѣренъ познакомить читателей „Дѣла“ съ тѣми преимущественно сторонами вопроса о чумѣ, которыя должны наиболѣе интересовать не врача и специалиста, а простого смертнаго, которому жизнь еще не совсѣмъ надоѣла.

I.

До сихъ поръ мы не можемъ съ достовѣрностью сказать, когда и гдѣ впервые показалась та или другая заразная болѣзнь. Не-

сомнѣнно одно, что большинство такихъ болѣзней Европа приняла съ Востока; причемъ однѣ изъ этихъ болѣзней акклиматизировались у насъ, находя всѣ благоприятныя условія для своего процвѣтанія, другія-же и до сихъ поръ могутъ свирѣпствовать въ нашемъ климатѣ только тогда, когда заносятся къ намъ изъ ихъ первоначальныхъ разсадниковъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ холера и чума. Когда впервые появилась чума—неизвѣстно; но за 400 л. до Р. Хр. она занесена была уже въ Афины, гдѣ и опустошила весь городъ. Въ VI вѣкѣ нашей эры чума свирѣпствовала по всей Европѣ. Съ 1348 г. по 1352 г. чума, подъ названіемъ *черной смерти*, прошла по всей Европѣ, Азій и Африкѣ и истребила *болѣе трети* населенія всѣхъ трехъ частей свѣта. Въ Турціи погибли тогда миліоны; населеніе острова Кипра буквально вымерло все; въ Шлезвигѣ уцѣлѣла $\frac{1}{2}$ часть всего народонаселенія; во Франціи осталась $\frac{1}{4}$ часть; Марсель опустѣлъ совсѣмъ; изъ всего населенія Лондона осталось $\frac{1}{10}$ часть. Въ 1361 г. чума снова вернулась въ нѣкоторые города Франціи и Италіи и черезъ годъ въ Германію и Англию. Въ XVIII стол. чума появлялась въ Европѣ довольно часто то здѣсь, то тамъ, въ особенності въ Англии и Франціи, находившихся въ наиболѣе частыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи сильная эпидемія чумы господствовала въ Греціи въ 1826 и 1829 годахъ и въ то-же время въ придунайскихъ областяхъ. Въ 1858 году чума появилась въ Сѣверной Африкѣ.

Изъ этого краткаго обзора видно, что чума нынѣшняго столѣтія въ Европѣ ни по количеству жертвъ, ни по интенсивности своего развитія нисколько не напоминала не только чумы среднихъ вѣковъ, но даже чумы предыдущаго столѣтія.

Относительно Россіи имѣются слѣдующія данныя: въ 1090 г. былъ моръ въ Кіевѣ, гдѣ втеченіи двухъ недѣль умерло до 7 т. человекъ. Въ 1187 г., во время междоусобныхъ войнъ, появилась опустошительная болѣзнь въ Новгородѣ и Бѣлороссіи. Въ 1230 г., за исключеніемъ Кіева, *голодь* и моръ свирѣпствовали по всей Россіи, но преимущественно въ Новгородѣ и Смоленскѣ, гдѣ улицы сплошь были покрыты трупами. Въ 1237 г.—въ Псковѣ; въ 1251 и 1273 гг. былъ *голодь* и моръ. Въ 1351 г. чума съ запада проникла въ Россію, начавшись съ Пскова и Новгорода, откуда перешла и въ другіе города, гдѣ потеря людей была неисчислима, и нѣкоторые города обезлюдили совершенно. Великій князь Симеонъ Гордый съ братомъ своимъ и 3 дѣтьми-пали жертвою этой заразы. Съ 1360 г. вплоть до знаменитой московской чумы 1770 г. чума не покидаетъ Россіи. Ослабѣвъ на нѣсколько лѣтъ, она съ новою силою появляется то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ и, преимущественно,

въ Новгородѣ, Псковѣ и Смоленскѣ. Такъ, въ 1422 г. въ Твери и окрестностяхъ Москвы вымерли почти всѣ земледѣльцы, такъ-что весь хлѣбъ остался на поляхъ неубраннымъ. Въ 1654—56 годахъ появилась чума въ Астрахани, откуда перешла въ Москву. Въ это время впервые появились карантинны. Присутственные мѣста были закрыты, погребеніе умершихъ происходило безъ духовенства, всякое сообщеніе съ Москвою было прервано подъ страхомъ смертной казни. Послѣ московской чумы 1770 г. чума сильно опустошила Одессу въ 1837 году. Не всѣ, конечно, эпидеміи, свирѣпствовавшія до 1770 г., съ увѣренностію можно принимать за чуму; очень вѣроятно, что въ числѣ этихъ *морозъ* были и простыя, домашнія тифозныя эпидеміи, дававшія громадную смертность.

Исторія послѣдней эпидеміи чумы, перешедшей къ намъ изъ Азіи, заключается въ слѣдующемъ (Проток. общ. р. врачей въ Петерб.):

Въ началѣ 1867 г. чума появилась между арабами, живущими по правому берегу Евфрата въ болотистомъ округѣ Гииндиде (Иракъ-Араби); болѣзнь распространилась на пять мѣстечекъ, продолжалась съ января по іюнь, причемъ погибло 300 человекъ изъ 1,000 душъ населенія. Черезъ четыре года, въ декабрѣ 1870 г., чума появилась на западной границѣ Персіи въ гористой странѣ, на югѣ озера Урмія. Въ сентябрѣ эпидемія стихла, истребивъ предварительно цѣлыя деревни. Въ большомъ городѣ Банахѣ разобщеніемъ больныхъ и удаленіемъ центровъ зараженія удалось такъ ограничить болѣзнь, что изъ 100 заболѣвшихъ умирало только 55.

Зимомъ съ декабря 1873 г. до іюня 1874 г. чума снова появилась въ Иракъ-Араби и началась съ тѣхъ-же мѣстъ, гдѣ была въ предшествующую эпидемію 1867 года, причемъ болѣзнь распространилась гораздо шире. На этотъ разъ эпидемія прекратилась только на полгода, но уже зимомъ 1874 г. эпидемія снова приняла широкіе размѣры. Этотъ въ высокой степени интересный фактъ не слѣдуетъ забывать и нашимъ ветлянымъ укротителямъ.

Съ 1875 по 1876 гг. чума была въ Багдадѣ. Въ концѣ 1876 года одинъ торговецъ, пріѣхавшій изъ Багдада (гдѣ въ то время была чума) въ Респтъ, заболѣлъ и умеръ; за нимъ постепенно вымеръ весь домъ, гдѣ остановился и умеръ торговецъ. Въ Респтѣ съ конца марта 1877 года начали появляться сначала одиночные случаи чумы, а потомъ развилась и эпидемія. Пусть пораздумають объ этомъ случаѣ тѣ, которые на карантинны смотрятъ, какъ на отжившее средневѣковое учрежденіе. Подъ вліяніемъ паническаго страха изъ 27,000 жителей Респта до 18 тысячъ разбѣжались. Эпидемія въ Респтѣ окончилась 13 февраля 1878 года.

Уже втечені лѣта 1877 года въ Астрахани начали наблюдать лихорадочныя болѣзни, осложнявшіяся бубонами. Подобныя-же заболѣванія наблюдались на казачьемъ бугрѣ и въ форпостѣ. Перезимовавъ, болѣзнь осенью прошлаго 1878 года разразилась въ Ветлянкѣ, гдѣ и дала почти 100% смертности.

II.

Выше мы замѣтили, что климатическія условія въ Европѣ и въ Россіи не могутъ способствовать первичному развитію чумной заразы, а заносятся извнѣ. Гдѣ-же родина чумы?

Французская комісія 1846 года, изслѣдовавшая условія распространенія чумы, пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) при настоящемъ состояніи народовъ и ихъ цивилизаціи, странами, въ которыхъ развивается чума, слѣдуетъ признать Египетъ, обѣ Турціи и допустить возможность развитія ея въ Марокко, Алжирѣ, Тунисѣ, Триполи и Месопотаміи.

Теперь является вопросъ: развивается-ли чума въ этихъ мѣстностяхъ роковымъ образомъ, вслѣдствіе такихъ причинъ, которыхъ человѣкъ устранить или даже ослабить не въ состояніи, какъ, напр., землетрясенія, изверженія кратеровъ и т. п., или-же, наоборотъ, сами люди создаютъ такія условія, при которыхъ развитіе чумы дѣлается почти необходимостью, какъ, напр., развитіе тифовъ въ Петербургѣ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ получится вполне опредѣленный, если мы познакоимся съ соціальною обстановкою, которая считается въ настоящее время необходимою, какъ для первоначальнаго развитія чумной заразы, такъ и для дальнѣйшаго развитія ея при заносахъ въ другія страны.

Условіями, способствующими развитію чумы слѣдуетъ признать: обитаніе на илжувальной или болотистой почвѣ, теплый и влажный воздухъ, низкіе, плохо вентилируемые дома, скопленіе на улицахъ, дворахъ и въ самыхъ жилыхъ помѣщеніяхъ въ большомъ количествѣ гнющихъ растительныхъ и животныхъ веществъ, недостаточная и нездоровая пища. Что почва и климатъ, при развитіи чумной заразы, играютъ побочную, второстепенную роль, и что, напротивъ, первенствующее значеніе при этомъ имѣютъ экономическія условія, неопровержимо доказываютъ слѣдующіе факты: Египетъ, въ которомъ въ настоящее время можетъ зарождаться чума, прежде втеченіи многихъ вѣковъ, былъ одною изъ наиболее здоровыхъ странъ въ свѣтѣ. Цивилизація, процвѣтавшая въ немъ во времена фараоновъ, даже во время занятія его персами,

при Александрѣ и въ извѣстное время владычества римлянъ,— цивилизація эта, въ обширномъ смыслѣ слова, стояла выше того низкаго уровня культуры, который благоприятствуетъ развитію чумы. Но въ томъ-же самоѣ Египтѣ въ прошломъ вѣкѣ чума развивалась 19 разъ. За то и положеніе народа до послѣдняго времени внушаетъ удивленіе и ужасъ! „Темныя, сырыя и тѣсныя берлоги занимаются голоднымъ, полу-одѣтымъ населеніемъ изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, валяющихся на сыромъ полу, на кучахъ сора и грязи. Кукурузный, пшеничный хлѣбъ и мясо египтяне ѣдятъ въ видѣ исключенія. Фелахи воздѣлываютъ пшеницу, не имѣя права сами употреблять ее въ пищу. Обычная ихъ ѣда—сѣмена хлопка, выжимки льняныхъ сѣмянъ и изрѣдка мясо палыхъ животныхъ. Иракъ-Араби была прежде хорошо культивированною странкою, съ прекрасными каналами для орошенія. Но, съ упадкомъ цивилизаціи, каналы занесены иломъ отъ повторяющихся наводненій рѣки Тигра, и мѣстность сдѣлалась разсадникомъ чумы“ (Проток. общ. р. вр.) Въ XIV вѣкѣ, какъ мы видѣли выше, была самая опустошительная чумная эпидемія въ Европѣ; а кому неизвѣстно, что непрерывныя войны и междоусобицы среднихъ вѣковъ и всѣ печальныя послѣдствія этого порядка вещей—отсутствіе осѣдлости массъ, ихъ голоданіе и безпріютность, упадокъ духа, безправность и беспомощность и пр., и пр.—подготовили самую плодотворную почву для распространенія эпидеміи. Вообще, каждой сильной вспышкѣ чумы предшествуютъ какія нибудь народныя бѣдствія—засухи, неурожаи, войны, отъ чего развивается бѣдность народныхъ массъ и болѣзненная подавленность

Въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Европѣ не было ни одной эпидеміи чумы, исключая южныхъ и восточныхъ ея окраинъ (въ 1827—28 г. въ Валахіи, Россіи и Греціи, въ 1837 г. въ Одессѣ), гдѣ она появилась на короткое время. Чѣмъ можно объяснить такой фактъ? Случаевъ занести заразу, особенно въ приморскіе города Италіи, Франціи и Англіи, было слишкомъ достаточно за это время. Такъ въ 1812 г. чума была въ Турціи, въ 1834—38 г.—въ Египтѣ и Турціи, въ 1838 и 1841 г.—въ Сиріи, въ 1844 г.—въ Египтѣ, въ 1858 г.—въ Триполи, въ 1867 г.—въ Багдадѣ и Месопотаміи, въ 1870 г.—въ Хоросанѣ, въ 1874 г.—въ Триполи, въ 1875 г.—въ Аравіи. Что-бы ни говорили безусловные приверженцы карантинной, но однихъ карантинныхъ мѣръ было-бы слишкомъ недостаточно для предупрежденія развитія эпидемій. Въ прежнее время карантинныя въ тѣхъ-же странахъ не препятствовали появленію заразы. Если въ Европѣ исчезла чума, то это, главнѣйшимъ образомъ (если не единственно), зависитъ отъ увеличенія культуры вообще, отъ увеличившагося, въ сравненіи съ прежними вѣками,

матеріального забезпеченія масъ, отъ большаго ихъ умственнаго и нравственнаго развитія, что, между прочимъ, отразилось на значительномъ повышеніи средней продолжительности жизни западныхъ народовъ. Въ средніе вѣка средняя продолжительность жизни европейскаго человѣка равнялась 17-ти годамъ, а въ настоящее время она равняется 35 — 40. Все это, вмѣстѣ взятое, способствовало усвоенію народными массами многихъ здоровыхъ гигиеническихъ свѣденій, постоянно проводимыхъ и правительствами, и самимъ обществомъ въ жизнь самыхъ бѣдныхъ классовъ населенія.

Такимъ образомъ, чума вовсе не представляетъ собою чего-то особенно ужаснаго, небывалаго, какого-то бича небеснаго, поражающаго населеніе *при всевозможныхъ условіяхъ*. Чума, дѣйствительно, становится грознымъ бичомъ, какъ это было, напр., въ XIV столѣтіи, если *невѣжество и нищета* подготовить для неі удобную почву.

Существуетъ-ли такая почва въ Россіи?

III.

Количество заболѣваній и смертность отъ чумы достигаютъ особенно громаднхъ размѣровъ *только тамъ*, гдѣ, какъ повсюду въ средніе вѣка и какъ во многихъ мѣстахъ на Востокѣ и до настоящаго времени, санитарное положеніе страны, и особенно чистота, находятся въ такомъ небрежномъ состояніи, о которомъ мы (это говоритъ нѣмецъ) не можемъ составить себѣ и понятія. При такихъ условіяхъ и другія болѣзни, напр., кровавый поносъ, сыпной тифъ, достигаютъ развитія, напоминающаго злѣйшія эпидеміи чумы.

Какъ ни обидно и больно для народнаго самолюбія грустное сознаніе, что и у насъ нашлась почва для развитія такой болѣзни, которую цивилизованнаго государства признали за принадлежащую уже исторіи. Грустно сознаться, что по санитарнымъ условіямъ мы принадлежимъ не настоящему вѣку, а среднимъ вѣкамъ, принадлежимъ не къ Западу, а къ Востоку. („Медиц. Обзорѣніе“, янв. 79.)

Въ „Дѣлѣ“ еще на-дняхъ было уже замѣчено, что у насъ не существуетъ никакого санитарнаго законодательства, обязательно проводимаго въ жизнь. Въ прошломъ году въ „Дѣлѣ“ *) говорено было и о томъ, какъ ничтожны свѣденія о самыхъ элементарныхъ гигиеническихъ понятіяхъ, обращающихся среди нашего такъ-называемаго интеллигентнаго общества и общественныхъ дѣя-

*) «Тифозная эпидемія въ Петербургѣ».

телей. При всякой эпидеміи наша интеллигенція обыкновенно заводитъ разговоръ съ врачомъ о томъ, какое лекарство помогаетъ отъ этой болѣзни. Многіе врачи-промышленники поддерживаютъ эти аптечныя или водяныя иллюзіи. Какой-то высокопревосходительный интеллигентъ, какъ сообщали на-дняхъ газеты, собрался было жечь керосинъ и соль, привезенныя въ его имѣніе изъ зачумленнаго края. Подобныхъ примѣровъ я-бы изъ своихъ собственныхъ бесѣдъ могъ привести сотни! Это по части нашей интеллигенціи. А вотъ факты относительно нашихъ общественныхъ дѣятелей: въ холерную эпидемію 1871 г. („Медиц. Обзор.“, янв. 79) земство зарайскаго уѣзда обратилось съ просьбою къ думѣ города Зарайска о принятіи совокупныхъ мѣръ противъ холерной эпидеміи. Дума, обсудивши этотъ вопросъ, постановила: просить соборнаго священника отслужить торжественное молебствіе объ избавленіи отъ холерной эпидеміи, о чемъ и сообщить зарайскому земству. Еще на-дняхъ петербургская городская дума встрѣтила дружнымъ хохотомъ предложеніе одного гласнаго (вѣроятно, случайно попавшаго въ думу) предпринять радикальное оздоровленіе столицы. И такихъ примѣровъ, вѣроятно, набрались-бы тысячи!

При такомъ уровнѣ развитія нашей такъ-называемой интеллигенціи и общественныхъ дѣятелей, уже а priori можно заключить, въ какомъ санитарномъ состояніи находятся наши города. О невозможныхъ для нынѣшняго вѣка средневѣковыхъ санитарныхъ условіяхъ Петербурга противно и говорить. Что касается Москвы, то санитарная комисія, работавшая тамъ въ прошлое лѣто (Петербургъ даже и до такой комисіи не додумался), описала такими мрачными красками гигиеническое положеніе ветхозавѣтнаго города, что худшее трудно себѣ и представить („Мед. Обзор.“). Оказалось, что въ Москвѣ существуютъ хлѣбопекарни, въ которыхъ, для производства хлѣба, употребляется вода, чуть-чуть не настоящая на человѣческихъ экскрементахъ. Протекающая чрезъ сущевскую часть рѣчка служитъ мѣстомъ для выбрасыванія всѣхъ возможныхъ нечистотъ, производимыхъ человѣкомъ и животными; между тѣмъ, изъ этой рѣчки сдѣлали прудъ съ ваннами для воспитанницъ екатерининскаго института! Москвичи этому удивляются. Посмотрѣли-бы они на наши петербургскіе каналы. Тамъ одинъ ручей и на немъ одна ванна, а у насъ сколько каналовъ, сколько въ нихъ устроено ваннъ, сколько живорыбныхъ садковъ и сколько ватерлозетовъ вливается въ эти каналы! Таковы наши столицы, центры интеллигенціи, высшаго просвѣщенія и неисчислимаго количества всякаго начальства! А что дѣлается въ Кіевѣ, Казани, Рязани и пр., что дѣлается въ нашихъ селахъ, деревняхъ, посадахъ, пригородахъ? Данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ, сколько мнѣ

известно, имѣется мало, какъ и для отвѣта на массу дѣ вопросовъ, но едва-ли можно считать преувеличенною слѣду картину нашего народнаго быта:

„Гдѣ-бы мы ни остановились—будеть-ли то Тифлисъ, Ялта, Кіевъ или Ветлянка—вездѣ мы видимъ одно и то-же: не дурное санитарное состояніе низшаго рабочаго класса, от ствіе удобныхъ для него жилищъ, отсутствіе сносной пищи, ное отсутствіе или недостатокъ хорошей воды для питья и держанія чистоты вокругъ себя, накопленіе громаднаго количе гнющихъ продуктовъ, въ видѣ-ли дурной провизіи, или въ отбросковъ отъ хозяйства и испражненій скота и людей, ду устройство кладбищъ особенно въ столицахъ,—словомъ, всё усло которыя такъ излюблены чумою на Востокѣ. Въ большихъ ц рахъ населенія къ этому присоединяется еще масса зла вс ствіе загрязненія водъ, почвы и воздуха промышленными и ф ричными заведеніями, вслѣдствіе негигіеническихъ условий жи массъ фабричнаго населенія, вслѣдствіе небрежнаго отношенія дождевой водѣ, скопляющейся въ видѣ прудковъ, наполняемъ всякими нечистотами, наконецъ, вслѣдствіе размѣщенія бѣде населенія въ подвальныхъ жилищахъ, ниже уровня почвенны водъ и отхожихъ мѣсть“ (Протоколы засѣд. общ. рус. врач. Петерб.).

При такихъ средневѣковыхъ санитарныхъ условіяхъ-слѣды бы ожидать, что различныя эпидеміи будутъ постоянно опустошать Россію не хуже чумы. И, дѣйствительно, эпидеміи той или дру гой болѣзни у насъ не переводятся и истребляютъ массу населенія. Въ прошломъ, напр., году въ нѣкоторые мѣсяцы смертность въ Петербургѣ доходила почти до 61%, а годовой процентъ смерт ности доходитъ до 45—48%, въ Москвѣ до 40%. Вѣдь съ такимъ (для Петербурга и Москвы нормальнымъ) процентомъ смертности знакомъ ни одинъ большой городъ въ Европѣ. По словамъ д-ра Осипо ва, въ московскомъ уѣздѣ есть мѣстности, гдѣ смертность достигаетъ 73%, что были года, когда не только не было никакого увели ченія народонаселенія, но, напротивъ, была значительная убыль. Средняя продолжительность жизни въ этихъ мѣстностяхъ для жен щинъ 19 лѣтъ, а для мужчинъ — 16! И это въ уѣздѣ, который по своему положенію около столицы, имѣетъ больше условій для полученія выгодныхъ заработковъ, а также и для примѣненія къ жизни санитарныхъ условій. И это еще не средніе вѣка! 73% смертности, — какой еще чумы нужно? Бываютъ эпидеміи чумы гдѣ процентъ смертности достигаетъ только 55%, а въ прошломъ году при тифозной эпидеміи въ Петербургѣ % смертности въ сложности былъ выше 60.

каковы санитарныя условія астраханской губерніи и тѣхъ ихъ ватагъ, гдѣ чума прежде всего нашла удобную почву воего развитія? Къ моему удивленію, ни въ одномъ изъ до- вѣ въ обществѣ русскихъ врачей и ни въ одной изъ чумныхъ куръ, появившихся въ послѣдніе дни, я не нашелъ на этотъ , ни малѣйшихъ указаній, хотя по этому предмету есть весь- ѣнная работа. Работа эта принадлежитъ офиціальному ли- астраханскому врачебному инспектору Чорбину—и напечатана фиціальному органъ— „Архивъ судебной медицины и обществен- гигіены“, издаваемомъ медицинскимъ департаментомъ мин. гр. дѣлъ (за іюль 1871 г.). При всей своей краткости, статья весьма рельефно рисуетъ нашъ культурный бытъ.

Нѣтъ моря, говорить Чорбинъ,—болѣе богатаго различнаго ро- рыбой, какъ Каспійское море. Ловля въ моряхъ Черномъ, Бал- скомъ и Бѣломъ едва можетъ дать приблизительное понятіе о ль изобиліи въ рыбѣ, какое встрѣчается въ здѣшнихъ водахъ. сегодно среднимъ числомъ въ Каспійскомъ морѣ и притокахъ) добывается болѣе 15 миліоновъ пудовъ рыбы и тюленей на му болѣе 13 миліоновъ рублей.

Рыбный промыселъ, вначалѣ патриархальный, сосредоточивав- йся въ шалашѣ, въ силу различныхъ законоположеній и вре- ни, выработалъ для себя правила и технику производства, *при- мѣ санитарная часть осталась въ сторонѣ, въ прежнемъ перво- атномъ машинномъ состояніи.*

Всѣхъ рыбныхъ ватагъ въ астраханской губерніи 125; онѣ рас- нуты на морскомъ и волжскомъ побережьи на протяженіи 700 ерствъ. Ближайшее разстояніе между ватагами около 10 верствъ, самое дальнее — 80 верствъ. Кромѣ того, около Астрахани на ротивоположномъ берегу Волги находится выходовъ или складовъ ля рыбы и тюленя 11.

Описавши устройство *ватагъ*, или рыбныхъ *заводовъ*, съ ихъ *мотами*, *волоками*, *выходами*, или *вавилонами*, *магазинами* и *жиро- топнями*, а также технику сортировки и пластованія рыбы, д-ръ Чорбинъ такъ описываетъ лари, въ которыхъ солится и сохраняет- ся рыба:

„Каждый ларь (на большихъ ватагахъ) имѣетъ 3 аршина въ длину и глубину и 8 аршинъ въ ширину; въ такомъ ларѣ помѣ- щается 7,000 пудовъ бѣлуги или 40,000 судаковъ. Лари почти постоянно наполнены рыбой и однажды втеченіи года, обыкно- венно къ Петрову дню, когда рыбу увозятъ на нижегородскую ярмарку, очищаются отъ испорченнаго тузлука, вымываются туз- лукомъ и оставляются обыкновенно на зиму для того, чтобы они совсѣмъ просохли. Къ сожалѣнію, встрѣчаются лари, нечищенные

по два и даже по три года, вслѣдствіе чего тамъ осаждается г. рыбы грязь, и стѣны пропитываются вонючимъ тузлукомъ; все это издаетъ отвратительный запахъ. Въ 1846 г. на ветлугинскомъ промыслѣ двое татаръ, чистившихъ ларь, который стоялъ подъ рыбой около 3 лѣтъ, умерли отъ дыханія вреднаго газа, выходящаго изъ тузлучной грязи. Въ 1850 г. въ имѣніи Сапожниковъ 3 работника чистили ларь, который стоялъ подъ рыбой болѣе двухъ лѣтъ, и всѣ они умерли отъ газа, выходящаго изъ стѣны, и тузлучной грязи. Въ 1869 г. 3 августа на стрѣфулевскомъ промыслѣ арендуемомъ купцомъ Гриценковымъ, при чисткѣ ларя, задохлось совершенно 5 человекъ, а 2 были спасены“.

Рыба, уложенная въ лари и пересыпанная солью, выдѣляетъ изъ себя сокъ. Сокъ этотъ, пропитанный солью, называется тузлукомъ, или разоломъ. Чѣмъ рыба жирнѣе, тѣмъ скорѣе образуется этотъ тузлукъ. При ослабленіи тузлука, его называютъ такъ-называемою жировою солью, т. е. солью, бывшею уже въ употребленіи. Сколько песку, земли и всевозможной грязи попадаетъ при этомъ опять въ тузлукъ, а съ нимъ и въ рыбу! *Жировая соль имѣетъ отвратительный грязно-желтый видъ и она воняетъ!* Послѣ каждаго приготвленія рыбы тузлукъ необходимо выливать, а лари прочищать и вымывать. Но на дѣлѣ бываетъ иначе: тузлукъ отъ весенняго лова сохраняется до осени, отъ осени до весны и т. д., иногда втеченіи 3—4 лѣтъ, и лари не очищаются въ продолженіи такого-же числа лѣтъ. Вслѣдствіе этого въ ларяхъ осаждается грязь, имѣющая смѣзь отъ рыбы, и стѣны ихъ пропитываются неземно-вонючимъ тузлукомъ.

Вопросъ о соленіи рыбы имѣетъ громадное гигиеническое значеніе, такъ-какъ соленая рыба для огромнаго количества нашего народа замѣняетъ и мясо, а нерѣдко и самый хлѣбъ. А, между тѣмъ, въ способѣ приготвленія рыбы и кроется источникъ вреда для потребителей соленой рыбы. „Къ сожалѣнію, говоритъ Чорбинъ,—главная цѣль рыбнаго промышленника—наловить какъ можно больше рыбы, а приготвленіе ея дѣло уже второстепенное. Въ этомъ отношеніи все идетъ по преданію, какъ *было за 100 лѣтъ передъ тѣмъ*. Въ одинъ и тотъ-же тузлукъ новая рыба попадаетъ иногда до трехъ разъ. Поступаютъ такъ единственно съ цѣлю меньшаго потребленія соли. Съ экономической цѣлью очень многіе солятъ рыбу тузлукомъ изъ-подъ красной рыбы бочка котораго продается по 5 руб. Одною бочкой можно положить 3,000 судаковъ и, слѣдовательно, сберечь деньги за 75 фунтовъ соли, необходимой для хорошей солки этихъ судаковъ. Приготавливаемая такимъ тузлукомъ, вмѣсто соли, рыба не просоливается совершенно и внутри остается сырою, имѣя въ то-жѣ

время по наружности видъ хорошо обработанной рыбы. Самая худшая по приготовленію бываетъ рыба, ловимая въ персидскихъ водахъ. Тамъ она добывается въ такомъ множествѣ, что „уборъ не беретъ“. Чтобы скрыть гниль рыбы, употребляется огромное количество соли, болѣе чѣмъ нужно; но соль тогда разъѣдаетъ рыбу, и она дѣлается красною; несмотря на это, въ такомъ видѣ рыба привозится въ Астрахань, откуда идетъ вверхъ и находитъ потребителей.“

Потребители эти мрутъ потомъ цѣлыми семьями отъ этой отравы, о чемъ составляются протоколы по формѣ и складываются въ архивъ.

Замѣтка эта, какъ я уже говорилъ, написана официальнымъ лицомъ, напечатана семь лѣтъ назадъ въ правительственномъ органѣ, стало быть, все это сдѣлалось извѣстно *всякому* начальству, — что-же измѣнились съ тѣхъ поръ порядки? Мнѣ неизвѣстно, сколько теперь задыхается рабочихъ въ ларяхъ, увеличилось-ли за эти годы количество отравленій, но, судя по газетнымъ извѣстіямъ о состояніи Ветлянки, тамъ все обстоитъ благополучно, т. е. порядки, существовавшіе 100 лѣтъ назадъ, процвѣтаютъ и до сихъ поръ.

Изъ всего этого невольно въ тысячный разъ всплываетъ *соляной вопросъ*, который, помимо громаднаго экономическаго значенія, получаетъ не менѣе громадное и санитарное значеніе. Соль, служащая необходимымъ условіемъ для поддержанія здоровья, мы сумѣли превратить въ источникъ отравы! И это не средніе вѣка!

Теперь посмотримъ, какъ благоденствуютъ на этихъ ватагахъ рабочіе, добывающіе своимъ благодѣтелямъ-патронамъ миллионныя состоянія.

Всѣхъ рабочихъ на ватагахъ астраханской губерніи считается (кто это считалъ ихъ?) болѣе 20,000.

Рабочіе всегда продовольствуются пищею отъ хозяина. Мѣсячную пропорцію пищи рабочаго круглый годъ составляютъ: $\frac{3}{4}$ фунта кирпичнаго чая, 90 фунтовъ ржаного печенаго хлѣба и рыбы, сколько угодно, *мелкой*. Рабочіе никогда не получаютъ мяса.

Помѣщенія рабочихъ д-ръ Чорбинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Казармы для рабочихъ—землянки, преимущественно камышевыя, съ нарами и пекарней. Землянки очень низки, темны, вентиляціи въ нихъ нѣтъ никакой, полы немощены, воздухъ въ нихъ заражается непропорціональнымъ величинѣ землянокъ числомъ жильцовъ и сырою, развѣшенной для просушки, одеждою. Въ та-

кихъ жильяхъ помѣщаются взрослые *), малолѣтніе, здоровые и больные— всѣ вмѣстѣ.

„Общій характеръ ватагъ—неопрятность и грязь. Подъ плотью гниютъ накопившіеся остатки отъ внутренностей рыбы, въ чашахъ и ларяхъ находятся гнилые тузлуки съ остатками рыбы; тутъ-же вблизи ватаги, лужи загнивашаго, вылитаго на землю, тузлука; изъ жиротопень идетъ удушливый дымъ. Вентиляція какъ лабокъ и выходовъ, такъ равно и самыхъ зданій, построенныхъ близъ одно къ другому, очень неудовлетворительна. Борты ларей (на которыхъ лежитъ рыба) не возвышаются надъ поломъ, что даетъ возможность *попадать нечистотамъ въ лари и члны* (т. е. впитываться въ рыбу). Наконецъ, нѣкоторыя ватаги помѣщаются на верхнихъ мѣстахъ, низкихъ, гдѣ, кромѣ плохого провѣтриванія, присоединяется еще другое не менѣе важное обстоятельство, именно— близость уровня почвенной воды, которая просачивается въ нихъ (опять-таки съ рыбой), застаивается въ нихъ и подъ ними гниетъ гнилой, вонючій запахъ. За немногими исключениями, санитарная часть ватагъ вездѣ одинакова.“

Само собою разумѣется, какое нравственное вліяніе могутъ имѣть такая обстановка на рабочихъ. Въ такой обстановкѣ человекъ можетъ только одичать, оскотиниться.

Нравственность обоого пола, по словамъ Чорбина, въ большомъ упадкѣ. Нужно быть свидѣтелемъ тѣхъ циническихъ *выходовъ* фразъ и дѣйствій, которыя распространены въ обществахъ рабочихъ, чтобы видѣть, до какихъ размѣровъ доходитъ ихъ цинизмъ.

Удовлетвореніе полового инстинкта очень незатѣливо, благодаря незастѣнчивости женщинъ, неразборчивости для такихъ отпратленій *во времени и мѣстѣ*. Эта своеобразно (да, ужъ чрезвычайно своеобразно) установившаяся жизнь рабочихъ какъ нельзя болѣе способствуетъ развитію сифилиса. Безъ всякихъ мѣръ предосторожности противъ взаимной передачи болѣзни, безъ леченія, сифилисъ здѣсь распространяется и развивается быстро, оставаясь страшнымъ безобразіемъ. Очень часто можно встрѣтить на ватагахъ женщинъ и мужчинъ съ горизонтальной повязкой на лицѣ надъ глазами; повязка эта скрываетъ отсутствіе носа.

Кромѣ сифилиса, на ватагахъ свирѣпствуютъ перемежающіеся лихорадки, цынга и т. д. Цынга обусловливается не столько сыростью воздуха, сколько однообразною, исключительно рыбной пищею, безъ всякой приправы ея пряностями и кислотами.

*) Къ сожалѣнію, авторъ не говоритъ, помѣщаются-ли женщины отдѣльно отъ мужчинъ или нѣтъ. Впрочемъ, что нѣтъ.

По совершенному отсутствію врачей на рыбныхъ промыслахъ *), невозможно обозначить статистическое отношеніе больныхъ къ здоровымъ вообще, рода болѣзней, числа смертныхъ случаевъ, выздоровленій, увѣчій и пр. Извѣстно только одно, что при всякой болѣзни на промыслѣ больной ложится въ землянкѣ и, по мѣстной терминологіи, *отлеживается*, т. е. остается безъ всякой помощи, и лежитъ до тѣхъ поръ, пока или вѣркая натура восторжествуетъ надъ болѣзнію, или болѣзнь окончится смертью. *Случается еще хуже: больного вытѣсняютъ изъ своей среды здоровые, и онъ вылеживается, валяясь въ камышахъ!*

Какъ-бы кто ни смотрѣлъ на эти санитарные порядки, но для всякаго покажется чудовищно-невѣроятнымъ, что у насъ существуетъ цѣлый край, гдѣ десятки тысячъ рабочаго люда живутъ внѣ всякаго покровительства законовъ страны, физически и нравственно ведутъ жизнь одичалыхъ животныхъ; никто не знаетъ, сколько приходитъ ихъ, сколько вымираетъ и отчего вымираетъ.

Я ничего не прибавлю къ этому. Пусть читатель самъ судить, удобна-ли подобная почва для развитія какой-угодно эпидеміи.

Я не знаю, признаетъ-ли международная комисія въ ветлянской эпидеміи настоящую восточную чуму (вѣдь вопросъ этотъ можетъ быть рѣшонъ окончательно только на мѣстѣ, а не изъ прекраснаго далека); если нѣтъ, то она несомнѣнно признаетъ тотъ фактъ, что культурный бытъ, а можетъ быть, и климатъ низовьевъ Волги можетъ служить прекрасной почвой для развитія крайне-злокачественной формы тифа,—такой формы, которая тамъ господствуетъ, быть-можетъ, уже давно, нѣсколько лѣтъ.

А. Полотебновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

*) Должность пекаря на ватажной пекарнѣ исполняетъ, большею частію, отставной солдатъ; онъ-же въ свободное отъ занятій время занимается леченіемъ рабочихъ, пуская имъ кровь.

АНГЛІЯ И АВГАНИСТАНЪ.

Если мы окинемъ мысленно однимъ взглядомъ рядъ событій вызванныхъ послѣднею восточною войною, и прислушаемся къ отдаленному эхо, какъ-бы порожденному балканскими громами ущельяхъ Гинду-Куша и Сулеймана *), то мы невольно должны будемъ придти къ слѣдующимъ двумъ категорическимъ заключеніямъ: во-первыхъ, между восточною войною и настоящею англо-авганскою существуетъ извѣстная, хотя и тщательно замаскированная, причинная связь, которую надо понимать въ томъ смыслѣ, что затѣянная англичанами военная экспедиція въ Авганистанъ, подъ мнимымъ предлогомъ проведенія „научныхъ границъ“, ничто иное, какъ запоздалая демонстрація противъ военного обаянія Россіи, которое она приобрѣла въ послѣднее время на средне-азіатскія дѣла. Демонстрація эта представляется намъ предпринятою съ двойною цѣлью: во-первыхъ, непосредственно для того, чтобы поднять нѣсколько упавшее въ послѣднее время въ глазахъ индусовъ военное обаяніе самой Англійи и дать нѣкоторое удовлетвореніе воинственной отвагѣ, охватившей военныя сферы англійскаго общества подъ вліяніемъ задорной политики торіискаго министерства; а, во-вторыхъ, также съ цѣлью заодно ужъ и наказать эмира (который при этомъ играетъ роль козла отпущенія) за тотъ благопріятный Россіи нейтралитетъ, котораго онъ, „будущій“ вассалъ Англійи, втеченіи всей русско-турецкой борьбы осмѣливался придерживаться, вопреки видамъ лорда Блэкконфильда и краснорѣчію посланнаго къ нему, по совѣту Англійи, Портою, делегата. Нѣтъ сомнѣнія, что интимныя отношенія, которыя установились между эмиромъ и представителями русской власти въ Средней Азіи, были невольнымъ слѣдствіемъ чуж-

*) Горные кряжи въ Авганистанѣ.

ва благодарности, которымъ до извѣстной степени Россія обязана эмиру за его сдержанное поведеніе въ данномъ случаѣ. Конечно, особеннаго вреда онъ не могъ-бы намъ сдѣлать, еслибы даже и послушалъ наущеній Англіи; но, предпринявъ военную демонстрацію противъ дружественной намъ Персіи (что было-бы особенно выгодно для британскихъ цѣлей), или возбудивъ беспорядки въ нашихъ средне-азиатскихъ ханствахъ, хотя-бы, напр., объявленіемъ „газавата“, или священной войны противъ невѣрныхъ, онъ гдѣмъ не менѣе могъ-бы намъ надѣлать немало непріятностей. Нагляднымъ примѣромъ этому можетъ служить возстаніе на Кавказѣ, причинившее намъ столько затрудненій въ минувшую кампанію.

Но прежде чѣмъ мы будемъ говорить о столкновеніи Англіи съ Афганистаномъ, считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе читателя на тотъ критическій моментъ, который переживается теперь восточнымъ вопросомъ. Мы утверждаемъ, что восточный вопросъ изъ вопроса частнаго—*русско-турецкаго*, превратившись въ первой трети нынѣшняго столѣтія въ вопросъ *общеевропейскій*, въ настоящее время вступаетъ въ новый фазисъ развитія и дѣлается *мировымъ* вопросомъ; и это потому, что область его этнографическаго и географическаго вліянія получаетъ несравненно большіе размѣры противъ прежняго. Дѣло въ томъ, что берлинскій конгрессъ впервые выдвинулъ на первый планъ тотъ рѣзкій антагонизмъ, въ которомъ находятся другъ къ другу интересы Англіи и Россіи, представляющіе собою какъ-бы два крайнихъ полюса, въ сравненіи съ которыми интересы другихъ державъ совершенно ступеньваются. Выясненіе этого факта придаетъ особенное значеніе берлинскому конгрессу, какъ одному изъ самыхъ главныхъ моментовъ въ исторіи восточнаго вопроса.

Англія и Россія были главными дѣйствующими лицами на конгрессѣ, остальные-же играли роль простыхъ статистовъ. Борьба за преобладаніе между Англіей и Россіей, судя по логическому ходу событій, составитъ дальнѣйшую исторію восточнаго вопроса. Ясно, чтобы слѣдить за дальнѣйшими перепетіями этого вопроса, мы должны оставить нашу прежнюю точку зрѣнія, какъ уже непригодную и устарѣвшую, и отнестись къ дѣлу гораздо серьезнѣе, чѣмъ мы относились до сихъ поръ.

Отличительной чертой всякаго переходнаго времени является всегда болѣе или менѣе продолжительное хаотическое состояніе умовъ, которое происходитъ отъ неизбежнаго столкновенія отжившихъ свой вѣкъ понятій съ новыми, причемъ послѣднія съ свойственной молодости неопытностью стремятся поскорѣе занять мѣсто старыхъ, почему между ними завязывается борь-

ба. Хотя эта борьба и происходитъ въ мірѣ идей, но тѣмъ не менѣе часто принимаетъ конкретныя формы: она всегда ведетъ къ торжеству новыхъ понятій надъ устарѣлыми, въ чемъ и заключается сущность явленія, называемаго прогрессомъ.

Не легко бываетъ, конечно, разставаться съ излюбленными идеями, въ особенности когда на осуществленіе ихъ затрачены дѣшныя силы; но если разсудокъ подсказываетъ намъ, что дальнѣйшій погоня за ними тщетна и поведетъ лишь къ весьма вѣроятной потерѣ того, чѣмъ мы теперь обладаемъ, то благоразумнѣе время свернуть съ этого рокового пути, чѣмъ ждать, пока неумолимое стеченіе обстоятельствъ принудитъ насъ къ этому грубой силой горькой необходимости.

Если мы подвергнемъ строгому анализу то, что подразумѣвало до сихъ поръ русское общество подъ „восточнымъ вопросомъ“, то окажется, что и здѣсь, какъ и вездѣ, между старыми рутинными и новыми прогрессивными понятіями должна произойти борьба, подобная выше описанной и характерная для всякаго переходнаго времени. Дѣло въ томъ, что кризисъ, который переживаетъ въ настоящій моментъ восточный вопросъ, а равно и несомнѣнные данныя, свидѣтельствующія о вступленіи его отнынѣ въ новую стадію своего развитія, не могутъ, конечно, не отразиться на кодексѣ извѣстныхъ понятій, которыя отличаются чисто-априористическимъ характеромъ, и которыя до сихъ поръ были тѣсно связаны въ умѣ русскаго общества съ упомянутымъ вопросомъ.

Послѣдняя война, вѣроятно, окажетъ намъ одну несомнѣнную услугу — протретъ намъ или будущему поколѣнію глаза и приведетъ къ сознанію, что фантастическое представленіе о восточномъ вопросѣ находится въ слишкомъ явномъ и осязательномъ противорѣчій съ дѣйствительностью, что всякая дальнѣйшая иллюзія дѣлается рѣшительно невозможной передъ неумолимой логикой фактовъ.

Кажется, что именно подобный кризисъ переживаетъ въ настоящій моментъ мыслящая часть нашего общества, хотя она и обязана имъ вліянію неизбѣжныхъ и роковыхъ обстоятельствъ, но надо надѣяться, что кризисъ этотъ постепенно приведетъ ее къ болѣе трезвому и спокойному взгляду на вещи. Кажется, что борьба съ мечомъ въ рукахъ за присвоенное нами въ силу нашихъ якобы народныхъ традицій исключительное право на „освобожденіе“ южно-славянскихъ и вообще христіанскихъ народовъ изъ-подъ политической зависимости или, какъ говорить обыкновенно, изъ-подъ гнета турокъ, — что борьба эта, которую Россія вела сперва съ одной Турціей, а затѣмъ съ цѣлой Европой — борьба, стоившая столько русскихъ жизней и всегда мѣшав-

шая Россіи сосредоточиться на ея собственныхъ интересахъ, отдаваться задачамъ своего внутренняго развитія, — борьба эта силою самыхъ вещей должна перейти въ область политическихъ фикцій.

Надо надѣяться, что приторное псевдопатріотическое направленіе, охватившее умы значительной части русскаго общества, эта непризванная опека надъ интересами другихъ народностей, упускающая изъ виду собственныя, уступить мѣсто болѣе ясному пониманію дѣйствительныхъ задачъ Россіи. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что разочарованіе, замѣнившее собою въ извѣстныхъ слояхъ нашего общества прежнее увлеченіе, наведетъ насъ на другія соображенія, поставитъ на болѣе раціональную точку зрѣнія. Мы убѣдились горькимъ опытомъ, что тѣ великія надежды, которыя мы основывали на нашихъ побѣдахъ, серьезно вообразивъ себѣ, что послѣднія въ состояніи на этотъ разъ сдѣлать что-нибудь существенное для облегченія участи славянскихъ народностей, тѣсно связанной съ ихъ исторической судьбой и обусловленной ихъ географическимъ и этнографическимъ распредѣленіемъ между другими расами, не только не сбылись, но и поставили насъ лицомъ къ лицу противъ всей Европы. Разочарованіе, конечно, такъ-же нелѣпо и такъ-же наивно, какъ и прежнее упоеніе несбыточными иллюзіями; оно доказываетъ только, что мы всегда были далеки отъ пониманія историческихъ законовъ, заправляющихъ судьбами націй. А, между тѣмъ, сколько принесено жертвъ, сколько потрачено силъ въ погонѣ за несбыточной мечтой! Мы сомнѣваемся, чтобы у Россіи находился въ наличности такой избытокъ умственныхъ и матеріальныхъ силъ, которымъ она могла-бы располагать совершенно произвольно, не нанося тѣмъ явнаго ущерба своему нормальному развитію.

Въ этомъ отношеніи исторія представляетъ намъ много паразитическихъ примѣровъ. Націи, увлеченныя своимъ внѣшнимъ величіемъ, основывая его на силѣ меча, и пренебрегавшія своимъ внутреннимъ развитіемъ, быстро шли къ своему роковому паденію. Римская имперія въ послѣдніе годы своего существованія была колоссомъ, сгнившимъ внутри и неимѣвшимъ подъ собою опоры. Взгляните на современную Испанію, которой прежде принадлежало полміра, которая была средоточіемъ цивилизаціи: истощенная неестественнымъ напряженіемъ своихъ силъ въ погонѣ за неосуществимымъ идеаломъ всемірнаго владычества, потерявъ въ этихъ войнахъ почти половину своего прежняго населенія, она уже давно какъ-бы впала въ летаргическое состояніе. Населеніе ея гораздо меньше, чѣмъ оно было прежде. Она не имѣетъ уже болѣе голоса въ международной политикѣ, и мнѣнія ея на евро-

пейскихъ ареопагахъ спрашиваютъ только изъ вѣжливости. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что преждевременнымъ паденіемъ своего матеріальнаго и политическаго могущества Испанія, если не исключительно, то главнымъ образомъ обязана побѣдамъ своихъ полководцевъ, приводившихъ нѣкогда въ восторгъ недалеко-видныхъ гидальго.

Намъ могутъ возразить, что Россія не съ цѣлью завоеваній преслѣдуетъ ту традиціонную политику на Балканскомъ полуостровѣ, въ которой ее обвиняетъ Европа, но имѣетъ въ виду лишь „освобожденіе своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ“, что въ этомъ заключается ея „историческая миссія“, и, пока она не достигнетъ своей цѣли, она не имѣетъ права положить меча въ ножны.

Какой политической смыслъ надо придавать подобнымъ громкимъ словамъ, какъ „дѣло свободы“, „историческая миссія“, и насколько восточная политика Россіи чужда всякихъ завоевательныхъ стремленій, объ этомъ мы здѣсь не будемъ распространяться *). Достаточно сказать, что Россія всегда сочувственно относилась къ предлагаемымъ ей проектамъ раздѣла Турціи и вступала въ переговоры по этому поводу съ Австріей, Англійей и даже съ Франціей. Присоединеніе Босніи и Герцоговины къ австрійской имперіи, съ согласія Россіи, доказываетъ, что послѣдняя сочувствовала подобной политикѣ.

Но для нашей непосредственной цѣли совершенно безразлично, стремилась-ли Россія къ завоеваніямъ, т. е. къ расширенію своей собственной территоріи насчетъ земель Европейской Турціи, или русскій народъ дѣйствительно былъ вдохновленъ великой и безкорыстной идеей освобожденія славянскихъ расъ, — насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ этотъ вопросъ лишь съ экономической точки зрѣнія, а съ этой точки дорого стоящая войны, предпринимаются-ли онѣ съ цѣлью завоеваній или съ цѣлью такъ-называемаго „освобожденія“, одинаково убыточны и въ матеріальномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Если освобожденіе одного народа другимъ проводится чистосердечно и безкорыстно, то оно не болѣе, какъ политическій парадоксъ, не говоря уже о томъ, что освобожденный народъ всегда неизбѣжно подпадаетъ подъ вліяніе освободившаго, какъ-бы гуманно послѣдній ни относился къ первому, и это потому, что центръ тяжести политическаго вліянія всегда на сторонѣ побѣдителя, какъ болѣе сильнаго. Сво-

*) См. по этому вопросу нашу статью въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за ноябрь 1878 г. подъ заглавіемъ: „Матеріалы для характеристики русск. вост. политики“.

боду нельзя даровать или навязать тому, кто самъ не умѣетъ ее взять, и, наконецъ, понимаемъ-ли мы сами, какую свободу преподносимъ славянскимъ народностямъ? Самое лучшее право, на которое только могли претендовать эти народности, послѣ столькихъ вѣковъ страданій — право быть предоставленными собственному почину въ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ — не было признано за ними ни Россіей, ни Европой.

Что никакой китайской стѣной мы не въ состояніи оградить эти народности отъ наплыва европейскихъ капиталовъ и отъ европейскихъ и своихъ доморощенныхъ „жидовъ“, и вообще отъ послѣдствій соприкосновенія съ европейскимъ „экономическимъ прогрессомъ“ — это фактъ, вѣтъ всякаго спора и сомнѣнія. А, между тѣмъ, въ наше время экономическое вліяніе — самое сильное и неотразимое. Это главнѣйшій факторъ, регулирующий международныя отношенія. Только въ силу этого вліянія Турція фактически очутилась въ рукахъ Англіи, которая своимъ матеріальнымъ могуществомъ даетъ тонъ всей Европѣ. И еслибы торійское министерство потрудилося протереть свои синія очки, то оно ясно видѣло-бы, что освобожденіе балканскаго славянства не только не вредитъ Англіи, но можетъ оказывать ей величайшую услугу. Свободная Болгарія и сильная Черногорія откроютъ ей свои внутренніе рынки, свои порты, и много-много черезъ пятьдесятъ лѣтъ будутъ ея лучшими союзниками на экономической почвѣ. Въ этомъ отношеніи борьба Россіи была-бы совершенно бесплодна...

Въ одномъ мы можемъ быть вполне увѣрены, что вся Европа, соединившись въ одну могущественную коалицію, не въ состояніи, еслибы она этого даже и хотѣла, помѣшать естественному развитію экономическаго закона, въ силу котораго турецкій элементъ будетъ мало-по-малу вытѣсняться христіанскимъ элементомъ на Балканскомъ полуостровѣ. И, нѣтъ сомнѣнія, что, на основаніи того-же экономическаго закона, послѣдняя роль освободителя славянъ будетъ принадлежать не тому, кто будетъ дѣйствовать оружіемъ, а тому, кто дастъ имъ лучшее матеріальное обезпеченіе.

Что одна наша физическая сила не въ состояніи заставить Европу уважать насъ и наши идеалы о свободѣ славянства, что страхъ, ощущаемый Европой послѣ всякой нашей побѣды надъ турками, очень скоро проходилъ и смѣнялся реакціей, для насъ невыгодной, — это видно изъ результатовъ всѣхъ нашихъ войнъ съ Турціей за „свободу славянъ“. Если мы на самомъ дѣлѣ были такъ идеально близоруки, что пролили столько крови, имѣя въ виду лишь исключительно цѣль, какъ мы думали, дѣйствительнаго освобожденія христіанскихъ народностей, а не политическіе, хотя-бы даже фиктивные* интересы Россіи, тѣмъ хуже для

насъ. Европа, по крайней мѣрѣ, никогда не довѣряла нашему безкорыстію и не цѣнила нашихъ заслугъ, если онѣ за нами и были. Не заслужили мы себѣ также особенной благодарности и отъ самихъ заинтересованныхъ народностей, за то, что втеченіи двухъ вѣковъ занимались фантастической работой ихъ освобожденія *). Впечатлѣніе, производимое на народы быстрымъ натискомъ нашихъ армій, не могло никогда устоять противъ притягательной силы мѣшка съ золотомъ въ рукахъ англичанъ.

Но такъ-какъ Турція составляетъ теперь не болѣе, какъ политическую оболочку для народовъ Балканскаго полуострова, которая не сегодня, такъ завтра будетъ ими окончательно сброшена, то надо надѣяться, что послѣдняя наша война съ этимъ призракомъ государственной власти была *постыднымъ* проявленіемъ нашей погони за политической иллюзіей. Надо надѣяться, что наши дипломаты возьмутъ, наконецъ, въ толкъ тотъ неоспоримый историческій фактъ, въ силу котораго, приблизительно съ 1829 года, когда восточный вопросъ сдѣлался общеевропейскимъ вопросомъ, и Англія, при первомъ торійскомъ министерствѣ, слѣдовавшемъ за паденіемъ Каннинга, впервые официально выступила во главѣ державъ, охраняющихъ status quo разслабленной имперіи отомановъ,—съ этого момента всякая мечта о возможности непосредственнаго соглашенія Россіи съ Портою должна была стать для насъ политической иллюзіей.

Но, не обращая вниманія на совершившуюся съ восточнымъ вопросомъ политическую метаморфозу, наша дипломатія долго еще потомъ истощала всѣ средства своего краснорѣчія и добивалась если не исключительнаго, то, по крайней мѣрѣ, преобладающаго вліянія Россіи при отоманскомъ дворѣ. Она упорно отстаивала эту мнимую прерогативу Россіи и при всякомъ удобномъ случаѣ старалась дѣйствовать изолированно отъ остальной Европы и входить съ Турціей въ отдѣльныя соглашенія (напр. въ 1833 г.), что, однакожъ, окончивалось всегда полнѣйшимъ фіаско. Систематическое и дружное противодѣйствіе европейскихъ державъ и давленіе, производимое ими на вѣчно-колеблющуюся Порту, уничтожало быстро то обаяніе, котораго мы достигали цѣною столькихъ усилій и жертвъ. Причинная связь явленій въ этомъ случаѣ повторяется съ неумолимой послѣдовательностью. Особенно рѣзко бросается въ глаза эта удивительная аналогія при сравненіи результатовъ крымской кампаніи съ результатами

*) Это было признано официально представителемъ Россіи на берлинскомъ конгрессѣ, указавшемъ на враждебное Россіи политическое настроеніе руководящихъ кружковъ Румыніи, Греціи и Сербіи.

послѣдней восточной войны 1877 г. *). Политическая точка зрѣнія европейскихъ державъ была одинаково намъ враждебна, какъ въ первомъ, такъ и въ настоящемъ случаѣ, и такъ-же, какъ и тогда, малѣйшая военная удача, малѣйшій успѣхъ съ нашей стороны вызывалъ неизбежное вмѣшательство европейскаго ареопага и, какъ послѣдствіе его, образование коалиціи. Хотя образование вооруженной коалиціи мы въ 1877 г. благоразумно предупредили весьма существенными уступками, тѣмъ не менѣе одержанная надъ нами Европой, или, лучше сказать, Англійей, дипломатическая побѣда рѣзко выразилась на берлинскомъ конгрессѣ... Мы должны разъ навсегда убѣдиться, что примѣненіе одной физической силы въ рѣшеніи международныхъ вопросовъ, въ которыхъ замѣшаны интересы нѣсколькихъ европейскихъ державъ, составляетъ въ настоящее время болѣе, чѣмъ анахронизмъ.

Въ положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, кромѣ Россіи заинтересованы и другія державы — это идея, преобладающая на Западѣ, и которой сочувствовалъ даже такой новаторъ въ политикѣ, какимъ былъ Наполеонъ I; поэтому восточный вопросъ и не могъ быть никогда рѣшенъ ни отдѣльными соглашениями, ни отдѣльными поединками между Россіей и Турціей. Что Европа смотритъ на рѣшеніе подобныхъ вопросовъ съ точки зрѣнія приблизительно той, о которой мы сейчасъ говорили, это она доказала, во-первыхъ, уже парижскимъ трактатомъ, а затѣмъ и своимъ veto, наложеннымъ ею на постановленіе санъ-стефанскаго договора и формулированнымъ на берлинскомъ конгрессѣ. И Россія, какъ европейская держава, должна была подчиниться этому veto, поступивъ въ этомъ случаѣ совершенно логически.

Если разсматривать вопросъ съ точки зрѣнія національно-родственныхъ симпатій, историческихъ традицій и т. д.—этого конька нашихъ славянофиловъ — то здѣсь шансы русскаго вліянія окажутся еще болѣе ничтожными. Дѣло въ томъ, что мы не хотимъ понять, что Европа считаетъ Балканскій полуостровъ неотчуждаемою составною частью европейскаго материка и въ то-же время классической почвой, на которой выросла унаслѣдованная ею цивилизація, а христіанское населеніе этого полуострова живымъ членомъ семьи европейскихъ народовъ, не менѣе другихъ способнымъ къ воспріятію этой цивилизаціи. Можемъ-ли мы дать славянамъ эту цивилизацію, при настоящемъ уровнѣ нашей собственной культуры? Вотъ вопросъ, на который Европа дастъ отрицательный отвѣтъ.

*) См. „Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, par un ancien diplomate“.

Если-же это такъ, то, спрашивается, могутъ-ли Россію даже собственныя ея интересы заставить желать, чтобы южные славяне не сдѣлались такими-же европейцами по цивилизаціи и экономическому развитію, какими сдѣлались ихъ западные собратья? Можетъ-ли она думать, что дѣйствительное освобожденіе райи могло-бы совершиться безъ той внутренней силы, которую славяне должны почерпнуть въ источникѣ европейской цивилизаціи? Вѣдь только благодаря ей мы сами вышли изъ своего полуазиатскаго варварства. Наше отчужденіе отъ Европы было гибельно для насъ; неужели-же мы пожелаемъ его балканскимъ славянамъ? Къ счастью, кромѣ московскихъ славянофиловъ, едва-ли кто думаетъ такъ. Факты, не тѣ стереотипныя, конечно, которые приводятся въ теоріяхъ кабинетныхъ ученыхъ, но факты живой дѣйствительности доказываютъ противное. Они говорятъ намъ, что передовые дѣятели славянскаго міра и не думаютъ отдѣлять задачу славянства отъ задачъ общечеловѣческаго прогресса, фокусъ котораго сосредоточивается въ идеяхъ западно-европейской цивилизаціи. Они не ставятъ себя въ исключительное „будуирующее“ положеніе къ остальному человѣчеству. Европейизмъ, соединенный съ самостоятельной государственностью—вотъ ихъ идеаль, и поэтому взоры ихъ направлены къ Западу, а отнюдь не къ Востоку, къ памятникамъ западно-европейской цивилизаціи, а не къ золоченымъ куполамъ златоверхой матушки-Москвы. Достаточно побывать въ славянскихъ земляхъ, чтобы убѣдиться, какихъ авторитетовъ придерживается мѣстная интеллигенція; достаточно изучить политику правительствъ Сербіи, Румыніи, Греціи, и даже микроскопической Черногоріи, съ тѣхъ поръ, какъ онѣ сдѣлались политически-самостоятельными организмами, чтобы понять, откуда черпаютъ свои идеалы ихъ государственныя дѣятели. Поэтому, какія-бы родственныя объятія мы ни простирали своимъ балканскимъ братьямъ, какими-бы благодѣяніями, какъ освободители, ни осыпали ихъ, но, когда наступитъ часъ ихъ полнаго освобожденія, они будутъ не съ нами, а съ Европой. И только тогда, когда подъ влияніемъ притока новыхъ силъ и свѣжихъ идей совершится нравственное обновленіе и умственное перерожденіе этихъ народовъ, такъ долго находившихся въ оковахъ экономическаго и политическаго рабства, когда они завоюютъ себѣ свободу умственную,—они сѣмъ-бъ безъ чужой помощи завоевать себѣ свободу политическую.

Но если преобладаніе наше на Балканскомъ полуостровѣ ставитъ насъ въ неизбѣжный антагонизмъ съ цѣлой Европой, то на

крайнемъ Востокѣ, — до котораго континентальной Европѣ нѣтъ никакого дѣла, — единственными нашими соперниками являются англичане, которые очень хорошо понимаютъ, что наше движеніе въ Среднюю Азію есть косвенное покушеніе на ихъ владычество въ Индіи. Пока англичане не завоевали и не подчинили себѣ гористую страну на сѣверо-западѣ отъ Индостана, господство ихъ въ Индіи не гарантировано отъ разныхъ случайностей. Кабуль и Кандагарь—это ворота Индостана, такъ-какъ первый открываетъ входъ изъ Турана, а второй изъ Ирана. Если хорошо защищены эти входы, Индія безопасна отъ чужеземнаго вторженія, и англичане могутъ спать спокойно. Эту истину давно усвоили себѣ въ Англіи всѣ политики, и вотъ почему они такъ болѣзненно-чувствительны къ передвиженію даже самаго ничтожнаго русскаго отряда къ границамъ ихъ „законнаго“ вліянія. Понятно послѣ этого, почему они такъ раздули авганистанскій вопросъ. Авганистанъ — это англійскій Кавказъ. Необходимость занятія его сознается безразлично всѣми, даже враждебными настоящему правительству, партіями въ Англіи, исключая той немногочисленной группы, которая не видитъ необходимости для Англіи удерживать Индію въ дальнѣйшей зависимости. „Daily News“, напр., органъ партіи либераловъ, которая была противъ войны съ Россіей изъ-за поддержанія турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ, въ завоеваніи Авганистана видитъ залогъ будущей безопасности Индіи. Корреспондентъ этой газеты съ театра авганской войны А. Форбсъ, въ своей статьѣ „Fiasco-of Surgus“, напечатанной въ „Nineteenth century“ за октябрь 1878 года, изъ заглавія которой уже можно видѣть, что авторъ не одобряетъ занятія этого острова, относится, однакожь, благопріятно къ завоеванію Авганистана. Онъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: „Наше положеніе въ Индіи будетъ только тогда прочно и обезпечено отъ всякой опасности, все равно настоящей или воображаемой (sic?), грозящей намъ съ фронта, или отъ возможнаго хаоса въ тылу, когда состоится военное занятіе Авганистана. Только тогда слова: „до сихъ поръ и не дальше“ *) произведутъ должный эффектъ какъ въ Петербургѣ, такъ и на базарахъ Индостана, когда они будутъ произнесены изъ Кабула и Герата“.

Посмотримъ-же, что это такое за Авганистанъ, и почему онъ понадобился Англіи?

*) „Thus far and not further“, — слова, въ которыхъ лордъ Биконсфильдъ рѣзюмировалъ свою политику по отношенію къ Россіи на берлинскомъ конгрессѣ.

Авганистанъ, или страна авганцевъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, охватываетъ собою область, которая тянется отъ сѣвера Кашемира и сѣверо-запада Индостана до лѣваго берега верхней и средней Аму-Дарьи (Оксузъ), отъ плоскогорья Памир-скаго до западныхъ границъ Персіи и туркменскихъ степей. Площадь его равна приблизительно 5,000 кв. миль. Хотя Авганистанъ на самомъ дѣлѣ гористая страна, гдѣ снѣжныя вершины горъ чередуются съ голыми, скалистыми утесами, однако, между ними тамъ и сямъ встрѣчается довольно много плодоносныхъ и хорошо орошенныхъ долинъ, а на сѣверѣ и на юго-западѣ даже степи и песчанья пустыни, напоминающія путешественнику бѣдную нагую природу Средней Азіи. Система горъ этой страны, которая составляетъ продолженіе цѣпи Кюень-Лунскихъ горъ, достигаетъ наибольшей высоты въ Гинду-Кушѣ.

Топографія страны указываетъ на то, что Афганистанъ чрезвычайно удобенъ для обороны, для постройки разныхъ укрѣпленій, засадъ и т. д., и представляетъ такія-же затрудненія для большихъ армій, какъ, напр., Герцеговина, Черногоріе и Кавказъ. Такую страну, конечно, нелегко покорить. Однакожь, обиліе рѣкъ и долинъ даетъ возможность жителямъ дѣятельно заниматься хлѣбопашествомъ и торговлей, почему Авганистанъ нельзя причислить къ бѣднѣйшимъ странамъ Востока; при болѣе разумной системѣ управленія, многіе зачатки культуры могли-бы достигнуть цвѣтущаго состоянія, тѣмъ болѣе, что авганцы не могутъ быть названы сонливымъ и апатичнымъ народомъ, какъ большинство народовъ Азіи; что-же касается ихъ комерческой предприимчивости, то они въ этомъ отношеніи уступаютъ развѣ только однимъ персамъ. Ихъ караваны ведутъ торговлю съ Индіей и Средней Азіей и заходятъ даже иногда въ Тегеранъ. Торговля Авганистана ведется тремя путями: первый путь въ Индію ведетъ черезъ три горныхъ прохода, Хайберскій, Баланскій и Гамульскій, откуда сырые продукты страны а также идущіе транзитомъ изъ Средней Азіи, какъ-то: шерсть, ковры, сырье, сухіе фрукты и минералы изъ Бадикшана вывозятся преимущественно на верблюдахъ, а вмѣсто нихъ ввозятся англійскіе и индійскіе фабрикаты и друг. продукты западной культуры; второй путь, средне-азіятскій, ведетъ черезъ горные проходы Гинду-Куша, особенно черезъ 15,000 футовъ высоты *Кушанскій* проходъ, но который понятно отъ октября до мая мѣсяца непроходимъ по причинѣ массы снѣговъ. Кромѣ этого пути, есть еще двѣ дороги: одна черезъ Гесарскій горный кряжъ, о которомъ говорятъ, что будто-бы по ней Александръ Великій преслѣдовалъ Бесса, другая черезъ Кондагаръ и Герать, самый удобный, хотя и самый отдаленный, путь сообщенія съ при-аму-

дарьинскими странами, гдѣ, по крайней мѣрѣ, до завоеванія ихъ русскими, въ каждомъ почти городѣ можно было найти по авганскому сералю. Что касается третьяго торговаго пути, то онъ простирается въ восточномъ направленіи въ восточный Туркестанъ, куда авганцы проникають частью черезъ Кашемиръ, частью чрезъ Коканъ, и гдѣ они принимаютъ значительное участіе въ торговлѣ. Этотъ путь былъ-бы самымъ подходящимъ и для нашихъ торговыхъ сношеній съ Авганистаномъ.

Что касается экономическаго строя авганцевъ, то по всему видно, что общины, которыя мы привыкли встрѣчать у арійскихъ народовъ въ первобытномъ состояніи, у нихъ уже не существуетъ, а замѣчается нѣчто вродѣ феодальныхъ порядковъ. Но вообще въ этомъ отношеніи царитъ большое разнообразіе. Такъ, напр., племя юсуфцаевъ подраздѣляется на собственниковъ земли и на факировъ, т. е. неимущихъ, или, точнѣе, подданныхъ, въ которыхъ надо видѣть остатки туземнаго населенія страны, и которое, несмотря на то, что составляетъ большинство, до сихъ поръ на подобіе крѣпостныхъ обрабатываетъ землю для своихъ господъ и, кромѣ того, уплачиваетъ подати правительству. Нѣчто вродѣ этого, хотя и въ болѣе слабой формѣ, встрѣчается и у другихъ горныхъ племенъ, которыя также подраздѣляются на господъ и на райевъ. Но послѣдніе пользуются большей свободой, чѣмъ факиры, и могутъ переходить отъ одного господина къ другому.

Какъ всѣ полукочевые народы, авганцы не особенно религіозны, и исламъ не успѣлъ пустить у нихъ такихъ глубокихъ корней, какъ въ Индіи и странахъ при Аму-Дарьѣ. Религія для нихъ состоитъ изъ внѣшнихъ обрядовъ и суевѣрій и мало руководитъ ихъ поступками. Авганцы до своихъ войнъ съ англичанами отличались большой терпимостью и гостепримствомъ къ христіанамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ Эльфинстонъ. Но англичане съумѣли искоренить въ нихъ эти добродѣтели. „Инглизъ-кафиръ“ составляетъ теперь для нихъ предметъ постоянной ненависти.

Духовенство также едва-ли пользуется у нихъ особенными преимуществами передъ другими сословіями. Если можно часто слышать, какъ номадъ средне-азіатскихъ степей иронически замѣчаетъ: „коранъ святая книга, безъ сомнѣнія, но встрѣчается-же и она въ продажѣ“, то про одного авганскаго воина рассказываютъ даже, что, заставъ разъ муллу при переписываніи корана, онъ преспокойно убилъ его, приговаривая: „Безстыдный лжець! Ты утверждаешь, что эта книга явилась съ неба, а я вотъ тебя засталъ, какъ ты самъ ее дѣлаешь!“

Авганцы не составляютъ націи въ настоящемъ смыслѣ слова, но, подобно бедуинамъ, раздѣляются на извѣстное число племенъ

нерѣдко враждующихъ между собою. Между ними первое мѣсто занимаетъ многочисленное племя дураніевъ и почти равное ему по значенію племя гильзіевъ. Гильзіи—безпокойный и ревниво охраняющій свою независимость народъ. Изъ племени дураніевъ вышли почти всѣ царствующія династіи Афганистана, и племя это всегда служило самымъ вѣрнымъ оплотомъ власти эмира.

Чувствомъ свободы и независимости проникнуты почти всѣ авганцы, свободные въ политическомъ и экономическомъ отношеніи. Эмиръ между ними только *primus inter pares*.

Подобно туркменамъ, исповѣдующимъ ультра-радикальный принципъ: „Мы не хотимъ имѣть надъ собою князя, мы всѣ равны между собой, и каждый самъ себѣ князь“, авганцы говорятъ также: „Мы довольны своими внутренними раздорами, распрями и междоусобіями, но никогда не будемъ довольны хозяиномъ“.

И, дѣйствительно, междоусобія между отдѣльными племенами составляютъ главную причину политической неурядицы въ Афганистанѣ. Англичане всегда умѣли искусно пользоваться распрями между авганскими феодалами или „сирдарями“. Такъ первый походъ ихъ въ Афганистанъ былъ предпринятъ единственно съ цѣлю уничтожить опасное для британскаго владычества въ Индіи единство и благоденствіе Афганистана, творцомъ которыхъ былъ Достъ-Магометь. „Мы воевали съ Кабуломъ, сказано въ одномъ письмѣ лорда Элленборо отъ 16 мая 1842 года, — для того, чтобы удалить владѣтеля, который сумѣлъ соединить племена, создать войско и ввести порядокъ“.

Пока въ Афганистанѣ господствовала анархія, англичане мало заботились объ этой странѣ, и въ промежутокъ времени между кончиною Доста и принятіемъ власти Широмъ-Али порвали почти всякія сношенія съ Афганистаномъ. Но какъ только младшему сыну Доста Ширъ-Али-хану удалось снова соединить въ своихъ рукахъ господство надъ разрозненными племенами, Англія встрепенулась.

Для русскаго читателя, вѣроятно, будетъ небезынтересно познакомиться съ тѣми путями, которые ведутъ съ сѣвера и съ юга изъ Индіи въ эту страну. Изъ военныхъ путей, которыми можно было-бы проникнуть въ Афганистанъ съ сѣвера и сѣверо-запада, Вамбери приводитъ *): отъ лѣваго берега Аму, положимъ, изъ Мерва, собственно въ Афганистанъ ведутъ двѣ дороги,—одна черезъ Гератъ, другая черезъ Балкъ. Первая, только начиная съ Маймена, дѣлается затруднительной, такъ-какъ здѣсь для того, чтобы избѣг-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что описаніе Афганистана мы заимствовали изъ Вамбери: *Afghanistan und die russische Rivalität in Central Asien*. „*Unsere Zeit*“, 1878.

нуть туркменскихъ степей, приходится переходить черезъ Тельгундарскій горный проходъ, находящійся на высотѣ 10,000 фут. Само названіе его означаетъ „горькій проходъ“. При этомъ нѣсколько часовъ сряду приходится идти по корнизу отвѣса, на краю глубокой пропасти. Отъ Герата ниже на Кандагаръ дорога довольно ровная, и даже удобная для проѣзда на колесахъ, а также изъ Кандагара далѣе на Караджи. Но тутъ уже начинается ощущаться недостатокъ въ водѣ и полное отсутствіе травы. Вторая, т. е. восточная, дорога гораздо труднѣе, такъ-какъ при этомъ приходится переходить черезъ Гинду-Кушъ. Однакожь, и здѣсь черезъ Хаджіяскій проходъ можно удобно проводить легкую артиллерию. Перейдя его, армія входитъ въ самое сердце Авганистана, въ плодосную долину рѣки Гильмена, которую только одинъ горный кряжъ отдѣляетъ отъ долины рѣки Кабула, гдѣ лежитъ и главный городъ страны, столица эмира—Кабуль.

Въ послѣднее время много говорили также о двухъ горныхъ проходахъ, ведущихъ изъ Кокана черезъ Бадакшанъ въ Кашемиръ, а именно о Барагильскомъ и Керемберскомъ проходахъ, забывая, что этотъ западный склонъ памирскаго плоскогорья—по крайней мѣрѣ, на высотѣ 12,000 фут.—сплошная пустыня и лишентъ всякой растительности. Хотя, по желанію англичанъ, оба эти прохода, лежащіе почти на границѣ Авганистана съ Кашемиромъ, въ настоящее время заняты войсками кашемирскаго магараджи, но все-же намъ кажется, что употребленіе этихъ проходовъ русскими съ военною цѣлью уже потому принадлежитъ къ числу самыхъ баснословныхъ предположеній, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ исторія, черезъ эти ущелья не проходила не только ни одна армія, но даже ни одинъ торговый караванъ. Но, пройдя эти проходы, армія почти безъ всякихъ затрудненій можетъ достигнуть долины Инда, а затѣмъ и атакской равнины, очень удобной для генеральнаго сраженія, потому что открываетъ путь побѣдителю въ самое сердце Индостана. Здѣсь при городѣ Атакѣ, недалеко отъ слиянія Кабула съ Индомъ, находится то мѣсто, гдѣ Александръ Македонскій переправился черезъ Индъ, и гдѣ переправляются, обыкновенно, авганцы и сейги, такъ-какъ это единственное мѣсто, гдѣ въ зимнее время представляется возможность переправиться черезъ Индъ въ бродъ. Отсюда-же на западъ открывается Пешаверская равнина съ долиной рѣки Кабула.

Что касается южныхъ, т. е. изъ Авганистана въ Индію ведущихъ проходовъ, то европейцы, по отношенію къ нимъ, гораздо лучше ориентированы, потому уже, что большая часть страны, гдѣ лежатъ эти проходы, находится или въ зависимости, или подъ влияніемъ англичанъ.

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ и на историческое прошлое авганскаго народа. Намъ извѣстно изъ Ферриште, перваго авганскаго историка, что авганцы уже въ IX столѣтіи по Р. Хр. обитали Горскія возвышенности и, большею частію были подчинены персидской династіи Саманидовъ. Извѣстно также, что завоеватели изъ дома Газневидовъ одерживали свои побѣды съ помощію авганцевъ, хотя первыя достовѣрныя извѣстія объ этомъ народѣ мы находимъ лишь въ „Мемуарахъ султана Бабера“, этого восточнаго Юлія Цезаря. До этого времени нѣкоторыя авганскія племена господствовали въ сѣверо-западной части Индіи, другія основали различныя династіи въ родной странѣ, и самая знаменитая изъ нихъ была династія изъ племени гильзиевъ, которой удалось завоевать большую часть Персіи; ей наслѣдовала династія изъ племени дураніевъ, родоначальникомъ которой былъ Ахмедъ-Абдалла-шахъ, царствованіе котораго ознаменовало собою самую цвѣтушую эпоху въ исторіи Авганистана; племя дураніевъ господствовало на всемъ протяженіи отъ Каспійскаго моря и Аму-Дарьи вплоть до Индійскаго океана. Тимуръ-шахъ, сынъ Ахмеда-Абдаллы, могъ только съ трудомъ удержать за собою завоеванія своего отца, и такъ-какъ наступившая послѣ его смерти междоусобица и раздоры между братьями и различными племенами не давали установиться единому правительству, то вся послѣдующая эпоха правленія различныхъ государей обратилась въ непрерывный рядъ гражданскихъ и междоусобныхъ войнъ, отличавшихся жестокостями и интригами, свойственными азіатскому характеру, пока, наконецъ, изъ этого хаоса не выдѣлился Достъ-Магометъ-ханъ изъ дома Барокки, племени дуранійскаго, который, благодаря своей необыкновенной энергіи и уму, соединенному съ хитростью, сумѣлъ вырвать власть изъ рукъ своихъ многочисленныхъ соперниковъ приблизительно въ 1825 г., возстановить въ Авганистанѣ нѣкоторый порядокъ и „собрать землю“ подъ своей властью.

Этотъ человекъ, умѣвшій такъ долго водить за носъ индійское правительство, снискавшій себѣ уваженіе даже враговъ, дружившій съ англичанами, тонкій политикъ, настоящій типъ восточнаго деспота, можетъ быть поставленъ на-ряду съ замѣчательными правителями. Главнѣйшая заслуга его въ томъ, что онъ создалъ авганскую регулярную армію. Характеръ его былъ твердъ, настойчивъ и неизмѣнчивъ въ счастіи и несчастіи. Сами англичане не отказываютъ ему въ должномъ признаніи его высокихъ способностей, и многіе изъ нихъ писали о немъ, какъ о любезнѣйшемъ человекѣ. Ежедневно въ своемъ главномъ городѣ садился онъ судить рядомъ съ кади и муллою; самъ разрѣшалъ спорные случаи на основаніи корана и авганскаго обычнаго права. И это не было

простою комедіей, какъ часто бываетъ у восточныхъ деспотовъ, — у него была добрая воля, умъ и способности, но, какъ онъ самъ говорить, „ему не доставало только силы учредить на своей землѣ законный порядокъ“.

Во время его правленія, страна достигла сравнительно высокой степени благосостоянія. Народонаселеніе городовъ и торговля быстро прогрессировали. Одни таможенные доходы ежегодно доставляли эмиру до 200,000 гульд. (Barne's travels III). Его мечтой было возстановленіе авганской монархіи въ ея прежнихъ границахъ при Ахмедѣ-Абдаллѣ. И хотя эмиръ много сдѣлалъ для военного дѣла, такъ, напр., онъ первый создалъ регулярную армію въ 20,000 чел. пѣхоты и 60,000 кавалеріи, довольно сносно вооруженную, не считая милиціи, въ ряды которой, по Вамбери, можетъ стать, въ случаѣ необходимости, $\frac{1}{8}$ часть всего мужского населенія (въ Авганистанѣ около 6 миліоновъ жителей обоого пола), но все-же онъ понималъ, что одному ему не осуществить задуманнаго предпріятія, и что для этого ему необходимъ могущественный союзникъ, и онъ ударился въ политическія интриги. Въ сущности ничтожный азіятскій князекъ, — „глиняный горшокъ между двумя чугунами“, — какъ назвалъ впоследствии его сына и послѣдователя его идей, Шира-Али, лордъ Литтонъ, намекая на географическое положеніе Авганистана между двумя такими сосѣдями, какъ Россія и Англія, — Достъ умѣлъ, однако, достаточно лавировать между двумя враждующими соперниками, интересы которыхъ были уже тогда другъ другу противоположны. Но чѣмъ яснѣе становились замыслы Доста, тѣмъ вѣроятнѣе было столкновеніе его съ Англіей.

Поводомъ къ первому серьезному разрыву послужили постоянныя враждебныя отношенія Доста къ сейкамъ или, точнѣе, къ кашемирскому магараджѣ, союзнику Англіи, Ренджиту-Сингу. Любимой мечтой Доста было уничтожить власть сейковъ-язычниковъ надъ авганскими, а, слѣдовательно, мусульманскими, племенами, покоренными первыми и населявшими западную часть территоріи сейковъ, пешаверскую область, прежде принадлежавшую Авганистану. Для осуществленія завоеванія этой области, главный городъ которой Пешаверъ, и которая находилась въ ленномъ владѣніи отъ сейковъ у брата Доста, Магомета-Азима, Достъ началъ заискивать помощи у англичанъ. Но домогательства его были приняты равнодушно калькутскимъ правительствомъ, которое вовсе не намѣрено было поощрять честолюбивые замыслы такого опаснаго сосѣда. Кромѣ того — и этого, конечно, не могъ подозрѣвать Достъ — сами англичане давно уже смотрѣли съ возмущеніемъ на пешаверскую область и ждали только смерти Ренд-

жита-Синга, чтобы присоединить ее къ своей территоріи, что, дѣйствительно, и случилось впоследствии. Такое предпочтеніе, оказываемое противнику, не могло нравиться самолюбивому и гордому эмиру, тѣмъ болѣе, что онъ уже давно втайнѣ обвинялъ англичанъ въ двоедушіи, подозрѣвая ихъ, и совершенно резонно, въ тайныхъ сношеніяхъ съ его самымъ упорнымъ соперникомъ, Шахомъ-Шуджей, бывшимъ эмиромъ изъ династіи Судози, проживавшимъ въ Индіи въ изгнаніи подъ покровительствомъ англичанъ. Поэтому Досту ничего другого не оставалось, какъ обратиться къ Персіи и Россіи. Въ своихъ сношеніяхъ съ тегеранскимъ дворомъ онъ старался побудить персовъ къ завоеванію Герата, принадлежавшаго потомкамъ прежней, враждебной Досту династіи, отъ сосѣдства которой онъ хотѣлъ отдѣлаться во чтобы то ни стало, и, кромѣ того, рассчитывалъ, что персы за эту услугу съ его стороны помогутъ ему въ войнѣ противъ сейюна. Предпріятіе это, какъ говорятъ англійскіе источники, поощренное Россіей, доставило Досту случай завязать сношенія и съ Россіей, какъ мы увидимъ ниже, даже довольно интимныя. Россія пользовалась тогда неограниченнымъ вліяніемъ въ Тегеранѣ *).

Такимъ образомъ, заручившись поддержкой со стороны Россіи, Достъ-Магометъ сталъ дѣйствовать болѣе самостоятельно и энергично. Но въ чемъ именно состояла эта поддержка — неизвѣстно. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній относительно сущности переговоровъ эмира съ тогдашнимъ русскимъ уполномоченнымъ, капитаномъ Вуковичемъ, и потому не знаемъ, чѣмъ и въ какой степени Россія обязалась поддержать эмира, противъ-ли его наслѣдственнаго врага, Ренджита-Синга, или также противъ англичанъ, союзниковъ послѣдняго? Въ англійскихъ донесеніяхъ изъ Тегерана того времени приписывается большое значеніе тогдашнему дипломатическому давленію, производимому Россіей въ Тегеранѣ и Кабулѣ. Тотъ-же м-ръ Эллисъ по этому поводу пишетъ отъ іюля 1836 г.: „Его величеству шаху персскому была, какъ я слышалъ недавно, обѣщана положительная помощь со стороны Россіи, если онъ предприметъ нападеніе на Гератъ, такъ-какъ русскимъ очень хорошо извѣстно, что завоеваніе персами Герата и Кандагара фактически равносильно увеличенію шансовъ Россіи, если не къ дѣйствительному завоеванію Индіи, то, по крайней мѣрѣ, къ возможности поддерживать тамъ смуты и безпорядки“. Очевидно, боязнь Англіи за Индію составляетъ ея наслѣдственный недугъ.

*) Наше вліяніе въ Персіи начинается съ 1828 г., т. е. съ заключенія нами съ персами послѣ побѣдоносной войны туркменчайскаго договора.

Изъ англійскихъ источниковъ извѣстно также, что первыя приготовленія къ авганской войнѣ 1838 года были предпріяты англичанами въ полной увѣренности встрѣтить, въ качествѣ союзника эмира русско-персидскую армію, — и, дѣйствительно, есть много данныхъ для предположенія, что только страхъ, вызванный опасеніемъ, что русскіе могутъ получить преобладающее вліяніе въ Кабулѣ, побудилъ англичанъ предпринять войну 1838 года.

А, между тѣмъ, персы предпріяли завоеваніе Герата. Попытка эта, какъ извѣстно, окончилась неудачей. Но, съ другой стороны, и дипломатическая кампанія, предпріятая Англійей, не увѣнчалась успѣхомъ: эмиръ настойчиво отказывался входить съ Англійей въ какіе-либо договоры и обязательства прежде, чѣмъ она не докажетъ ему своей дружбы на дѣлѣ. Несмотря на то, что въ этой неудачѣ едва-ли могъ заключаться разумный поводъ къ вооруженному нападенію на эмира, британское правительство, однакожь, рѣшилось свергнуть Доста-Магомета и посадить на его мѣсто человѣка, который былъ-бы манекеномъ въ рукахъ англичанъ, и для этой цѣли избрало бывшаго претендента на авганскій престолъ, Шаха-Шуджу, разбитаго прежде неоднократно Достомъ-Магометомъ. Задумавъ произвести такой переворотъ, англичане, съ свойственной имъ настойчивостью рѣшились начать военныя дѣйствія противъ эмира. Въ прокламаціи генераль-губернатора къ войскамъ сказано, между прочимъ: „Генераль-губернаторъ твердо уповаетъ на то, что Шаху-Шуджѣ будетъ тотчасъ-же возвращенъ его престолъ его-же собственными подданными и приверженцами. Какъ только онъ утвердитъ свою власть и возстановится спокойствіе въ Авганистанѣ, то британская армія тотчасъ-же удалится изъ предѣловъ этой страны“. Ожиданіе, что Авганистанъ встрѣтитъ Шаха-Шуджу съ распростертыми объятіями, оказалось тщетнымъ, но, тѣмъ не менѣе, можно допустить, что еслибы англичане, посадивъ Шуджу на авганскій престолъ и взявъ въ плѣнъ Доста, котораго они водворили въ Индіи, сдержали свое обѣщаніе и оставили-бы тотчасъ-же послѣ этого страну, то, можетъ быть, Шахъ-Шуджа и удержался-бы въ Авганистанѣ. Но англичане остались-себѣ преспокойно въ Авганистанѣ, гдѣ и расположились совершенно по-домашнему. Народъ-же, увидѣвъ, что Шуджа не болѣе, какъ креатура его отъявленныхъ враговъ, неспособный ни къ какому самостоятельному дѣйствію, естественно былъ возмущенъ такимъ безцеремоннымъ отношеніемъ къ своимъ правамъ. Мы не будемъ распространяться о слишкомъ извѣстныхъ событіяхъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ, — о бѣгствѣ Доста, о его добровольной отдачѣ себя въ плѣнъ и, наконецъ, о катастрофѣ народной мести, которою, по прошествіи двухъ лѣтъ, закончи-

лась эта несчастная траги-комедія, стоившая Англии истребленія арміи въ 20,000 человекъ и обратившая въ ничто предпріятіе, которое обошлось индійскому бюджету, по крайней мѣрѣ, въ 30 миліоновъ фунт. стерл. Возвращеніе Доста-Магомета изъ добровольной ссылки въ Кабуль, послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ, не встрѣтило сопротивленія со стороны англичанъ, какъ-бы это можно было ожидать съ точки зрѣнія логики. Достъ продолжалъ еще править страной до смерти своей въ Гератѣ въ 1863 году.

Остановимся нѣсколько на этой второй эпохѣ правленія Доста-Магомета, — эпохѣ, доказавшей, до какой степени война 1838 г. была бесплодна. Отъ 1842 до 1855 года всякія сношенія между эмиромъ и калькутскимъ правителемъ были прерваны. Относительно русскаго дипломатическаго вліянія въ Авганистанѣ въ эти тринадцать лѣтъ ничего неизвѣстно положительнаго. Вѣроятно всего, что, отвлеченные осуществленіемъ задачъ бесплодной политики нашей на Балканскомъ полуостровѣ, и въ Европѣ мы не сумѣли придать настоящаго значенія этому выгодному для насъ промежутку времени, въ которомъ вліяніе англичанъ въ Кабулѣ было равносильно нулю.

Видя такое равнодушіе съ нашей стороны, Достъ-Магометъ снова сблизился съ Англійей, которая, между тѣмъ, успѣла присоединить къ своимъ непосредственнымъ владѣніямъ Пенджабъ (Кашемиръ и Пешаверскую область), т. е. владѣнія бывшаго своего друга и союзника, магараджи Ренджита-Синга. Переговоры Доста-Магомета съ калькутскимъ правительствомъ на этотъ разъ кончились дружественнымъ трактатомъ 1857 г., въ силу котораго британцы обязались за дружбу Доста платить ему 10,000 ф. стерл. ежегодной субсидіи. Это было послѣднее торжество дипломатическаго таланта Доста, хотя и то надо сказать, что Англии въ это время нужна была поддержка эмира. Дѣло въ томъ, что въ 1857 году началось извѣстное возстаніе сипаевъ, которое могло быть подавлено только послѣ страшнаго кровопролитія.

Естественно, что нейтральное и даже доброжелательное по отношенію къ англичанамъ, положеніе, которое считалъ нужнымъ занять тогда авганскій эмиръ, удержавшій своихъ подданныхъ отъ вмѣшательства въ пользу возставшихъ мусульманъ Индіи, было, конечно, въ виду общаго воодушевленія и религіозной ненависти къ британцамъ, въ эту критическую минуту для англичанъ дороже всякаго золота. Кто знаетъ, еслибы Достъ-Магометъ не отступилъ на этотъ разъ отъ логики, которой слѣдуютъ обыкновенно подобные ему полу-цивилизованные деспоты, непризнающіе святости договоровъ, заключенныхъ съ невѣрными, — кто знаетъ, какъ окон-

чилось-бы возстаніе сипаевъ, и не повело-ли-бы оно къ послѣдствіямъ, которыя невозможно теперь даже предугадать.

Какъ и слѣдовало ожидать, послѣ смерти этого популярнаго между авганцами правителя, наступила снова прежняя анархія и междоусобица, сопровождающая обыкновенно всякое восшествіе на престолъ въ мусульманскихъ азіатскихъ государствахъ, причеиъ Немезида полигаміи свирѣпствуетъ со всеиъ своими страшными послѣдствіями. Старый Достъ оставилъ послѣ себя 16 сыновей и безчисленное множество дочерей. Преемникомъ своимъ онъ назначилъ младшаго сына Ширъ-Али, и тѣмъ самъ подалъ поводъ къ раздорамъ между своими потомками. Шир-Али тогда уже было 40 лѣтъ (умеръ-же онъ 55), слѣдовательно, по годамъ и, какъ оказалось вскорѣ, по энергіи, онъ вполне соответствовалъ своему высокому назначенію. Описывать подробности междоусобной борьбы, возникшей вслѣдъ затѣмъ между братьями, не стоить; скажемъ только, что противъ Ширъ-Али, въ-концѣ-концовъ, вооружились все его братья и, набравъ большое войско (они все были губернаторами различныхъ провинцій), дали ему въ 1865 году рѣшительное сраженіе при Кезбацѣ, въ которомъ командовалъ самъ Ширъ-Али. Онъ былъ разбитъ, бѣжалъ, потерялъ престолъ, но въ 1868 году снова захватилъ власть и удержалъ ее до конца своей жизни. Англія совершенно равнодушно относилась къ междоусобной борьбѣ сыновей Доста-Магомета, но когда Ширъ-Али восторжествовалъ, то Англія завязала съ нимъ новыя дружественныя сношенія.

Подъ конецъ 1868 года, когда лордъ Лауренсъ намѣревался покинуть постъ вице-короля, его переговоры съ Ширъ-Али уже настолько подвинулись, что послѣдній далъ даже обѣщаніе лично явиться на свиданіе къ представителю королевы. Свиданіе это дѣйствительно состоялось, но уже съ лордомъ Майо въ Умбалѣ, въ апрѣлѣ 1869 года. Празднества и торжества чередовались безъ конца; заявленія дружбы и взаимной любви повторялись нѣсколько разъ. Эмиръ получилъ въ подарокъ 10,000 ружей и двѣ батареи пушекъ, кучу золота и обѣщаніе поддержки и денежной помощи въ будущемъ. Съ англійской стороны были убѣждены, что этой щедростью изъ Авганистана удалось сдѣлать желѣзный засовъ, запирающій все входы и выходы съ сѣвера. По крайней мѣрѣ, такую увѣренность приблизительно высказываетъ самъ лордъ Майо въ своихъ письмахъ послѣ конференціи въ Умбалѣ. „Еслибы мы могли убѣдить, пишетъ онъ, — туземныхъ властителей Авганистана, что мы преслѣдуемъ въ самомъ дѣлѣ политику невмѣшательства, и что Англія единственная великая держава, которая не ищетъ завоеваній, то мы скоро-бы очутились въ апогеѣ своего политическаго вліянія

(*Hunters Life of Lord Mayo*)". Но надо полагать, что Ширъ-Али вовсе не былъ въ такомъ восторгѣ отъ результатовъ конференціи въ Умбалѣ, какъ полагалъ лордъ Майо, такъ-какъ самыя существенныя поводы къ недоразумѣнію не были устранены, но, скорѣе, обойдены, хотя лордъ Майо въ своемъ отчетѣ о конференціи въ Умбалѣ и говоритъ: „Мы ясно дали понять эмиру, что ни одинъ европейскій офицеръ не будетъ водворенъ въ качествѣ агента въ какомъ-либо изъ его городовъ“. Тѣмъ не менѣе достоверно, что вопросъ о содержаніи постоянныхъ англійскихъ резидентовъ былъ постояннымъ желаніемъ англичанъ даже при Достъ-Магометѣ, который на назойливыя домогательства англичанъ отвѣчалъ имъ: „Если вы желаете, чтобы мы оставались вашими друзьями, то не требуйте отъ насъ допущенія англійскихъ резидентовъ“. Ширъ-Али, въ этомъ отношеніи слѣдовалъ традиціонной политикѣ своего отца. Впрочемъ, какъ видно изъ документовъ, представленныхъ Уайтбредомъ въ его парламентской рѣчи, направленной противъ политики правительства Биконсфильда, лордъ Лауренсъ, лордъ Майо, а равно и предшественникъ теперешняго вице-короля, лордъ Норсбрукъ, не видѣли въ вопросѣ о назначеніи агентовъ условія, *sine qua* поп для дружественныхъ отношеній съ Авганистаномъ. Тѣмъ не менѣе Англія ухватилась за этотъ случай, какъ за *casus belli*, чтобы напасть на Авганистанъ. Война Россіи съ Турціей была благопріятномъ моментомъ для этого *coup de force*.

Идея возобновенія стараго спора о посылкѣ постоянныхъ агентовъ принадлежитъ, какъ это уже теперь доказано, всецѣло маркизу Сэлусбери, бывшему тогда (1875 г.) еще старшимъ секретаремъ по индійскимъ дѣламъ при министерствѣ Биконсфильда. Это ясно видно изъ упомянутого уже разоблаченія Уайтбрета 22 января, какъ снятъ на голову, изъ India Office было послано приказаніе вице-королю лорду Норсбруку войти съ эмиромъ немедленно въ соглашеніе, по поводу предполагаемаго назначенія при его особѣ постоянного агента. На это лордъ Норсбрукъ отвѣчалъ, что до сихъ поръ не было никакихъ официальныхъ свѣденій о желаніи эмира имѣть при себѣ англійскихъ агентовъ, и что мнѣнія всѣхъ, близко стоящихъ къ дѣлу людей, въ томъ числѣ бывшаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ при индійскомъ правительствѣ, а также и губернаторовъ пограничныхъ провинцій, высказались противъ насильственнаго и крайне неполитичнаго навязыванія эмиру англійскаго резидента. Лордъ Норсбрукъ, кромѣ того, находилъ, что сомнительно, въ состояніи-ли вообще эмиръ удержатъ за собою власть въ странѣ, если онъ, вопреки ясно выраженнымъ желаніямъ своихъ подданныхъ, дастъ свое согласіе

на принятіе британскихъ агентовъ, что авганцы свободный народъ и не пожелаютъ имѣть господиномъ надъ ними челоуѣка, неумѣющаго отстоять независимость родины, такъ-какъ на пребываніе постоянныхъ агентовъ авганскіе сердари искони смотрѣли, и совершенно справедливо, какъ на предлогъ, со стороны англичанъ, ко вмѣшательству во внутреннія дѣла Авганистана.

Несмотря на это мнѣніе людей, близко стоящихъ къ дѣлу, лордъ Сэлусбери въ новой депешѣ, отъ 19 ноября 1875 г., снова и настойчиво возвращается къ прежнему требованію, приказывая индійскому правительству, во что-бы то ни стало, найти, „а если нужно, то создать предлогъ“ къ отправленію миссіи.

Однакожь, лордъ Норсбрукъ и на этотъ разъ не смирился и, въ отвѣтъ на посланіе Сэлусбери, послалъ новое возраженіе, доказывая всю неумѣстность отправленія миссіи, подъ мнимымъ или ложнымъ предлогомъ, настоящее значеніе котораго было достаточно понятно эмиру изъ предыдущихъ посланій. По мнѣнію лорда Норсбрука, гораздо болѣе соотвѣтствовало-бы достоинству Англіи прямо и откровенно заявить эмиру о своемъ рѣшительномъ желаніи. „Эмиръ и совѣтники его достаточно проникательны для того, чтобы понять, что только причины самыя важныя могли побудить насъ послать специальную миссію ко двору его в—ва“, говоритъ лордъ Норсбрукъ въ своемъ отвѣтномъ посланіи. И, дѣйствительно, впоследствии оказалось, что эмиръ сразу угадалъ, въ чемъ заключалась недалковидная уловка британскаго правительства. На этотъ разъ отвѣтомъ лорду Норсбруку была замѣна его въ 1876 году лордомъ Литтономъ *), креатурой Биконсфильда. Новый вице-король, знакомый съ политикой министерства по своему пребыванію въ Константинополь, этой школѣ англійскихъ дипломатовъ, буквально послѣдовалъ даннымъ ему инструкціямъ. Не думая долго, 5 мая 1876 г. написалъ онъ первое изъ своихъ знаменитыхъ по грубости тона посланій къ эмиру, которое было, однакожь, вручено ему не прямо отъ имени вице-короля, а черезъ пешаверскаго комисара. Въ этомъ посланіи прежде всего высказывалось намѣреніе британскаго правительства послать къ эмиру сэра Люиса Пелли. Сэру Пелли поручалось увѣдомить эмира лично о добавленіи, которое угодно было сдѣлать ея величеству королевѣ великобританской къ прежнимъ своимъ титуламъ. Добавленіемъ этимъ былъ, какъ извѣстно, титулъ „императрицы Индіи“. Въ этомъ и состоялъ предлогъ, придуманный въ Лондонѣ лордомъ Сэлусбери и привезенный лордомъ Литтономъ въ Индію.

*) Лордъ Литтонъ поэтъ и дипломатъ, бывшій прежде посломъ въ Константинополь, сынъ извѣстнаго романиста Литтона-Бульера.

Но такъ-какъ дѣло шло вовсе не объ этомъ, то въ письмѣ къ эмиру, въ видѣ небольшой приписки, было вскользь упомянуто, что сэру Пелли поручается вмѣстѣ съ тѣмъ переговорить съ авганскимъ правительствомъ и о другихъ интересующихъ оба государства вопросахъ. Прочитавъ посланіе, эмиръ, какъ и слѣдовало ожидать, очень скоро сообразилъ, что ему опять придется дать себя разложить на прокустовомъ ложѣ англійской политики. Поэтому онъ, придерживаясь своей прежней тактики, совершенно логично отвѣтилъ вице-королю, хотя и вѣжливымъ, но рѣшительнымъ отказомъ, прибавивъ, что онъ, т. е. эмиръ, достигъ точно ясно формулировалъ на конференціи въ Симлѣ (1873) свои желанія и нужды, и если британское правительство на это не согласно, то онъ не видитъ необходимости въ дальнѣйшихъ переговорахъ *). Но что если вице-король имѣетъ что-нибудь новое предложить ему, эмиру, то послѣдній самъ пошлетъ къ нему дѣренное лицо, которому и будетъ поручено узнать, какого рода *„благородныя стремленія зародились снова въ благородномъ сердцѣ англійскаго правительства“*. Эмиръ, какъ видно, по примѣру вѣжливыхъ восточныхъ людей, любитъ говорить метафорами и при этомъ невольно впадаетъ въ ироническій тонъ. Между прочими доводами эмира было одно весьма важное, а именно, что принятіе постоянного англійскаго резидента можетъ возбудить ревность Россіи, которая, въ свою очередь, можетъ потребовать того-же и для себя, чего, конечно, не пожелаетъ Англія. Ко всему этому лордъ Литтонъ остался глухъ и 8 іюля 1876 года снова отправилъ эмиру второе письмо, на этотъ разъ угрожающаго тона. Угроза заключалась въ томъ, что, въ случаѣ непокорности, эмиръ будетъ поставленъ на произволъ судьбы, объявленъ внѣ международныхъ законовъ и лишенъ всякой поддержки со стороны Англіи. Очень важно имѣть въ виду это обстоятельство, которое находится въ связи съ отправленіемъ русскаго посольства въ Кабулъ, такъ-какъ до полученія эмиромъ этого письма мы не находимъ ничего изъ его поступкахъ, что можно было-бы приписать влиянію Россіи или тайному присутствію русскаго агента въ Кабулѣ, и на что англичане имѣли-бы право жаловаться. Но уже вскорѣ послѣ того, какъ видно изъ депеши вице-короля отъ 8 августа 1876 г. къ маркизу Сэлусбери (цитируемой Уайтбредомъ), лордъ Литтонъ высказываетъ убѣжденіе въ необходимости со стороны центрального правитель-

*) «Его в—во опасается, сказано на стр. 181 «Син. кн.», что миссія прѣвратится въ постоянную, и что посланникъ, подобно нашимъ политическимъ агентамъ при дворахъ туземныхъ индійскихъ князей, можетъ превратиться въ третейскаго судью между нимъ и его недовольными подданными.

ва потребовать немедленно у Россіи объясненія въ интимныхъ сношеніяхъ ея къ эмиру. Какъ далека былъ эмиръ вообще отъ мысли интриговать или замышлять что-либо противъ Англій въ союзъ съ Россіей, видно изъ того, что онъ письмо, полученное имъ отъ генераль-губернатора Самарканда, далъ прочесть агенту Англій изъ туземцевъ. Изъ содержанія этого письма было видно, что русскія пограничныя власти просто искали дружбы эмира.

Но, конечно, очень возможно, что, получивъ высокопарное и угрожающее письмо лорда Литтона отъ 8 іюля, эмиръ, раздраженный тономъ этого письма, измѣнилъ нѣсколько свои прежніе взгляды, что видно изъ отвѣтнаго письма его вице-королю отъ 3 сентября 1876 г., въ которомъ онъ, не выходя изъ предѣловъ вѣжливости, вторично отказывался принять британскаго повѣреннаго, но соглашался на взаимное совѣщаніе сторонъ въ Пешаверѣ. Противъ всякаго ожиданія, лордъ Литтонъ согласился на совѣщаніе, которое состоялось 7 октября 1876 г., причемъ представителемъ индійскаго правительства былъ снова упомянутый Л. Пелли. При личномъ свиданіи повѣреннаго эмира, Нура-Улада, съ самимъ вице-королемъ, послѣдній прямо высказалъ, что Авганистанъ нуженъ Англій, какъ передовой оплотъ ея индійскихъ границъ; но „съ того момента, когда мы перестанемъ смотрѣть на Авганистанъ, какъ на дружественную и тѣсно-связанную съ нами державу, ничто уже не можетъ помѣшать намъ позаботиться о безопасности нашихъ границъ посредствомъ соглашенія съ Россіей, что можетъ имѣть послѣдствіемъ исчезновеніе Авганистана съ географической карты. Если эмиръ не пожелаетъ придти съ нами къ скорому соглашенію, то мы обратимся къ Россіи, и Россія пожелаетъ“. „И такъ, говоритъ Уайтбредъ, — всѣ вице-короли, подрядъ одинъ за другимъ, придерживались политики безусловной необходимости существованія между Россіей и индійскими владѣніями Индіи независимаго государства, въ нѣкоторомъ родѣ политическаго буфера. Съ этой цѣлью всѣ они снабжали эмировъ деньгами, оружіемъ и были всегда готовы дать ему войско, еслибы оно понадобилось ему для защиты своихъ владѣній отъ нападенія съ сѣвера. И вдругъ настоящій вице-король высказываетъ готовность вступить въ особое соглашеніе съ Россіей черезъ голову эмира, такъ-сказать, и даже утверждаетъ, что Россія склонна примкнуть къ такому соглашенію. Не существуетъ-ли уже какой-нибудь новой секретной комбинаціи съ цѣлью раздѣла Авганистана? Мы обвиняемъ эмира въ тайныхъ интригахъ съ Россіей—не доказываютъ-ли слова вице-короля, что мы сами давно опередили его въ этомъ отношеніи?“

Но возвратимся къ сущности переговоровъ на пешаверской

конференціи. „Нечасто, говорить Гладстонъ, — дипломатическія конференціи представляютъ зрѣлище патетическаго характера; но тотъ, кому придется прочесть протоколы пешаверской конференціи, навѣрно почувствуетъ невольное состраданіе къ искусному, но побѣжденному въ неравной борьбѣ, повѣренному эмира“.

Никогда еще грубая сила не заявляла такъ цинично своего презрѣнія къ праву. „Эмиръ, сказалъ авганскій повѣренный, — цѣтаетъ глубоко-укоренившееся недовѣріе къ честному слову и прямодушію британскаго правительства, и у него много причинъ за это“. Когда-же Пелли замѣтилъ, что фактъ этотъ весьма неутѣшительнъ, то повѣренный возразилъ, что все, чего эмиръ желаетъ — это сохраненія въ силѣ прежнихъ трактатовъ и обѣщаній, торжественно данныхъ ему прежними вице-королями. „Лордъ Норбрукъ сохранилъ дружбу безъ измѣненій, согласно образу мыслей своихъ предшественниковъ, настаивалъ повѣренный: — зачѣмъ-же теперь эти настойчивыя требованія вырвать у насъ согласіе на назначеніе постоянныхъ резидентовъ, если вы въ то-же время объявляете, что не желаете вмѣшиваться во внутреннія дѣла Авганістана? Вы не должны, продолжалъ онъ, — взваливать на насъ бремена, котораго мы не можемъ нести; если мы надорвемся подъ тяжестью его, то отвѣтственность падеть на васъ“. Но этого-то именно и хотѣлъ лордъ Литтонъ. „Британское правительство, говорить Гладстонъ, — рѣшилось во что-бы то ни стало заключить эмира въ свои объятія, хотя-бы даже съ опасностью задуть его“.

Англійское правительство не удовольствовалося только однимъ требованіемъ назначенія постоянныхъ агентовъ. Оно вмѣшивалось въ личныя отношенія эмира къ его сыну, Якубу-хану, котораго эмиръ содержалъ въ строгомъ заключеніи, вѣроятно, имѣя на то свои причины. Оно требовало также, чтобы Абдулла-ханъ былъ назначенъ наслѣдникомъ престола. Трагическая развязка этой конференціи извѣстна: она окончилась внезапною смертью повѣреннаго эмира. Но едва успѣлъ растерявшійся и одураченный эмиръ назначить новаго повѣреннаго, какъ вдругъ пришло извѣстіе о закрытіи конференціи. Надо полагать, что эмиръ былъ настроенъ ко всевозможнымъ уступкамъ, такъ-какъ самъ лордъ Литтонъ писалъ по этому поводу министерству: „Въ моментъ закрытія конференціи сэромъ Пелли, е. в. далъ своему повѣренному предписаніе продолжать ее во что-бы то ни стало. Новый повѣренный былъ уже на дорогѣ изъ Кабула въ Пешаверь, и до меня дошли слухи, что повѣренный этотъ былъ снабженъ полномочіемъ къ безусловному принятію всѣхъ условій и предложеній британскаго правительства“. Слѣдовательно, вице-королю былъ извѣстенъ этотъ

ь, когда онъ приказалъ закрыть конференцію. Трудно понять ему, на какомъ основаніи вице-король прибѣгъ къ такой, если то, къ чему онъ такъ настойчиво стремился, было уже ловину въ его власти? Это можно объяснить только желаніемъ во что-бы то ни стало унизить эмира, а въ лицѣ его и ю, стоявшую за его плечами.

Вообще, чѣмъ болѣе становятся извѣстными событія, предшествовавшія непосредственному объявленію войны, тѣмъ болѣе приходишь къ убѣжденію, что британское правительство затѣяло войну, орой оно хотѣло quand même. „Замѣчательно при этомъ поведеніе лорда Литтона, говоритъ Уайтбредъ.—Тѣ, кто помнитъ послѣдніе дни передъ началомъ крымской кампаніи, не забыли вѣрно ту роль, которую общественное мнѣніе Европы приписывало князю Меншикову. Русское правительство отравило князя Меншикова въ Константинополь съ порученіемъ предложить Портѣ нѣкоторыя условія, которыя должны были служить ультиматумомъ. Повѣренный держалъ себя совершенно такъ, какъ-будто-бы онъ былъ посланъ въ Константинополь съ спеціальной цѣлью сдѣлать разрывъ съ Турціей неизбѣжнымъ. Онъ устранилъ всѣ дипломатическія правила вѣжливости, былъ небреженъ и невнимателенъ ко всѣмъ, къ кому самъ обращался, или къ кому повертывалъ спину; онъ упорствовалъ, дѣлалъ выговоры, угрожалъ и оскорблялъ, однимъ словомъ, сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы заставить турецкое правительство признать всѣ переговоры о соглашеніи безнадежной проволочкой времени. Мы нисколько не удивляемся, если, по мнѣнію многихъ, лордъ Литтонъ велъ себя съ эмиромъ совершенно такъ-же, какъ князь Меншиковъ съ турецкимъ правительствомъ. Его образъ дѣйствій походилъ на поведеніе дуэлиста, который, рѣшившись заставить драться съ собою слабѣйшаго противника, съ цѣлью запугать его, начинаетъ громче выкрикивать свои угрозы и возвышать голосъ по мѣрѣ того, какъ противникъ его начинаетъ робѣть“.

Лордъ Литтонъ посылалъ Ширу-Али угрожающія письма, переспанные оскорбительными для самолюбія эмира восточными метафорами, такъ, напр., вродѣ приведеннаго уже остроумнаго сравненія судьбы эмира съ судьбою глинянаго горшка, попавшаго между двумя чугунными. Эмиръ понималъ, что „рыжій разбойникъ“ придирается, что онъ ищетъ только предлога для нападенія и рано или поздно нападетъ. Поэтому онъ дѣйствовалъ уклончиво и въ примирительномъ духѣ, не подавая ни малѣйшаго повода начальному Литтону ухватиться за какое-нибудь грубое и рѣзкое выраженіе. Но вѣжливость и дипломатическая тонкость эмира

были проникнуты тѣмъ самостоятельнымъ и непреклоннымъ характеромъ, въ значеніи котораго нельзя было сомнѣваться.

Напирая на эмира, британское правительство, однакож, рѣшилось приступить къ энергическимъ мѣрамъ, по отношенію Россіи, въ чемъ совершенно справедливо обвиняетъ его Гладстонъ. Оказывается, что лордъ Литтонъ только въ сентябрѣ 1876 г. счелъ нужнымъ просить лондонское правительство протеста противъ тайныхъ интригъ, въ которыхъ онъ заподозрилъ Россію. По его указанію, лордъ Дерби потребовалъ объясненій въ С.-Петербургѣ. Петербургскій кабинетъ на первыхъ порахъ совершенно отрицалъ возможность вышеупомянутыхъ сношеній генерала Кауфмана съ эмиромъ. Князь Горчаковъ телеграфировалъ графу Шувалову: „Dementez catégoriquement, que Kauffmann agit à Caboul soit par un agent, soit d'une autre manière“. Когда-же лордъ Дерби показалъ русскому послу копію съ письма Кауфмана, снятую въ Кабулѣ туземнымъ агентомъ Англій, то русское правительство обѣщало навести справки. Впрочемъ, тогда-же британское правительство само признало, что эмиръ не заслуживаетъ обвиненія въ недостаткѣ добросовѣстности по отношенію къ Англій. Лордъ Кренбрукъ писалъ калкютскому правительству, что не эмиръ, а русскій кабинетъ отвѣтственъ передъ Англій за послѣдствія. „Не эмиръ, а русскій генералъ-губернаторъ Туркестана писалъ онъ, — съ полномочіемъ или безъ полномочія со стороны петербургскаго кабинета, преслѣдуетъ политику, послѣдствія которой должны сильно встревожить умы подданныхъ ея величества въ Индіи“.

Эмиръ, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія высокоуміемъ вице-короля, дѣйствительно, обратился къ Россіи съ просьбою объ оказаніи ему помощи.

Но, пока шли эти переговоры, 21 сентябрю англійской миссіи было отказано въ свободномъ пропускѣ алимусьидскимъ комендантомъ, не получившимъ никакихъ инструкцій отъ оскорбленнаго эмира на этотъ счетъ. „Вы должны быть рады, сказала комендантъ сэру Гамберлейну, — если я изъ уваженія къ прежней дружбѣ не приказалъ въ васъ стрѣлять, когда вы пришли сюда“; эти слова онъ нанесъ гордому Альбіону оскорбленіе, подобное которому едва ли найдется въ его дипломатическихъ лѣтописяхъ.

Мы старались набросать въ общихъ чертахъ очеркъ англійской политики по отношенію къ Авганистану и доказать, что въ ней скрывается внутреннее противорѣчіе.

Дѣло въ томъ, что эта политика постоянно требовала отъ эмира Авганистана преданности интересамъ Великобританіи, безковнаго довѣрія къ совѣтамъ и указаніямъ вице-королей; но ма ничѣмъ не обезпечивала интересовъ владѣтелей этой страны, оказывала имъ поддержки въ тяжелую годину внутреннихъ бѣждоусобицъ, и вообще не связывала себя никакими обязательствами, т. е. требовала для себя всего и ничего съ своей ороны не давала.

Мы видѣли только одинъ случай, когда Англія сдѣлала исключеніе изъ общаго правила, а именно въ промежутокъ между 1855—63 годами правленія Доста-Магомета, когда она была связана съ нимъ формальнымъ трактатомъ и платила ему ежегодную субсидію. И Англія не имѣла повода раскаяваться. Отношенія ея къ Авганистану были самыя дружественныя, и эмиръ выдержалъ роль союзника Англіи до самой смерти. Недовѣріе къ миру было причиной первой авганской войны, недовѣріе и изишняя мнительность по отношенію къ поступкамъ эмира сдѣлались также внутреннимъ мотивомъ настоящей войны. Съ одной стороны, мы видимъ какую-то нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, безконечное колебаніе въ выборѣ средствъ, съ другой, напротивъ, лишкомъ поспѣшное и до наглости безцеремонное приставаніе съ южомъ къ горлу. То-же непостоянство во внутреннихъ мотивахъ выазилось и въ отношеніяхъ къ Россіи верховныхъ руководителей англійской политики. Уайтбредъ въ своихъ разоблаченіяхъ говоритъ: „Вопросъ о положеніи, занятомъ Россіей въ Средней Азіи, былъ зпервые поднятъ лордомъ Лауренсомъ и его Совѣтомъ 1867 г., когда у кормила правленія находилось министерство Дизраели, теперешняго лорда Биконсфильда. Лордъ Лауренсъ заявилъ о необходимости для Англіи войти въ соглашеніе съ Россіей относительно болѣе точнаго опредѣленія границъ той и другой державы въ Азіи. На это кабинетъ м—ра Дизраели отвѣтилъ: „Что касается этого вопроса, то правительство королевы не видитъ въ немъ повода для безпокойства, и завоеванія, которыя Россія сдѣлала, и, повидимому, еще намѣрена сдѣлать въ Средней Азіи, кажутся правительству королевы естественнымъ послѣдствіемъ обстоятельствъ, въ которыя поставлена Россія, и не представляютъ поэтому повода къ протестамъ со стороны Англіи“. Что-же касается политики индійскаго правительства по отношенію къ эмиру, то м—ръ Дизраели предоставилъ въ этомъ отношеніи полную свободу дѣйствій вице-королю Лауренсу, на опытность котораго онъ вполне разсчитывалъ. При министерствѣ Гладстона вопросъ о полученіи точныхъ обязательствъ со стороны Россіи по отношенію къ Авганистану былъ снова выдвинутъ на первый планъ, и

приятномъ въ министерствѣ было получено отъ Россіи положительное увѣреніе, „что она будетъ смотрѣть на Авганистанъ, какъ на область, лежащую внѣ сферы ея политическаго вліянія“. Следовательно, прежняя англійская политика слѣдовала правилу: во всѣхъ случаяхъ недоразумѣній обращаться непосредственно къ Россіи, поддерживать дружественныя сношенія съ эмиромъ, выѣшиваться въ его отношенія къ своимъ подданнымъ и требовать отъ него ничего такого, къ чему опъ, какъ намъ извѣстно, питалъ величайшее отвращеніе“.

Такая политика продолжалась приблизительно отъ 1869 г. до 1875 г. Когда какое-нибудь движеніе Россіи казалось подозрительнымъ, британское правительство обращалось непосредственно за объясненіями къ петербургскому кабинету. Когда эмиръ, обеспокоенный передвиженіями русскихъ, просилъ вице-короля гарантировать его независимость отъ возможнаго со стороны русскихъ нападенія, лорду Норсбруку предписывалось объяснить эмиру, что его интересы достаточно обезпечены непосредственнымъ обязательствомъ, принятымъ Россіей передъ Англійей по отношенію къ Авганистану, и что ему, слѣдовательно, нѣтъ повода беспокоиться съ этой стороны.

Впрочемъ, тутъ-же ему давалось понять, что защита, оказываемая Англійей его интересамъ, — безусловна и можетъ быть дѣйствительной настолько, насколько онъ будетъ подчиняться ея совѣтамъ въ своей внѣшней политикѣ (Уайтбредъ). Изъ этого мы видимъ, какъ понимала Англія нейтралитетъ Авганистана; другими словами, она желала эксплуатировать этотъ нейтралитетъ лишь въ свою пользу, такъ-что когда эмиръ, попужаемый угрозами лорда Литтона, естественно сталъ искать поддержки Россіи, на которую сама-же Англія научила его смотрѣть, какъ на державу, гарантировавшую нейтралитетъ Авганистана совмѣстно съ Англійей, слѣдовательно, державу, ей равноправную, то Англія сочла себя оскорбленною неблагодарнымъ вассаломъ.

Вообще, всѣ дѣйствія и мотивы англійской политики, начавшіяся съ 1875 г., когда маркизъ Сэлусбери былъ еще старшимъ секретаремъ India office, представляются намъ въ рѣзкомъ противорѣчьи съ прежней ея традиціонной политикой. „Если, по мнѣнію милорда Биконсфильда, совершенно справедливо замѣчаетъ Уайтбредъ, — Россія нарушила свои обязательства передъ Англійей тѣмъ, что отправила къ эмиру своихъ эмиссаровъ, то почему-же министерство, имѣя въ своихъ рукахъ улики на лицо, а именно, достовѣрныя копии съ писемъ генерала Кауфмана къ эмиру, удовольствовалось полученнымъ ею отъ петербургскаго кабинета въ шеприведеннымъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ, отрицавшимъ дан-

всякія подобныя сношенія и обѣщавшимъ навести справки? Отчего министерство Биконсфильда не потребовало категорически немедленнаго прекращенія по телеграфу подобныхъ интригъ, которыя ведутъ за спиной русскаго правительства его повѣренныя? Отчего оно не потребовало отъ русскаго правительства, чтобы генералу Кауфману былъ сдѣланъ выговоръ? Отчего англійское правительство, вмѣсто того, чтобы энергично слѣдовать прежней политикѣ непосредственныхъ объясненій съ петербургскимъ кабинетомъ, набросилось на этотъ разъ на злополучнаго эмира? Если сопоставить, на примѣръ, странное свиданіе, которое имѣлъ лордъ Литтонъ съ графомъ Шуваловымъ въ Лондонѣ передъ поѣздкой своей въ Индію и угрозой, высказанной новымъ вице-королемъ, вслѣдъ за тѣмъ, въ лицо агенту эмира, что Англія и Россія могутъ при случаѣ соединиться между собою для исправленія и урегулированія *своихъ границъ и стереть съ лица географической карты самое имя Авганистана*, то нельзя не прийти къ заключенію, что Англія играла въ тайную и двуличную игру, желая обезпечить себя какъ съ той, такъ и съ другой стороны; политику ея по отношенію къ авганистанскому эмиру можно назвать ловушкой, разставленной рукой опытнаго ловца“.

Потребность совершить подобный coup de force была такъ сильна въ британскомъ правительствѣ, что оно, какъ мы уже видѣли выше, не объявивъ даже объ отвѣтѣ эмира на посланный ему ультиматумъ съ требованіемъ безусловной покорности, поспѣшило, безъ всякихъ церемоній, вторгнуться въ предѣлы авганистанской территоріи. Это доказываетъ, до какой степени самъ вице-король былъ убѣжденъ въ невозможности со стороны эмира принять условія ультиматума! Повѣренный эмира, возвращаясь изъ Кабула съ отвѣтомъ на ультиматумъ вице-короля, засталъ англичанъ уже за осадой Али-Мусыда. Онъ бросился-было назадъ къ эмиру за новыми инструкціями, такъ-какъ послѣдній писалъ свое письмо, какъ это признано самими англичанами, не зная ничего о совершившемся, но эмиръ приказалъ ему вернуться и передать письмо какъ оно есть.

Мы еще болѣе убѣдимся въ миролюбіи эмира, если прочтемъ его отвѣтное посланіе, въ которомъ онъ соглашается на существенную уступку и предоставляетъ Англіи право прислать къ нему посольство, но съ условіемъ, чтобы оно было временное, и чтобы число членовъ его не превышало 20 или 30 человѣкъ, другими словами предоставляетъ ей равныя права съ Россіей.

Такимъ образомъ, самолюбіе Англіи, еслибы оно дѣйствительно смотрѣло на Авганистанъ, какъ на нейтральное и независимое владѣніе, должно было-бы быть удовлетворено. Самое письмо эми-

ра было составлено въ самыхъ вѣжливыхъ, хотя и полныхъ собственнаго достоинства, выраженіяхъ, какъ и вообще всѣ его письма.

Но отвѣтомъ со стороны англичанъ были пунечные выстрѣлы.

Какъ важно было для министерства начать эту войну, видно изъ того также, что оно не остановилось даже передъ нарушеніемъ конституціи, полагая совершенно справедливо, что парламентъ, который не забылъ еще прецедента первой авганистанской войны 1838 г. и результатовъ ея, никогда не разрѣшитъ расколъ на вторую подобную попытку, имѣющую почти столько же шансовъ на успѣхъ, сколько имѣла первая. Поэтому министерство, недолго думая, рѣшилось совершить подлогъ съ общественнымъ мнѣніемъ Англіи. Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ разоблаченій Уайтбрета, содержаніе примирительнаго письма эмира было извѣстно вице-королю, находившемуся въ лагерѣ уже съ 4го декабря 1878 г., отправленное немедленно по телеграфу въ Лондонъ, оно сдѣлалось извѣстнымъ министерству раньше произнесенія королевской тронной рѣчи, т. е. раньше открытія парламента. Слѣдовательно, проступокъ министерства, за который его, какъ извѣстно, нѣкоторые члены парламента предлагали отдать подъ судъ, состоитъ въ томъ, что оно безъ разрѣшенія парламента начало военныя дѣйствія противъ эмира; съ цѣлью отнять у оппозиціи, настойчиво требовавшей осужденія этой войны, во время преній по поводу отвѣтнаго адреса королевѣ, всякій предлогъ къ порицанію безумной политики министерства, послѣднее скрыло отъ нея содержаніе письма эмира и объявило парламенту, что Англія чувствуетъ себя оскорбленной его поведеніемъ, которое стало извѣстнымъ лишь по предъявленіи парламенту Синей Книги.

О новѣйшихъ событіяхъ мы не будемъ говорить. Они слишкомъ извѣстны всякому, да и теперь еще трудно предугадать, чѣмъ кончится это новое насиліе, совершаемое Англіей надъ слабымъ народомъ. Окончится-ли оно общимъ народнымъ возстаніемъ и варфоломеевской ночью, подобной той, которой окончилась война съ Авганистаномъ въ 1842 г., или Англіи удастся утвердиться въ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктахъ Авганистана и окончательно прибрать его къ своимъ рукамъ—это невозможно предвидѣть. Мы видимъ изъ англійскихъ телеграмъ только одну лицевую сторону картины и, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ отъ самого эмира о ходѣ войны. Впрочемъ, одно несомнѣнно, что каждый шагъ впередъ, который дѣлаютъ англичане, покупается ими дорого. Очень можетъ быть, что оккупационная армія займетъ безпрепятственно (какъ это было и въ 1838 г.) всѣ главные стратегическіе пункты страны. Авганцы вообще неохотники рисковать жизнью въ откры-

тѣхъ сраженіяхъ массамаи, но за то въ партизанской войнѣ они не уступать герцеговинцамъ и черногорцамъ. Отдѣльными партіями и кавалерійскими набѣгами врасплохъ они будутъ наносить врагу громадный вредъ, особенно въ тѣхъ горныхъ ущельяхъ, гдѣ англичане въ прошлую войну немало сложили своихъ головъ. Чего не сдѣлаетъ партизанская война, то довершитъ голодъ опустошеннаго края и злобачественныя лихорадки, сопровождающія английскихъ солдатъ въ авганистанскихъ равнинахъ. Наконецъ, если-бы Авганистанъ палъ подъ ударами англійскаго оружія, если-бы Англія овладѣла Гератомъ и Кандагаромъ, то надолго-ли она можетъ удержать страну въ своей зависимости, — страну, фанатически ненавидящую все иностранное, и въ особенности все англійское, знакомое авганцамъ по тому, что дѣлается „рыжими разбойниками“ въ Индіи. Но если-бы она и удержала, то какихъ жертвъ и усилій стоило-бы Англіи это болѣе фантастическое, чѣмъ дѣйствительное обладаніе.

„За то намъ обезпечена Индія, говорятъ англійскіе повинисты, — мы гарантированы отъ нападеній со стороны Россіи“. Но такъ-ли это? Дѣйствительно-ли обезпечена Индія, если Авганистанъ будетъ ея передовымъ форпостомъ? Если смотрѣть на этотъ вопросъ съ канцелярски-дипломатической точки зрѣнія, то пожалуй и такъ; но если взглянуть на него нѣсколько пошире, то нельзя не убѣдиться, что Авганистанъ не спасетъ Индіи, для которой наступаетъ время ея освобожденія. Какими-бы палативами Англія ни поправляла тѣхъ страшныхъ золь, которыя она нанесла этой странѣ, развязка ихъ приближается къ концу. Система экономической эксплуатаціи, самой ужасной изъ всѣхъ эксплуатацій, — система, проводимая Англіей такъ послѣдовательно и глубоко въ отношеніи покоренныхъ ею народовъ, уже истощила свои силы и обречена на неотразимую смерть. Это вполне сознается и мыслящими людьми Англіи, и интеллигентной частью индійскаго общества. О несостоятельности этой хищнической системы громко заявляютъ и періодическія голодовки въ Индіи, и эпидеміи, какихъ не знаютъ другія страны, и безысходная нищета многомиліоннаго населенія, доведеннаго авглійскимъ управленіемъ до животнаго состоянія. Вотъ гдѣ надо искать главнаго врага англійскому владычеству, — врага, тѣмъ болѣе опаснаго, что съ нимъ нельзя бороться ни пушками, ни дипломатическимъ лицемѣріемъ.

В. Исполотовъ.

ПЕРМСКОЕ ЗЕМСТВО.

II.

Сибирскій трактъ пролегаетъ въ пермской губерніи по 6 уѣздамъ, на пространствѣ 741³/₄ вер. Значеніе его, какъ единственнаго пути изъ Россіи въ Сибирь, понятно; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшій путь для сообщенія внутри губерніи.

Съ развитіемъ пароходства по Камѣ и привоза по ней большей части грузовъ лѣтомъ, та часть тракта, которая находится между вятскою границею и г. Пермью, потеряла значеніе, такъ-какъ транзитъ за Уралъ и въ Сибирь направляется изъ Перми. Отъ послѣдняго города до границы тобольской губерніи 593³/₄ вер.

Грунтъ, по которому пролегаетъ трактъ, не представляетъ какихъ-либо техническихъ особенностей; отъ вятской границы до станицы Янычевской—песчано-глинистый, далѣе, до границы красноуфимскаго уѣзда глинистый и черноземный, въ красноуфимскомъ уѣздѣ песчаный и каменистый, въ екатеринбургскомъ песчаный, песчано-глинистый, черноземный и каменистый и въ камышловскомъ—черноземный, съ примѣсью въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глины или песку (Перм. губ. подполк. генер. шт. Мозеля. 1864 г.).

По свѣденіямъ подп. Мозеля, собраннымъ въ началѣ 60-хъ годовъ, сибирскій трактъ, почти на всемъ протяженіи, былъ въ хорошемъ состояніи; въ лѣтнее время онъ почти не уступалъ хорошимъ шоссейнымъ дорогамъ (Мозель, т. I, стр. 143). Съ того времени, вплоть до 1871 г., не слышно было жалобъ на его состояніе ни въ печати, ни отъ мѣстныхъ жителей. Болѣе близкія къ этому времени указанія находимъ въ имѣющейся у насъ печатной брошюрѣ инженера Ревковскаго, составленной по порученію перм-

скаго губернатора, въ качествѣ руководства при содержаніи земскихъ дорогъ (изданіе перм. губ. зем. упр. 1870 г.). Г. Ревковскій въ заключеніе своего труда говоритъ о необходимости передѣлать всѣ дороги по новымъ профилямъ,—объ изобрѣтеніи какихъ-то новыхъ способовъ и приѣмовъ для исправленія не можетъ быть и рѣчи. „Всѣ предстоящія земству работы съ технической стороны весьма несложны и просты; экономическая и распорядительная сторона ихъ, конечно, болѣе трудна, особенно въ виду прежнихъ порядковъ, установившихся обычаевъ и т. п., но въ этомъ не могутъ помочь никакія техническія указанія“. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ: „До окончательнаго рѣшенія вопроса о желѣзной дорогѣ (въ виду возможности совпаденія ея направленія съ сибирскимъ трактомъ) земство не можетъ дѣлать большихъ затратъ на капитальныя исправленія нынѣшнихъ своихъ грунтовыхъ дорогъ и должно ограничиваться только ремонтнымъ содержаніемъ ихъ“. О томъ, чтобы сибирскій трактъ былъ въ состояніи полнаго разрушенія, какъ это доказывалось впоследствии, г. Ревковскій не говоритъ ни слова. Къ его брошюрѣ приложено 16 таблицъ чертежей съ примѣрными смѣтами на устройство новыхъ дорогъ; по нимъ, цѣна постройки 1 версты, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ грунта, исчислена въ 123 руб., 354 р., 303 р., 134 р., 315 р., 431 р., и 487 р.

До передачи въ распоряженіе земства, содержаніе сибирскаго тракта, подобно другимъ дорогамъ губерніи, составляло натуральную повинность крестьянскихъ обществъ; послѣднія, однако, отбывали ее повсемѣстно наймомъ, чрезъ подрядчиковъ, почему расходъ ихъ на это дѣло былъ извѣстенъ въ точности. Сама губернская управа опредѣляетъ его среднимъ числомъ по 97 р. 51 к. на версту, при чемъ, удивляясь *громадности* такой затраты, высказываетъ, что цифрѣ этой можно дать вѣроятіе лишь въ-половину, такъ-какъ расходы не соотвѣтствовали стоимости отправления повинности; другая половина, по словамъ управы, шла въ руки подрядчиковъ, подъ благовиднымъ предлогомъ вывозки и разсыпки хряща, который вывозился противъ условій въ незначительномъ количествѣ, или даже не заготовлялся вовсе*). Этотъ отзывъ управы вполне подтверждается указаніями упомянутаго описанія „до-реформенной губерніи“. По словамъ автора его, въ пермской губерніи полиція выдумала мудреный порядокъ. Дорожные участки распредѣлялись между тѣми селеніями, которыя прилегали не къ этимъ участкамъ, а къ болѣе отдаленнымъ волостямъ, такъ-что

*) Журналы 1-го очер. перм. губ. Зем. Собр. стр. 45—49.

каждая волость приписывалась къ участку, отстоящему версть на 200 и болѣе отъ ея деревень и селеній. „Понятно, при такихъ условіяхъ не было физической возможности отправлять повинности натурою, и волости были поставлены въ необходимость обращаться къ посредничеству подрядчиковъ, которые, находясь въ рукахъ полиціи, были заинтересованы стать къ дѣлу какъ можно выгоднѣе, и, разумѣется, самая сущность вещей давала полиціи просторъ и возможность руководиться личными побужденіями, не боясь отвѣтственности передъ начальствомъ и не заботясь объ участи народа“.

При всемъ томъ, дорога на средніе 97 р. 51 к. съ версты, или на $741\frac{3}{4}$ вер. — 72,328 р. $4\frac{1}{4}$ к., расходовавшіеся вдобавокъ приведеннымъ сейчасъ способомъ, была сносная. По отзывамъ уѣздныхъ управъ, раздѣлявшихъ мѣнѣе губернской *), отличались неудовлетворительностію мосты и трубы; поэтому уѣздныя собранія: оканское, пермское и кунгурское, переложившія повинность на денежный сборъ, назначили на содержаніе 275 версть тракта 36,281 р., или по 132 руб. на версту, предполагая болѣе тщательный ремонтъ мостовъ и трубъ. Въ остальныхъ 3 уѣздахъ, красноуфимскомъ, екатеринбургскомъ и камышловскомъ, повинность исправленія тракта въ 1871 г. на протяженіи 467 версть оставлена была натуральною.

Въ этомъ году начались жалобы на дурное состояніе тракта, хотя преимущественно только по пермскому уѣзду, въ которомъ было асигновано на содержаніе 120 версть 14,255 руб. Уѣздная управа, втеченіи лѣта и зимы, израсходовала на исправленіе тракта 10,976 руб., построивъ и исправивъ изъ этой-же суммы 22 моста и 194 трубы; она руководилась выраженнымъ пермскимъ уѣзднымъ собраніемъ взглядомъ, что слѣдуетъ заботиться, впредъ до перевода тракта на губернской сборъ, чтобы по немъ былъ безопасный проѣздъ, не производя капитальныхъ сооружений. И дѣйствительно, кромѣ починки мостовъ и трубъ, управа сдѣлала мало. Какъ видно изъ земскихъ документовъ, это надѣлало въ свое время много шума. Въ мѣстномъ уѣздномъ собраніи, комисія, ревизовавшая отчетность управы, взглянула на дѣятельность послѣдней почти какъ на рядъ предумышленныхъ, сознательныхъ злоупотребленій. Всѣми выражалось удивленіе и даже негодованіе, что на 10,000 руб., при 120 верстахъ тракта, достигнута такой ничтожный результатъ! Всеобщее убѣжденіе раздѣляла и мѣстная администрація, какъ уѣздная, такъ и губернская. Губернаторъ, вполне раздѣлявшій это убѣжденіе, испросилъ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ на примѣненіе къ пермскому

*) Тамъ-же.

земству 10 ст. полож. зем. учрежд., т. е. непосредственных распоряжений администраціи насчетъ земства. Мѣра эта, понынѣ нигдѣ непрacticковавшаяся, не была приведена въ исполненіе, по тому, будто-бы, поводу, что мѣстные жители, предупрежденные членомъ управы о томъ, что послѣдняя не будетъ уплачивать денегъ по подрядамъ администраціи, не пожелали принять таксвыхъ, не будучи вполне увѣрены въ несомнѣнности платежей. Какъ поэтому, такъ и по поводу всѣхъ вообще дѣйствій управы было внесено обвиненіе со стороны губернатора въ уѣздное собраніе. Испуганная управа подала въ отставку во всемъ составѣ. Одинъ изъ ея членовъ, избранный въ предсѣдатели, не былъ утвержденъ въ этой должности губернаторомъ. Наконецъ, послѣднимъ было внесено обвиненіе, на основ. 339 ст. улож. о наказ., и въ губернское собраніе.

Въ немъ дѣло затянулось на два года. Послѣ произведеннаго губернской управою дознанія и доклада ея въ самомъ благопріятномъ для уѣздной управы смыслѣ, комисія собранія дала такой отзывъ: „Подъ влияніемъ самаго тщательнаго разсмотрѣнія дѣла она невольно приходила къ внутреннему убѣжденію въ бездѣйствіи управы по отправленію дорожной повинности. Даже послѣ примѣненія 10 ст. полож., пробудившись какъ-бы и остановивъ примѣненіе этой мѣры, управа ограничилась одними обѣщаніями“. Въ концѣ-концовъ, губернское собраніе отказало въ преданіи управы суду, и губернаторъ не протестовалъ *).

Губернская управа два раза втеченіи полугода вносила доклады о необходимости отнесенія сибирскаго тракта къ повинностямъ губернскимъ (въ 1 очеред. и 2 чрезвыч. сесіи). Препятствіе къ тому оказывалось въ существованіи натуральной повинности въ 3 уѣздахъ, отчего такую мѣру можно было предпринять лишь съ согласія большинства уѣздныхъ собраній (ст. 26 врем. прав.). Попытки губернской управы не остались, однако, безъ значительныхъ результатовъ. Тѣ изъ собраній, по уѣздамъ которыхъ пролегалъ трактъ, сочувствовали предположенію губернской управы, желая отдѣлаться отъ повинности на-счетъ другихъ уѣздовъ; въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ повинность отбывалась натурою, сторонники переложенія ея на денежный сборъ успѣли убѣдить своихъ опонентовъ тѣмъ резонномъ, что такое переложеніе послужитъ средствомъ къ достиженію цѣли губернской управою, т. е. избавленію уѣзда отъ болѣе значительныхъ затратъ, а собраніе уѣздное и управу отъ хлопотъ. Къ тому-же губернской управою каждый разъ предъявлялась перспектива отнесенія тракта на

*) Сбор. перм. зем., 1873 г. стр. 250—279.

счетъ государственнаго земскаго сбора. Прочіе-же уѣзды стояли на томъ, что сибирскій трактъ доставляетъ большія выгоды уѣздамъ, по которымъ онъ пролегаетъ, что они-же имѣютъ, въ общей сложности, меньшее пространство почтовыхъ дорогъ, чѣмъ лежащія въ сторонѣ отъ этого трактата, и, наконецъ, что эти уѣзды, благодаря издавна пролегающему по нимъ важному пути, сдѣлались самыми богатыми въ губерніи. Къ этимъ 6 уѣздамъ, нежелавшимъ переложенія сибирскаго тракта на губернский сборъ, присоединился и оханскій, успѣвшій отремонтировать свой участокъ (81 вер.) на малую сумму; его собраніе нашло, что подобная мѣра повела-бы лишь къ тому, что этотъ участокъ былъ-бы оставленъ вовсе безъ ремонта (какъ это и оправдалось впоследствии), а, между тѣмъ, съ уѣзда взыскивался-бы губернский сборъ въ суммѣ четверо большей, чѣмъ стоила повинность уѣзду. Такимъ образомъ, большинство 7 собраній противъ 5 отклоняло проектъ губернской управы. Послѣдняя по этому поводу предложила губернскому собранію ходатайствовать передъ правительствомъ о принятіи содержанія сибирскаго тракта на государственнѣйшій сборъ или, въ противномъ случаѣ, отпускъ *единовременной субсидіи* въ размѣрѣ 75,000 руб., на которые она предполагала произвести *капитальный* ремонтъ всего тракта.

На 1872 г., по всѣмъ уѣздамъ, повинность содержанія сибирскаго тракта была обращена въ денежную и, по уѣзднымъ сметамъ, назначено было на это и израсходовано до 159,000 руб. *). Съ этого времени появляются болѣе частыя жалобы на неудовлетворительное состояніе тракта между Пермью и Екатеринбургомъ и начинаютъ проникать въ столичную печать. Состояніе тракта и способы исправленія его въ этомъ году описаны подробно, по порученію г. министра внутреннихъ дѣлъ, инженеромъ Арнольдомъ. Губернская управа приводитъ въ своемъ докладѣ выдержки изъ этого описанія **), которыми воспользуемся и мы, какъ высшей степени характеристичными отзывами компетентнаго лица. Вотъ слова г. Арнольда:

„Дорога отъ Перми до Екатеринбурга находится въ неудобномъ для проѣзда состояніи, и хотя мѣстныя земства принималъ усиленные мѣры къ ея исправленію, но, къ сожалѣнію, мѣры эти не приводятъ къ желаемому результату, а скорѣе, наоборотъ, во многихъ мѣстахъ ухудшаютъ положеніе дороги.

„Главные недостатки дороги состоятъ въ томъ, 1) что повер-

*) Сб. П. З. 1873 г., стр. 1009.

**) Сб. П. З. 1873 г., стр. 17—21.

ность ея изрыта колеями и выбоинами и покрыта твердыми комьями или кочками, торчащими изъ земли; чрезъ это, даже въ лучшее сухое время лѣта, проѣздъ по дорогѣ, не говоря уже о безпокойствѣ и даже мученіи для ѣдущихъ, чрезвычайно тяжелъ и мучителенъ для лошадей, медленъ и причиняетъ безпрестанныя поломки экипажей и обозныхъ телѣгъ; 2) что въ ненастье, а въ особенности весною и осенью, въ болѣе низкихъ мѣстахъ, дорога становится крайне грязною и даже топкою, такъ-что экипажи и телѣги вязнутъ и съ трудомъ вывозятся усиленными средствами.

„Мѣры, принимаемыя въ настоящее время къ исправленію дороги, состоятъ: 1) въ сравненіи поверхности полотна сбиваніемъ кочекъ и заполненіемъ выбоинъ и колеи; 2) въ насыпкѣ на полотно каменнаго щебня, укатываемаго каткомъ; 3) въ возобновленіи и частію постройкѣ вновь мостовъ и трубъ; 4) въ укрѣпленіи топкихъ мѣстъ поперечнымъ настиломъ изъ жердей или пластинъ и 5) въ прорытіи по сторонамъ полотна канавъ на тѣхъ протяженіяхъ, гдѣ ихъ не было, и въ расчисткѣ существующихъ канавъ.

„По общему отзыву, въ прежнее время пермско-екатеринбургскій трактъ постоянно находился въ отличномъ состояніи, и хотя встрѣчались грязныя и топкія мѣста, но неудобство ихъ было далеко не такъ опутительно, какъ теперешнее, и оказывалось только весною и осенью, при постоянныхъ дождяхъ. Въ лѣтнее-же время дорога представляла мягкую, ровную поверхность, удобную и покойную для экипажей и лошадей. Ухудшеніе дороги пошло быстро въ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ, какъ земства ввели тѣ способы ремонтірованія дороги, которые употребляются ими и въ настоящее время.

„Самыя главныя усилія земствъ обращены на насыпку по дорогѣ щебенки, и земства, кажется, ставятъ эту насыпку въ особенную себѣ заслугу, затрачиваютъ на это значительныя суммы, и полагаютъ, судя по вышесказаннымъ объясненіямъ, постепенно превратить этимъ способомъ обыкновенную грунтовую дорогу въ шоссе. Между тѣмъ, насыпка щебня составляетъ самую главную причину окончательной порчи дороги: куски щебня, насыпанные очень тонкимъ слоемъ (отъ 2 до 2½ дюймовъ) прямо по рыхлому грунту, вдавливаются въ него подъ ударами копытъ и давленіемъ колесъ, особенно во время дождей; образовавшіяся колеи и выбоины, которыя безъ щебенки скоро укатились-бы въ сухое время, теперь отвердѣваютъ въ кочковатомъ состояніи, такъ-какъ сбившійся въ кучи и слѣпленный засохшею глиною щебень образуетъ твердые комья, нелегко разбиваемыя колесами. Если къ этому присовокупить, что щебень большею частію употребляется изъ

очень мягкихъ породъ, рыхлыхъ известняковъ и даже сланцевъ, такъ-что при дождѣ легко размокаетъ и перетирается колесами и вязкое тѣсто, а потомъ снова твердѣетъ, какъ камень, а такъ и то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заготовленъ камень достаточн твердыхъ породъ, онъ разбивается въ щебень небрежно и, чтобы много не трудиться, оставляется въ кускахъ отъ 2 до 4 вершковъ,—то понятно станетъ, что *земское шоссированіе только и титъ полотно*. Послѣдствія отъ такого шоссированія очевидны: бросаются въ глаза всякому: прежде въ дождливое время был на дорогѣ самая обыкновенная грязь, теперь является бочковатая грязь съ твердыми кусками щебня; прежде въ сухое время была мягкая, укатавшаяся грунтовая дорога, теперь являются окаянныя выбоины и колеи, и угловатыя каменистыя кочки.

„Нужно замѣтить, что даже грязи теперь должно явиться на дорогѣ болѣе, чѣмъ могло быть прежде, потому что *прежде дорога имѣла довольно правильный поперечный профиль*, и дождевая вода сбѣгала на стороны, теперь-же неровности, выбоины и колеи удерживаютъ въ себѣ воду, неминуемо разжижающую грунтъ.

„Въ своемъ усердіи шоссировать дорогу, земства увлеклись до того, что мѣстами рассыпаютъ щебенку по природному каменистому, плотному и однородному грунту дороги.

„Устройство дорожныхъ канавъ, не менѣе щебенки, содѣлываетъ ухудшенію дороги. О правильномъ продольномъ паденіи канавъ, о направленіи водъ къ лощинамъ, мостамъ и трубамъ, нѣтъ и помину. Канавы роются повсюду одинаковой глубины, такъ-что дно ихъ идетъ параллельно поверхности земли, слѣдуя за всеми изгибами ея. Понятно, что при этомъ канавы очень часто, несмотря на то, чтобы отводить воду, служатъ, наоборотъ, ямами для скопленія ея около полотна. Часто также земля, вынутая изъ канавъ, сваливается на полотно возлѣ канавы въ видѣ вала, а мѣстами эта земля изъ канавъ запруживается лощины, по которымъ должна-бы была отводиться вода.

„Подобныя-же вещи являются и по другимъ частямъ дорожнаго дѣла. Перечисленіе всѣхъ подробностей было-бы излишне. Достаточно указать на мощеніе тонкихъ мѣстъ поперечными жердями въ видѣ подвижного, на подобіе клавишей, и небезопаснаго для лошадей, настила; на безпричинно крутые подъемы при взѣздахъ на мосты; на устои и быки мостовъ изъ бревенчатыхъ срубовъ, засыпанныхъ землею; на упорно употребляющійся способъ настилки половъ на мостахъ; на трубы, помѣщенныя на буграхъ и тому подобныя несообразности.

„Описанные результаты производящагося исправленія дорогъ ясно указываютъ на совершенное незнакомство земскихъ дѣятелей

съ технической стороною дѣла и на полнѣйшее отсутствіе какихъ-
бы ни было предварительныхъ техническихъ соображеній и ука-
заній, а тѣмъ болѣе на совершенное неимѣніе технического над-
зора при исполненіи работъ.

„На исправленіе пермско-тюменской дороги асигновано было
уѣздными земствами въ текущемъ году (1872), въ общей сложности,
болѣе 150 тысячъ рублей. Нельзя достаточно надивиться не-
простибельной опрометчивости земства, рѣшающагося, безъ пред-
варительнаго изученія дѣла, при содѣйствіи опытныхъ специа-
листовъ, какъ-бы требовалось, истрачивать такія значительныя
суммы“.

Далѣе г. Арнольдъ указываетъ мѣры, которыя могутъ приве-
сти трактъ въ удовлетворительное состояніе. Онѣ должны, по его
мнѣнію, заключаться въ слѣдующемъ:

1) „Не увлекаясь несбыточною, но крайней мѣрѣ, на первое
время, мечтою о превращеніи дороги въ шоссе, привести въ стро-
гій, правильный видъ продольную и поперечную профили дороги,
сосредоточивъ все вниманіе на самомъ тщательномъ отведеніи по-
верхностныхъ водъ (причемъ со всею строгостью должны быть со-
блюдены продольные уклоны канавъ, назначенные по нивелиров-
кѣ) и вообще привести водоотводъ въ правильную систему (чего
тѣперь вовсе не дѣлается, что и составляетъ главную причину
порчи дороги).

2) „Въ мѣстахъ низменныхъ стараться отвести, если возмож-
но, грунтовыя воды или, по крайней мѣрѣ, понизить ихъ гори-
зонты отводными канавами; полотно на этихъ мѣстахъ возвысить
земляными насыпями, а въ очень топкихъ мѣстахъ фашинными на-
стилами, съ насыпкою сверху земли.

3) „Уничтожить, насколько возможно, вредъ, сдѣланный до
сихъ поръ насыпкою по полотну щебня; лучшимъ средствомъ для
этого будетъ служить *разравниваніе* полотна и *планировка* его по
правильной поперечной профилу, причемъ слишкомъ крупныя ку-
ски щебня слѣдуетъ отбрасывать за канавы; по *планированному*
полезно будетъ разсыпать хотя-бы небольшой слой крупнаго рѣч-
ного (но отнюдь не горнаго) песку или гравія.

4) „Содержать постоянный ремонтъ на дорогѣ, раздѣливъ ее
на участки и назначивъ на каждый опредѣленное число постоян-
ныхъ рабочихъ (напримѣръ, по одному человѣку на три версты),
обязанность которыхъ будетъ содержать въ постоянной исправно-
сти систему водоотвода и полотно, поправляя всѣ поврежденія
тотчасъ-же. На прочистку канавъ и трубъ должно быть обращено
особенное вниманіе весной, при таяніи снѣговъ, и осенью, когда,
при сильныхъ дождяхъ, заноситъ канавы.

„Этих мѣръ, при строгомъ ихъ выполненіи, будетъ *только достаточно* для поддержанія тракта въ состояніи вполнѣ хорошей грунтовой дороги. Главнѣйшая-же мѣра, необходимая для обезпеченія исправнаго состоянія дороги, должна состоять въ томъ, чтобы техническая сторона дѣла была поручена земствами опытнымъ специалистамъ-техникамъ, и чтобы дорожными работами земства отнюдь не завѣдывали самозванные инженеръ-архитекторы и землемѣровъ и горныхъ кондукторовъ, какъ это теперь встрѣчается. Издержки на приглашеніе свѣдущихъ и пользующихся извѣстностью специалистовъ вполнѣ вознаграждаются земствамъ сбереженіями земскихъ суммъ и интересовъ. Мѣстные-же техники администраціи, занятые службою, не могутъ посвящать этому дѣлу надлежащаго времени и вниманія; притомъ-же дорожное дѣло не представляетъ ихъ специальности“.

Губернская управа, съ своей стороны, высказываетъ: „особенно нельзя не оцѣнить послѣдняго совѣта г. Арнольда“, и продолжаетъ: „Такимъ образомъ, въ заключеніе оказывается, что величина расходовъ на дорожную повинность въ пермской губерніи значительно обуславливается нераціональностью способовъ и приемовъ управленія дорогъ, употребляемыхъ уѣздными земствами“. Сравнивая эту относительную дороговизну исправленія дорогъ (100 руб. 83 коп. на версту) со стоимостью его въ другихъ губерніяхъ, какъ-то: вятской (45 р. 96 к. на версту), казанской (73 р. 61 к.) и костромской (39 р.), губернская управа соображаетъ, что причиною то обстоятельство, что въ пермской губерніи земскія управы сами ведутъ дѣло, безъ всякаго участія специалистовъ-техниковъ, между тѣмъ какъ въ вятской, напр., никакая работа на трактѣ безъ техника не производится. „Мало того, въ пермской губерніи собранія дѣлаютъ назначенія расходовъ, зная положеніе тракта только наглядно, не соображаясь ни съ описаніемъ его, ни со смѣтами на его исправленіе, потому что этихъ постѣмъ иногда вовсе не существуетъ. Очевидно, что при такомъ порядкѣ исправленія дорогъ, способы и приемы не могутъ имѣть никакой системы и столько-же разнообразны, какъ и техническія знанія исправителей—членовъ управъ и гласныхъ. Результатомъ отсутствія системы и техническихъ знаній при исправленіи дорогъ является то, что громадныя затраты на этотъ предметъ, произведенныя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, остались безъ всякихъ постѣмствій, или, какъ выражается екатеринбургская управа: „работы предназначенной цѣли не достигли; поставленное на дорогахъ количество матеріала могло нѣсколько улучшить дорогу, но, къ несчастію, разровненный хрящъ большею частію подпалъ подъ проѣздъ въ ненастную пору, безъ утрамбовки каткомъ, и *потому-то*“

ураза". Если судить по отзывамъ самихъ-же земскихъ собраній и управъ о состояніи дорогъ въ другихъ уѣздахъ, то въ большинствѣ ихъ окажется то-же, что и въ екатеринбургскомъ уѣздѣ. Губернская управа приходитъ къ тому выводу, что дѣло можетъ улучшиться только въ такомъ случаѣ, „если оно будетъ подчинено на всемъ протяженіи тракта единообразной системѣ, что возможно только при централизаціи управленія трактомъ въ одномъ учрежденіи“, именно, губернской управѣ. Чтобы убѣдить въ этомъ собраніе, она доказываетъ, что и съ проведеніемъ желѣзной дороги между Пермью и Екатеринбургомъ грузы пойдутъ по тракту, такъ-какъ перевалка на желѣзную дорогу товаровъ—вещь неудобная *), и, слѣдовательно, въ трактѣ будетъ та-же необходимость.

Такие доводы и настоянія, повторяемые въ каждое очередное и чрезвычайное собраніе, имѣли, повидимому, настолько успѣха, что пермскій губернаторъ, г. Андреевскій, открывая 3-е очередное собраніе, въ рѣчи своей высказалъ: „Даже вопросъ о сибирскомъ трактѣ, неудовлетворительное состояніе котораго составляло и составляетъ предметъ общихъ порицаній, мнѣ кажется, созрѣлъ настолько, что земство, для единства и успѣха дѣйствій по его исправленію, не затруднится перевести эту повинность въ разрядъ губернскихъ. *Мнѣ пріятно это правительство считаетъ нужнымъ*“ *). Общее разъясненіе министерства внутреннихъ дѣлъ о томъ, что согласіе большинства уѣздныхъ собраній на переложеніе повинности уѣздной въ губернскую требуется въ томъ только случаѣ, если повинность отправляется натурою всеми уѣздами, а не нѣсколькими изъ нихъ,—губернская управа истолковала въ томъ смыслѣ, что испрашивать согласія уѣздныхъ собраній на передачу въ ея вѣденіе сибирскаго тракта не нужно, и сообщила о томъ управамъ, въ уѣздахъ которыхъ находился сибирскій трактъ; но тѣ, къ удивленію губернской управы, тѣмъ не менѣ почему-то сочли нужнымъ внести въ смѣты будущаго года (1873) „суммы на содержаніе тракта“ въ размѣрѣ 145,000 руб. Вслѣдствіе этого, управа просила собраніе высказаться за принятіе тракта на губернской сборъ только въ принципѣ и ассигновать 6,000 руб. на содержаніе инженера и 3 техниковъ, для производства втеченіи года подготовительныхъ работъ, составленія описанія трактата, смѣты плановъ, отысканія мѣстъ добычи матеріяловъ и проч., и въ то-же время ходатайствовать предъ правительствомъ о принятіи содержанія тракта на государственный сборъ. О суммѣ въ 75,000 р. одновременно для капитальнаго ремонта его уже не упоминалось

*) Сб. Пер. Зем. 1873 г. стр. 16, 17 и 22, 23.

*) Журналы 3 очер. перм. г. з. с. стр. 4.

вовсе. Губернское собраніе согласилось во всемъ на этотъ рѣшъ предложеніями управы и поручило послѣдней возбудить, межд прочимъ, въ уѣздныхъ собраніяхъ вопросъ о необходимости приглашенія для производства дорожныхъ работъ специалистовъ. О томъ-же, чтобы приглашенному инженеру и тремъ техникамъ поручить уѣзднымъ управамъ оказывать содѣйствіе въ правильному исполненію работъ, не высказало ничего *).

Губернская управа дѣйствительно пригласила инженера Дюровскаго съ тремя техниками, уже не за 6, а за 8 т. рублей. Договорилась съ нимъ только о составленіи проекта на капитальную перестройку тракта на пространствѣ 422 верстѣ, между Перми и границею камышловскаго уѣзда. Объясненіе этому обстоятельству, что изъ 742 в. были исключены 320, находимъ въ докладѣ 4-му очер. губернскому собранію. Управа ихъ исключила собственною властію и предложила принять на губернской сборъ содержаніе только 422 верстѣ, потому что „отъ границы вятской губерніи до г. Перми существуетъ только самое незначительное лѣтнее движеніе; зимнее-же исправленіе тракта не представляетъ затрудненій; часть-же тракта, находящаяся въ камышловскомъ уѣздѣ, прелегаетъ по твердому и ровному грунту и точно такъ-же, какъ и въ оханскомъ уѣздѣ, можетъ быть содержима въ удовлетворительномъ состояніи средствами мѣстнаго уѣзднаго земства *).

Губернская управа предложила г. Домбровскому составить проектъ и сметы на капитальную перестройку тракта, хотя о ней не было и рѣчи ни въ предшествовавшихъ докладахъ, ни въ преніяхъ собранія, ни въ его постановленіи, говорившемъ лишь о подготовительныхъ работахъ къ содержанію тракта. Въ то-же время она сочла излишнимъ приглашать г. Домбровскаго давать указанія уѣзднымъ земствамъ при ремонтѣ того-же тракта, стоившемъ въ 1873 году 145 т. руб. Странно читать, что г. Домбровский описываетъ нерациональность приѣмовъ уѣздныхъ управъ, а губернская управа, получая эти описанія, не только не сообщаетъ замѣчаній г. Домбровскаго подлежащимъ управамъ своевременно, а приводитъ лишь ихъ въ послѣдствіи въ качествѣ доводовъ въ пользу необходимости капитальной перестройки, хотя послѣдній многократно и категорически опровергалъ самъ г. Домбровский. Система порчи тракта ремонтъ уѣздныхъ управъ какъ-бы вошла въ планы губернской, ради упомянутыхъ доводовъ въ пользу перестройки и принятія тракта на губернской сборъ.

Въ августѣ 1873 года было чрезвычайное губернское собраніе

*) Сб. П. З. 1873 г. стр. 26.

*) Сб. П. З. 1873 г. стр. 992.

Домбровский писалъ ему слѣдующее: „Капитальной перестройки тракта по старому направленію, на что я теперь составляю проектъ и смѣты, по-моему крайнему разумѣнію, *дѣлать совершенно не стоитъ*, такъ-какъ это будетъ требовать большихъ денегъ при сравнительно незначительной пользѣ, тѣмъ болѣе, что перестройка будетъ продолжаться около трехъ лѣтъ, т. е. можетъ быть окончена почти къ тому-же сроку, къ которому откроется уральская желѣзная дорога, и, слѣдовательно, транзитные грузы не воспользуются перестроеннымъ трактомъ; а, между тѣмъ, въ эти три года самыхъ важныхъ, вслѣдствіе перестройки, движеніе грузовъ будетъ стѣснено; имъ придется идти по объѣздамъ, устройство и содержаніе которыхъ въ сносномъ состояніи потребуетъ также значительныхъ затратъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже невозможно. Устраивать грунтовый трактъ по новому направленію рациональнѣе, но, по моему мнѣнію, тоже не разсчетливо. При настоящемъ же положеніи дѣла слѣдуетъ: составить проекты и смѣту на усиленное ремонтное содержаніе тракта въ лучшемъ по возможности видѣ втеченіи двухъ или трехъ лѣтъ, впредь до открытія уральской желѣзной дороги, не выходя изъ суммы 200,000 рублей въ годъ“.

Губернское собраніе, которому было прочитано это сообщеніе, но не внесено никакого доклада, ни даже какихъ-либо соображеній по поводу его, не могло, понятно, и дать категорическаго заключенія, кромѣ мнѣнія гласныхъ Рогова и Глушкова, которымъ они,—въ виду отсутствія доклада управы, смѣтъ на ремонтъ тракта и необходимости заготовки матеріаловъ съ начала осени, между тѣмъ какъ очередное губернское собраніе можетъ быть только въ декабрѣ,—полагали: 1) содержаніе тракта въ 1874 году оставить на уѣздной повинности, о чемъ и сообщить немедленно уѣзднымъ управамъ съ тѣмъ, чтобы онѣ въ смѣты на 1874 годъ внесли необходимыя на ремонтірованіе тракта суммы въ такомъ размѣрѣ, чтобы правительство не имѣло повода примѣнять въ исправленію тракта 10 ст. полож. и 2) поручить губернской управѣ внести въ очередное собраніе подробныя соображенія объ исправленіи тракта съ 1875 года *).

Въ журналахъ собранія, кромѣ этого мнѣнія и факта прочтенія заявленія г. Домбровскаго, не находимъ по этому поводу ничего болѣе. Немудрено, впрочемъ: собраніе занято было исключительно выборомъ мировыхъ судей, для чего и созывалось, а самое внесеніе записки г. Домбровскаго состоялось передъ его закрытіемъ. Какъ-бы то ни было, дальнѣйшій ходъ дѣла показы-

*) Сб. II. 3. 1873 г. стр. 713—714.

вааетъ, что губернская управа сообщила послѣ г. Домбровскому, что договоръ о составленіи смѣты на капитальную перестройку тракта, заключенный съ нимъ, остается въ силѣ, и онъ обязанъ ихъ составить, а уѣзднымъ управамъ сообщено, что съ будущаго 1874 г. трактъ долженъ перейти на губернскую повинность, и онѣ не должны вносить въ свои раскладки суммъ на его исправленіе, но техническія смѣты обязаны составить на тотъ случай, если губернсое собраніе не согласится на переводъ тракта на губернский сборъ. Уѣздныя управы, понятно, такъ и сдѣлали, оставшись безъ денегъ на будущій ремонтъ сибирскаго тракта. Губернская управа довела до свѣденія губернатора, что въ чрезвычайномъ собраніи не послѣдовало категорическаго рѣшенія по вопросу, а губернаторъ сообщилъ объ этомъ г. министру внутреннихъ дѣлъ. Въ ноябрѣ отъ г. министра получено распоряженіе, во-первыхъ, вопросъ о перенесеніи сибирскаго тракта на губернскую повинность вновь передать на разсмотрѣніе очереднаго губернскаго собранія и, во-вторыхъ, не ожидая его рѣшенія, предложить уѣзднымъ управамъ принять безотлагательно мѣры къ исправленію тракта въ будущемъ году. Въ случаѣ медленности со стороны уѣздныхъ управъ, г. министръ предоставилъ губернатору приступить къ непосредственнымъ распоряженіямъ насчетъ земства по 10 ст. положенія. Въ силу этого, уѣздныя управы, въ концѣ ноября, получили предложеніе губернатора заготовить къ 20 января 1874 г. на каждую версту тракта по 60 куб. сажень чистаго рѣчнаго хрища, а также потребное количество песку и гѣсы для дорожныхъ сооруженій, на что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ требовалось болѣе 100,000 руб., не считая будущихъ работъ. Естественно, уѣздныя управы тотчасъ-же отвѣчали, что у нихъ нѣтъ на то никакихъ средствъ, а предпринять онѣ ничего не могутъ такъ-какъ смѣты и раскладки составлены на будущій годъ еще въ сентябрѣ и губернаторомъ утверждены. Въ виду такихъ отвѣтовъ, послѣднему оставалось только приступить къ распоряженіямъ о заготовкѣ матеріаловъ на счетъ земства, согласно предложенію г. министра, но онъ почему-то этого не сдѣлалъ, и вопросъ остался въ такомъ положеніи до 10 декабря, когда послѣдовалъ его разсмотрѣніе въ губернскомъ собраніи. Прибылъ туда и г. Домбровский и давалъ необходимыя объясненія, какъ въ комисіи, такъ и самомъ собраніи, убѣждая, что земству, въ виду близкаго открытія уральской желѣзной дороги, нѣтъ никакого расчета затрчивать большую сумму на капитальную перестройку тракта, а слѣдуетъ составить проекты и смѣту на усиленное ремонтное содержание его втеченіи 2 или 3 лѣтъ, не выходя изъ суммы 200,000 руб. въ годъ, и, если уже постройка дороги будетъ признана необо-

димой, то устроить шоссе, по измѣненному направленію, на что потребуется до 1,600,000 руб., что, при взиманіи допускаемаго закономъ шоссезнаго сбора по $\frac{1}{4}$ коп. съ версты и лошади, дастъ приблизительно до 360,000 руб. въ годъ, изъ коихъ 300,000 руб. пойдутъ на покрытие издержекъ по ремонту, а остальные поступятъ въ погашеніе капитала, по которому, если считать 5% интереса и 1% погашенія, потребуется 96 т. въ годъ, такъ-что сборомъ на земство упадетъ всего 36,000 въ годъ, и будетъ въ результатъ шоссе, сберегающее въ провозѣ груза на сто верстъ до 6 коп. въ каждомъ пудѣ. Смѣта на капитальную перестройку 422 версты, составленная г. Домбровскимъ, согласно контракту съ управою, заключала расходъ на 886,277 руб. 8 коп., а съ прибавленіемъ 6% на присмотръ и 4% на непредвидимые расходы—974,904 руб., что составляло на версту 2,310 рублей. Между работами главный расходъ былъ исчисленъ на проведеніе канавъ и планировку полотна—232,150 р. и на развозку и утрамбовку земли и хряща и укатываніе послѣдняго—126,379 р., затѣмъ на дорожныя сооруженія—57,350 р. Что-же касается матеріаловъ, то предполагалось заготовить земли на 6,001 руб. и хряща на 464,395 р. Производство работъ разсчитано было на 3 года.

Всѣ эти, довольно скучныя, подробности мы привели съ цѣлью сравненія предположеній инженера Домбровскаго съ послѣдующими деталями ремонта сибирскаго тракта, — сравненія, какъ увидитъ читатель, очень назидательнаго.

И губернская управа, и комисія собранія повторяли въ началѣ своихъ докладовъ многократно высказанныя прежде соображенія о государственномъ значеніи сибирскаго тракта и невозможности содержать его на средства мѣстнаго населенія. Когда собранію предложено было на рѣшеніе ходатайствовать 1) о принятіи тракта на государственный сборъ и 2) о выдачѣ земству, впредь до такового принятія, субсидіи въ 200,000 руб. ежегодно, собраніе единогласно приняло эти предложенія.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что два года тому назадъ губернской управою испрашивалось только 75,000 руб. субсидіи ежегодно и то на капитальный ремонтъ всего тракта; теперь-же ходатайствовало о 200 тысячахъ руб. ежегодно только на содержаніе тракта. Не упоминалось здѣсь, правда, нисколько объ участіи въ расходахъ на это содержаніе самого земства, и единогласное рѣшеніе собранія указываетъ, что большинство подразумѣвало отсутствіе этого участія. Когда вслѣдъ за симъ управа внесла на обсужденіе свою смѣтную цифру на перестройку тракта въ 1874 г. 350 тысячъ руб., то и комисія, и собраніе пришли въ ужасъ отъ такой суммы. Проектъ капитальной перестройки въ три года

422 версть, исчисленной въ 886 тысячъ руб., отвергнуть былъ чуть не единогласно (за него стояла только управа и то слабо). Когда затѣмъ комисія предложила, согласно совѣту г. Домбровскаго, внести въ смѣту 200 тысячъ руб. на ремонтъ тракта, то въ смиреннѣйшемъ до того пермскомъ собраніи поднялась буря. Большинство доказывало, что прежде, чѣмъ вносить деньги въ смѣту, слѣдуетъ рѣшить вопросъ о переложеніи тракта изъ уѣзныхъ повинностей въ губернскую, такъ-какъ предшествовавшее собраніе рѣшило этотъ вопросъ только въ принципѣ, и какъ само собраніе, такъ и г. министръ внутреннихъ дѣлъ, утверждающій постановленія губернскаго собранія о раздѣленіи повинностей, и даже губернская управа, не считали этого вопроса окончательно рѣшеннымъ, доказательствомъ чему служатъ и докладъ управы и предложеніе г. министра, внесенное въ собраніе. Меньшинство съ предсѣдателемъ собранія во главѣ (г. Дягилевымъ; не тѣмъ, кто сдѣлался исправителемъ тракта, а отцомъ его), утверждало противное. Предсѣдатель отказалъ въ постановкѣ вопроса о раздѣленіи повинностей, требуя назначенія суммы на содержаніе тракта. Два длинныхъ засѣданія шли препирательства на эту тему; большинство пыталось даже оставить залу засѣданій, но потомъ одумалось. Пошли, наконецъ, балотировки суммъ на содержаніе тракта, и такъ-какъ большинство было противъ переложенія его на губернскую повинность, то, не видя другого исхода, стало отказывать въ назначеніи суммъ.

Тѣмъ дѣло и было кончено. Нѣкоторые изъ гласныхъ возбуждали вопросъ объ открытіи кредита уѣзднымъ земствамъ изъ губернскаго запаснаго капитала на ремонтъ тракта въ виду отсутствія суммъ въ ихъ смѣтахъ, но предсѣдатель не допустилъ этого вопроса къ обсужденію. На другой день были назначены выборы, окончившіеся избраніемъ того-же самаго лица въ предсѣдателя управы и одного изъ прежнихъ членовъ. Гласные изъ состава большинства, считая вопросъ оконченнымъ въ благопріятномъ ихъ мнѣнію смыслѣ, стали разбѣзяться. Между тѣмъ, отъ губернатора послѣдовалъ протестъ по поводу неназначенія суммъ на содержаніе сибирскаго тракта въ 1874 г. Пошли опять прервія, но члены недавняго большинства оказались уже въ меньшинствѣ. Они предлагали открыть хотя-бы самый широкій кредитъ уѣзднымъ земствамъ, но предсѣдатель управы возражалъ, что кредита открыть нельзя (въ журналѣ не выражено, почему), и указывалъ на безвыходное положеніе уѣздныхъ земствъ въ томъ смыслѣ, если содержаніе тракта не будетъ отнесено на губернской сборъ. Затѣмъ состоялось какое-то особое совѣщаніе, послѣ котораго были предложены и приняты большинствомъ такіа резолюціи: 1) при-

взять содержаніе тракта на губернской сборъ съ 1 января 1874 г. по 1 января 1875 г., впредь до разрѣшенія ходатайства о субсидіи отъ правительства; 2) избрать для такого ходатайства депутацію, уполномочивъ ее просить о назначеніи правительствомъ 200 тыс. руб. въ годъ, впредь до открытія желѣзной дороги, съ тѣмъ, что земство назначить съ своей стороны равную сумму и 3) въ смѣту 1874 г. внести 239 тысячъ руб., въ виду принатія на губернской сборъ и участка отъ Перми до границы вятской губерніи.

Какъ только состоялось это рѣшеніе, прекратились толки о необходимости техническихъ смѣтъ и техниковъ. Казалось-бы, всего естественнѣе было попросить того-же г. Домбровскаго составить смѣту на усиленный текущій ремонтъ въ предѣлахъ асигнованной суммы и, наконецъ, какъ уже знакомаго съ трактомъ, пригласить и для завѣдыванія работами. Объ этомъ, однакожь, во всѣ остальные засѣданія не проронено ни слова. И, понятно, г. Домбровскій убѣждалъ собраніе въ нераціональности капитальныхъ затратъ на трактъ, неизмѣющій будущаго; доказательства его, что достаточно на ремонтъ 200 тыс. руб. въ годъ, не вязались какъ-то съ ходатайствомъ о такомъ-же размѣрѣ одной субсидіи, не считая обязательныхъ 200,000 отъ земства. Смѣты и проектъ его признаны были ранѣе черезчуръ разорительными для земства; по нимъ слѣдовало въ три года 886 т., а по послѣднему рѣшенію собранія предполагалось уже 3×400 т. = 1,200,000 р. Его проектъ, слѣдовательно, могъ только компрометировать земское ходатайство, поэтому о немъ и замолкли, хотя за него только-что заплачено было 8 т. руб., и комісія, разсматривавшая его, дала отзывъ, что г. Домбровскій исполнилъ свой трудъ вполне добросовѣстно. вмѣсто инженера избраны 2 гласныхъ съ жалованьемъ отъ земства, въ качествѣ наблюдателей за работами.

Ходатайство собранія, какъ извѣстно, увѣнчалось успѣхомъ. Правительство назначило къ выдачѣ на исправленіе тракта во второй половинѣ 1874 г. 100 т. р., а затѣмъ по 200 т. ежегодно, впредь до открытія уральской желѣзной дороги, съ тѣми условіями, чтобы земство 1) вело суммамъ по ремонту тракта особую отчетность и 2) содержало, для обязательнаго составленія техническихъ и хозяйственныхъ смѣтъ и производства работъ, свѣдущихъ по дорожной части техниковъ.

О состояніи тракта, какимъ оно было ко времени перехода его въ вѣденіе губернскаго земства, имѣется отзывъ губернской управы на стр. 405 Сборника за 1873 годъ. Тамъ говорится, что уѣздными земствами на тѣ 340 т. руб., которые ими израсходи-

ваны, большею частью, перестроены вновь и исправлены дорожныя сооружения и находятся въ удовлетворительномъ состояніи. Что же касается полотна, то, къ сожалѣнію, усилія земства достигли незначительныхъ результатовъ, по причинамъ, заключавшимся въ самихъ земствахъ, а именно: по отсутствію руководителей-специалистовъ, а также единства и системы въ мѣропріятіяхъ, неустатку наличныхъ средствъ, и, наконецъ, по установившемуся въ уѣздныхъ собраніяхъ взгляду на содержаніе сибирскаго тракта какъ повинность временную, съ надеждою сбыть его, если не въ государственнй, то, по крайней мѣрѣ, на губернской сборъ.

Изъ такого, повидимому, яснаго взгляда на недостатки уѣздныхъ земствъ со стороны губернской управы можно было, вѣроятно, ожидать, что всѣ они будутъ устранены при переходѣ тракта въ ея вѣденіе. Вышло, однако, не такъ. Ранѣе было объяснена въ проекты и смѣты г. Домбровскаго были признаны разорительными. При назначеніи 239 т. руб. и ходатайствѣ о выдачѣ еще 200 т., о смѣтѣ не было и рѣчи. Губернская управа не думала пригласить для ея составленія компетентное лицо, а устроила совѣщаніе предсѣдателей управъ, на которомъ ассигнованная сумма и распредѣлена въ круглыхъ цифрахъ по 5-ти уѣздамъ *). Далѣе, управа сама распорядилась (постановленіе 1 янв. 1875 г.) 47% изъ этой суммы удѣлить на заготовку хрѣста, исправлять дорожныя сооружения только въ крайнихъ случаяхъ, такъ-какъ они находятся въ удовлетворительномъ состояніи, а деньги, остающіяся отъ заготовки хрѣста, употребить на наемъ 10 смотрителей и постоянныхъ рабочихъ, по одному на версту, для производства необходимыхъ работъ на трактѣ съ апрѣля по сентябрь. На этихъ рабочихъ управа возлагала большія надежды: наемъ ихъ, по одному на версту, при разстроенномъ состояніи тракта, составляетъ идею, исключительно принадлежащую самимъ управѣ.

Лѣтомъ 1874 года прибылъ въ Пермь приглашенный предсѣдателемъ губернской управы инженеръ Немира съ двумя тележками. Онъ нашель уже и матеріалы, и рабочихъ готовыми.

„Вслѣдствіе отсутствія непосредственнаго со стороны уѣздныхъ управъ надзора за работами, говорится въ докладѣ управы чрезвычайному земскому собранію, въ концѣ августа 1874 года, — являлась для подрядчиковъ и другихъ лицъ, работающихъ на трактѣ

*) Къ суммѣ 239 т. руб. прибавилось еще 17 т. руб., ассигнованныхъ на уѣздамъ оханскому и пермскому и внесенныхъ въ уѣздныя раскладки, такъ-что общій итогъ земскаго ассигнованія составляетъ въ 1874 г. 256 т. руб. (См. II 3. 1873 г., стр. 1047).

и даже дорожных смотрителей, возможность разнаго рода злоупотреблений, прекратить которыя было-бы очень легко при самомъ незначительномъ желаніи обратить вниманіе на положеніе дѣла“. „Въ красноуфимскомъ уѣздѣ подрядчики, взявшіе на себя поставку матеріаловъ, разгребають кучи хряща, оставшагося отъ прошлогодней заготовки, чтобы придать имъ видъ вновь вывезенныхъ въ счетъ подряда, и дорожный смотритель, Дементьевъ, вошелъ въ стачку съ подрядчиками, дозволяя имъ возить хрящъ не изъ тѣхъ мѣсторожденій, изъ которыхъ они обязались возить по контрактамъ... По изслѣдованію уполномоченнаго собранія, г. Дрягина, оказалось, что Дементьевъ, состоя въ званіи смотрителя по тракту, былъ въ то-же время негласнымъ компаньономъ подрядчиковъ... Хрящъ вывезенъ недоброкачественный, не изъ тѣхъ мѣсторожденій, которыя назначены по контрактамъ... Дементьевъ оставлялъ за собою при зимнемъ ремонтѣ тѣ участки, которые не требовали особыхъ усилій къ исправленію, хотя по свѣденіямъ уѣздной управы участки эти показывались сданными другимъ лицамъ... Красноуфимская управа не обращала вниманія на заявленія г. Дрягина и дѣйствовала по указаніямъ того-же Дементьева, разрѣшая вывозить горный хрящъ вмѣсто рѣчного. Изъ 449 куб. сажень хряща на участкахъ Морозова (тоже смотрителя) оказалось недомѣру противъ показаннаго въ сдачѣ количества 132 сажени, кромѣ 31 сажени, забракованныхъ Дрягинымъ. Даже права г. Дрягина по надзору за трактомъ отрицались красноуфимскою управою, и она ему не хотѣла дать свѣденій о количествѣ матеріаловъ, оставшихся отъ прошлогодней заготовки, предлагая ему испросить на это согласіе губернской управы. То-же повторялось и въ отношеніи инженера, г. Немиры, когда тотъ потребовалъ исполненія обязанностей, возложенныхъ на уѣздную управу“ *).

По словамъ губернскаго инженера, г. Петрова **), осматривавашаго трактъ въ началѣ сентября 1874 года, „поставка матеріаловъ производилась небрежно, выставлялся матеріалъ, частію недоброкачественный, не на тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ онъ требовался, а сплошь по всѣмъ верстамъ; послѣ точно также онъ рассыпался противъ тѣхъ-же мѣстъ, гдѣ былъ поставленъ, хотя тутъ и не было въ немъ надобности, а близъ находящіяся ямы не засыпались, по неимѣнію уже матеріала. Выставлено матеріала хотя и было много, но, раскинутый по всей дорогѣ (мѣстами посыпано, точно въ городахъ тротуары), онъ не могъ принести ожидаемой отъ него пользы. Кромѣ того, песокъ, выставленный еще въ

*) Журналъ V чрезв. губ. собр., стр. 96—97.

**) Рапортъ г. губернатору отъ 7 октября 1874 г. № 3.

прежнее время крестьянами, до открытія земскихъ учрежденій поставлялся въ маленькихъ кучкахъ, долго былъ безъ употребленія, вросъ въ землю, обросъ травой, и теперь, при употребленіи, часть песка остается неразсыпанною, какъ смѣшанная съ землею; это замѣтно по остаткамъ кучъ. Въ такихъ-же кучкахъ выставлялся, большею частію, песокъ и въ позднѣйшее время. На нѣкоторыхъ перегонахъ песка давно не было выставлено, что доказываютъ конусы, поросшіе травой и вросшіе въ землю; слѣдовательно, конусовъ новой поставки нѣтъ. Наконецъ, разсыпка песка производилась почти вездѣ въ-грязь на невыравненную землю*.

Относительно нанятыхъ по распоряженію губернской управы рабочихъ, съ затратою въ лѣто 32,635 р. (на 501 челов.), та же управа докладывала собранію:

„Наемъ постоянныхъ рабочихъ для землекопныхъ работъ в трактѣ не далъ тѣхъ результатовъ, въ виду которыхъ былъ сѣланъ, т. е. не достигнуто ни ожидаемой дешевизны, ни лучшихъ качествъ работъ. Въ кунгурскомъ и красноуфимскомъ уѣздахъ въ всего числа постоянныхъ рабочихъ выходили на работу только двѣ трети, но и эти рабочіе, по отзывамъ инженера и техника, были мало способны къ работамъ. Въ красноуфимскомъ уѣздѣ каждая артель (ихъ 10) имѣетъ свой участокъ, внѣ пределовъ котораго отказывается исполнять какія-бы то ни было работы. По причинѣ разбросанности такихъ артелей и трудности вѣздки въ апрѣлѣ работъ на трактѣ почти не производилось. Бывающее подрядчиковъ рабочихъ дошло до такой степени, что всякое требованіе г. Дятлева они принимали съ удивленіемъ. 28-го апрѣля губернская управа распорядилась занять рабочихъ очисткою канавъ, но въ красноуфимскомъ и екатеринбургскомъ уѣздахъ *) эта работа признана невозможною по малочисленности рабочихъ“.

Съ пріѣздомъ инженера, продолжаетъ управа,—стало лучше. „Но тѣмъ не менѣе нельзя сказать, что и въ настоящее время работы идутъ удовлетворительно; одной трети рабочихъ нѣтъ постоянно, да и остальные не имѣютъ до сихъ поръ порядочнаго инструмента; управа выписала ихъ изъ Нижняго и ожидаетъ присылки лопатъ, граблей и колесъ для тачекъ (Это было писано въ концѣ августа). Къ разсылкѣ хряща (единственной работѣ въ 1874 году) приступлено было, по словамъ управы,—въ концѣ іюля и въ августѣ черезъ особыхъ рабочихъ“ **). Мы видѣли выше, что губернской инженеръ засталъ эти работы и въ сентябрѣ.

*) На 297 верстахъ.

***) Журналъ V чрезъ губ. собр. стр. 98—99.

Отзывъ его о работахъ таковъ: „Я не допускаю и мысли, что можно серьезно считать работами и рабочими то, что дѣлають встрѣчаемые изрѣдка на дорогѣ рабочіе и безъ всякаго присмотра. Не самая уже дорога, состояніе которой всѣмъ извѣстно, а полнѣйшее бездѣйствіе на этой дорогѣ поражаетъ всѣхъ проѣзжающихъ, а въ томъ числѣ и меня, посланнаго для ея осмотра“. Впослѣдствіи, въ запискѣ предсѣдателя губернской управы въ 1878 г., внесенной въ собраніе о работахъ 1874 г., говорится: „Г. Немирѣ пришлось руководиться лишь тѣми паллятивными мѣрами для исправленія тракта, которыя неотложно требовались, въ виду поддержанія возможности проѣзда. Судить о цѣлесообразности мѣръ, принимавшихся г. Немирою, поэтому было бы преждевременно“. Правительство асигновало на исправленіе тракта, во второй половинѣ 1874 года, 100 т., на которые и открытъ былъ земству кредитъ 20-го августа. Въ докладѣ 5 очередн. собр. мы находимъ отзывъ, что субсидію эту, согласно составленной инженерной смѣты (это необходимое условіе субсидіи), предполагалось употребить на ремонтъ нѣкоторыхъ лишь худшихъ мѣстъ тракта, всего на 150 вер. „Впослѣдствіи, *соображаясь съ разными обстоятельствами дѣла*, вышеизложенная смѣта была измѣнена, а именно: было признано болѣе цѣлесообразнымъ употребить ее всю на заготовку матеріаловъ для вышеуказанныхъ мѣстъ тракта“. Замѣтимъ, что сама управа признала субсидію въ 100 т. р. излишнею для ремонта тракта въ 1874 году, хотя такая безцеремонность управы съ этою сотнею тысячъ, данною специально „на поддержаніе въ должномъ порядкѣ тракта во второй половинѣ 1874 г.“, кажется намъ нѣсколько странною. И никакихъ мотивовъ, и резоновъ въ ея докладѣ мы не находимъ. Была составлена смѣта, а потомъ, „соображаясь съ разными обстоятельствами дѣла“, измѣнена—и только. И это, несмотря на постановленіе собранія, бывшаго въ августѣ: „употребить сумму 100 т. руб. въ нынѣшнемъ году по смѣтѣ г. Немиры“ *).

Отмѣтивъ здѣсь этотъ фактъ, возвратимся къ докладу губернской управы 5-му чрезвычайному собранію (бывшему въ концѣ августа 1874 г.). Какъ видно изъ приведенныхъ выписокъ, она яркими красками изображала плохое состояніе администраціи и ремонта тракта. Въ то время хозяйственныя распоряженія, подъ руководствомъ губернской управы, лежали на обязанности уѣздныхъ управъ и выборныхъ, собраніемъ уполномоченныхъ (гг. Драгина и Штейнфельда). Управа привела всѣ эти печальные факты, съ цѣлію доказать несостоятельность уѣздныхъ земствъ въ дѣлѣ

* Сб. перм. зем. 1875 г., стр. 13 и Журн. У чрезв. собр. стр. 28.

исполнения ея предназначеній и внесла проектъ устройства особаго комитета для завѣдыванія работами, чтобы совершенно изъять ихъ изъ рукъ уѣздныхъ управъ. Комитетъ предполагалось составить изъ двухъ уполномоченныхъ собранія, инженера и члена губернской управы. Эти уполномоченные были уже на-лицо, но въ отношеніи отсутствовавшего г. Дрягина, открывшаго приведенны выше злоупотребленія въ красноуфимскомъ уѣздѣ, управа высказалась, что его слѣдуетъ замѣнить инымъ лицомъ, такъ-какъ онъ, будучи членомъ кунгурской управы, отвлекается отъ наблюденія за трактомъ прямыми своими обязанностями. О г. Штейнфельдѣ дѣятельность котораго ничѣмъ не проявилась, управа отзывалась, что, „благодаря сочувствію его къ дѣлу, можно надѣяться, что трактъ въ екатеринбургскомъ уѣздѣ будетъ вполне удобенъ для проѣзда“. Комисія, избранная собраніемъ, для разсмотрѣнія предложеній управы, высказалась противъ учрежденія комитета, содержаніе котораго, по ея мнѣнію, стоило значительныхъ расходовъ; а полезность его подлежала сомнѣнію. Собраніе, какъ всегда, отвергло доводы комисіи и согласилось съ проектомъ управы, конечно, послѣ многократныхъ заявленій предсѣдателя ея, то иначе губернская управа предвидитъ только скверныя послѣдствія и не отвѣчаетъ за нихъ или, говоря буквально, „слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія“. Въ докладѣ комисіи предсѣдатель управы находилъ даже „ложныя идеи“.

Предсѣдатель собранія, г. Бурмейстеръ, бывшій въ этой роли въ первый разъ, послѣ того, какъ мнѣніе комисіи было отвергнуто, предложилъ, безъ всякихъ предварительныхъ разсужденій, инструкцію проектированному комитету, которая и была принята, въ видѣ опыта, до слѣдующаго очереднаго собранія, съ тѣмъ, чтобы управа, совмѣстно съ комитетомъ, представила свои соображенія объ измѣненіяхъ, которыя будутъ признаны необходимыми. Этотъ „опытный“ комитетъ, учрежденный на 4 мѣсяца, быть можетъ изъ одной вѣжливости къ предсѣдателю собранія, долго послѣ срока продолжалъ дѣйствовать. Инструкція, предложенная предсѣдателемъ, гласила: 1) комитетъ существуетъ въ Екатеринбургѣ; 2) состоитъ подъ контролемъ губернской управы и дѣйствуетъ по ея указаніямъ; 3) производитъ торги, нанимаетъ рабочихъ, ведетъ расчеты, словомъ, исполняетъ какъ смѣтныя, такъ и другія необходимыя работы, испрашивая на сверхсмѣтныя и экстренныя работы разрѣшенія управы; 4) даетъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и работахъ на трактѣ періодическія свѣденія управѣ, а равно и подробныя денежныя вѣдомости и общій денежный отчетъ, подлежащій утвержденію управы. При этомъ увеличено жалованье уполномоченнымъ, и избранъ, вмѣсто г. Дрягина, г. Заматинъ.

Въ томъ-же собраніи былъ впервые своеобразный эпизодъ по поводу корреспондентовъ. Возмущаясь тѣмъ, что содержатель вольныхъ почтъ, Михайловъ, запретилъ давать съ своихъ станцій ложадей лицамъ, принадлежащимъ къ земству, и имѣть на станціяхъ газеты съ оскорбительными для этихъ лицъ корреспонденціями, губернская управа произноситъ горячую филиппику противъ Михайлова: „Правда, сибирскій трактъ находится далеко не въ такомъ состояніи, какъ-бы этого было желательно; но это еще не даетъ права частному лицу, подрядчику Михайлову, устанавливать свой контроль надъ дѣйствіями земскихъ учреждений и распространять завѣдомо-лживыя извѣстія о нихъ. Мы не претендуемъ на идеальную безупречность нашихъ дѣйствій: и въ нашей средѣ, какъ въ любомъ общественномъ учрежденіи, могутъ встрѣчаться равнодушіе къ дѣлу, крупныя ошибки и даже злоупотребленія, и мы не вправѣ быть недовольными, если дѣйствія наши, которымъ мы всегда старались придать возможную гласность, обсуждаются людьми благонамѣренными, желающими добра земству; но когда злонамѣренная диффамация, построенная на клеветѣ и имѣющая въ виду достиженіе частныхъ корыстныхъ цѣлей, стремится нанести вредъ общественному дѣлу и уронить авторитетъ земства, необходимый для успѣшности его мѣропріятій и гарантированный за нимъ высочайше дарованнымъ положеніемъ о зем. учрежд., когда частный человекъ, подрядчикъ, вторгается въ область дѣятельности земства и устанавливаетъ надъ нимъ свой контроль,—тогда необходимы мѣры, которыя напомнили-бы такому лицу, что онъ никто иной, какъ подрядчикъ, состоящій въ обязательныхъ отношеніяхъ къ правительству, и что онъ не имѣетъ права заходить въ своей дѣятельности далѣе исполненія имъ контрактныхъ условій“ *).

Комисія, на разсмотрѣніе которой былъ переданъ и этотъ вопросъ, выразила: „Относительно высказанныхъ въ докладѣ губернской управы дѣйствій купца Михайлова, она не нашла удобнымъ входить въ разсмотрѣніе, какъ выходящихъ, по ея мнѣнію, изъ круга вопросовъ, разрѣшенныхъ г. губернаторомъ для обсуждения на настоящемъ чрезвычайномъ собраніи“. Сужденія въ собраніи все-таки были, и въ журналѣ его значится: „отнестись съ презрѣніемъ къ безыменнымъ ругателямъ пермскаго земства, о чемъ записать въ журналъ“. Дѣло, повидимому, перешло съ купца Михайлова на корреспондентовъ. Тѣмъ, однако, оно не кончилось.

Одинъ изъ корреспондентовъ, вѣроятно, по оплошности, вызванной частыми разглаженіями въ губернскомъ собраніи о си-

*) Журн. 5 чрезв. собр., стр. 102—103.

бирскомъ трактѣ, вообразилъ, что губернская управа завѣдывала имъ и до 1874 г., и сталъ обвинять ее въ злоупотребленіяхъ. Являлась у него даже такая фраза: „на ремонтъ дороги отпускаются и собираются деньги, дорога не чинится и не ремонтируется, — да-же дѣваются деньги, или, лучше сказать, кто ихъ крадетъ!“

Управа, несмотря на постановленіе о презрѣніи, повидимому, далеко несоставлявшаго цѣли ея горячей филиппики, по закрытіи собранія, напечатала, во-первыхъ, полемическую статью противъ Михайлова и разослала ее при газетѣ „Голосъ“ въ формѣ объявленія, а во-вторыхъ, подала жалобу прокурору с.-петербургскаго палаты, обвиняя авторовъ обидныхъ для нея корреспонденцій одного въ диффамаци, а другого — того именно, отзывъ котораго приведенъ сейчасъ—въ клеветѣ, приводя, не безъ основанія, тотъ резонъ, что коль-скоро она не исправляла тракта до 1874 г., то не могло быть и злоупотребленій съ ея стороны. Слѣдствіе шло болѣе 3 лѣтъ, и, наконецъ, палата, даже не въ судебномъ засѣданіи, утвердила заключеніе прокурора—оставить жалобы безъ послѣдствій, „за отсутствіемъ признаковъ преступленія“.

Какъ объяснено выше, казенная субсидія, выданная на исправленіе тракта во второй половинѣ 1874 г., на это расходуема была и перешла въ качествѣ свободнаго ресурса на 1875 г. Отъ асигнованныхъ губернскимъ земствомъ 239 т. и уѣздными—оклаксскимъ и пермскимъ — былъ также значительный остатокъ, значенный въ смѣту 1875 г. Впослѣдствіи, въ чрезвычайномъ собраніи 1877 г., была составлена бухгалтерская экспертиза, для опредѣленія дѣйствительнаго остатка суммъ на ремонтъ тракта отъ 1874 на 1875 г., и эта экспертиза опредѣлила таковой остатокъ въ 143,657 р. 66 к. По смѣтѣ на 1875 г. было исчислено на ремонтъ тракта 400,000 руб., слѣдовательно, для расходовъ на исправленію сибирскаго тракта въ 1875 г. имѣлось 543,657 руб. 66 коп.

Инженеромъ Немирою составлена была на 1875 г. смѣта на 146³/₄ верстѣ капитальнаго ремонта; стоимость послѣдняго, при сбивчивости цифръ земскихъ отчетовъ, слѣдуетъ исчислять въ приведенной выше цифры 543,657 р., за исключеніемъ расходовъ на мосты и перевозы—27,903 р. и мелкій ремонтъ—28,891 р., т. е. 486,863 руб., что при 146,7³/₄ верстѣ составитъ по 3,317 р. 65 к. на версту. Цѣнность мелкаго ремонта, лѣтняго и зимняго, опредѣлена была на все пространство по 38 руб. 90 коп. съ версты.

Изъ перечня въ докладѣ устава работъ по капитальному ремонту видно, что предполагалась планировка полотна на 4-саженной ширинѣ, разсыпка каменнаго матеріала, укатка его каткомъ, настилка футового слоя хвороста подъ каменную насыпь въ мѣ-

стахъ топкихъ, покрытіе каменнаго слоя землею съ бульваровъ и прокопка боковыхъ и отводныхъ канавъ. На всѣ эти работы было исчислено болѣе 200 т. руб., кромѣ матеріала. Управа предполагала выписать для нихъ рабочихъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, мотивируя необходимость этой мѣры тѣмъ, что опытъ прошлаго года показалъ, что „мѣстные рабочіе для землекопныхъ работъ на трактѣ негодны“. Поденная плата рабочему исчислена была по 1 р. 20 к. въ день, задѣльная—24 к. съ сажени канавы и 15,6 съ квадр. саж. планировки.

По обыкновенію, докладъ былъ переданъ въ комисію. Последняя отнеслась къ смѣтѣ критически. Во-первыхъ, выписку рабочихъ для тракта въ губернію, гдѣ населеніе привычно къ горнозаводскимъ, рудниковымъ работамъ, она признала дѣломъ совершенно непрактичнымъ. Затѣмъ, просмотрѣвъ цѣны задѣльнымъ платамъ по смѣтамъ уѣздныхъ земствъ на томъ-же трактѣ и найдя, что за прочистку и прокопку канавъ назначалось тамъ отъ 2¹/₂ до 10 коп. съ погонной сажени, и ожидалась еще изъ этого уступка, комисія находила возможнымъ понизить цѣну на канавы до 10 коп. за прочистку и 20 за прокопку, вмѣсто 24, назначенныхъ губернской управою, тѣмъ болѣе, что было уже предположеніе крупнаго московскаго подрядчика, Горбунова, взять прокопку канавъ по 20 коп., а прочистку по 15 коп. съ сажени. Точно также комисія полагала возможнымъ значительно понизить (на 21 т. руб.) сумму на планировку, такъ-какъ для производства такой работы, по ея мнѣнію, не требовалось сплошь опытныхъ землекоповъ, а достаточно было ихъ на-половину съ чернорабочими, плата которымъ, по мѣстнымъ цѣнамъ, не превышала 50 к. въ день. По многимъ другимъ статьямъ также исчислено было сбереженіе, дававшее въ итогѣ 76,276 руб., которые комисія и предлагала употребить на ремонтъ остальныхъ 600 верстъ тракта, опасаясь, что назначенной для этого по смѣтѣ губернской управы суммы въ 38 руб. 90 коп. на версту будетъ недостаточно. Комисія обращала вниманіе собранія на необходимость улучшить трактъ до такой степени, чтобы правительству, отпускаящее второй уже годъ крупную субсидію, и частныя лица не имѣли повода къ нареканіямъ на пермское земство *).

При обсужденіи доклада комисіи, предсѣдатель губернской управы горячо возражалъ противъ предположеній ея, отстаивая смѣту управы, и даже заявлялъ, что если мнѣніе комисіи будетъ принято, то онъ и инженеръ Немира выйдутъ въ отставку. Собраніе все-таки согласилось съ комисіей; отставки ничьей не по-

*) Журн. 5 очеред. собр. стр. 30, 75—83.

слѣдовало, — послѣдовать только черезъ мѣсяць созовъ новаго собранія. Оказалось, что постановленіе предыдущаго, принявшаго мнѣніе комисиі, было опротестовано г. губернаторомъ. Въ рѣчи своей онъ объяснилъ: „По моему убѣжденію, для рациональнаго исправленія тракта необходимы спеціально-знакомые съ этимъ дѣломъ рабочіе люди, привыкшіе къ таковому труду. Опытъ прошлаго и прешествовавшихъ годовъ указалъ намъ, что рабочіе, нанимаемые пермской губерніи, не умѣютъ и не привыкли правильно работать. Нерѣдко мнѣ и другимъ лицамъ, надзирающимъ за исправленіемъ тракта, приходилось видѣть ихъ неумѣлую и лѣнливую работу. Правительство, придя на помощь земству отпускомъ ежегодной субсидіи въ 200 т. р., вправѣ требовать, чтобы деньги, отпускаемые на исправленіе тракта, тратились производительно. Правительство вмѣстѣ съ тѣмъ не стремится къ экономіи, но желаетъ, чтобы трактъ былъ дѣйствительно исправленъ. Съ неумѣлыми работниками весьма трудно исполнить таковое желаніе правительства, и я убѣжденъ, что и земство не желаетъ непромыслительно затратить большіе капиталы“ *).

Кромѣ протеста губернатора противъ постановленія прежняго собранія, предсѣдатель губернской управы (котораго для краткости, будемъ впредь называть г. Смышляевымъ) доказывалъ еще неосуществимость отдачи работъ мѣстнымъ подрядчикамъ. Гласный Роговъ (членъ прежней комисиі) возражалъ на это, что отсутствіе желающихъ взять подрядъ объясняется тѣмъ, что трактъ раздѣленъ на слишкомъ большіе участки, и требуются отъ подрядчиковъ большіе залого; затѣмъ, что губернаторъ требуетъ только чтобы затрата правительства оправдалась на дѣлѣ, а никакъ не предлагаетъ смѣту губернской управы къ непремѣнному исполненію, а при осуществленіи этой смѣты земство именно не избѣжитъ тѣхъ наръканій, какія были въ 1874 г. **).

Г. Роговъ не нашелъ поддержки въ собраніи. Устроено было какое-то „частное совѣщаніе гласныхъ“, и въ журналъ прописывается результатъ его, который гласитъ такъ: „Собраніе полагаетъ не давая никакихъ особыхъ указаній, уполномочить управу и дорожный комитетъ дѣйствовать по исправленію сибирскаго тракта по личному своему усмотрѣнію, не выходя при этомъ изъ смѣтнаго назначенія, съ тѣмъ, что собраніе надѣется, что всѣ предложенія будутъ исполнены, и, если средства позволяютъ, то въ сбереженіи отъ смѣтнаго назначенія, если таковое послѣдуетъ, будутъ сдѣланы исправленія по другимъ участкамъ тракта, навбо-

*) Журн. 6 чрезв. собр., стр. 140.

**) Тамъ-же, стр. 143.

въ томъ нуждающимся“. Такая редакція постановленія и при собраніемъ. А вслѣдъ за этимъ управа отправила своего за, г. Дятлева, вмѣстѣ съ инженеромъ, г. Немирою, въ Москву (Петербургъ, для найма подрядчика съ привозными рабочими. Въ оказалось впоследствии, г. Дятлевъ отдалъ, по уполномочію авы, одинъ, безъ инженера, подрядъ г. Губонину, по смѣтнымъ амъ, и еще съ тѣмъ, что Губонинъ сдастъ земству работы въ оконченномъ видѣ, а управа сама уже приводитъ ихъ окончательно въ порядокъ.

Несмотря на то, во-первыхъ, что по закону печатаніе утвержденныхъ смѣтъ обязательно для земскихъ учреждений въ губернскихъ домоствахъ, во-вторыхъ, несмотря на существованіе въ Перми земской типографіи, открытой съ спеціальною цѣлью печатанія докладовъ отчетовъ, для ознакомленія съ ними гласныхъ, и, въ-третьихъ, зданіе съ 1872 г. „Сборника пермскаго земства“, съ ежегодною тратою на него 2,000 руб. по смѣтѣ, мы нигдѣ не находимъ печатой смѣты на ремонтъ тракта въ 1875 г., ни контракта съ г. Губонинымъ на сумму свыше 202,000 р. Не говоря уже о томъ, что съ конца 1874 г. и до сихъ поръ всѣ пренія и почти всѣ писанія и печатныя брошюры земства вертятся около этой смѣты и того-же контракта, уже самая громадность суммъ должна-бы была внушить управѣ мысль пожертвовать этимъ документамъ нѣсколько страницъ въ своихъ многочисленныхъ изданіяхъ. Существенная часть смѣты г. Немиры помѣщается на письменномъ полулистѣ, а контрактъ г. Губонина на листѣ: затраты на отпечатаніе ихъ было-бы немного. Ни изъ журналовъ собранія, ни изъ отчетовъ корреспондентовъ мы не видимъ, чтобы эти документы были прочитаны даже публично въ собраніи. Послѣдующія обстоятельства намъ объясняютъ это отчасти, но не вполне.

Отчетъ управы по работамъ 1875 г. по настоящее время еще неутвержденъ. Каждое собраніе много толковали объ этихъ работахъ, не говоря уже о многочисленныхъ газетныхъ корреспонденціяхъ изъ пермской губерніи, трактовавшихъ о томъ-же предметѣ. Намъ случайно удалось познакомиться съ отчетами, нигдѣ неопубликованными, которые даютъ ясное понятіе о ходѣ этихъ работъ. Но будемъ вести рассказъ съ историческою послѣдовательностію, такъ-какъ насъ интересуютъ прежде всего поучительныя во многихъ отношеніяхъ перипетіи этого дѣла, а затѣмъ уже самое дѣло. Въ перипетіяхъ именно и видѣнъ всего яснѣе тотъ тернистый путь земскаго самосознанія, которое для насъ, полагаемъ, для читателей, должно стоять на первомъ планѣ. Мы не пишемъ ни обвинительнаго, ни, такъ-сказать, оправдательнаго акта кому-либо. То обстоятельство, что предметъ опредѣлился въ двухми-

люнной суммѣ—чистая случайность, и мы даемъ ему значеніе исключительно ради этой суммы. Работы г. Губонина начались 1 мая, а приемка матеріаловъ для нихъ производилась 15, 16, 17, 18, 19 и 20 мая, причѣмъ земскій инженеръ, г. Немира, по необъясненнымъ причинамъ, участвовалъ въ приемкѣ только въ первый день, на сумму 15 т. руб.; отъ приема-же остального (на 215 т. руб.) онъ былъ устраненъ. 3-го іюня онъ уже отказался отъ службы. Контрактъ, заключенный съ нимъ 20 апрѣля 1875 года на годовой срокъ, управою возобновленъ не былъ. Такимъ образомъ, всѣ работы на трактѣ въ 1875 г. производились безъ участія инженера. Отказались вмѣстѣ съ нимъ и приглашенные имъ 2 техника.

Трудно описать эффектъ, произведенный этими работами. *Капитальный* земскій ремонтъ былъ дѣломъ новымъ. До той поры не вездѣ еще объѣзжали трактъ и полагали, что послѣ ремонта можно будетъ ѣздить по немъ еще лучше. Ожиданія, конечно, не сбылись, и поднялся всеобщій вопль. Почтовое управленіе кататайствовало о прекращеніи движенія почтъ въ Сибирь *через* пермскую губернію, контрагентъ по перевозкѣ арестантовъ—объ освобожденіи его отъ исполненія контракта. Г. министръ разрѣшилъ водить нѣкоторое пространство арестантовъ пѣшкомъ. Ходатайство почтоваго управленія уважено не было въ виду того, что если проѣздъ и былъ труденъ, то проходъ, во *всякомъ* случаѣ, возможенъ, и почтовое сообщеніе могло существовать. Но проѣзжающіе и ямщики, занимающіеся извозомъ, подняли плачь. Впослѣдствіи, въ концѣ 1877 г., губернская управа писала о состояніи тракта: „Какъ было предвидѣно инженеромъ Домбровскимъ, постройка 142 версты (уже не 147?) повлекла за собою *невозможность проѣзда по тракту во-время его исправленія* (курсивъ управы) и необходимость слѣдованія обозовъ и проѣзжающихъ по объѣзднымъ дорогамъ, содержать которыя въ исправности земство не имѣетъ средствъ“ (?). „Понятно, что ѣзда по голой крупной щебенкѣ, даже когда извѣстныя версты были совершенно окончены исправленіемъ и уватаны каткомъ (катки къ тому-же были легки), была мучительна для лошадей, а потому обозы и проѣзжающіе въ сухую погоду предпочитали ѣздить стороною, а когда продолжительное ненастье сдѣлало ѣзду стороною весьма тяжелою, то все движеніе обратилось по свѣжему полотну, каменный слой котораго могъ-бы окончательно уплотниться только отъ проѣзда по немъ въ сухую погоду. Теперь-же, отъ громаднаго движенія, на него обратившагося во время дождей, онъ проѣзжался глубокими колеями. Все это вызывало безчисленное мно-

кество жалобъ, которыя не прерывались втеченіи цѣлаго лѣта и особенно осени 1875 года*).

Согласно постановленію февральскаго собранія, было созвано въ сентябрѣ 1875 г. другое чрезвычайное собраніе, для разсмотрѣнія смѣты на 1876 г. И. д. губернатора, г. Лысогорскій, открывая собраніе, передалъ предсѣдателю его отзывъ о неудовлетворительномъ состояніи тракта съ требованіемъ предъявить собранію 10 предшествовавшихъ собранію сообщений по тому-же предмету. Странно видѣть въ журналахъ, что всѣ они были прочитаны послѣ обсужденія вопроса о трактѣ, наканунѣ закрытія собранія, длившагося 5 дней. Въ докладѣ губернской управы о трактѣ находимъ такія мѣста: „Управа смѣтеъ выразить увѣренность, что, несмотря на нѣкоторыя ошибки, большая часть которыхъ уже исправлена, порученныя ей собраніемъ въ текущемъ году работы достигнуть предположенной цѣли. На будущій годъ всѣ исправленныя мѣста, и въ особенности самое плохое изъ нихъ на протяженіи Грбовско-Киршманской станціи, гдѣ произведены наиболѣе серьезныя работы, окончательно уплотнятся и не будутъ подавать повода къ жалобамъ проезжающихъ“. Какъ объяснено выше, инженеръ Немира и 2 техника его отказались отъ службы 3 іюня. Управа, умалчивая совершенно объ этомъ въ своемъ докладѣ, говоритъ въ заключеніе его: „Губернская управа, съ своей стороны, полагаетъ приглашеніе инженера съ такимъ значительнымъ содержаніемъ, которое получалъ г. Немира (5,000 руб.), совершенно излишнимъ, во-первыхъ, потому, что на будущій годъ предположено произвести капитальныхъ работъ на трактѣ, сравнительно съ настоящимъ годомъ, незначительное количество, и, во-вторыхъ, что дорожные смотрители, состоящіе подъ руководствомъ участковыхъ техниковъ, втеченіи минувшаго лѣта, имѣли возможность довольно близко ознакомиться съ дѣломъ“. „По мнѣнію управы, было-бы возможно и выгодно возложить обязанности главнаго техника, по наблюденію за исправленіемъ тракта, на предполагаемаго къ приглашенію инженеръ-архитектора управы, придавъ ему, для наблюденія по строительной части въ городѣ, толковаго чертежника, и за означенныя обязанности сдѣлать прибавку къ назначенному собраніемъ жалованью, отнеся ее на счетъ сибирскаго тракта. Въ виду управы имѣются два такія лица, желающія принять обязанности архитектора управы“.

Изъ приведеннаго отзыва видно, что эти „техники“ вполнѣ „соотвѣтствовали намѣреніямъ земства“. Но года черезъ два, въ

*) Сб. п. з. 1875, т. V, стр. 76.

запискѣ г. Смышляева о работахъ 1875 г., встрѣчаемъ уже слѣдующее: Г. Немира оставилъ службу, „увлекши за собою приглашенныхъ имъ техникувъ, Нитославскаго и Парафановича, и оставивъ въ наслѣдство земству лишь контингентъ дорожныхъ стрителей, набранный имъ почти исключительно изъ ссыльныхъ и привычныхъ къ серьезному труду. Съ 1-го іюля пришлось дорожному комитету взять все веденіе дѣла на себя, такъ-какъ приглашенный вскорѣ другого инженера оказалось, несмотря на старанія управы, невозможнымъ. На трактѣ остались 2 техника: горный инженеръ И. Ф. Нейбергъ и г. Теодоровичъ; послѣдній, приглашенный г. Немирою *), оставленъ за невозможностію замѣнить е вскорѣ другимъ лицомъ“ **).

Комисія собранія 1875 г., въ которую былъ переданъ упомянутый докладъ управы, взглянула на дѣло довольно серьезно. Она нашла, что составленная членами управы и дорожнаго комитета, безъ участія специалистовъ, смѣта на исправленіе тракта въ 1876 г. не можетъ быть утверждена, въ виду уже того, что по закону о субсидіи, земство обязано составлять ежегодно техническую и хозяйственную смѣты на работы, „для исполненія работъ, также для производства самыхъ работъ, имѣть надежныхъ и слѣдующихъ по дорожной части техникувъ“. Затѣмъ, усмотрѣвъ, что работы производились безъ инженера и техникувъ, обратила на это особенное вниманіе собранія. Послѣднее, несмотря на заявленіе г. Смышляева, что хорошаго инженера найти невозможно, постановило, во-первыхъ, имѣть непременно инженера и, во-вторыхъ, назначить комисію для осмотра тракта ***).

Въ составъ этой комисіи были избраны гг. Роговъ и Грамматчиковъ (представитель горнаго вѣдомства). Какъ оказалось въ слѣдствіи, они осматривали трактъ, не имѣя ни смѣты, ни чертежей, и поэтому должны были ограничиться поверхностнымъ осмотромъ. Докладъ ихъ вышелъ, однако, неблагоприятный для управы, которая, представляя его собранію и пользуясь отсутствіемъ гг. Рогова ****) и Грамматчикова, открыла полемику съ ними. Она отрицала и тотъ фактъ, что проѣздъ по вносу ре-

*) Впослѣдствіи онъ оказался назначеннымъ на эту должность членомъ комитета, г. Штейнфельдомъ, послѣ удаленія г. Немира. См. его показаніе въ комисіи.

**) Записка г. Смышляева, стр. 5.

***) Сб. п. з. 1875 г., стр. 54—57.

****) Г. Роговъ впослѣдствіи объяснялъ въ газетахъ, что его отсутствіе было невольнымъ. По словамъ его, „была пущена въ ходъ ловкая интрига, лишившая его возможности явиться въ собраніе“. Г. Грамматчиковъ не получалъ никакихъ вѣдомокъ въ собраніе.

монтированнымъ верстамъ былъ невозможенъ, и отсутствіе укатки шебня, констатированное комисією, и негодность катковъ, хотя въ то-же время доказывала, что виною *неудовлетворительнаго* исправленія тракта—неудачный проектъ г. Немиры и неправильная смѣта, имъ составленная. Въ предшествовавшемъ чрезвычайномъ собраніи гласнымъ Буслуевымъ былъ возбужденъ вопросъ, почему работы производились безъ инженера, почему съ г. Немирою не былъ возобновленъ контрактъ, хотя однимъ изъ условій его было внесеніе управою въ первое открывшееся собраніе доклада о пользѣ заключенія контракта на два года (чего управа не исполнила), и, наконецъ, почему управа не прискивала вовсе инженера на мѣсто г. Немиры, а внесла даже, вопреки закону о субсидіи, докладъ о томъ, что инженеръ вовсе ненуженъ? Г. Смышляевъ отвѣчалъ на это, „что онъ не привыкъ слагать свои ошибки на другихъ, и потому считаетъ нужнымъ заявить, что это его личная вина, къ которой члены управы непричастны, что объясненіе причинъ ея онъ считаетъ теперь преждевременнымъ, но въ свое время, когда это будетъ нужно, онъ представитъ его собранію. Въ очередной сессіи 1876 г. это объясненіе явилось. По словамъ его, по заключеніи контракта съ г. Губонинимъ и полученіи о томъ извѣстія по телеграфу, повѣренный его обратился къ г. Смышляеву за смѣтой и нашель ее неудовлетворительною. Въ это время г. Немира отсутствовалъ, находясь въ Петербургѣ. По возвращеніи его, г. Смышляевъ, въ виду такого отзыва повѣреннаго Губонина, не рѣшился возобновить съ г. Немирою контрактъ и подождалъ, каковыми окажутся работы на дѣлѣ. Осмотрѣвъ трактъ, онъ нашель ихъ неудовлетворительными, и, независимо отъ этого, „самъ г. Немира, увидѣвъ неудачу, не могъ рисковать, обязываясь контрактомъ, и воспользовался первымъ случаемъ оставить службу“. Каковъ былъ этотъ первый случай—не объяснено.

Къ объясненію управы приложены два постановленія ея: 27 мая и 3 іюня 1875 г. Въ первомъ изъ нихъ говорится, что проѣздъ по вновь отремонтированнымъ верстамъ дуренъ, и что на значительномъ пространствѣ полотно дороги вовсе не планируется, и каменный матеріалъ сыплется прямо въ грязь и колеи, что видѣлъ лично предсѣдатель управы, г. Смышляевъ. По этому поводу выѣзжали на трактъ и члены управы съ „извѣстными своими свѣденіями въ технику исправленія грунтовыхъ дорогъ и своею добросовѣстностію, земскимъ архитекторомъ, г. Попатенко“. Они составили актъ, въ которомъ уже ничего не говорится о планировкѣ, а выражено только, что „требуется постоянная укатка хряща каткомъ“. Въ виду этого управа постановила: „просить

г. Попатенко съ участіемъ, по его выбору, лицъ, специально званыхъ съ дѣломъ исправленія грунтовыхъ дорогъ, обсудить и разрѣшить въ самомъ непродолжительномъ времени два вопроса: а) какъ исправить то, что испорчено настоящими работами въ трактѣ, производившимися согласно проекта, составленнаго инженеромъ губернскаго земства, г. Немирою и б) какихъ способовъ держаться въ дальнѣйшихъ работахъ на трактѣ, особенно по осушкѣ пучинъ и влажистыхъ мѣстъ? По полученіи нужныхъ свидѣній, немедленно распорядиться объ измѣненіи системы проклевыванія работъ на трактѣ“.

Изъ постановленія 3-го іюня видно, что указанія г. Попатенко были управою получены и состояли въ томъ: 1) что осушаютъ дорогу канавами иногда глубиною въ два аршина и болѣе; 2) дѣлаютъ дренажи; 3) поднимаютъ полотно насыпью на аршинъ, по крайней мѣрѣ; 4) насыпаютъ щебень на существующую щебеночную насыпь; 5) дѣлая насыпи, образуютъ ихъ слоями въ земли и фашичника и 6) предоставляютъ ѣздить стороною для сохраненія въ цѣлости щебеночной насыпи, чтобы она не изжиалась. Въ этомъ-же постановленіи сказано, что управа предлагала вопросы г. Немирѣ, между прочимъ, о томъ: „необходимо ли на полотнѣ ящики подъ насыпку каменнаго матеріала, такъ-какъ замѣчено, что они задерживаютъ верхнюю воду“, на что г. Немира будто-бы отвѣчалъ, что „ящики дѣлать необходимо“. Управа дѣлаетъ въ этомъ постановленіи такое заключеніе: „такъ-какъ, во-первыхъ, закономъ о субсидіи постановлено непремѣннымъ условіемъ земству имѣть инженера для составленія проектовъ и смѣтъ и наблюденія за исполненіемъ ихъ, конечно, съ тою цѣлью, чтобы земство обязательно руководилось указаніями спеціалиста, и во-вторыхъ, еслибы управа приняла на себя инициативу измѣненія системы инженера, то онъ имѣлъ-бы возможность оправдаться въ неудачѣ тѣмъ, что его проекты не были исполнены, а потому, записавъ эти соображенія въ журналъ, предоставить г. Немирѣ дѣйствовать по избранной имъ системѣ“. Странность такого заключенія, въ сравненіи съ предыдущимъ, увеличивается, во-первыхъ, тѣмъ, что, какъ мы видѣли изъ доклада комисіи того-же 3 іюня, г. Немира отказался отъ службы, а во-вторыхъ, что въ числѣ подписавшихъ его не значится г. Немира, отзывы котораго будто-бы приводятся тамъ, и отзывы словесные.

Комисія очереднаго собранія не обратила вниманія на эти странности и дала заключеніе, что управа, несмотря на неудовлетворительное состояніе тракта, сдѣлала все, что было въ ея силахъ, и не заслуживаетъ порицанія. Правда и то, что къ такому исходу видимо дѣло клонилось въ самомъ началѣ, такъ-какъ и

губернаторъ, Н. Е. Андреевскій, открывая собраніе, по этому поводу высказалъ только: „Минувшимъ лѣтомъ, въ дѣлѣ исправленія сибирскаго тракта, проявилось нѣсколько неудачныхъ техническихъ приѣмовъ. Смѣю надѣяться, что губернскае собраніе приметъ надлежащія мѣры, чтобы подобныя неудачныя приѣмы не повторялись“. Къ тому-же, въ составѣ комисіи, давшей такое заключеніе, находились: П. Дятлевъ — отецъ исправителя тракта, И. Дятлева, — г. Беспаловъ, поступившій смотрителемъ земскихъ богоугодныхъ заведеній во время той-же сессіи, г. Поповъ — жертва влущинской ревизіи. Четвертый членъ ея, губернскій лѣсничій Гоппенъ, въ послѣдствіи заявлялъ собранію, что предсѣдатель послѣдняго, г. Бурмейстеръ, заставилъ его читать докладъ комисіи, имъ составленный, ради спѣшности, по черновому. Когда ему, г. Гоппену, былъ предъявленъ уже послѣ бѣловой докладъ, переписанный въ управѣ, для подписанія, то онъ, видя и помни, что онъ писалъ не то, что значилось въ бѣловомъ, потребовалъ свой черновой для сличенія, но предсѣдатель управы объявилъ ему формальнымъ письменнымъ отзывомъ, что черновой докладъ затерянъ. Вслѣдствіе этого, г. Гоппенъ, бывши докладчикомъ, не могъ подписать собственнаго своего произведенія. Докладъ, дѣйствительно, и отпечатанъ безъ подписи г. Гоппена. При всемъ томъ комисіа эта не предложила собранію утвердить отчетъ управы по расходамъ на трактъ въ 1875 г., а высказала, что утвержденіе его должно будетъ послѣдовать въ другомъ очередномъ собраніи, по обревизованіи его.

Дѣло, такимъ образомъ, замялось-было совсѣмъ. На 1876 г. назначено было также 400,000 руб. на ремонтъ тракта. Нашелся и инженеръ, обязательно дававшій ранѣе въ собраніи экспертизу и находившійся тамъ почему-то всегда на-готовѣ, хотя по службѣ онъ — участковый инспекторъ отъ правительства на уральской желѣзной дорогѣ. Содержаніе ему, впрочемъ, было увеличено съ 5,000 р. на 7,000 р., конечно, безъ отвлеченія отъ прямыхъ его обязанностей по инспекціи.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Какъ Боккачіо описываетъ чуму. — И черезъ 500 лѣтъ все то-же. — Разныя мнѣнія. — Карантинная система. — Идеальный проектъ д-ра Чудинскаго увеселительный лагерь — Медицина, врачующая идеального болѣзнаго. Что же дѣлать? — Практическое мнѣніе московскихъ врачей. — Чѣмъ боится народъ о чумѣ, и чѣмъ онъ можетъ полатиться за незнаніе? — Блуждающая роль священниковъ, и могутъ-ли они при разногласіи быть полезными? — Необходимость изданія правительствомъ общаго, свѣдѣнскаго и обязательнаго руководства. — Общественное значеніе петербургскаго идеализма и общественный урокъ, который намъ даетъ чумъ — сколько словъ изъ аристократизма банка впамятаго поземельнаго

„Въ тысяча триста сорокъ восьмомъ году, пишетъ Боккачіо чума поразила различныя страны Востока и унесла тамъ неслыханныя жертвы. Опустошеніе ея, распространяясь все далѣе, уничтожило части Запада и захватило Флоренцію. Въ нѣсколько дней чума охватила весь городъ, несмотря на бдительность городскихъ властей, принявшихъ мѣры для противодѣйствія распространенію заразы. Но ни заботы объ очищеніи города отъ нечистотъ, ни предосторожности для недопущенія въ городъ заболѣвшихъ чумомъ, ни мольбы и процесіи, ни всякія другія разумныя распоряженія, — ничто не могло остановить дѣйствія ужаснаго бича. Чума обнаруживалась иными признаками, чѣмъ на Востокѣ, гдѣ почти всегда обильное истеченіе крови изъ носа служило вѣрнымъ признакомъ приближающейся смерти. Во Флоренціи, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, застигнутыхъ болѣзью, прежде всего, обнаруживались опухоли подъ мышками или въ пахахъ, которыя быстро разрастались до величныя куриного яйца, и даже болѣе, смотря по темпераменту заболѣвшихъ. Въ короткое время эти злокачественныя опухоли, или, какъ называлъ ихъ народъ, шишки, показывались и на другихъ частяхъ тѣла, и съ этой минуты больному уже не было спасенія. Однакожь, эта пагубная болѣзнь не всегда

обнаруживалась одними и тѣми-же признаками: нерѣдко у больного показывались черныя или синеватыя пятна въ небольшомъ числѣ, но довольно значительныхъ размѣровъ. Эти пятна появлялись на всѣхъ частяхъ тѣла, но преимущественно на рукахъ и бедрахъ, и служили знакомъ неминуемой смерти, какъ опухоли—началомъ болѣзни. Медицинское искусство оказалось безсильнымъ остановить развитіе болѣзни. Несчастные, подвергшіеся заразѣ, умирали почти всегда на третій день, иногда раньше, и очень часто безъ лихорадочныхъ и горячечныхъ припадковъ.

„Насколько ужасно и разрушительно было дѣйствіе чумы можно судить по тому, что совершенно здоровымъ людямъ, дотронувшимся до больныхъ, эта болѣзнь передавалась съ быстротою огня, охватившаго легко-сгораемаго вещества,—мало того, достаточно было дотронуться до платья зачумленного, чтобы заразиться. Легкость зараженія до такой степени потрясла умы, что каждый сталъ думать только о себѣ: внезапно охладѣло и потухло чувство милосердія у тѣхъ, кого не коснулась зараза; они не только перестали посѣщать больныхъ и давать помощь несчастнымъ, но даже съ ужасомъ сторонились отъ всего, къ чему прикасались зачумленные. Нѣкоторые граждане, предполагая, что обособленность, умѣренность и развлеченіе могутъ послужить предохранительнымъ средствомъ противъ эпидеміи, соединились въ небольшія общества и заперлись въ домахъ, гдѣ не было еще ни одного больного. Раздѣленные со всякимъ другимъ обществомъ, они не принимали къ себѣ никого посторонняго, не имѣли никакого сношенія съ внѣшнимъ міромъ, употребляли только легкую пищу, преимущественно мясо нѣжныхъ животныхъ, пили, и то въ небольшомъ количествѣ, хорошее старое вино, занимались только игрою, музыкою и танцами,—однимъ словомъ, не отягощали себя ничѣмъ. Другіе, напротивъ, считали болѣе полезнымъ пить и ѣсть вволю, развлекаться какъ можно больше, не выказывая никакого страха и ничѣмъ себя не ограничивая; дни и ночи они проводили въ трактирахъ и кабакахъ, гдѣ съ большимъ удобствомъ могли удовлетворять своимъ потребностямъ къ кутежу.

„Какъ всегда бываетъ, большинство гражданъ держалось средины, примиряя крайности. Они не уединялись и не подвергали себя воздержанію, но также не искали спасенія въ распущенности; они не измѣняли обычнаго образа своей жизни. Чтобы избѣгнуться дѣйствія зараженнаго миазмами воздуха, они выходили на улицу не иначе, какъ съ букетомъ цвѣтовъ или пахучихъ травъ въ рукахъ; вдыханіемъ ароматовъ они полагали отвратить отъ себя отвратительный запахъ разлагающихся труповъ. Но были и такіе, которые искали спасенія въ бѣгствѣ: они бросали свои дома

имущество, родныхъ и удалялись въ окрестныя деревни. Они были убѣждены, что Богъ, пославшій казнь на Флоренцію за нечестіе ея жителей, истребить весь городъ, и что его кара падеть толь на тѣхъ, кто останется въ стѣнахъ Флоренціи. Они горько ошиблись,—они сами внесли заразу въ новыя мѣста, гдѣ поселились. Здѣсь у нихъ не было ни родныхъ, ни знакомыхъ, и имъ пришлось умирать въ одиночествѣ, всѣми покинутыми.

„Скоро всѣхъ охватила паника. Не только граждане бѣжали одинъ отъ другого, и сосѣди холодно относились къ судьбѣ друг друга,—близкіе родные не сообщались между собою, дядя бѣжалъ отъ племянника, братъ покидалъ сестру, мужъ съ ужасомъ отстранился отъ объятій нѣжно-любимой жены; еще удивительнѣе даже отцы и матери отталкивали отъ себя своихъ дѣтей, точно они были имъ чужіе, и допускали ихъ умирать, не подавая имъ никакой помощи.“

Можно подумать, что Боккачіо описываетъ нынѣшнюю чуму, точно насъ не раздѣляетъ отъ того времени болѣе пятисотъ лѣтъ. Эпидемія, разразившаяся въ астраханской губерніи, застала всѣхъ врасплохъ точно такъ-же, какъ пятисотъ лѣтъ тому назадъ Флоренцію. Встрепенулись не мы одни, встрепенулась и Европа. Всѣ принимаютъ мѣры противъ страшной гостяи: французы, англичане, нѣмцы посылаютъ къ намъ своихъ лучшихъ врачей и исследователей, чтобы опредѣлить, что это за болѣзнь, и не къ намъ одному приходится примѣнить поговорку, что мужикъ не перекрестится, пока не ударитъ громъ. Всѣ стали теперь креститься. Газеты наполнены извѣстіями о чумѣ, въ обществѣ нѣтъ другихъ разговоровъ, какъ только о ней; повсюду учреждаются комитеты для принятія мѣръ противъ заразы; врачи собираются въ засѣданія, чтобы условиться относительно свойствъ болѣзни и средствъ противъ нея; правительства повсюду предпринимаютъ самыя энергичныя административныя и полицейскія мѣры для возможнаго прекращенія развитія и доступа страшной болѣзни,—однимъ словомъ, дѣлается все, что возможно. Но въ этомъ „все“ такъ не точнаго, яснаго, опредѣленнаго, что едва-ли кто-нибудь знаетъ больше того, что знала Флоренція временъ Боккачіо. Пятисотъ лѣтъ прошло, точно ихъ и не было, и повторяется совершенно-же безсиліе медицины, невѣденіе и беспомощность публики, какія были и тогда. Въ разногласіи, которую приходится читать въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ, совершенно невозможно найти что-нибудь точное и опредѣленное: противъ каждаго мнѣнія есть другое мнѣніе или его опровергающее, или распатывающее въру въ его дѣйствительность.

Одной изъ болѣе дѣйствительныхъ предупредительныхъ мѣръ

читалась, по общему убѣжденію, карантинная система; но какъ-голько были сдѣланы первыя административныя распоряженія о карантинахъ и объ оцѣплени зараженныхъ мѣстностей, торговый міръ заволновался. Не говоря уже про нашихъ астраханскихъ рыботорговцевъ, но даже англичане—и тѣ подняли голосъ противъ всего, что можетъ стѣснять торговлю. „Times“ совершенно серьезно доказываетъ, что карантинныя мѣры никогда не вели ни къ чему, не потому, чтобы онѣ были ошибочны по идеѣ и въ теоретическомъ отношеніи, а потому, что онѣ недѣйствительны на практикѣ. Какъ-бы ни были строги карантинныя, они никогда не достигаютъ своей цѣли, потому что всегда является усиленная контрабанда, противъ которой недѣйствительны никакія таможенныя строгости, а съ контрабандой пройдетъ повсюду и чума. Говорятъ еще, что полная карантинная изолированность и совершенное оцѣпление зараженныхъ мѣстностей невозможны потому, что для этого требуется цѣлая армія. Это тоже справедливо. Наконецъ, карантинныя мѣры не достигаютъ цѣли еще потому, что невозможно найти вполне надежныхъ и знающихъ исполнителей. Теперь оцѣпление стало практиковаться во всѣхъ зараженныхъ мѣстностяхъ астраханской и саратовской губерніи. Насколько эта мѣра, въ томъ видѣ, какъ она устроена мѣстами, приноситъ пользы, видно изъ слѣдующей корреспонденціи изъ Чернаго Яра. Корреспондентъ, обративъ особенное вниманіе на посты и карантинныя околы Царицына, нашель, что они сносны еще тамъ, гдѣ ихъ содержатъ солдаты, но и тутъ бывають случаи, что кто-нибудь прорветъ цѣпь; прорвавшася ловятъ и доставляютъ въ карантинъ, конечно, если увидятъ. Когда-же цѣпь составляютъ крестьяне, то, кромѣ курьезовъ, ничего и не является. Вотъ стоитъ калмыцкая кибитка, а въ ней одинъ или два мужика на караулѣ съ дубинами; завидя экипажъ, они бѣгутъ къ нему, останавливаютъ и спрашиваютъ бумагу—имъ все равно, что написано въ этой бумагѣ, лишь-бы только была бумага. Впрочемъ, эта строгость примѣняется только къ „господамъ“, а мужиковъ пропускають. Тотъ-же корреспондентъ сообщаетъ, какъ въ одномъ мѣстѣ къ нему подѣхалъ верхомъ мужикъ. Корреспондентъ спрашиваетъ всадника, что ему нужно. „Да ничего, проѣзжайте, я васъ провожу до выѣзда, потому что мы къ себѣ въ деревню никого не пускаемъ. Въ Старицу пустили бабу, а она бѣду и занесла. Ну, кому-же умирать охота?“ И мужикъ проводилъ корреспондента до выѣзда и вернулся назадъ. Еслибы всѣ поступали такъ—конечно, чумъ не поздоровилось-бы; но всѣ и вездѣ такъ поступать не будутъ. Во многихъ мѣстахъ крестьяне отлично понимаютъ опасность, которая имъ грозитъ, и не только пропускають черезъ цѣпь, но и пускають проѣзжихъ

къ себѣ на ночлеги. О карантинахъ, устроенныхъ въ Сарептѣ въ Свѣтломъ Яру, Ботаевкѣ, Демьянскѣ, корреспондентъ выражается очень энергично. „Если-бы мнѣ предстояло выдержать карантинъ во время сильной чумы, писать корреспондентъ,—я-бы пустилъ лучше себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ подвергся-бы навѣрняка зараженію“. Курныя отдѣленія устроены такъ, что въ нихъ черезъ часть и даже менѣе, можно свободно взойти, нисколько не подвергая себя опасности отравиться газами: „ужь имъ-бы лучше на воздухѣ дѣлать окуриванія—одинъ толкъ“, замѣчаетъ корреспондентъ. Также корреспондентъ рассказываетъ о карантинѣ въ Батаевкѣ, который изображается очень маленькой комнатой, безъ всякой мебели даже безъ лавокъ. Подвергаемые карантинамъ лежатъ на полу рядомъ другъ съ другомъ, ихъ кормятъ отвратительно, берутъ дорого. Корреспондентъ видѣлъ мужика, только-что выдержавшаго карантинъ: на него было страшно взглянуть, точно онъ имѣетъ продолжительную болѣзнь. Рассказываютъ, что съ нимъ видѣлъ былъ и полиціймейстеръ, который не выдержалъ карантина и ругался на чемъ свѣтъ стоитъ—его перевели куда-то.

А, между тѣмъ, карантинная система—единственная мѣра, которую располагаетъ современная медицина и современная полиціймейстерская полиція. Въ нее больше всего вѣры, она больше всего успокоиваетъ, ужь по одному тому, что мѣры ея у каждаго передъ глазами, и она успокоиваетъ душевныя тревоги и чувство страха. Но довольно того, чтобы прорвался черезъ карантинную черту хотя одинъ зачумленный, и зараза перебрасывается какъ пожаръ и пойдетъ искать себѣ новыхъ жертвъ. Рязанскій корреспондентъ „Русскія Вѣдомостей“ пишетъ, что 25 января, въ селѣ Антипинѣ пронскаго уѣзда, умеръ отъ чумы одинъ изъ трехъ бѣжавшихъ изъ Ветлянки. Благодаря счастливому случаю, о смерти этой было доведено до властей; на мѣсто смерти отправился губернаторъ съ докторами, и обнаружили, какъ говоритъ корреспондентъ, „слѣдующія несомнѣнныя данныя“: 23 или 24 января прибыли изъ Ветлянки три человѣка, и самый молодой изъ нихъ на второй или третій день умеръ, по заключенію докторовъ, отъ бубонной чумы. До снѣ поръ дальнѣйшихъ случаевъ смерти не было. Крайній срокъ, когда ядъ долженъ оказать свое дѣйствіе на людей, имѣвшихъ непосредственное столкновеніе съ чумными, 14 дней. „Идемъ этого срока“, пишетъ корреспондентъ. Не знаемъ, была-ли эта корреспонденція опровергнута или нѣтъ, но, еслибы въ Антипинѣ и никто не умеръ отъ чумы, мы не видимъ никакой невозможности, чтобы она не могла распространиться именно этимъ способомъ. И доктор-теоретики совершенно правы, когда они не усматриваютъ въ карантинной системѣ возможности ея полного послѣдовательнаго

роведенія. Професоръ Чудновскій прямо отрицаетъ карантинную систему (См. его брошюру о чумѣ.). Онъ говоритъ, что устройство одного стоющихъ карантинныхъ, даже съ идеальнымъ, невысказаннымъ на дѣлѣ примѣненіемъ карантинныхъ правилъ, невозможно при теперешнихъ способахъ сообщенія, да и прежній опытъ говоритъ не въ пользу ихъ. Мало этого, професоръ Чудновскій думаетъ, что оцѣпление зачумленныхъ домовъ будетъ способствовать развитію зачумленныхъ гнѣздъ и увеличенію опасности; что-же касается оцѣпления здоровыхъ мѣстностей, то оно и прежде не достигало своей цѣли, а при теперешнихъ условіяхъ жизни и вовсе невысказанно. Оцѣпление-же отдѣльныхъ квартиръ и домовъ можетъ не достигать цѣли, если на санитарныя условія самой зачумленной мѣстности не будетъ обращено строжайшаго вниманія, какъ и доказалъ не разъ печальный опытъ прежнихъ эпидемій.

Г. Чудновскій отрицаетъ даже прилипчивость чумы. Въ 1877 году свирѣпствовала чума въ Рештѣ, а въ ближайшемъ городѣ Эвзели не было ни одного случая чумы, несмотря на самое живое сообщеніе этого города съ Рештомъ и отсутствіе всякихъ карантинныхъ мѣръ. Тѣ изъ жителей Решта, которые, въ силу своего мусульманскаго фанатизма, оставались въ своихъ чумныхъ гнѣздахъ и изолировались въ нихъ по собственной волѣ, вымерли поголовно. Тѣ-же, кто бѣжалъ въ горы, т. е. въ лучшія—въ смыслѣ чистоты воздуха, воды и почвы—санитарныя условія, тѣ спаслись, и чума прекратилась въ Рештѣ. Восточные жители знаютъ, что какъ только эпидемія кончилась, можно уже спокойно занимать вымершіе дома, носить платье и бѣлье умершихъ отъ чумы, безъ опасенія заразиться. „Врачи доказали опытами на себѣ и на преступникахъ“, продолжаетъ тотъ-же врачъ, — что не только можно безнаказанно спать на постеляхъ только-что умершихъ отъ чумы, надѣвать бѣлье, снятое тотчасъ-же послѣ смерти, но даже прививать кровь и гной отъ чумныхъ больныхъ—гдѣ-же здѣсь признаки понятія о прилипчивости, которые принадлежатъ несомнѣнно, напр., оспѣ, сифилису, собачьему бѣшенству и прочее? спрашиваетъ г. Чудновскій. Но затѣмъ онъ говоритъ, что бывали случаи смерти врачей и другихъ лицъ отъ прививки, точно такъ-же, какъ бывали случаи заболѣванія даже безъ прикосновенія, что, по мнѣнію г. Чудновскаго, доказываетъ, что зараженіе совершается не путемъ прилипчивости, а поступленіемъ отравленнаго воздуха въ наше тѣло. Такимъ образомъ, г. Чудновскій путается въ противорѣчіяхъ, выбалтываетъ все, что Богъ положилъ ему на душу, и сводитъ весь вопросъ къ чистотѣ и къ созданію здоровой атмосферы.

Мѣры, предлагаемыя г. Чудновскимъ, напоминаютъ совѣтъ того

врача, который, явившись къ двумъ умирающимъ отъ голода и холода, мудро изрекъ:

Зимю, сказалъ онъ, надо всегда
Въ морозы какъ можно теплѣй одѣваться,
И тутъ-же совѣтъ разсудительный далъ
Здоровую пищу питаться.

Подобно тому, какъ флорентинцы во время чумы старались жить такъ, чтобы не видѣть печальныхъ картинъ смерти и облаго упадка духа, такъ и г. Чудновскій предлагаетъ всѣмъ бѣ какъ можно спокойнѣе, не тревожиться и не пугаться, вести веселый, разсѣянный и здоровый образъ жизни. Далѣе въ квартирахъ слѣдуетъ имѣть самый чистый воздухъ и устроить для этого особую вентиляцію, не имѣть въ квартирахъ складовъ грязнаго бѣлья, ѣсть три и не менѣе двухъ разъ въ день безъ отягощенія желудка, а если желудокъ иногда погрѣшаетъ, то осторожно употреблять слабительное. Утромъ пить кофе съ масломъ и хлѣбомъ, или съѣдать пару яицъ, или кусокъ горячаго или холоднаго мяса, ходить чаще въ баню, чаще смѣнять бѣлье, провѣтривать на сильномъ сквозномъ вѣтру платье и тоже мѣнять его часто. провѣтривать, вымораживать, выжаривать одѣяла, матрацы, часто смѣнять постельное бѣлье. Въ мѣстностяхъ, гдѣ температура воздуха и степень его влажности быстро мѣняется, носить фуфайки, нагрудники, набрюшники, смѣнять возможно правильнѣе трудъ отдыхомъ, а отдыхъ трудомъ, развлекаться увеселеніями, начиная отъ посѣщенія публичныхъ лекцій и театровъ и оканчивая легкими кутежами и попойками!

Вѣроятно, г. Чудновскій кофе съ хлѣбомъ и масломъ, посѣщенія публичныхъ лекцій, театровъ и ежедневную смѣну бѣлья не предлагаетъ деревенскимъ мужикамъ? Нѣтъ, для нихъ у него другія средства. „Въ большомъ и небѣдномъ населенномъ мѣстѣ“. г. Чудновскій предлагаетъ такого рода мѣры: за городомъ или за селеніемъ должны быть устроены деревянные сараи и бараки, полотняныя палатки и шатры, войлочные кибитки, землянки съ гѣлесообразнымъ провѣтриваніемъ, и при этомъ слѣдуетъ употреблять матеріалъ, проницаемый для воздуха, напр., доски, лубье, гонть, рогожи, циновки, тростникъ, палаточное полотно, паруса, грубое сукно, прожаренные мѣшки изъ-подъ персидскаго и бухарскаго хлопка, кошмы, войлоки, но отнюдь ни тюль, ни картонъ, ни брезентъ. Этотъ санитарный лагерь долженъ быть снабженъ достаточнымъ медицинскимъ персоналомъ. Онъ долженъ имѣть достаточное количество воды для питья и поддержанія чистоты въ помѣщеніяхъ. Онъ долженъ имѣть бани, дешевыя столовыя чайныя, прачечныя, удобныя пути сообщенія съ городомъ, хорошо

и въ изобиліи устроенныя отхожія мѣста, достаточное количество рабочихъ для постоянного содержанія лагеря въ наибольшей чистотѣ, читальни, театры, народныя игры, гдѣ-бы въ свободное время жильцы лагеря могли найти поддерживающія бодрость духа развлечения, наконецъ, швейныя мастерскія, для постоянного приготовленія жителямъ лагеря бѣлья и платья и для бесплатной замѣны сжигаемыхъ вещей. Санитарная полиція должна при этомъ строго наблюдать за исполненіемъ всѣхъ санитарныхъ правилъ, а такъ-какъ въ лагерѣ будутъ скопляться громадныя количества нечистоты, то уничтожать ихъ сжиганіемъ.

Въ мѣстностяхъ „средне и мало-населенныхъ, съ умѣреннымъ благосостояніемъ“ должны быть выполняемы тѣ-же мѣры и съ той-же быстротой и настойчивостію. Главное вниманіе должно быть обращено на скученость рабочаго населенія, на чистоту воздуха, воды, пищи; наконецъ, для уѣздныхъ городовъ, сель и проч. должны быть практикуемы тѣ-же основанія очистки. Г. Чудновскій замѣчаетъ, что его мѣры могутъ показаться узкому скептику идеальными, слѣдовательно, по его логикѣ, недостижимыми.

Не знаемъ, будетъ-ли нашъ скептицизмъ узкій или неузкій, но мы думаемъ, что почтенный профессоръ, витающій въ какихъ-то эмпирияхъ, преподноситъ намъ ex cathedra фантастическіе совѣты, и преподноситъ ихъ съ такимъ апломбомъ, что не знаешь, чему удивляться,—наивности или отвагѣ профессора. Практически его совѣты такъ-же осуществимы, какъ путешествіе Верна на луну, съ помощію ядра, пущеннаго изъ колоссальной пушки. Тутъ даже вопросъ не въ денежныхъ средствахъ, даже и не въ томъ, осязается-ли возможнымъ выстроить такіе санитарные лагеря, какіе предлагаетъ г. Чудновскій. Невыполнимость проэкта и его фантастичность заключается въ томъ, что вся жизнь, всѣ отношенія должны совершенно измѣниться. Санитарные лагеря превращаются въ какія-то общія увеселительныя мѣста, въ которыхъ люди наслаждаются и блаженствуютъ, точно имъ больше уже нечего дѣлать на землѣ. Г. Чудновскій не желаетъ знать объ экономическихъ отношеніяхъ, о томъ, что людямъ нужно трудиться для куска хлѣба, что экономической узелъ такъ туго связалъ всѣ отношенія между людьми, что чума въ какой-нибудь Ветлянкѣ, за тысячу верстъ отъ Берлина, подѣйствовала какъ параличъ, и 72,000 фунтовъ русской икры должны теперь сгнить, и всѣ дальнѣйшія заказы на икру и рыбу прекратились. Въ Лондонѣ, который еще дальше Берлина, „Times“ бьетъ тревогу и называетъ карантинныя средства „безуміемъ“. Въ Петербургѣ является мысль принять какія-нибудь мѣры защиты въ пользу астраханской торговли и послать на мѣсто особеннаго агента, который-бы дѣйствовалъ въ качествѣ совѣща-

тельнаго лица и представителя торговыхъ требованій, при установленіи на мѣстѣ санитарныхъ и медико-полицейскихъ предупредительныхъ мѣръ. Чума хуже войны уронила нашъ курсъ. Въ Одессѣ паника, торговлѣ грозитъ застой, впереди ожидается неисходная бѣдность для цѣлой массы населенія, которая или жила торговлей, или была сопривосновенна къ торговымъ отношеніямъ. Конечно, хорошо будетъ только тѣмъ врачамъ, которые боятся прилипчивости чумы... Ясно, что мѣры, предлагаемыя г. Чудновскимъ, покажутся фантастическими и не однимъ узкимъ скептикамъ только потому, что онѣ хуже всякаго паралича должны оставить ходъ всѣхъ отношеній и подавить общую торговлю и экономическую дѣятельность. Медики въ предлагаемыхъ ими рецептахъ для жизни отличались всегда крайнею степенью непрактичности и уходили на гейневскаго врача. При большихъ средствахъ, конечно, можно продѣлывать все то, что прописываютъ медицинскія свѣты: смѣнять каждый день бѣлье, пить шампанское, посѣщать лекціи и театры, устраивать попойки. Но вопросъ обыкновенныхъ больныхъ въ томъ, чтобы получить совѣтъ, осуществимый въ данныхъ обстоятельствахъ, т. е. при тѣхъ условіяхъ, которыхъ человекъ не въ силахъ и не имѣетъ возможности измѣнить. Все, что предлагаютъ теоретики-врачи вродѣ г. Чудновскаго, мѣры очень хорошия, но положительно неосуществимыя, и вопросъ о массѣ населенія, какъ будто для нихъ и не существуетъ. Они хотятъ врачевать какаго-то идеальнаго человека, живущаго внѣ времени и пространства. На это, конечно, они могутъ возразить, что имъ нѣтъ никакого дѣла до того, будетъ-ли больной въ состояніи осуществить ихъ благіе совѣты или нѣтъ, что передъ ними стоятъ требованія науки, а практическое примѣненіе этихъ требованій уже лежитъ внѣ сферы ихъ дѣятельности, власти и авторитета. Такого рода возраженія намъ приходилось слышать нерѣдко не только отъ врачей теоретиковъ, но и практиковъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: медицина-ли существуетъ для общества, или общество должно существовать для медицины? говоря иначе, врачи-ли должны служить своему народу, или народъ созданъ для своихъ врачей? Мы не сомнѣваемся, что въ рѣшеніи этого вопроса, понятномъ для cadaго, заключается и отвѣтъ на вышеприведенныя возраженія. Въ немъ слишкомъ много професіональнаго аристократизма, оно отзывается духомъ касты, съ которымъ истинная наука не имѣетъ ничего общаго. Медицина, игнорирующая тотъ реальный міръ, съ которымъ ей приходится имѣть дѣло, не обращающаая вниманія на данныя условія народной жизни, приподносящая свысока и докторальнымъ тономъ совѣты, въ осуществимость которыхъ она сама не вѣритъ. — такая медицина служить личнымъ интересамъ своихъ представи-

телей, а не интересамъ того общества. на счетъ котораго и для котораго она существуетъ. Въ этомъ отношеніи г. Чудновскій даетъ намъ наглядный образецъ того низкаго уровня общественныхъ чувствъ, на которомъ вообще стоитъ русскій человѣкъ. Онъ съ высоты своей профессорской кафедры удостоиваетъ своего вниманія только *развитыхъ людей*; онъ только имъ посвящаетъ свой трудъ, который ограничивается нѣсколькими голословными совѣтами, наставленіями и правилами. Но развитые люди и безъ него очень хорошо знаютъ, что нужно дѣлать для гигиенической обстановки жизни. Что-же касается его совѣта, чтобы эти развитые люди популяризировали брошюрку г. Чудновскаго въ массахъ, разнесли бы ее по всѣмъ городамъ и весамъ обширной русской земли, то такой совѣтъ невольно напоминаетъ намъ извѣстное изрѣченіе Монтаня: „Если вы не хотите сказать рѣзкой глупости, то скажите что-нибудь невѣроятное, и васъ выслушаютъ съ удовольствіемъ“. Но возвратимся къ чумѣ.

Но что-же дѣлать, если медицина, въ виду угрожающаго бѣдствія, оказывается до того безпомощной, что не можетъ объяснить намъ ни сущности болѣзни, ни ея отличительныхъ признаковъ, ни степени ея заразительности, если она не можетъ согласиться даже въ томъ, приличива она или нѣтъ, — то что-же, спрашиваемъ мы, остается дѣлать? „Если-бы меня спросили, говорить Жоржъ-Зандъ въ какомъ-то романѣ, — что-же ввести вмѣсто брака, я-бы отвѣтила — бракъ“. Такъ и мы, — на вопросъ, что-же предпринять вмѣсто карантинновъ, — отвѣтимъ: карантинны, читатель. Другихъ наиболѣе доступныхъ, дѣйствительныхъ и успокоивающихъ мѣръ практическая медицина не въ состояніи предложить намъ. Она сама, подобно темной и ошеломленной ужасомъ толпѣ, блуждаетъ въ совершенномъ невѣденіи. Она и до сихъ поръ не рѣшила еще вопроса, чума или другая какая-нибудь эпидемія развилась въ Ветлянкѣ. Поэтому карантинны, какъ-бы они ни были слабы въ борьбѣ съ грозной эпидеміей, остаются единственнымъ насущнымъ средствомъ для этой борьбы. Они — лучшая мѣра уже потому, что каждый отдѣльный человѣкъ чувствуетъ себя бессильнымъ бороться увѣренно со зломъ, а при карантинной системѣ надъ нимъ стоитъ какая-то всеохраняющая успокоивающая опека, внѣшняя защита и внѣшняя оберегающая заботливость, въ видѣ тѣхъ общихъ государственныхъ мѣръ, которыя идутъ на помощь всѣмъ и спасаютъ общество въ цѣломъ его составѣ. Вѣдь и на войнѣ ложементы, траншеи и разныя земляныя укрѣпленія не спасаютъ вполнѣ, а все-таки больше вѣроятія не быть убитымъ. Но карантинны полезны больше всего своимъ нравственнымъ вліяніемъ.

Относительно спасительности карантинновъ московскіе врачи

говорять не то, что петербургскіе. На засѣданіи московскаго общества русскихъ врачей по вопросу о чумѣ высказана была, между прочимъ, мысль, что, имѣя дѣло съ подобнымъ врагомъ, лучше десять разъ ошибиться въ ожиданіяхъ его появленія и за это время вооружиться всѣми возможными свѣденіями и принять всѣ возможные мѣры, чѣмъ одинъ разъ нести неисчислимыя жертвы за свою оплошность. Относительно разнорѣчія, существующаго между представителями науки, въ полезности или бесполезности карантина, московскіе врачи, не оспаривая теоретической покладки ученія, отрицающаго пользу даже строжайшихъ карантинъ, остановились на фактической почвѣ. Въ доказательство практической полезности карантинъ былъ приведенъ фактъ изъ времени чумы въ Москвѣ въ 1770 г. Въ московскомъ воспитательномъ домѣ находилось тогда 1,000 дѣтей, 300 взрослых и 100 служителей. Мѣстность, принадлежащая дому, была обнесена стѣною въ 6 фут. вышины. Во все время эпидеміи изъ трехъ воротъ заведенія только одни служили для входа и выхода. Сообщеніе съ городомъ и заготовленіе провизіи сопровождалось всѣми карантинными предосторожностями. Благодаря самому строгому разобщенію, доктору воспитательнаго дома, Мертенсу, принятому во время эпидеміи дѣтей городскихъ жителей, удалось устранить появленіе заразы. Сначала Мертенсъ совершенно прекратилъ приемъ дѣтей, но затѣмъ, нанявъ дачу и изолировавшись въ ней, Мертенсъ снова возобновилъ приемъ. Несмотря на немногіе, однако единичные, случаи, когда приносили дѣтей съ бубонами на тѣлѣ, болѣзнь не переходила на питомцевъ воспитательнаго дома, и въ дачѣ было введено въ заведеніе 150 дѣтей. Всѣхъ случаевъ заболѣванія чумою въ воспитательномъ домѣ было 7, и то заболѣвали лишь тѣ изъ людей, которые имѣли общеніе съ городомъ. Во все время страшной московской чумы въ воспитательномъ домѣ былъ только одинъ случай, когда заразившійся истопникъ передалъ болѣзнь своему напѣстнику. Это былъ единственный случай зараженія однимъ другимъ.

Точно также общество московскихъ врачей отнеслось въ пользу строжайшаго уединенія.

Мѣры, необходимыя, по мнѣнію московскихъ врачей, для поддержанія эпидеміи въ астраханской губерніи, должны быть слѣдующія: прекращеніе всякаго сообщенія съ губерніей посредствомъ самаго строжайшаго карантина, сожженіе всѣхъ предметовъ и строеній, какія могли-бы удержать въ себѣ заразу, равно какъ и товаровъ, соприкасавшихся съ зачумленными мѣстностями, организація наилучшей медицинской помощи, принятіе всѣхъ средствъ по предотвращенію болѣзней на государственный счетъ.

Мѣры эти, конечно, очень рѣшительныя; но за то московскіе врачи вполне послѣдовательны: они хотятъ сжигать не только платье зачумленныхъ, товары, соприкасавшіеся съ зачумленными мѣстностями, но даже и строенія. Одинъ изъ петербургскихъ врачей замѣтилъ, что если сжигать зачумленные дома и зачумленные деревни, какъ это предполагается, напр., съ Ветлянкой, то придется сжигать и города. Конечно, такъ можно договориться и до сожженія Москвы и Петербурга. Сжиганіе товаровъ грозитъ прекращеніемъ торговли, да и вообще всякимъ сношеніемъ, и докладчикъ, съ мнѣніемъ котораго согласилось общество московскихъ врачей, предлагалъ, въ случаѣ появленія чумы въ Царицынѣ, прекратить немедленно движеніе по линіи царицынской желѣзной дороги. Такъ-какъ московскіе врачи стояли исключительно на практической почвѣ и требовали отъ петербургскихъ врачей фактическихъ доказательствъ ихъ теоретическихъ положеній, то можно думать, что едва-ли и сама практика потребуеъ послѣдовательной строгости, кончающейся сожиганіемъ городовъ.

Специально относительно Москвы были предложены мѣры, на которыя, конечно, не мѣшаетъ обратить вниманіе и другимъ русскимъ городамъ. Всѣ, какъ петербургскіе, такъ и московскіе, врачи согласны, что нечистота и скученность бѣднаго населенія способствуютъ больше всего воспринятію различныхъ эпидемій; поэтому необходима немедленная дезинфекція города и его окрестностей, при помощи сожиганія нечистотъ, приведеніе города въ наивозможно лучшія гигиеническія условія, увеличеніе притока чистой воды, которой въ Москвѣ недостаетъ, и потому мѣстности, которыя берутъ воду изъ Москвы-рѣки, отличаются громаднымъ процентомъ смертности и заболѣваемости, устройство ночлежныхъ домовъ и пріютовъ для бѣднаго населенія, народныхъ кухонь и вообще всевозможныя мѣры для улучшенія положенія рабочаго класса города. Въ числѣ особенныхъ мѣръ предполагается уничтоженіе излишняго количества собакъ, которыя переносятъ заразу. Боккачіо рассказываетъ тоже случаи зараженія отъ собакъ. Обращается вниманіе и на вредный обычай въ народѣ ѣсть изъ одной чашки. Съ трупами умершихъ отъ чумы предлагаютъ поступать такъ: насыпать въ гробъ слой угля, положить умершаго, сверху тоже насыпать углемъ, плотно закрыть и затѣмъ за городомъ сжечь или въ печахъ или другимъ способомъ. Къ дезинфекціи кладбищъ, предположенной въ астраханской губерніи, московскіе врачи относятся недовѣрчиво и думаютъ, что она не принесетъ существенной пользы. Наконецъ, если въ городѣ чума приметъ серьезныя размѣры, то слѣдуетъ устроить карантинъ, съ полнымъ примѣненіемъ карантиннаго устава.

Конечно, исключительно карантинныя мѣры не окажутся вполнѣ дѣйствительными, если каждый не будетъ самъ беречь себя. Корреспондентъ изъ Пронска, на котораго мы уже ссылались, говорить, что, со дня обнаруженія чумы въ селѣ Антипинѣ, прошлю болѣе недѣли, а между тѣмъ о фактѣ не было сообщено еще нигдѣ. „Я не знаю, говоритъ корреспондентъ, — какими мотивами руководятся люди, такъ тщательно скрывающіе это, но позволительно думать, что такое молчаніе только способствуетъ распространенію заразы. Если о картофельномъ жучкѣ печатались цѣлыя рекламы, каждая губернская газета считала своей обязанностью толковать объ этомъ, выпускалось несмѣтное количество объявленій, которыя разсылались по всѣмъ злосчастнымъ правленіямъ и селамъ, и, такимъ образомъ, были употреблены всѣ мѣры къ тому, чтобы ознакомить населеніе Россіи, читающее и печатающее, съ опасностью, грозящею картофелю и средствами противъ нея, то надо думать, что о такомъ бѣдствіи, какъ чума, грозящемъ не картофелю или рѣпѣ, а людямъ, должны-бы быть приняты еще болѣе энергичныя мѣры. Большинство нашего народа, говоритъ корреспондентъ, — который первый подвергается опасности и невольно становится проводникомъ заразы, до сихъ поръ не знаетъ о существованіи не только Ветлянки, но даже и чумы; а потому весьма естественно, что народъ этотъ не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ людей, возвращающихся изъ зараженныхъ мѣстъ“.

Широкое полномочіе, которымъ облеченъ графъ Лорисъ-Меликовъ и объявленіе мѣстности, порученной его правленію, на военномъ положеніи, говоритъ достаточно, что правительство намѣрено держаться очень строго исполненія правилъ карантиннаго устава. Но въ настоящемъ случаѣ едва-ли возможно держаться основнаго юридическаго принципа, что невѣденіемъ закона никто отговариваться не можетъ. Строгая карательность сама по себѣ вовсе не предупредительная мѣра. Когда по невѣденію зараза будетъ занесена въ какую-нибудь мѣстность, или будетъ сдѣлано отступленіе отъ тѣхъ и другихъ карантинныхъ правилъ, самое строгое наказаніе уже не поправитъ дѣла. Ясно, что каждый отдѣльный человѣкъ долженъ изображать собою карантинный уставъ и носить его въ формѣ тѣхъ знаній, которыя для него доступны и возможны въ выполненіи. Что народное невѣденіе озабочиваетъ правительство, можно заключить изъ объявленнаго имъ военнаго суда. Нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы нынче повторились тѣ-же волненія, какія были въ московскую чуму 1770—1771 года. Конечно, нельзя ручаться, чтобы не могло явиться въ народѣ поводовъ къ неудовольствію, и чтобы паническій страхъ, если чума разыграется, не подѣйствовалъ на страсти. Еслибы подобный слу-

чай могъ явиться, правительственныя средства надзора настолько организованы хорошо, что никакихъ волненій и нельзя ожидать. Но все-таки лучше, еслибы впереди этихъ внѣшнихъ средствъ спокойствія и порядка шли-бы средства внутреннія, и каждый являлся бы хранителемъ порядка внутри себя.

„Голосъ“ и другія газеты совершенно справедливо предлагаютъ распространеніе въ народѣ свѣденій о чумѣ и о мѣрахъ противъ нея черезъ приходскихъ священниковъ. Они должны приготовиться къ бѣдѣ не только для себя, но и для своихъ прихожанъ. Для этого священникамъ, по словамъ „Голоса“, необходимо заблаговременно озаботиться приобрѣтеніемъ для себя и для своего прихода такихъ медицинскихъ книгъ и брошюръ, въ которыхъ предлагаются медицинскіе совѣты о мѣрахъ противъ чумы. „Заботливый о своихъ пасомыхъ сельскій пастырь на случай бѣды не преминетъ посѣтить всякую деревню, всякій домъ своего прихода съ нарочною цѣлю—ознакомить прихожанъ съ мѣрами противъ чумы“, говоритъ „Голосъ“. Мы не отрицаемъ, что всякій заботливый пастырь поступитъ именно такъ, но въ то-же время думаемъ, что нельзя разсчитывать на людское совершенство, и что незаботливыхъ пастырей окажется въ дѣйствительности больше, чѣмъ заботливыхъ. Поэтому обращеніе „Голоса“ къ пастырямъ, радѣющимъ о своихъ духовныхъ чадахъ, приобрѣсть на суммы свои или приходскаго попечительства, или приходской церкви лучшія брошюры извѣстныхъ врачей о мѣрахъ противъ чумы, и приступить къ организаци предохранительной дѣятельности, едва-ли окажется практически осуществимымъ. При томъ, если радѣющій о своихъ духовныхъ чадахъ пастырь, и именно потому, что онъ очень радѣтельный, и обзаведется всѣми брошюрами, которыхъ въ послѣднее время вышло довольно много, и изъ которыхъ каждая толкуетъ о чумѣ по-своему, то онъ только собьется съ толку ихъ взаимными несогласіями и противорѣчіями. Однѣ будутъ увѣрять его, что чума заразительна, другія—нѣтъ. Одни требуютъ мѣръ карантинныхъ, другія ихъ отрицаютъ. Даже относительно медицинскихъ мѣръ мнѣнія врачей неодинаковы. Радѣтельный пастырь узнаетъ только то, что наше медицинское сословіе, во главѣ котораго стоятъ даже европейскія свѣтила, не установили и не выработали никакого общаго взгляда на чуму и на средства противъ нея и, когда она явилась, принялись разсуждать о ней впервые и ничего до сихъ поръ еще не разсудили. Право, лучше хоть какое-нибудь единство во мнѣніяхъ, во взглядахъ и въ мѣрахъ, чѣмъ тотъ разбродъ и сумбуръ, который можетъ только поселять недовѣріе, сбивать съ толку и парализовать нравственное мужество, невозможное безъ увѣренности.

Поэтому, прежде чѣмъ обращаться къ радѣтельнымъ пастырямъ, нужно-бы потребовать отъ нашего медицинскаго сословія, чтобы оно условилось на какихъ-нибудь общихъ основаніяхъ и мѣрахъ и составило-бы народное руководство, которымъ и могли-бы пользоваться пастыри. Если-же, какъ теперь, общественныя мѣры предпринятыя правительствомъ, заключаются въ карантинной системѣ, а передовые врачи эту систему отрицаютъ, то прежде всего это ведетъ къ сомнѣнію въ авторитетность мѣръ, а сомнѣніе выразившееся въ какомъ-нибудь дѣйстви, нарушающемъ карантинный уставъ, кончается приговоромъ военнаго суда. Эта путаница и непослѣдовательность должна быть уничтожена прежде всего, и для общаго руководства не только правительственными мѣстамъ и лицамъ, но и частнымъ людямъ должны быть предложены одни общія согласныя правила, вездѣ одинаковыя, такъ чтобы вся Россія могла дѣйствовать, какъ одинъ человекъ. Мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ слѣдуетъ ожидать содѣйствія иниціативы внутреннихъ дѣлъ, въ рукахъ котораго сосредоточена вся медицинская и полицейская власть. Никакого общаго руководства отъ частной медицинской инициативы не дожидаться. Не дождемся мы и того, чтобы всѣ священники сдѣлались радѣтельными, и чтобы повсюду ихъ радѣніе выразилось такъ, какъ этого желаетъ „Голосъ“. Мы думаемъ, что безъ почина правительственной власти и безъ разсылки имъ брошюръ, руководящихъ и обязательныхъ, распространенія въ народѣ необходимыхъ свѣдѣній, какъ о карантинныхъ и другихъ мѣрахъ правительства, такъ и о томъ, что каждый долженъ дѣлать, спасая себя и другихъ, народъ никогда ничего не узнаетъ о чумѣ, и едва-ли общественные и правительственные органы встрѣтятъ въ немъ ту поддержку, какая нужна для успѣха дѣла. Съ ноября, когда началась чума въ Ветлянкѣ, прошло уже три съ половиною мѣсяца, а до народа не дошла ни одна изъ брошюръ; до весны-же осталось два мѣсяца, и нигдѣ еще не слышно, чтобы для сообщенія народу нужныхъ ему свѣдѣній принимались какія-нибудь мѣры.

Итакъ, между мѣрами, предлагаемыми Москвой и Петербургомъ, разница въ томъ, что московскія мѣры стоятъ, такъ-сказать, на почвѣ дѣйствительности, исходятъ изъ требованій возможности и средствъ дня, тогда-какъ петербургскія мѣры, отличаясь больше теоретическимъ размахомъ, глядятъ нѣсколько въ пространство. Какъ-бы то ни было, но ветлянская эпидемія навела наше мыслящее общество на одну великую истину, что чума есть прямой продуктъ нищеты, невѣжества, экономической и нравственной подавленности; что она невозможна среди обезпеченнаго, довольнаго и благоденствующаго населенія; что, по мѣ-

рѣ социально-экономическаго развитія и цивилизаціи, всѣ заразныя болѣзни и такія общественныя бѣдствія, какъ холера, чума и черная смерть, утрачиваютъ свой повально-истребляющій характеръ, а наконецъ и совсѣмъ исчезаетъ возможность существованія заразныхъ гнѣздъ. Мнѣніе, высказанное нѣкоторыми корреспондентами, будто-бы чума зародилась самостоятельно въ грязи и нечистотахъ астраханскихъ рыбныхъ промысловъ, становится болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Въ этомъ отношеніи намъ нечего бояться Азии: домашней грязи, прикрытой лоскомъ европеизма, у насъ такъ много, что мы можемъ подѣлиться ею не только съ Азіей, но и съ остальными частями свѣта. Говорятъ, что въ настоящее время Царицынъ изображаетъ собою благоденствующій уголокъ чистоты, порядка, обезпеченія народнаго продовольствія. Царицынъ въ этомъ случаѣ обязанъ конечно, пословицѣ: громъ не грянетъ, мы не перекрестимся; ей-же будутъ обязаны и астраханскія гнѣзда, и рыбныя ватаги, и мѣста соленія рыбы, что они будутъ очищены, какъ Царицынъ. Но главная заслуга будетъ, конечно, не въ частныхъ мѣрахъ очистки заразныхъ гнѣздъ и обезпеченія бѣднаго люда на время заразы одеждой и здоровой пищей, а въ томъ, что мѣры эти войдутъ въ общественное сознаніе, какъ мѣры безусловной необходимости въ будущемъ и какъ начало и источникъ общаго блага. Такимъ образомъ, чума является къ намъ, какъ воспитывающая сила, и, только благодаря ей, благодаря ея страшнымъ урокамъ, мы, можетъ быть, усвоимъ нѣкоторыя общественныя понятія и горькимъ опытомъ познаемъ, насколько физическое, умственное и матеріальное благоденствіе массъ служить основой общественнаго благополучія и общественнаго процвѣтанія. Должно быть, дѣйствительно полезныя уроки не приобрѣтаются дешевой цѣной, а говорятъ, что то, что куплено дорого, бываетъ прочно. Дай Богъ!

О банкѣ взаимнаго поземельнаго кредита писалось и говорится у насъ еще много до юханцевской исторіи. Исторія эта не больше, какъ необходимое слѣдствіе первой ошибки мысли, а судъ—только выводъ.

Общество взаимнаго поземельнаго кредита обвиняютъ въ томъ, что оно—учрежденіе аристократическое; но вѣдь аристократизмъ еще не вина—вина кроется, конечно, въ чемъ-нибудь другомъ.

Общество поземельнаго кредита учредилося съ цѣлью выдавать ссуды подъ залогъ поземельной собственности вообще, а въ частности—выдавать усиленныя ссуды тѣмъ, кто желалъ-бы прі-

обрѣсти имѣніе въ Западномъ краѣ. По размѣру ссудъ, которыя выдавались, слѣдуетъ заключить, что общество поземельнаго кредита существовало преимущественно для болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Изъ ста двадцати двухъ миліоновъ, которые розданы подъ залогъ имѣній, $\frac{11}{12}$ выданы за имѣнія, стоющія болѣе шесты тысячъ рублей, и только $\frac{1}{12}$ подъ залогъ имѣній ниже шесты тысячъ.

Въ чемъ-же можетъ заключаться вина общества, если оно существуетъ для извѣстной группы населенія, и если при этомъ оно не наноситъ вреда остальнымъ группамъ? Но въ томъ-то и дѣло, что обособленное существованіе учреждений въ пользу одной какой-нибудь извѣстной группы, если не существуетъ подобныхъ-же учреждений въ пользу другихъ группъ, отражается на нихъ всегда вредно. Послѣ освобожденія крестьянъ, когда бывшимъ помещикамъ пришлось подумать о томъ, чтобы самимъ вести свое хозяйство, стало совершенно ясно, что, при новыхъ условіяхъ труда и при недостаткѣ капиталовъ, веденіе хозяйства безъ денежной поддержки будетъ невозможно, и въ помѣщицкѣмъ хозяйствѣ должна послѣдовать упадокъ, наступитъ раззоръ, и помѣщичьи имѣнія перейдутъ въ другія руки. Чтобы этого не случилось, оказывалось необходимымъ прибѣгнуть къ учрежденію, которое-бы давало помещикамъ возможность вести хозяйство и сохранить землю въ своихъ рукахъ. Такимъ-то учрежденіемъ и былъ банкъ взаимнаго поземельнаго кредита. Какъ учрежденіе, оказывающее помощь только богатымъ, банкъ давалъ имъ возможность, пользуясь его кредитомъ, обращать деньги не только на улучшеніе своихъ хозяйствъ, но и на увеличеніе ихъ. Проще говоря, крупные землевладѣльцы легко могли сдѣлаться скупщиками другихъ владѣній, и крупное землевладѣніе могло разростись въ ущербъ мелкому. При тѣхъ невыгодныхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся нѣстами крестьяне, надѣленные слишкомъ небольшимъ количествомъ земли, и этотъ небольшой ихъ достатокъ могъ сдѣлаться собственностью крупныхъ владѣльцевъ. Еслибы наши крупные землевладѣльцы понимали это дѣло такъ и вздумали-бы дѣйствовать систематически въ интересахъ крупнаго землевладѣнія, то банкъ взаимнаго поземельнаго кредита, при отсутствіи банковъ для крестьянъ и мелкихъ собственниковъ, могъ-бы явиться весьма опаснымъ учрежденіемъ для всего земледѣльческаго благосостоянія Россіи. Этого не случилось, благодаря тому, что въ Россіи вообще не преобладаетъ стремленіе къ такому общественному строю, какъ, напр., въ Англіи. Поэтому, даже при искусственной поддержкѣ крупнаго землевладѣнія, оно никогда не будетъ у насъ господствующимъ, и въ цѣломъ всегда сохранится перевѣсъ

народнаго землевладѣнія. Такимъ образомъ, если теоретически общество взаимнаго поземельнаго кредита и образовалось для поддержанія тенденцій, невыгодныхъ для большинства, то на практикѣ эти тенденціи не нашли себѣ удобной почвы, и опасность не оказалась такой большой, какъ предполагали защитники демократическихъ началъ. Тѣмъ не менѣе общество взаимнаго поземельнаго кредита уже по одной своей идеѣ не могло возбуждать къ себѣ сочувствія, какъ учрежденіе привилегированное, и не пользовалось общественными симпатіями. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что общество поземельнаго кредита не имѣло права на существованіе, а слѣдуетъ только то, что если въ странѣ есть нуждающіеся люди, есть землевладѣльцы крупныя и среднія, то должны быть и кредитныя учрежденія, которыя-бы оказывали свое содѣйствіе и помощь всѣмъ этимъ группамъ населенія, а не такъ, чтобы поддерживать одну группу и дать ей возможность съѣдать другія. Зло, значить, не въ томъ, что существуетъ банкъ поземельнаго кредита, а въ томъ, что его исключительность является общественной несправедливостью и можетъ внести въ страну убыточныя экономическія комбинаціи. Если это не случилось, то, конечно, не по винѣ банка, а потому, что тѣ, для кого онъ былъ учрежденъ, не сумѣли имъ воспользоваться для цѣлей своей группы.

Юханцевская исторія обнаружила и еще одну особенность. Мало того, что группа людей, для которой существовалъ банкъ, не сумѣла понять его идеи, она не сумѣла еще поддержать свои собственные интересы и заявила такую неспособность вести серьезныя дѣла, что банкъ оказался почти расхищеннымъ. Конечно, если разбирать вопросъ съ моральной точки зрѣнія, то, пожалуй, все обвиненіе можно обрушить на Юханцева, можно пожалѣть, что у насъ на каждомъ шагу являются люди, неоправдывающіе общественнаго довѣрія; но разсчитывать, чтобы государственныя и общественныя учрежденія процвѣтали, благодаря личной честности и благородству, болѣе, чѣмъ наивно. Ужь, кажется, пора намъ понять себя, пора знать, что не только у насъ, но и нигдѣ на свѣтѣ разсчетъ на личную доблесть и на рыцарское благородство не могутъ служить основаніемъ и ручательствомъ успѣха общественныхъ предпріятій и учрежденій. Съ этой точки зрѣнія, Юханцева обвинить нельзя, хотя въ то-же время нельзя не пожалѣть, что складъ нашей общественной жизни и воспитаніе, которое мы получаемъ, не особенно содѣйствуетъ урожаю на героевъ и безсребренниковъ. Еще-бы Юханцеву не красть, когда всѣ порядки въ банкѣ поземельнаго кредита были такого рода, что красть было гораздо легче, чѣмъ не красть. Весь строй

управленія поземельнымъ кредитомъ былъ такой, точно никто не хотѣлъ никакого порядка. И порядка этого, дѣйствительно, не существовало ни въ счетоводствѣ, ни въ операціяхъ и дѣлахъ. Для счетоводства не существовало инструкціи, и чуть-ли не каждый могъ брать изъ кассы, что хотѣлъ. Въмѣсто контроля царило какое-то безшабашное довѣріе, и Юханцевъ явился, наконецъ, хозяиномъ всѣхъ денегъ общества и господиномъ денежной кладовой. Это что-то чудовищное, безобразное, невѣроятное. Тутъ даже и не равнодушіе къ общественному довѣрію, а какая-то необъяснимая тупость, мертвая безучастность, спячка здраваго смысла и всякаго мышленія. Въ правительственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ кассиръ не завѣдуетъ никакими операціями; онъ не можетъ входить въ кладовую безъ контролера; всякая выемка денегъ вписывается сейчасъ-же въ кладовую книгу; контролеръ и управляющій заканчиваютъ каждый день счетъ приходу и расходъ и на каждое дѣйствіе кассира и остальныхъ лицъ есть точное указаніе въ инструкціяхъ. Никакихъ ни указаній, ни инструкцій банкъ поземельнаго кредита не зналъ; ему не пришло въ голову даже и то, что есть готовыя инструкціи въ правительственныхъ банковыхъ учрежденіяхъ, напр., въ государственномъ банкѣ, и что можно ее просто списать, не обременяя себя трудомъ сочинять что-нибудь новое специально для кладовой общества взаимнаго кредита. Это было, по-истинѣ, безтолковое денежное хозяйство, какого вы не встрѣтите у самой безтолковой хозяйки. Самая ограниченная женщина понимаетъ, что нуженъ въ хозяйствѣ свой глазъ и контроль, и нельзя довѣрять ключа отъ кладовой. Общество взаимнаго поземельнаго кредита оказалось еще неумѣлѣе подобной довѣрчивой и незнающей хозяйки, и вотъ судьба послала ему Юханцева. Въ сущности, обществу слѣдовало-бы благодарить своего кассира и воспользоваться тѣмъ урокомъ, который онъ ему далъ. Мы не желали-бы изъ этого случая дѣлать какой-нибудь широкій выводъ относительно неумѣлости и неспособности всей той группы людей, для которой существовалъ банкъ взаимнаго поземельнаго кредита; но при всемъ нежеланіи дѣлать подобный выводъ является невольный вопросъ: неужели-же исторія съ Юханцевымъ и въ другихъ банкахъ, и въ разныхъ другихъ общественныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ эта группа людей является хозяевами, доказываетъ, что она способна вести дѣла и оправдывать общественное довѣріе?

Н. Ш.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Новая внутренняя „Плевна“. — Почему мы так вдруг испугались и стали чиститься. — Суета в городах. — Ръчь одесскаго градоначальника. — Корреспонденція послѣднихъ дней. — Знакомство съ „ватагой“, „тузлукомъ“, „золотой ротой“. — Ликованіе корреспондентовъ объ арестахъ гнилой рыбы. — Какъ думаетъ объ этомъ предметѣ некультурный человѣкъ. — Суета городовъ и безмолвіе деревни. — Телеграммы въ защиту каспійской рыбы. — Остроумная выдумка желѣзнодорожной комисіи. — Новая „измѣна“, открытая „Московскими Вѣдомостями“. — Процессъ въ Рязскѣ. — Дѣло Юханцева

Только-что успокоились мы отъ внѣшней передраги, заключивъ, въ видахъ прочности, три мира (сан-стефанскій, берлинскій и константинопольскій), и съ свойственнымъ намъ благодушіемъ собирались исподволь заняться домашними дѣлишками и порадоваться за нашихъ единоплеменниковъ болгаръ, которые взамѣнъ турецкаго произвола получили органическій уставъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, въ собственномъ своемъ отечествѣ мы наткнулись на Плевну, которая дала намъ внушительное предостереженіе, словно-бы въ отместку за пренебреженіе къ внутреннимъ дѣламъ и какъ-бы въ доказательство, что внутреннихъ вопросовъ, одинъ другого серьезнѣе и настоятельнѣе, у насъ непочатой уголь.

Новая наша „Плевна“—чума, по обычаю, объявилась внезапно. Встрепенулся культурный человѣкъ, сталъ поспѣшно нюхать, чѣмъ пахнетъ у него подъ носомъ, нашель, что пахнетъ разными скверными амбре, и, смущенный, что и ему попадетъ на орѣхи, и что Европа, словно-бы не довѣряя намъ, поспѣшила принять слѣдующія мѣры на своихъ границахъ, вдругъ засуетился во всѣхъ городахъ и заговорилъ о карболовой кислотѣ, о дезинфекціи, о санитарныхъ мѣрахъ, о гнилой рыбѣ и т. п.

По счастью, размѣры вновь появившейся болѣзни оказались незначительными. На локализацию ея обращено было серьезное

вниманіе, и, по послѣднимъ свѣденіямъ, вновь заболѣвающихъ въ приволжскомъ краѣ нѣтъ, но все-таки смущеніе культурнаго человѣка велико.

Чума или ветлянская болѣзнь — называйте ее, какъ хотите — не то, что тифы, сибирки, оспы и тому подобныя болѣзни, кырыя, какъ извѣстно, никогда у насъ не переводятся и, какъ разился недавно градоначальникъ Одессы, генераль-маіоръ Гейзе въ своей рѣчи, хотъ „и дѣйствуютъ не съ такимъ трескомъ, какъ чума, но дѣйствуютъ съ такимъ безпощаднымъ постоянствомъ, которое въ результатѣ похитило гораздо болѣе жертвъ, чѣмъ всѣ чумныя заразы вмѣстѣ“. Эти эпидеміи дѣлають свое дѣло тихо и незамѣтно, безъ точныхъ статистическихъ изслѣдованій, безъ затренихъ мѣръ, безъ удостовѣреній корреспондентовъ, не возбуждая, обыкновенно, ни малѣйшей паники въ обществѣ. Культурный человѣкъ очень хорошо знаетъ, что эти болѣзни — домашнія пены курныхъ избъ, фабрикъ и заводовъ, подваловъ и разныхъ другихъ логовищъ, которыя устраиваетъ себѣ двуногій звѣрь, скрываясь отъ мороза или непогоды, и что если эти пены, несмотря на швейцара, стоящаго у подъезда хорошей лѣстницы, несмотря на предохранительныя мѣры, и проберутся какъ-нибудь въ свѣтлыя и опрятныя квартиры, устроенныя съ комфортомъ, культурнаго человѣка, то гигиеническія, санитарныя и діетическія урѣвія вмѣстѣ съ медикомъ легко осилить непрошеную гостью и снова вытурять ее туда, гдѣ ей надлежащее мѣсто, гдѣ она можетъ, на правахъ равноправности, пользоваться самымъ широкимъ гостепрїимствомъ и давать въ видѣ голыхъ цифръ матеріалы для опредѣленія количества смертности.

Отчасти поэтому, отчасти и не поэтому, но только мы съ вами, читатель, хотъ временами и слышимъ о разныхъ эпидеміяхъ, живущихъ подъ нами, не то въ землѣ, не то чуть-чуть надъ землею, глядящихъ на міръ божій сквозь маленькія темныя окна, и хотъ любуемся изрѣдка столбцами сравнительныхъ цифръ въ какой-нибудь статистической книгѣ, за себя, за своихъ кровныхъ и присныхъ не боимся и не слишкомъ-то принимаемъ къ сердцу всѣ эти сообщенія, помня, что на нашъ вѣкъ хватитъ жизни.

„Мало-ли на свѣтѣ бываетъ разныхъ болѣзней!“ утѣшаетъ себя культурный человѣкъ, если послѣ обѣда, въ ожиданіи театра или засѣданія, подъ руку подвернется какое-либо обобщеніе невеселаго характера.

„И, наконецъ, нельзя-же безъ этого. Борьба за существованіе! (Дарвинъ даже можетъ успокоить при случаѣ.) Да и то сказать: какъ скотъ живетъ простой русскій человѣкъ... Спать въ повалку, часто не раздѣваясь, ѣсть безъ разбора всякую дрянъ (конечно,

то русскому здорово, то нѣмцу смерть! подвертывается вамъ снова Спокойтельная мысль), а грязенъ какъ—такъ и сказать невозможно. Какъ тутъ и не быть болѣзнямъ!”

Въ большинствѣ случаевъ на этомъ и успокоивается благонастроенный культурный гражданинъ своего отечества, когда, нѣтъ-и-ѣтъ, да его радостное настроеніе смутитъ какая-нибудь журнальная статья, книга или даже просто газетный фактъ невеселаго характера.

Почему именно русскій человекъ живетъ, какъ скоть, не моется, не чешется и ѣсть всякую мерзость, — объ этомъ, разумѣется, некогда подумать (да лучше, признаться, и не думать чтобы не нарушить душевнаго мира), тѣмъ болѣе, что и безъ особыхъ размышленій давно уже существуютъ готовыя формулы для отвѣта,—формулы, легко и пріятно усвоиваемыя, какъ аксіомный выводъ. Если вы русскій консерваторъ, и къ тому-же получаете меньше дохода съ имѣнія, чѣмъ получали до наступленія выкупной эры, то вы скажете, что русскій человекъ ж ветъ, какъ скоть, потому что онъ лѣнтяй, пьяница и въ послѣднее время совсѣмъ отъ рукъ отбился; если вы либераль, и умѣете либерально вычислять проценты прибылей, то скажете, что „бѣдный меньшій братъ“ живетъ не вполнѣ удовлетворительно (вы, конечно, избѣгнете рѣзкихъ прилагательныхъ) вслѣдствіе малаго поощренія отечественной промышленности и торговли, вслѣдствіе недостатка фабрикъ и заводовъ, ну, и, наконецъ, вслѣдствіе отсутствія бережливости („посмотрите на англійскаго работника... посмотрите, какъ онъ одѣтъ и какъ онъ сытъ!“ и т. д.) и—надо сознаться—вслѣдствіе невѣжества („школь мало... мало школь!“). Если вы не консерваторъ, не либераль, а просто русскій купецъ или чиновникъ, то, въ первомъ случаѣ, окажется, что „онъ (т. е. мужикъ) Бога забылъ“, а во второмъ, что необходимо увеличить штаты и поднять значеніе административной единицы („образованные чиновники“, „просвѣщенный надзоръ, безъ злоупотребленія имъ“, и т. п.). Въ большинствѣ-же случаевъ — надо правду сказать — никакого отвѣта вы не получите на такіе вопросы, такъ-какъ жизнь наша тщательно стремится оградить человека отъ какихъ-бы то ни было вопросовъ. Сами знаете — почитываютъ мало, а мѣстная пресса (по крайнѣй мѣрѣ лучшіе ея представители) либо борется съ равнодушіемъ публики (напр., почтенная газета „Сибирь“), либо съ другими обстоятельствами.

Вдругъ пронеслись страшныя слова: „чума“, „черная смерть“, „левантская чума“,—которыя замѣнили „ветлянскую болѣзнь“ и „заразную эпидемію“,—и пошла писать губернія, конечно, писать съ обычной орфографіей. Хотя черная гостья (вы помните: спер-

ва „шаль турецкая“ всему виною оказалась,—не привези она шали, все было-бы отлично; потомъ, однако, какъ вы увиди „шаль“ потеряла прелесть достовѣрности), явившаяся будто-бы намъ изъ Персіи черезъ Кавказъ, какъ и всякая болѣзнь необычнаго характера, дружится болѣе съ нищетою и невѣжествомъ любить ютиться въ сырыхъ и смрадныхъ жилищахъ, и, — какъ свидѣтельствовалъ одесскій градоначальникъ, сообщая городскимъ представителямъ свѣденія о чумѣ, что „во время чумы 1837 года (въ Одессѣ) въ числѣ 125 человекъ, заболѣвшихъ чумою, вышло это видно изъ именной вѣдомости, не было ни одного члена изъ купеческаго или дворянскаго званія“, за исключеніемъ только одной губернской секретарши, — тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству врачей, она не гнушается и хорошихъ помѣщеній, и, если вѣдетъ докторамъ, даже болѣе любовно относится къ тучнымъ и жирнымъ людямъ, чѣмъ худощавымъ и подобраннымъ.

Города засуетились, стали чиститься, стали собираться и ститься. Какъ узнали, что тифъ родной братецъ чумы, стали приглашать врачей въ тѣ мѣста захолустей, гдѣ прежде объ этомъ и не думали, стали принимать санитарныя мѣры. Последнее время читателя газетъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныя вдругъ обдало такимъ специфическимъ, вѣхами приклепаннымъ запахомъ русскихъ городовъ, что оставалось только удивляться, какъ мы все еще живы, живя среди той кучи навоза, который теперь вдругъ открылся передъ нами. Всѣ города вдругъ заразились о чистотѣ. Москва оказалась такой кучей всякихъ нечистотъ, что дума ахнула, а извѣстный московскій публицистъ г. Гиляровъ-Платоновъ даже въ порывѣ усердія устроилъ изъ своихъ репортеровъ нѣчто вродѣ полиціи и грозилъ домовладѣльцамъ обличить всѣ ихъ дворы. Явилась мысль о писуарахъ. Грязи накопилось столько, — тѣмъ болѣе, что она не убиралась еще со временъ Калиты, — что передъ грандіозностью ея задумался даже самъ М. Н. Катковъ. Съ какою-то вдругъ охватившею стремительностью стали обличать всякій уголокъ грязи во всѣхъ городахъ и вдругъ заговорили о болѣзняхъ, свирѣпствующихъ въ городахъ и окрестностяхъ. Городскія думы стали увѣщевать жителей, что надо жить „почище“. На всѣхъ устахъ появились слова: дезинфекція, оздоровленіе и пр. Карболовой кислотой пропитались всѣ корсеповденціи послѣдняго времени, и въ нихъ мелькаютъ въ глазахъ тифъ, оспа, дефтеритъ, скарлатина, корь и т. п., словно налетѣвшая вдругъ саранча на изумленного читателя.

„Нашъ городъ, пишутъ изъ Костромы въ одну изъ газетъ—представляетъ собою, въ санитарномъ отношеніи, „мерзость запустѣнія“. Нечистоты, грязь, навозъ отравляютъ воздухъ. Осо-

бенно въ этомъ отношеніи замѣтательны здѣшнія три льнопрядильныя фабрики, механической заводъ и паровая мельница, расположенныя по Костромѣ-рѣкѣ выше города. Вся масса рабочихъ (до 10,000 человекъ) скучена на небольшомъ пространствѣ. Между Солдатскою улицею и Запрудною, какъ-разъ противъ фабрики гг. Зотовыхъ, пріютилось кладбище, на которомъ трупы зарываются уже во второй и третій рядъ, а потому неглубоко, отчего страшный могильный запахъ стоитъ весною и лѣтомъ. Скученность населенія, которое чаще всего живетъ по 5—6 человекъ въ каморкѣ въ 10—12 квадратныхъ аршинъ, дурная вентиляція фабрикъ съ неменѣе дурными ретирадниками, нечистота маленькихъ дворовъ и жилищъ, дурная, несытная пища, множество кабаковъ—все это дѣлаетъ данную мѣстность достаточно воспримчивою ко всякаго рода болѣзнямъ. Сверхъ того, изъ льнопрядильныхъ фабрикъ вся грязь и нечистоты отъ пряденія выбрасываются въ Кострому-рѣку; нечистоты, выбрасываемыя прямо на ледъ, дѣлаютъ то, что костромскіе жители пьютъ изъ водопровода весною не воду, а мутную жидкость, которая и выкипяченная не теряетъ своего специфическаго запаха. Весною, когда снѣгъ стаетъ, начинается сгребаніе въ кучи навоза и мусора, который, однако, остается на улицахъ втеченіи двухъ недѣль. Вообще грязь кругомъ ужасная, и если къ намъ заглянетъ чума, то она найдетъ обильную для себя пищу“.

Саратовъ собирается уничтожить бойни внутри города и выстроить новыя за чертою города. Бывшая санитарная комиссія признана недостигающей цѣли. Противъ неисполнителей указаній комисіи возбуждались иски у мировыхъ судей, которые оканчивались штрафомъ въ 3—5 рублей—и дѣлу конецъ, а грязь все остается. Въ видахъ этого Саратовъ рѣшилъ раздѣлить городъ на участки и назначить надзирателей съ жалованьемъ; надзиратели съ жалованьемъ будутъ ходить по дворамъ и требовать очистки. „Большое мѣсто г. Саратова—ночлежные дома—давно уже обращали на себя вниманіе санитарныхъ комиссій. Забывать о нихъ нельзя, такъ-какъ они также могутъ служить источникомъ заразы. Въ ночлежныхъ домахъ, за тѣсною помѣщеніемъ, всѣ спятъ на полу, на грязныхъ лохмотьяхъ, мужчины и женщины въ однихъ и тѣхъ-же комнатахъ; на полу грязь, на стѣнахъ сырость съ плѣсенью; воздухъ невыносимый отъ скученности ночлежниковъ; полное отсутствіе вентиляціи. Принята резолюція санитарнаго саратовскаго общества, какъ сообщаетъ „Саратовскій Справочный Листокъ“—обратить вниманіе городского управленія на ночлежные дома, на предметъ принятія мѣръ къ содержанію ихъ въ чистотѣ и къ разрѣженію въ нихъ жителей открытіемъ новыхъ ночлеж-

ныхъ домовъ, съ принятіемъ на счетъ города дезинфекціи оп-
жихъ мѣстъ въ нихъ“.

Осмотръ бѣдныхъ жилищъ тоже занялъ саратовцевъ. По съ-
вамъ санитарной комисіи, „въ настоящее время въ этихъ жи-
щахъ можетъ встрѣтиться и голодъ, и холодъ, и болѣзни и
необходима немедленная помощь. Для этого слѣдовало-бы ре-
лить городъ на участки, изъ которыхъ каждый поручить наг-
особаго доктора“.

Я не привожу болѣе выписокъ, такъ-какъ всѣ эти выпис-
однообразны, и изъ нихъ вы усмотрите, что во всѣхъ нашихъ
родахъ грязь страшная, и что теперь вдругъ всѣ наши города
являютъ желаніе пообчиститься. Къ очисткѣ призываетъ и те-
перь и администрація, причемъ не обходится дѣло и безъ пре-
говъ. Такъ, напри-мѣръ, г. одесскій градоначальникъ, между
чимъ, говорилъ представителямъ Одессы слѣдующее:

„Милостивые государи! На западѣ Европы, отличающа-
сознательнымъ и бессознательнымъ незнаніемъ того, что дѣлается
въ Россіи, могутъ говорить всякаго рода неправду. Частію не-
жество, частію спекуляція, частію недалновидные расчеты,
еще болѣе слѣпая ненависть, даютъ тамъ право на неправду.
Здѣсь-же, передъ уважаемыми и лучшими представителями одного
изъ лучшихъ городовъ Россіи, будетъ умѣстно спросить себя: что
же сдѣлали земства и города изъ огромныхъ правъ, дарованныхъ
имъ Государемъ Императоромъ? Вы знаете, какой отвѣтъ нужно
дать на этотъ вопросъ. Вы изволите знать, что большинство го-
родовъ и не хотѣло, и не умѣло пользоваться этими правами: имѣ-
этимъ городамъ—легионъ; вы чувствуете также, что, вмѣсто прак-
тически-полезной работы, мы стали витать въ надзвѣздномъ мірѣ.
Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ-называемые дѣятели, какъ дѣти,
хватались за блестящее, вмѣсто полезнаго, за отвлеченное, вмѣ-
сто дѣйствительнаго, за игрушку, вмѣсто дѣла. И когда по газет-
нымъ извѣстіямъ съ ужасомъ было узнано, что смертность въ Вет-
лянеѣ и другихъ зараженныхъ мѣстностяхъ достигла 95 и 100%
по отношенію къ заболѣваемости, земства и города, имѣвшіе ты-
сячи полноправныхъ способовъ умыться, почиститься и стать бла-
гообразными, принялись кричать: „карауль!“ Этотъ крикъ прока-
тился преувеличеннымъ эхомъ по Россіи и въ еще болѣе карна-
турномъ видѣ отдался на Западѣ. На помощь потерявшимся
поспѣшила ихъ обычная нянька. Правительство, по замѣчательно-
разумной и энергической инициативѣ статсъ-секретаря Макова,
рѣшило: сжечь не только дома, но все, безъ исключенія, имуще-
ство жителей зараженныхъ мѣстностей, за счетъ государства.
Дальше этого человѣческія мѣры не могутъ идти; далѣе остается

воля Божія. Подобными мѣрами зараза, вѣроятно, будетъ истреблена повсемѣстно и безъ остатка, потому что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что болѣзнь могла пойти далѣе района нынѣшняго ея распространенія. Это, однако, не заставило уলেখся безпокойству, навѣянному извѣстіями о ветлянскоі заразы, ни во всей Россіи вообще, ни въ Одессѣ особенно. Если здѣсь такое безпокойство существуетъ, то я, какъ градоначальникъ, не могу его игнорировать и долженъ съ нимъ считаться. Я не вижу, милостивые государи, никакихъ причинъ не дать исхода вашимъ опасеніямъ, потому что первымъ естественнымъ послѣдствіемъ этого, вѣроятно, будетъ улучшение санитарнаго состоянія города. Я думаю, что это всегда умѣстно и полезно и никогда не можетъ быть несвоевременно. Къ тому присоединяются еще другія соображенія, имѣющія соотношеніе спеціально къ Одессѣ“.

Теперь „милостивыхъ государей“ упрекають, и упрекають довольно часто за то, что будто-бы они плохо воспользовались огромными правами, дарованными имъ. „Милостивые государи“ на эти упреки молчатъ, конечно, хотя и они могли-бы замолвить слово въ свое оправданіе и дать кое-какія нелишенные интереса объясненія, еслибы у нихъ попросили ихъ...

Но такъ или иначе, а стремленіе къ всеобщей очисткѣ въ городахъ значительное. Генераль-губернаторъ приволжскаго края, графъ Лорисъ-Меликовъ, по словамъ корреспондентовъ, — выразился, что онъ, по пути въ Царицынъ, нашель вездѣ большую грязь, что надо краю пообчиститься.

И вотъ стали чиститься; но, какъ-только приступили къ чисткѣ, какъ явились новые, усложняющіе вопросы. Впрочемъ, о нихъ ниже.

Благодаря чумѣ, обратили вниманіе и на другія болѣзни, которымъ подвергается некультурный человѣкъ, и за послѣднее время читатель могъ узнать изъ корреспонденцій, изъ разныхъ санитарныхъ засѣданій, что тифъ, оспа, дефтеритъ, скарлатина не даютъ спуска и уносятъ массу жертвъ изъ среды бѣднаго люда.

„Въ нашей мѣстности, пишутъ изъ Мариуполя, — свирѣпствуетъ дефтеритъ. Этотъ бичъ ежегодно уноситъ по сотнѣ дѣтей, и хотя мѣры принимаются врачами, которыхъ у насъ пять, но болѣзнь не прекращается во всѣ времена года“.

„Въ то время, какъ повсемѣстно въ Россіи разносятся тревожные слухи о появленіи въ астраханскоі губерніи чумы, когда чуть-ли не вся Европа безпокоится по поводу этого обстоятельства, и жаль, и страшно становится за наши безпомощныя захолустья съ ихъ анти-гигіеническими условіями, за наши села и деревни, пишутъ изъ Путивля. — Почему-бы, кажется, жителямъ

деревни не быть здоровыми? Кажется, и просторъ, и чистота воздуха—все на ихъ сторонѣ. Но загляните въ наши деревни, и вы увидите, что разныя эпидеміи у васъ такъ освоились въ деревняхъ, что совершенно не хотятъ уходить, и чередуются, сменяясь одна другою: корь—тифомъ, тифъ—дефтеритомъ и т. д.

„Въ тверскомъ уѣздѣ, сообщаетъ другой корреспондентъ,—в туральной оспа начинаетъ принимать значительные размѣры; в корчевскомъ—свирѣпствуетъ между дѣтьми скарлатина“.

Спустимся пониже къ благодатному югу.

„Въ харьковскомъ и сумскомъ уѣздахъ дефтеритъ значительно распространенъ“, въ кievской губерніи и Бесарабіи тифъ и дефтеритъ, а изъ полтавской губерніи сообщаютъ, что въ Константиноградѣ боятся, какъ-бы этотъ городокъ не обратился въ Ветлянку. „Тифозная эпидемія свирѣпствуетъ, а врачей нѣтъ“.

Еслибы я продолжалъ дѣлать выписки, то занялъ-бы ни слишкомъ много мѣста. Замѣчу только, что теперь, благодаря страху передъ чумой, изо всѣхъ губерній сообщаются извѣстія, на которыя прежде не обращали никакого вниманія, и стоитъ теперь заглянуть въ газетныя корреспонденціи, чтобы у васъ передъ глазами замелькали, чередуясь между собой, тифъ, скарлатина, дефтеритъ, оспа и т. д.

Кромѣ того, читатель въ эти дни познакомился (конечно, слегка, поверхностно) и съ благодатнымъ уголкомъ нашего юга, съ астраханской губерніей, узналъ, чѣмъ пахнетъ „тузлукъ“, что такое „ватага“, и получилъ нѣкоторое понятіе о представителяхъ „золотой роты“, и, пожалуй, готовъ согласиться, что напрасно окрестили чуму индійской или левантской чумой, какъ напрасно заподозрѣли и „турецкую шаль“, такъ-какъ эта болѣзнь скорѣй всего нашего внутренняго производства, и свиваетъ она себѣ гнѣздо тамъ, гдѣ производятся громадныя обороты по рыбной торговлѣ, гдѣ, съ одной стороны, быстро богатѣютъ нѣсколько десятковъ рыбопромышленниковъ, а съ другой, — пріютились представители „золотой роты“.

Только слегка приподняли завѣсу, и уже читателя тошнитъ вѣроятно, отъ тѣхъ вонючихъ ватагъ — ямъ съ разложившейся и гниющей рыбой—которыя прославили низовья Волги „вонючимъ краемъ“. Со словъ корреспондента „Новаго Времени“, читатель узнаетъ, что „ватагой“ называется деревянный срубъ, вродѣ ларя, аршиновъ отъ 5 до 7 вышиной, столько-же длины, до половины зарытый въ землю. Въ немъ разводятъ соль и потомъ туда опускаютъ рыбу. Это производство совершается при самой отвратительной обстановкѣ: люди, работающіе въ ларѣ съ утра до вечера, обыкновенно въ немъ отправляютъ всѣ свои естественныя

нужды. „Просолится— чистое будетъ“, говорятъ рабочіе и торгошн... Рыба вынимается, а рассоль съ гніющими и бродящими остатками сохраняется въ видахъ экономіи для слѣдующаго соленья. Лари не чистятся иногда 4 или 5 лѣтъ сряду. Бывали случаи, что люди, посланные въ нихъ для работъ, задыхались и умирали“.

Изъ словъ другого, астраханскаго корреспондента „Молвы“, читатель знакомится съ тѣмъ, что дѣлается въ „славной Астрахани“.

„Уже на близкомъ разстояніи отъ Астрахани Волга обращается въ какую-то влоаку нечистотъ; у самой-же Астрахани трудно найти хоть одну квадратную сажень чистой поверхности воды,— до того сплошь она покрыта цѣлымъ слоемъ пролитой съ судовъ нефти, всевозможнымъ соромъ и нечистотами, плывущей гнилой рыбой и т. п. Что-же касается ватагъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Астрахани по многочисленнымъ притокамъ Волги, то присутствіе ихъ можно замѣтить, не видя ихъ, уже по тому специфическому запаху, который и въ состояніи издавать только ватага.“

„Подъѣзжая къ послѣдней, уже за версту слышишь нестерпимую вонь; да это и немудрено, если взглянуть, какъ готовятъ здѣсь рыбу. На грязномъ, пропитанномъ рыбными жиромъ и кровью плоту, на-половину выдающемся надъ водой, привезенную съ лова рыбу потрошатъ такъ-называемыя „рѣзальщицы“, отъ долгаго пребыванія въ этой вонючей атмосферѣ сами насквозь пропитавшіяся смраднымъ запахомъ. Въ донельзя грязныхъ тачкахъ или арбахъ вылотрошеную рыбу, предварительно повалывшуюся въ песокъ и во всевозможныхъ нечистотахъ, везутъ солить въ чанахъ. Въ этихъ-то на-половину врытыхъ въ землю, подъ легкимъ камышевымъ навѣсомъ стоящихъ, никогда немоющихся чанахъ и происходитъ соленіе привезенной рыбы при помощи грязнаго, вонючаго тузлука. И чего только еще кромѣ рыбы ни попадаетъ туда! Для большей характеристики порядковъ, господствующихъ здѣсь, приведу такой по-истинѣ ужасающій фактъ: одинъ рыбопромышленникъ вмѣстѣ съ судаками солилъ въ чанахъ кожи умершаго отъ чумы рогатаго скота!.. Такая-же грязь и въ ларяхъ, гдѣ хранится готовая рыба. Иногда, будучи недостаточна просолена, она гніеть, сушась на открытомъ воздухѣ на такъ-называемыхъ „вертелехъ“. Можно представить себѣ, какой при такихъ условіяхъ на ватагѣ господствуетъ запахъ.“

„Надо замѣтить еще, что всюду въ устьяхъ Волги по берегамъ, гдѣ только производится рыбная ловля неводами, плыветъ массами гніющая рыба, которую на ватагахъ выбрасываютъ или потому, что за слишкомъ большимъ уловомъ недостаетъ времени и силъ убратъ ее всю, или потому, что иную мелкую рыбу,

вслѣдствіе дороговизны соли, нѣтъ расчета солить. Такимъ образомъ, немудрено, что эта гниющая рыба, при жарѣ въ 30—35° К какъ это нерѣдко бываетъ въ Астрахани и какъ это было напри- мѣръ въ 1877 г., заражаетъ собою воду всего устья Волги.

„Тутъ-же почти въ самой ватагѣ нерѣдко происходитъ туже- ніе жира изъ рыбьихъ внутренностей, распространяющее туже- зловоніе, которое заставитъ лишиться чувствъ свѣжаго человѣ- съ самыми крѣпкими нервами. А, между тѣмъ, невдалекѣ отъ этихъ жиротопень помѣщаются жилища рабочихъ на ватагѣ...! что это за жилища! Преставьте себѣ большой, кое-какъ сколочен- ный изъ тонкихъ досокъ сарай, крытый камышомъ, нисколько не- защищающимъ его отъ дождя. Здѣсь-то, на голой, часто болот- стой, пропитанной рыбьимъ жиромъ землѣ, едва подложивъ подъ себя пучекъ сѣна или соломы, въ-повалку спать, послѣ утомитель- ной 16-часовой работы, человѣкъ 100—200 рабочихъ...”

„Конечно, тифъ, оспа, сифились и другія болѣзни не заст- вляютъ себя долго ждать и десятками уносятъ въ могилу свои жертвы, чему еще болѣе способствуетъ то обстоятельство, что больные остаются въ томъ-же самомъ единственномъ сараѣ въ которомъ живутъ и здоровые!..“

Но что это за золотая рота? спроситъ читатель. Мы слыши о „золотой молодежи“, но о „золотой ротѣ“ никогда не слышали. Это, милостивыя государыни и государи, „вольные люди“, которые живутъ по оврагамъ. Вотъ, какъ описываетъ г. Молчановъ свое посѣщеніе этихъ логовищъ въ Царицынѣ.

„На концѣ города (села, посада, станицы тожь) на скатѣ къ Волгѣ, рѣчкѣ, ручейку или просто къ ямѣ-оврагу виднѣются чер- ные дыры. Кой-гдѣ изъ чего-то похожего на маленькую трубу вьется изъ-подъ грязи синеватый дымокъ. Не сошли мы, а скати- лись на подошвѣ, какъ на конькахъ, къ черной дырѣ.

„— Согнитесь, сударь, еще, еще ниже, совѣтуетъ чичерове.
„За черной дырой мозглая яма, пропитанная сыростью и гарью. Признака нѣтъ человѣческаго жилья. Сомнительно, чтобы тамъ *просто* жили даже наши предки, когда они спасались по лѣсамъ и дебрямъ отъ монгольскихъ баскаковъ.

„— Это вотъ тоже изъ золотой роты, улыбаясь рекомендуетъ проводникъ фигуру заспаннаго, разбитаго, грязнаго, въ лохмотьяхъ мужика, сурово и недовѣрчиво осматривающаго посѣтителѣ.

„Онъ несловоохотливъ, но исторію его знаютъ многіе и раз- сказываютъ.

„Иванъ Непомняцій—мужикъ силищи необыкновенной—пришелъ сюда лѣтъ 6 тому назадъ изъ центральной Россіи. Былъ у него паспортъ тогда. Жаркое лѣто было, пальнуло его непривычнаго

солнцемъ, и захворалъ онъ. Паспорту срокъ вышелъ; деньги, что заработалъ, на хворобу пошли; домой воротиться никакъ нельзя—податей заплатить нечѣмъ—высѣкутъ и не пустятъ, а тамъ и безъ его живота семья голодаетъ. Остался и запилъ.

„— Зачѣмъ-же запилъ—дурной знать и прежде того былъ?

„— Нѣтъ, родимый, може и хороший, какъ есть человѣкъ былъ, а не пить ему теперича никакъ нельзя: первое потому, деньга ему теперь ненужна,—налегѣ завсегда быть долженъ; заведись у него тазъ одинъ—легкости этой у него ужъ не будетъ: обѣмнётся сейчасъ, а тутъ его накроютъ и шабашъ,—ступай, моля, въ острогъ, милый ты мой...

„— Домой-бы послалъ.

„— Все одна явка: узнаютъ гдѣ — и опять за рѣшетку; да и то сказать — чувства у нихъ всякія грубѣютъ — обижаютъ ихъ оченно.

„Золотая рота—лучшій работникъ на понизовьи Волги. Одного безроднаго купецъ, барочникъ-рыбникъ, не промѣняетъ на двухъ паспортниковъ. Непомнящаго можно бить кулакомъ по лицу — къ мировому не пойдетъ; можно его обсчитать при концѣ—въ судъ не пожалуется; убить его можно—товарищи убитаго не выдадутъ, а ужъ кормить его совсѣмъ не надо...

„— Лѣзь въ ватагу, командуетъ приказчикъ-рыбосоль,—а не то въ полицію явку подамъ!

„Безпрекословно лѣзетъ, безъ стона задыхается и безъ сожалѣнія умираетъ.

„— Бросай его въ воду!

„Въ крѣпостной вѣкъ бѣглый грабилъ, жегъ, воровалъ. Теперь, въ промышленный періодъ благоустройства, жизнь Непомнящаго превратилась во что-то ужасное, неописуемое... Просто, читатель, я—русскій, и у меня не хватаетъ духу рассказать тебѣ болѣе подробно объ этой ужасной жизни промыслового раба.

„— Сколько-же этой роты наберется?

„— Кто ее знаетъ. Можетъ, тысячь двадцать по понизовью шляется, въ степи живетъ тоже...

„Итакъ, главный источникъ богатства и будущаго этого безлюднаго края-елада не смѣетъ не только имѣть дома, семьи, но даже и лишняго кафтана. Онъ ведетъ жизнь звѣря, но, какъ человѣкъ, онъ врывается въ очагъ легальныхъ жителей и сманиваетъ ихъ съ нормальной колеи въ ту пропасть, куда спихнула его судьба.

„Нѣтъ у меня дома,—одинъ приютъ—кабакъ, иди и ты со мной!“ говоритъ онъ мѣщанину или крестьянину.

„Пойтъ и приучаетъ пить.

„Нѣтъ у меня семьи, подѣлись твоей женой“, думаетъ без-

родный и заводить у мѣщанина или крестьянина вмѣсто сущаго счастья болѣе долговѣчный сифились.

„Появилась эпидемія, — сейчас мозглая землянка золотой ротъ приглубить и подростить ее. Гниеть землянка — кто заглянетъ въ нее, — и летятъ оттуда мѣзмы въ дома: „умирайте и вы“.

Вы познакомились отчасти, благодаря чумѣ, съ прелестнѣмъ рыболовства въ астраханской губерніи и знаете, конечно, что перь на самомъ мѣстѣ принимаются различныя мѣры.

Но тутъ-то и возникли самые серьезные вопросы на-счетъ того, насколько развиты санитарныя мѣры, запрещенія продавать гнилую рыбу, карантинныя и пр., пообчистить край, и не будетъ-ли эта обчистка только наліятивомъ? Такіе вопросы невольнo *возвѣдаютъ*, чѣмъ дальше приходится докапываться въ глубь *причины*: даже корреспондентъ „Новаго Времени“ сомнѣвается, „не *касерческій*-ли разгуль, оставленный на свободѣ мѣстной администраціей, родиль чуму. Нѣкоторые мѣстные администраторы, по *словамъ* корреспондентовъ, „поясняютъ праздникъ тифа, между прочимъ, и тѣмъ, „что главныя платежныя силы Россіи едва-ли не подорваны нѣсколько“. Такимъ образомъ, мало-по-малу, дошли до убѣжденія, что надо „воздѣйствовать на почву, способствующую эпидеміямъ“, иначе говоря — радикально улучшить экономическое положеніе платежной единицы. Вопросъ слишкомъ серьезный, и, разумеется, при всемъ желаніи, вопросъ этотъ смаху рѣшенъ быть не можетъ, а тѣмъ болѣе нашимъ излюбленнымъ порядкомъ, *какъ* мечтаютъ нѣкоторые корреспонденты, воображающіе, что такое дѣло можетъ быть рѣшено въ два-три мѣсяца.

Но если въ астраханской губерніи явилась мысль „воздѣйствовать на почву“, то не та-ли-же самая мысль явилась-бы, еслибы протшудировать и остальные „почвы“ нашего отечества...

Въ то время, когда корреспонденты волнуются изъ-за гнилой рыбы, радуются, когда ее арестуютъ, некультурный человекъ какъ-будто недоволенъ этимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что-же онъ будетъ тогда ѣсть?

Дилема представляется въ такомъ видѣ. Спрашиваетъ корреспондентъ насчетъ „рыбки съ душкомъ“, и купецъ отвѣчаетъ добродушно:

— Это для мужика. Что-же иначе-то онъ ѣсть будетъ?

Выходитъ нѣчто странное для иностранца, но для насъ, русскихъ, очень обыкновенное. Арестуютъ гнилую рыбу (еще того-гляди мужикъ облопаится ею и пойдетъ болѣть, думаетъ культурный человекъ), а мужику горе. Рыбка съ гнильцой по его средствамъ, а рыбку арестовали, — какъ-же быть-то ему?

И вообще во время всей этой чумной передраги, когда „го-

Родъ засуетился, сталъ вдругъ усиленно нюхать, чѣмъ у него **пахнетъ**, и узнавать, какія болѣзни одолѣвають деревню, эта самая „деревня“ ни гу-гу; она и ухомъ не повела, прослышавъ про **чуму** и, въ общему соблазну, никакого участія не принимаетъ въ **той** очисткѣ, которая обуюла городъ, хотя въ этой „деревнѣ“, несмотря на то, что ее со всѣхъ сторонъ продуваетъ и снѣгомъ попридавливаетъ, и благоденствуютъ разныя эпидеміи, находя себѣ хорошее пристанище бокъ-о-бокъ съ семьей, живущей подчасъ вмѣстѣ съ скотиной. Съ замѣчательной стойкостью и хладнокровіемъ, по словамъ корреспондента, встрѣтили крестьяне слухи о чумѣ, несмотря на ихъ беспомощность. Эта покорность волѣ божіей, которую обнаружилъ „деревня“, пожалуй, даже смутитъ наивнаго читателя. „Хоть-бы карболовой кислотцы купили“, замѣтитъ онъ. Но въ отвѣтъ онъ-бы услышалъ, что сольцы купить не на что—какая ужь тутъ кислота...

Вездѣ деревня помалчиваетъ и никакихъ мѣръ не принимаетъ, только на Господа Бога надѣется, да нѣтъ-нѣтъ и намекаетъ (и то больше междометіями), что одолѣваетъ деревню бѣдность.

Ну, это старая пѣсня... Заладила деревня одно и то-же...

Правда, когда въ Царицынѣ только-что пріѣхали изъ Петербурга разныя комисіи для очистки края, то пригородныя деревни заволновались и обрадовались, въ ожиданіи великихъ и богатыхъ милостей, но, какъ сообщаетъ корреспондентъ,—ожиданіе грандіознаго смѣнилось нѣкоторымъ скептицизмомъ по отношенію къ будущему подъ вліяніемъ мелкихъ вопросовъ. Интересъ какъ-то сразу упалъ, и его мѣсто заняла старо-знакомая покорность судьбѣ: „можетъ быть, умремъ,—авось живы будемъ!“

„У него эта чума въ брюхѣ сидитъ!“ говорилъ какой-то царицынецъ корреспонденту.—Ѣсть онъ всякую дрянъ, ну, она тамъ и гнѣздится!..

Выходитъ, что произвести дезинфекцію мужицкаго брюха—дѣло нешуточное, и едва-ли медицина—будь она хоть семи пядей во лбу—можетъ помочь въ этомъ случаѣ.

На фонѣ картины, развернувшейся передъ зрителемъ въ послѣднее время,—гдѣ главное мѣсто занимаютъ кучи навоза, мусора и нечистотъ, гнилая рыба и разныя болѣзни,—осталось, конечно, мѣстечко и для смѣшныхъ узоровъ, старательно выводимыхъ русской жизнью. Рядомъ съ трагическимъ было немало и смѣшного за это чумное время... Въ погонѣ за чумой усердіе иногда доходило до того, что одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей хотѣлъ-было съечь весь керосинъ, прибывшій въ его владѣнія съ низовьевъ Волги, а другой хотѣлъ запретить ввозъ элтонской соли. По

счастью, прежде снеслись съ Царицынымъ, и совѣдательная комисія „поторопилась объяснить осторожнымъ администраторамъ, керосинъ и соль не только не приѣмлютъ заразы, но, напротивъ служатъ предохранительно-дезинфекцирующимъ средствомъ дѣтъ нея“.

Не лишены были комизма и мѣры, предложенныя комитетомъ для разработки проекта о мѣрахъ для недопущенія распространенія заразительной болѣзни по грязе-царицынской дорогѣ. По иніціативѣ этой комисіи, для осмотра пассажировъ на нѣкоторыхъ станціяхъ, входящихъ въ районъ области Войска Донскаго, нужно дѣлать пассажировъ до-нага и дѣлать имъ осмотръ врачами, и, если же, „по трудности приискать большого количества врачей, черезъ жандармовъ“.

Конецъ проекта еще лучше: „Комисія пришла къ заключенію, что, при появленіи заразительной болѣзни на самой линіи, въ дороге, дѣлающаяся опасною, должна быть закрыта, такъ-же при подобныхъ условіяхъ частному обществу становится безусловно-невозможнымъ поддерживать эксплуатацію... если-же правительству будетъ угодно сохранить движеніе на зараженномъ участкѣ, то эксплуатація на немъ должна производиться распоряженіемъ и за счетъ правительства черезъ особо-служащихъ изъ военно-железнодорожныхъ батальоновъ“.

Выходитъ, что и тутъ понадобилось „снять пѣнку“ съ чумы и запустить руку въ государственное казначейство.

Похвально!

Но пальма первенства на званіе клоуна-увеселителя во время чумной паники все-таки остается за старшиной биржевого астраханскаго комитета, М. Федоровымъ. Онъ увеселялъ все это время своими краснорѣчивыми телеграммами о томъ, что никакой чумы нѣтъ, что все, слава-богу, обстоитъ благополучно, взывалъ къ патриотизму, призывалъ въ свидѣтели Господа Бога, что рыбные то вары въ Астрахани—первый сортъ, и что никакихъ большихъ чумныхъ нѣтъ...

Въ то самое время, какъ г. Федоровъ разсылалъ во всѣ концы Россіи свои воззванія о невинности осетра, икры и селедки, въ газетахъ перепечатывались официальные извѣстія о болѣзни въ Ветлянкѣ; но старшина не унывалъ и, съ твердостью отрицая всякія болѣзни, снова взывалъ къ патриотизму, обращая благожелательное вниманіе на осетра, стерлядь, малосольца, бѣшенку, судака и т. д. Дѣло, замѣтите, шло къ масляной и къ великому посту, и потому г. Федоровъ не скупился на телеграммы, а сыпалъ ими, точно изъ рога изобилія, причемъ придавалъ имъ самую раз-

нообразныя редакціи: то здоровенный осетръ проливалъ горькія слезы о томъ, что если его покупать не стануть, то обѣднѣтъ край, то молодая стерлядка взывала къ патріотизму и корила соотечественниковъ, что если ее не стануть покупать, то кредитъ въ Европѣ будетъ потерянъ еще болѣе, то „малосолецъ“ заявилъ, что онъ свѣжъ, душистъ и никакого сообщенія съ Ветлянкой не имѣеть...

Все это было трогательно и, конечно, вызвало немало слезъ у астраханскихъ рыбопромышленниковъ и немало смѣха у читателей, которые „малосолецемъ“, да еще „душистымъ“, не пробавляются.

Вскорѣ затѣмъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ не оказалось вдругъ рыбныхъ астраханскихъ товаровъ, и на масляницѣ мы ѣли „уральскую“ или „донскую“ икру, но астраханской не ѣли... Что-же касается рыбы, то и она, по волѣ торговцевъ, вдругъ отеклась отъ своей родины, и въ рыбныхъ лавкахъ были осетры съ „Иртыша“, были „стерляди“ чуть-ли не съ „Оби“, была севрюжина съ „Лены“, но астраханская рыба вдругъ исчезла... И еслибы вы сомнѣвались, слушая увѣренія торговца, то онъ, разумѣется, призывая небо во свидѣтели, изыскивалъ мѣсто рожденія рыбы, часто сбиваясь съ памяти, но о Каспій и Волгѣ не упоминавъ.

Картина была-бы неполна, еслибы, въ-концѣ-концовъ, не открылась „измѣна“... Честь открытія ея,—едва-ли нужно говорить читателю,—принадлежить, разумѣется, М. Н. Каткову.

Измѣна! вдругъ крикнулъ онъ на всю Россію.—Никакой чумы нѣтъ, не было, а есть лишь одна измѣна! Ну, конечно, измѣнниками оказались петербургскія газеты (исключая „Новое Время“, разумѣется: „Новое Время“ находится въ фаворѣ и нерѣдко рекомендуется „Московскими Вѣдомостями“). Онъ выдумали чуму, всполошили всю Россію и... дальше что-же рассказывать... дальше извѣстное... Разверните когда-нибудь названную газету, и вы увидите, какъ фабрикуются тамъ статьи объ „измѣнахъ“ и „измѣнникахъ“...

По словамъ астраханскаго патріота, сообщившаго объ измѣнѣ газетѣ Страстного бульвара, эпидемію сочинили врачи и корреспонденты, сообщившіе завѣдомо-ложныя свѣденія.

Но отчего укусила такъ больно муха этого патріота? спросите вы. Тогда я вамъ выпишу нѣсколько строкъ дальше, и вы поймете, въ чемъ дѣло... Вы увидите, что снова заревѣли осетръ, севрюга и, главное, малосолецъ.

При ложномъ страхѣ, овладѣвшемъ всѣми, пишетъ эта бѣлорыбца,—виновать астраханскій патріотъ: „нечего и рассчитывать

на сбыть рыбныхъ товаровъ безъ большого для промышленности убытка. Персія и весь прикаспійскій край прекратятъ дѣла въ Астраханью, ввозъ сократится, и дороговизна на первыя потребности возрастетъ до цѣнъ, недоступныхъ бѣдному классу людей.

Вы чуете, что послѣднія строки вамъ пропѣлъ знаменитый „малосолецъ“. Ахъ, какъ онъ милуетъ меньшого брата... Отъ этого онъ такъ и плачетъ...

Нужно-ли обобщать всѣ эти явленія нашей общественной жизни, которыя, благодаря эпидеміи, выплыли на свѣтъ божій и скрывались достояніемъ большинства читающей публики? Съ одной стороны, чувствуется безсиліе санитарныхъ паліативовъ, для дезинфекціи той бѣдности, которая существуетъ у насъ, и которая гнѣздитъ тифъ въ своемъ брюхѣ, съ другой, — слышенъ плачь торговцевъ, севрюгъ и всякой крупной рыбы, — что все это вздоръ, что все это выдуманно... Но сквозь этотъ плачь все-таки слышится пружающая нота, которая словно-бы говоритъ: вотъ вы хотите исклѣпаться причины причинъ и уже добрались до того, что пытаетесь воздѣйствовать на почву, производящую эпидемію: „смотрите, не пѣняйте, если чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и вопросы, одинъ другого жгучѣе, явятся передъ вами во всей неприглядной красотѣ“ ...

Передъ этими вопросами стоитъ въ безсиліи служилый *человѣкъ*, только разводитъ руками, онъ въ порывѣ усердія готовъ сжечь все, что угодно, но все-таки никакъ не можетъ выжечь потребность *человѣка* ѣсть хоть дрянъ, какая попадется ему подъ руку, если другой нельзя. „Городъ“ суетится передъ горами мусора. Одина только „деревня“ пребываетъ въ обычномъ безмолвіи...

Надо, впрочемъ, помянуть добрыми словами чуму... Что будетъ дальше — неизвѣстно, но она хоть заставила общество оглядѣться и посмотрѣть на то, что творится у него подъ носомъ... Чума обогнчалась, — это правда, — но настоящее дѣло только началось. Добрались, наконецъ, до того, что стали узнавать, какъ, вмѣсто соли, деревня покупаетъ вонючій тузлукъ, и что отъ этого произойти можетъ.

Еслибы не судебные процессы, приподнимающіе (впрочемъ, съ большой деликатностью и предусмотрительной осторожностью) время отъ времени то тотъ, то другой уголокъ нашей общественной жизни, то большинство читающей публики, за неизмѣнимъ другихъ источниковъ обстоятельнаго знакомства съ русскою жизнью, оставалось-бы нерѣдко въ счастливомъ невѣденіи относительно

многих явленій нашего быта. Пишущихъ русскихъ людей, какъ извѣстно, постоянно упрекаютъ въ преувеличеніи, въ стремленіи дѣлать обобщенія и рисовать мрачныя картины. Упрекаетъ всякій, кому только не лѣнь, изъ числа нашихъ охранителей умственного и нравственного усыпленія. Дѣлается это нерѣдко преднамѣренно, иногда, впрочемъ, и искренне, но, по невѣжеству, а, случается, ради успокоенія самихъ себя. Есть еще много людей, которые, имѣя въ карманѣ грошъ, стараются обмануть и себя, и другихъ, рассказывая, что у нихъ не грошъ, а самый настоящій червонецъ.

Чуть-только картины, рисуемая литераторомъ, не являются въ свѣтло-розовомъ свѣтѣ, какъ ужь, смотришь, раздаются крики: „Преувеличеніе... искаженіе, ату его. ату!“ Гдѣ можно, принимаютъ дѣйствительныя мѣры противъ такого изслѣдователя, гдѣ нельзя—пускаются въ ходъ протесты и разныя „домашнія“ средства, разнообразіе которыхъ очень хорошо извѣстно нашимъ русскимъ корреспондентамъ. Не далѣе, какъ на-дняхъ, напримѣръ, въ газетахъ появилась слѣдующая телеграмма депутатовъ астраханскаго биржевого комитета, пріѣхавшихъ въ Царицынъ для представленія графу Лорисъ-Меликову:

„Царицынъ, 16-го февраля, пятница. Депутаты астраханскаго биржевого купечества, прибывшіе въ Царицынъ для выясненія генераль-губернатору графу Лорисъ-Меликову настоящаго положенія коммерческихъ дѣлъ, ознакомились съ рядомъ статей корреспондента Молчанова, печатавшихся въ „Новомъ Времени“. Полное незнаніе условій рыболовнаго дѣла объясняется тѣмъ, что Молчановъ никогда не былъ на промыслахъ и писалъ о нихъ со словъ лицъ, мало знакомыхъ съ дѣломъ; клевета-же на рыбопромышленниковъ и рабочихъ ничѣмъ оправдана быть не можетъ. Мы просимъ редакцію „Новаго Времени“ передать Молчанову наше требованіе осмотрѣть нынѣшнею весною промысла, на что и дадимъ ему всѣ нужныя средства. Введенныя имъ преступленія на тысячи людей имъ самимъ должны быть чистосердечно опровергнуты.

„Астраханская рыбопромышленность не таится, и мы, представители ея, обратились съ просьбою къ графу Лорисъ-Меликову пригласить иностранныхъ делегатовъ осмотрѣть наши промысла, на что графъ благосклонно изъявилъ согласіе и уже далъ намъ знать, что иностранные гости изъявили готовность принять приглашеніе.

„Депутаты: Викторъ Платоновъ, Николай Жижинъ, Александръ Платоновъ“.

Спрашивается, кого хотятъ увѣрить два гг. Платонова и одинъ г. Жижинъ, обвиняя въ клеветѣ корреспондента? Я не буду спо-

рять, что г. Молчановъ можетъ быть, разукрасилъ кое-гдѣ слогъ своихъ корреспонденцій (онъ на это мастеръ), но, тѣмъ не менѣе фактъ о скверномъ положеніи рыболовныхъ промысловъ и печальномъ положеніи рабочаго люда на нихъ едва-ли можетъ быть оспорено, хотя-бы и гг. Платоновы, и г. Жизинъ напечатали еще десять такихъ телеграмъ, такъ-какъ ни одинъ корреспондентъ „Бываго Времени“ сообщаетъ неутѣшительныя свѣденія. То-же самъ сдѣлалъ и корреспондентъ „Голоса“, то-же самое сообщаетъ, какъ читатель видѣлъ изъ приведенной выше выписки, и астраханскій корреспондентъ „Молвы“, сообщавшій уже не съ чужихъ словъ, а видѣвшій ватаги своими глазами. Кромѣ этихъ сообщеній, такіе же, или очень аналогичные, факты вы можете встрѣтить и въ изслѣдованіи о положеніи рабочаго класса въ Россіи, написаннаго десять лѣтъ тому назадъ, наконецъ, въ белегристическихъ очеркахъ Печерскаго, гдѣ онъ касается быта ловцовъ на Каспійскомъ морѣ, въ нѣкоторыхъ официальныхъ сообщеніяхъ и въ массѣ корреспонденцій, писанныхъ задолго до того, какъ чума заставила обратить на эти промыслы вниманіе не только всей Россіи, но даже и Европы.

Теперь вдругъ оказывается, по увѣренію гг. Платоновыхъ и Жизина, что всѣ ввали и врутъ, а что нужно вѣрить только гг. депутатамъ биржевого астраханскаго комитета—и никому болѣе. Опять приходится вспомнить смѣхотворные телеграммы г. Федорова и снова предположить, что въ телеграмѣ гг. Платоновыхъ и Жизина слышится вопль осетра вмѣстѣ съ жалобой малосольца съ душкомъ.

Едва-ли кого убѣдить и приглашеніе иностранныхъ гостей, о которыхъ съ такимъ аллобмомъ повѣдали намъ депутаты отъ осетровъ и другой каспійской рыбы. Хотя „астраханская рыбопромышленность и не таятся“, говоря словами телеграммы, но вѣдь мы, россияне, съ одной стороны, очень хорошо знаемъ, какъ вянется русскій торговецъ, когда войдетъ въ азартъ, а съ другой, — тоже смекаемъ, что показывать товаръ лицомъ при прѣздѣ-ли „иностранныхъ гостей“ или именитыхъ своихъ, мы такіе мастера, что по этой части заткнемъ кого-угодно за поясъ, а въ этомъ искусствѣ подвизаемся давнымъ давно. Недаромъ даже такую умную женщину, какъ императрицу Екатерину, во время ея путешествія по Россіи, очаровывали искусственными деревьями и аллеями, насаженными наканунѣ ея проѣзда. Чародѣй Потемкинъ былъ мастеръ по части грандіозныхъ декораций. Да и теперь еще не перевелись кудесники, которые, если потребуется, въ три часа разведутъ садъ. Объ этомъ вы можете спросить у любого начальника станціи на любой изъ желѣзныхъ дорогъ,—

такъ-что ужъ тутъ хвастаться просьбой о приглашеніи иностранныхъ делегатовъ: развѣ для доказательства того, что за это чужное время астраханскіе рыбопромышленники успѣютъ подчиститься, особенно въ виду пріѣзда начальства? Такъ вѣдь въ этомъ никто не сомнѣвается и безъ телеграммы оскорбленныхъ представителей рыболовства.

Что-же касается „требованія“, предъявленнаго корреспонденту посѣтить промыслы весной, то относительно тона этого требованія можно только сказать, что онъ, по меньшей мѣрѣ, неприличенъ, и отъ него литературное произведеніе гг. Платоновыхъ и Жижина отнюдь не приобрѣло бувета убѣдительности. Слышали мы и не такія lamentaціи, а, смотришь, попадетъ какой-нибудь подобный охранитель „ватажной невинности“ на скамью подсудимыхъ, и только тогда общество убѣдится, что напрасно обвиняютъ писателей въ преувеличеніи. При всей благоразумной осторожности гг. прокуроровъ, на судѣ выясняются такія подробности разныхъ „несовершенствъ“ (говорю языкомъ осторожнаго прокурора), что многія картины писателей, обвиняемыхъ въ преувеличеніи, являются, напротивъ, мелкой и слабой пародіей, дѣйствительности.

Возьмите вы, напримѣръ, недавній процессъ Юханцева. Скажи вамъ раньше, что гг. члены правленія явятся въ качествѣ свидѣтелей въ видѣ такихъ простодушныхъ ничего незнаекъ, какими они явились, что они, случая „жетонную жвачку“, никогда въ дѣйствительности не повѣряли кассы, и даже не знали, въ чемъ заключаются ихъ обязанности, скажи вамъ, что управляющій дѣлами общества, 12 лѣтъ управлявшій громаднымъ учрежденіемъ, человекъ, пользовавшійся репутаціей превосходнаго администратора, лично, пожалуй, и порядочный человекъ, не знаетъ, что государственный банкъ выдаетъ текущій счетъ и забываетъ о чекѣ втеченіи всего своего управленія, скажи вамъ, что въ подобномъ учрежденіи былъ внѣшній порядокъ, подъ прикрытіемъ котораго царствовала полнѣйшая халатность, благодаря которой можно было, сосчитывая бумажные миліоны, не видать, что подъ-носомъ растаскиваются дѣйствительные однимъ изъ приличныхъ и легкомысленныхъ валетовъ нашего времени, — многіе, говорю, пожалуй, опять-таки обвинили-бы въ преувеличеніи, а, между тѣмъ, судебный процессъ по дѣлу Юханцева, — процессъ, приподнявшій, по обыкновенію, опять-таки не всю завѣсу, а только уголокъ ея, снова показалъ, что дѣйствительность несравненно рѣзче, чѣмъ все то, что могло-бы предполагать самое смѣлое воображеніе относительно благоустройства въ нашемъ солиднѣйшемъ учрежденіи.

Я еще вернусь къ процессу Юханцева и расскажу, какое я вынесъ впечатлѣніе изъ трехдневнаго пребыванія въ судѣ во время этого процесса, а пока познакомлю читателя съ другимъ процессомъ, недавно разбиравшемся въ Рязскѣ,—процессомъ, невозбудившимъ, по обыкновенію, такого общественнаго вниманія, какое производятъ громкіе процессы вродѣ „юханцевскаго“, но тѣмъ не менѣе едва-ли незаслуживающимъ несравненно большаго вниманія, чѣмъ тѣ „causes célèbres“, на которыя сѣзжается публика, и на которыхъ блестятъ краснорѣчіемъ наши знаменитости обвиненія и защиты...

Само собою разумѣется, я не стану обобщать фактовъ, которые читатель прочтетъ въ обвинительномъ актѣ, подтвержденномъ судебнымъ слѣдствіемъ. Предоставляя читателю сдѣлать выводы, я только перепечатаваю извлеченіе изъ судебного процесса, напечатаннаго въ „Голосѣ“ (№ 45), причемъ долженъ замѣтить, что если мы имѣли возможность познакомиться съ этимъ дѣломъ на судѣ, то единственно благодаря мѣстной администраціи, нежелавшей приккрыть дѣйствія одного изъ незначительныхъ своихъ представителей и предавшей его суду, очень хорошо понимая въ данномъ случаѣ, что истина, какова-бы она ни была, лучше узнанія.

Какъ извѣстно, „маленькіе“ администраторы ближе всего соприкасаются съ населеніемъ, и потому всякая „незаконность“ дѣйствій ихъ отзывается непосредственно и буквально на спивахъ пасомага стада.

Дѣло, разбиравшееся въ Рязскѣ, носитъ названіе „дѣла о бывшемъ становомъ приставѣ, титулярномъ совѣтникѣ Павлѣ Яковлевичѣ Поповѣ, по обвиненію въ превышеніи власти и истязаніи крестьянъ за неплатежъ податей“.

Сущность обвинительнаго акта слѣдующая:

„По рѣшеніямъ ногайскаго, фофоновскаго, еголдаевского и марчуковскаго волостныхъ судовъ, рязскаго уѣзда, состоявшимися въ ноябрѣ и декабрѣ 1877 г., около 60 человекъ крестьянъ присуждены были, за неплатежъ числящейся за ними недоимки, къ наказанію розгами, причемъ приведеніе этихъ рѣшеній въ исполненіе было возложено на сельскихъ старостъ, подъ наблюденіемъ волостныхъ старшинъ. Между тѣмъ, рѣшенія эти приводилъ въ исполненіе приставъ 3-го стана рязскаго уѣзда Поповъ чрезъ своего кучера, Григорія Полозова, и разсылнаго, безсрочно-отпускнаго рядового Серапіонова, причемъ розги передъ сѣченіемъ распаривались въ печи, мочились въ соленой водѣ, обтирались соленою тряпкою, посыпались солью и мѣнялись послѣ нѣсколькихъ ударовъ, наносимыхъ съ такою силою, что многіе изъ наказываемыхъ теряли сознаніе. Предварительнымъ слѣдствіемъ, произведеннымъ по этому дѣлу, обнаружены слѣдующія обстоятельства: за два дня до Николы, какъ показали 25 крестьянъ чирковскаго общества, староста велѣлъ ихъ обществу со-

браться въ ногайское волостное правленіе, почему они и собрались въ числѣ 40 человекъ. Бывшій въ правленіи становой приставъ Поповъ потребовалъ отъ нихъ недоимки за 1877 годъ и, несмотря на ихъ просьбу дать срокъ для уплаты, настаивалъ на немедленномъ вносѣ всѣхъ недоимокъ. Такого требованія они исполнить не могли. Тогда волостной писарь, въ присутствіи волостныхъ судей и старшины, прочелъ имъ бумагу, по которой судьи приговорили ихъ за неплатежъ недоимокъ къ наказанію розгами. Послѣ этого становой велѣлъ отвести ихъ въ „холодную“, откуда они были требованы по-одиночкѣ въ сѣни, гдѣ и происходило наказаніе. Сѣкъ разсылный станового, Серапіоновъ, въ его присутствіи, причеъ становой приставъ кричалъ: „сѣки больнѣе, по командѣ, поднимай розги выше“! Въ это-же время сотскій, по приказанію станового, распаривалъ розги въ печкѣ, а пьяный разсылный посыпалъ солью мокрую ветошку, которою и обтиралъ розги во время сѣченія. Становой приставъ былъ настолько пьянъ, что чуть не отдалъ ногами голову крестьянину Ивану Кузьмину при его сѣченіи. Тутъ-же присутствовали волостной старшина и сельскій староста, которые поили водою тѣхъ, у кого „сердце закатывалось“. На заявленіе одного изъ крестьянъ, что у него болитъ грудь, и захватило глотку, становой сказалъ: „ложись, оно отлежится лучше“. Староста Яковъ Сысоевъ показалъ, что во время сѣченія онъ видѣлъ у Серапіонова тряпку, которою онъ вытиралъ розги послѣ двухъ-трехъ ударовъ; а становой приказывалъ сѣчь рѣже, „по уставу“; драли такъ жестоко, что страшно было смогрѣть; у нѣкоторыхъ изъ сѣченыхъ показывалась даже кровь — тогда имъ давали пить воду. Ногайскіе волостные судьи Петровъ, Алексѣевъ и Васильевъ объяснили, что они хотѣли дать отсрочку тѣмъ неплательщикамъ, которые изъявляли готовность внести недоимки втеченіи недѣли, но становой настаивалъ, чтобы они были наказаны розгами, причеъ стращалъ самихъ судей „представить ихъ къ исправнику“; когда судья назначали кому-нибудь пять или шесть ударовъ, становой „обижался“, и они были вынуждены прибавлять число ударовъ; при этомъ онъ былъ выпивши. Сотскій Григорій Ястребовъ рассказалъ, что, по приказанію станового пристава, онъ изготовилъ для сѣченія 18 пучковъ розогъ и распаривалъ ихъ на печкѣ, а разсылному своему становой приказывалъ солить розги, что имъ и было исполнено, для чего соль брали у него, Ястребова. Волостной старшина Алексѣй Кутлуковъ показалъ, что до 1877 года крестьяне никогда не наказывались розгами за неплатежъ недоимокъ, но становой приставъ Поповъ доказывалъ волостнымъ судьямъ, что они имѣютъ право наказывать розгами тѣхъ лицъ, которые не платятъ податей вслѣдствіе пьянства и нерадѣнія. Разсылный станового пристава, Иванъ Серапіоновъ, объяснилъ, что онъ сѣкъ крестьянъ въ ногайскомъ волостномъ правленіи по приказанію и въ присутствіи станового пристава, „подъ его командою“; по приказанію станового, розги были намочены, послонены и распарены въ печкѣ; но, сверхъ того, онъ, по распоряженію станового пристава, во время сѣченія, розги, послѣ двухъ-трехъ ударовъ, вытиралъ мокрою и соленою тряпкою. Становой велѣлъ ему сѣчь рѣже, сильнѣе и поднимать розги выше, причеъ переходить съ одной стороны на другую; становой самъ считалъ число ударовъ; почти у всѣхъ наказанныхъ выступала кровь; кому слѣдовало до двадцати ударовъ—того наказаніе приходилось раза четыре останавливать и давать имъ пить, такъ-какъ у нихъ „сердце закатывалось“; нѣкоторыхъ при сѣченіи держали за ноги и за голову; многимъ

становой предлагалъ, не хотять-ли они, чтобъ ихъ сбъкли черезъ мокрую соленую тряпку, убѣждая, что такъ будто-бы легче, но всѣ отказались. Волостной старшина никакихъ распоряженій относительно сбъченія не дѣлалъ, всѣмъ распоряжался становой, который при этомъ былъ выпивши. Самъ Серапионовъ выпилъ въ то время два стакана водки, которые ему поднесъ волостной писарь. Въ ногайскомъ онъ сбъкъ одинъ только разъ, а въ другихъ мѣстахъ и по два раза. Въ фофоновскомъ волостномъ управленіи онъ высъкъ чловѣкъ 20 или 30 также солеными розгами; послѣ николина дня сбъкъ въ еголдаевскомъ, а потомъ въ марчуковскомъ правленіи; онъ не помнитъ, солились-ли розги при сбъченіи, но, кажется, что вездѣ солились по первому-же разу. При судебно-медицинскомъ осмотрѣ крестьянъ, наказанныхъ въ ногайскомъ волостномъ правленіи, произведенномъ 12-го февраля 1878 года, на поясницахъ и заднихъ поверхностяхъ ляшекъ оказались бѣловатая пятна и полосы, происшедшія, по заключенію врача, отъ физическаго насилія, напримѣръ, отъ сбъченія розгами, и свидѣтельствующія, что на этихъ мѣстахъ были стружья; причемъ врачъ заявилъ, что наказаніе розгами при сильныхъ взмахахъ и рѣдкихъ ударахъ слѣдуетъ считать мучительнымъ и жестокимъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, если розги размачивались, солились и распаривались; относительно наказанія крестьянъ въ фофоновскомъ, еголдаевскомъ и марчуковскомъ волостныхъ правленіяхъ выяснилось слѣдующее: фофоновскіе волостные судьи Вершининъ, Петровъ, Каплинъ и Мастюковъ, показали, что они приговорили крестьянъ къ наказанію розгами за неплатежъ недоимокъ только въ настоянню станового Попова, который требовалъ этого, несмотря на ихъ просьбу дать крестьянамъ отсрочку; рѣшенія эти немедленно приведены становымъ приставомъ въ исполненіе черезъ своего разсыльнаго. Староста фофоновской слободы, Новиковъ, объяснилъ, что передъ сбъченіемъ Серапионовъ просилъ у него три копейки на покупку соли; староста Рыбалинъ показалъ, что судьи приговорили неплательщиковъ ямской слободы къ наказанію розгами по требованію станового пристава, который посѣщилъ исполнить эти приговоры при участіи пьянаго Серапионова. Сторожъ Александровъ и десятскіе Андросовъ и Кондратинъ согласно рассказали, что, по приказанію станового, передъ сбъченіемъ въ фофоновскомъ правленіи розги парились въ печкѣ и мочились въ соленой водѣ; соль, принесенную въ правленіе Андросовымъ, Серапионовъ частію развелъ въ горшкѣ съ водою, частію употребилъ на пересыпаніе мокрыхъ розогъ. Сверхъ того, у Серапионова въ рукахъ была мокрая соленая тряпка, которою онъ, по-временамъ, вытиралъ розги. Фофоновскій старшина объяснилъ, что онъ вовсе не просилъ станового пристава распоряжаться сбъченіемъ и оказывать ему въ этомъ содѣйствіе, но, будучи лицомъ подчиненнымъ, онъ не могъ становому въ этомъ препятствовать; приговоры эти приводились въ исполненіе, не выжидая мѣсячнаго срока, установленнаго для ихъ обжалованія, какъ ему извѣстно, вслѣдствіе предписанія исправника. Все это подтвердили и наказанные въ фофоновскомъ правленіи крестьяне, добавивъ, что ихъ сбъкли безъ всякаго милосердія, не на-животъ, а на-смерть; когда-же одинъ изъ нихъ, Алексѣй Дыкинъ, сталъ просить во время сбъченія воды, такъ-какъ у него „воспаленіе сердца“, то становой закричалъ: „соли ему, соли“. Еголдаевскіе волостные судьи, Гостевъ и Ивановъ, показали, что просили станового пристава дать неплательщикамъ отсрочку или разрешить имъ наказаніе виновныхъ арестомъ, но становой на это не согласился, и, по настоянію его, они приговорили недоимщиковъ къ наказанію

розгами, каковыя приговоры тотчасъ-же и были приведены въ исполненіе. То-же самое объяснили и марчуковскіе волостные судьи, Савельевъ и Константиновъ; Константиновъ добавилъ, что онъ хотѣлъ внести недоимку за одного изъ неплательщиковъ, но становой сказалъ ему на это: „когда вы съѣдемъ, тогда и внесемъ“. Относительно жестокости наказанія въ еголдаевскомъ и марчуковскомъ правленіяхъ свидѣтели объяснили то-же, что было разъяснено по отношенію къ еголдаевскому и марчуковскому правленіямъ. Подсудимый Поповъ, на предварительномъ слѣдствіи, виновнымъ себя ни въ чемъ не призналъ. Согласно опредѣленію рязанскаго правленія, титулярный совѣтникъ Павелъ Поповъ московскою судебною палатою преданъ суду рязанскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдатель по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 338-ю, 341-ю, 344-ю и 345-ю статьяма уложенія о наказ., т. е. въ томъ, что давленіемъ своей власти вынудилъ волостныхъ судей къ составленію приговоровъ о наказаніи неплательщиковъ податей розгами и принялъ на себя непринлежащую ему обязанность приведенія этихъ приговоровъ въ исполненіе ранѣ вступленія ихъ въ законную силу, причемъ наказаніе сопровождалось особенною жестокостію, выразившеюся въ томъ, что розги распаривались въ печи, мочились въ соленой водѣ, были обтираемы соленою тряпкою или посыпались солью и мѣнялись послѣ нѣсколькихъ ударовъ, наносимыхъ съ такою силою, что нѣкоторые изъ наказываемыхъ теряли сознаніе“.

На судебномъ слѣдствіи выяснились нѣкоторыя нелишенные поучительности подробности. Такъ, напр., оказалось, „что нѣкоторые крестьяне изъ ногайской волости, наказанные розгами за неплатежъ податей, надѣлены землею дурного качества, въ размѣрахъ около двухъ десятинъ на душу, а покосовъ вовсе не имѣютъ“. Затѣмъ, выяснилось, что передъ постановленіемъ волостными судьями приговора, писарь Дмитревскій и становой приставъ Поповъ объявили, что будто-бы „изъ губерніи пришла бумага — пороть за недоимки“. Волостные судьи единогласно показывали, что прежде никогда не наказывали розгами крестьянъ за недоимки, а также и въ этотъ разъ не желали ихъ сѣчь, находя возможнымъ дать неплательщикамъ отсрочку или приговорить ихъ къ аресту, о чемъ они, судьи, и просили станового пристава; но приставъ объявилъ, что если они прощаютъ неплательщиковъ, такъ онъ не прощаетъ, и принудилъ ихъ составить приговоръ о наказаніи недоимщиковъ розгами; за нѣкоторыхъ неплательщиковъ сами судьи вносили подати, но и это не помогло, — становой сѣкъ ихъ за то, что прежде не внесли недоимки.

По словамъ большинства свидѣтелей, „порка въ ногайскомъ волостномъ правленіи производилась въ сѣняхъ, на морозѣ, съ разсвѣта и до глубокой ночи, при свѣтѣ фонарей. Сѣкли очень медленно—ударять разъ, а черезъ четверть часа, другой разъ. Приставъ, пьяный, похаживалъ по сѣнямъ и курилъ папиросы“.

Одинъ изъ свидѣтелей, г. Петровскій, чиновникъ по особымъ

порученіямъ при губернаторѣ, производившій по этому дѣлу до знаніе, подтвердилъ все, что было имъ обнаружено при дознаніи, и, между прочимъ, рассказалъ, что „подобнымъ-же образомъ былъ наказанъ и 62-лѣтній старикъ, который плакалъ, рассказывая свидѣтелю объ этомъ“. По словамъ г. Петровскаго, подсудимый былъ въ должности всего 4 мѣсяца и немедленно уволенъ отъ должности послѣ возникновенія дѣла.

Подсудимый виновнымъ себя не признавалъ. Онъ отвергалъ моченіе розогъ въ соленой водѣ и посыпку ихъ солью. Онъ, дѣйствительно, спрашивалъ въ волостныхъ правленіяхъ соли, но „она нужна была ему для пищи“.

Волостные писаря и ихъ помощники (все свидѣтели, выставленные защитой) старательно умаляли значеніе фактовъ и говорили, что волостные суды составляли приговоры безъ всякаго вліянія со стороны бывшаго пристава.

Защитникъ подсудимаго, нѣкто г. Радзевичъ (присяжный повѣренный), не отрицая факта наказанія розгами, отвергалъ жестокость и выгораживалъ своего кліента отъ обвиненія въ давленіи при составленіи приговоровъ.

„Если говорить онъ, между прочимъ,—эти приговоры и можно объяснить нѣкоторымъ вліяніемъ подсудимаго, какъ станового, который уже однимъ своимъ появленіемъ въ селѣ производитъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе, то въ этомъ винить подсудимаго нельзя“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Радзевичъ высказалъ нелишенные остроумія взгляды на настойчивость при взысканіи недоимокъ, при чемъ эта настойчивость, по мнѣнію г. Радзевичъ, выгодна и государству, и самимъ крестьянамъ. „Если при этомъ нѣкоторымъ изъ нихъ и придется продать лошадь или корову, то все-же это не настолько тяжело, какъ продавать на слѣдующій годъ двухъ лошадей или двухъ коровъ и лишиться всего при уплатѣ податей за два года“.

Въ-концѣ-концовъ, защитникъ видѣлъ полное „безкорыстіе поступковъ подсудимаго“. Онъ безпрестанно получалъ предписанія отъ исправника „о неукоснительномъ пополненіи недоимокъ“ и постоянно находился подѣ страхомъ, что неуспѣхъ его можетъ быть истолкованъ въ смыслѣ его нераспорядительности или нерадѣнія по службѣ.

Такимъ образомъ, если вѣрить защитѣ, все дѣло происходило отъ усердія къ службѣ.

Присяжные признали подсудимаго виновнымъ въ превышеніи власти, а въ примѣненіи къ крестьянамъ истязаній признали виновнымъ. Судъ приговорилъ Попова къ заключенію въ крѣпости

на три мѣсяца. Небезынтересно будетъ прибавить, что въ составъ присяжныхъ засѣдателей по этому дѣлу вошли: два дворянина, одинъ купецъ, два мѣщанина и семь крестьянъ...

По поводу этого дѣла въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе: „Въ отдѣлѣ „Судебная хроника“ № 45 газеты „Голось“ былъ помѣщенъ отчетъ о засѣданіи рязанскаго окружного суда по дѣлу о бывшемъ становомъ приставѣ ряжскаго уѣзда Поповѣ, обвинявшемся въ превышеніи власти и жестокомъ наказаніи крестьянъ розгами за неплатежъ податей; въ передовой-же статьѣ по этому случаю проводилась мысль, что приставъ былъ вовлеченъ въ преступленіе циркуляромъ ряжскаго уѣзднаго исправника волостнымъ старшинамъ (отъ 14-го ноября 1877 г. за № 1,290), въ коемъ сдѣлано указаніе на право волостныхъ судовъ подвергать тѣлесному наказанію крестьянъ, ставшихъ несостоятельными къ платежу отъ разоренія своего хозяйства пьянствомъ.

„Существованіе этого циркуляра подтвердилось еще при производствѣ по дѣлу Попова административнаго разслѣдованія, а потому, какъ сообщаетъ нынѣ рязанскій губернаторъ, одновременно съ привлеченіемъ станового пристава къ уголовной отвѣтственности, ряжскому исправнику была поставлена на видъ вся неправильность и неумѣстность сдѣланнаго въ циркулярѣ разъясненія, съ подтвержденіемъ устранить на будущее время повтореніе подобнаго вопіющаго обращенія съ крестьянами, впавшими въ несостоятельность къ платежу податей, и затѣмъ губернаторомъ исправникъ переведенъ въ другой уѣздъ“.

Довольно сѣренькихъ картинокъ.

Переходъ отъ трагическаго къ комическому самый обыкновенный, а потому перенесемъ, читатель, изъ благополучнаго Ряжска въ добрый городъ Петербургъ и отправимся въ окружной судъ слушать знаменитое юханцевское дѣло или, что будетъ вѣрнѣе, дѣло о посрамленіи администраціи взаимнаго поземельнаго кредита.

Здѣсь мы будемъ въ самомъ культурномъ обществѣ. Нервы наши не пострадаютъ при видѣ подтековъ и рубцовъ и при слушаніи длиннѣйшихъ объясненій о способахъ порки. Напротивъ, здѣсь все будетъ прилично, благовоспитанно и солидно. На скамьѣ подсудимыхъ мы увидимъ бывшаго кассира поземельнаго кредита, еще годъ тому назадъ блестящаго „молодого человѣка“, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ „божіихъ младенцевъ“ и кредитомъ изъ кассы общества, который онъ открывалъ са-

тому себѣ втеченіи семи лѣтъ, подь-носомъ у „образцовой“ администраціи, въ неограниченномъ размѣрѣ, и если ограничилъ размѣръ этотъ только двумя миліонами, то, единственно, благодаря обстоятельствамъ, отъ администраціи банка независающимъ. Въ качествѣ свидѣтелей, но скорѣе похожихъ на подсудимыхъ, передъ нами пройдетъ рядъ опытныхъ, „уважаемыхъ“ администраторовъ поземельнаго кредита, рядъ божіихъ младенцевъ и служащихъ начиная съ управляющаго дѣлами общества и кончая маленькимъ контролеромъ, который все могъ объяснить, но только не могъ объяснить одного—что такое контроль... Затѣмъ въ качествѣ обыкновенныхъ свидѣтелей передъ нами промелькнетъ немало дѣльцовъ банковскихъ конторъ и биржи, жрецовъ двойной бухгалтеріи, два артельщика и цыганка. Послѣдніе трое—единственные, не принадлежащіе къ культурному слою. Остальные—все или „уважаемые“, или „опытные“, или, наконецъ, просто „дѣльные“ и „солидные“ люди, начиная съ сенатора Салькова и кончая помощникомъ бухгалтера Шитиковымъ, который съ удивительнымъ апломбомъ и отвагой казывалъ на судѣ, какой онъ прелестный бухгалтеръ, и объяснял, что бухгалтерія есть вещь, а прочее все—гиль, хотя бухгалтеры поземельнаго кредита и проглядѣла (впрочемъ, на бухгалтерскомъ основаніи) два миліона.

Я не стану дѣлать выводовъ изъ этого поучительнаго процесса и не стану касаться ни общихъ, ни частныхъ причинъ чудовищной административной „халатности“, какъ слѣдствія организаціи названнаго общества, отнимающей право голоса у большинства, такъ-какъ это заставило-бы повторить отъ слова до слова всѣ тѣ соображенія, которыя я уже имѣлъ случай предложить вниманію читателей нашего журнала въ особой статьѣ, посвященной исключительно обществу взаимнаго поземельнаго кредита (Внутреннее обозрѣніе. „Дѣло“ 1878 г., № 4). Я только попробую набросать картинку процесса, характеристики участниковъ и намѣтить особенности рѣчей обвиненія и защиты.

Мы въ храмѣ „правды и милости“, куда, впрочемъ, да звать насъ съ вами Господь Богъ попасть въ качествѣ поддѣлѣмаго. Послѣ очистительной дезинфекціи, которую съ особеннымъ усердіемъ произведутъ въ вашей душѣ, въ вашихъ помышленіяхъ, вольныхъ и невольныхъ, послѣ экскурсіи за вашими порывами или добродѣтелями въ боковыя линіи вашихъ родственниковъ, которіе сдѣлаютъ обвиненіе и защита (одна — съ цѣлью доказать, что вы первый негодій въ подлунной, другая — что вы самый добродѣтельный человѣкъ), въ вашемъ сердцѣ еще надолго останется запахъ прокурорской карболовой кислоты или персидскаго пороху защиты и ощущеніе чужихъ пальцевъ, съ юридической любез-

Ностью залѣзшихъ въ самую глубь вашего существа и копошащихся тамъ, словно у себя въ жилетномъ карманѣ. Долго еще вы будете обходить этотъ храмъ, хотя-бы и вышли оттуда чисты, какъ голубь, и непорочны, какъ Лохвицкій, недавно обрѣтшій невинность въ сенатѣ, гдѣ доказалъ, какъ дважды-два—четыре, что понятіе о честности— вещь относительная — одна для обыкновенныхъ людей, а другая для адвокатовъ.

Поднимаемся по широкой лѣстницѣ во второй этажъ. Въ коридорѣ уже дожидается публика, жаждущая попасть въ залу засѣданій. Но еще рано, — еще только десять часовъ, а засѣданіе назначено въ одиннадцать, — и публика разгуливаетъ по коридору, а городовые охраняютъ заповѣдныя барьеры, закрывающіе входъ въ мѣста, отведенныя для публики.

Конечно, идутъ разговоры о Юханцевѣ. Въ глазахъ большинства онъ сегодня такой-же злодѣй, какъ въ глазахъ того-же большинства вчера онъ былъ неглухой и дѣльный человѣкъ, умѣющій жить, благонадежный джентльменъ, могущій со-временемъ быть столпомъ какого-нибудь учрежденія...

— Будетъ-ли онъ показывать всю правду? слышатся любопытные голоса.

— Расскажетъ-ли онъ пикантныя подробности о томъ, какъ онъ кутилъ въ „Ташкентѣ“ и „Самаркандѣ“?

— Объявитъ-ли онъ, куда дѣвались два миліона?

— Ну, не совсѣмъ-же онъ дуракъ! замѣчаетъ какой-то господинъ.

— А что?

— А то, что не станетъ онъ входить въ подробности.

— Ахъ, это такъ интересно! говоритъ молодая дама.

— Интересно-то интересно, да только намъ съ вами, а не ему.

— Да ему не все-ли равно?

— Разумѣется, нѣтъ. Насъ-то, публику, онъ потѣшитъ, а послѣ, пожалуй, эта потѣха на немъ и отзовется. Вѣроятно, онъ будетъ больше помалчивать. Скромность никогда не мѣшаетъ. Пожалуй, она и въ мѣстахъ отдаленныхъ пригодится.

Въ числѣ чающихъ процесса дамы были въ замѣтномъ большинствѣ. Я замѣтилъ, что дама вообще очень любитъ ходить въ судъ и слушать процессы, да при этомъ она умѣетъ какъ-то устроить себѣ лазейку и пробраться въ залу засѣданія даже и тогда, когда всѣ мѣста полны, никого безъ билета не пускаютъ, и нашъ братъ никакъ туда не попадетъ, если только незнакомъ съ судебнымъ приставомъ или не принадлежитъ къ числу почетныхъ посѣтителей. А дама на этотъ счетъ удивительно юрка и сообразительна... Пробретется она, несмотря на давку, и, пожираемая лю-

бопытствомъ (особенно, если процессъ почему-либо общается бытъ пикантнымъ, и о немъ толкуютъ въ газетахъ), она готова сдѣлать глазки даже городовому, такъ-что тотъ плюнетъ и пропуститъ тронетъ сердце судебного пристава, пуская въ ходъ и мольбу и убѣжденія, и какое-нибудь важное имя изъ судейскаго міра,—сдѣлай, она ужъ и прошмыгнула въ двери, вошла въ мѣста для публики, пріютилась гдѣ-нибудь на хорошемъ мѣстѣ (непремѣнно найдется мягкосердый, особенно, если дама не старше пятидесяти лѣтъ и умѣетъ проникать въ сердце) и торжествуетъ, что такъ умѣючи миновала всѣ подводные камни и узкости...

Толпа хлынула къ барьерамъ... На дѣло Юханцева впускали не по билетамъ, и потому многіе, какъ говорятъ, забрались въ судъ съ ранняго утра... Начался впускъ... Судебные пристава просили публику не торопиться, а городовые упрашивали „полегче“... Двери наконецъ, захлопнулись, и многіе остались въ горѣ, больше мѣста не было...

— Г. приставъ, ради Бога! слышится женскій голосокъ.

— Не могу...

— Мнѣ необходимо, вы понимаете, необходимо!

— Ей-богу, не могу... Больше мѣста нѣтъ...

— Но вы, однако, пропустили только-что одну даму въ черной шляпкѣ... Ей, однако, нашлось мѣсто...

— Она раньше пришла...

— Послушайте, г. приставъ, умоляю васъ... ну, только одну меня пропустите... Ну, много-ли я займу мѣста?

Въ тонѣ звучитъ мольба; на молодомъ свѣжемъ лицѣ таваля просящая улыбка, въ манерахъ столько кокетства и вкрадчивости, что приставъ продолжаетъ переговоры и, чувствую я, сейчасъ сдастся...

Барыня угадала это тотчасъ-же и быстро заговорила:

— Я не стала-бы васъ беспокоить ради одного любопытства... ей-богу, нѣтъ... Вы поймите, что мнѣ можно сдѣлать исключеніе...

— Но почему-же?

— Я родственница Юханцева!

Въ публикѣ веселый смѣхъ. Сама барыня улыбается своей мыслью. Улыбается и приставъ.

— Ну, подождите... Я посмотрю, есть-ли мѣста...

— Смотрите-же...

Черезъ пять минутъ она уже прошла, эта „родственница“ Юханцева.

Благодаря билетамъ на право входа въ залу засѣданія, обязательно присланнымъ во всѣ редакціи предсѣдателемъ окружного

суда А. Ф. Кони, мы съ вами безпрепятственно проходимъ черезъ барьеръ, идемъ въ залу и пробираемся въ мѣста, отведенныя для представителей печати. Въ этихъ мѣстахъ мы будемъ видѣть все отлично.

Сзади публика весело хохочетъ, въ ожиданіи начала этого судебного представленія... Всѣ свободныя мѣста вездѣ заняты... Мѣста для почетныхъ посѣтителей повсему наполняются... Степोगрафы уже заняли свои мѣста... Защитники въ залѣ... Скоро одиннадцать часовъ...

Наконецъ, отворилась дверь изъ комнаты для подсудимыхъ, и между двумя жандармами съ саблями на-голо быстро вошелъ подсудимый, поднялся на возвышеніе, гдѣ устроена скамья для подсудимыхъ; прошелъ въ ковѣчь и скромно сѣлъ, не поднимая головы.

Всѣ глаза устремились на подсудимаго. Дамы наставили бинокли и лорнеты, точно въ театрѣ, когда появляется теноръ или баритонъ.

Лицо ординарное: нѣсколько одутловатое, окаймленное небольшою бородой, — словомъ, ничего такого, отъ чего дама могла-бы придти въ восторгъ. Плотная фигура была одѣта въ потертый, но безукоризненно-шитый пиджакъ, изъ бокового кармана котораго выглядывалъ кончикъ носового платка. Подсудимый сидѣлъ, опустивъ голову.

Пришелъ судъ. Послѣ повѣрки свидѣтелей и выбора присяжныхъ засѣдателей, началось чтеніе длиннаго обвинительнаго акта. Послѣ окончанія чтенія, на вопросъ предсѣдателя, признаетъ-ли подсудимый себя виновнымъ въ присвоеніи суммъ около двухъ миліоновъ и подлогахъ, подсудимый отвѣтилъ тихимъ голосомъ, что признаетъ себя виновнымъ въ растратѣ, но въ подлогахъ не признаетъ, и затѣмъ вошелъ въ нѣкоторыя подробности относительно того, какъ онъ бралъ изъ кассы деньги.

Онъ началъ съ жалобы на свою жену и несчастія свои объяснялъ семейной жизнью. Къ чему онъ припуталъ сюда женщину, съ которой давно разошелся, было совсѣмъ непонятно. Если онъ думалъ тронуть этимъ присяжныхъ, то онъ ошибся, такъ-какъ эта часть показанія производила крайне скверное впечатлѣніе, и никто этому не повѣрилъ. Помимо этого эпизода, остальные его показанія, въ которыхъ дѣло шло о растратѣ, казались искренними и правдивыми, и, слушая его, вы словно слышали одного изъ тѣхъ легкомысленныхъ червонныхъ валетовъ нашего времени, безхарактерныхъ, тщеславныхъ, готовыхъ ради того, чтобы пустить пыль въ глаза, на всякую пакость, которые нерѣдко являются на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ воровалъ и бросалъ деньги:

снова тащилъ изъ кассы и снова просаживалъ ихъ, на что-то надѣясь и ни о чемъ не думая. Онъ видѣлъ, что ему довѣряютъ, что члены правленія никогда не провѣряли кассы настоящимъ образомъ, и спокойно-себѣ бралъ изъ государственнаго банка дачи за счетъ общества, закладывалъ бумаги, а въ правленіи же продолжали его считать прекраснымъ кассиромъ... Нерѣдко, когда управляющій уѣзжалъ на дачу, онъ получалъ чеки съ бланкомъ управляющаго, самъ проставлялъ суммы, часть бралъ на свои потребности, а другую на расходы общества и бухгалтеріи, ставилъ свѣденія о суммахъ, конечно, неправильныя; а когда члены правленія провѣряли бухгалтерскія записи съ корешками чековъ, то кассиръ самъ читалъ цифры на корешкахъ, а члены правленія только кляли на счетахъ. Разумѣется, онъ говорилъ имъ ложныя цифры. Въ этомъ и была повѣрка.

— Былъ какой-нибудь контроль относительно чековъ? спрашиваетъ предсѣдатель.

— Никакого не было. Когда управляющій возвращался съ дачи, я лично докладывалъ ему, что взялъ на такую-то сумму изъ государственнаго банка.

— Управляющій не записывалъ числа чековъ и суммы, въ какую они вамъ даны,—словомъ, не устанавливалось-ли какого-нибудь контроля?

— Никакихъ правилъ и никакого руководства не было.

Начался спросъ свидѣтелей и тутъ-то передъ зрителями прошелъ рядъ высоко-комическихъ сценъ. Оказалось, что въ обществѣ взаимнаго поземельнаго, кредита никакихъ правилъ, никакого контроля не было, хотя изъ года въ годъ и составлялись отчеты, вотировались благодарности правленію, велись отлично написанныя бухгалтерскія книги, и ревизіонныя комисіи ежегодно свидѣтельствовали, что онѣ „имѣли случай убѣдиться, что дѣйствительное состояніе кассы, количество находящихся въ ней наличныхъ суммъ, цѣнностей и процентныхъ бумагъ совпадаетъ съ данными бухгалтерскихъ книгъ, и что между итогами книгъ и результатами баланса существуетъ полная тождественность. Независимо отъ этого, рассмотрѣвъ внимательно главную книгу общества и свѣряя отдѣльныя ея статьи съ цифрами прочихъ ведомостельныхъ книгъ и документовъ, комисія пришла къ заключенію, что книги общества ведутся въ отличномъ порядкѣ, и принятая правленіемъ система веденія ихъ заслуживаетъ полную одобренія, такъ-какъ даетъ возможность въ самое непродолжительное время получать желаемыя справки“.

Передъ судомъ маленькій господинъ. Это контролеръ (теперь кассиръ) Мерцъ. Вотъ образецъ діалога между защитникомъ и

г. Мерцомъ, когда его допрашивали о его обязанностяхъ, какъ контролера.

— Такимъ образомъ, контроля за кассою вы не имѣли, повѣрки вѣдомостей по документамъ о состоянїи кассы,—всего этого не было?

— Не было.

— Такъ-что, позвольте васъ спросить, что-же такое у васъ называлось контролемъ?

Молчаніе.

— Когда производилась ревизія, въ то время уже были слухи, что Юханцевъ живетъ очень широко? между прочимъ, спрашивалъ защитникъ.

— Да.

— Какимъ-же образомъ ревизоры не замѣтили ни печати съ птицею, ни печати „для пакетовъ“?

— Не могу сказать. Я ничего не знаю.

Оказалось, какъ читатель увидитъ, что въ этомъ обществѣ никто ничего не зналъ изъ того, что-бы слѣдовало знать.

Мѣсто маленькаго контролера занимаетъ высокій, солидный управляющій дѣлами общества, Н. Э. Герстфельдъ. Онъ даетъ показанія искреннія и подробныя. Онъ не сваливаетъ вину на членовъ правленія, хотя-бы и могъ это сдѣлать. Вы видите передъ собой администратора, зорко слѣдившаго за всѣмъ, но проглядѣвшаго главное. Вы видите лично честнаго и добросовѣстнаго чловѣка, но простодушіе и довѣрчивость котораго на судъ выяснились съ поразительной рельефностью, словно-бы говоря зрителямъ, какое грандіозное простодушіе было во главѣ учрежденія. Чтобы не повторять характеристики управляющаго, я выпишу слова, которыя я о немъ говорилъ еще въ прошломъ году (Внутр. Обзор. „Дѣло“, № 4). Вотъ что тогда я писалъ:

„Управляющій дѣлами общества взаимнаго поземельнаго кредита, Николай Эдуардовичъ Герстфельдъ, безспорно, безукоризненно-честный чловѣкъ, добросовѣстный, усидчивый работникъ, искренній радѣтель на пользу общества взаимнаго поземельнаго кредита, дѣлами котораго онъ управляетъ со времени его основанія. Сперва преображенскій офицеръ, потомъ членъ повгородской земской управы, и, наконецъ, руководитель обширнаго дѣла, которому онъ искренне преданъ, Н. Э. Герстфельдъ, какъ оказывается, едва-ли обладалъ всѣми качествами, необходимыми для веденія такого громаднаго дѣла, и лично мнѣ искренно жаль, что такой добросовѣстный чловѣкъ въ настоящее время несетъ тяжелую нравственную пытку отчасти за свое незнаніе людей и излишнюю деликатность, весьма похвальную въ частной жизни

иногда совсѣмъ неумѣстную въ общественныхъ дѣлахъ. Трудобивый работникъ самъ, воспитанный въ суровыхъ правилахъ военной дисциплины, пробывшій молодые свои годы въ военной службѣ, онъ слишкомъ много обращалъ вниманіе на форму, слишкомъ и заслуженно цѣнилъ бюрократическіе порядки, обращая вниманіе на мелочи, и опускалъ изъ вида существенное. Всегда за работой, всегда составлявшій какую-нибудь таблицу или углубившій въ бухгалтерскіе счета, испытывавшій мученія, если въ бухгалтерскомъ балансѣ нельзя было доискаться копейки, онъ, однако, представлялъ болѣе данныхъ превосходнаго исполнителя, чѣмъ руководителя дѣла. Инициативы въ немъ было недостаточно для этого.

„Но то, къ чему, въ самомъ дѣлѣ, онъ относился съ опредѣленной строгостью,—то-же самое въ другихъ не вызывало въ немъ той-же строгости, и онъ, напротивъ, черезчуръ снисходительно для общественнаго дѣятеля относился къ той шаткости повѣтій относительно щекотливыхъ вопросовъ въ другихъ, которая друго-го, болѣе строгаго, человѣка заставила-бы быть гораздо болѣе осторожнымъ. Необыкновенно-довѣрчивый къ людямъ, слишкомъ бухгалтеръ въ душѣ, чтобы знать хорошо людей, и слишкомъ добрый человѣкъ, чтобы подозрѣвать лицемѣріе подъ видомъ простодушія, самъ простодушный, Н. Э. Герстфельдъ довѣрялъ людямъ, къ которымъ привыкъ, съ которыми сотрудничалъ съ основанія общества. Щекотливый къ чести учрежденія, съ нѣсколь-ко военно-бюрократическимъ пошибомъ къ дисциплинѣ, г. Герстфельдъ въ то-же время не могъ и подозрѣвать, чтобы кассиръ въ состояніи былъ столь безсовѣстно нарушить довѣріе. Нѣтъ сомнѣнія, что до г. Герстфельда доходили слухи о роскошной жизни, и нѣтъ сомнѣнія, что и „внезапныя ревизіи“ были вызваны, по инициативѣ г. Герстфельда, этими слухами. Точно такъ, по всей вѣроятности, г. Герстфельдъ и говорилъ осторожно по поводу этихъ слуховъ съ самимъ кассиромъ, и, разумѣется, кассиру ничего не стоило успокоить довѣрливаго начальника и объяснить эти слухи какъ-нибудь такъ, что простодушіе г. Герстфельда удовлетворилось. Самъ онъ, конечно, не повѣрялъ кассѣ, быть-можетъ, онъ и не зналъ, какъ повѣряется касса, но, тѣмъ не менѣе, эта боязнь принять радикальныя мѣры съ самаго возникновенія слуховъ дѣлаетъ г. Герстфельда нравственно-отвѣтственнымъ.

„На что-же пошла свыше-десятилѣтняя дѣятельность въ учрежденіи?.. Развѣ для того, чтобы, въ-концѣ-концовъ, во-очію увидать несовершенство бюрократическаго начала и убѣдиться, что это начало, какъ-бы ни были регулированы хорошо правила дисципли-

ы, не содержитъ въ себѣ жизненнаго начала, а скрываетъ подъ лескомъ канцелярскаго порядка и централизаціи гниль и мертвечину“.

Послѣ показаній г. Герстфельда на судѣ, я прибавлю къ этой характеристикѣ только одно, что простодушіе его, какъ администратора, оказалось гораздо болѣе, чѣмъ выражено въ приведенной выпискѣ. Во всемъ остальномъ я остаюсь при прежнемъ мнѣніи, и это мнѣніе еще болѣе усилилось во мнѣ послѣ того, какъ я видѣлъ г. Герстфельда на судѣ въ качествѣ свидѣтеля. Онъ вытерпѣлъ пытку и, конечно, заслуженную; онъ былъ иногда комиченъ, иногда жалокъ, но онъ не былъ смѣшонъ, какъ были смѣшны божіи младенцы—члены правленія...

Онъ „забылъ о чекѣ“, какъ самъ сознался на судѣ. Онъ не зналъ, что государственный банкъ выдаетъ текущій счетъ. Онъ доврчиво относился къ Юханцеву даже тогда, когда пронеслись слухи объ его жизни. Обо всемъ этомъ онъ самъ чистосердечно рассказывалъ на судѣ, давая показанія. Ясно было, что, занимая такую должность, онъ былъ не на своемъ мѣстѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видно было, что искренне думалъ, что ведетъ дѣло хорошо и работалъ надъ нимъ, хотя и „дѣло“ видѣлъ тамъ, гдѣ другой, менѣе простодушный, усмотрѣлъ-бы одну формальность и пустилки.

Въ залу суда входитъ изящно одѣтая во все черное красивая брюнетка. Всѣ жадно смотрятъ на нее... Это знаменитая цыганка Шишкина... Любопытство публики возбуждено. Ждутъ интересныхъ показаній, думаютъ, что это дитя цыганскаго хора не устоитъ подъ перекрестными допросами обвиненія и защиты и станетъ болтать съ легкомысліемъ женщины. Но всѣ ошиблись. Цыганка держала себя съ достоинствомъ, а сказала ровно столько, сколько было нужно, ни на полдюйма больше. На вопросъ защиты, когда она познакомилась съ Юханцевымъ, она отвѣчала: „Два года и три мѣсяца назадъ.—В. Гдѣ?—О. Въ Петербургѣ.—В. А не въ окрестностяхъ?—О. Это правда.—В. Что онъ — пріѣзжалъ въ компаніи?—О. Да, но припомнить тѣхъ, кто былъ съ нимъ, я не могу.—В. Константинъ Фелейзенъ былъ съ нимъ?—О. Навѣрное сказать не могу.—В. У Юханцева бывали обѣды въ назначенные дни?—О. Бывали.—В. Бывали парадные обѣды?—О. Бывали.—В. Вы познакомились съ нимъ въ „Самаркандѣ“?—О. Это было въ „Ташкентѣ“.—В. Онъ часто потомъ ѣздилъ въ „Ташкентъ“?—О. Да, часто.—В. Каждый день?—О. Не каждый день, а очень часто.—В. Онъ пріѣзжалъ съ товарищами, въ большой компаніи?—О. Да.—В. Много денегъ тратилъ тамъ?—О. Я не знаю.—В. Бывали роскошные пикники?—О. Пикниковъ я не ви-

дѣла. Ужинали, бывало.—В. Не случилось-ли, когда вы жили съ нимъ, ѣздить на пикники въ „Самаркандъ“, въ „Ташкентъ“?—О. Случалось.—В. Бывали парадные пикники?—О. Былъ весной.—В. Не случилось-ли разъ, что полковая музыка играла тамъ?—О. Разъ или два было, вѣрно не могу сказать.—В. Дорого этотъ вечеръ стоилъ?—О. Этого я не могу знать.—В. Когда играла полковая музыка, въ это время заведеніе запиралось, такъ-что другой публики не впускали?—О. Не знаю.—В. Другой публики въ тамъ тогда не встрѣчали?—О. Нѣтъ“.

Такъ отъ нея больше и не добились ничего, и она ушла изъ залы, не оправдавъ ожиданій.

Я не стану говорить о разныхъ свидѣтеляхъ, промелькнувшихъ передъ нами, и прямо перейду къ бывшимъ членамъ пріемленія... Передъ нами графъ Крейцъ, старый господинъ; онъ держитъ себя не безъ величія. Онъ плохо помнитъ недавно прошедшее и часто отзывается запятованіемъ, — „этого я не припомню“, „это было такъ давно“ и т. п. Слушая этого почтеннаго графа, казалось, что еслибы спросили у него, помнитъ-ли онъ, что получалъ жетонное вознагражденіе, то и тогда-бы онъ сказалъ, что „это было такъ давно“. Но объ этомъ его, разумѣется, не спрашивали. Онъ не помнитъ, на основаніи какихъ данныхъ составлялись бухгалтерскія книги. Онъ не припомнитъ, давало-ли правленіе какую-нибудь инструкцію управляющему и бухгалтеру. Онъ не помнитъ, на чемъ основывалось его удостовѣреніе, что касса на лицо... Впрочемъ, кое-что и онъ наконецъ-же вспомнилъ.

— Какія вы средства принимали, чтобы провѣрить кассу? спрашиваетъ зачитникъ.

— Мы старались болѣе усложнить порядокъ движенія суммъ! отвѣчаетъ графъ.

— Какой-же вы инструкции держались: такой, какая въ казначействѣ?

— Я не знаю, какая инструкція въ казначействѣ.

— Проектъ вашихъ инструкцій на какомъ основаніи составлялъ?

— Это такъ давно было, что трудно сказать.

Затѣмъ далѣе:

— Было ежедневное наблюденіе за кассой?

— Никакихъ ежедневныхъ наблюденій не было.

— Слѣдовательно, ни со стороны правленія, ни со стороны управляющаго за кассою наблюденія не было?

— Нѣтъ.

И графъ Крейцъ ушелъ съ миромъ, чтобы дать мѣсто г. Познанскому. Г. Познанскій явился съ видомъ оскорбленной невин-

ности. Онъ гордо держалъ свою голову, возвышалъ голосъ и, казалось, призывалъ само небо въ свидѣтели, что лучшихъ членомъ правленія не было, нѣтъ и не будетъ, и если произошла растрата, то въ этомъ виновать,—кто-бы вы думали?.. Въ этомъ виновать — „фокусъ“...

„Я считаю долгомъ (возвышая голосъ и поднимая высоко голову) заявить передъ судомъ, въ силу принятой мною присяги, что систему проверки мы имѣли право считать вполне насъ и общество гарантирующею, и она соблюдалась нами крайне аккуратно и съ полною, совершенною точностью. Если въ ней были недостатки, то такого рода, которые заключались въ томъ, что какъ-бы былъ расчетъ на могущій быть обманъ зрѣнія въ членахъ правленія и основанный на этомъ явленіи фокусъ. Мы противъ этого не принимали мѣръ, потому что служащіе не представляли такихъ данныхъ, по которымъ мы могли-бы предполагать что-нибудь подобное“...

Г. Познанскій легко оскорбляется. Во всякомъ вопросѣ онъ усматриваетъ сомнѣніе въ томъ, что гг. члены правленія — страдалцы за правду... Онъ то-и-дѣло возвышаетъ голосъ и поглядываетъ вокругъ съ такою комическою гордостью, точно два миліона, которые выкралъ изъ-подъ носа втеченіи 7-ми лѣтъ кассиръ, вновь найдены, и напрасно поднято все это дѣло... Явленіе этого свидѣтеля значительно развлекало публику, такъ-какъ высококомическое зрѣлище публичнаго самохвальства въ виду только-что бывшихъ показаній, ясно засвидѣтельствовавшихъ, что въ правленіи никакого порядка не было, не могло не быть въ высшей степени комичнымъ. Но г. Познанскій все продолжалъ въ томъ-же тонѣ, и когда предсѣдатель спросилъ его: „каждый-ли разъ разсматривались подробно и внимательно печати на пакетахъ, и что онъ думаетъ на этотъ счетъ“, то г. Познанскій снова гордо поднялъ голову и произнесъ такую тираду:

„Я никакого сомнѣнія не имѣлъ и не имѣю въ томъ, что каждый изъ членовъ правленія былъ вполне внимателенъ къ своимъ обязанностямъ. Мы всѣ, члены правленія, до такой степени добросовѣстно относились къ этимъ обязанностямъ (начинаетъ возвышать голосъ), что я не допускаю возможности предположенія, чтобы кто-нибудь изъ насъ относился небрежно (громко и съ апломбомъ). Я считаю просто оскорбительнымъ подобнаго рода предположенія“.

Когда предсѣдатель спросилъ за тѣмъ: какимъ образомъ одинъ изъ пакетовъ оказался запечатаннымъ печатью съ надписью „для пакетовъ“, то г. Познанскій отрывисто и съ неудовольствіемъ произнесъ:

— Это дѣло слѣдствія!

Ясно, что онъ считалъ унижительнымъ объяснить суду, какъ было дѣло. Онъ вѣрилъ, что члены правленія были самые добросовѣстные члены—и дѣло съ концомъ. Что дѣлать съ такимъ иррующимъ человѣкомъ? Оставалось послѣ такихъ отвѣтовъ на предложение предсѣдателя оставить въ покоѣ г. Познанскаго и болше не допрашивать его, что стороны и сдѣлали. Впрочемъ, и того, что говорилъ Познанскій, было слишкомъ довольно... Публика только пожалѣла, что первый комикъ сошелъ со сцены...

Не новый типъ явилъ изъ себя этотъ свидѣтель. Такихъ мы видѣли и еще увидимъ въ разныхъ нашихъ частныхъ учрежденіяхъ. Мнѣ, напримѣръ, рассказывали объ одномъ членѣ правленія, который, пользуясь повышеніемъ бумагъ, дѣлаемыхъ искусственно тѣмъ правленіемъ, въ которомъ онъ служилъ, продавалъ кассу-же правленія свои бумаги и, такимъ образомъ, обманывалъ общество, гдѣ онъ служилъ. Но такіа продѣлки онъ не считалъ ни во что. Но попробовали-бы вы ему сказать, что онъ не только недобросовѣстенъ, а просто небреженъ, такъ, Боже мой, въ какомъ величіи и негодованіи представлялся этотъ господинъ... Просто страшно становилось за человѣка...

Познанскаго смѣнилъ г. Сальковъ; г. Салькова — графъ Гейденъ, графа Гейдена—г. Гейкеръ... Они всѣ что-нибудь да сказали, но, въ-концѣ-концовъ, оказывалось изъ ихъ словъ, что они не знали, а вообще „слѣдили“...

„Великій богъ земли русской!“ можно было сказать, когда послѣ трехдневнаго присутствія въ судѣ, мы во-очію увидели, какъ ведутся дѣла въ одномъ изъ солиднѣйшихъ учреждений... Юханцева, какъ вы знаете, присудили къ ссылке. Прокуроръ, князь Урусовъ, тотъ самый, который началъ свою адвокатскую карьеру защитой бывшаго предводителя владимірскаго дворянства, обвинявшагося въ растратѣ дворянскихъ денегъ, и остроумно объяснилъ тогда, что предводитель дворянства оказалъ себѣ „самопомощь“, а не растратилъ деньги, но безъ таланта разрисовалъ теперь Юханцева, тоже оказавшаго себѣ „самопомощь“, извергомъ, которому и сто въ Сибири. Защитникъ произнесъ очень умную рѣчь, особенно половину ея, гдѣ пробовалъ коснуться условій, создавшихъ Юханцевыхъ, но отъ этого подсудимому было, конечно, не легче...

Но, кромѣ подсудимаго, въ глазахъ общества вышли изъ суда въ качествѣ подсудимыхъ и наши администраторы частныхъ учреждений, показавшихъ на судѣ себя во всей своей прелесть.

Почетительнаго было довольно.

Откровенный Писатель.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

четвертое издание книги:

ПОПУЛЯРНАЯ ГИГИЕНА,

Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы въ
средѣ народа.

Соч. **КАРЛА РЕКЛАМА** (профессора медицины въ Лейпцигѣ)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ВОЕННОЙ ГИГИЕНЫ

Соч. **Д-ра ВЕЙМАНА.**

(Швейцарскаго гигиениста.)

Издание редакціи журнала „Дѣло“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ТЕОРІЯ ЕСТЕСТВЕННАГО ПОДБОРА.

ОЧЕРКИ **АЛЬФРЕДА РОССЕЛЯ ВАЛАСА.**

Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ

Э. РЕКЛЮ (м. ТРИГО.)

(Биографіи и характеристики). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

При этомъ № помѣщены объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1879 г.; 2) объ изданіи еженедѣльнаго журнала „Новое Время“.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1879 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые
подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДѢЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
„ за-границу	19 „

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручительствомъ гг. назначеевъ.

Издатель Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ. Редакторъ Н. ШУЛЬГИНЪ.

